МОЙ
ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ

АГАТА КРИСТИ

Мисс Марпл
Агата Кристи

Аннотация
Untitled
КАРИБСКАЯ ТАЙНА
Глава 1. МАЙОР ПАЛГРЕЙВ РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ
Глава 2. МИСС МАРПЛ СРАВНИВАЕТ
Глава 3. СМЕРТЬ В ОТЕЛЕ
Глава 4. МИСС МАРПЛ ТРЕБУЕТ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
Глава 5. МИСС МАРПЛ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ
Глава 6. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ
Глава 7. УТРО НА ПЛЯЖЕ
Глава 8. РАЗГОВОР С ЭСТЕР ВОЛТЕРС
Глава 9. МИСС ПРЕСКОТТ И ДРУГИЕ
Глава 10. РЕШЕНИЕ В ДЖЕЙМСТАУНЕ
Глава 11. ВЕЧЕР В «ЗОЛОТОЙ ПАЛЬМЕ»
Глава 12. СТАРЫЕ ГРЕХИ ОТБРАСЫВАЮТ ДЛИННЫЕ ТЕНИ
Глава 13. СМЕРТЬ ВИКТОРИИ ДЖОНСОН
Глава 14. РАССЛЕДОВАНИЕ
Глава 15. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
Глава 16. МИСС МАРПЛ ИЩЕТ ПОМОЩИ

Глава 17. МИСТЕР РАФИЭЛЬ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО
Глава 18. БЕЗ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ЦЕРКВИ
Глава 19. О ПОЛЬЗЕ ТУФЕЛЬ
Глава 20. НОЧНАЯ ТРЕВОГА
Глава 21. ДЖЕКСОН И КОСМЕТИКА
Глава 22. МУЖЧИНА В ЕЕ ЖИЗНИ?
Глава 23. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
Глава 24. НЕМЕЗИДА
Глава 25. МИСС МАРПЛ ИСПОЛЬЗУЕТ СВОЕ ВООБРАЖЕНИЕ
ЭПИЛОГ
ОТЕЛЬ «БЕРТРАМ»
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13

ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ГЛАВА 19
ГЛАВА 20
ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
ГЛАВА 23
ГЛАВА 24
ГЛАВА 25
ГЛАВА 26
ГЛАВА 27
НЕМЕЗИДА
Глава 1. УВЕРТЮРА
Глава 2. ПАРОЛЬ: «НЕМЕЗИДА»
Глава
3. МИСС МАРПЛ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ
Глава 4. ЭСТЕР ВОЛТЕРС
Глава 5. ИНСТРУКЦИИ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА
Глава 6. ЛЮБОВЬ
Глава 7. ПРИГЛАШЕНИЕ
Глава 8. ТРИ СЕСТРЫ
Глава 9. POLYGONUM BALDSCHUANICUM
Глава 10. О МИЛЫЕ, ДАВНО УШЕДШИЕ ДЕНЬКИ!

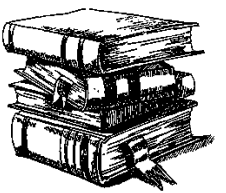
Глава 11. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ
Глава 12. СОВЕЩАНИЕ
Глава 13. ЧЕРНО-КРАСНАЯ КЛЕТОЧКА
Глава 14. МИСТЕР БРОДРИББ РАЗМЫШЛЯЕТ
Глава 15. ВЕРИТИ
Глава 16. ДОЗНАНИЕ
Глава 17. МИСС МАРПЛ НАНОСИТ ВИЗИТ
Глава 18. КАНОНИК БРАБАЗОН
Глава 19. СЛОВА ПРОЩАНИЯ СКАЗАНЫ
Глава 20. ДОГАДКИ МИСС МАРПЛ
Глава 21. ПРОБИЛО ТРИ ЧАСА
Глава 22. МИСС МАРПЛ ВСЕ ОБЪЯСНЯЕТ
Глава 23. ОКОНЧАНИЕ

Аннотация

СОДЕРЖАНИЕ:

КАРИБСКАЯ ТАЙНА. *Перевод В.Тирдатова*
ОТЕЛЬ «БЕРТРАМ». *Перевод Н.Ильиной*
НЕМЕЗИДА. *Перевод П.Рубцова*

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ



8

АГАТА КРИСТИ

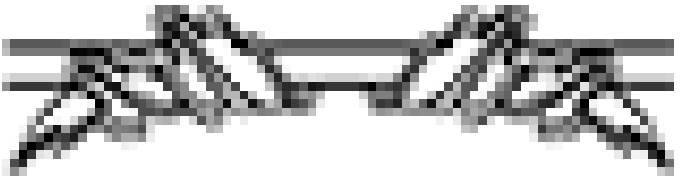
Agatha Christie

МИСС МАРПЛ

КАРИБСКАЯ ТАЙНА

A CARIBBEAN MYSTERY

КАРИБСКАЯ ТАЙНА



Посвящается моему старому другу
Джону Крукшенку Роузу
в знак счастливого воспоминания
о моем путешествии в Вест-Индию

Глава 1

МАЙОР ПАЛГРЕЙВ РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ

— Взять хотя бы эту историю с Кенией, — сказал майор Палгрейв. — Болтают все кому не лень, ни черта не зная об этой стране! А ведь я провел там четырнадцать лет — лучшие годы моей жизни!

Старая мисс Марпл склонила голову. Это было простым проявлением учтивости. В то время как майор Палгрейв продолжал нудные воспоминания, мисс Марпл спокойно думала о своем. С подобными рассказами она была хорошо знакома. Варьировалось только место действия. В прошлом на первом плане была Индия. Майоры, полковники, генерал-лейтенанты, употребляющие одни и те же слова: *Шимла, носильщики, тигры* и тому подобное. У майора Палгрейва терминология выглядела по-иному: *сафари, слоны, суахили.* Но причина была одна и та же. Пожилые рассказчики нуждались в слушателях, чтобы оживить в воспоминаниях те счастливые дни, когда их спина была прямой, а зрение и слух стопроцентными. Некоторые из этих преста-

релых джентльменов сохраняли импозантную внешность и военную выправку, другие были значительно менее привлекательны. Майор Палгрейв, с багровой физиономией и стеклянным глазом, всем своим видом напоминающий откормленную лягушку, относился ко второй категории.

Подобные потоки воспоминаний мисс Марпл выдерживала с присущей ей мягкой обходительной вежливостью. Она послушно сидела на месте, время от времени склоняя голову, как бы соглашаясь с рассказчиком, и предавалась своим мыслям, попутно наслаждаясь окружающей обстановкой — в данном случае яркой голубизной Карибского моря.

Все-таки Реймонд очень милый... Непонятно, что заставляет его так заботиться о своей старой тетке? Совесть? Родственный долг? А может быть, он в самом деле любит ее...

В целом она должна была признать, что последнее предположение наиболее вероятно. Правда, проявления его любви иногда немного раздражают. Реймонд всегда старается, чтобы его тетка шагала в ногу со временем, — постоянно присылает ей разные современные романы. Читать их почти невозможно — обычно там говорится об

очень неприятных людях, которые совершают непонятные поступки, не испытывая, по-видимому, от этого никакого удовольствия. Слово «секс» нечасто употребляли в молодые годы мисс Марпл, хотя его и тогда было предостаточно, — о нем не так много говорили, но наслаждались им куда больше, чем теперь. Правда, в то время секс именовали грехом, но мисс Марпл не могла справиться с ощущением, что тогдашний грех был куда привлекательнее теперешнего, превратившегося в некое подобие долга.

Ее взгляд на мгновение задержался на книге, лежащей у нее на коленях и раскрытой на двадцать третьей странице.

> «– Ты говоришь, что у тебя нет никакого сексуального опыта? – недоверчиво осведомился молодой человек. – *В девятнадцать лет?* Но это невозможно.
>
> Девушка печально опустила голову, прядь ее гладких жирных волос упала на лицо.
>
> – Я знаю, – прошептала она. – Знаю...
>
> Он посмотрел на нее. Старая засаленная кофта, босые ноги с грязными ногтями, острый запах пота... Интересно, почему

же она так чертовски привлекательна?»

Мисс Марпл это тоже интересовало. Бедная молодежь! Этот «сексуальный опыт» ими рассматривается как какое-то необходимое тонизирующее лекарство.

— Дорогая тетя Джейн, почему вы прячете голову в песок, как робкий страус? Нельзя же ничего не видеть вокруг, кроме вашей идиллической сельской жизни. *Настоящая жизнь* — вот что имеет значение.

И тетя Джейн была вынуждена с пристыженным видом сказать «да», сознавая свою старомодность.

Хотя в действительности сельская жизнь была далеко не такой идиллической. Люди, подобные Реймонду, были совершенно несведущи в этой области. Исполняя свои обязанности в деревенском церковном приходе, Джейн Марпл приобрела достаточно фактов, свидетельствующих о противном. Она не собиралась *ни говорить*, *ни писать* об этом, но она это знала. Секса там тоже хватало — как естественного, так и противоестественного. Изнасилования, кровосмешения, всевозможные извращения, причем такие, о каких едва ли слышали даже образованные мо-

лодые люди из Оксфорда, которые пишут книги.

Мисс Марпл снова обратила взгляд в сторону Карибского моря и прислушалась к тому, что говорил майор Палгрейв.

— Необычайно широкий опыт, — ободряюще сказала она. — *Очень интересно.*

— Я еще много чего могу вам рассказать. Конечно, некоторые вещи не предназначены для ушей леди...

Мисс Марпл смущенно опустила веки, а майор Палгрейв продолжал красочное описание туземных обычаев, позволив старой леди вновь перенестись в мыслях к своему любимому племяннику.

Реймонд Вест был очень способным писателем, имел значительный доход и делал все, что мог, чтобы облегчить существование своей пожилой тети. В прошлую зиму мисс Марпл перенесла тяжелое воспаление легких, и врачи посоветовали ей солнечные ванны. С присущей ему щедростью Реймонд предложил путешествие в Вест-Индию. Мисс Марпл пугали расходы, расстояния, трудности путешествия; ей не хотелось покидать свой дом в Сент-Мэри-Мид, но Реймонд справился со всем. Один его друг, который писал книгу, нуждался в уединенном жилище в деревне.

— Он отлично присмотрит за домом — обожает домашнее хозяйство, как все гомосексуалисты...

Реймонд умолк, слегка смутившись, но, конечно, даже милая старая тетя Джейн слыхала о гомосексуалистах.

Путешествие тоже не представляет труда. Диана Хоррокс собирается лететь на Тринидад и проследит в дороге за тетей Джейн. На Сент-Оноре́ она остановится в отеле «Золотая пальма», который содержат Сандерсоны — самая очаровательная пара в мире. Они обо всем позаботятся. Он сейчас же напишет им.

Но Сандерсоны вернулись в Англию. Однако их преемники Кендалы заверили Реймонда, что он может не беспокоиться о своей тете. В случае необходимости на острове есть очень хороший врач, а они сами сделают все, чтобы создать ей необходимые удобства.

Их слова не разошлись с делом. Молли Кендал, простодушная блондинка лет двадцати с лишним, очевидно, всегда пребывала в хорошем настроении. Она тепло приветствовала старую леди и приложила все усилия, чтобы обеспечить ей необходимый комфорт. Ее муж Тим Кендал, худой смуглый мужчина тридцати лет, был не менее любезен.

Итак, мисс Марпл очутилась далеко от сурового английского климата в симпатичном маленьком бунгало, где прислуживали всегда улыбающиеся вест-индские девушки. Тим Кендал встречал ее в столовой, отпуская веселые шутки, касающиеся меню. Когда ей хотелось, она шла по дорожке, ведущей на приморский бульвар и на пляж, и садилась в удобное плетеное кресло, наблюдая за купающимися. Компанию ей составляли несколько пожилых отдыхающих — старый мистер Рафиэль, доктор Грэм, каноник Прескотт со своей сестрой и ее теперешний кавалер майор Палгрейв.

Чего же еще желать пожилой леди?

И все же мисс Марпл, чувствуя угрызения совести, признавалась самой себе, что не вполне удовлетворена.

Конечно, здесь красиво, тепло, полезно для ее ревматизма. Окружающий пейзаж великолепен — правда, он несколько монотонный, *слишком много пальм.* И каждый день здесь похож на другой. *Никогда ничего не случается.* Не то что в Сент-Мэри-Мид, где всегда что-нибудь да происходит. Ее племянник однажды сравнил жизнь в Сент-Мэри-Мид со стоячим болотом, на что она с негодованием указала ему, что под микроскопом

любое незначительное пятнышко оказывается полным жизни. Да, в Сент-Мэри-Мид постоянно что-нибудь случается. Мисс Марпл перебирала в уме инцидент за инцидентом: ошибка в микстуре от кашля старой миссис Линнетт; очень странное поведение молодого Полгейта; тот день, когда мать Джорджи Вуда приехала повидать его (но была ли она его настоящей матерью?); истинная причина ссоры между Джо Арденом и его женой. Так много интереснейших проблем, дающих бесконечную пищу для размышлений. Если бы здесь было хоть что-нибудь, за что можно ухватиться.

Внезапно мисс Марпл осознала, что майор Палгрейв перешел от Кении к северо-западной границе и своим приключениям в чине субалтерна. В данный момент он с нетерпением осведомился:

— Неужели вы не согласны?

Долгая практика сразу же помогла мисс Марпл понять, о чем идет речь.

— Едва ли я вправе судить об этом. Боюсь, что я вела слишком уединенную жизнь.

— Это ничего не значит, дорогая леди, — галантно произнес майор Палгрейв.

— Вот ваша жизнь была очень богата событиями, — продолжала мисс Марпл, стараясь

искупить свое прежнее невнимание.

— Еще бы, — самодовольно промолвил майор Палгрейв. Он огляделся вокруг. — Приятное местечко.

— В самом деле, — подтвердила мисс Марпл и, не сумев сдержаться, добавила: — Интересно, случалось здесь хоть что-то когда-нибудь?

Майор Палгрейв уставился на нее:

— О, разумеется. Скандалов здесь достаточно. Да вот хотя бы...

Но скандалы не особенно интересовали мисс Марпл. В наши дни в скандалах нет ничего примечательного. Просто мужчины и женщины меняют партнеров и привлекают к себе всеобщее внимание, вместо того чтобы стараться держать это в тайне и стыдиться собственного поведения.

— Пару лет назад здесь даже произошло убийство. Человек по имени Гарри Вестерн. Газеты подняли такую шумиху. Должно быть, вы помните это.

Мисс Марпл кивнула без особого энтузиазма. Это было убийство не в ее вкусе. Сенсация возникла главным образом потому, что все замешанные в этой истории были очень богаты. Казалось вполне вероятным, что Гарри Вестерн застрелил графа де Феррари, любовника своей жены, и что

его железное алиби было подстроено с помощью изрядного количества денег. Все кругом оказались пьяными и наглотавшимися наркотиков. И тем не менее эта *блестящая* публика не вызывала у мисс Марпл *ни малейшего интереса.*

— Но, если хотите знать, это было не единственное убийство, которое тогда здесь произошло. — Майор подмигнул. — У меня были подозрения...

В этот момент мисс Марпл уронила клубок шерсти, и майор поднял его.

— Кстати, об убийствах, — продолжал он. — Както раз со мной произошел один очень странный случай, правда, не совсем со мной...

Мисс Марпл ободряюще улыбнулась.

— Однажды в клубе один парень (он был медик) рассказал такую историю. Молодой человек приехал к нему и разбудил его среди ночи. Его жена повесилась. Телефона у них нет, поэтому, вынув ее из петли и сделав все возможное, он сел в свою машину и поехал за врачом. В итоге женщину удалось спасти, хотя она едва не отдала концы. Молодой человек как будто очень любил ее — он плакал как ребенок. Он говорил, что уже некоторое время замечал у жены странное состояние депрессии. Ну, на этот раз все обошлось.

Но месяц спустя его жена приняла смертельную дозу снотворного и отправилась к праотцам. Печальное событие.

Майор Палгрейв сделал паузу и удрученно покачал головой. Мисс Марпл терпеливо ожидала продолжения.

— Вы скажете, что в этом нет ничего особенного, — просто нервная женщина покончила с собой. Но через год этот медик беседовал со своим коллегой, и тот рассказал ему о женщине, которая пыталась утопиться, но муж вытащил ее, вызвал врача, и ее привели в чувство — а через несколько недель она отравилась газом.

Конечно, это могло быть простым совпадением. «У меня был похожий случай, — сказал мой знакомый. — Того человека звали Джонс. А как фамилия твоего?» — «Кажется, Робинсон. Но безусловно, не Джонс».

Ну, оба приятеля посмотрели друг на друга и нашли, что это чертовски странно. Тогда мой знакомый вытащил фотографию и показал ее второму парню. «Вот этот человек, — сказал он. — Я зашел к нему на следующий день, чтобы оставить отчет, и заметил великолепные гибискусы той разновидности, какой здесь раньше никогда не видел. Они росли как раз у парадного входа.

Фотоаппарат был со мной в машине, и я сделал снимок. Только я нажал на затвор, как муж вышел из дома, так что я заснял и его. Не думаю, что до него это дошло. Я спросил о гибискусах, но он не смог сообщить мне их название». Второй врач посмотрел на снимок. «Немного не в фокусе, — заметил он. — Но я мог бы поклясться — во всяком случае, я почти уверен, — *что это тот же самый человек».*

Не знаю, занялись ли они этим делом. Как бы то ни было, им не удалось ничего достичь. Очевидно, этот мистер Джонс или Робинсон тщательно замел следы. Странная история! Никогда бы не подумал, что такое может случиться.

— Очень даже может, — безмятежно промолвила мисс Марпл. — Практически каждый день.

— Ну, знаете, это чересчур фантастично.

— Если человек начал этим заниматься, то он уже не может остановиться.

— Как и тот, который топил своих жен в ванне?

— Вот именно.

— Доктор дал мне для интереса ту самую фотографию... — Майор Палгрейв начал рыться в туго набитом бумажнике, бормоча про себя: — Сколько здесь хлама! Не знаю, зачем я все это храню...

Однако мисс Марпл причина была хорошо известна. Вышеупомянутый хлам иллюстрировал многочисленный репертуар историй майора. Что же касается его недавнего рассказа, то мисс Марпл подозревала, что он каждый раз излагался в новом варианте.

Майор продолжал копаться в бумажнике и бормотать:

— Забыл рассказать вам об *этой* истории. Такая красивая женщина — никогда бы не подумал... О, какие великолепные бивни! Надо будет вам показать.

Вытащив маленький фотоснимок, майор пристально вгляделся в него.

— Хотите взглянуть на убийцу?

Он уже собирался протянуть ей карточку, но внезапно остановился. Более чем когда-либо походя на откормленную лягушку, майор Палгрейв уставился на что-то находящееся за правым плечом мисс Марпл — в ту сторону, откуда доносились звуки приближающихся шагов и голосов.

— Черт возьми... — Он поспешно спрятал все содержимое в бумажник и сунул его в карман. Его лицо приняло пурпурный оттенок. — Да, я бы с удовольствием показал вам эти бивни, — заговорил он громким и неискренним голосом. — Это

был самый большой слон, которого я когда-либо застрелил... О, хэлло! — Сердечность, звучавшая в его приветствии, была на редкость фальшивой. — Вот и наша великолепная четверка — Флора и Фауна. Ну как, удачный был день?

Приближающиеся шаги принадлежали четырем постояльцам отеля, которых мисс Марпл уже знала в лицо. Это были две супружеские пары, и, хотя мисс Марпл все еще были неизвестны их фамилии, она знала, что высокого мужчину с густыми взъерошенными пепельными волосами зовут Грег, что его жену, золотистую блондинку, называют Лаки и что другую пару — смуглого худого мужчину и красивую, но чересчур загорелую женщину — звали Эдвард и Эвелин.

Насколько поняла мисс Марпл, они были ботаниками и к тому же интересовались птицами.

— Неудачный, — ответил Грег. — По крайней мере, мы не нашли того, что искали.

— Вы знакомы с мисс Марпл? Это полковник и миссис Хиллингдон, а это Грег и Лаки Дайсон.

Они приветливо поздоровались с ней, а Лаки громогласно объявила, что умрет, если ей не дадут чего-нибудь выпить.

Грег окликнул Тима Кендала, который сидел немного поодаль вместе со своей женой, углубив-

шись в конторские книги.

— Эй, Тим! Принесите нам выпить. — И он обратился к окружающим: — Пунш?

Все согласились.

— Для вас то же самое, мисс Марпл?

Мисс Марпл поблагодарила, но сказала, что предпочитает лимонад.

— Значит, пять пуншей и один лимонад, — подытожил Тим Кендал.

— Присоединяйтесь к нам, Тим.

— Я бы с удовольствием, но мне надо привести в порядок эти счета. Не могу же я все свалить на Молли. Между прочим, сегодня вечером у нас играет стил-бэнд.

— Отлично! — воскликнула Лаки и тут же сморщилась от боли. — Черт возьми! Я вся в колючках. Эдвард опять затащил меня в колючий кустарник.

— Но там были прекрасные розовые цветы, — заметил Хиллингдон.

— И с прекрасными длинными колючками. Ты просто садист, Эдвард!

— Не то что я, — усмехнулся Грег. — Я воплощенная доброта.

Эвелин Хиллингдон села рядом с мисс Марпл и завязала с ней приятную легкую беседу.

Мисс Марпл положила вязанье на колени. Медленно и не без труда из-за ревматизма в шее она повернула голову направо, чтобы взглянуть на то, что делалось за ее правым плечом. На некотором расстоянии находилось большое бунгало богатого мистера Рафиэля. Но там не было видно никаких признаков жизни.

Мисс Марпл продолжала беседовать с Эвелин, но ее глаза задумчиво изучали лица двух мужчин.

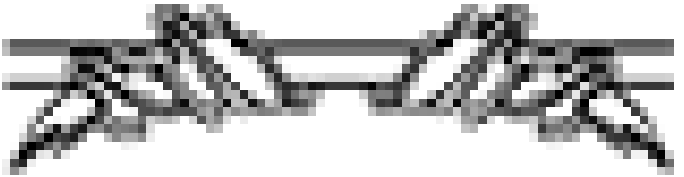
Спокойный, симпатичный на вид Эдвард Хиллингдон и Грег — веселый, шумливый, высокий. Очевидно, он и Лаки американцы или канадцы.

Она поглядела на майора Палгрейва, все еще изо всех сил пытавшегося изобразить *bonhomie*[1].

Интересно...

---

[1] notes: 1
Добродушие *(фр.).*



Глава 2

МИСС МАРПЛ СРАВНИВАЕТ

I

В этот вечер в отеле «Золотая пальма» было очень весело.

Сидя за маленьким столиком в углу, мисс Марпл с интересом осматривалась вокруг. Теплый, напоенный ароматом воздух Вест-Индии проникал сквозь открытые окна просторной столовой. На каждом столике горела настольная

лампочка под цветным колпачком. Большинство женщин были в вечерних платьях из легкого ситца, с обнаженными бронзовыми плечами и руками.

Джоан, жена племянника мисс Марпл, убедила ее принять в подарок кое-что из своего гардероба.

— Там ведь очень жарко, тетя Джейн, а у вас вряд ли есть какая-нибудь легкая одежда.

Джейн Марпл поблагодарила ее и с удовольствием воспользовалась подарком. Конечно, естественно, когда старые оказывают финансовую поддержку молодым, но не менее естественно, когда люди средних лет заботятся о стариках. Сама мисс Марпл никогда не покупала себе *легкую одежду*, так как в ее возрасте она даже в самую жаркую погоду чувствовала всего лишь приятное тепло и климат Сент-Оноре́ вовсе не казался ей образцом тропического зноя. В этот вечер она оделась в лучших традициях провинциальных английских леди — в серое платье с кружевами.

Разумеется, мисс Марпл отнюдь не в единственном числе представляла старшее поколение. В столовой присутствовали люди всех возрастов. Здесь были пожилые промышленные магнаты с женами от тридцати до сорока лет, супружеские

пары среднего возраста с севера Англии, веселое семейство с детьми из Каракаса. Вообще страны Южной Америки были представлены очень богато — отовсюду доносилась громогласная испанская и португальская речь. На заднем плане держались солидные английские джентльмены — двое священников, врач и удалившийся на покой судья. Здесь была даже китайская семья. Посетителей обслуживали в основном стройные девушки-негритянки с гордой осанкой, одетые в белое. Но метрдотелем был итальянец, вином распоряжался француз, а Тим Кендал успевал всюду, останавливаясь то здесь, то там, чтобы перекинуться несколькими словами с людьми, сидящими за столиками. Его жена старательно помогала ему. Это была симпатичная молодая женщина с волосами естественного золотистого оттенка и почти всегда улыбающимся ртом. Молли Кендал выходила из себя крайне редко. Весь персонал с удовольствием выполнял ее распоряжения, и она сама делала все, чтобы угодить своим гостям. С пожилыми мужчинами она смеялась и кокетничала, молодым женщинам делала комплименты по поводу их одежды.

— О, какое на вас сегодня великолепное платье, миссис Дайсон! Я вам так завидую, что готова

сорвать его с вас.

Однако, по мнению мисс Марпл, Молли отлично выглядела в своем собственном белом платье с накинутой на плечи светло-зеленой, вышитой шелком шалью. Лаки потрогала шаль.

— Красивый цвет! Мне бы хотелось иметь такую.

— Вы можете купить ее здесь, в магазине, — ответила Молли и двинулась дальше.

Около столика мисс Марпл она не остановилась, так как обычно предоставляла пожилых леди своему супругу.

— Старушки предпочитают мужчин, — часто говорила она.

К мисс Марпл приблизился Тим Кендал.

— Вы не хотите заказать ничего особенного? — спросил он. — Только скажите — и я тут же все для вас приготовлю. Ведь наша полутропическая кухня — это совсем не то, к чему вы привыкли дома.

Мисс Марпл улыбнулась и сказала, что разнообразие в пище входит в число удовольствий путешествия за границу.

— Тогда все в порядке. Но может быть, вам что-нибудь подать?

— Что именно?

— Ну... — Тим Кендал выглядел немного смущенным. — Хотя бы пудинг, — рискнул предложить он.

Мисс Марпл снова улыбнулась и ответила, что сейчас она вполне в состоянии обойтись без пудинга.

Взявшись за ложку, она с удовольствием принялась за мороженое с фруктами.

В этот момент стал играть стил-бэнд. Подобные оркестры были одним из основных аттракционов на островах. Откровенно говоря, мисс Марпл могла бы отлично обойтись и без них. Создаваемый ими ужасный грохот казался ей невыносимым. Однако все остальные, несомненно, получали от этого удовольствие, и поэтому мисс Марпл решила, что она должна как-нибудь постараться полюбить такую музыку. Надеяться, что Тим Кендал сможет по ее просьбе заставить оркестр играть вальс «Голубой Дунай», не приходилось. Да, странные теперь пошли танцы. Люди кривляются, как обезьяны, швыряют друг друга в разные стороны. Конечно, молодежь должна развлекаться... Но в эту секунду она подумала, *что молодежи здесь почти нет.* Танцы под стил-бэнд, разумеется, предназначались *для молодых.* Но молодые, очевидно, торчали в университетах

или работали, имея всего лишь двухнедельный отпуск. Подобные места были для них слишком отдаленными и дорогими. Эта веселая и беззаботная жизнь была доступна только для людей, которым пошел четвертый или пятый десяток, и для стариков, старавшихся не отставать от своих молодых жен.

Мисс Марпл тосковала по молодежи. Правда, миссис Кендал было не больше двадцати трех лет, и она как будто испытывала удовольствие от происходящего, но, в конце концов, *это была всего лишь ее работа.*

За соседним столиком сидели каноник Прескотт и его сестра. Они жестом пригласили мисс Марпл выпить вместе с ними кофе, и она согласилась. Мисс Прескотт была тощей, суровой на вид особой. Толстенький румяный каноник, напротив, излучал добродушие.

Подали кофе, и стулья слегка отодвинули от столиков. Мисс Прескотт открыла несессер и вытащила оттуда ужасающего вида скатерть, которую она вышивала. Она поведала мисс Марпл обо всех событиях этого дня. Утром они посетили новую школу для девочек, а после полуденного отдыха отправились через сахарные плантации выпить чаю с друзьями, которые остановились

в *пансионе.*

Так как Прескотты пробыли в «Золотой пальме» дольше мисс Марпл, они могли просветить ее относительно остальных постояльцев.

Старый мистер Рафиэль приезжает сюда каждый год. Он фантастически богат — владелец множества супермаркетов на севере Англии. Молодая женщина с ним — его секретарша Эстер Волтерс — вдова. (Разумеется, в их отношениях *нет ничего непозволительного* — в конце концов, ему уже почти восемьдесят лет!)

Мисс Марпл понимающе кивнула.

— Симпатичная женщина, — заметил каноник. — Ее мать, по-моему, вдова и живет в Чичестере.

— С мистером Рафиэлем приехал и его слуга. Правда, он скорее медбрат — он, кажется, опытный массажист. Его фамилия Джексон. Ведь бедный мистер Рафиэль практически парализован. Какая жалость — с такими деньгами.

— Он всегда щедро жертвует на благотворительные цели, — доверительно заметил каноник Прескотт.

Люди постепенно менялись местами: одни отодвигались подальше от оркестра, другие, напротив, подсаживались ближе. Майор Палгрейв присоединился к квартету Хиллингдонов

— Дайсонов.

— Что касается этих людей... — начала мисс Прескотт, понизив голос, хотя в этом не было никакой необходимости, так как ее слова заглушал грохот стил-бэнда.

— Да, я как раз собиралась спросить вас о них.

— Они были здесь в прошлом году. Три месяца в году они проводят в Вест-Индии, путешествуя по разным островам. Высокий худой мужчина — это полковник Хиллингдон, а та брюнетка — его жена. Они ботаники. Двое других — американцы, мистер и миссис Грегори Дайсон. Он, по-моему, занимается бабочками. И все они интересуются птицами.

— Приятно иметь хобби, сопряженное с пребыванием на открытом воздухе, — улыбнулся каноник Прескотт.

— Не думаю, чтобы им понравилось, если бы они услышали, что ты называешь это «хобби», Джереми, — заметила его сестра. — Их статьи печатаются в *«Национальной географии»* и в *«Королевском журнале садоводов»*, так что они относятся к своему увлечению вполне серьезно.

Из-за столика, за которым они наблюдали, послышался взрыв смеха, настолько громкий, что он смог даже перекрыть рев стил-бэнда. Гре-

гори Дайсон откинулся назад, стуча кулаком по столу, его жена как будто протестовала, а опустошивший свой бокал майор Палгрейв, напротив, выражал одобрение. В этот момент их едва ли можно было назвать людьми, относящимися к себе серьезно.

— Майору Палгрейву не следовало бы пить так много, — кисло промолвила мисс Прескотт. — У него ведь повышенное давление.

На стол подали свежую порцию пунша.

— Как приятно во всем разобраться, — заметила мисс Марпл. — Когда я встретила их сегодня днем, то не могла понять, кто на ком женат.

Последовала небольшая пауза. Мисс Прескотт сухо кашлянула.

— Ну, что касается этого... — начала она.

— Джоан, — остановил ее каноник, — пожалуй, было бы благоразумно не углублять эту тему.

— Право, Джереми, я и не собиралась *ничего говорить*. Просто в прошлом году, *не знаю, по какой причине*, мы думали, что миссис Дайсон — жена мистера Хиллингдона, до тех пор, пока кто-то не сказал нам, что это не так.

— Странно, как легко создаются неверные впечатления, — с простодушным видом сказала мисс Марпл. На мгновение ее глаза встретились с гла-

зами мисс Прескотт, и между двумя женщинами моментально установилось взаимопонимание.

Более толковый человек, чем каноник Прескотт, наверняка бы почувствовал, что он *de trop*[2].

Женщины обменялись еще одним взглядом, который означал: *«Как-нибудь в другой раз»*.

— Мистер Дайсон называет свою жену Лаки. Это ее настоящее имя или прозвище? — спросила мисс Марпл.

— Едва ли это может быть настоящим именем.

— Я как-то задал Дайсону этот вопрос, — сказал священник. — Он ответил, что называет ее Лаки, потому что она принесла ему удачу, и сказал, что если потеряет ее, то потеряет свою удачу. По-моему, это очень мило.

— Он любит шутить, — заметила мисс Прескотт.

Каноник с сомнением поглядел на свою сестру.

Оркестр превзошел самого себя, разразившись диким взрывом какофонии, и по залу заскользили танцующие.

Мисс Марпл и все остальные повернули свои стулья, чтобы наблюдать за происходящим. Тан-

---

[2] notes: 2
Лишний *(фр.)*.

цы доставили мисс Марпл больше удовольствия, чем музыка. Ей нравились шарканье ног и ритмичное покачивание тел, кажущееся полным скрытого смысла.

Этим вечером она впервые почувствовала себя в новой обстановке относительно свободно. До сих пор ей никак не удавалось обрести свою обычную способность находить у людей, с которыми она встречалась, сходные черты с ее знакомыми. Возможно, ее ослепили яркие одежды и экзотический колорит, но вскоре она почувствовала, что может провести кое-какие интересные сравнения.

Молли Кендал, например, была похожа на одну симпатичную девушку, чье имя мисс Марпл не могла вспомнить и которая работала кондуктором в автобусе, идущем в Маркет-Бейзинг. Она всегда помогала мисс Марпл входить в автобус и никогда не давала сигнала к отправлению, прежде чем не убеждалась, что мисс Марпл села на удобное место. Тим Кендал немного походил на метрдотеля из медчестерского ресторана «Король Георг», самоуверенного и в то же время беспокойного (кажется, у него была язва). Что же касается майора Палгрейва, то он ничуть не отличался от генерала Лероя, капитана Флемминга, адмирала

Уиклоу и комма́ндера Ричардсона. А вот к Грегу Дайсону подобрать аналог было труднее, так как он американец. Он, возможно, напоминал немного сэра Джорджа Троллопа, всегда отпускавшего шутки на собраниях, посвященных гражданской обороне, или мистера Мердока, мясника. У мистера Мердока была довольно скверная репутация, но некоторые считали, что это просто сплетни, которые мистеру Мердоку нравилось поощрять. Лаки — точь-в-точь Марлин из «Трех корон». Сложнее дело обстояло с Эвелин Хиллингдон. Внешне ей соответствуют многие — высоких, худых, загорелых англичанок полным-полно. Пожалуй, она напоминает леди Каролину Вульф, первую жену Питера Вульфа, покончившую самоубийством. Или Лесли Джеймс — тихую, спокойную женщину, которая редко обнаруживала свои чувства, а в один прекрасный день продала дом и уехала, никому не сказав куда. В полковнике Хиллингдоне сразу не разберешься — для этого нужно познакомиться с ним поближе. Один из этих сдержанных людей с хорошими манерами. По ним никогда не поймешь, о чем они думают. Иногда эти люди совершают неожиданные поступки. Например, майор Харпер в один прекрасный день перерезал себе горло, а

причины никто так никогда и не узнал. Впрочем, у мисс Марпл имелись на этот счет кое-какие подозрения, но она была не вполне уверена...

Ее взгляд задержался на столике мистера Рафиэля. Об этом человеке было известно, что он невероятно богат, полупарализован и каждый год приезжает в Вест-Индию. Внешне он напоминал старую сморщенную хищную птицу. Ему могло быть семьдесят, восемьдесят и даже девяносто лет. Одежда свободно висела на его хилом теле, из-под бровей поблескивали проницательные глаза. Он часто бывал резок, но люди редко обижались на него, отчасти из-за его богатства, а отчасти из-за исходившей от него гипнотической силы, внушавшей ощущение, что мистер Рафиэль имеет право быть грубым, если ему этого хочется.

С ним сидела его секретарша, миссис Волтерс. У нее было приятное лицо и пшеничного цвета волосы. С ней мистер Рафиэль бывал груб очень часто, но она, казалось, ничего не замечала, не потому, что была раболепной, а просто не обращая на это внимания и ведя себя как хорошо вышколенная медсестра. Возможно, подумала мисс Марпл, когда-то она ею и была.

Высокий красивый молодой человек в белой

куртке подошел к креслу мистера Рафиэля. Старик поднял на него глаза, кивнул и указал на стул. Молодой человек послушно сел.

«Очевидно, это его слуга — мистер Джексон», — решила мисс Марпл, внимательно его разглядывая.

II

В пустом баре Молли Кендал опустилась на стул и сбросила туфли на высоких каблуках. Пришедший с террасы Тим присоединился к ней.

— Устала, дорогая? — спросил он.

— Немножко. Чувствую тяжесть в ногах.

— Смотри не переутомись. Я ведь знаю, какая это тяжелая работа. — Он с беспокойством посмотрел на нее.

— Не говори глупости, Тим, — засмеялась Молли. — Мне здесь очень нравится. Я всегда мечтала о таком, честное слово.

— Да, для приезжих это развлечение, а для владельцев — тяжкий труд.

— Ну, нельзя же не пускать в гостиницу постояльцев, — рассудительно заметила Молли.

Тим Кендал нахмурился:

— По-твоему, все идет как надо и мы делаем успехи?

— Конечно.

— А тебе не кажется, что люди говорят: «Здесь совсем не так, как было при Сандерсонах»?

– *Кто-то,* безусловно, так говорит, но это наверняка заядлые консерваторы. Я уверена, что мы работаем лучше, чем Сандерсоны. У нас больше обаяния. Ты очаровываешь старушек, умудряясь выглядеть так, будто жаждешь заняться любовью с какой-нибудь отчаявшейся особой на пятом или шестом десятке, а я строю глазки старым джентльменам, отчего они чувствуют себя как псы на выгуле, а с теми, кто посентиментальнее, веду себя как ласковая и любящая дочь. Так что все идет отлично.

Чело Тима прояснилось.

– *Хорошо, если так.* А то меня иногда охватывает паника. Мы рискнули всем, взявшись за это дело. Я бросил свою работу...

— И правильно сделал, — быстро вставила Молли. — А то бы она тебя доконала.

Тим рассмеялся и чмокнул жену в кончик носа.

— Говорю тебе, все идет отлично, — повторила она. — Почему ты все время беспокоишься?

— Очевидно, у меня такой характер. Я всегда боюсь, что случится что-нибудь скверное.

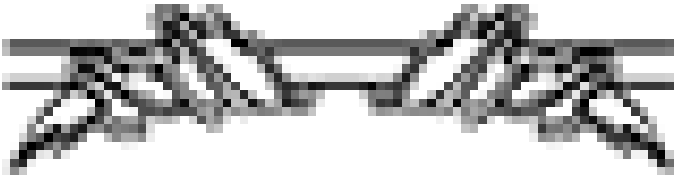
— Что именно?

— О, я не знаю. Ну, кто-нибудь возьмет да и утонет.

— Глупости. Пляж здесь совершенно безопасный. К тому же тут постоянно дежурит этот неуклюжий швед.

— Конечно, я болтаю вздор, — согласился Тим Кендал. Поколебавшись, он спросил: — А тебя больше не тревожат эти сны?

Но Молли только улыбнулась.



Глава 3

СМЕРТЬ В ОТЕЛЕ

Мисс Марпл, как обычно, подали завтрак в постель. Чай, яйцо вкрутую, ломтики фруктов.

Фрукты, произрастающие на этом острове, не слишком радовали мисс Марпл. Она бы с удовольствием съела яблоко, но о существовании яблок здесь, казалось, даже не подозревали.

Пробыв на острове неделю, мисс Марпл отвыкла от привычки спрашивать, какая погода. Погода здесь всегда стояла великолепная и нико-

гда не изменялась.

Конечно, на Сент-Онорé бывали ураганы, но мисс Марпл считала их не столько погодой, сколько стихийным бедствием. Иногда налетал ливень, который через пять минут так же внезапно прекращался. Всё и все промокали до нитки, но через десять минут снова были сухими.

Черная вест-индская девушка весело улыбнулась, обнажив ряд ослепительно белых зубов, пожелала мисс Марпл доброго утра и поставила поднос к ней на колени. Жаль, что здешние девушки так неохотно выходят замуж. Это огорчало каноника Прескотта, который утешал себя тем, что ему зато очень часто приходится совершать обряд крещения — гораздо чаще, чем бракосочетания.

Съев завтрак, мисс Марпл задумалась над тем, как она проведет день. Это не отняло у нее много времени. Сейчас она встанет с постели, оденется, двигаясь медленно, так как из-за жары ее пальцы были не такими проворными, как обычно. Потом она отдохнет минут десять, возьмет вязанье и не спеша зашагает к отелю, решая, где ей устроиться поудобнее. На террасе, выходящей на море? Или на пляже, чтобы наблюдать за купающимися и за детьми? Обычно она останавливалась на

последнем варианте. После полуденного отдыха она, может быть, пойдет прогуляться.

Да, сегодняшний день, по-видимому, ничем не будет отличаться от других.

Однако это оказалось далеко не так.

Мисс Марпл начала действовать по намеченной программе и медленно шла по тропинке к отелю, когда встретила Молли Кендал. На этот раз молодая женщина не улыбалась. Огорченное выражение так не подходило к ее лицу, что мисс Марпл сразу же спросила:

— Что-нибудь случилось, дорогая?

Молли кивнула.

— Ну, — поколебавшись, заговорила она, — все равно все узнают. Майор Палгрейв умер.

— Умер?

— Да, умер ночью.

— Боже мой! *Какое несчастье!*

— Да, смерть здесь — это просто ужас. Все сразу же придут в уныние. *Конечно, он был уже стар...*

— Вчера он выглядел веселым и здоровым, — заметила мисс Марпл, слегка обиженная уверенностью Молли, что каждый человек преклонного возраста может умереть в любую минуту.

— У него было повышенное давление, — возразила Молли.

— Но против этого существуют какие-то таблетки. В наши дни наука делает чудеса.

— Да, но, возможно, он забыл принять таблетки или, наоборот, принял их слишком много. Знаете, как бывает с инсулином.

Мисс Марпл не думала, что диабет и повышенное давление — это одно и то же.

— А что сказал врач? — спросила она.

— О, его осматривал доктор Грэм — он живет в отеле и практически уже отошел от дел. Потом приходили, чтобы выдать официальное свидетельство о смерти, но, по-моему, здесь все ясно. Такое часто случается с людьми, у которых повышенное давление, особенно если они злоупотребляют алкоголем. А майор Палгрейв в этом отношении был очень недисциплинирован. Например, вчера вечером.

— Да, я заметила, — согласилась мисс Марпл.

— По-видимому, он забыл принять таблетки. Конечно, старику не повезло, но не могут же люди жить вечно. А нам с Тимом это ужасно неприятно. Еще подумают, что с пищей было что-то не так.

— Но ведь симптомы пищевого отравления и повышенного давления *совершенно* различны?

— Да, но люди любят *болтать вздор*. А если они решат, что пища была испорчена, и уедут, да еще

скажут своим друзьям...

— Право, вам незачем беспокоиться, — ласково сказала мисс Марпл. — Вы же сами говорили, что пожилым людям вроде майора Палгрейва — а ему, очевидно, было уже за семьдесят — ничего не стоит умереть. Большинству это покажется вполне обычным происшествием, печальным, но не из ряда вон выходящим.

— Если бы только, — печально произнесла Молли, — это не случилось так *внезапно.*

«Да, это случилось весьма внезапно», — подумала мисс Марпл, медленно зашагав дальше. Еще вчера вечером он был в отличном настроении, смеялся и болтал с Хиллингдонами и Дайсонами.

С Хиллингдонами и Дайсонами... Мисс Марпл зашагала еще медленнее и наконец совсем остановилась. Вместо того чтобы идти на пляж, она устроилась в тенистом углу террасы, вытащила свое вязанье и защелкала спицами так быстро, словно старалась не отставать от бега собственных мыслей. *Ей не нравилось это — совсем не нравилось. Уж слишком «кстати» все произошло.*

Мисс Марпл задумалась над вчерашними событиями.

Майор Палгрейв и его истории...

Они были такими же, как всегда, и вряд ли требовали того, чтобы их слушали очень внимательно. Хотя, возможно, было бы лучше, если бы она слушала его как следует.

Кения... Он говорил о Кении, потом об Индии... о северо-западных границах... А затем по какой-то причине они перешли к убийствам. И даже *тогда* она не начала внимательно слушать...

Какое-то нашумевшее событие, происшедшее здесь, — о нем было напечатано в газетах.

Это было после того, как он поднял ее клубок шерсти. Именно тогда он рассказал ей о фотографии — *о снимке убийцы.*

Мисс Марпл закрыла глаза и постаралась поточнее припомнить его рассказ.

Это была довольно бессвязная история, которую рассказал майору в клубе один врач (сам он услышал ее от другого врача). У этого врача был снимок какого-то человека, выходившего из парадной двери, и этот человек был убийцей.

Постепенно мисс Марпл вспоминала все подробности.

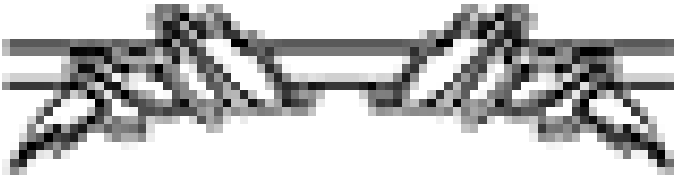
Майор предложил показать ей снимок. Он вынул свой бумажник и начал рыться в его содержимом, не переставая болтать. Потом майор посмотрел не на нее, а на что-то за ней, точнее за

ее правым плечом, и внезапно умолк, его лицо побагровело, он начал засовывать все назад в бумажник слегка дрожащими руками и заговорил громким неестественным голосом о слоновьих бивнях!

Через минуту к ним присоединились Хиллингдоны и Дайсоны.

Тогда она повернула голову, чтобы посмотреть, что находится за ее правым плечом, но никого и ничего не увидела. Слева на некотором расстоянии по направлению к отелю сидели Тим Кендал и его жена, а за ними семья венесуэльцев. Но майор Палгрейв смотрел не в эту сторону...

Мисс Марпл размышляла до самого ланча. После ланча она не пошла на прогулку. Вместо этого она сообщила, что не совсем хорошо себя чувствует, и попросила узнать у доктора Грэма, не будет ли он так любезен прийти осмотреть ее.



Глава 4

МИСС МАРПЛ ТРЕБУЕТ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Доктор Грэм был добродушным пожилым человеком лет шестидесяти пяти. Он уже много лет практиковал в Вест-Индии, но теперь почти совсем бросил работу, предоставив ее своим партнерам. Приветливо поздоровавшись с мисс Марпл, он спросил, что ее беспокоит. К счастью, в годы мисс Марпл, приложив некоторые усилия, всегда можно было обнаружить у себя какое-ни-

будь недомогание. Мисс Марпл колебалась между плечом и коленом, остановив наконец выбор на втором варианте.

Доктор Грэм весьма любезно не стал упоминать о том факте, что в возрасте мисс Марпл подобные недомогания только естественны, а сразу же выписал ей таблетки. Зная по опыту, что многие пожилые люди испытывают одиночество, впервые приезжая на Сент-Оноре́, он задержался, чтобы немного поболтать с ней.

«Славный человек, — подумала мисс Марпл. — Мне очень стыдно, что я вынуждена солгать ему. Но я не вижу никакого другого выхода».

Мисс Марпл была воспитана в строгом уважении к правде и по натуре была очень правдивой женщиной. Но в определенных обстоятельствах, когда долг велел ей лгать, она лгала с поразительным правдоподобием.

Слегка кашлянув, чтобы прочистить горло, мисс Марпл приступила к делу.

— Я хотела кое о чем спросить вас, доктор Грэм, — защебетала она. — Конечно, может быть, и не стоило говорить об этом, *но для меня это очень важно.* Надеюсь, вы меня поймете и не сочтете назойливой.

— Я с удовольствием помогу вам, если вас что-

то беспокоит, — любезно ответил доктор Грэм.

— Это связано с майором Палгрейвом. Я была так потрясена, когда услышала утром о его смерти!

— Да, все произошло действительно очень неожиданно, — согласился доктор Грэм. — Вчера он был в таком хорошем настроении. — Судя по его тону, смерть майора Палгрейва ничуть не казалась ему чем-то из ряда вон выходящим. Мисс Марпл вдруг испугалась, что поднимает много шуму из ничего. Может быть, во всем виновата ее природная подозрительность и ей уже не следовало доверять собственным суждениям? Но как бы то ни было, она уже занялась этим вопросом и должна идти дальше.

— Вчера днем мы сидели и разговаривали, — продолжала она. — Он рассказывал мне о своей интересной жизни. Оказывается, на земле столько удивительных стран!

— Да, в самом деле, — согласился доктор Грэм, которому воспоминания майора Палгрейва успели порядком надоесть.

— Потом он заговорил о своем детстве, своей семье. Я рассказала ему немного о своих племянниках и племянницах, и он слушал очень внимательно. Тогда я показала ему фотоснимок

одного моего племянника, который был у меня с собой. Такой милый мальчик... Правда, на снимке он уже не совсем мальчик, но *для меня* он всегда останется маленьким.

— Разумеется, — подтвердил доктор Грэм, думая, сколько еще времени пройдет, прежде чем старая леди перейдет к делу.

— Я дала ему карточку, и он рассматривал ее, когда вдруг подошли эти симпатичные люди, которые собирают цветы и бабочек, — полковник и миссис Хиллингдон и... я забыла фамилию.

— Хиллингдоны и Дайсоны?

— Да, совершенно верно. Они присоединились к нам, предложили выпить, и майор Палгрейв, очевидно, машинально сунул мою карточку к себе в бумажник и положил его в карман. Тогда я не обратила на это большого внимания, но позже сказала себе: «Надо не забыть попросить майора вернуть мне фотокарточку Дензила». Я *подумала об этом* вчера вечером, когда были танцы и играл оркестр, но не захотела ему мешать — они все так веселились, и я решила напомнить ему об этом утром. А утром... — И мисс Марпл сделала паузу.

— Да-да, понимаю, — сказал доктор Грэм. — И вы, естественно, хотите получить свой снимок, не так ли?

Мисс Марпл кивнула:

— Да. Видите ли, это единственный экземпляр, а негатива у меня нет. Мне было бы жаль лишиться этого снимка, так как бедный Дензил умер пять или шесть лет назад, а это был мой любимый племянник. Только эта карточка и напоминала мне о нем. И я решила... Конечно, это назойливо с моей стороны... может быть, вам удастся вернуть его мне? Я просто не знаю, кого еще я могла бы об этом попросить. Ведь мне неизвестно, кто будет заниматься вещами майора, а все подумают, что это просто блажь. Никто не сумеет понять, что этот снимок для меня значит.

— Конечно, конечно, — согласился доктор Грэм. — Я вас хорошо понимаю. Это вполне естественное чувство. Вскоре я должен встретиться с местными властями — завтра похороны, прибудет кто-нибудь из администрации, чтобы просмотреть бумаги и имущество майора, прежде чем связаться с его семьей. Вы могли бы описать эту карточку?

— На ней был изображен фасад дома, — сказала мисс Марпл. — И кто-то... я имею в виду, Дензил только что вышел из парадной двери. Фотографировал другой мой племянник, который очень любил цветы, а перед домом, кажется, росли

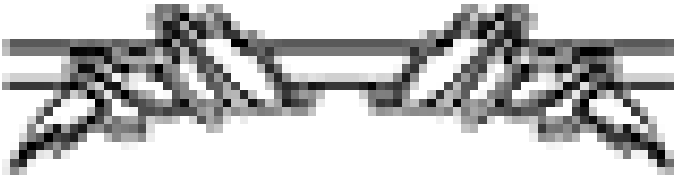
гибискусы. В этот момент Дензил как раз вышел. Снимок неважного качества — очень нерезкий. Но мне он нравился, и я всегда хранила его при себе.

— Ну, все как будто ясно, — заметил доктор Грэм. — Думаю, что будет нетрудно вернуть вам фотографию, мисс Марпл.

Он встал со стула. Мисс Марпл благодарно улыбнулась ему:

– *Вы очень любезны,* доктор Грэм. Вы ведь меня понимаете?

— Конечно, — сказал доктор Грэм, тепло пожимая ей руку. — Можете не беспокоиться. Упражняйте ваше колено каждый день, только не слишком усердно, а я пришлю вам таблетки. Принимайте по одной три раза в день.



Глава 5

МИСС МАРПЛ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Похороны майора Палгрейва состоялись на следующий день. Мисс Марпл присутствовала на них в компании с мисс Прескотт. Каноник прочитал заупокойную службу, после чего жизнь потекла по-прежнему.

Смерть майора Палгрейва была всего лишь неприятным инцидентом, о котором вскоре забыли. Жизнь здесь состояла из моря, солнца и развлечений. Смерть бросила мрачную тень на

Сент-Оноре́, но эта тень исчезла довольно быстро. В конце концов, все едва лишь знали покойного. Он был обычным старым занудой, каких часто встречаешь в клубах, вечно делившимся своими воспоминаниями, которых никто не жаждал услышать. Приткнуться ему было негде. Его жена умерла много лет назад. Он жил и умер одиноким. Но, несмотря на это, майор Палгрейв всю жизнь провел среди людей, что очень скрашивало его существование. Невзирая на одиночество, он был веселым человеком, умевшим извлекать из жизни радости. А теперь он мертв, похоронен, и через неделю никто даже не вспомнит о нем.

Единственным человеком, чувствующим его отсутствие, была мисс Марпл. Она не питала к покойному личной привязанности, но он являл собой ту жизнь, которую она знала. Когда становишься старой, то постепенно привыкаешь слушать рассказы таких же стариков, даже если они не представляют особого интереса, поэтому между ней и майором установилось своеобразное взаимопонимание. Мисс Марпл, конечно, не оплакивала майора Палгрейва, но ей его недоставало.

После похорон, когда она сидела и вязала на своем любимом месте, к ней подошел доктор

Грэм и сел рядом. Мисс Марпл поздоровалась с ним, отложив спицы.

— Боюсь, — виновато заговорил доктор, — что я вынужден разочаровать вас, мисс Марпл.

— В самом деле? По поводу моей...

— Да, к сожалению, мы не нашли вашего снимка.

— Очень жаль. Конечно, *это не имеет особого значения* — обычная сентиментальность. Значит, его не было в бумажнике майора Палгрейва?

— Нет, ни там, ни вообще среди его вещей. У него было много хлама — письма, газетные вырезки, несколько старых фотографий, но такого снимка, как вы описали, не было.

— Ну, ничего не поделаешь, — вздохнула мисс Марпл. — Большое вам спасибо, доктор Грэм. Извините за беспокойство.

— О, право, не о чем говорить. Я ведь по собственному опыту знаю, что значат семейные фотографии, особенно когда стареешь.

«Старая леди легко примирилась с этим огорчением, — подумал он. — Возможно, майор Палгрейв обнаружил снимок, когда вынимал что-то из бумажника, и, забыв, откуда он взялся, разорвал его как ненужный хлам. Конечно, для старушки это большое разочарование. Хорошо,

что она отнеслась к этому философски и даже весело».

Но в действительности чувства мисс Марпл были совершенно противоположными. Ей требовалось время, чтобы обдумать все как следует, но пока что она решила использовать все возможности создавшейся ситуации.

Мисс Марпл вовлекла доктора Грэма в беседу с энтузиазмом, который она даже не пыталась скрыть. Добрый доктор, приписывающий словоохотливость старой леди ее одиночеству и тоске по собеседнику, старался отвлечь ее от неприятных воспоминаний о потерянной фотографии беспечной болтовней о жизни на Сент-Оноре́ и о различных интересных местах, которые мисс Марпл, может быть, захотела бы посетить. Он и сам не заметил, как разговор вернулся к кончине майора Палгрейва.

— Так печально, что он умер вдали от дома, — сказала мисс Марпл. — Хотя, насколько я поняла из его рассказов, у него не было близких родственников. Кажется, он один жил в Лондоне.

— По-моему, он много путешествовал, — заметил доктор Грэм. — Во всяком случае, в зимнее время. Наша английская зима ему не нравилась. Не могу его за это порицать.

— Я тоже, — согласилась мисс Марпл. — А может быть, у него были слабые легкие или что-нибудь в этом роде, вынуждавшее его ездить зимой за границу?

— Не думаю.

— У него как будто было повышенное давление. В наши дни это встречается сплошь и рядом.

— Он говорил вам об этом?

— Нет, никогда. Мне сказал это кто-то другой.

— Ах вот как?

— Полагаю, — продолжала мисс Марпл, — что при таких обстоятельствах следовало ожидать смерти.

— Это вовсе не обязательно, — возразил доктор Грэм. — Сейчас существуют методы контроля давления.

— Его смерть *последовала* очень внезапно, но *вы* вроде бы не удивились.

— Ну, когда человек умирает в таком возрасте, не стоит особенно удивляться. Но я этого не ожидал. Откровенно говоря, мне казалось, что он в отличной форме, хотя я никогда его не осматривал и не измерял ему давление.

— А разве врач может определить, только взглянув на человека, повышено ли у него давление? — с наивным видом осведомилась мисс Марпл.

— Одного взгляда мало, — улыбнулся доктор. — Требуется еще и осмотр.

— О, понимаю. Это ужасно, когда вокруг руки оборачивают резиновую штуку, а потом ее надувают. Терпеть не могу эту процедуру! Но мой врач мне говорил, что для моих лет у меня очень хорошее давление.

— Рад это слышать, — сказал доктор Грэм.

— Конечно, майор злоупотреблял пуншем, — задумчиво промолвила мисс Марпл.

— Да. Алкоголь — не слишком хорошее средство от гипертонии.

— Он, кажется, принимал таблетки?

— Да, в его комнате нашли бутылочку с серенитом.

— В наши дни наука творит чудеса, — заметила мисс Марпл. — Врачи могут сделать очень много, не так ли?

— У нас есть сильный конкурент — природа, — ответил доктор Грэм. — Поэтому еще до сих пор применяются некоторые старомодные домашние средства.

— Например, класть паутину на порез, — подхватила мисс Марпл. — Когда я была ребенком, мы всегда так делали.

— Весьма благоразумно, — одобрил доктор

Грэм.

— Или класть льняную припарку на грудь и натираться камфорным маслом от кашля.

— Да вы все знаете! — рассмеялся доктор Грэм, вставая. — Как колено? Не слишком беспокоит?

— Нет, оно гораздо лучше.

— Ну, мы не знаем, следует ли благодарить за это природу или мои таблетки, — заметил доктор Грэм. — Простите, что я не смог помочь вам.

— Что вы! Вы были так любезны! Мне стыдно, что я отняла у вас время. Так вы говорите, что в бумажнике майора не было фотографий?

— Были две карточки — одна изображала майора в молодости верхом на пони, другая — мертвого тигра, на которого майор наступил ногой. Это все воспоминания о днях его юности. Я искал очень тщательно и не нашел снимка вашего племянника.

— О, я уверена, что вы искали тщательно, — просто я поинтересовалась... Все мы любим хранить всякую ерунду.

— Сокровища из прошлого, — улыбнулся доктор.

Попрощавшись, он удалился.

Мисс Марпл осталась на месте, задумчиво глядя на пальмы и море и несколько минут не

притрагиваясь к вязанью. Теперь у нее имелся факт, и она задумалась над тем, что он означает. Снимка, который майор вынул из бумажника и так поспешно положил назад, *не оказалось на месте после его смерти.* Такую вещь майор не мог выбросить. Он сунул фото в бумажник, и оно должно было находиться там после кончины майора. Деньги могли украсть, но кому могло понадобиться красть снимок? Если, конечно, для этого не было особой причины...

Лицо мисс Марпл стало серьезным. Ей следовало принять решение. Позволит она майору Палгрейву мирно покоиться в своей могиле или нет? Может, лучше оставить все как есть? Она пробормотала себе под нос цитату: *«Теперь Дункан спокойно спит в гробу. Прошел горячечный припадок жизни».* Теперь ничто не могло повредить майору Палгрейву. Он ушел туда, где опасность не может его коснуться. Было ли простым совпадением, что он умер именно в эту ночь? *А может быть, нет?* Врачи без особого внимания относятся к смерти пожилых людей, особенно если в их комнате стоит бутылочка с таблетками, которые гипертоники должны принимать каждый день. Но если кто-то взял снимок из бумажника майора, то этот же человек мог поставить буты-

лочку в его комнату. Она сама никогда *не видела,* чтобы майор принимал таблетки; ей он никогда не говорил, что у него повышенное давление. Единственным, что он сказал о своем здоровье, была фраза: «Я уже не так молод». У майора иногда была небольшая одышка — обычная астма и ничего более. Но кто-то упоминал, что у него повышенное давление. Молли? Мисс Прескотт? Она не могла вспомнить.

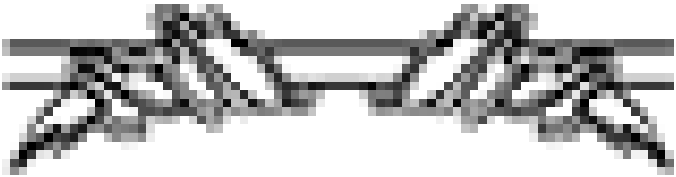
Мисс Марпл вздохнула.

«Ну, Джейн, что ты намерена делать? — произнесла она про себя. — А вдруг ты все это придумала? *Есть ли у тебя хоть какая-нибудь зацепка?»*

Напрягая память, она принялась слово за словом тщательно припоминать свою беседу с майором об убийствах и убийцах.

— О боже! — вздохнула мисс Марпл. — Даже если это и так — *я все равно не знаю, что я могу сделать...*

Но теперь она была уверена, что предпримет попытку.



Глава 6
ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

I

Мисс Марпл проснулась рано. Как и многие старые люди, она спала чутко, и у нее бывали периоды бессонницы, во время которых она планировала свои действия на ближайшее будущее. Разумеется, в большинстве случаев ее мысли касались сугубо личных дел или домашнего хозяйства. Но в это утро мисс Марпл размышляла

об убийстве и о том, что ей следует предпринять, если ее подозрения верны. Это было нелегко. У нее имелось одно-единственное оружие — разговоры.

Старые леди, как правило, всегда много болтали. Их собеседникам порядком это надоедало, но они не усматривали в этом никаких скрытых мотивов. Ей вовсе не придется задавать прямые вопросы (к тому же было весьма затруднительно решить, какой именно вопрос следует задать). Просто мисс Марпл должна побольше разузнать о некоторых людях, которых она сейчас перебирала в уме.

Возможно, мисс Марпл могла бы кое-что выяснить о майоре Палгрейве, но помогло бы это ей? Она сильно сомневалась. Если майора Палгрейва убили, то не из-за денег, не из мести и не из-за какой-то тайны в его жизни. Хотя он и являлся жертвой, но это был один из тех редких случаев, когда добыча знаний о жертве не может навести на след убийцы. Очевидно, причина убийства была в том, что майор Палгрейв слишком много болтал.

Один интересный факт она узнала от доктора Грэма. У майора в бумажнике было несколько фотографий: одна — изображавшая его самого

верхом на пони, на другой был мертвый тигр, остальные, наверно, были в том же духе. Почему же майор Палгрейв носил с собой эти снимки? «Очевидно, — подумала мисс Марпл, имеющая опыт в знакомствах со старыми адмиралами, генералами и майорами, — потому что они служили иллюстрациями к историям, которые он так любил рассказывать, — об охоте на тигров в Индии, о пони для игры в поло. Точно так же историю о подозреваемом убийце должна была подкрепить извлеченная из бумажника фотография».

В беседе с мисс Марпл майор следовал этому образцу. Когда разговор зашел об убийстве, он, чтобы возбудить интерес к своему рассказу, сделал то, что, безусловно, всегда делал в аналогичных случаях, — вытащил снимок и сказал что-то вроде: «Никогда не подумаешь, что этот парень убийца, верно?»

По-видимому, эта история входила в его *постоянный репертуар.* Как только беседа касалась убийства, майор тотчас же несся на всех парах.

В таком случае, подумала мисс Марпл, он мог *уже* рассказать об этом кому-то еще. И даже больше чем одному. Если так, то она могла узнать у этих людей какие-нибудь дополнительные

детали истории, возможно, описание человека, изображенного на фотографии.

Мисс Марпл удовлетворенно кивнула. С этого можно было начать.

И разумеется, оставались люди, которых мисс Марпл именовала про себя «четверо подозреваемых». Хотя вообще-то майор Палгрейв говорил о *мужчине,* а их было только двое. Полковник Хиллингдон и мистер Дайсон не очень-то походили на убийц, но ведь далеко не все убийцы *обладают* характерной внешностью. Может быть, там был кто-то еще? Она не увидела никого, когда повернула голову, чтобы проверить. Конечно, там стояло бунгало мистера Рафиэля. Может, кто-нибудь вышел из бунгало и успел войти назад прежде, чем она посмотрела в ту сторону? Если так, то это мог быть только слуга. Как его фамилия? Ах да, Джексон. Неужели *Джексон* вышел из домика и, таким образом, стал в той же позе, как и на снимке? *Человек, выходящий из двери...* Майор мог внезапно узнать его. До сих пор майор Палгрейв не проявлял никакого интереса к Артуру Джексону — блуждающий любопытный взгляд его единственного глаза, безусловно, был взглядом сноба, а так как Джексон не принадлежал к

«пукка-сахиб»[3], то майор вряд ли бы посмотрел на него дважды.

Но если, держа в руках снимок, он поглядел через правое плечо мисс Марпл и увидел человека, выходящего из двери?..

Мисс Марпл повернула голову на подушке. Итак, программа на завтра или, вернее, на сегодня — расследование по линиям: Хиллингдоны, Дайсоны и Артур Джексон, слуга.

II

Доктор Грэм тоже проснулся рано. Обычно он поворачивался на другой бок и засыпал снова. Но сегодня сон никак не приходил. Что-то мешало ему уснуть. Доктор уже давно не страдал от бессонницы. В чем же была причина его беспокойства? Он не мог этого понять. Может быть, здесь есть какая-то связь со смертью майора Палгрейва? Но что в этом событии могло не давать ему покоя? То, что говорила болтливая старая дама? Да, с ее фотокарточкой вышло неудачно, но она мужественно с этим примирилась. Какую же случайную фразу она обронила, от которой ему до сих пор не по себе? В конце концов, в смерти

---

[3] notes: 3

П у к к а - с а х и б — человек из высшего общества *(англо-инд.).*

майора *не было ничего странного.* По крайней мере, он так считал.

Было совершенно ясно, что при состоянии здоровья майора... но тут его мысли задержались. Так ли уж много он знал *о состоянии здоровья* майора Палгрейва? *Все говорили,* что у него было повышенное давление. Но ведь он сам никогда не беседовал с майором на эту тему, да и вообще редко с ним говорил. Палгрейв был старым занудой, а он всегда избегал людей этой категории. Какого же черта ему пришла в голову мысль, *что здесь что-то не так?* Из-за этой старой леди? Но ведь она фактически *ничего такого не сказала.* Как бы то ни было, это не его дело. Местные власти были вполне удовлетворены. В комнате нашли бутылочку с таблетками серенита, а старик, по-видимому, всем говорил о повышенном давлении.

Доктор Грэм повернулся в постели и вскоре снова заснул.

III

За территорией отеля в одной из лачуг у ручья девушка по имени Виктория Джонсон повернулась и села в кровати. Это была великолепная представительница обитателей Сент-Оноре́, с те-

лом, словно высеченным скульптором из черного мрамора. Проведя рукой по темным жестким локонам, она слегка толкнула ногой своего спящего компаньона:

— Проснись.

Мужчина, ворча, повернулся:

— Чего тебе надо? Еще не утро.

— Проснись. Я хочу поговорить с тобой.

Мужчина сел, потянулся и зевнул, показав ряд ровных белых зубов.

— Что случилось?

— Да вот этот майор, который умер... Мне это не нравится. Здесь что-то не так.

— Чего ради ты должна об этом беспокоиться? Он был уже стар и умер.

— Да послушай же! Эти пилюли, о которых меня спрашивал доктор...

— Ну и что? Может быть, он принял их слишком много.

— Нет, дело не в этом. Слушай. — Она наклонилась к нему и что-то горячо зашептала.

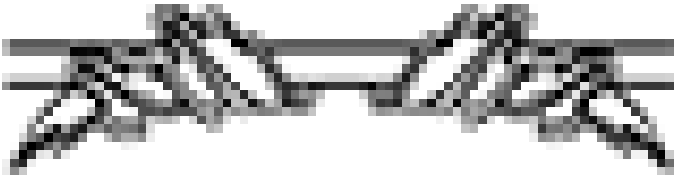
Зевнув, мужчина снова лег.

— Чепуха!

— Как бы то ни было, утром я скажу об этом миссис Кендал. По-моему, что-то здесь все же не так.

— Не стоит из-за этого волноваться, — сказал

мужчина, которого Виктория в настоящее время считала своим мужем, хотя и не заручилась брачным свидетельством. — Давай не будем подыскивать себе причину для беспокойства, — добавил он и, зевнув, повернулся на другой бок.



Глава 7

УТРО НА ПЛЯЖЕ

I

Эвелин Хиллингдон вылезла из воды и плюхнулась на теплый золотистый песок. Сняв купальную шапочку, она энергично тряхнула темными волосами. Пляж был не особенно большим. Люди обычно приходили туда по утрам, и к половине двенадцатого там происходило нечто вроде общего собрания. Слева от Эвелин в причудливом

плетеном кресле современной конструкции лежала сеньора де Каспаро, красавица из Венесуэлы. По соседству с ней расположился мистер Рафиэль, в настоящее время самый старший из обитателей «Золотой пальмы» и обладавший властью, доступной только пожилым и богатым инвалидам. Эстер Волтерс, как всегда, находилась рядом, имея при себе карандаш и блокнот на случай, если мистеру Рафиэлю внезапно взбредет в голову срочно отправить какую-нибудь деловую телеграмму. Мистер Рафиэль в пляжном наряде казался донельзя высохшим; кости покрывали гирлянды висевшей кожи. Хотя он имел вид человека, стоящего одной ногой в могиле, жители Вест-Индии утверждали, что он выглядит точно так же, по крайней мере, уже лет восемь. Проницательные голубые глаза поблескивали на морщинистом лице. Его основным развлечением было энергично отрицать все, что ему ни скажут.

Мисс Марпл также присутствовала на пляже. Как всегда, она сидела и вязала, прислушиваясь к происходящему и очень редко вступая в беседу. Когда же она начинала говорить, то это всех удивляло, так как обычно о ее существовании все забывали. Эвелин Хиллингдон снисходительно

на нее посматривала, считая ее «милой старушонкой».

Сеньора де Каспаро натирала ноги маслом для загара, что-то бурча себе под нос. Она была весьма неразговорчивой особой. Закончив процедуру, сеньора недовольно посмотрела на пузырек.

— Это масло хуже «Франхипаньо», — печально промолвила она. — А его достать здесь просто невозможно. — И ее веки снова опустились.

— Вы не хотите окунуться, мистер Рафиэль? — спросила Эстер Волтерс.

— Окунусь, когда сочту нужным, — огрызнулся мистер Рафиэль.

— Но уже половина двенадцатого, — заметила миссис Волтерс.

— Ну и что из этого? — осведомился мистер Рафиэль. — Вы думаете, я принадлежу к людям, которые зависят от времени? Это сделай тогда-то, это — через двадцать минут, это — еще через двадцать минут — тьфу!

Миссис Волтерс прослужила у мистера Рафиэля достаточно долго, чтобы выработать соответствующую линию поведения с ним. Она знала, что ему требуется немало времени для того, чтобы прийти в себя после купания, и поэтому напоминала ему о времени, оставляя в запасе добрых

десять минут для пререканий.

— Мне не нравятся эти пляжные туфли, — заявил мистер Рафиэль, подняв ногу и глядя на нее. — Я уже говорил этому болвану Джексону, но он никогда не обращает внимания на мои слова.

— Я принесу вам другие, мистер Рафиэль.

— Сидите на месте! Терпеть не могу людей, которые суетятся как клуши.

Лежащая на теплом песке Эвелин слегка пошевелилась и раскинула руки.

Мисс Марпл, поглощенная вязанием (по крайней мере, так казалось), вытянула ногу и поспешно извинилась:

— Простите, миссис Хиллингдон. Боюсь, что я толкнула вас.

— Ничего, — ответила Эвелин. — Пляж слишком переполнен.

— О, пожалуйста, не беспокойтесь. Я отодвину свое кресло назад, чтобы больше вас не задевать.

Во время передислокации мисс Марпл продолжала непринужденно болтать:

– *Здесь просто чудесно!* Знаете, я раньше никогда не была в Вест-Индии. Вот уж не думала, что когда-нибудь сюда попаду. А все по доброте моего племянника. Полагаю, вы хорошо знаете эти места, не так ли, миссис Хиллингдон?

— На этом острове я раньше была один или два раза, а кроме того, я была на многих других островах.

— Ах да! Бабочки и цветы. Вы занимаетесь ими вместе с вашими друзьями... или они ваши родственники?

— Друзья, и ничего более.

— Очевидно, вы много бываете вместе, потому что у вас общие интересы?

— Да. Мы путешествовали вместе несколько лет.

— И наверно, у вас было несколько увлекательных приключений?

— Едва ли, — ответила Эвелин. Ее голос звучал уныло и невыразительно. — Приключения всегда случаются с другими. — И она зевнула.

— Ни опасных встреч со змеями и хищниками, ни столкновений с дикими туземцами? — продолжала мисс Марпл, думая про себя: «Что за чушь я болтаю!»

— Только с кусачими насекомыми, — заверила ее Эвелин.

— Знаете, бедного майора Палгрейва однажды укусила змея, — сообщила мисс Марпл заведомую ложь.

— Неужели?

— А он никогда не рассказывал вам об этом?

— Может быть, и рассказывал. Я не помню.

— Он всегда рассказывал множество интересных историй.

— На редкость нудный старик, — вмешался мистер Рафиэль. — И к тому же глуп как пробка. Он бы не умер, если бы следил за собой как следует.

— О, пожалуйста, мистер Рафиэль, — взмолилась миссис Волтерс.

— Я знаю, что говорю. Если следишь за своим здоровьем, то все будет в порядке. Посмотрите на меня. Врачи уже несколько лет назад *признали меня безнадежным.* «Отлично, — сказал я. — У меня есть собственные медицинские правила, и я буду им следовать». И вот, как видите, я до сих пор жив. — И он гордо огляделся вокруг.

То, что он был до сих пор жив, и в самом деле казалось чудом.

— У бедного майора Палгрейва было повышенное давление, — заметила миссис Волтерс.

— Чепуха, — отрезал мистер Рафиэль.

— Но это действительно так, — подхватила Эвелин Хиллингдон. В ее голосе неожиданно послышались твердые нотки.

— Он сам вам это сообщил? — осведомился мистер Рафиэль.

— Кто-то мне говорил.

— У него было очень красное лицо, — вставила мисс Марпл.

— Это еще ничего не значит, — возразил мистер Рафиэль. — К тому же у него *не было* повышенного давления, и он сам мне об этом сказал.

— Что вы имеете в виду? — спросила миссис Волтерс.

— Я видел, как он много ест и без передышки поглощает пунши, и как-то прочитал ему мораль: «В ваши годы нужно помнить о кровяном давлении, соблюдать диету и не злоупотреблять алкоголем». А он ответил, что ему это незачем, так как для его возраста у него прекрасное давление.

— Но он, кажется, принимал какое-то лекарство от гипертонии, — снова вмешалась мисс Марпл. — Как будто оно называется «серенит».

— По-моему, — сказала Эвелин Хиллингдон, — ему просто не хотелось признаться в своей болезни. Очевидно, он принадлежал к людям, которые боятся болезней и, как ни странно, именно поэтому не говорят, что они больны.

Глядя на ее темноволосую голову, мисс Марпл подумала, что эта тирада чересчур длинна для Эвелин Хиллингдон.

— Беда в том, — наставительно произнес ми-

стер Рафиэль, — что люди слишком интересуются чужими болезнями. Они считают, что каждый, кому больше пятидесяти, обязательно должен умереть от гипертонии, коронарного тромбоза или чего-нибудь в этом роде. Чепуха! Если человек говорит, что с ним все в порядке, значит, так оно и есть. Люди должны знать о собственном здоровье. Сколько сейчас времени? Без четверти двенадцать? Мне уже давно было пора окунуться. Почему вы не напомнили мне об этом, Эстер?

Миссис Волтерс не выразила протеста. Она встала, помогла подняться мистеру Рафиэлю и, поддерживая его, вошла вместе с ним в море.

— Как безобразны старики! — промолвила сеньора де Каспаро, открыв глаза. — Пожалуй, людям следовало бы умирать в сорок или даже в тридцать пять лет.

К ним подошли Эдвард Хиллингдон и Грегори Дайсон, скрипя ногами по песку.

— Как вода, Эвелин?

— Как обычно.

— Да, здесь температура всегда одна и та же. А где Лаки?

— Не знаю, — ответила Эвелин.

И снова мисс Марпл задумчиво на нее посмотрела.

— Ну, пожалуй, я изображу кита, — сказал Грегори. Он сбросил яркую рубашку, побежал по пляжу, бросился в воду, пыхтя и отфыркиваясь, и быстро поплыл кролем.

Эдвард Хиллингдон сел на песок рядом с женой.

— Искупаемся? — спросил он.

Она улыбнулась, надела купальную шапочку, и они вдвоем зашагали к морю, делая это значительно менее эффектно, чем Грегори.

Сеньора де Каспаро снова открыла глаза.

— Сначала я думала, что у этих двоих медовый месяц — он с ней так мил, но они, оказывается, женаты восемь или девять лет. Удивительно, правда?

— Интересно, где миссис Дайсон? — заметила мисс Марпл.

— Лаки? С каким-нибудь мужчиной.

— Вы... вы в самом деле так думаете?

— Конечно, — подтвердила сеньора де Каспаро. — Она — женщина именно такого типа, хотя и не так уж молода. А у ее мужа тоже глаза бегают повсюду. Уж это-то я знаю.

— Безусловно, знаете, — согласилась мисс Марпл. — В этом я не сомневаюсь.

Сеньора де Каспаро бросила на нее удивленный

взгляд. Очевидно, она не ждала от мисс Марпл подобного ответа.

Мисс Марпл тем временем продолжала смотреть на волны с выражением святой невинности.

II

— Могу я поговорить с вами, миссис Кендал?

— Да, конечно, — ответила Молли, сидящая за письменным столом в кабинете.

Виктория Джонсон в белой крахмальной униформе подошла ближе и закрыла за собой дверь с таинственным видом.

— Я хотела рассказать вам кое-что, миссис Кендал.

— Да? Что-нибудь не так?

— Не знаю. Я не уверена. Это касается старого джентльмена, который умер во сне.

— Ну и что же?

— В его комнате была бутылочка с таблетками. Доктор спрашивал меня о них.

— Да?

— Доктор сказал: «Позвольте мне взглянуть, что у него стоит на полочке в ванной». Там были зубной порошок, желудочные таблетки, аспирин, каскара и пузырек с надписью: «Серенит».

— Да? — снова повторила Молли.

— Доктор увидел эту бутылочку и казался вполне удовлетворенным. Но потом я вспомнила, что раньше ее не было в ванной, — я там ее не видела. Зубной порошок, крем для бритья, аспирин и прочее там всегда стояли, но таблеток серенита я никогда раньше не замечала.

— Значит, вы думаете... — Молли казалась удивленной.

— Не знаю, что и думать, — сказала Виктория. — Я только поняла, что здесь что-то не так, и решила рассказать вам. Может быть, вы сообщите доктору? А вдруг *кто-то* подсунул ему эти пилюли, чтобы он проглотил их и умер?

— Едва ли, — возразила Молли.

Виктория покачала курчавой головой:

— Кто знает. Люди часто совершают дурные поступки.

Молли посмотрела в окно. Место казалось земным раем. Солнце, море, коралловые рифы, музыка, танцы... Но ведь даже в саду Эдема появился змей. *«Дурные поступки»* — как мерзко звучат эти слова.

— Я наведу справки, Виктория, — быстро ответила она. — Не беспокойтесь и, пожалуйста, не распространяйте нелепых слухов.

Как только Виктория неохотно удалилась, в комнату вошел Тим Кендал.

— Что-нибудь случилось, Молли?

Молли колебалась, но ведь Виктория могла пойти и к Тиму, поэтому она передала ему рассказ девушки.

— Чепуха какая-то! *При чем тут эти пилюли?*

— Ну, я не знаю, Тим. Доктор Робертсон, когда он приходил сюда, говорил, что они как-то действуют на кровяное давление.

— Ну и что из этого? *У майора ведь было высокое давление,* и он, наверное, принимал эти таблетки.

— Да, — неуверенно продолжала Молли, — но Виктория, кажется, думает, что он из-за этих таблеток мог умереть.

— Знаешь, дорогая, это уж *чересчур* мелодраматично! Ты имеешь в виду, что кто-то мог заменить таблетки от давления на что-нибудь другое и тем самым отравить майора?

— Это звучит абсурдно, — виновато сказала Молли, — в твоих устах. Но Виктория как будто думает именно так.

— Глупая девчонка! Конечно, мы *могли бы* пойти к доктору Грэму и все у него выяснить. Но, право, это такая чепуха, что не стоит его бес-

покоить.

— Я тоже так считаю.

— Что заставило ее думать, будто кто-то мог подменить таблетки? Ты говоришь, ей кажется, что другие таблетки положили в тот же самый пузырек?

— Не знаю, — беспомощно ответила Молли. — Виктория вроде бы говорила, что пузырек с серенитом она увидела там впервые.

— Что за ерунда! — воскликнул Тим Кендал. — Майор же все время должен был принимать эти таблетки, чтобы снижать давление. — И он вышел из комнаты, чтобы посоветоваться с метрдотелем Фернандо.

Но Молли не могла так легко прогнать беспокойные мысли. Когда суета с ланчем кончилась, она сказала мужу:

— Тим, я все думаю... если Виктория будет повсюду об этом болтать, лучше было бы нам все самим выяснить.

— Но, дорогая, Робертсон и остальные все проверили.

— Да, но ты знаешь, как эти девушки легко возбуждаются.

— Ну ладно. Пойдем посоветуемся с Грэмом. Он должен все знать.

Доктор Грэм сидел с книгой в своей лоджии. Чета Кендал вошла к нему, и Молли начала рассказ. Так как он был весьма бессвязным, то Тим взял на себя инициативу.

— Звучит это, конечно, по-идиотски, — словно извиняясь, добавил он, — но, насколько я понял, девчонка вбила себе в голову, что кто-то положил ядовитые таблетки в пузырек из-под этого... как его... сера...

— Но почему она так решила? — спросил доктор Грэм. — Она что-нибудь видела или слышала?

— Не знаю, — довольно беспомощно ответил Тим. — Послушай, Молли, там что, заменили бутылочку?

— Нет, — возразила Молли. — По-моему, она говорила, что на ней была надпись: «Севен... Серен...»

— «Серенит», — подсказал доктор. — Это известный препарат. Он, очевидно, регулярно принимал его.

— Но Виктория сказала, что раньше она не видела его у него в комнате.

— Раньше не видела? — резко переспросил Грэм. — Что она под этим подразумевает?

— Ну, то, *что она сказала.* Виктория утверждает, что на полке в ванной стояли зубной порошок,

крем для бритья, аспирин... ну и прочая чепуха. Очевидно, она всегда убирала там и поэтому помнит все наизусть. Но этого... серенита она никогда там не видела до смерти майора.

— Очень странно, — протянул доктор Грэм. — Она в этом уверена?

Резкость его тона удивила обоих Кендалов. Они не ожидали, что доктор Грэм так к этому отнесется.

— Как будто уверена, — медленно ответила Молли.

— Может быть, она просто хотела устроить сенсацию? — предположил Тим.

— Пожалуй, — сказал доктор Грэм, — я лучше переговорю с самой девушкой.

Виктория не скрывала своего удовольствия, когда ей разрешили повторить рассказ.

— Не хочу иметь неприятности, — закончила она. — *Я не ставила* туда бутылочку и не знаю, кто это сделал.

— Значит, вы думаете, *что ее туда подсунули?* — спросил Грэм.

— Должно быть, так, доктор, раз ее не было там раньше.

— Но майор Палгрейв мог держать ее в ящике стола или где-нибудь еще.

Виктория покачала головой:

— Вряд ли, если он должен был принимать таблетки постоянно.

— Да, — неохотно согласился Грэм. — Это лекарство он должен был принимать несколько раз в день. А вы никогда не видели, как он принимал его?

— Да говорю же вам, что его там раньше не было. Вот я и подумала, не был ли это какой-нибудь яд, который подсунул майору его враг.

— Чепуха, девочка, — сурово возразил доктор. — Совершеннейшая чепуха.

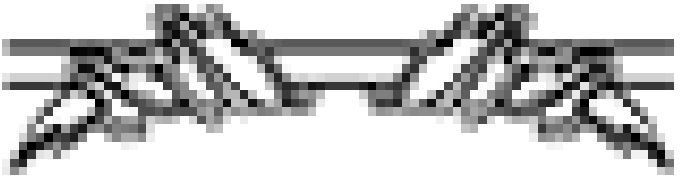
Виктория выглядела потрясенной.

— Так вы говорите, что эти таблетки были обычным лекарством? — с сомнением переспросила она.

— Хорошим и *даже необходимым,* — ответил доктор Грэм. — Поэтому не волнуйтесь, Виктория. Уверяю вас, что с этим лекарством все в порядке.

— Вы просто сняли камень у меня с души, — сказала Виктория и весело улыбнулась, обнажив белые зубы.

Но камень не упал с души доктора Грэма. Его смутное беспокойство начало обретать реальную почву.



Глава 8

РАЗГОВОР С ЭСТЕР ВОЛТЕРС

— Это место уже не такое, как было раньше, — раздраженно произнес мистер Рафиэль, заметив, что мисс Марпл приближается туда, где он сидел со своей секретаршей. — Нельзя ступить и шагу, чтобы какая-нибудь старая квочка не следовала за тобой по пятам. Зачем эти старухи едут в Вест-Индию?

— А куда, по-вашему, они должны ездить? — осведомилась Эстер Волтерс.

— В Челтенхэм, — тотчас же ответил мистер Рафиэль, — либо в Борнмут, Торки или Лландриндод-Уэллс. Выбор богатый, и там они полностью счастливы.

— Полагаю, что они нечасто могут позволить себе путешествие в Вест-Индию, — заметила Эстер. — Не всем так везет, как вам.

— Везет, нечего сказать, — проворчал мистер Рафиэль. — Торчи здесь со всеми своими болезнями и еще в придачу с вами, которая только читает мне лекции и ничего не делает! Почему вы до сих пор не отпечатали письма?

— У меня не было времени.

— Ну, так займитесь ими немедленно. Я привез вас сюда, чтобы вы работали, а не грелись на солнце и демонстрировали вашу фигуру.

Многие сочли бы поведение мистера Рафиэля невыносимым, но Эстер Волтерс работала у него уже несколько лет и отлично знала, что его брани не следует придавать значения. Мистер Рафиэль почти все время страдал от каких-нибудь болей и, делая ядовитые замечания, давал выход своим чувствам. Поэтому, что бы он ни говорил, Эстер всегда сохраняла полнейшее спокойствие.

— Какой прекрасный вечер, не правда ли? — сказала мисс Марпл, остановившись рядом

с ними.

— Ну и что? — огрызнулся мистер Рафиэль. — Ведь для этого мы сюда и приехали.

Мисс Марпл рассмеялась:

— Вы забываете, что погода — чисто английская тема для разговора. О боже, эта шерсть другого цвета. — Она положила вязанье на столик и поспешила к своему бунгало.

— Джексон! — рявкнул мистер Рафиэль.

Джексон тут же появился.

— Отведите меня в домик, — распорядился мистер Рафиэль. — Я хочу заняться массажем до того, как вернется эта болтливая старуха. Впрочем, от этого массажа нет никакого толку, — добавил он, позволив своему массажисту помочь ему встать и отвести в бунгало.

Смотрящая им вслед Эстер Волтерс повернула голову, когда подошедшая с клубком шерсти мисс Марпл села рядом с ней.

— Надеюсь, я вам не помешаю? — спросила мисс Марпл.

— Конечно нет, — ответила Эстер Волтерс. — Я скоро должна идти печатать, но сперва мне хочется минут десять полюбоваться закатом.

Мисс Марпл начала болтать, в то же время внимательно изучая Эстер Волтерс. Не бог весть

какая красавица, но если постарается, то может выглядеть привлекательной. Мисс Марпл интересовало как раз то, почему она не старается. Вряд ли потому, что против этого возражал мистер Рафиэль. Он был так поглощен собственной персоной, что до тех пор, пока о нем не забывали, его секретарша могла походить хоть на райскую гурию без каких-либо возражений с его стороны. Кроме того, мистер Рафиэль обычно рано ложился спать, и вечером во время танцев Эстер Волтерс вполне могла себе позволить выглядеть... мисс Марпл подбирала в уме нужное слово, одновременно весело рассказывая о своей поездке в Джеймстаун, — ах да, *поярче!*

Мисс Марпл заговорила о Джексоне. В этой области Эстер Волтерс не выказала особой осведомленности.

— Он очень опытный массажист.

— Очевидно, он уже давно работает у мистера Рафиэля?

— О нет, по-моему, около девяти месяцев.

— Он женат? — рискнула спросить мисс Марпл.

— Женат? Не думаю, — несколько удивленно ответила Эстер. — Он никогда об этом не упоминал... *Нет, конечно, он не женат.* — Казалось,

подобное предположение ее позабавило.

Мисс Марпл решила, что про себя она подумала: «Во всяком случае, он не ведет себя как женатый человек».

Однако мисс Марпл знала достаточное количество женатых людей, которые не вели себя так, как подобает их положению.

— Он красивый молодой человек, — промолвила она.

— Да, пожалуй, — без особого интереса согласилась Эстер.

Мисс Марпл задумчиво посмотрела на нее. Очевидно, Эстер Волтерс не интересуется мужчинами. Быть может, она принадлежала к тем женщинам, которых мужчина интересовал только раз в жизни, — тем более что она вдова?

— А вы давно работаете у мистера Рафиэля? — спросила она.

— Четыре или пять лет. После смерти мужа я была вынуждена снова пойти работать, так как оказалась в очень затруднительном положении, а у меня дочь учится в школе.

— С мистером Рафиэлем, должно быть, работать нелегко? — отважилась спросить мисс Марпл.

— В общем, нет, если узнать его поближе. Он страшный спорщик и часто приходит в ярость.

Думаю, его настоящая беда в том, что он устал от людей. В течение двух лет он сменил пятерых слуг. Ему нужен был кто-то новый, на кого можно ворчать. Но мы с ним отлично уживаемся.

— Мистер Джексон, наверное, очень услужливый молодой человек?

— Он очень тактичен, — сказала Эстер. — Конечно, он иногда... — Она не окончила фразу.

— Попадает в неловкое положение? — подсказала мисс Марпл.

— Вот именно. Ведь его должность не совсем понятна — то ли слуга, то ли медбрат. Все же, — она улыбнулась, — мне кажется, что он умеет хорошо провести время.

Мисс Марпл задумалась над полученными сведениями. Они не слишком ей помогли. Она продолжала болтать и вскоре услышала многое о квартете натуралистов — Дайсонах и Хиллингдонах.

— Хиллингдоны приезжают сюда последние три-четыре года, — сообщила Эстер, — а Грегори Дайсон бывал здесь гораздо раньше. Он очень хорошо знает Вест-Индию. По-моему, впервые он приезжал сюда с первой женой. У нее было слабое здоровье, и зимой ей приходилось уезжать за границу или, во всяком случае, туда, где потеплее.

— Она умерла или они разошлись?

— Она умерла. Кажется, где-то здесь. Не на этом самом острове, но где-то в Вест-Индии. У них как будто был какой-то скандал или что-то в этом роде. Он никогда не говорит о ней. Мне рассказывал о них кто-то другой. Очевидно, жили они неважно.

— И потом он женился на этой Лаки? — Мисс Марпл произнесла последнее слово с оттенком неодобрения, словно говоря: «Право, какое нелепое имя!»

— Кажется, она была родственницей его первой жены.

— А они давно знакомы с Хиллингдонами?

— Думаю, что только с тех пор, как Хиллингдоны стали сюда ездить. Три-четыре года, не больше.

— Хиллингдоны производят очень приятное впечатление, — заметила мисс Марпл. — Они такие спокойные.

— Да, они спокойные.

— Все говорят, что они очень любят друг друга, — сказала мисс Марпл. Это было произнесено вполне невинным тоном, тем не менее Эстер резко вскинула голову.

— Но вы же так не считаете? — спросила она.

— Вы ведь сами так не думаете, дорогая.

— Ну, как вам сказать...

— Спокойных, сдержанных мужчин вроде Эдварда Хиллингдона, — продолжала мисс Марпл, — часто привлекают яркие женщины. — И она добавила после многозначительной паузы: — Лаки — какое странное имя. Вы думаете, мистер Дайсон догадывается о том, что... могло произойти?

«Старая сплетница, — подумала Эстер Волтерс. — Ох уж эти старухи!»

— Понятия не имею, — холодно ответила она.

— Какая печальная история случилась с бедным майором Палгрейвом, — переменила тему мисс Марпл.

Эстер Волтерс машинально согласилась.

— Мне очень жаль Кендалов, — сказала она.

— Да, когда такое случается в отеле, это малоприятно.

— Люди ведь приезжают сюда получать удовольствие, — продолжала Эстер. — Забыть о болезнях, смертях, подоходных налогах, замерзших радиаторах и обо всем остальном. Они не хотят, — добавила она внезапно изменившимся голосом, — чтобы им напоминали о смерти.

Мисс Марпл отложила вязанье.

— Вы совершенно правы, дорогая, — согласи-

лась она.

— Кендалы — еще совсем молодая пара, — сказала Эстер Волтерс. — Они сменили здесь Сандерсонов только полгода назад, и их очень беспокоило то, как пойдут дела, потому что у них мало опыта.

— И вы думаете, что эта история может им повредить?

— Откровенно говоря, нет, — ответила Эстер. — По-моему, в здешней атмосфере люди ни о чем не помнят больше двух дней. Смерть, конечно, потрясла их, но только на сутки — после похорон о ней забыли. Разумеется, если им не напоминать. Я говорила об этом Молли, но она такая беспокойная.

— Миссис Кендал? Она всегда кажется такой беспечной.

— Думаю, что ее беспечность в значительной мере напускная, — медленно произнесла Эстер. — По-моему, она принадлежит к тому сорту людей, которые все время волнуются, что *что-то может случиться.*

— А мне *ее муж* казался более беспокойным.

— Вряд ли вы правы. Очевидно, он беспокоится из-за ее волнений, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Интересно, — заметила мисс Марпл.

— Я думаю, что Молли изо всех сил старается выглядеть веселой и радоваться жизни, но эти усилия изнуряют ее, и тогда у нее появляются странные приступы депрессии. Она... ну, неуравновешенная.

— Бедное дитя, — вздохнула мисс Марпл. — Таких людей очень много, но посторонние часто не подозревают об их состоянии.

— Нет, они ведь искусно его скрывают. Как бы то ни было, — добавила Эстер, — я не думаю, что Молли следует беспокоиться из-за этой истории. В наши дни люди постоянно умирают от коронарного тромбоза, кровоизлияния в мозг и прочих подобных болезней, по-моему, гораздо чаще, чем раньше, когда умирали в основном от пищевого отравления и брюшного тифа.

— Майор Палгрейв *никогда не говорил мне,* что у него повышенное давление, — сказала мисс Марпл. — А вам?

— Он говорил об этом кому-то — не знаю, кому именно. Может быть, мистеру Рафиэлю, правда, мистер Рафиэль это отрицает, но ведь он всегда спорит. Кажется, Джексон как-то сказал мне об этом и добавил, что майору не следовало бы злоупотреблять алкоголем.

— Понятно, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Очевидно, вы считали майора скучным стариком? Он всегда рассказывал разные истории и к тому же часто повторял одно и то же.

— Это самое худшее, — вставила Эстер. — Приходилось по нескольку раз выслушивать ту же историю, если только не удавалось отключиться.

— Я не особенно возражала потому, — продолжала мисс Марпл, — что с первого раза никогда ничего не запоминаю.

Эстер весело рассмеялась.

— Особенно он любил одну историю об убийстве, — сказала мисс Марпл. — Вам он, наверное, тоже ее рассказывал?

Эстер Волтерс открыла свою сумочку и, порывшись в ней, вытащила губную помаду.

— Я думала, что потеряла ее... Простите, вы что-то сказали?

— Я спросила, рассказывал ли вам майор Палгрейв свою любимую историю об убийстве?

— Как будто да. Кажется, о женщине, которая отравила своего мужа газом — усыпила его снотворным и сунула его голову в духовку. Вы об этом говорите?

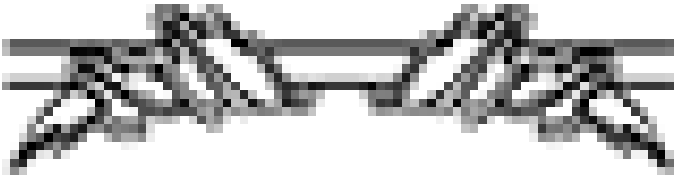
— Не совсем, — ответила мисс Марпл, с сомнением глядя на Эстер Волтерс.

— Он рассказывал такое множество историй, — оправдывалась Эстер, — что запомнить их было невозможно.

— У него был снимок, который он всем показывал.

— Кажется, да. Я точно не помню... А он показывал его вам?

— Нет, — ответила мисс Марпл, — не показывал. Нам помешали.



Глава 9

МИСС ПРЕСКОТТ И ДРУГИЕ

— История, которую *я слышала...* — начала мисс Прескотт, понизив голос и оглядевшись.

Мисс Марпл придвинула ближе свой стул. Прошло немало времени, прежде чем ей удалось встретиться наедине с мисс Прескотт, чтобы поговорить с глазу на глаз. Подобно всем священникам, каноник обожал пребывание в семейном кругу и постоянно сопровождал свою сестру, а в компании общительного каноника мисс Марпл

и мисс Прескотт едва ли могли бы как следует посплетничать.

— Конечно, — продолжала мисс Прескотт, — я не хочу распространять скандальные слухи, и к тому же я *практически ничего не знаю...*

– *О, разумеется,* — согласилась мисс Марпл.

— Кажется, был какой-то скандал, когда его первая жена была еще жива! По-видимому, эта женщина, Лаки (ну и имя!), которая как будто приходилась кузиной его первой жене, приехала сюда, присоединилась к ним и, очевидно, стала вместе с ним заниматься цветами, бабочками и прочим. Ну, так как они очень много времени проводили вместе, то люди начали болтать — вы понимаете, что я имею в виду.

– *Люди всегда все замечают,* — вставила мисс Марпл.

— А потом, когда его жена умерла так внезапно...

— Она умерла здесь, на этом острове?

— Нет. Они тогда находились на Мартинике или Тобаго, но я слышала от людей, которые были там в то время, что врач был не очень удовлетворен.

— В самом деле? — с интересом осведомилась мисс Марпл.

— Конечно, это всего лишь *сплетни,* но мистер Дайсон *очень скоро* женился снова. — И она прошептала: — По-моему, *уже через месяц.*

— Через месяц?! — переспросила мисс Марпл.

Обе женщины посмотрели друг на друга.

— Удивительная бесчувственность, — заметила мисс Прескотт.

— Действительно, — согласилась мисс Марпл и деликатно добавила: — А не было ли это связано с деньгами?

— Право, не знаю. Он часто шутит, что его жена принесла ему удачу — отсюда и пошло ее прозвище.

— Да, я слышала это.

— А некоторые считают, что удача состояла в том, что он женился на богатой женщине. Конечно, — добавила мисс Прескотт с видом воплощенного беспристрастия, — она очень красивая, если вам нравятся женщины такого типа, но я думаю, что деньги были у его *первой жены.*

— А Хиллингдоны достаточно обеспечены?

– *По-моему, да,* хотя, конечно, не сказочно богаты. Двое их сыновей учатся в школе в Англии. Бóльшую часть зимы они проводят в путешествиях.

Появившийся в этот момент каноник предло-

жил немного прогуляться. Мисс Прескотт встала и присоединилась к брату. Мисс Марпл осталась сидеть на месте.

Несколько минут спустя мимо нее прошел Грегори Дайсон, идущий в сторону отеля. Он весело помахал рукой мисс Марпл.

— О чем задумались? — спросил он.

Мисс Марпл мягко улыбнулась, представив себе его реакцию, если бы она ответила: «Я думаю о том, вы ли убийца».

Это казалось весьма возможным. В таком случае все превосходно соответствовало друг другу... Эта история о смерти первой жены мистера Дайсона... Ведь майор Палгрейв рассказывал именно о преступнике, специализировавшемся на убийстве своих жен, даже напомнив об истории с «женами, утопленными в ванне».

Да, все соответствовало — только слишком уж хорошо. Но мисс Марпл сразу же обругала себя за эту мысль. Ведь нельзя же мерить все убийства по одной мерке.

Внезапно послышавшийся хрипловатый голос заставил ее вздрогнуть.

— Вы не видели Грега, мисс... э-э?..

«Лаки, — подумала мисс Марпл, — в не особенно хорошем настроении».

— Он только что прошел мимо в сторону отеля.

— Так я и думала! — с раздражением воскликнула Лаки и поспешила прочь.

«Ей не меньше сорока лет, и сегодня утром она так и выглядит», — подумала мисс Марпл.

Ее охватила жалость к многочисленным Лаки, к которым так безжалостно время. Услышав позади чей-то голос, она повернула свой стул.

Мистер Рафиэль, поддерживаемый Джексоном, вышел из своего бунгало.

Усадив своего хозяина в кресло на колесах, Джексон продолжал суетиться вокруг него. Мистер Рафиэль раздраженно махнул рукой, и Джексон зашагал по направлению к отелю.

Мисс Марпл не намеревалась терять время — ведь мистер Рафиэль никогда не оставался один надолго. Скоро к нему должна была присоединиться Эстер Волтерс. Мисс Марпл хотела побеседовать с мистером Рафиэлем и решила, что время пришло. Она должна действовать как можно быстрее — без длительных предисловий. Мистер Рафиэль не тот человек, которого может заинтересовать праздная болтовня со старой леди. Он еще чего доброго вернется к себе в бунгало, спасаясь от преследования. Мисс Марпл решила

сразу же взять быка за рога.

Подойдя к тому месту, где сидел мистер Рафиэль, она подвинула к себе стул и села.

— Я хочу спросить вас кое о чем, мистер Рафиэль.

— Валяйте, спрашивайте. Очевидно, я должен пожертвовать на деятельность миссионеров в Африке или на ремонт церкви?

— Вообще-то я заинтересована в благотворительности, — сказала мисс Марпл, — и была бы рада, если бы вы сделали взнос. Но сейчас я хотела спросить вас, не рассказывал ли вам когда-нибудь майор Палгрейв историю об убийстве?

— Эге! — протянул мистер Рафиэль. — Значит, он и вам ее рассказывал? И вы попались на удочку?

— Право, я не знала, что и думать, — сказала мисс Марпл. — А что именно он рассказывал вам?

— Болтал что-то о какой-то молодой золотоволосой красавице, которая оказалась настоящей Лукрецией Борджа.

— О! — воскликнула слегка сбитая с толку мисс Марпл. — И кого же она убила?

— Своего мужа, разумеется, — ответил мистер Рафиэль. — А вы думали кого?

— Она его отравила?

— Нет, кажется, дала ему снотворного и затем сунула его голову в духовку. Находчивая особа! Потом она сказала, что это было самоубийство, и вышла сухой из воды. Это всегда удается красивым женщинам и избалованным молодым хулиганам, которых слишком любят их мамаши. Тьфу!

— Майор показывал вам фотокарточку?

— Фотокарточку этой женщины? Нет. А зачем?

Мисс Марпл была ошеломлена. Очевидно, майор Палгрейв рассказывал не только об убитых им тиграх и слонах, но и об убийцах, с которыми он встречался. Возможно, в его репертуаре было множество подобных историй — с этим следует считаться. Внезапно она вздрогнула, так как мистер Рафиэль неожиданно издал громогласный вопль:

— Джексон!!!

Ответа не последовало.

— Может быть, мне поискать его? — предложила мисс Марпл, вставая.

— Вы его не найдете. Бегает за какой-нибудь бабой. У этого парня паршивый характер, но свое дело он знает.

— Я все-таки разыщу его, — повторила мисс

Марпл.

Она нашла Джексона в дальнем конце террасы отеля занятым выпивкой с Тимом Кендалом.

— Мистер Рафиэль разыскивает вас, — сообщила мисс Марпл.

Джексон скорчил выразительную гримасу, осушил свой стакан и поднялся.

— Опять! — вздохнул он. — Я думал, что два телефонных разговора и составление диеты дадут мне алиби на четверть часа. Оказывается, нет. Благодарю вас, мисс Марпл. Спасибо за выпивку, мистер Кендал.

И он удалился.

— Мне жаль этого парня, — сказал Тим. — Поэтому я и составляю ему компанию, чтобы развеселить его. Хотите чего-нибудь, мисс Марпл? Как насчет лимонада? Я знаю, что вы его любите.

— Спасибо, сейчас не хочу. Думаю, что прислуживать мистеру Рафиэлю нелегко. С инвалидами часто приходится трудновато...

— Я имел в виду не только это. Ради хорошего заработка можно примириться с капризами, а Рафиэль в общем-то неплохой старик. Дело не в этом... — Он колебался.

Мисс Марпл вопросительно посмотрела на него.

— Не знаю, как вам объяснить... Это делает неясным положение Джексона в обществе. Люди ведь такие заядлые снобы — а здесь нет ни одного представителя его класса. Он выше, чем слуга, но ниже, чем обычный постоялец, — по крайней мере, все так считают. Выходит, что он — нечто вроде викторианской гувернантки. Даже секретарша, миссис Волтерс, считает себя выше его. Конечно, ему бывает трудновато. — Сделав паузу, Тим с чувством добавил: — Социальные проблемы в таком месте, как это, просто невыносимы!

Мимо них прошел доктор Грэм, держа в руке книгу. Он сел за стол и уставился на море.

— Доктор Грэм выглядит расстроенным, — заметила мисс Марпл.

— Еще бы! Мы все расстроены.

— И вы тоже? Из-за смерти майора Палгрейва?

— Нет, об этом я уже бросил беспокоиться. Люди уже как будто все позабыли. Меня тревожит Молли. Вы знаете что-нибудь о снах?

— О снах? — удивленно переспросила мисс Марпл.

— Да, о дурных снах — ночных кошмарах. О, иногда это случается со всеми нами. Но Молли — с ней это теперь происходит почти постоянно. Сны пугают ее. Нельзя ли принять против этого какие-

нибудь меры? Молли пьет какие-то снотворные таблетки, но говорит, что от них ей только хуже — она старается проснуться и не может.

— А что это за сны?

— Ну, кто-то или что-то либо гонится, либо следит за ней — она не может избавиться от этого ощущения, даже когда проснется.

— Может быть, врач...

— У Молли предубеждение против врачей. Она не хочет и слышать о них. Конечно, я надеюсь, что это пройдет. Но мы были так счастливы, а теперь, особенно в последнее время... Возможно, ее огорчила смерть старика Палгрейва. С тех пор ее словно подменили...

Тим встал:

— Ну, надо заняться делом. Так вы все-таки отказываетесь от лимонада?

Мисс Марпл покачала головой.

Задумавшись, она сидела за столиком. Ее лицо было серьезным и обеспокоенным.

Поглядев на доктора Грэма, мисс Марпл приняла решение. Она встала и подошла к его столу.

— Я должна извиниться перед вами, доктор Грэм.

— Что? — Доктор с удивлением поглядел на нее. Он придвинул к ней стул, и мисс Марпл села.

— Боюсь, что я совершила некрасивый поступок, — сказала мисс Марпл. — Я солгала вам, доктор Грэм. — И она с тревогой посмотрела на него.

— В самом деле? — осведомился он. — Ну, из-за этого не стоит особенно беспокоиться.

Очевидно, эта славная старушка солгала относительно своего возраста. Хотя он не помнил, чтобы эта тема затрагивалась.

— Ну, так в чем же дело? — спросил он, видя, что мисс Марпл хочет покаяться.

— Вы помните, как я рассказывала вам о фотографии моего племянника, которую я показывала майору Палгрейву и которую он мне не вернул?

— Да-да, конечно, помню. Жаль, что мы не могли ее разыскать.

— Ее никогда не существовало, — созналась мисс Марпл.

— Прошу прощения?

— Я все это выдумала.

— Выдумали? — Доктор Грэм с беспокойством посмотрел на нее. — Зачем?

Мисс Марпл ясно, отчетливо и без лишних слов объяснила ему все. Она сообщила ему о рассказе майора Палгрейва, о том, как он собирался показать ей этот фотоснимок, и о его внезап-

ном смущении. Потом она поведала ему о своих тревогах и об окончательном решении самой взглянуть на карточку.

— Таким образом, я была вынуждена солгать вам, — закончила мисс Марпл. — У меня просто не было другого выхода. Надеюсь, вы меня простите.

— Вы думали, что он собирался показать вам фотографию убийцы?

— Так он сказал. По крайней мере, он говорил, что снимок дал ему знакомый, который и рассказал историю об этом убийце.

— И вы... простите... поверили ему?

— Тогда я не знала, верить ему или нет, — сказала мисс Марпл. — Но видите ли, на следующий день он умер.

Неумолимая логика последней фразы начала убеждать доктора Грэма.

— А снимок исчез.

Доктор Грэм посмотрел на нее, не находя слов.

— Извините меня, мисс Марпл, — заговорил он наконец, — но на этот раз вы рассказали мне правду?

— Я не удивляюсь, что вы сомневаетесь в моих словах, — ответила мисс Марпл. — На вашем месте я думала бы так же. Да, я рассказала вам

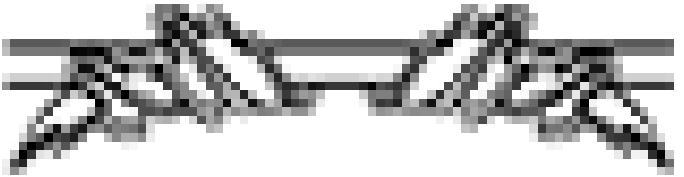
чистую правду, хотя хорошо понимаю, что у меня нет никаких доказательств. Я знала, что вы можете мне не поверить, и все же сочла своим долгом сообщить вам об этом.

— Почему?

— Потому что вы должны располагать наиболее полной информацией, если...

— Если — что?

— Если вы решите принять какие-нибудь меры.



Глава 10

РЕШЕНИЕ В ДЖЕЙМСТАУНЕ

В кабинете джеймстаунской администрации доктор Грэм сидел за столом напротив своего друга Давентри, молодого человека лет тридцати пяти.

— Ваш звонок меня очень заинтриговал, Грэм, — сказал Давентри. — Какой-нибудь особый случай?

— Не знаю, — ответил доктор Грэм, — но я обеспокоен.

В этот момент принесли напитки, и Давентри, удовлетворенно кивнув, начал беспечно болтать о рыбной ловле. Когда слуга удалился, он откинулся на спинку кресла и посмотрел на своего собеседника.

— Ну, давайте послушаем вашу историю.

Доктор Грэм поведал о беспокоивших его фактах. Давентри присвистнул.

— Понятно! Значит, вы считаете, что в смерти старого Палгрейва есть что-то странное? Теперь вы уже не вполне уверены, что это была естественная смерть? Кто выдал свидетельство? Наверно, Робертсон. У него хоть нет никаких сомнений?

— Нет, но мне кажется, что на него могли повлиять таблетки серенита, найденные в ванной. Он спрашивал меня, упоминал ли когда-нибудь Палгрейв, что у него гипертония. Я ответил, что никогда не беседовал с ним на медицинские темы, но, очевидно, он говорил об этом другим обитателям отеля. Флакон с таблетками и эти разговоры соответствовали официальному мнению, поэтому никто ни в чем не усомнился. Но теперь мне кажется, что это решение не было правильным. Конечно, я бы тоже выдал свидетельство без всякой задней мысли. Обстоятельства были

совершенно очевидными, и я никогда бы не изменил своего мнения, если бы не странное исчезновение этого снимка...

— Послушайте, Грэм, — сказал Давентри. — Не слишком ли много значения вы придаете фантастической истории, которую вам рассказала эта старая леди? Вы же прекрасно знаете, что старухи всегда рады сделать из мухи слона.

— Знаю, — печальным тоном согласился доктор Грэм. — Я уже много раз говорил себе это. Возможно, так оно и есть, но все-таки я не вполне уверен. Она так логично обосновала свои подозрения...

— Мне все это представляется совершенно невероятным. Какая-то старая леди рассказывает вам историю о фотоснимке, которого там не должно было быть... То есть наоборот — я уже сам запутался... Короче говоря, единственный реальный факт, от которого вы можете отталкиваться, — это рассказ горничной о том, что флакона с таблетками, благодаря которому власти выдали свидетельство, не было в комнате майора за день до его смерти. Но ведь этому можно найти сотню объяснений. Он мог таскать пилюли с собой в кармане.

— Конечно, это вполне возможно.

— Или горничная могла ошибиться и не заме-

тить их раньше.

— И это тоже возможно.

— Ну, тогда...

— Но девушка казалась уверенной в своих словах, — заметил Грэм.

— Ну, вы же знаете, что жители Сент-Онорé слишком эмоциональны и возбуждаются чуть что. Или вы думаете, что она... знает немного больше, чем говорит?

— По-моему, это не исключено, — согласился доктор Грэм.

— Тогда постарайтесь вытянуть из нее все. Не можем же мы устраивать много шуму из ничего. Если он умер не от повышенного давления, так от чего же, по-вашему?

— Сейчас существует много средств... — уклончиво ответил доктор Грэм.

— Вы имеете в виду средства, не оставляющие видимых следов?

— Нужно быть слишком предупредительным по отношению к властям, чтобы использовать мышьяк, — сухо произнес доктор Грэм.

— Так значит, вы подозреваете, что содержимое флакончика заменили, отравив таким образом майора Палгрейва?

— Вовсе нет. Так думает эта девушка — Вик-

тория. Но она не права. Если бы кому-нибудь понадобилось быстро избавиться от майора, то ему подсыпали бы яд в какой-нибудь напиток, а затем, чтобы создать видимость естественной смерти, поставили бы к нему в комнату флакон с таблетками от гипертонии, предварительно распустив слух, что у Палгрейва повышенное давление.

— И кто же распустил этот слух?

— Я старался узнать — безуспешно. Слишком уж тонко это было проделано. А говорит: *«По-моему,* мне сказал об этом Б». Б отвечает: «Нет, я этого не говорил, но я помню, что на днях об этом упоминал В». В свою очередь В сообщает: «Об этом говорили многие — один из них, кажется, был А». Таким образом, движешься по замкнутому кругу.

— Да, задумано умно.

— В том-то и дело. К тому времени, когда узнали о смерти майора, уже все постоянно твердили о его высоком давлении.

— А не легче было бы просто отравить его — без всяких дополнительных предосторожностей?

— Нет. Это могло повлечь за собой расследование, а может быть, и вскрытие. А так доктор просто констатировал смерть и выдал свиде-

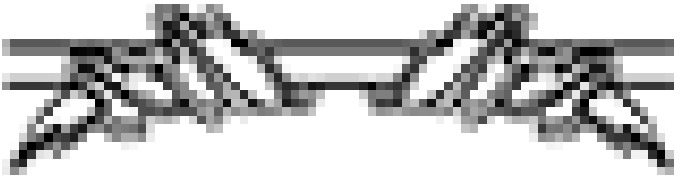
тельство.

— Что же вы хотите от меня? Чтобы я добился эксгумации? Но ведь это вызовет страшную кутерьму.

— Можно все сделать втайне.

— Втайне? На Сент-Оноре́? Ну, знаете, это просто неосуществимо! Но как бы то ни было, — вздохнул Давентри, — полагаю, что нам придется что-нибудь предпринять. Хотя, если вы хотите знать мое мнение, — вся эта история не стоит выеденного яйца!

— Я искренне на это надеюсь, — сказал доктор Грэм.



Глава 11

ВЕЧЕР В «ЗОЛОТОЙ ПАЛЬМЕ»

I

В столовой Молли делала последние приготовления — убрала лишний нож, поправила вилку, переставила два бокала, отошла назад, чтобы взглянуть, все ли теперь в порядке, и затем вышла на террасу. Сейчас там никого не было. Пройдя в дальний угол, Молли остановилась, облокотившись на балюстраду. Скоро наступит

вечер с обычной веселой болтовней и выпивкой. Еще недавно эта жизнь доставляла ей так много радости. А теперь даже Тим кажется огорченным и обеспокоенным. Хотя естественно, что он немного волнуется. Очень важно, чтобы их предприятие увенчалось успехом. В конце концов, ведь он вложил в него все, что имел.

«*Но на самом деле,* — думала Молли, — *его беспокоят не дела в гостинице, а я. Хотя не понимаю, почему он из-за меня волнуется».*

В том, что Тим волнуется из-за нее, Молли не сомневалась. Это было видно по его вопросам, по быстрым беспокойным взглядам, которые он время от времени бросал на нее. В чем же причина? Молли не могла этого понять. Она не могла вспомнить, когда с ней это началось. Неизвестно почему она стала бояться людей. А что плохого они могли ей сделать?

Молли грустно покачала головой и внезапно вздрогнула, почувствовав чье-то прикосновение. Повернувшись, она увидела Грегори Дайсона, стоявшего с несколько виноватым видом.

— Простите. Я напугал вас, малютка.

Молли ненавидела, когда ее называли «малютка».

— Я не слышала, как вы подошли, мистер

Дайсон, — быстро ответила она, — и поэтому вздрогнула.

— «Мистер Дайсон»? Откуда такие церемонии? Разве все мы не составляем здесь одну большую семью? Эд, я, Лаки, Эвелин, вы с Тимом и даже Эстер Волтерс и старый Рафиэль.

«Он уже успел хватить лишнего», — подумала Молли.

— О, иногда мне приходится становиться просто скучной хозяйкой гостиницы, — улыбнулась она. — Мы с Тимом считаем, что излишняя фамильярность только вредит.

— По-моему, от излишней чопорности вреда гораздо больше. Поэтому, дорогая Молли, я предлагаю вам выпить со мной.

— Немного позже, — сказала Молли. — Мне еще надо кое-что сделать.

— Только не уходите. — Рука Грегори вцепилась в ее руку. — Вы очаровательная девушка, Молли. Надеюсь, Тим понимает, какая ему выпала удача.

— О, об этом я забочусь, — весело ответила Молли.

— Знаете, я бы мог пойти за вами на край света, хотя мне не хотелось бы, чтобы это слышала моя жена.

— Сегодня вы совершили дальнюю прогулку?

— Да. Между нами говоря, мне это порядком надоело. Птицы и бабочки тоже могут осточертеть. Как вы смотрите на предложение организовать вдвоем небольшой пикник?

— Об этом надо подумать, — сказала Молли и, весело смеясь, вернулась в бар.

— Хэлло, Молли, — приветствовал ее Тим. — Куда это ты так спешишь? И с кем ты там говорила?

— С Грегори Дайсоном.

— Что ему нужно?

— Хочет попристава ть ко мне.

— Черт бы его побрал! — выругался Тим.

— Не беспокойся, — сказала Молли. — В конце концов, в моем положении это неизбежно.

Тим начал отвечать ей, но, увидев метрдотеля Фернандо, устремился к нему, отдавая на ходу какие-то распоряжения. Выскользнув через кухню из дома, Молли зашагала по дорожке к пляжу.

Грегори Дайсон пробормотал какое-то ругательство. Затем он медленно направился в сторону своего бунгало. Он уже подходил к домику, когда его внезапно кто-то окликнул. Вздрогнув, Грегори оглянулся. В надвигающихся сумерках ему показалось, что в тени кустов стоит привидение. Но он

рассмеялся, поняв, что это впечатление вызвано белым платьем и черным лицом девушки.

Виктория шагнула из-за кустов на дорожку:

— Мистер Дайсон...

— Да? В чем дело?

Стыдясь своего испуга, он говорил с оттенком раздражения.

— Я принесла вам это, сэр. — Девушка протянула руку, в которой она держала флакончик с таблетками. — Это принадлежит вам, не так ли?

— О, мои таблетки серенита. Да, конечно. Где вы их нашли?

— Я нашла там, куда их поставили. В комнате джентльмена.

— Что вы хотите сказать — какого джентльмена?

— Джентльмена, который умер, — серьезно ответила Виктория. — Не думаю, что ему хорошо спится в могиле.

— А почему бы и нет? — осведомился Дайсон.

Виктория стояла, молча глядя на него.

— Я все еще не знаю, о чем вы говорите. Вы имеете в виду, что нашли эти таблетки в бунгало майора Палгрейва?

— Совершенно верно, сэр. Когда доктор и люди из Джеймстауна собирались уезжать, они

отдали мне все вещи из его ванной, чтобы я их выбросила. Зубную пасту, крем для бритья и все остальное, включая это.

— Ну так почему же вы это не выбросили?

— Потому что это ваши таблетки. Помните, вы спрашивали о них?

— Я... да, помню. Мне казалось, что я их потерял.

— Нет, вы их не теряли. Их взяли из вашей комнаты и положили в бунгало майора Палгрейва.

— Откуда вы знаете? — резко спросил он.

— Знаю. Я видела. — Она улыбнулась, сверкнув ослепительно белыми зубами. — Кто-то положил таблетки в комнату мертвого джентльмена, а теперь я возвращаю их вам.

— Постойте! Что это значит? Что... кого вы видели?

Но девушка уже скрылась за кустами. Грег сделал движение, как будто собираясь погнаться за ней, но потом остановился, поглаживая подбородок.

— В чем дело, Грег? Увидел привидение? — спросила миссис Дайсон, выйдя из бунгало на дорожку.

— Минуты две назад я именно так и подумал.

— Кого же ты увидел?

— Цветную девушку, которая здесь работает. Кажется, ее зовут Виктория.

— Ну и что же она хотела? Соблазнить тебя?

— Не болтай глупостей, Лаки. Эта девчонка вбила себе в голову идиотскую идею.

— А именно?

— Ты помнишь, что я на днях не мог найти мой серенит?

— Да, ты говорил, что не можешь его найти.

— Что значит «говорил»?

— О, ради бога, неужели ты собираешься придираться к каждому моему слову?

— Прости, — буркнул Грег. — Все выглядит так чертовски таинственно. — Он показал жене флакончик. — Девушка вернула его мне.

— Она стащила его?

— Нет. Она... по-моему, она где-то его нашла.

— Ну и что из этого? Что тут таинственного?

— О, ничего, — ответил Грег. — Она просто разозлила меня — вот и все.

— Нашел причину для волнений! Лучше выпей что-нибудь перед обедом.

II

Молли спустилась на пляж, придвинула старое шаткое плетеное кресло и села в него. Некоторое

время она глядела на море, потом внезапно уронила голову на руки и заплакала. Услышав рядом с собой шорох, она резко подняла голову и увидела миссис Хиллингдон, смотревшую на нее.

— Хэлло, Эвелин. Простите, я... я не слышала, как вы подошли.

— Что случилось, девочка? — спросила Эвелин. — Что-нибудь не так? — Она придвинула к себе другое кресло и села рядом с Молли. — Расскажите мне.

— Что вы, вовсе ничего не случилось, — попыталась улыбнуться Молли.

— Тогда почему же вы сидите здесь и плачете? Вы что, поссорились с Тимом?

– *Конечно нет.*

— Рада это слышать. Вы всегда казались такой счастливой парой.

— И вы тоже, — сказала Молли. — Мы с Тимом всегда думаем: как чудесно, что вы с Эдвардом так счастливы вместе, хотя и женаты уже много лет.

— О, вот как, — протянула Эвелин. В ее голосе послышалась нотка горечи, но Молли едва ли заметила это.

— Большинство людей, — сказала она, — даже если они очень любят друг друга, обычно постоянно ссорятся, не обращая никакого внимания

на посторонних.

— Многим просто нравится скандалить, — заметила Эвелин. — Для них скандалы — в порядке вещей.

— А по-моему, это ужасно, — заявила Молли.

— По-моему, тоже, — согласилась Эвелин.

— Вот почему, когда смотришь на вас и Эдварда...

— О, не надо, Молли. Я не могу позволить вам так заблуждаться. Эдвард и я... — Она сделала паузу. — Если хотите знать, за последние три года мы вряд ли сказали друг другу хотя бы одно слово наедине.

— Что?! — Молли испуганно уставилась на нее. — Я... я не могу в это поверить.

— Мы оба хорошо играем свои роли, — продолжала Эвелин. — Мы не похожи на тех людей, о которых вы говорили, что они всегда ссорятся при посторонних. Да и вообще мы никогда не ссорились.

— Тогда в чем же дело? — спросила Молли.

— Обычная история.

— Что вы хотите этим сказать? Другая...

— Да, другая женщина, и думаю, что для вас не составит труда догадаться, кто она.

— Вы имеете в виду миссис Дайсон — Лаки?

Эвелин кивнула.

— Я знаю, что они постоянно флиртуют, — сказала Молли, — но я думала, что это просто...

— Просто от хорошего настроения, не так ли? — подсказала Эвелин.

— Но почему... — начала Молли и осеклась. — Наверно, я не должна об этом спрашивать.

— Спрашивайте что хотите. Я устала от постоянного молчания, устала изображать благовоспитанную счастливую супругу. Эдвард просто потерял голову из-за Лаки. Он оказался настолько глуп, что сообщил мне об этом. Очевидно, сознание собственной честности принесло ему некоторое облегчение. Разумеется, ему не пришло в голову, что *мне* эта новость особого облегчения не принесет.

— Он хотел оставить вас?

Эвелин покачала головой.

— У нас двое детей, — ответила она, — и мы оба их очень любим. Они учатся в школе в Англии. Мы не хотели разрушать семью. К тому же Лаки вовсе не жаждет развода. Грег ведь очень богатый человек. Его первая жена оставила ему кучу денег. Поэтому мы решили не расходиться, невзирая на отношения Эдварда и Лаки. Грег пребывает в блаженном неведении, а мы с Эдвардом

— просто добрые друзья. — Последние слова она произнесла со жгучей горечью.

— Как... как же вы можете выносить это?

— Ко всему можно привыкнуть. Но иногда...

— Да?

— Иногда у меня появляется желание убить эту женщину.

Страстность, звучавшая в ее голосе, испугала Молли.

— Давайте больше не будем говорить обо мне, — сказала Эвелин. — Поговорим теперь о вас. Я хотела бы знать, что случилось.

Несколько секунд Молли молчала.

— Просто, — наконец заговорила она, — мне кажется, что со мной что-то не так.

— Не так? Что вы под этим подразумеваете?

Молли печально покачала головой.

— Я боюсь, — сказала она. — Ужасно боюсь.

— Чего вы боитесь?

— Всего, — ответила Молли. — Это... ну, как бы находит на меня. Голоса в кустах, шаги, чужие разговоры. Как будто кто-то все время следит, шпионит за мной... Кто-то ненавидит меня, я чувствую это.

— Боже мой! — Эвелин казалась испуганной и потрясенной. — И давно это началось?

— Не знаю. Это началось постепенно. К тому же меня тревожат и другие вещи.

— Какие?

— Иногда, — медленно произнесла Молли, — я не могу ничего объяснить, ничего вспомнить.

— Вы хотите сказать, что у вас провалы памяти?

— Очевидно... Вот, например, сейчас пять часов, а я почти ничего не помню, что происходило примерно с половины второго.

— О, дорогая, но это просто потому, что вы вздремнули.

— Нет, — возразила Молли, — я чувствую себя не так, как будто только что проснулась. Иногда я внезапно оказываюсь в *другом месте,* иногда замечаю, что на мне надето другое платье, иногда я говорю с кем-то или делаю что-то, но не могу вспомнить, с кем говорила и что делала...

— Но, Молли, в таком случае вам следует показаться врачу.

— Не хочу! Не желаю даже *близко* подходить к врачам.

Эвелин посмотрела на девушку и взяла ее за руку.

— Возможно, вы делаете из мухи слона, Молли. Вы же знаете, что существует множество нерв-

ных расстройств, которые легко излечиваются. Врач скажет вам то же самое.

— Нет, он может сказать, что у меня что-то серьезное.

— А почему у вас должно быть что-то серьезное?

— Потому что... — начала Молли, но быстро оборвала фразу. — Сама не знаю почему, — закончила она.

— Не мог бы кто-нибудь из вашей семьи — мать или сестры — приехать сюда?

— С матерью я всегда не ладила. У меня есть сестры. Они замужем, но я полагаю, они смогли бы приехать, если бы я захотела. Но я не хочу. Мне не нужен никто, кроме Тима.

— А Тим знает об этом? Вы говорили ему?

— Только намекала, — сказала Молли. — Но он беспокоится обо мне и следит, как я себя веду. Такое впечатление, что он старается оберегать меня. Неужели меня действительно нужно оберегать?

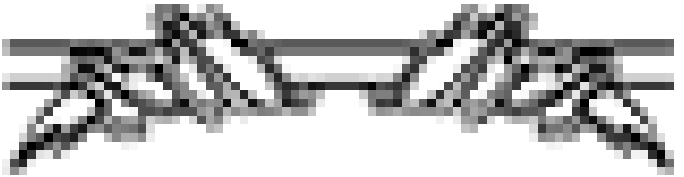
— По-моему, это в большой степени ваше воображение, но мне все-таки кажется, что вы должны показаться врачу.

— Старому доктору Грэму? От него не будет никакого толку.

— На острове есть и другие врачи.

— Нет, — сказала Молли. — Я просто... просто не должна обращать на это внимания. По-видимому, как вы говорите, во всем виновато мое воображение. Боже мой, как поздно! Мне уже нужно быть в столовой. Я... я должна вернуться.

Бросив резкий, почти вызывающий взгляд на Эвелин Хиллингдон, она поспешила к отелю. Эвелин посмотрела ей вслед.



Глава 12

СТАРЫЕ ГРЕХИ ОТБРАСЫВАЮТ ДЛИННЫЕ ТЕНИ

I

— Кажется, мне повезло.

— Ты о чем, Виктория?

— Думаю, что у меня появилась возможность раздобыть денег. Много денег.

— Будь осторожна, девочка. Не попади в какую-нибудь неприятную историю. Может быть,

лучше я этим займусь?

Виктория усмехнулась.

— Погоди немного, тогда увидишь сам, — сказала она. — Я знаю, как вести игру. Дело пахнет большими деньгами. Кое-что я видела, а кое о чем догадываюсь и думаю, что догадываюсь правильно.

И ее негромкий музыкальный смех снова послышался в ночной тишине.

II

— Эвелин...

— Да?

Эвелин Хиллингдон откликнулась словно машинально, без всякого интереса. На мужа она не смотрела.

— Эвелин, ты бы не возражала, если бы мы все бросили и вернулись домой, в Англию?

Эвелин расчесывала свои короткие темные волосы, но, услышав последние слова мужа, быстро опустила руки и обернулась к нему:

— Ты имеешь в виду... Но ведь мы только приехали. Не прошло и трех недель.

— Я знаю. Но... ты бы не возражала?

Она недоверчиво посмотрела на него:

— Ты действительно хочешь вернуться в Ан-

глию?

— Да.

— И оставить... Лаки?

Он поморщился:

— Полагаю, ты знала все время, что... ну, что это все еще продолжается?

— Отлично знала.

— Но ты никогда ничего не говорила.

— А что я должна была говорить? Мы ведь все обсудили уже несколько лет назад. Никто из нас не хотел разрушать семью. Поэтому мы решили на публике держаться как супруги. — Прежде чем он успел что-нибудь сказать, она добавила: — Но почему теперь ты так хочешь вернуться в Англию?

— Потому что я дошел до ручки. Я не могу больше этого выносить, не могу! — Обычно спокойный, Эдвард Хиллингдон совершенно преобразился. Он судорожно глотал слюну, его руки тряслись, всегда бесстрастное лицо казалось искаженным болью.

— Ради бога, Эдвард, *что случилось?*

— Ничего, кроме того, что я хочу уехать отсюда.

— Ты был безумно влюблен в Лаки, но теперь это прошло. Ты это хочешь сказать мне?

— Да, хотя я знаю, что тебе эти чувства недоступны.

— О, давай не будем впадать в мелодраму, Эдвард! Я просто хочу понять, что тебя так сильно волнует.

— Ничего.

— Неправда. Так что же?

— Разве это не очевидно?

— Нет, не очевидно, — ответила Эвелин. — Попробуем ясно описать ситуацию. У тебя была связь с женщиной. Такое случается достаточно часто. А теперь роман кончился. Или не кончился? Может быть, не кончился *с ее стороны?* Это так? Меня часто интересовало, известно ли Грегу об этом.

— Не знаю. Он никогда ничего не говорил и всегда держался по-дружески.

— Мужчины бывают на редкость тупы, — задумчиво промолвила Эвелин. — Или, может быть, Грег сам имеет кого-то на стороне.

— Он ведь цеплялся и к тебе, не так ли? — осведомился Эдвард. — Ответь мне. Я знаю, что...

— О да, — беспечно ответила Эвелин, — но он цепляется ко всем. Таков уж Грег. Думаю, этому не стоит придавать особого значения. Просто ему необходимо как-то доказывать, что он настоящий

мужчина.

— Тебе он нравится, Эвелин? Я хочу знать правду.

— Грег? Я к нему очень привязана, он меня забавляет. К тому же он хороший товарищ.

— И это все? Как бы я хотел тебе поверить!

— Я, право, не понимаю, какое это для тебя может иметь значение, — сухо произнесла Эвелин.

— Очевидно, я это заслужил.

Эвелин подошла к окну, бросила взгляд на веранду и снова вернулась.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, что тебя огорчает *на самом деле,* Эдвард.

— Я уже рассказал тебе.

— Разве?

— Ты, наверное, не в состоянии понять, каким диким может показаться собственное поведение, когда временное безумие проходит.

— Я могу постараться и понять. Но сейчас меня беспокоит то, как отреагирует на это Лаки. Она не просто отвергнутая любовница. Она тигрица, у которой есть когти. Ты *должен* сказать мне правду, Эдвард, если хочешь, чтобы я тебе помогла.

— Если я не уеду от нее в ближайшее время, — тихо сказал Эдвард, — то убью ее.

— Убьешь Лаки? Почему?

— Потому что она заставила меня...

— Что заставила?

— Я помог ей совершить убийство.

Слова были сказаны. Последовала пауза. Эвелин уставилась на мужа:

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Да. Я сам не знал, что делаю. Она попросила меня купить ей кое-что в аптеке. Я и понятия не имел, зачем ей это нужно. Лаки велела мне переписать рецепт, который она мне дала.

— Когда это было?

— Четыре года назад. Когда мы были на Мартинике. Когда... когда жена Грега...

— Ты имеешь в виду Гейл — первую жену Грега? Значит, Лаки отравила ее?

— Да, и я помог ей. Потом я понял...

Эвелин прервала его:

— Когда ты понял, что произошло, Лаки напомнила тебе, что *ты* переписал рецепт, что *ты* покупал лекарство и что, следовательно, вы оба в этом замешаны. Это так?

— Да. Лаки сказала, что сделала это из жалости — что Гейл была тяжело больна и умоляла ее достать какое-нибудь средство, которое положило бы конец ее страданиям.

— Убийство из милосердия! Понятно. *И ты*

поверил в это?

Несколько секунд Эдвард Хиллингдон хранил молчание.

— Не особенно поверил, — наконец заговорил он. — Я примирился с этим объяснением, потому что мне *хотелось* в него поверить, потому что я был без ума от Лаки.

— А после — когда она вышла замуж за Грега — ты все еще в это верил?

— К тому времени я приучил себя к этой мысли.

— А Грег — ему многое об этом известно?

— Абсолютно ничего.

— Вот в это мне что-то не верится.

Эдвард Хиллингдон окончательно потерял самообладание:

— Эвелин, я *должен* спастись от этого кошмара! Эта женщина до сих пор напоминает мне о том, что я сделал. Она знает, что я больше не люблю ее — и не только не люблю, а начинаю ненавидеть! Но она дает мне понять, что прошлое связало нас намертво!

Эвелин, шагавшая взад-вперед по комнате, остановилась и посмотрела мужу прямо в глаза.

— Вся беда в том, Эдвард, что ты невероятно чувствителен и легко поддаешься внушению.

Эта ведьма делает с тобой все, что хочет, играя на твоем чувстве вины. И я должна тебе сказать, что вина, которая тяготит тебя, — это адюльтер, а не убийство. Ты чувствовал себя виноватым из-за того, что связался с Лаки, и тогда она сделала из тебя орудие задуманного ею преступления и притом смогла внушить тебе мысль, что ты разделяешь ее вину. *Но на самом деле это не так.*

— Эвелин... — Он шагнул к ней.

Она слегка отступила и изучающе взглянула на него:

— Это правда, Эдвард? Или ты выдумал?

— Эвелин! Зачем бы я стал выдумывать!

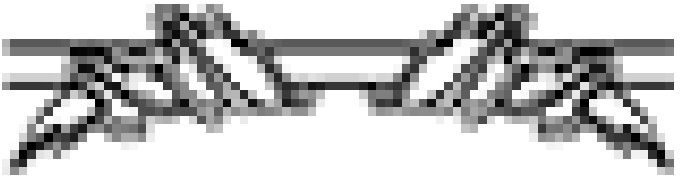
— Не знаю, — вздохнула Эвелин Хиллингдон. — Очевидно, я просто стала недоверчивой.

— Давай бросим все и вернемся домой, в Англию!

— Да, вернемся. Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что мы должны вести себя как обычно. Ты понимаешь меня, Эдвард? Лаки не должна догадываться о том, что мы замышляем.



Глава 13

СМЕРТЬ ВИКТОРИИ ДЖОНСОН

Вечер близился к концу. Стил-бэнд наконец умолк. Тим стоял в столовой, глядя на террасу. Он только что потушил несколько ламп на пустых столиках. Внезапно сзади послышался голос:

— Тим, вы можете уделить мне несколько минут?

Тим Кендал вздрогнул:

— Хэлло, Эвелин, чем я могу быть вам полезен?

Эвелин огляделась:

— Давайте присядем за этот столик.

Она направилась к столику в дальнем конце террасы. Поблизости никого не было.

— Тим, вы должны извинить меня за вмешательство, но меня беспокоит Молли.

Лицо Тима сразу же изменилось.

— Что с ней такое? — спросил он.

— С ней что-то неладное. Она кажется очень расстроенной.

— Да, в последнее время она из-за всего волнуется.

— По-моему, ей следует показаться врачу.

— Конечно, но она не желает. Она терпеть не может этой процедуры.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему она терпеть не может показываться врачам?

— Ну, — уклончиво ответил Тим, — этого многие не любят. Люди часто боятся врачей.

— Но ведь вы сами беспокоитесь за нее, не так ли, Тим?

— Да, вы правы.

— Никто из ее семьи не мог бы приехать сюда к ней?

— Нет. Это только бы ухудшило положение.

– Почему?

— Видите ли, Молли никогда с ними не ладила, особенно с матерью. Они... ну, они во многих отношениях очень странные люди. И по-моему, Молли хорошо сделала, что порвала с ними.

— Молли говорила мне, — неуверенно начала Эвелин, — что у нее как будто бывают провалы памяти и что она боится людей. Это почти мания преследования.

— Не говорите так, — сердито оборвал ее Тим. — Мания преследования, вот еще! Она просто... ну, слегка нервная. К тому же многие люди, приезжающие в Вест-Индию, чувствуют себя неуютно среди цветных.

— Только не такие девушки, как Молли!

— О, у каждого свои странности. Одни люди не могут находиться в одной комнате с кошкой, другие падают в обморок, если на них упадет гусеница.

— Простите, но вам не кажется, что ей следует обратиться к психиатру?

— Нет! — возразил Тим. — Я не хочу, чтобы они мучили ее! Я им не верю! От них людям становится только хуже! Если бы ее мать оставила психиатров в покое...

— Значит, в ее семье уже были неприятности

такого рода? Я имею в виду... — она тщательно подбирала слова, — ну, неуравновешенность?

— Я не хочу говорить об этом! Я увез ее оттуда, и с ней все было в порядке... К тому же эти заболевания не наследственные. Теперь это всем известно. Это все предрассудки! Молли совершенно нормальна! Просто ее испугала смерть этого мерзкого старикашки Палгрейва.

— Допустим, — задумчиво произнесла Эвелин. — Но ведь в смерти майора Палгрейва не было ничего, что могло бы кого-нибудь напугать.

— Конечно, не было. Но когда человек внезапно умирает, то это может вызвать потрясение.

Тим выглядел таким несчастным, что Эвелин охватила жалость. Она положила свою ладонь на его руку.

— Ну, надеюсь, вы знаете, что делаете, Тим, но если я могу вам чем-нибудь помочь... Я могла бы полететь с Молли в Нью-Йорк, в Майами или куда-нибудь еще, где ей могли бы оказать первоклассную медицинскую помощь.

— Это очень любезно с вашей стороны, Эвелин, но с Молли все в порядке. К тому же ей уже гораздо лучше.

Эвелин с сомнением покачала головой. Повернувшись, она медленно зашагала вдоль террасы.

Большинство людей уже разошлись по своим бунгало. Эвелин подошла к столику, чтобы посмотреть, не забыла ли она там чего-нибудь, когда вдруг услышала восклицание Тима. Она быстро обернулась. Тим уставился в сторону лестницы в конце террасы. Проследив за его взглядом, Эвелин затаила дыхание.

Молли поднималась по лестнице с пляжа. Она тяжело дышала и громко всхлипывала, тело ее раскачивалось из стороны в сторону.

– *Молли!* Что случилось? — закричал Тим.

Он бросился к ней; Эвелин последовала за ним. Молли поднялась по лестнице и стояла, пряча руки за спиной.

— Я нашла ее, — рыдала она. — Она там, в кустах... Посмотрите на мои руки, *посмотрите на мои руки!*

Молли вытащила руки из-за спины, и Эвелин увидела на них странные темные пятна. Они казались черными в полумраке, но она хорошо знала, что их настоящий цвет — красный!

— Что случилось, Молли? — повторил Тим.

— Спустись сюда, — сказала Молли, шатаясь как пьяная. — Там, в кустах...

После секундного колебания Тим обменялся взглядом с Эвелин и побежал вниз.

Эвелин обняла девушку:

— Пойдемте, Молли. Сядьте сюда. Выпейте что-нибудь, и вам станет лучше.

Молли упала в кресло и уронила голову на руки. Эвелин больше не задавала вопросов. Она решила дать ей время прийти в себя.

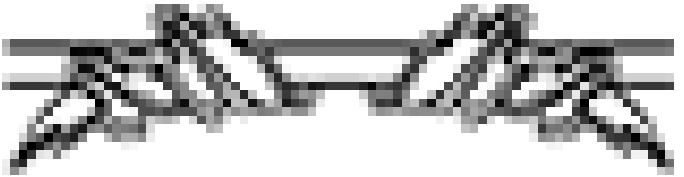
— Все будет в порядке, — мягко сказала она.

— Я не знаю, — заговорила Молли. — Не знаю, что случилось. Я ничего не могу вспомнить. Я... — Внезапно она подняла голову. — Что со мной? *Боже мой, что со мной?!*

— Все в порядке, девочка.

Тим медленно поднимался по лестнице. Его лицо было мертвенно-бледным. Эвелин посмотрела на него, вопросительно подняв брови.

— Там лежит одна из наших девушек... как ее имя?.. Виктория, — сказал он. — Кто-то всадил в нее нож.



Глава 14

РАССЛЕДОВАНИЕ

I

Молли лежала на своей кровати. Доктор Грэм и доктор Робертсон, вест-индский полицейский врач, стояли с одной стороны, Тим — с другой. Робертсон щупал Молли пульс. Потом он обернулся к высокому смуглому мужчине в полицейской форме — инспектору Вестону из полиции Сент-Оноре́.

— Только несколько вопросов — не больше, — сказал врач.

Инспектор кивнул.

— Ну, миссис Кендал, расскажите нам, как вы нашли эту девушку.

Несколько секунд Молли лежала молча. Потом она заговорила слабым, еле слышным голосом:

— В кустах... белое...

— Вы увидели что-то белое и решили посмотреть, что это такое? Так?

— Да... Там лежало что-то белое... Я хотела... я старалась ее поднять, но она... кровь... кровь на моих руках!..

Молли начала дрожать.

Доктор Грэм покачал головой.

— Больше она не выдержит, — шепнул Робертсон.

— Что вы делали на дорожке, ведущей к пляжу, миссис Кендал?

— У моря приятно... тепло...

— Вы знали, кто эта девушка?

— Виктория... такая славная девушка... веселая... всегда смеялась... а теперь уже никогда она не будет смеяться... Я никогда этого не забуду!.. — В ее голосе послышались истерические нотки.

— Молли, не надо, — заговорил Тим.

— Спокойно, — властно произнес доктор Робертсон. — Пожалуйста, расслабьтесь. Один маленький укол...

Сделав укол, он спрятал шприц.

— Ее нельзя будет допрашивать еще по крайней мере целые сутки, — заявил он. — Я дам вам знать, когда она придет в себя.

II

Высокий красивый негр не сводил взгляда с двоих мужчин, сидящих за столом.

— Клянусь богом, — сказал он. — Я рассказал вам все, что знаю.

На лбу его выступила испарина. Давентри вздохнул. Председательствующий за столом инспектор Вестон из полиции Сент-Оноре́ махнул рукой. Джим Эллис моментально выскользнул из комнаты.

— Конечно, это не все, что он знает, — заметил Вестон. — Но большего нам из него не вытянуть.

— Вы думаете, он вне подозрений? — спросил Давентри.

— Да. Они как будто жили дружно.

— Но они не были женаты?

Слабая усмешка мелькнула на губах лейтенанта Вестона.

— Нет, — ответил он. — Они не были женаты. У нас на острове браки — редкое явление. Хотя детей они крестят. У него двое детей от Виктории.

— Вы считаете, что он действовал вместе с ней?

— Может быть, и нет. Думаю, он бы побоялся влезть в подобную историю. Да и она, по-моему, знала не так уж много.

— Но достаточно для шантажа?

— Я даже не знаю, можно ли это назвать шантажом. Сомневаюсь, что девушка вообще понимала, что означает это слово. Плата за молчание не рассматривалась ею как нечто подобное. Видите ли, на острове постоянно толкутся богатые повесы, которые не желают, чтобы их нравы стали достоянием общества. — В его голосе послышались едкие интонации.

— В этом я с вами согласен, — сказал Давентри. — Какая-нибудь особа, не желающая, чтобы ее похождения получили огласку, делает подарок своей служанке, подразумевая, что это плата за молчание.

— Вот именно.

— Но *здесь* совсем другой случай, — возразил Давентри. — Это было убийство.

— Я не уверен, что девушка понимала всю

серьезность положения. Она видела какое-то непонятное происшествие, очевидно связанное с этим флакончиком с таблетками. Насколько я понял, он принадлежал мистеру Дайсону. Пожалуй, сейчас пришло время побеседовать с ним.

Грегори, как всегда, держался по-дружески.

— Чем я могу вам помочь? — сказал он. — Скверная получилась история. Она была симпатичной девушкой. Нам с женой она очень нравилась. Наверно, у нее произошла ссора с каким-то мужчиной, но она казалась такой счастливой и никогда не выказывала признаков огорчения. Я еще вечером беседовал с ней.

— Кажется, мистер Дайсон, вы принимаете препарат, который называется «серенит»?

— Совершенно верно. Маленькие розовые таблетки.

— Вам прописал их врач?

— Да. Если хотите, могу показать вам рецепт. У меня повышенное давление, как, впрочем, у многих в наши дни.

— Но об этом факте мало кто знал?

— Ну, я об этом не болтал. Я всегда в хорошем настроении и терпеть не могу людей, которые все время говорят о своих болезнях.

— Сколько таблеток вы принимали?

— По две три раза в день.

— Значит, у вас с собой большой запас?

— Да, около полудюжины пузырьков. Но они заперты в чемодане — я держу при себе только один.

— Я слышал, что вы недавно потеряли этот пузырек?

— Совершенно верно.

— И вы спрашивали эту девушку, Викторию Джонсон, не видела ли она его?

— Да, спрашивал.

— И что она ответила?

— Она сказала, что в последний раз видела его на полке в нашей ванной и обещала поискать.

— А потом?

— Она вернула мне пузырек спустя некоторое время и спросила, его ли я потерял.

— А вы?

— Я сказал, что да, и спросил, где она его нашла. Она ответила, что он был в комнате старого майора Палгрейва. Я спросил, как он туда попал.

— И что же она ответила на это?

— Она сказала, что не знает, но... — Он заколебался.

— Да, мистер Дайсон?

— Ну, у меня осталось чувство, что она знает

немного больше, чем говорит, но я не обратил на это особого внимания. В конце концов, это было не так уж важно. Как я вам уже сказал, у меня с собой есть много флакончиков. Я решил, что, очевидно, оставил его в ресторане или еще где-нибудь, а старый Палгрейв зачем-то подобрал его. Возможно, он сунул его к себе в карман, намереваясь вернуть мне, а потом забыл.

— И это все, что вы об этом знаете, мистер Дайсон?

— Да, все. Жаль, что я ничем не могу быть вам полезен. А это важно?

Вестон пожал плечами:

— Все может оказаться важным.

— Не понимаю, при чем здесь эти таблетки. Я думал, что вы захотите узнать, где я находился, когда зарезали эту несчастную девушку. Поэтому я написал отчет о своих передвижениях.

Вестон задумчиво поглядел на него:

— В самом деле? Весьма разумно с вашей стороны, мистер Дайсон.

— Мне казалось, что это избавит от лишних хлопот, — сказал Грег и положил на стол лист бумаги.

Вестон начал изучать отчет, а Давентри, подвинув ближе свой стул, смотрел через его плечо.

— Все как будто ясно, — заявил Вестон через минуту-две. — Вы и ваша жена вместе переодевались к обеду в вашем бунгало до без десяти девять. Потом вы бродили по террасе и выпивали с сеньорой де Каспаро. В четверть десятого к вам присоединились полковник и миссис Хиллингдон, и вы отправились обедать. Насколько вы можете вспомнить, спать вы пошли примерно в половине двенадцатого.

— Конечно, — сказал Грег, — я не знаю, когда именно убили эту девушку...

В его фразе явно слышались вопросительные интонации. Однако лейтенант Вестон, казалось, не заметил этого.

— Насколько я понял, ее нашла миссис Кендал? Должно быть, это было для нее большим потрясением.

— Да. Доктору Робертсону пришлось дать ей успокоительное.

— Это случилось поздно, когда большинство людей уже пошли спать?

— Да.

— А она уже долго была мертва? Я имею в виду, когда миссис Кендал нашла ее?

— У нас еще нет на этот счет точных данных, — спокойно ответил Вестон.

— Бедная малютка Молли! Да, это, очевидно, на ней скверно отразилось. Вообще-то вчера вечером *я ее не видел.* Может быть, у нее заболела голова и она легла.

— А когда вы в последний раз *видели* миссис Кендал?

— О, довольно рано, перед тем как я пошел переодеваться. Она делала приготовления к обеду, перекладывала на столах ножи.

— Понятно.

— Тогда она казалась веселой, — продолжал Грег. — Молли — славная девушка. Мы все ее очень любим. Да, Тиму крупно повезло.

— Ну, благодарю вас, мистер Дайсон. Вы не можете больше ничего вспомнить из того, что говорила Виктория, когда возвращала вам таблетки?

— Вроде бы нет. Она только спросила меня, эти ли таблетки я искал, и сказала, что нашла их в комнате старика Палгрейва.

— Она не знала, кто положил их туда?

— Как будто нет... Право, не помню.

— Спасибо, мистер Дайсон.

Грегори вышел.

— Весьма любезно с его стороны, — заметил Вестон, постучав ногтем по листу бумаги, — было

предоставить нам это подробное описание своего местопребывания вчера вечером.

— Вы думаете, что это было немного чересчур любезно? — спросил Давентри.

— Трудно сказать. Некоторые люди очень беспокоятся о своей безопасности и боятся впутаться в какую-нибудь историю. Вовсе не обязательно при этом, что им известна какая-то преступная тайна. С другой стороны, все может быть.

— А как обстоят дела с алиби? Правда, на это особенно рассчитывать не приходится. Играет оркестр, все танцуют, встают из-за столов, входят и выходят. Женщины отлучаются, чтобы попудрить носы, мужчины — чтобы прогуляться. Дайсон, как и все остальные, мог выскользнуть в любой момент. Но он как будто не особенно стремится доказать, *что не делал этого.* — Давентри задумчиво поглядел на бумагу. — Значит, миссис Кендал перекладывала ножи на столе, — промолвил он. — Интересно, умышленно ли Дайсон упомянул об этом факте?

— А вам это кажется вероятным?

— Все возможно.

Снаружи послышался шум.

— Я должен сообщить кое-что, — требовал чей-то визгливый высокий голос. — Пустите меня к

этим джентльменам.

Высокий полисмен в форме открыл дверь.

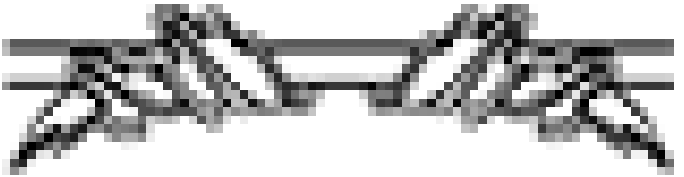
— Один из здешних поваров, — сообщил он, — очень хочет вас видеть. Он утверждает, что должен вам что-то сообщить.

Испуганный смуглый человек в поварском колпаке ворвался в комнату. Это был один из младших поваров, кубинец по происхождению.

— Сейчас я вам все расскажу, — начал он. — Она прошла через мою кухню, и у нее в руке был нож! Понимаете? Потом она открыла дверь и вышла в сад. Я видел ее!

— Пожалуйста, успокойтесь, — сказал ему Давентри. — О ком вы говорите?

— О ком? Да о жене хозяина, о миссис Кендал, о ком же еще? У нее в руке был нож, и она скрылась в темноте. Это было перед обедом, *а назад она не возвращалась!*



Глава 15

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

I

— Не могли бы мы немного побеседовать с вами, мистер Кендал?

— Конечно. — Сидевший за письменным столом Тим отодвинул в сторону бумаги и предложил вошедшим сесть. Его лицо было печальным. — Как идут дела? Удалось вам что-нибудь выяснить? Здесь словно поселилась смерть. Все хотят уез-

жать, расспрашивают об авиарейсах. А ведь все как будто шло как надо. О боже, вы и представить не можете, что эта гостиница значит для нас с Молли. Мы ведь вложили в нее все, что имели.

— Я знаю, вам сейчас очень тяжело, — сказал инспектор Вестон. — Не думайте, что мы вам не сочувствуем.

— Если бы все можно было поскорее выяснить, — вздохнул Тим. — Эта негодная девчонка Виктория... О, конечно, я не должен так говорить — она была неплохой девушкой. Но... но ведь здесь может быть совсем простое объяснение — например, какая-нибудь любовная интрига. Возможно, ее муж...

— Джим Эллис не был ее мужем, и они казались весьма спокойной парой.

— Если бы только удалось *поскорее* все выяснить, — повторил Тим. — Простите, вы, кажется, хотели меня спросить о чем-то?

— Да, о вчерашних событиях. Согласно медицинскому свидетельству, Виктория была убита где-то между половиной одиннадцатого и полуночью. При сложившихся обстоятельствах алиби будет не так-то легко установить. Все ходили взад-вперед, танцевали, прогуливались. Это очень затрудняет дело.

— Очевидно. Но значит, вы уверены, что Виктория была убита кем-то, живущим здесь?

— Ну, мы должны исследовать подобную возможность, мистер Кендал. Сейчас же я хотел спросить вас о заявлении, сделанном одним из ваших поваров.

— Каким? Что он сказал?

— Насколько я понял, он кубинец.

— У нас два кубинца и один пуэрториканец.

— Этот человек, его зовут Энрико, утверждает, что ваша жена, идя из столовой, прошла через кухню и вышла в сад и что она держала в руке нож.

Тим уставился на него:

— Молли держала в руке нож? Ну а почему бы и нет? Вы же не думаете... не можете же вы предполагать... Что вы имеете в виду?

— Это было перед тем, как люди вошли в столовую. Примерно около половины девятого. Вы сами как будто в это время находились в столовой, беседуя с метрдотелем Фернандо.

— Да, — припомнил Тим.

— А ваша жена вошла с террасы?

— Да, — подтвердил Тим. — Она всегда проверяет, все ли на столах в порядке. А то иногда официанты забывают что-нибудь положить.

Очевидно, так оно было и на этот раз. Молли, наверно, держала лишний нож, ложку или что-то в этом роде.

— Значит, она вошла с террасы в столовую. Она говорила с вами?

— Да, мы перебросились двумя словами.

— Не могли бы вы припомнить, что именно она сказала?

— По-моему, я спросил ее, с кем она говорила. Я слышал ее голос снаружи.

— С кем же?

— С Грегори Дайсоном.

— Ага! *Он говорил то же самое.*

— Мне кажется, он любезничал с ней. Это вообще в его стиле. Я разозлился и сказал: «Черт бы его побрал!» — а Молли засмеялась и ответила, что в ее положении этого не избежать. Хорошо, что Молли умная девушка, потому что положение ее в самом деле нелегкое. Оскорблять гостей нельзя, поэтому такой привлекательной женщине, как Молли, остается отделываться от приставаний смехом и шутками. А Грегори Дайсон не пропустит ни одной хорошенькой женщины.

— Между ними произошла ссора?

— Нет, не думаю. Она, как всегда, просто смеялась.

— Вы не можете точно вспомнить, был у нее в руке нож или нет?

— Точно не помню... Но я почти уверен, что не было. Даже совершенно уверен.

— Но ведь вы только что сказали...

— Я просто имел в виду, что если Молли была в столовой или на кухне, то вполне вероятно, что у нее в руке мог быть нож. Но теперь я точно помню, что когда она вышла из столовой, то в руках у нее *ничего не было.*

— Понятно, — протянул Вестон.

Тим искоса взглянул на него:

— К чему вы клоните? Что наговорил вам этот болван Мануэль... или как его... Энрико?

— Он сказал, что ваша жена вошла в кухню, что она выглядела огорченной и что в руке у нее был нож.

— Он просто преувеличивает.

— А за обедом или после вы разговаривали с женой?

— По-моему, нет. Я был занят.

— Во время обеда ваша жена была в столовой?

— Я... о да, мы всегда ходим от столика к столику и смотрим, все ли в порядке.

— И вы совсем не говорили с ней?

— Кажется, нет... Видите ли, в это время мы

всегда так заняты, что не только не говорим, но даже не замечаем друг друга.

— Следовательно, вы не помните, что говорили с женой до тех пор, пока она три часа спустя поднялась по лестнице, после того как обнаружила труп?

— Это было для нее ужасным потрясением. Молли так расстроилась.

— Я знаю. Весьма малоприятное происшествие. А каким образом она оказалась на дорожке, ведущей к пляжу?

— Устав после процедуры обеда, она часто ходила прогуляться, чтобы хоть несколько минут не видеть гостей.

— Как я понял, когда она вернулась, вы разговаривали с миссис Хиллингдон?

— Да. Почти все уже ушли спать.

— А о чем вы беседовали с миссис Хиллингдон?

— Ни о чем особенном. А почему вы об этом спрашиваете? Что она вам сказала?

— Пока что она ничего не сказала. Мы еще не говорили с ней.

— Мы просто болтали о всякой чепухе — о Молли, о трудностях ведения хозяйства в отеле...

— И тогда ваша жена поднялась на террасу и

сообщила вам о случившемся?

— Да.

— На ее руках была кровь?

— Конечно, была! Молли ведь не сразу поняла, что случилось с девушкой, — она склонилась над ней, попыталась ее поднять. Разумеется, руки у нее были в крови. Послушайте, что это вы *подозреваете?*

— Пожалуйста, успокойтесь, — сказал Давентри. — Я знаю, Тим, что вам сейчас нелегко, но мы во всем должны разобраться до конца. Насколько мне известно, ваша жена в последнее время чувствовала себя не очень хорошо?

— Чепуха! С ней все в порядке. Просто ее немного расстроила смерть майора Палгрейва. Это естественно — ведь Молли такая чувствительная.

— Когда она придет в себя, нам придется задать ей несколько вопросов, — заметил Вестон.

— Ну, сейчас это невозможно. Доктор дал ей успокоительное и сказал, чтобы ее не беспокоили. Я не желаю, чтобы ее расстраивали и пугали, слышите?

— Мы не собираемся никого пугать, — сказал Вестон. — Мы просто хотим все выяснить. Сейчас мы не станем ее беспокоить, но, как только

доктор разрешит, мы будем вынуждены побеседовать с ней. — В его мягком голосе послышались властные нотки.

Тим посмотрел на него, открыл рот, но ничего не сказал.

II

Эвелин Хиллингдон, спокойная и сдержанная, как всегда, сидела, тщательно обдумывая каждый ответ. Ее темные смышленые глаза задумчиво смотрели на Вестона.

— Да, — сказала она, — я разговаривала с мистером Кендалом на террасе, когда его жена поднялась по лесенке и рассказала нам об убийстве.

— А вашего мужа там не было?

— Нет, он пошел спать.

— У вас были какие-нибудь особые причины для беседы с мистером Кендалом?

Эвелин подняла подкрашенные брови. Этот жест, несомненно, означал упрек.

— Что за странный вопрос, — холодно произнесла она. — Нет, никаких особых причин не было.

— Вы не говорили о состоянии здоровья его жены?

Эвелин снова задумалась.

— Право, не помню, — ответила она наконец.

— Вы в этом уверены?

— В чем? В том, что я не помню? Что тут удивительного?

— Миссис Кендал как будто в последние дни неважно себя чувствовала?

— Выглядела она хорошо — только казалась немного утомленной. Конечно, чтобы содержать такое заведение, требуется немало усилий, а она еще совсем неопытна. Естественно, что она часто бывала возбуждена.

— Возбуждена, — повторил Вестон. — Вы так описываете ее состояние?

— Возможно, это несколько старомодное слово, но оно ничуть не хуже того медицинского жаргона, который мы теперь используем на каждом шагу. Вирусная инфекция вместо обычной простуды и невроз вместо простого волнения.

Ее улыбка сбивала Вестона с толку. Он подумал про себя, что Эвелин Хиллингдон отнюдь не глупа. Его интересовало, что думает Давентри, лицо которого продолжало оставаться бесстрастным.

— Благодарю вас, миссис Хиллингдон, — вздохнув, сказал Вестон.

III

— Мы не хотели беспокоить вас, миссис Кендал, но нам нужно выслушать ваш рассказ о том, как вы нашли эту девушку. Доктор Грэм говорит, что вы уже достаточно оправились, чтобы беседовать на эту тему.

— О да, — сказала Молли, — со мной уже все в порядке. — Она нервно усмехнулась. — Это был обычный шок — такое ужасное зрелище...

— Да, в самом деле. Как я понял, вы пошли прогуляться после обеда?

— Да... Я часто так делаю.

Молли отвела взгляд, и Давентри заметил, как судорожно сплетались пальцы ее рук.

— В какое время это было, миссис Кендал? — спросил Вестон.

— Ну, не знаю точно — мы не очень-то следим за временем.

— Стил-бэнд еще играл?

— Да... по-моему... Право, не помню.

— И куда же вы пошли?

— По дорожке, ведущей к пляжу.

— Налево или направо?

— Сначала туда, потом сюда. Я... я не обратила внимания.

— А почему, миссис Кендал?

Молли нахмурилась:

— Потому что... ну... я задумалась.

— О чем-нибудь особенном?

— Нет. Просто о том, что надо сделать в отеле. — Снова то же нервное сплетение пальцев. — А потом... я заметила что-то белое за кустами гибискуса... и заинтересовалась, что это такое. Я остановилась... и потянула это к себе... — Она судорожно проглотила слюну. — Это была она... Виктория... Я попыталась поднять ее голову и... почувствовала кровь на своих руках. — Взглянув на руки, Молли повторила с удивлением, словно говоря о чем-то невозможном: — Кровь на своих руках.

— Да, действительно, ужасное происшествие. На этих подробностях вам незачем останавливаться. Вы долго гуляли до того, как нашли ее?

— Не знаю. Понятия не имею.

— Час? Полчаса? Или больше часа?

— Не знаю, — повторила Молли.

— Вы взяли с собой на прогулку нож? — осведомился Давентри спокойным, будничным тоном.

— Нож? — Молли казалась удивленной. — Зачем?

— Я спрашиваю только потому, что один из

поваров сообщил нам, что у вас в руке был нож, когда вы вышли через кухню в сад.

Молли снова нахмурилась:

— Но я не проходила через кухню... О, вы, наверно, имеете в виду раньше — перед обедом... Я... *я не помню этого...*

— Может быть, вы поправляли ножи на столах?

— Иногда я это делаю. Прислуга часто кладет мало ножей или, наоборот, много. Путают количество вилок и ложек...

— И в тот вечер вы тоже это делали?

— Возможно... Ведь я делаю это совершенно машинально и могла забыть...

— Значит, вы могли в тот вечер выйти из кухни с ножом в руке?

— Не думаю. По-моему, я этого не делала... Там был Тим, — добавила она. — Он должен знать, спросите его.

— Вам нравилась эта девушка — Виктория? Она хорошо справлялась с работой? — спросил Вестон.

— Да, она была славной девушкой.

— Вы никогда не ссорились с ней?

— Конечно нет!

— И она никогда вам не угрожала?

— Угрожала мне? Что вы имеете в виду?

— Это не важно. У вас нет никаких соображений относительно того, кто мог убить ее?

— Нет, — твердо сказала Молли.

— Ну, благодарю вас, миссис Кендал. — Он улыбнулся. — Как видите, процедура оказалась не такой уж страшной.

— Это все?

— Пока все.

Давентри встал, открыл дверь и выпустил Молли.

— «Тим должен знать», — процитировал он, снова садясь на стул. — А Тим уверенно заявляет, *что у нее не было ножа.*

— Думаю, — мрачно заметил Вестон, — что на его месте любой муж сказал бы то же самое.

— Столовый нож как будто не слишком подходит для убийства.

— Но это был *мясной* нож, мистер Давентри. В тот вечер в меню входило мясо. А мясные ножи очень острые.

— Право, Вестон, я не могу поверить, что девушка, с которой мы только что говорили, — кровавая убийца.

— Пока что в это не обязательно верить. Может быть, миссис Кендал вышла в сад перед обедом,

держа нож, который она взяла со стола, так как он оказался лишним. Миссис Кендал могла не заметить, что держит нож, она могла потерять его или положить куда-нибудь, а потом кто-то нашел его и использовал для своих целей. Я тоже считаю маловероятным, что она убийца.

— Тем не менее, — задумчиво промолвил Давентри, — я уверен, что она не говорит всего, что знает. Ее небрежность в определении времени весьма странная. Где она была и что делала? В столовой ее как будто в тот вечер никто не видел.

— Да, муж был на месте, а жена отсутствовала.

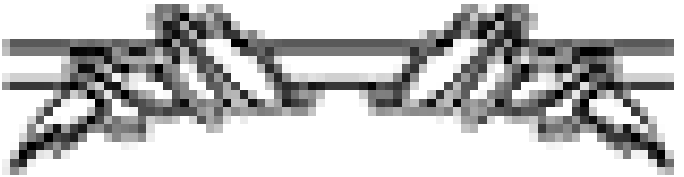
— Вы думаете, что она уходила, чтобы встретиться с Викторией Джонсон?

— Возможно. А может быть, она видела кого-то, кто ходил встречаться с Викторией?

— Вы думаете о Грегори Дайсоне?

— Мы знаем, что он разговаривал с Викторией раньше. Может быть, он условился встретиться с ней снова. Но вспомните, что в это время все свободно расхаживали по террасе — танцевали, пили, заходили в бар.

— Короче говоря, алиби есть только у оркестра, — криво усмехнулся Давентри.



Глава 16

МИСС МАРПЛ ИЩЕТ ПОМОЩИ

Если бы кто-нибудь обратил внимание на симпатичную пожилую леди, задумчиво стоявшую в лоджии своего бунгало, то он бы решил, что единственная проблема, которая ее волнует, — как провести сегодняшний день. Посетить Касл-Клифф, съездить в Джеймстаун, закусить в кафе на мысе Пеликан или просто отдохнуть на пляже?

Но симпатичная старая леди думала совсем

о другом — она пребывала в воинственном настроении.

– *Что-то необходимо предпринять,* — вслух произнесла мисс Марпл.

Она была убеждена, что времени терять нельзя.

Но кого она могла в этом убедить? Сначала мисс Марпл думала, что она сможет доискаться до правды самостоятельно. Раньше это удавалось ей неоднократно. Но теперь времени было в обрез, а на этом райском острове, увы, не было ни одного из ее обычных помощников.

Мисс Марпл с сожалением подумала о своих английских друзьях. Сэр Генри Клитеринг, всегда готовый терпеливо слушать, его крестник Дермот, все еще уверенный, несмотря на высокое положение, ныне занимаемое им в Скотленд-Ярде, что если мисс Марпл высказала какую-нибудь мысль, то за этим обязательно что-нибудь есть.

Но станет ли этот местный полицейский офицер с приятным голосом обращать внимание на мысли старой леди? Может быть, доктор Грэм? Нет, доктор Грэм не тот человек, который ей нужен, — он слишком мягок, пассивен и, безусловно, не способен к быстрым решениям и активным действиям.

Чувствуя себя скромным представителем Господа Всемогущего, мисс Марпл уже была готова вопрошать в библейском духе:

– *Кто последует за мной? Кого мне послать?*

В послышавшемся звуке мисс Марпл не сразу признала ответ на ее мольбы. Он скорее напомнил крик человека, зовущего свою собаку.

— Эй!

Задумавшаяся мисс Марпл не обратила на это особого внимания.

— Эй! — Сила звука резко возросла. Мисс Марпл рассеянно огляделась.

— Эй! — в третий раз крикнул мистер Рафиэль и добавил: — Вы, там...

Мисс Марпл не сразу осознала, что крик мистера Рафиэля был адресован ей. Обычно к ней не обращались столь неджентльменским образом. Но она не обиделась, потому что люди редко обижались на деспотические манеры мистера Рафиэля. Он был сам себе закон, и все принимали это как должное. Посмотрев туда, откуда донесся крик, мисс Марпл увидела мистера Рафиэля, сидевшего в своей лоджии и манившего ее рукой.

— Вы звали меня? — спросила она.

— Конечно, вас, — сказал мистер Рафиэль. — А вы думали, кошку? Идите сюда.

Мисс Марпл взяла сумочку и пересекла пространство, отделяющее ее бунгало от бунгало мистера Рафиэля.

— Я не могу подойти к вам без посторонней помощи, — объяснил мистер Рафиэль. — Поэтому вам пришлось подойти ко мне.

– *Я так и поняла,* — ответила мисс Марпл.

Мистер Рафиэль указал на соседнее кресло.

— Садитесь, — распорядился он. — Я хочу поговорить с вами. На этом острове происходит что-то чертовски странное.

— Да, в самом деле, — согласилась мисс Марпл, по привычке вытаскивая из сумочки вязанье.

— Только не смейте вязать, — предупредил мистер Рафиэль. — Терпеть не могу, когда женщины вяжут. Это меня просто бесит.

Мисс Марпл спрятала вязанье без чрезмерной покорности, подобно врачу, выполняющему прихоть капризного пациента.

— Здесь много болтают, — продолжал мистер Рафиэль, — и держу пари, что вы болтаете больше других. Вы и этот священник со своей сестрой.

— При сложившихся обстоятельствах болтовня вполне естественна, — заметила мисс Марпл.

— Зарезанную девушку-островитянку нашли в кустах. В этом может не быть ничего особенного.

Парень, с которым она жила, мог к кому-нибудь приревновать ее, или же он сам завел себе другую девушку, а она устраивала ему сцены. Секс в тропиках. Вы что-то сказали?

— Нет, — покачала головой мисс Марпл.

— И все же, — продолжал мистер Рафиэль, — власти как будто так не считают.

— Вам, во всяком случае, они скажут больше, чем мне, — заметила мисс Марпл.

— Однако готов спорить, что вы знаете об этом больше, чем я. Вы прислушиваетесь ко всем сплетням.

— Безусловно, — согласилась мисс Марпл.

— Вам что, больше делать нечего?

Таким образом часто можно получить полезные сведения.

— Знаете, — сказал мистер Рафиэль, внимательно ее изучая, — я не часто ошибаюсь в людях, но в вас я ошибся. Вы не так просты, как кажетесь. Все эти слухи о майоре Палгрейве и его рассказах... Вы думаете, что его ухлопали, верно?

— Боюсь, что да.

— Так вот: это истинная правда, — заявил мистер Рафиэль.

Мисс Марпл затаила дыхание.

— Это точно? — спросила она.

— Совершенно точно. Я узнал об этом от Давентри. Тайны из этого делать нет смысла, так как результаты вскрытия все равно станут известны. Вы что-то наговорили Грэму, он пошел к Давентри, Давентри обратился к администрации, администрация информировала полицию, а там пришли к выводу, что вся история выглядит довольно подозрительной, и поэтому решили выкопать старого Палгрейва, чтобы во всем разобраться.

— И что они обнаружили? — нетерпеливо спросила мисс Марпл.

— Выяснилось, что он умер от смертельной дозы чего-то, что только врач может произнести правильно. Насколько я помню, это звучало вроде как «дифлоргексагоналэтилкарбензол». Очевидно, полицейский врач обозвал это так специально, чтобы *никто ничего не понял.* Возможно, это было обычное лекарство вроде эвипана, веронала или сиропа Истона, а официальное наименование только сбивает с толку непрофессионалов. Короче говоря, он проглотил достаточную дозу, чтобы отправиться на тот свет, а смерть от этого яда наступает с теми же симптомами, какие бывают при гипертонии, тем более что накануне вечером он злоупотреб-

лял алкоголем. Все выглядело так естественно, что никто ни на момент ни в чем не усомнился. Только сказали: «Бедный старик!» — и быстро его похоронили. А теперь, выходит, вообще неизвестно, было у него повышенное давление или нет. Он когда-нибудь говорил вам об этом?

— Нет.

— Вот в том-то и дело. Ведь все считали это неоспоримым фактом.

— Очевидно, кому-то он все-таки это говорил.

— Совсем как в историях с привидениями, — сказал мистер Рафиэль. — Трудно встретить человека, который своими глазами видел привидение. Обычно это троюродная сестра чьей-нибудь тети или друг чьего-нибудь приятеля. Ну ладно, оставим это. Все решили, что у него было повышенное давление, потому что в его комнате обнаружили флакончик с таблетками от гипертонии, но теперь мы подходим к основному моменту — я понял, что эта девушка, которую убили, намекала, что этот флакончик подложил туда кто-то другой и что *в действительности* он принадлежал Грегу Дайсону.

— Жена мистера Дайсона упоминала, что у него *повышенное давление,* — вставила мисс Марпл.

— Следовательно, флакон подсунули в комнату

Палгрейва в качестве доказательства того, что он страдал гипертонией и умер естественной смертью.

— Совершенно верно, — согласилась мисс Марпл. — И кто-то предусмотрительно распустил слух, что майор часто упоминал о своем повышенном давлении. Но ведь слух распустить очень легко — я не раз видела, как это делается.

— В этом я не сомневаюсь, — заметил Рафиэль.

— Нужно только шепнуть тут и там, — продолжала мисс Марпл. — Не надо говорить, что вы сами это знаете; нужно просто сказать, что это сообщила вам миссис Б со слов полковника В. Таким образом, становится очень трудно найти того, кто первый пустил слух. А люди, которым вы это рассказали, продолжают передавать сплетню дальше так, словно им это досконально известно.

— Да, кто бы ни был этот человек, ума у него хватает, — задумчиво промолвил мистер Рафиэль.

— Я тоже так думаю, — вздохнула мисс Марпл.

— Очевидно, эта девушка что-то видела или знала и пыталась кого-то шантажировать, — предположил мистер Рафиэль.

— Возможно, она и не рассматривала это как шантаж, — сказала мисс Марпл. — В этих боль-

ших отелях часто случается, что горничные узнают вещи, которые людям не хотелось бы разглашать. За молчание они получают некоторую сумму денег в виде чаевых или подарка. Может быть, девушка не сразу осознала всю важность имеющихся у нее сведений.

— И все же ее пырнули ножом в спину, — заметил мистер Рафиэль.

— Да. Очевидно, кто-то не мог позволить ей говорить.

— Ну, давайте послушаем, что вы об этом думаете.

Мисс Марпл задумчиво посмотрела на него:

— Почему вам кажется, мистер Рафиэль, что я знаю больше, чем вы?

— Может быть, и не знаете, — ответил мистер Рафиэль, — но мне все-таки интересно узнать ваши соображения.

— Но почему?

— Здесь у меня не так много занятий, — сказал мистер Рафиэль. — Только делать деньги.

Мисс Марпл казалась удивленной.

— Делать деньги? Здесь?

— Ведь отсюда можно посылать дюжину шифрованных телеграмм каждый день, — объяснил мистер Рафиэль. — Этим я и занимаюсь. Сра-

жаюсь с конкурентами на расстоянии. Беда в том, что это занимает не так уж много времени, поэтому я и заинтересовался этим делом. Оно возбудило мое любопытство. Палгрейв все время болтал с вами — очевидно, больше никто не мог его выдержать. О чем он с вами говорил?

— Он рассказывал мне множество разных историй, — ответила мисс Марпл.

— Знаю. Как правило, они были чертовски скучны. К тому же их приходилось выслушивать по нескольку раз.

— Да, — вздохнула мисс Марпл. — Боюсь, что это присуще всем старым джентльменам.

Мистер Рафиэль резко взглянул на нее.

— Я не рассказываю никаких историй, — заявил он. — Так что же интересного сообщил вам Палгрейв? Ведь все началось именно с этого?

— Он говорил, что знал одного убийцу. Правда, в этом нет ничего особенного — по-моему, такое случается почти со всеми.

— Не понимаю, — проворчал мистер Рафиэль.

— Ну, например, — объяснила мисс Марпл, — если вы, мистер Рафиэль, начнете вспоминать все события вашей жизни, то, безусловно, обнаружите в своей памяти чьи-нибудь слова вроде таких: «Я хорошо знал такого-то — он умер

внезапно, и говорили, что его угробила жена, но, по-видимому, это просто сплетни». Вам ведь приходилось слышать подобные рассказы?

— Ну, может быть. Но это же... одним словом, несерьезно.

— Совершенно верно, — подтвердила мисс Марпл, — но майор Палгрейв был очень серьезным человеком. Думаю, он получал удовольствие, рассказывая эту историю. Майор говорил, что у него есть снимок убийцы. Он собирался показать его мне, но не сделал этого.

— Почему?

— Потому что он что-то увидел, — ответила мисс Марпл, — и я подозреваю, что даже не что-то, а кого-то. Его лицо внезапно побагровело, он спрятал снимок в бумажник и переменил тему разговора.

— И кого же он увидел?

— Я много об этом думала. Я сидела около своего бунгало, а майор — напротив меня, и в этот момент он смотрел на что-то находящееся за моим правым плечом.

— То есть он увидел кого-то, идущего с той стороны — по дорожке, которая ведет к ручью и стоянке автомобилей?

— Да.

– Ну и кто же там шел?

— Мистер и миссис Дайсон и полковник и миссис Хиллингдон.

— И все?

— Больше я никого не заметила. Конечно, ваше бунгало также могло попасть в его поле зрения.

— Ага! Значит, мы должны включить Эстер Волтерс и Джексона. Каждый из них мог выйти из бунгало и вернуться назад прежде, чем вы его заметили.

— Вполне возможно, — согласилась мисс Марпл. — Я не сразу повернула голову.

— Дайсоны, Хиллингдоны, Эстер, Джексон. Один из них — убийца. Впрочем, я тоже в числе подозреваемых, — добавил он.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Он сказал, что убийца — *мужчина?*

— Да.

— Отлично. Тогда Эвелин Хиллингдон, Лаки и Эстер Волтерс отпадают. Значит, если эта невероятная история окажется правдой, то убийца — Дайсон, Хиллингдон или мой сладкоречивый Джексон.

— Либо вы сами, — напомнила мисс Марпл.

Мистер Рафиэль игнорировал ее замечание.

— Не раздражайте меня без толку, — сказал

он. — Лучше послушайте, что мне тут кажется непонятным и чего вы, наверное, не учли. *Если один из этих трех убийца,* то какого же дьявола старый Палгрейв не узнал его раньше? Черт возьми, ведь последние две недели они все постоянно с ним встречались. По-моему, это просто бессмысленно.

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл.

— Ну, тогда объясните мне.

— Видите ли, майор Палгрейв ни разу не видел *этого человека.* Историю рассказал ему один врач, который и дал снимок. Возможно, тогда майор внимательно рассмотрел фотографию, а потом сунул ее в бумажник и хранил как сувенир. Может быть, иногда он вынимал ее, чтобы иллюстрировать свой рассказ. И потом, мистер Рафиэль, мы не знаем, когда это случилось. Майор не дал мне на этот счет никаких указаний. Может быть, он рассказывал историю уже пять или десять лет подряд. Некоторые его повествования об охоте на тигров касались событий двадцатилетней давности.

— В самом деле, — согласился мистер Рафиэль.

— Поэтому я не думаю, чтобы майор Палгрейв узнал убийцу, случайно встретив его. Я почти уверена, что он, несколько секунд держа в ру-

ках фотографию и изучая ее, поднял голову и внезапно увидел на расстоянии десяти-двенадцати футов этого человека или очень на него похожего.

— Да, это возможно, — задумчиво промолвил мистер Рафиэль.

— Майор был ошарашен, — продолжала мисс Марпл. — Он спрятал снимок в бумажник и начал громко говорить о чем-то другом.

— Но ведь у него не могло быть твердой уверенности, — заметил мистер Рафиэль.

— Не могло, — подтвердила мисс Марпл. — Но позже, очевидно, он изучил фотоснимок более внимательно и пришел к правильному выводу.

Подумав, мистер Рафиэль покачал головой:

— Здесь что-то не так. Нет достаточного мотива для убийства. Он говорил с вами громко?

— Да, — ответила мисс Марпл. — Он всегда говорил громко.

— Что верно, то верно — орать он любил. Значит, подошедший мог услышать его слова?

— Думаю, что их можно было услышать на достаточно солидном расстоянии.

Мистер Рафиэль покачал головой еще раз:

— Это чересчур фантастично. Над таким рассказом можно только посмеяться. Старый осел

что-то болтает о какой-то истории, услышанной им от кого-то еще и касающейся убийства, происшедшего по меньшей мере год или два назад! *Неужели это обеспокоило бы убийцу?* Ведь никаких доказательств нет — только какая-то сплетня, услышанная неизвестно от кого. Он даже может сказать: «Ха-ха! *Я и в самом деле похож на этого парня».* Никто не принял бы всерьез утверждений старого Палгрейва. Не возражайте мне, потому что я все равно вам не поверю. Нет, этому парню *(если только это действительно парень)* нечего было бояться. Зачем же ему убивать Палгрейва? В этом же не было никакой нужды — вы должны это понять.

— Я понимаю, — вздохнула мисс Марпл, — и все-таки не могу с вами согласиться. Это-то меня и волнует, причем так волнует, что прошлую ночь я просто не могла сомкнуть глаз.

Мистер Рафиэль уставился на нее.

— Ну, послушаем, что у вас на уме, — спокойно сказал он.

— Возможно, я не права, — неуверенно промолвила мисс Марпл.

— Весьма возможно, — откликнулся мистер Рафиэль с присущим ему отсутствием такта, — но, во всяком случае, послушаем, о чем вы размыш-

ляли среди ночи.

— Здесь мог быть очень сильный мотив, если...

— Если — что?

— Если вскоре планировалось *еще одно убийство.*

Мистер Рафиэль попытался подтянуться в своем кресле.

— Объяснитесь, — потребовал он.

— Я всегда так плохо объясняю. — Мисс Марпл говорила быстро и несколько бессвязно. На ее щеках появился румянец. — Предположим, было запланировано убийство. Если вы помните, история, которую рассказал мне майор Палгрейв, была связана с человеком, чья жена умерла при подозрительных обстоятельствах. Затем, через некоторое время, произошло еще одно убийство при таких же самых обстоятельствах. Хотя этот человек носил тогда другое имя, врач, рассказывавший об этом майору, узнал его. Следовательно, все указывает на то, что у этого субъекта преступления подобного стиля стали привычкой.

— Вы имеете в виду Смита и «жен в ванне»?

— Я слышала, читала, да и по собственному опыту знаю, что если человеку, совершившему преступление, удается выйти сухим из воды, то это, увы, *поощряет* его к дальнейшим злодея-

ниям. Он не сомневается в своем уме. И в конце концов, как у упомянутого вами Смита, топившего своих жен в ванне, это становится *привычкой.* Каждый раз убийство происходит в другом месте, и каждый раз убийца меняет имя. Но сами преступления очень похожи. Конечно, может быть, я не права...

— Но вы думаете, что вы правы, верно? — вставил мистер Рафиэль.

— ...Но если, — продолжала мисс Марпл, не ответив на замечание мистера Рафиэля, — этот человек замыслил здесь избавиться от *очередной жены* и если это его третье или четвертое преступление, то ему пришлось убрать майора, опасаясь проведения нежелательных аналогий. Он не мог позволить Палгрейву громогласно рассказывать эту историю и демонстрировать фотоснимок. Убийца должен был действовать немедленно.

— Фактически в тот же вечер? — осведомился мистер Рафиэль.

— Да, — кивнула мисс Марпл.

— Проворная операция, — заметил мистер Рафиэль, — но в пределах возможного. Подложить таблетки в комнату Палгрейва, распустить слух о его повышенном давлении и подсыпать яд с

непроизносимым названием в пунш — так?

— Да. Но с этим уже покончено. Мы же должны беспокоиться *о будущем.* Убрав с пути майора Палгрейва и уничтожив фотоснимок, *убийца приведет в исполнение задуманное им преступление.*

Мистер Рафиэль свистнул.

— Вы уже все разложили по полочкам, не так ли?

Мисс Марпл кивнула и заговорила совершенно несвойственным ей властным тоном:

— И мы должны помешать этому. *Особенно вы,* мистер Рафиэль.

— Я? — удивился мистер Рафиэль. — Почему?

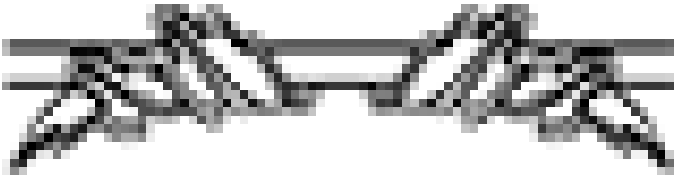
— Потому что вы богаты и влиятельны, — ответила мисс Марпл. — Люди прислушаются к тому, что предложите вы. На меня же они не обратят внимания. Они решат, что я обычная вздорная старуха с излишне развитым воображением.

— В таком случае они дураки, — заявил мистер Рафиэль. — А впрочем, если послушать ваши разговоры в обычных обстоятельствах, то никогда не скажешь, что у вас в голове есть хоть капля ума. Но на самом деле вы умеете логически мыслить, а это достоинство присуще очень немногим женщинам. — Он поудобнее устроился в кресле. — Куда запропастились Эстер и Джексон? Меня

нужно перенести. Нет, не делайте этого, у вас не так уж много сил. Не знаю, какого черта они бросили меня одного.

— Я пойду разыщу их.

— Нет, не нужно. Оставайтесь здесь и хорошенько подумайте. Кто же из них убийца? Весельчак Грег, флегматик Хиллингдон или мой Джексон? Это должен быть кто-то из них, не так ли?



Глава 17

МИСТЕР РАФИЭЛЬ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО

— Не знаю, — сказала мисс Марпл.

— Что вы имеете в виду? О чем же мы говорили последние двадцать минут?

— Мне пришло в голову, что, может быть, я не права.

Мистер Рафиэль уставился на нее.

— Ну вот! — поморщился он. — А ведь вы говорили с такой уверенностью.

— О, что касается *убийства,* то в этом я уверена. Я сомневаюсь в том, кто *убийца.* Видите ли, я узнала, что у майора Палгрейва было несколько историй об убийствах — вы сами рассказывали мне, что он говорил вам о какой-то злодейке, вроде Лукреции Борджа.

— В самом деле. Но это была совсем другая история.

— Знаю. А миссис Волтерс говорила, что он рассказывал ей, как расправились с одним человеком, сунув его голову в духовку.

— Но ведь история, которую он рассказал вам...

Мисс Марпл прервала мистера Рафиэля — подобную вещь не часто позволяли себе его собеседники.

— Неужели вы не понимаете? — горячо заговорила она. — Ведь в таких обстоятельствах можно что-нибудь и *прослушать.* Спросите миссис Волтерс — мне она сказала то же самое. Сначала вы слушаете внимательно, а потом ваше внимание рассеивается, мысли разбегаются — и внезапно вы осознаете, что некоторое время вы не слушали своего собеседника. Поэтому я допускаю возможность, что отключилась на несколько секунд после того, как он рассказал мне об *убийце-мужчине,* и до того, как он вытащил свой бумажник

и спросил: «Хотите взглянуть на фотографию убийцы?»

— Но вы думали, что на фотографии, о которой он говорил, изображен мужчина?

— Да, думала. Тогда мне не приходила в голову другая возможность. Но теперь... *Как я могу быть в этом уверена?*

Мистер Рафиэль задумчиво поглядел на нее.

— Вся беда в том, — заметил он, — что вы слишком добросовестны. Сначала вы были такой решительной, а теперь вдруг распустили нюни. По-моему, вас сбили с толку разговоры с сестрой священника и прочей компанией.

— Возможно, вы правы.

— Ну, так отрешитесь от этого на момент. Давайте вернемся к самому началу, потому что в девяти случаях из десяти первоначальное суждение оказывается самым верным. У нас трое подозреваемых. Займемся ими вплотную. Кому вы отдаете предпочтение?

— Пожалуй, никому, — вздохнула мисс Марпл. — Все трое не кажутся мне подходящими на роль убийцы.

— Рассмотрим сначала Грега, — продолжал мистер Рафиэль. — Лично я терпеть не могу этого парня. Впрочем, это не значит, что он убийца. И

все же *кое-что* говорит против него. Ведь эти таблетки от гипертонии принадлежат ему — значит, ему ничего не стоило их использовать.

— Это было бы слишком очевидно, — возразила мисс Марпл.

— Ну, не знаю. В конце концов, главным было действовать *побыстрее,* а у Грега были свои таблетки. Едва ли он располагал временем, чтобы искать таблетки у кого-то другого. Допустим, что убийца Грег. Отлично. *Если* он хотел избавиться от своей дорогой супруги Лаки (а в этом желании я с ним искренне солидарен), то я не могу понять его мотивов. Всем известно, что он богат, так как унаследовал кучу денег от своей первой жены. Возможно, ее он в самом деле угробил. С этим покончено — он вышел сухим из воды. Но Лаки была бедной родственницей его первой жены. Денег у нее нет, поэтому если он намерен разделаться с *ней,* то чтобы жениться на какой-то другой женщине. Слышали ли вы какие-нибудь сплетни по этому поводу?

Мисс Марпл покачала головой:

— Нет, не слышала. Правда, он... э-э... весьма галантно держался со *всеми* дамами.

— Какая у вас старомодная манера выражать свои мысли! — заметил мистер Рафиэль. — Ко-

роче говоря, Грег Дайсон — просто кобель, но для нас этого недостаточно. Поэтому перейдем к Эдварду Хиллингдону. Вот уж кто действительно темная лошадка.

— Я бы не назвала его счастливым человеком, — промолвила мисс Марпл.

Мистер Рафиэль бросил на нее задумчивый взгляд:

— А по-вашему, убийца должен быть счастливым человеком?

Мисс Марпл кашлянула:

— Насколько я знаю из своего опыта, обычно да.

— Не думаю, чтобы у вас на этот счет был богатый опыт, — проворчал мистер Рафиэль.

На это утверждение мисс Марпл могла бы существенно возразить, но она предпочла воздержаться, так как знала, что джентльмены не любят, когда их поправляют.

— Хиллингдон мне в общем нравится, — продолжал мистер Рафиэль. — Правда, мне кажется, что между ним и его женой существуют какие-то странные отношения. Вы заметили это?

— Конечно, заметила, — ответила мисс Марпл. — На людях их поведение безупречно, но этого и следовало ожидать.

— Очевидно, вы знаете о людях этого сорта больше, чем я, — сказал мистер Рафиэль. — Однако вполне возможно, что, несмотря на свои джентльменские манеры, Эдвард Хиллингдон собирается прикончить Эвелин Хиллингдон. Вы со мной согласны?

— Если так, то здесь должна быть другая женщина.

— Но какая?

Мисс Марпл с неудовлетворенным видом покачала головой:

— Не знаю почему, но мне кажется, что здесь все не так просто.

— Ну, тогда кто следующий? Джексон? Надеюсь, меня мы исключили из списка?

— А почему мы должны исключать вас из списка, мистер Рафиэль?

— Потому что если вы хотите обсуждать вопрос о моей пригодности на роль убийцы, то лучше это делать с кем-нибудь другим. Со мной это просто потеря времени. К тому же на эту роль я и в самом деле непригоден. Ведь я совершенно беспомощен, меня вытаскивают из постели, как куклу, одевают, катают в кресле. Разве *я* в состоянии кого-нибудь убить?

— Так же, как и все остальные, — с энтузиазмом

ответила мисс Марпл.

— Каким же это образом?

— Ну вы же не станете спорить, что вы человек умный.

— Конечно, не стану, — согласился мистер Рафиэль. — Во всяком случае, я гораздо умнее любого представителя здешнего общества.

— А будучи умным человеком, — продолжала мисс Марпл, — вы могли суметь преодолеть физические трудности, неизбежные при убийстве.

— Это потребовало бы немало сил.

— Безусловно, — подтвердила мисс Марпл. — Но я считаю, мистер Рафиэль, что вы бы от этого только испытывали удовольствие.

Несколько секунд мистер Рафиэль молча смотрел на нее, потом внезапно расхохотался.

— А вы довольно нахальная особа! — воскликнул он. — Совсем не такая тихонькая старая леди, какой кажетесь на вид. Значит, вы в самом деле думаете, что я убийца?

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Не думаю.

— Почему?

— Откровенно говоря, *именно потому*, что вы умный человек. Имея мозги, можно добиться всего, чего хочешь, не прибегая к убийству. Убийство — это глупость.

— И вообще, кого бы мне понадобилось вдруг убивать?

— Это довольно интересный вопрос, — улыбнулась мисс Марпл. — Но думаю, что обсуждать его с вами не доставило бы мне особой радости.

Мистер Рафиэль снова рассмеялся.

— Беседы с вами могут оказаться опасными, — заметил он.

— Беседы всегда опасны, если хочешь что-нибудь скрыть.

— По-видимому, вы правы. Ну, перейдем к Джексону. Что вы думаете о нем?

— Трудно сказать. Мне еще не представилось возможности для беседы с ним.

— Значит, на этот счет у вас нет определенной точки зрения?

— Он немного напоминает мне, — задумчиво промолвила мисс Марпл, — Джонаса Парри, молодого человека, служившего в конторе неподалеку от деревни, где я живу.

— Ну? — осведомился мистер Рафиэль.

— Он оставлял желать лучшего, — закончила свою мысль мисс Марпл.

— Вы хотите сказать, как и Джексон? Меня-то он вполне удовлетворяет — первоклассно работает и не возражает, если его обругаешь. Джексон знает,

что зарабатывает кучу денег, и поэтому вынужден со многим мириться. Конечно, особо доверять я бы ему не стал. Может быть, его прошлое безупречно, а может быть, и нет. Рекомендации у него были в порядке, но несколько сдержанные. К счастью, у меня нет никаких преступных тайн, и поэтому я неподходящий объект для шантажа.

— Нет тайн? — переспросила мисс Марпл. — Но ведь вы имеете деловые секреты?

— Во всяком случае, Джексону до них не добраться. И вообще, я не могу себе представить его в роли убийцы. Это на него не похоже.

Помолчав, мистер Рафиэль заговорил снова:

— Знаете, если заглянуть назад и вспомнить всю эту фантастическую историю — майора Палгрейва с его невероятными рассказами и все остальное, — то развитие событий покажется нелогичным. *Я — то лицо, которое должны были убить.*

Мисс Марпл с удивлением посмотрела на него.

— Я — как раз подходящий тип, — объяснил мистер Рафиэль. — Кто всегда оказывается жертвой в детективных романах? Богатые старики.

— И всегда есть множество людей, жаждущих убрать их с дороги, чтобы получить их деньги, — закончила мисс Марпл. — У вас такие тоже

имеются?

— Ну, — задумался мистер Рафиэль. — Я мог бы назвать вам пять-шесть человек в Лондоне, которые не станут особенно рыдать, если прочтут в *«Таймс»* известие о моей смерти. Но никто из них не стал бы принимать никаких мер, чтобы приблизить мою кончину. Да и зачем им это делать? Я ведь могу умереть со дня на день. Все и так удивляются, что я до сих пор копчу небо, — а доктора больше всех.

— Но вы, разумеется, очень хотите жить, — заметила мисс Марпл.

— Полагаю, вам это кажется странным? — осведомился мистер Рафиэль.

Мисс Марпл покачала головой.

— Нет, — возразила она. — По-моему, это вполне естественно. Жизнь представляется наиболее интересной как раз тогда, когда вы можете потерять ее. Может быть, это жестоко, но так оно и есть. Когда вы молоды, сильны и здоровы и перед вами еще долгие годы, то мысли о смерти вас не волнуют. Поэтому молодой человек может легко покончить с собой из-за несчастной любви или другого пустячного огорчения. Старики же знают, какая драгоценная и интересная вещь жизнь.

— Подумаешь, старые клячи! — фыркнул ми-

стер Рафиэль.

— И все-таки я права, не так ли?

— О да, совершенно правы. Но вам не кажется, что я тоже прав, считая, что в качестве жертвы надо было избрать меня?

— Это зависит от того, имеет ли кто-нибудь причину желать вашей смерти, — сказала мисс Марпл.

— Никто, — ответил мистер Рафиэль. — Кроме, как я уже говорил, моих конкурентов в деловом мире, которые предпочли бы, чтобы я не слишком задерживался на этом свете. Я не так глуп, чтобы делить свои деньги между родственниками. Им достанется только небольшая часть после того, как правительство получит львиную долю. Все приготовления я уже сделал — дарственные, распоряжения об опеке над имуществом и все прочее.

— Кстати, Джексон ничего не выиграет от вашей смерти?

— Он не получит ни пенни, — весело ответил мистер Рафиэль. — Я плачу ему вдвое больше, чем платил бы любой другой, только потому, что он терпит мой плохой характер. Он прекрасно знает, что с моей смертью окажется в проигрыше.

— А миссис Волтерс?

— То же самое. Эстер славная девушка, первоклассная секретарша, толковая, с хорошим характером, понимает меня с полуслова, не реагирует, когда я выхожу из себя, и ни на что не обижается. Она обращается со мной, как гувернантка с капризным младенцем. Конечно, иногда даже Эстер меня раздражает, но тут уж ничего не поделаешь. Ничего особо выдающегося в ней нет. Обыкновенная молодая женщина, но она устраивает меня больше, чем кто бы то ни было. У нее в жизни было немало огорчений. Эстер вышла замуж за довольно скверного парня. По-моему, когда дело доходит до мужчин, то ее суждениям вообще нельзя доверять. Такие женщины попадаются на удочку любому проходимцу, если только он расскажет им историю о своей тяжелой жизни. Они убеждены, что все, что нужно мужчине, — это то, чтобы какая-нибудь женщина поняла его, и что стоит ему вступить в брак, как он тут же остепенится! Как же, держи карман! Как бы то ни было, ее супруг, к счастью, умер — хватил лишнего на вечеринке и угодил под автобус. У Эстер осталась дочь, и, чтобы содержать ее, она была вынуждена снова начать работать секретаршей. У меня она служит уже пять лет. Я сразу дал ей понять, что после моей смерти ей не на что

рассчитывать. С самого начала я платил ей большое жалованье, которое каждый год увеличивал на четверть. *Но людям нельзя до конца доверять*, какими бы скромными и честными они ни казались. Поэтому я сказал Эстер, что не намерен завещать ей ни пенни. Пока я жив, ее жалованье постоянно увеличивается, и если она каждый год будет помещать солидную часть в банк — что, по-моему, она и делает, — то к тому времени, когда я протяну ноги, будет вполне обеспеченной женщиной. Я оплачиваю обучение ее дочери, а когда она достигнет совершеннолетия, то получит некоторую сумму денег. Поэтому миссис Эстер Волтерс может считать себя великолепно устроенной, а моя смерть будет означать для нее серьезные финансовые затруднения. — Он строго посмотрел на мисс Марпл. — Эстер очень благоразумная и прекрасно это сознает.

— Она ладит с Джексоном? — спросила мисс Марпл.

Мистер Рафиэль бросил на нее быстрый взгляд:

— Что-нибудь заметили, а? Да, Джексон в последнее время явно на нее поглядывает. Он, конечно, красивый парень, но ничего у него не выйдет. Помешают классовые различия. Будь она

намного выше его, это бы не имело значения, но, так сказать, представители нижнего этажа среднего класса заботятся о таких вещах. Ее мать была школьной учительницей, а отец — банковским клерком. Конечно, для Джексона Эстер лакомый кусочек, но он его не получит.

— Тише, она идет сюда! — предупредила мисс Марпл.

Оба посмотрели на Эстер Волтерс, идущую по дорожке.

— Красивая женщина, — заметил мистер Рафиэль, — но ни капли шика. Не знаю почему — ведь она хорошо одевается.

Мисс Марпл вздохнула. Видя, как женщина пренебрегает возможностями, дарованными ей природой, другая женщина, как бы стара она ни была, никогда не может удержаться от вздоха. Недостаток Эстер назывался по-разному в течение различных периодов жизни мисс Марпл. «Не слишком привлекательна», «несексапильна» и тому подобное. Светлые красивые волосы, стройное сложение, карие глаза, отличная фигура, приятная улыбка, но нет в ней того, что заставляет встречных мужчин оборачиваться.

— Ей бы следовало снова выйти замуж, — сказала мисс Марпл, понизив голос.

— Конечно. Она, безусловно, была бы хорошей женой.

В этот момент Эстер Волтерс присоединилась к ним, и мистер Рафиэль заговорил слегка наигранно:

— Вот и вы, наконец! Что вас задержало?

— Все словно сговорились посылать телеграммы сегодня утром, — ответила Эстер. — Хотят уезжать отсюда.

— Из-за убийства?

— Очевидно. Бедный Тим так расстроен.

— Еще бы. Для них это большая неудача.

— Да, в это предприятие они, наверное, много вложили и, естественно, хотели добиться успеха. Они так хорошо справлялись...

— Действительно, — согласился мистер Рафиэль. — Тим очень способный и трудолюбивый человек. Молли тоже симпатичная девушка — и хорошенькая к тому же. Они оба работали как негры, хотя здесь этот термин не вполне подходящий, ибо негры на этом острове работой себя не изнуряют. Я видел, как один парень карабкался на кокосовую пальму, чтобы добыть себе завтрак, а потом на полдня завалился спать. Неплохая жизнь. — И добавил: — Мы как раз обсуждали это убийство.

Эстер Волтерс, казавшаяся слегка испуганной, повернулась к мисс Марпл.

— Я о ней неверно думал, — заявил мистер Рафиэль со свойственной ему откровенностью. — Мне казалось, что от таких старух нет никакого толку — одно вязание да сплетни. Но у этой есть глаза и уши, и она умеет ими пользоваться.

Эстер Волтерс посмотрела на мисс Марпл, словно извиняясь за своего патрона, но та вовсе не казалась оскорбленной.

— Под этим подразумевается комплимент, — объяснила Эстер.

— Я так и поняла, — сказала мисс Марпл. — И еще я поняла, что мистер Рафиэль считает своей привилегией быть грубым, если ему этого хочется.

— Разве я был груб? — удивился мистер Рафиэль. — Простите, если я чем-нибудь вас обидел.

— Вы меня не обидели, — возразила мисс Марпл. — Вам я делаю скидку.

— Ну ладно, не надо злиться. Эстер, принесите стул и сядьте здесь. Вы можете оказаться полезной.

Эстер поднялась на террасу бунгало и принесла оттуда легкое плетеное кресло.

— Продолжим наше совещание, — заговорил

мистер Рафиэль. — Мы говорили о покойном Палгрейве и его нескончаемых историях.

— Обычно я старалась по возможности прятаться от него, — вздохнула Эстер.

— Мисс Марпл была более терпеливой, — заметил мистер Рафиэль. — Скажите, Эстер, он рассказывал вам когда-нибудь историю об убийстве?

— Да, — ответила Эстер. — Несколько раз.

— Постарайтесь припомнить ее поточнее.

Эстер задумалась.

— Беда в том, — виновато сказала она, — что я не слишком внимательно его слушала. Эта история мало чем отличалась от его рассказов о львах в Родезии, которые просто нельзя было выдержать.

— Ну, расскажите хотя бы, что вы помните.

— По-моему, это началось с какой-то газетной статьи об убийстве. Майор Палгрейв заявил, что у него в этой области богатый опыт, так как он встречался с убийцей лицом к лицу.

— Встречался?! — воскликнул мистер Рафиэль. — Он так и сказал: «встречался»?

Эстер выглядела смущенной.

— Кажется, да, — с сомнением промолвила она. — А может быть, он сказал: «Я могу показать вам

убийцу».

— Но ведь это же вовсе не одно и то же.

— Я точно не помню. *Как будто* он сказал, что покажет мне чью-то фотографию.

— Это уже что-то.

— И потом, он много говорил о Лукреции Борджа.

— На этом можно не задерживаться. О Лукреции Борджа мы все знаем.

— Он говорил об отравителях, о том, что Лукреция была красивой рыжеволосой женщиной, и добавил, что в мире, возможно, существует гораздо больше отравительниц, чем мы думаем.

— Боюсь, что это *весьма* вероятно, — вставила мисс Марпл.

— Майор сказал, что яд — женское оружие.

— Кажется, он отклонился от исходной темы, — заметил мистер Рафиэль.

— Ну конечно. Он постоянно перескакивал с места на место. Под конец я просто переставала слушать и только иногда для виду вставляла отдельные реплики.

— Так что же было с этой фотографией?

— Не помню. Может быть, он увидел похожее лицо в газете...

— Он не показывал вам снимок?

— Снимок? Нет. — Эстер покачала головой. — Я уверена в этом. Он говорил, что она была очень красивой и что по ней никогда нельзя было сказать, что она убийца.

— Она?

— В том-то и дело! — воскликнула мисс Марпл. — Это все путает.

— Он говорил о женщине? — спросил мистер Рафиэль.

— Да.

— И на этом снимке была женщина?

— Да.

— Этого не может быть!

— Но это так, — настаивала Эстер. — Он сказал: «Она здесь, на этом острове. Я покажу вам ее и расскажу целую историю».

Мистер Рафиэль выругался. Высказывая свои мысли о покойном майоре Палгрейве, он не стеснялся в выражениях.

— Возможно, — закончил он, — в его болтовне вообще нет ни слова правды!

— Интересно, — пробормотала мисс Марпл.

— Конечно, — продолжал мистер Рафиэль, — старый дурак начинал с охотничьих историй. Охота на кабанов с копьем, стрельба по тиграм и слонам, чудесные спасения от львов. Одна или

две из них, может быть, имели место. Остальные же были выдумкой или произошли с кем-то другим. Потом он перешел к теме убийства и тоже стал рассказывать одну историю за другой, причем так, будто они случались *с ним самим.* Десять против одного, что большинство из них — мешанина из того, что он читал в газетах или же видел по телевизору.

Мистер Рафиэль с сердитым лицом обернулся к Эстер:

— Вы же сами признаете, что слушали невнимательно. Может быть, вы его не поняли?

— Я уверена, что он говорил о женщине, — упорствовала Эстер. — Поэтому я и заинтересовалась, кто она.

— И кто же она, по-вашему? — спросила мисс Марпл.

Эстер покраснела и казалась смущенной.

— О, я... я бы не хотела...

Мисс Марпл не настаивала. Присутствие мистера Рафиэля, несомненно, препятствовало выяснению этого обстоятельства. Эстер могла поделиться своими подозрениями, только находясь наедине с другой женщиной. К тому же, возможно, Эстер Волтерс лгала. Естественно, мисс Марпл не высказала это предположение вслух. Кроме

того, она не очень в это верила. Во-первых, Эстер Волтерс не казалась ей похожей на лгунью (хотя кто знает!), а во-вторых, мисс Марпл не могла найти причин для подобной лжи.

Мистер Рафиэль обернулся к мисс Марпл:

– *Вы говорите,* что он, рассказав вам об убийце, собирался показать его фотографию?

— По-моему, да.

— По-вашему? Раньше вы вроде были в этом уверены.

— Не так легко, передавая какой-нибудь разговор, точно придерживаться всех фраз своего собеседника, — возразила мисс Марпл. — Вам кажется, что он сказал то, *что вы считаете само собой разумеющимся,* и вы впоследствии приписываете ему эти слова. Майор Палгрейв действительно поведал мне историю. Он говорил, что врач, рассказавший ему о ней, показал снимок убийцы, но если быть честной, то я должна признаться, что когда он предложил мне взглянуть на фотокарточку убийцы, то я, естественно, предположила, что это та самая карточка, о которой шла речь, то есть снимок именно того убийцы. Однако приходится допустить возможность — хотя и слабую, — что по ассоциации мыслей он переключился с того снимка, который

ему показали в прошлом, на снимок кого-то, присутствующего здесь, кого он считал убийцей.

— О женщины! — раздраженно фыркнул мистер Рафиэль. — Вы все одинаковы! *Точность вам недоступна,* вы никогда ни в чем не уверены. Теперь к нашему списку прибавились Эвелин Хиллингдон и Лаки Дайсон, что окончательно все запутывает!

Послышалось тихое деликатное покашливание. Рядом с мистером Рафиэлем стоял Артур Джексон. Он появился так бесшумно, что никто его не заметил.

— Пришло время массажа, сэр, — напомнил он.

Мистер Рафиэль сразу же забрюзжал:

— Почему вы ступаете так неслышно? Вы меня напугали!

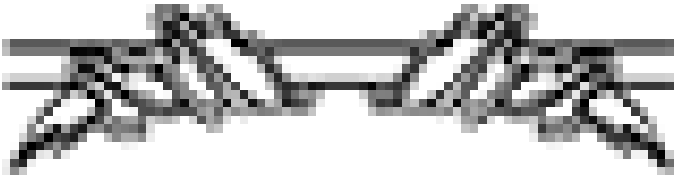
— Простите, сэр.

— Думаю, что сегодня я обойдусь без массажа. От него вообще нет никакого толку.

— О, сэр, вы не должны так говорить. — Джексон был полон энтузиазма профессионала. — Если вы бросите массаж, то сразу это почувствуете.

И он быстро покатил кресло к дому.

Мисс Марпл поднялась, улыбнулась Эстер и направилась к пляжу.



Глава 18

БЕЗ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ЦЕРКВИ

I

Этим утром пляж был почти пуст. Грег с шумом плескался в воде; Лаки лежала на спине лицом вниз — ее загорелая спина блестела от масла, светлые волосы спускались на плечи. Хиллингдоны отсутствовали. Сеньора де Каспаро, окруженная группой джентльменов, возлежала, обратив лицо к солнцу, и что-то говорила по-испански глубо-

ким гортанным голосом. Несколько французских и итальянских детей, смеясь, играли у берега. Каноник и мисс Прескотт сидели в пляжных креслах, наблюдая за происходящим. Каноник, по-видимому, дремал, надвинув шляпу на глаза. Рядом с мисс Прескотт стояло пустое кресло, и мисс Марпл тут же воспользовалась им.

— О боже! — произнесла она с глубоким вздохом.

— Да, — вздохнула в ответ мисс Прескотт.

Эти слова выражали их отношение к насильственной смерти.

— Бедная девушка, — сказала мисс Марпл.

— Да, весьма прискорбное происшествие, — заговорил каноник.

— Сначала Джереми и я хотели уехать, — сообщила мисс Прескотт, — но потом изменили свое решение. Мне кажется, это было бы непорядочно по отношению к Кендалам. *В конце концов, это же не их вина.* Такое могло случиться где угодно.

— И в расцвете жизни нас ожидает смерть, — торжественно произнес каноник.

— Очень важно, — продолжала мисс Прескотт, — чтобы у Кендалов дела шли успешно. Ведь они вложили в это предприятие весь свой капитал.

— Молли очень славная девочка, — заметила

мисс Марпл, — но в последнее время она неважно выглядит.

— Она очень нервничает, — согласилась мисс Прескотт. — Конечно, ведь ее семья... — Она покачала головой.

— По-моему, Джоан, — укоризненно сказал каноник, — есть вещи, о которых...

— Все об этом знают, — отмахнулась мисс Прескотт. — Ее семья живет неподалеку от нас. Двоюродная бабушка у нее была очень странная, а дядя однажды разделся догола на станции метро — кажется, на Грин-парк.

— Джоан, такие вещи *не следует* повторять!

— Печально, — покачала головой мисс Марпл, — хотя это, по-моему, нередкая форма безумия. Когда я работала в организации по оказанию помощи Армении, один пожилой почтенный священник проделал вдруг то же самое. Позвонили его жене, она приехала и увезла его домой в кэбе, завернув в одеяло.

— Конечно, с близкими родственниками Молли все в порядке, — сказала мисс Прескотт. — Она, правда, не уживалась с матерью, но в наши дни с девушками это обычное явление.

— Очень жаль, — заметила мисс Марпл, — потому что девушке всегда необходимы знания и

жизненный опыт ее матери.

— Вот именно, — подхватила мисс Прескотт. — Молли как-то познакомилась с *совершенно* неподходящим мужчиной.

— Это часто случается, — вставила мисс Марпл.

— Ее семью, естественно, это не обрадовало. *Она* ничего им не рассказала — они узнали все от совершенно постороннего человека. Разумеется, мать велела Молли привести его в дом, чтобы побеседовать с ним должным образом. Но девушка, как я поняла, отказалась это сделать, заявив, что для него будет унизительно, если его начнут осматривать, как лошадь.

Мисс Марпл вздохнула.

— Когда имеешь дело с молодежью, нужно обладать *большим тактом,* — сказала она.

— В итоге они запретили ей видеться с ним.

— Но в наше время *это невозможно,* — возразила мисс Марпл. — Девушки ходят на работу и встречаются с кем хотят, несмотря на все запреты.

— Но потом, к счастью, — продолжала мисс Прескотт, — она познакомилась с Тимом Кендалом, и тот субъект был вынужден исчезнуть со сцены. *Представляете,* как рада была ее семья!

— Надеюсь, они не высказывали своей радости слишком откровенно, — сказала мисс Марпл. — Это часто отвращает девушек от подходящих знакомых.

— Да, в самом деле.

Мысли мисс Марпл перенеслись в далекое прошлое, когда за игрой в крокет она познакомилась с одним молодым человеком. Он казался симпатичным, веселым, с почти что *богемными* взглядами. А потом он был неожиданно тепло принят ее отцом, его сочли за вполне подходящего жениха, несколько раз свободно принимали в доме, и мисс Марпл в конце концов показалось, что он очень-очень *скучный.*

Каноник, похоже, спал, и мисс Марпл предприняла попытку приблизиться к цели беседы.

— Вы, конечно, много знаете об этом месте, — заговорила она. — Ведь вы ездите сюда уже несколько лет подряд, не так ли?

— Да, мы уже приезжаем сюда четвертый год. Нам очень нравится Сент-Оноре́. Здесь всегда такая приятная публика. Нет этих сорящих деньгами богачей.

— Значит, вы хорошо знаете Хиллингдонов и Дайсонов?

— Да, достаточно хорошо.

Мисс Марпл кашлянула и слегка понизила голос.

— Майор Палгрейв рассказывал мне одну интересную историю, — сказала она.

— О, у него этих историй был обширный репертуар. Конечно, он много путешествовал по Африке, Индии и даже, кажется, по Китаю.

— Да, действительно, — подтвердила мисс Марпл. — Но я не имела в виду *это.* Та история была связана с... ну, с одним из людей, о которых я только что упомянула.

— Ах вот как? — многозначительно промолвила мисс Прескотт.

— Да. И сейчас меня интересует... — Мисс Марпл устремила взгляд туда, где лежала Лаки, подставив спину солнцу. — У нее красивый загар, — заметила она. — А какие чудесные волосы! Такого же цвета, как и у Молли Кендал, правда?

— С той разницей, — ответила мисс Прескотт, — что у Молли натуральный цвет, а у Лаки — нет.

— Право, Джоан, — неожиданно запротестовал снова пробудившийся каноник. — Не кажется ли тебе, что ты слишком *беспощадна?*

— Я вовсе не беспощадна, — ледяным голосом отозвалась мисс Прескотт, — а просто констатирую *факт.*

— А *мне* цвет ее волос очень нравится, — заявил каноник.

— Ну разумеется. Поэтому она и красит волосы. Но я уверяю тебя, дорогой Джереми, что *никакую женщину* это не обманет. Верно? — Она обернулась к мисс Марпл.

— Хотя у меня и нет вашего опыта, — ответила мисс Марпл, — но боюсь, что цвет действительно *искусственный.* У корней ее волосы темнеют каждый пятый или шестой день... — Она взглянула на мисс Прескотт, и обе кивнули с чисто женской уверенностью в своей правоте.

Каноник опять погрузился в дремоту.

— Майор Палгрейв рассказал мне очень необычную историю, — вполголоса заговорила мисс Марпл, — о... ну, я могла неточно его понять. Иногда я становлюсь туговатой на ухо. Как будто он намекал... — Она сделала паузу.

— Я знаю, что вы имеете в виду. В свое время об этом много говорили.

— В то время, когда...

— Когда умерла первая миссис Дайсон. Смерть ее была очень неожиданной. Все считали ее *malade imaginaire*[4] — ипохондричкой. Поэтому,

---

[4] notes: 4
Мнимая больная *(фр.).*

когда она умерла от внезапного припадка, естественно, начались разговоры.

— А никаких... э-э... неприятностей тогда не было?

— Врач был удивлен. Это был еще молодой человек, не имевший достаточного опыта. Он принадлежал к тем докторам, которые все лечат антибиотиками. Такие не тратят много времени на внимательный осмотр и установление точного диагноза. Они прописывают больному какие-нибудь пилюли, а если от них не становится легче, то просто меняют лекарства. Да, он как будто удивился, но выяснилось, что у нее было что-то не так с желудком. По крайней мере, это утверждал ее муж, а причины предполагать что-нибудь другое вроде не было.

— Но вы сами думаете...

— Ну я, конечно, не могу утверждать ничего определенного, но, учитывая всеобщее мнение...

— Джоан! — воскликнул каноник, внезапно воинственно выпрямившись в кресле. — Я не желаю... мне неприятно слышать, как повторяют такие нездоровые сплетни. Мы всегда боролись против этого. Не смотреть на зло, не слушать о зле и, более того, *не думать* о зле — это должно стать девизом каждого христианина!

Две женщины погрузились в молчание. Получившие строгое воспитание, они не могли не считаться с критикой духовного лица. Но в глубине души они нисколько не раскаивались и даже чувствовали раздражение. Мисс Прескотт бросила на своего брата сердитый взгляд. Мисс Марпл вытащила вязанье. Но к счастью, судьба была на их стороне.

– *Mon père*[5], — послышался тонкий пронзительный голосок.

Это была девочка-француженка, игравшая у моря вместе с другими детьми. Она незаметно подошла к креслу каноника Прескотта.

– *Mon père,* — повторила она.

— А? Да, дорогая? *Oui, qu'est-ce qu'il y a, ma petite?*[6]

Девочка объяснила. Они поспорили, кто следующий должен плавать на надувном матраце. Каноник Прескотт очень любил детей, особенно маленьких девочек, и с удовольствием играл роль арбитра в их небольших спорах. Он охотно встал и вместе с девочкой направился к морю. Мисс Марпл и мисс Прескотт испустили вздох

---

[5] notes: 5
Отец мой *(фр.).*

[6] notes: 6
Что случилось, дитя мое? *(фр.).*

облегчения и быстро повернулись друг к другу.

II

— Джереми, конечно, справедливо возражает против нездоровых сплетен, — промолвила мисс Прескотт, — но нельзя же не обращать внимания на то, что говорят люди. А в то время, как я уже сказала, разговоров было достаточно.

— Да? — Голос мисс Марпл явно поощрял мисс Прескотт к дальнейшим откровениям.

— Видите ли, эта молодая женщина — кажется, тогда ее звали мисс Грейторекс — приходилась как будто кузиной покойной миссис Дайсон и присматривала за ней — давала ей лекарства и так далее. — Последовала краткая, многозначительная пауза. — И как я поняла, — мисс Прескотт понизила голос, — между мистером Дайсоном и мисс Грейторекс кое-что было. Это многие замечали. В таком месте, как это, на все обращаешь внимание. Потом произошла странная история с каким-то лекарством, за которым Эдвард Хиллингдон ходил в аптеку.

— Так Эдвард Хиллингдон тоже был замешан в этом?

— Да, говорили, что он тоже очень увлекся Лаки — мисс Грейторекс. А она натравливала

друг на друга Хиллингдона и Грега Дайсона. Надо признать, что она всегда была очень привлекательной женщиной.

— Даже теперь, когда она не так уж молода, — вставила мисс Марпл.

— Разумеется. Правда, Лаки всегда хорошо одевалась и ловко пользовалась косметикой. Конечно, она не так ярко выглядела, когда была только бедной родственницей. О своей кузине Лаки как будто очень заботилась. Но в результате вышло вот что.

— А что это за случай с лекарством в аптеке? Как об этом стало известно?

— Ну, это случилось не в Джеймстауне. Думаю, когда они были на Мартинике. Французы, очевидно, менее осторожны с лекарствами, чем мы. Аптекарь кому-то сболтнул, и все выплыло наружу. Вы же знаете, как это бывает.

Мисс Марпл знала это лучше, чем кто бы то ни был.

— Он говорил, что полковник Хиллингдон просил, очевидно, неизвестное ему лекарство, так как все время смотрел на рецепт. Но, одним словом, *пошли разговоры.*

— Я не понимаю, почему полковник Хиллингдон... — Мисс Марпл задумчиво нахмурилась.

— Думаю, что его использовали в качестве *слепого орудия.* Как бы то ни было, Грегори Дайсон женился снова и в невероятно короткий срок — чуть ли не через месяц.

Они посмотрели друг на друга.

— Но *настоящих* подозрений не было? — спросила мисс Марпл.

— Нет, только *разговоры.* Возможно, за этим вообще ничего не было.

— А майор Палгрейв думал, что было.

— Он вам это говорил?

— Я не очень внимательно слушала, — созналась мисс Марпл. — Мне только хотелось бы знать... э-э... ну, не говорил ли он то же самое вам?

— На днях он мне как-то показал на нее, — ответила мисс Прескотт.

— Показал?

— Да. Сначала я решила, что он показывает на миссис Хиллингдон. Он усмехнулся и сказал: «Посмотрите-ка вон на ту женщину. По-моему, она совершила убийство и вышла сухой из воды». Конечно, я была шокирована и воскликнула: «Вы, разумеется, шутите, майор Палгрейв!» — а он ответил: «Да-да, дорогая леди, давайте назовем это шуткой». Дайсоны и Хиллингдоны сидели

за столом недалеко от нас, и я боялась, что они могли услышать. А майор добавил: «Не подойти ли мне туда и не попросить кое-кого смешать мне коктейль? Это будет похоже на ужин с семейством Борджа».

— Как интересно! — воскликнула мисс Марпл. — А он не упоминал о фотографии?

— Не помню... Это была вырезка из газеты?

Собиравшаяся ответить мисс Марпл плотно сжала губы. Солнце закрыла чья-то тень. Сзади подошла Эвелин Хиллингдон.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

— А я удивлялась, почему вас нет, — сказала мисс Прескотт.

— Я ездила в Джеймстаун за покупками. — Увидев, что мисс Прескотт с рассеянным видом огляделась, Эвелин добавила: — Я не брала с собой Эдварда — мужчины ведь ненавидят покупки.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Нет, я только ходила в аптеку.

Улыбнувшись, она зашагала к морю.

— Приятная пара эти Хиллингдоны, — заметила мисс Прескотт, — хотя нелегко догадаться, что у нее на уме.

— Может быть, это к лучшему, — задумчиво промолвила мисс Марпл.

— Простите?

— Я только подумала, что ее мысли, возможно, многих бы шокировали.

Мисс Прескотт казалась удивленной.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она и продолжала, слегка переменив тему: — По-моему, у них прелестное имение в Хэмпшире и мальчик или даже два мальчика, которые недавно переехали в Винчестер.

— Вы хорошо знаете Хэмпшир?

— Почти совсем не знаю. Кажется, их дом где-то около Альтона.

— А где живут Дайсоны? — спросила мисс Марпл после небольшой паузы.

— В Калифорнии, — ответила мисс Прескотт. — Правда, они редко бывают дома — постоянно путешествуют.

— Как мало знаешь о людях, с которыми встречаешься во время путешествий, — заметила мисс Марпл. — Я имею в виду, о них узнаешь только то, что они сами о себе рассказывают. Например, *вы ведь сами не знаете,* что Дайсоны живут в Калифорнии.

— Я уверена, что мистер Дайсон упоминал об этом, — удивленно сказала мисс Прескотт.

— Вот именно. Об этом я и говорю. То же самое

и с Хиллингдонами. Когда вы сказали, что они живут в Хэмпшире, вы ведь просто повторили то, *что они вам рассказывали,* не так ли?

Мисс Прескотт выглядела слегка встревоженной.

— Вы имеете в виду, что они не живут в Хэмпшире? — спросила она.

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл. — Я просто привела их в качестве примера того, что мы знаем или не знаем о людях. Я уже говорила вам, что живу в Сент-Мэри-Мид — об этом местечке вы, несомненно, никогда не слышали. Но ведь вы знаете это только *с моих слов,* правда?

Мисс Прескотт с трудом удержалась от ответа, что ее мало волнует *место жительства* мисс Марпл. Она знала только то, что это какая-то деревня на юге Англии.

— О, я понимаю, что вы имеете в виду, — поспешно сказала она. — Но ведь, находясь за границей, невозможно соблюдать подобную скрупулезность.

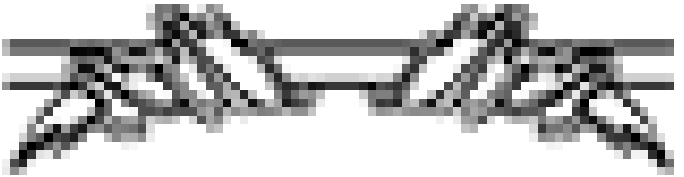
– *Я имела в виду не совсем это,* — заметила мисс Марпл.

В ее голове теснились странные мысли. Откуда она знает, что каноник и мисс Прескотт действительно были каноником и мисс Прескотт? Они

так говорили, и этому ничто не противоречило. Ведь надеть на себя высокий воротник, раздобыть соответствующую одежду и вести подобающие беседы ничего не стоило. Если только у них для этого была причина.

Мисс Марпл многое знала о священниках из тех краев, где она жила, но Прескотты приехали с севера, кажется из Дарема. Мисс Марпл не сомневалась, что они были именно теми, за кого себя выдавали, но все же, как она только что говорила, приходится верить на слово.

Да, это надо учитывать. Может быть... Мисс Марпл задумчиво покачала головой.



Глава 19

О ПОЛЬЗЕ ТУФЕЛЬ

Каноник Прескотт вернулся на место слегка задыхаясь — игра с детьми его порядком утомила.

Вскоре он со своей сестрой направился в отель, решив, что на пляже слишком жарко.

— А разве на пляже не должно быть жарко? — презрительно усмехнулась сеньора де Каспаро, когда Прескотты скрылись. — Какая чепуха! Конечно, ей будет жарко — ведь у нее закрыты даже руки и шея. Может быть, это и к лучшему — кожа

у нее безобразная, как у ощипанной курицы.

Мисс Марпл глубоко вздохнула. Сейчас как раз наступил нужный момент для беседы с сеньорой де Каспаро. Но, как назло, она не знала, с чего начать. У них не было никаких общих тем для разговора.

— У вас есть дети, сеньора? — спросила мисс Марпл.

— У меня есть три ангела, — ответила сеньора де Каспаро, поцеловав кончики своих пальцев.

Мисс Марпл не поняла, означала ли эта фраза то, что отпрыски сеньоры пребывают на небесах, или же она относилась к их характерам.

Один из вертевшихся вокруг джентльменов произнес что-то по-испански, и сеньора де Каспаро, запрокинув голову, залилась громким и мелодичным смехом.

— Вы поняли, что он сказал? — спросила она у мисс Марпл.

— Боюсь, что нет, — виновато ответила мисс Марпл.

— Это даже лучше. Он довольно злой человек.

За этим последовал быстрый обмен испанскими шутками.

— Это просто позор! — с внезапной серьезностью заговорила сеньора де Каспаро, вновь

возвращаясь к английскому языку. — Полиция не позволяет нам уехать с этого острова. Я прошу, кричу, топаю ногами, а они говорят «нет» — и все! Кончится тем, что нас всех перебьют.

Телохранитель сеньоры попытался ее успокоить.

— Не спорьте, здесь нет ничего хорошего. Я с самого начала это знала... Этот противный майор — у него был дурной глаз, помните? Его глаза смотрели в разные стороны, а это скверная примета. Каждый раз, когда он смотрел в мою сторону, я делала знак рогов. — И сеньора тут же это продемонстрировала. — Хотя из-за его косоглазия я не всегда понимала, на меня он смотрит или нет.

— У него был стеклянный глаз, — объяснила мисс Марпл. — Насколько я поняла, майор лишился глаза еще в молодости, во время несчастного случая. Он в этом не виноват.

— А я вам говорю, что он накликал сюда беду, потому что у него был дурной глаз.

И сеньора де Каспаро снова изобразила «знак рогов» — чисто латинский жест, — выставив вперед указательный палец и мизинец и поджав два средних пальца.

— Как бы то ни было, — весело сказала она,

— он умер, и мне больше не придется на него смотреть. Я вообще не люблю смотреть ни на что безобразное.

Мисс Марпл это показалось довольно жестокой эпитафией на могилу майора Палгрейва.

Из воды вышел Грегори Дайсон. Лаки перевернулась на песке. Эвелин Хиллингдон посмотрела на Лаки, и выражение ее лица почему-то заставило мисс Марпл поежиться.

«Ведь под таким жарким солнцем я никак не могла замерзнуть», — подумала она.

Поднявшись, мисс Марпл медленно побрела к своему бунгало.

По дороге она встретила мистера Рафиэля и Эстер Волтерс, идущих на пляж. Мистер Рафиэль подмигнул ей, но мисс Марпл не стала подмигивать в ответ. Она казалась расстроенной.

Наконец мисс Марпл вошла в бунгало и улеглась на койку. Она чувствовала себя старой, утомленной и обеспокоенной.

Она не сомневалась, что нельзя терять времени... Становилось поздно. Солнце клонилось к закату. Надо было посмотреть на него сквозь закопченное стекло... Где же тот кусочек стекла, который ей кто-то дал?..

Нет, не стоит. Тень закрыла солнце... Тень Эве-

лин Хиллингдон? Нет, не Эвелин... Тень смерти! Она должна... Но что она должна — сделать «знак рогов», чтобы отвести дурной глаз майора Палгрейва?

Ее веки дрогнули. Она проснулась. *Но тень в самом деле была* — кто-то смотрел в окно.

Тень исчезла, и мисс Марпл увидела, что это был Джексон.

«Какое нахальство! — подумала она. — Действительно, совсем как Джонас Парри».

Сравнение это не делало чести Джексону.

Интересно, *зачем* он заглядывал к ней в окно? Чтобы посмотреть, дома ли она? А может быть, узнать, спит она или нет?

Мисс Марпл встала, пошла в ванную и осторожно выглянула в окно.

Артур Джексон стоял у двери соседнего бунгало — бунгало мистера Рафиэля. Она видела, как он огляделся и быстро скользнул внутрь. Любопытно, что означает этот взгляд? Ведь то, что Джексон вошел в бунгало мистера Рафиэля, было вполне естественно, так как у него самого была комната в задней части домика. Он всегда входил туда и выходил оттуда по разным поручениям. Тогда к чему же этот быстрый, вороватый взгляд?

«Этому может быть только одна причина, —

подумала мисс Марпл, отвечая на собственный вопрос. — Джексон хотел убедиться, что никто не видит, как он входит в дом именно в данный момент, потому что он собирается там что-то проделать».

В это время все, конечно, находились на пляже, кроме тех, кто отправился в экспедицию. Примерно через двадцать минут Джексон должен пойти на пляж, чтобы помочь мистеру Рафиэлю окунуться в море. Если он хотел что-то тайком сделать в бунгало, то сейчас был самый подходящий момент. Он убедился, что мисс Марпл спит и что поблизости нет никого, кто бы мог за ним наблюдать. Ну, теперь пришел ее черед действовать!

Сев на кровать, мисс Марпл сняла сандалии и заменила их парой тапочек на резиновой подошве. Затем, покачав головой, она сняла тапочки, порылась в чемодане и вытащила оттуда пару туфель, каблук одной из которых, после того как она споткнулась о порог, находился в весьма рискованном состоянии. С помощью гвоздя мисс Марпл сделала его еще менее надежным. Затем, соблюдая необходимую осторожность, она вышла из дома в одних чулках, неся туфли в руках. Словно охотник, подкрадывающийся

к стаду антилоп, мисс Марпл приблизилась к бунгало мистера Рафиэля. Зайдя за угол дома, она надела туфлю и, окончательно оторвав каблук от второй, опустилась на колени под окном. Если бы Джексон что-нибудь услышал и выглянул из окна, то старая леди сказала бы ему, что она упала, потому что у нее отломался каблук. Но Джексон, очевидно, ничего не слышал.

Медленно мисс Марпл подняла голову. Окна в бунгало были очень низкими. Скрываясь за гирляндой вьющегося растения, она заглянула внутрь...

Джексон стоял на коленях перед чемоданом. Крышка была поднята, и мисс Марпл увидела, что в чемодане было несколько отделений, заполненных бумагами, которые просматривал Джексон, иногда вытаскивая документы из длинных конвертов. Мисс Марпл недолго оставалась на своем наблюдательном посту. Ей только хотелось узнать, чем занимается Джексон, и теперь она это знала. Джексон совал нос в чужие дела. Искал ли он что-нибудь конкретное или же просто следовал своим инстинктам, она сейчас не могла судить. Но это подтвердило ее мнение, что Артур Джексон и Джонас Парри походили друг на друга не только внешне.

Теперь ей надо было ретироваться. Мисс Марпл снова опустилась на колени и ползла вдоль газона до тех пор, пока не достигла места, где из окна ее нельзя было увидеть. Войдя в бунгало, мисс Марпл аккуратно спрятала в чемодан туфлю с отломанным каблуком — ведь в один прекрасный день она снова может ей понадобиться. Надев сандалии, она направилась на пляж.

Выбрав момент, когда Эстер Волтерс пошла купаться, мисс Марпл села в кресло.

Грег и Лаки смеялись и шумно болтали с сеньорой де Каспаро.

Мисс Марпл заговорила очень тихо, не глядя на мистера Рафиэля:

— Вы знаете, что Джексон сует нос в ваши дела?

— Это меня не удивляет, — отозвался мистер Рафиэль. — А вы что, поймали его за этим занятием?

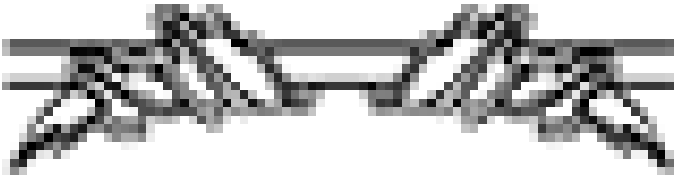
— Я смогла понаблюдать за ним через окно. Он открыл один из ваших чемоданов и просматривал лежащие там бумаги.

— Должно быть, ему удалось достать ключ. Находчивый парень! Но он будет разочарован. Никакой пользы ему это не принесет.

— Сейчас он идет сюда, — сообщила мисс

Марпл, взглянув в сторону отеля.

— Пришло время для этого идиотского купания. Что же касается вас, — тихо добавил он, — то лучше не лезьте на рожон. Жаль, если следующие похороны будут вашими. Помните о своем возрасте и будьте осторожны. Учтите: здесь действует кто-то, не особенно разборчивый в средствах.



Глава 20

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

I

Наступил вечер. На террасе зажглись лампы. Люди обедали, разговаривали и смеялись, хотя менее громко и беззаботно, чем день или два назад. Стил-бэнд гремел, как всегда, но танцы кончились рано. Все, зевая, отправились спать. Свет погас. В «Золотой пальме» наступил покой и тишина...

— Эвелин, Эвелин! — послышался резкий шепот.

Эвелин Хиллингдон вздрогнула и повернулась.

– *Эвелин.* Пожалуйста, проснитесь.

Эвелин поднялась с подушки. В дверях стоял Тим Кендал. Она удивленно посмотрела на него.

— Простите, Эвелин, не могли бы вы прийти к нам? Молли заболела. Не знаю, что с ней случилось. Нужно что-то предпринять.

Эвелин быстро приняла решение:

— Хорошо, Тим. Вы возвращайтесь к ней, а я скоро приду.

Тим Кендал удалился. Эвелин соскочила с постели, накинула халат и взглянула на соседнюю кровать. Ее муж как будто не проснулся. Он лежал, повернув голову, его дыхание было ровным и спокойным. Подумав, Эвелин решила не будить его. Она вышла из своего бунгало и, пройдя здание отеля, очутилась у бунгало Кендалов, в дверях которого стоял Тим.

Молли лежала на кровати. Ее глаза были закрыты, дышала она неестественно ровно. Эвелин наклонилась над ней, пощупала пульс, приподняла веко и бросила взгляд на столик у кровати. Там стоял стакан и пустой пузырек. Она взяла его.

— Там были ее снотворные таблетки, — сказал

Тим, — но вчера или позавчера флакон был пуст только наполовину. Я думаю, она выпила слишком большую дозу.

— Пойдите и приведите доктора Грэма, — приказала Эвелин. — По дороге разбудите кого-нибудь из ваших поваров и скажите, чтобы он сварил крепкий кофе. Только, пожалуйста, побыстрее.

Тим исчез. Выйдя, он столкнулся с Эдвардом Хиллингдоном.

— О, простите, Эдвард.

— Что здесь происходит? — осведомился Эдвард Хиллингдон. — Что происходит?

— Молли плохо. С ней Эвелин. Я должен найти доктора. Очевидно, мне следовало бежать к нему в первую очередь, но я... я растерялся и решил посоветоваться с Эвелин. Молли бы наверняка рассердилась, если бы я зря вызвал врача.

Он убежал прочь. Эдвард Хиллингдон посмотрел ему вслед, потом вошел в спальню.

— Что случилось? — спросил он. — Что-нибудь серьезное?

— О, вот и ты, Эдвард. А я думала, проснулся ты или нет. Бедная девочка отравилась.

— Это опасно?

— Смотря сколько она приняла. Думаю, что мы поспели вовремя. Я послала за кофе.

— Но почему она это сделала? Тебе не кажется... — Он внезапно умолк.

— Что мне не кажется? — переспросила Эвелин.

— Ты не думаешь, что это из-за расследования, полиции и прочего?

— Очень может быть. Нервных людей это всегда расстраивает.

— Молли никогда не казалась нервной.

— Трудно сказать, — возразила Эвелин. — По внешнему виду не всегда можно определить. Иногда теряют над собой контроль такие люди, от которых этого уж никак нельзя было ожидать.

— Да. Я понимаю... — И он снова умолк.

— Все дело в том, — продолжала Эвелин, — что никто не знает друг друга до конца — даже самого близкого человека.

— По-моему, Эвелин, ты преувеличиваешь.

— Едва ли. Думая о людях, ты представляешь их такими, какими их сам себе воображаешь.

— Я знаю тебя, — тихо произнес Эдвард Хиллингдон.

— Ты только думаешь, что знаешь.

— Нет, я уверен. — И он добавил: — А ты так же уверена во мне.

Эвелин посмотрела на него, потом обернулась

к кровати и встряхнула Молли за плечи.

— Нужно что-то делать, но придется подождать доктора Грэма. О, кажется, я слышу их шаги.

II

— Ну, вот и все. — Доктор Грэм шагнул назад, вытер лоб носовым платком и облегченно вздохнул.

— Вы считаете, сэр, что с ней будет все в порядке? — с беспокойством осведомился Тим.

— Да-да. Мы поспели вовремя. И вообще, может быть, она приняла дозу, недостаточную для того, чтобы убить себя. Через пару дней она будет совершенно здорова, но эти два дня будет чувствовать себя весьма скверно. — Он поднял пустой пузырек. — Кто дал ей это?

— Врач в Нью-Йорке. Она неважно спала.

— Да, снотворные теперь выдаются свободно. Никто не советует молодым женщинам, страдающим бессонницей, считать слонов, съесть бисквит или написать пару писем, а потом снова лечь в постель. В наши дни все требуют более действенных средств. Иногда я очень сожалею о подобном вольном обращении со снотворным. Люди должны научиться сами справляться с такими неприятностями. Конечно, можно сунуть

ребенку в рот соску, чтобы он перестал кричать, но нельзя же проделывать это с ним всю жизнь. — Он усмехнулся. — Держу пари, если вы спросите мисс Марпл, что она делает, когда не может заснуть, то мисс Марпл ответит вам, что она считает слонов.

Молли слегка пошевелилась, и доктор обернулся к кровати. Глаза девушки были открыты. Она смотрела на окружающих, словно не узнавая их. Доктор Грэм взял ее за руку:

— Ну, дорогая моя, что же вы с собой натворили?

Молли молча моргала глазами.

— Почему ты сделала это, Молли, почему? Скажи мне! — Тим взял ее за другую руку.

Глаза Молли остановились на Эвелин Хиллингдон. Казалось, в них мелькнул вопрос.

— Меня привел Тим, — сказала Эвелин.

Молли перевела взгляд на Тима, потом на доктора Грэма.

— На этот раз все обошлось, — заявил доктор Грэм, — но больше так не делайте.

— Она вовсе не хотела этого делать, — спокойно сказал Тим. — Я в этом уверен. Молли просто захотелось хорошо поспать. Возможно, таблетки сразу не подействовали, и она приняла еще

несколько штук. Правда, Молли?

Но Молли отрицательно покачала головой.

— Ты хочешь сказать... значит, ты сделала это нарочно? — спросил Тим.

— Да, — впервые заговорила Молли.

— Но зачем, Молли, зачем?

Веки девушки дрогнули.

— Боюсь, — еле слышно шепнула она.

— Боишься? Чего?

Но Молли снова закрыла глаза.

— Лучше дайте ей прийти в себя, — посоветовал доктор Грэм.

Но Тима уже нельзя было остановить.

— Чего ты боялась? Полиции? Потому что они приставали к тебе с вопросами? Ну, это может напугать кого угодно. Но ведь это их работа. Никто никогда не думал... — Он осекся.

Доктор Грэм выразительно покачал головой.

— Я хочу спать, — сказала Молли.

— Для вас это самое лучшее, — кивнул доктор Грэм.

Он двинулся к двери, остальные последовали за ним.

— Теперь она крепко заснет, — сказал Грэм.

— Я что-нибудь должен сделать? — спросил все еще встревоженный Тим.

— Если хотите, я останусь, — предложила Эвелин.

— Нет, теперь все будет в порядке, — сказал Тим.

Эвелин снова подошла к кровати:

— Мне остаться с вами, Молли?

Глаза Молли опять открылись.

— Нет, — ответила она и добавила после паузы: — Только Тим.

Тим вернулся назад и уселся у кровати.

— Я здесь, Молли, — сказал он и взял ее за руку. — Постарайся заснуть. Я тебя не оставлю.

Она слабо вздохнула и закрыла глаза.

Выйдя из бунгало, доктор и Хиллингдоны остановились.

— Вы уверены, что я ничем не могу помочь? — спросила Эвелин.

— Да, благодарю вас, миссис Хиллингдон. Ей сейчас, кроме мужа, никто не нужен. Но завтра кому-то придется с ней побыть — ведь Кендал, в конце концов, должен заниматься делами отеля.

— Вы думаете, она может... снова попытаться? — спросил Хиллингдон.

Грэм с раздражением потер переносицу.

— В таких случаях это трудно предугадать. Вообще-то это очень маловероятно. Как вы сами

видите, самочувствие ее довольно неприятное. Но конечно, все предвидеть невозможно. Она могла спрятать где-нибудь еще несколько таблеток.

— Никогда бы не подумал, что такая девушка, как Молли, может решиться на самоубийство, — заявил Хиллингдон.

— Люди, которые все время говорят о самоубийстве, — сухо заметил Грэм, — обычно ограничиваются разговорами, давая этим выход своим чувствам.

— Но Молли всегда казалась такой счастливой... — Эвелин заколебалась. — Я должна кое-что рассказать вам, доктор Грэм.

Она сообщила ему о своей беседе с Молли на пляже в тот вечер, когда убили Викторию. Когда Эвелин закончила, лицо Грэма стало очень серьезным.

— Я рад, что вы рассказали мне это, миссис Хиллингдон. К сожалению, налицо очень неблагоприятные признаки. Надо будет утром поговорить с ее мужем.

III

— Я хочу серьезно поговорить с вами о вашей жене, Кендал.

Они сидели в кабинете Тима. Эвелин Хиллинг-

дон дежурила у постели Молли, а Лаки обещала сменить ее. Мисс Марпл тоже предложила свои услуги. Бедный Тим разрывался между отелем и больной женой.

— Не понимаю, — сказал Тим. — Не могу понять, что происходит с Молли. Она совершенно переменилась.

— Насколько я понял, она видит дурные сны?

— Да, она часто жалуется на это.

— И давно?

— О, не знаю. По-моему, уже месяц, а может быть, и дольше. Она... мы думали, что это просто... ну, обычные ночные кошмары.

— Допустим. Но более серьезные опасения внушает тот факт, что она, кажется, кого-то боится. На это она вам тоже жаловалась?

— Да. Один или два раза она говорила, что ее преследуют.

— Ага! Шпионят за ней?

— Да, она как-то использовала этот термин. Молли говорила, что ее преследуют враги.

— А у нее были враги, мистер Кендал?

— Нет. Конечно нет.

— И никаких неприятных инцидентов в Англии, возможно, до вашего брака?

— Нет, ничего такого вроде бы не было. Она

только не слишком ладила с матерью, но та была эксцентричная особа, с которой вообще нелегко было ужиться.

— А были ли в ее семье какие-нибудь признаки психического расстройства?

Тим открыл было рот, но тут же закрыл его, нервно теребя лежащую на письменном столе авторучку.

— Должен заметить, Тим, — продолжал доктор, — что для вас лучше быть полностью со мной откровенным.

— Ну, кое-какие отклонения там были. Правда, ничего серьезного, но ее тетя, кажется, была немного свихнувшейся. Ведь такое встречается в каждой семье.

— Да, вы совершенно правы. Я вовсе не стараюсь тревожить вас напрасно, но подобные случаи могут указывать на тенденцию терять самообладание и воображать неизвестно что при каждом стрессе.

— Я об этом не так уж много знаю, — сказал Тим. — В конце концов, люди не любят выбалтывать семейные тайны.

— Да, разумеется. А может быть, Молли до вас была с кем-то помолвлена и этот человек потом стал ей угрожать?

— Не думаю. Действительно, когда мы познакомились, Молли была помолвлена с каким-то мужчиной. Насколько я понял, ее родители резко возражали против такой партии, и Молли, по-моему, продолжала встречаться с этим парнем только из духа противоречия. — Тим усмехнулся. — Молодые всегда так поступают.

— Да, это обычное дело, — улыбнулся в ответ доктор Грэм. — Против нежелательных друзей своих детей лучше не возражать — они, как правило, сами от них отвыкают. А этот человек никогда не угрожал Молли?

— Конечно нет. Она бы мне сказала. Молли сама говорила, что это была глупая детская привязанность, возникшая главным образом из-за того, что у него была плохая репутация.

— Ну что ж, очевидно, это и в самом деле чепуха. Перейдем к дальнейшему. Как я понял, у вашей жены случалось нечто вроде провалов памяти — короткие промежутки времени, о которых она ничего не помнила. Вы знали об этом, Тим?

— Нет, — медленно произнес Тим, — не знал. Она никогда мне об этом не говорила. Правда, я иногда замечал, что у нее какой-то отсутствующий вид и... — Он сделал паузу, задумавшись. — Да, вы правы, это объясняет все. Я часто не мог

понять, почему она забывает самые простейшие вещи и иногда даже не помнит, утро сейчас или полдень. Но я думал, что это простая рассеянность.

— Как бы то ни было, Тим, я настоятельно советую вам показать вашу жену какому-нибудь хорошему специалисту.

Лицо Тима побагровело от гнева.

— Очевидно, вы имеете в виду психиатра?

— Право, не стоит расстраиваться из-за терминологии. Невропатолога, психиатра — одним словом, врача — специалиста по нервным расстройствам. Такой врач есть в Кингстоне и, разумеется, в Нью-Йорке. По-видимому, что-то служит причиной нервного возбуждения вашей жены. Возможно, она сама толком не знает о причине. Поэтому я советую вам, Тим, заняться этим как можно скорее. — Он похлопал молодого человека по плечу и поднялся. — Пока что беспокоиться не о чем. У вашей жены много друзей, и мы не спустим с нее глаз.

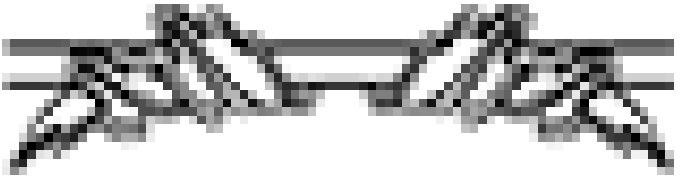
— Она не... Неужели вы думаете, что она снова попытается?

— Я считаю это весьма маловероятным, — ответил доктор Грэм.

— Но вы не уверены? — настаивал Тим.

— Одно из правил моей профессии — никогда ни в чем не быть уверенным. — Он снова положил руку на плечо Тима. — Не стоит так волноваться.

— Легко сказать, — проворчал Тим, когда доктор вышел из кабинета. — Не волноваться! Из чего, он полагает, я сделан?



Глава 21

ДЖЕКСОН И КОСМЕТИКА

— Вы действительно согласны, мисс Марпл? — спросила Эвелин Хиллингдон.

— Ну конечно, дорогая, — ответила мисс Марпл. — Я очень рада принести хоть какую-нибудь пользу, а то, знаете, в мои годы чувствуешь себя совершенно бесполезной, особенно на отдыхе, когда нет никаких обязанностей. Я с удовольствием посижу с Молли. А вы поезжайте в экспедицию. Сегодня вы едете на мыс Пеликан?

— Да, — сказала Эвелин. — Нам с Эдвардом нравится это место. Так интересно смотреть на птиц, ныряющих за рыбой. Сейчас у Молли Тим, но у него много дел, а он, кажется, не хочет оставлять Молли одну.

— Он совершенно прав, — заявила мисс Марпл. — Ведь когда человек один раз сделал такую попытку, то никогда нельзя быть уверенным... Ну, до свидания, дорогая.

Эвелин присоединилась к поджидавшей ее небольшой группе, состоящей из ее мужа, Дайсонов и еще четырех человек. Мисс Марпл отложила вязанье, проверила, все ли она взяла с собой, и направилась к бунгало Кендалов.

Поднявшись в лоджию, она услышала голос Тима через полуоткрытое французское окно.

— Скажи мне, Молли, *почему ты это сделала?* Что заставило тебя? Может быть, в этом виноват я? Должна же быть какая-то причина. Пожалуйста, скажи мне.

— Я не знаю, Тим. Не знаю. Очевидно, со мной что-то случилось.

Мисс Марпл постучала в окно и вошла.

— А, вот и вы, мисс Марпл. Очень любезно с вашей стороны.

— Что вы, — ответила мисс Марпл. — Я с удо-

вольствием помогу вам. Можно я сяду в это кресло? Вы выглядите гораздо лучше, Молли. Я очень рада.

— Со мной все в порядке, — сказала Молли. — Я... я просто сонная.

— Лежите спокойно и отдыхайте — я не буду отвлекать вас разговорами, — пообещала мисс Марпл. — У меня с собой вязанье.

Тим Кендал бросил на нее благодарный взгляд и вышел. Мисс Марпл поудобнее устроилась в кресле.

Молли лежала слева от нее. Лицо ее казалось измученным и опустошенным, на нем застыло какое-то бессмысленное выражение.

— Спасибо вам, мисс Марпл, — тихо прошептала она. — Я, пожалуй, посплю.

Она повернулась на подушках и закрыла глаза. Ее дыхание стало более ритмичным, но все еще оставляло желать лучшего. Имеющая за плечами долгий опыт сиделки, мисс Марпл почти машинально поправила простыню и попыталась засунуть ее под матрац. При этом ее рука наткнулась на какой-то твердый прямоугольный предмет, лежащий под матрацем. Удивленная, мисс Марпл вытащила его. Это была книга. Мисс Марпл бросила быстрый взгляд на девушку, но

Молли лежала неподвижно. Очевидно, она спала. Мисс Марпл открыла книгу. Это оказалась популярная работа о нервных болезнях. Она была открыта на той странице, где описывались начальные симптомы мании преследования и вообще шизофрении и сходных с ней заболеваний.

Изложенный в книге материал был легко понятен любому непрофессионалу. Во время чтения лицо мисс Марпл становилось все более и более серьезным. Через две минуты она закрыла книгу и задумалась, потом склонилась вперед и осторожно засунула книгу на прежнее место под матрац.

Покачав головой, мисс Марпл бесшумно встала, сделала несколько шагов к окну и внезапно резко обернулась. Глаза Молли были открыты, но, как только мисс Марпл повернула голову, они снова закрылись. Мисс Марпл стояла в нерешительности: может быть, ей только привиделся быстрый, тревожный взгляд девушки? Значит, Молли только притворялась, что спит? Это могло иметь вполне естественное объяснение. Она, возможно, боялась, что мисс Марпл начнет говорить с ней, и поэтому прикидывалась спящей.

Но почему же ей почудилось во взгляде Молли какое-то неприятное, хитрое выражение?

Мисс Марпл решила как можно скорее переговорить с доктором Грэмом. Она снова села в кресло у кровати и через пять минут решила, что Молли и в самом деле заснула. Если бы она притворялась, то не могла бы лежать так спокойно и дышать так ровно. Мисс Марпл опять поднялась. Сегодня на ней были туфли на резиновой подошве — обувь не слишком элегантная, но зато просторная и вполне соответствующая местному климату.

Мисс Марпл неслышно прошлась по спальне, остановившись у обоих окон, выходивших в противоположных направлениях.

Территория отеля казалась пустынной. Вернувшись к креслу и собираясь сесть, мисс Марпл услышала слабый звук снаружи. Неужели это скрип башмака на веранде? После недолгого колебания мисс Марпл подошла к французскому окну, открыла его пошире, вышла наружу и заговорила, обернувшись к комнате:

— Я отлучусь только на минутку, дорогая, — пройду к себе в бунгало и посмотрю, не забыла ли я там свои выкройки. Я была уверена, что взяла их с собой. А вы лежите спокойно.

«Бедняжка действительно спит, — подумала она. — Ну что ж, это к лучшему».

Пройдя по лоджии, мисс Марпл спустилась с лесенки и свернула на тропинку вправо. Если бы за ней наблюдал кто-нибудь стоявший у кустов гибискуса, то он был бы удивлен, увидев, что мисс Марпл внезапно направилась к газону, обогнула бунгало сзади и снова вошла в него через вторую дверь. Пройдя через маленькую комнатку, которую Тим иногда использовал в качестве неофициального кабинета, она очутилась в гостиной.

Полуопущенные занавеси создавали в комнате прохладный полумрак. Отодвинув одну из них, мисс Марпл стала ждать. Отсюда она сразу бы заметила любого человека, приближавшегося к спальне Молли.

Через четыре-пять минут мисс Марпл увидела Джексона, который в своей аккуратной белой униформе поднялся по ступенькам на лоджию. Подождав немного, он постучал в открытую створку французского окна. Ответа не последовало. Быстро оглядевшись вокруг, Джексон скользнул внутрь. Мисс Марпл подошла к двери, ведущей в спальню, и продолжала наблюдение сквозь щель.

Войдя в комнату, Джексон приблизился к кровати и несколько минут смотрел на спящую

девушку. Затем он обернулся и направился к двери, ведущей в ванную. Брови мисс Марпл удивленно полезли вверх. Подумав, она вышла в коридор и оттуда зашла в ванную через другую дверь.

Джексон моментально прервал обследование полки над раковиной. Он казался сбитым с толку, что было неудивительно.

— О! — воскликнул он. — Я... я не...

— Мистер Джексон? — удивленно произнесла мисс Марпл.

— Я так и думал, что вы где-то здесь, — вздохнул Джексон.

— Что вам нужно? — спросила мисс Марпл.

— Ну, вообще-то говоря, — ответил Джексон, — я только хотел взглянуть, какого сорта у миссис Кендал крем для лица.

Увидев, что Джексон в самом деле держит в руке баночку с кремом для лица, мисс Марпл оценила его находчивость.

— Приятный запах, — продолжал он, сморщив нос. — Отличная штука. Более дешевые сорта не всегда хорошо действуют, а у некоторых даже вызывают сыпь. С пудрой иногда случается то же самое.

— Вы, кажется, хорошо разбираетесь в этом

вопросе, — заметила мисс Марпл.

— Я немного работал фармацевтом, — сказал Джексон, — и узнал многое о косметических препаратах. Стоит их покрасивее упаковать, так их любая женщина купит.

— И только ради этого... — начала мисс Марпл.

— Нет, я пришел сюда не беседовать о косметике, — признался Джексон.

«У тебя не было времени, чтобы придумать подходящую ложь, — подумала мисс Марпл. — Ладно, посмотрим, как ты теперь выкрутишься».

— На днях, — продолжал Джексон, — миссис Волтерс одолжила свою губную помаду миссис Кендал. Вот я и пришел, чтобы взять ее отсюда. Я постучал в окно и, увидев, что миссис Кендал крепко спит, решил просто войти в ванную и поискать помаду.

— И вы нашли ее? — осведомилась мисс Марпл.

Джексон покачал головой.

— Возможно, она лежит у нее в сумочке, — беспечно произнес он. — Ну, ничего. Миссис Волтерс вовсе не беспокоилась. Она просто как-то припомнила это к случаю. — Джексон продолжал обозревать принадлежности туалета. — У миссис Кендал не так уж много косметики, верно?

Впрочем, в ее возрасте и с такой кожей это и не требуется.

— Очевидно, вы рассматриваете женщин с другой точки зрения, нежели обыкновенные мужчины, — улыбнулась мисс Марпл.

— Да. По-видимому, род деятельности влияет и на угол зрения.

— А вы много знаете о наркотиках?

— О да. Мне немало пришлось с ними повозиться. По-моему, теперь их развелось слишком много — разные транквилизаторы, стимуляторы и прочая дребедень. Конечно, если вы их принимаете по рецепту, то это хорошо, но сейчас ими стали часто пользоваться и без рецепта, а некоторые из них очень опасны.

— Очевидно, вы правы, — согласилась мисс Марпл.

— Они очень сильно действуют на поведение человека. Из-за этого у многих подростков часто бывает истерия — наглатываются всякой дряни. Впрочем, в этом нет ничего нового. Наверное, привычка пришла с Востока. Правда, я сам на Востоке не был, но ведь все диковинки приходят оттуда. Знаете, что там женщины раньше давали своим мужьям? Ну, например, в Индии в старину, если молодую женщину выдавали замуж за ста-

рика, то она не могла желать ему смерти, потому что оставаться вдовой было мало радости — вдов тогда либо сжигали на погребальном костре, либо изгоняли из семьи. Но жена могла с помощью наркотиков сделать мужа слабоумным, вызвать у него галлюцинации и тому подобные «приятные» вещи. — Он покачал головой. — Вспомните ведьм. Тут тоже есть немало интересного. Почему они так легко признавались в том, что они *действительно* колдуньи и летают на помеле на шабаш?

— Пытки? — предположила мисс Марпл.

— Не всегда, — возразил Джексон. — Конечно, пытки применялись вовсю, но они начинали сознаваться раньше и даже хвастались своими способностями. Дело в том, что эти женщины натирали себя мазями, а некоторые препараты, например белладонна или атропин, при втирании в кожу могут вызвать ощущение левитации — полета в воздухе. Беднягам казалось, что они в самом деле летают. А вспомните ассасинов — средневековую секту в Сирии и Ливане. Им давали гашиш, вызывавший у них ощущение бесконечности жизни, пребывания в раю среди гурий, говоря, что такое ожидает их после смерти, но, чтобы достичь этого, они должны совершить

ритуальные убийства. Я не выдумываю — так все и было.

— В сущности, — заметила мисс Марпл, — все это происходит из-за того, что люди слишком доверчивы.

— Что ж, может быть, и так.

— Они верят всему, что им говорят, — продолжала мисс Марпл. — Да, мы все к этому склонны. — Внезапно она спросила: — Кто рассказывал вам истории об Индии — о том, как жены одурманивают мужей датурой, — майор Палгрейв?

Джексон казался слегка удивленным.

— Ну, вообще-то да. Он рассказал мне много таких историй. Конечно, большинство из них происходили задолго до того, как он появился на свет, но он как будто все об этом знал.

— Майору Палгрейву казалось, что он все знает, — заметила мисс Марпл. — Но в своих рассказах он часто бывал неточен. — Она задумчиво покачала головой. — Майор Палгрейв должен был бы за многое ответить.

В спальне послышался слабый звук. Мисс Марпл резко обернулась и вышла из ванной. В спальне у окна стояла Лаки Дайсон.

— Я... О, я не знала, что вы здесь, мисс Марпл.

— Я только на минуту вышла в ванную, — с

достоинством ответила мисс Марпл.

Оставшийся в ванной Джексон широко осклабился. Викторианская скромность всегда забавляла его.

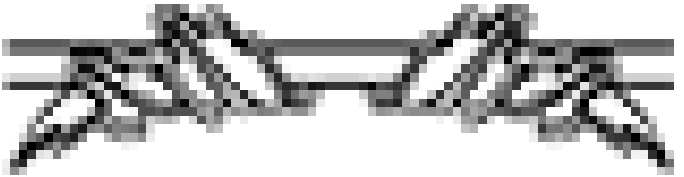
— Я хотела узнать: может быть, мне пора вас сменить? — Лаки поглядела на кровать. — Она спит?

— По-моему, да, — ответила мисс Марпл. — Но вы не беспокойтесь. Можете идти и спокойно развлекаться, дорогая. Я думала, что вы отправились в экспедицию.

— Я собиралась, — сказала Лаки, — но у меня так разболелась голова, что в последний момент я передумала. Поэтому мне пришло в голову посмотреть, не нужна ли здесь моя помощь.

— Это очень мило с вашей стороны, — мисс Марпл снова села у кровати и взялась за вязанье, — *но я здесь отлично себя чувствую.*

Немного поколебавшись, Лаки повернулась и вышла. Подождав несколько секунд, мисс Марпл на цыпочках вернулась в ванную, но Джексон уже удалился через вторую дверь. Мисс Марпл подобрала баночку с кремом, которую он держал, и сунула ее в карман.



Глава 22

МУЖЧИНА В ЕЕ ЖИЗНИ?

Непринужденно побеседовать с доктором Грэмом было не так уж легко, так как мисс Марпл не хотела излишне подчеркивать важность тех вопросов, которые она намеревалась ему задать.

Вернулся Тим, и мисс Марпл сказала ему, что она посидит с Молли в обеденное время, когда присутствие Тима необходимо в столовой. Тим начал уверять ее, что это охотно сделают миссис Дайсон или миссис Хиллингдон, но мисс Марпл

прямо заявила, что молодым женщинам нужны развлечения, а она предпочитает легкую пищу в более раннее время. Тим тепло поблагодарил ее. Блуждая по дорожке, связывающей различные бунгало, в том числе доктора Грэма, мисс Марпл обдумывала дальнейшие планы.

В ее мозгу теснилось множество запутанных и противоречивых мыслей, и это ей очень не нравилось. Сначала это дело казалось совершенно ясным. Майор Палгрейв с его прискорбным пристрастием к рассказам, история об убийстве, по неосторожности майора кем-то подслушанная, и в результате — смерть Палгрейва через двадцать четыре часа. В *этом* как будто не было ничего особенно сложного.

Но впоследствии, к сожалению, возникла масса трудностей. Все «ключи» уводили в совершенно противоположные направления. Даже если не верить ни одному слову, учитывая, что большинство находящихся на этом острове имеют печальное сходство с некоторыми обитателями Сент-Мэри-Мид, то все равно в итоге оказываешься в тупике.

Мисс Марпл сосредоточила весь свой ум на потенциальной жертве. Кого-то собираются убить, и она все сильнее чувствовала, что должна знать,

кого именно. *Что-то* здесь было... Что-то, что она видела? Слышала? Отметила про себя?

Кто-то сказал ей какую-то вещь, имеющую отношение к данной проблеме. Джоан Прескотт? Джоан Прескотт говорила много и о многих. Может быть, речь шла о каком-то скандале или сплетне?

Грегори Дайсон, Лаки... Мысли мисс Марпл вернулись к Лаки. Она была убеждена с присущей ей подозрительностью, что Лаки активно способствовала смерти первой жены Грегори Дайсона. Все указывало на это. Может быть, будущая жертва, о которой она теперь беспокоится, — Грегори Дайсон? Возможно, Лаки хотела снова выйти замуж и получить для этого не только свободу, но и солидное состояние, оставшись вдовой Грегори?

— И все же, — вслух произнесла мисс Марпл, — это всего лишь предположения. Боже, как я глупа! Ведь если отбросить все лишнее, то разгадка наверняка окажется предельно простой. Вся беда в том, что здесь слишком много лишнего.

— Беседуете сами с собой? — осведомился мистер Рафиэль.

Мисс Марпл вздрогнула — она не заметила, как он подошел. Поддерживаемый Эстер Волтерс, мистер Рафиэль медленно приближался к террасе.

— Я не заметила вас, мистер Рафиэль.

— А я увидел, как шевелятся ваши губы. Ну как, вы еще настаиваете на своем?

— Да, настаиваю, — ответила мисс Марпл, — только я никак не могу разглядеть того, что, безусловно, должно быть совершенно ясным.

— Хорошо, если это и в самом деле так просто. Ну, если вам понадобится помощь, рассчитывайте на меня.

Он повернулся к Джексону, который приближался к ним по дорожке.

— Вот и вы, Джексон. Где вас дьявол носил? Когда вы мне нужны, так вас никогда нет.

— Простите, мистер Рафиэль. — Он ловко подставил старику плечо. — На террасу, сэр?

— Отведите меня в бар, — распорядился мистер Рафиэль. — Эстер, вы можете идти и переодеться в вечернее платье. Встретите меня на террасе через полчаса.

Мистер Рафиэль и Джексон удалились. Миссис Волтерс упала в кресло рядом с мисс Марпл, растирая руку.

— Как будто он почти ничего не весит, — заметила она, — но иногда у меня руки просто немеют. Я сегодня совсем не видела вас, мисс Марпл.

— Я сидела с Молли Кендал, — объяснила мисс

Марпл. — Ей стало гораздо лучше.

— По-моему, у нее вообще ничего не было, — промолвила Эстер Волтерс.

Мисс Марпл подняла брови, удивленная сухостью ее тона.

— Вы считаете, что попытка самоубийства...

– Я не думаю, что это была попытка самоубийства, — сказала Эстер. — Я ни на секунду не поверила в то, что она приняла опасную дозу, и, по-моему, доктор Грэм это отлично знает.

— Вы очень заинтересовали меня. Почему вы так считаете?

— Потому что я в этом уверена. О, такое случается очень часто. Это один из способов привлечь к себе внимание.

— «Тебе будет жаль, когда я умру», — процитировала мисс Марпл.

— Вот именно, — подтвердила Эстер Волтерс, — но мне кажется, что в данном случае была другая причина. Ваша цитата подходит к тем ситуациям, когда жена безумно любит мужа, но ей кажется, что он охладел к ней.

— А вы думаете, что Молли Кендал не любит своего мужа?

— А вы? — ответила Эстер вопросом на вопрос.

Мисс Марпл задумалась.

— Я была уверена, что любит, — заговорила она, — хотя, возможно, ошибалась.

Эстер криво улыбнулась:

— Я ведь кое-что о ней слышала.

— От мисс Прескотт?

— От одного-двух человек. Она была сильно увлечена одним мужчиной, но ее семья этому воспротивилась.

— Да, — сказала мисс Марпл, — я тоже об этом слышала.

— И тогда она вышла замуж за Тима. Возможно, он ей нравился. Но тот, другой, не сдавался. Я даже думала, не последовал ли он за ней сюда.

— Но кто бы это мог быть?

— Не знаю, — ответила Эстер. — Думаю, что им приходится соблюдать большую осторожность.

— Вы считаете, что она любит этого другого мужчину?

Эстер пожала плечами.

— По-моему, этот человек — порядочный негодяй, — сказала она, — но из тех, которые умеют внушить женщине любовь.

— А вы не слышали, что это за человек, что он собой представляет?

Эстер покачала головой:

— Нет, не слышала, а догадки тут бесполезны.

Может быть, ее семья не любила его, потому что он уже был женат или отличался скверными наклонностями — пил или же был не в ладах с законом. Но я твердо знаю, что она все еще любит его.

— Вы что-нибудь видели или слышали? — отважилась спросить мисс Марпл.

— Я знаю, что говорю, — ответила Эстер. Ее голос стал резким и неприятным.

— Эти убийства... — начала мисс Марпл.

— Неужели вы не можете забыть об убийствах? — воскликнула Эстер. — Вы уже и мистера Рафиэля втянули в эту историю. Пусть все остается как есть. Вы все равно никогда ничего не узнаете.

Мисс Марпл поглядела на нее.

— А вам кажется, что вы все знаете? — спросила она.

— Думаю, что да. Я почти уверена в этом.

— Тогда не должны ли вы рассказать... предпринять что-нибудь?

— Зачем? Что хорошего из этого выйдет? Я ведь не могу ничего доказать. В наши дни многим удается выходить сухими из воды. Это называется «неполнота ответственности». Несколько лет тюрьмы — и вы снова на свободе.

— А если из-за вашего молчания появится еще

одна жертва?

Эстер уверенно покачала головой.

— Этого не случится, — заявила она.

— Как вы можете утверждать это?

— Я убеждена. И вообще, я не понимаю, кто... — Эстер нахмурилась. — Как бы то ни было, — несколько непоследовательно добавила она, — возможно, в данном случае мы имеем дело с *«неполнотой ответственности».* Может быть, человек и в самом деле не в силах совладать с собой, если он психически неуравновешен. Не знаю. Но самое лучшее было бы, если бы она уехала с этим субъектом, кто бы он ни был, и мы обо всем бы забыли.

Эстер взглянула на часы, испуганно вскрикнула и встала.

— Я должна пойти переодеться.

Мисс Марпл молча смотрела ей вслед. Конечно, женщины вроде Эстер Волтерс любят бросаться местоимениями. Неужели она по какой-то причине была уверена, что именно *женщина* повинна в смерти майора Палгрейва и Виктории Джонсон? Похоже на то. Мисс Марпл задумалась.

— Вот как — мисс Марпл сидит одна и даже не вяжет?

Это оказался доктор Грэм, которого она так

долго и безуспешно разыскивала. А теперь ему самому захотелось посидеть и немного поболтать. Конечно, он не останется здесь надолго, потому что ему тоже надо переодеться к обеду, а обедает он обычно рано.

Мисс Марпл объяснила ему, что ей сегодня пришлось сидеть у постели Молли Кендал.

— Прямо трудно поверить, что девушка могла так быстро поправиться, — заметила мисс Марпл.

— Ну, это не очень удивительно, — ответил доктор Грэм. — Она ведь приняла не такую уж большую дозу.

— О, я решила, что она проглотила полпузырька таблеток.

Доктор Грэм снисходительно улыбнулся.

— Вряд ли, — сказал он. — Может быть, она собиралась принять их, но в последний момент выбросила половину. Люди, даже если им кажется, что они хотят покончить с собой, часто на самом деле *не так уж этого жаждут* и поэтому принимают неполную дозу. Причем иногда это не обман, а просто подсознательное действие инстинкта самосохранения.

— Но может быть, она хотела, чтобы это выглядело так... — Мисс Марпл сделала паузу.

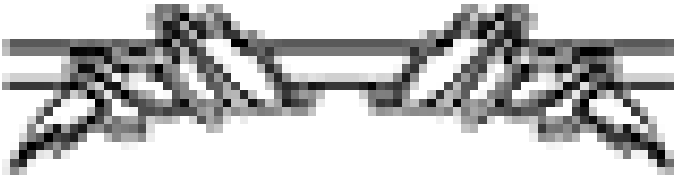
— Возможно, — согласился доктор Грэм.

— Если, например, у нее с Тимом была ссора?

— Вы же знаете, что они никогда не ссорятся. Они очень любят друг друга. Хотя поссориться всегда можно. Думаю, что сейчас с ней все в порядке. Она даже может встать и заняться делами, но на всякий случай лучше денька два подержать ее в постели.

Доктор поднялся, весело кивнул и направился к отелю. Мисс Марпл осталась сидеть. Множество мыслей теснилось в ее голове. Книга под матрацем Молли, ее притворный сон... то, что говорили Джоан Прескотт и Эстер Волтерс?

Потом она снова подумала о том, с кого все началось, — о майоре Палгрейве. Что-то мелькнуло у нее в голове. Что-то касающееся майора. Если бы только она могла вспомнить что...



Глава 23
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

I

«И был вечер, и было утро: день последний», — произнесла про себя мисс Марпл.

Затем, слегка сконфуженная, она вздрогнула и села прямо. Случилось невероятное — мисс Марпл задремала в то время, когда играл стил-бэнд. Значит, она уже совсем освоилась в этом месте. О чем она только что думала? Какая-то

цитата, но что-то в ней было неправильно... Ага, там говорилось не о последнем, а о *первом дне*...[7] Но как бы то ни было, сейчас не первый и, по-видимому, не последний день.

Мисс Марпл чувствовала страшную усталость. Сказалось постоянное беспокойство, постыдное ощущение собственного бессилия... Она снова вспомнила странный хитрый взгляд, который бросила на нее Молли из-под полузакрытых век. Какие мысли роились в голове девушки? Да, сначала все выглядело совсем по-другому. Тим Кендал и Молли, счастливая молодая пара. Симпатичные, безукоризненно воспитанные Хиллингдоны. Веселые, трещащие без умолку Грег и Лаки Дайсон, довольные собой и всем миром... Вся четверка казалась такой дружной! Добродушный каноник Прескотт и его сестра, весьма язвительная, но славная женщина, подобно всем славным женщинам любящая посплетничать. Еще бы — ведь они должны знать обо всем происходящем, уметь в нужный момент доказать, что дважды два — пять. Вреда такие женщины не приносят. Несмотря на свою болтливость, они всегда готовы прийти на

---

[7] notes: 7

«И был вечер, и было утро: день один». Библия, Бытие, 1:5.

помощь, если кто-нибудь попал в беду. Мистер Рафиэль — выдающаяся личность, человек с характером — такого не забудешь ни при каких обстоятельствах. Врачи, судя по его словам, часто признавали его безнадежным, но мисс Марпл почему-то считала, что теперь пришло время, когда скоро их предсказания сбудутся. И мистер Рафиэль, безусловно, знает, что дни его сочтены.

Какие же действия может предпринять человек, уверенный в своей близкой кончине?

Мисс Марпл задумалась над этим вопросом, потому что он мог оказаться очень важным.

Что же именно мистер Рафиэль сказал ей, когда голос его звучал чересчур громко и уверенно? Мисс Марпл отлично разбиралась в оттенках человеческого голоса — в этом отношении у нее имелся достаточный опыт. Мистер Рафиэль сказал ей что-то, что не было правдой.

Мисс Марпл огляделась. Вечерний воздух, нежный аромат цветов, столы с маленькими лампочками, женщины в нарядных платьях — Эвелин в темно-синем, отделанном белым ситцем; Лаки вся в белом, ее красивые волосы отливали золотистым блеском. Сегодня вечером все казались веселыми и полными жизни. Даже Тим Кендал улыбался.

— Не знаю, как отблагодарить вас за все, что вы сделали, — сказал он, проходя мимо столика мисс Марпл. — Молли почти совсем пришла в норму. Док говорит, что завтра она сможет встать.

Улыбнувшись, мисс Марпл ответила, что очень этому рада. Впрочем, улыбнулась она через силу. Да, она очень устала.

Мисс Марпл поднялась и медленно побрела к своему бунгало. Ей хотелось по дороге продолжать думать, вспоминать, собирать воедино различные факты, слова, взгляды. Но она не смогла этого делать. Уставший мозг взбунтовался. «Ты должна идти спать», — распорядился он.

Мисс Марпл разделась, легла, почитала немного Фому Кемпийского, лежавшего у ее кровати, и выключила свет. Уже в темноте она прочитала молитву — ведь самому, без поддержки, нельзя сделать все.

— Ночью ничего не случится, — с надеждой прошептала она.

II

Внезапно мисс Марпл проснулась и села на кровати. Ее сердце забилось от волнения. Она зажгла свет и взглянула на часы. Два часа ночи. Но, несмотря на позднее время, снаружи что-то

происходило. Мисс Марпл встала, надела халат, туфли и шерстяной шарф и вышла на разведку. Повсюду сновали люди с фонарями. Увидев среди них каноника Прескотта, она подошла к нему.

— Что случилось?

— О, мисс Марпл! Исчезла миссис Кендал. Ее муж проснулся и увидел, что она встала с постели и вышла. Мы ищем ее.

Он поспешил прочь. Мисс Марпл зашагала за ним. Куда же ушла Молли? И зачем? Неужели она заранее решила сбежать, как только ослабят наблюдение за ней и когда Тим будет крепко спать? Мисс Марпл это показалось возможным. Но почему? По какой причине? Может быть, как намекала Эстер Волтерс, из-за другого мужчины? Но если так, то кто же это мог быть? Или причина ее исчезновения была более зловещей?

Мисс Марпл шла, оглядываясь вокруг, смотря под кусты. Внезапно она услышала крик:

— Здесь! Сюда!

Кричали не на территории отеля.

«Очевидно, — подумала мисс Марпл, — это у ручья, впадающего в море». И она быстро зашагала в этом направлении.

В поисках участвовало не так уж много народу, как ей показалось сначала. Большинство людей

все еще спали в своих бунгало. У ручья стояло несколько человек. Кто-то оттолкнул мисс Марпл, едва не сбив ее с ног. Это был Тим Кендал. Вскоре она услышала его крик:

— Молли! Боже мой, Молли!

Через две минуты мисс Марпл присоединилась к небольшой группе. Она состояла из официанта-кубинца, Эвелин Хиллингдон и двух местных девушек. Они расступились, чтобы пропустить Тима. Мисс Марпл подошла как раз в тот момент, когда он склонился вниз.

— Молли... — Тим медленно опустился на колени. Мисс Марпл отчетливо различала тело девушки, лежащее в ручье. Лицо было скрыто под водой, золотистые волосы рассыпались поверх зеленой, расшитой цветами шали, покрывавшей ее плечи. Плавающие в ручье листья и тростник делали обстановку похожей на сцену из *«Гамлета»* с Молли в роли мертвой Офелии.

Когда Тим протянул к ней руку, мисс Марпл взяла на себя инициативу и проговорила резко и властно:

— Не трогайте ее, мистер Кендал. Ее нельзя трогать.

Тим ошеломленно уставился на нее:

— Но я должен... Молли...

Эвелин Хиллингдон прикоснулась к его плечу:

— Она мертва, Тим. Я не передвигала ее, но пощупала пульс.

— Мертва? — недоверчиво переспросил Тим. — Мертва? Вы имеете в виду, что она... *утопилась?*

— К сожалению, похоже на то.

– *Но почему?!* — внезапно громко закричал Тим. — *Почему?!* Вечером она была такой счастливой. Говорила о том, что мы будем делать завтра. Почему же она снова решила умереть — выскользнула ночью тайком, прибежала сюда и утопилась? Что ее довело до отчаяния, почему она мне *ничего не сказала?!*

— Не знаю, Тим, — мягко произнесла Эвелин. — Не знаю.

— Кто-нибудь должен позвать доктора Грэма, — заговорила мисс Марпл, — а кому-то придется позвонить в полицию.

— В полицию? — Тим горько усмехнулся. — А что они могут сделать?

— В случае самоубийства следует уведомить полицию, — сказала мисс Марпл.

Тим медленно поднялся.

— Я приведу Грэма, — с трудом проговорил он. — Может быть, даже сейчас... ему удастся что-нибудь сделать.

Эвелин Хиллингдон и мисс Марпл, стоя рядом, глядели на мертвую девушку.

— Слишком поздно, — покачала головой Эвелин. — Она уже остыла. Должно быть, она мертва уже по меньшей мере час, а может, и больше. Какая ужасная трагедия! Они казались такой счастливой парой. Очевидно, она всегда была психически неуравновешенной.

— Нет, — возразила мисс Марпл, — я не думаю, что она была психически неуравновешенной.

Эвелин с любопытством посмотрела на нее:

— Что вы имеете в виду?

Луна вышла из-за облаков, осветив серебряным сиянием растрепанные волосы Молли...

Внезапно мисс Марпл резко вскрикнула. Наклонившись, она внимательно посмотрела на труп, потом протянула руку и дотронулась до золотистой головы девушки.

— Я думаю, — сказала она, и ее голос звучал совсем по-другому, — что нам лучше убедиться.

Эвелин Хиллингдон изумленно уставилась на нее:

— Но вы же сами говорили Тиму, что мы не должны ничего трогать.

— Да. Но тогда не было луны и я не видела...

Очень мягко мисс Марпл разделила золотистые

волосы, обнажив их корни...

– *Лаки!* — воскликнула Эвелин. — Значит... значит, это не Молли...

Мисс Марпл кивнула:

— У нее волосы были такого же цвета, но, конечно, темнее у корней, потому что они были крашеными.

— Но на ней шаль Молли!

— Она ей очень нравилась. Я сама слышала, как Лаки говорила, что хочет купить такую же. Очевидно, она так и сделала.

— Так вот почему мы были обмануты... — Эвелин умолкла, встретив внимательный взгляд мисс Марпл.

— Кто-то, — сказала мисс Марпл, — должен сообщить ее мужу.

Последовала небольшая пауза.

— Хорошо, — сказала Эвелин. — Я сделаю это.

Она повернулась и зашагала вдоль пальм.

Несколько секунд мисс Марпл не двигалась, потом обернулась и позвала:

— Полковник Хиллингдон!

Эдвард Хиллингдон вышел сзади из-за деревьев и стал рядом с ней.

— Вы знали, что я был там?

— Вы отбрасывали тень, — объяснила мисс

Марпл.

Последовало молчание.

— Итак, — заговорил Хиллингдон, словно обращаясь к себе, — в конце концов ее прозвище себя не оправдало.

— Вы как будто рады, что она умерла?

— И это вас шокирует? Ну что ж, не отрицаю, я рад, что она умерла.

— Смерть часто решает все проблемы.

Эдвард Хиллингдон медленно обернулся. Мисс Марпл твердо встретила его взгляд.

— Если вы думаете... — Он шагнул к ней. В его голосе внезапно послышалась угроза.

— Ваша жена скоро вернется сюда с мистером Дайсоном, — спокойно заговорила мисс Марпл. — Или же придут мистер Кендал с доктором Грэмом.

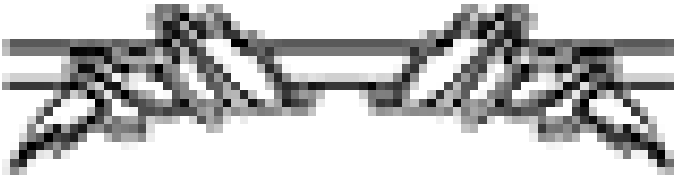
Лицо Эдварда смягчилось. Он снова устремил взгляд на мертвую женщину.

Мисс Марпл неслышно ускользнула. Постепенно она ускоряла шаги.

Только добравшись до своего бунгало, мисс Марпл остановилась. На этом месте она в тот день беседовала с майором Палгрейвом. Здесь он начал рыться в своем бумажнике, разыскивая фотографию убийцы...

Она вспомнила, как он поднял голову и как внезапно побагровело его лицо. «Он был безобразен, — говорила о нем сеньора де Каспаро. — У него был дурной глаз».

Дурной глаз... Глаз... *Глаз!..*



Глава 24

НЕМЕЗИДА

I

Шум, поднятый ночной тревогой, дошел до ушей мистера Рафиэля. Он спал как убитый, слегка подхрапывая, когда кто-то внезапно начал сильно трясти его за плечо.

— А?.. Что?.. Какого черта?!

— Это я, — заявила мисс Марпл, — хотя, следуя традициям древних греков, я должна была ска-

зать: «Это Немезида».

Мистер Рафиэль, с трудом приподнявшись на подушках, уставился на нее. Мисс Марпл стояла освещенная лунным светом, ее шея была обмотана пушистым шарфом из розовой шерсти. Трудно было представить себе кого-нибудь менее похожего на Немезиду.

— Стало быть, вы Немезида? — осведомился мистер Рафиэль после небольшой паузы.

— Надеюсь ею стать — с вашей помощью.

— Может быть, вы выскажетесь яснее?

— Мы должны действовать быстро. Как можно быстрее. Я была непроходимо глупа. Мне следовало с самого начала обо всем догадаться. Ведь это было так просто.

— Что было просто? И вообще, о чем вы говорите?

— Вы многое проспали, — сказала мисс Марпл. — Был обнаружен труп. Сначала мы думали, что это Молли Кендал, но это оказалась Лаки Дайсон. Она утонула в ручье.

— Лаки утонула в ручье? — переспросил мистер Рафиэль. — Она покончила с собой или ее кто-то утопил?

— Да, ее кто-то утопил, — подтвердила мисс Марпл.

— Понятно. Так вот почему это кажется вам таким простым. Грег Дайсон всегда выглядел самым подозрительным, и эти подозрения оказались верными, не так ли? Вы об этом думаете? А теперь вы боитесь, что ему удастся выйти сухим из воды?

Мисс Марпл глубоко вздохнула:

— Мистер Рафиэль, можете ли вы мне довериться? Мы должны предотвратить убийство.

— А я так понял, что убийство *уже совершено.*

— Это убийство совершено по ошибке, но следующее может произойти в любой момент. Нельзя терять времени. Мы должны немедленно идти.

— Вам легко говорить, — сказал мистер Рафиэль, — *«мы»!* По-вашему, *я в состоянии это сделать?* Я ведь не могу даже прогуляться без помощи. Как же мы можем принимать меры по предотвращению убийства? Вам уже около ста лет, а я разбитая старая кляча.

— Я имела в виду Джексона, — объяснила мисс Марпл. — Джексон ведь сделает все, что вы ему прикажете?

— Вообще-то да, особенно если я дам ему понять, что не останусь в долгу.

— Тогда скажите ему, чтобы он шел со мной и выполнял любые мои распоряжения.

Несколько секунд мистер Рафиэль молча глядел на нее.

— Хорошо, — наконец заговорил он. — Очевидно, я иду на немалый риск. Ну что ж, мне это не впервой. — И, нажав кнопку звонка, он громко позвал: — Джексон!

Меньше чем через полминуты из соседней комнаты появился Джексон.

— Вы звали меня, сэр? Что-нибудь случилось? — И он внезапно умолк, уставившись на мисс Марпл.

— Слушайте внимательно, Джексон. Вы пойдете с этой леди, мисс Марпл, туда, куда она вам скажет, и будете выполнять все ее приказания. Вы меня поняли?

— Я...

– Вы меня поняли?

— Да, сэр.

— Если вы это сделаете, — добавил мистер Рафиэль, — то обещаю вам, что вы не прогадаете.

— Благодарю вас, сэр.

— Пошли, Джексон, — сказала мисс Марпл и обернулась к мистеру Рафиэлю: — По дороге мы скажем миссис Волтерс, чтобы она пришла к вам, помогла встать и привела.

— Куда?

— В бунгало Кендалов, — ответила мисс Марпл. — Думаю, что Молли уже вернулась туда.

II

Молли поднималась по тропинке, ведущей с моря, неподвижно глядя перед собой. Иногда она тихо стонала.

Поднявшись на веранду, она немного помедлила, потом, открыв французское окно, вошла в спальню. Свет горел, но комната была пуста. Молли села на кровать и сидела там несколько минут, нахмурившись и время от времени поглаживая лоб.

Затем, оглядевшись украдкой, она сунула руку под матрац, вытащила спрятанную там книгу и склонилась над ней, ища нужную страницу.

Услышав шаги снаружи, Молли подняла голову и быстро спрятала книгу за спину.

Войдя в комнату, тяжело дышавший Тим Кендал облегченно вздохнул, увидев жену.

— Слава богу! Где ты была, Молли? Я всюду искал тебя.

— Я ходила к ручью.

— Ты ходила... — Он не кончил фразу.

— Да. Но я не могла оставаться там. В воде лежала женщина — она была мертва.

— А ты знаешь, ведь я думал, что это ты. Я только что узнал, что это была Лаки.

— Я не убивала ее, Тим! Я не убивала ее! Ведь я бы помнила, если бы это сделала, правда?

Тим медленно опустился на кровать.

— Ты не... Ты уверена в этом? Нет, конечно нет! — горячо заговорил Тим. — Только не начинай думать об этом, Молли. Лаки утопилась сама. Хиллингдон бросил ее, поэтому она пошла к ручью, легла и сунула лицо в воду.

— Лаки бы этого не сделала. Ни за что бы не сделала. *Но я не убивала ее!* Клянусь тебе, Тим!

— Конечно, дорогая. — Он обнял ее, но она вырвалась.

— Я ненавижу это место. Мне казалось, что оно все залито солнечным светом. Но это не так... Здесь появилась тень — страшная черная тень! Я попала в нее и не могу вырваться! — Ее голос перешел в крик.

— Тише, Молли! Ради бога, тише!

Тим вышел в ванную и вернулся оттуда со стаканом.

— Выпей. Это успокоит тебя.

— Я... я не могу ничего пить. У меня стучат зубы.

— Ничего, дорогая, сядь. Вот сюда, на кровать.

— Он снова обнял Молли и поднес стакан к ее губам. — Выпей, не бойся.

За окном послышался голос.

— Джексон, — ясно и отчетливо произнесла мисс Марпл, — идите туда, возьмите у этого человека стакан и крепко держите его. Будьте осторожны. Он очень силен, а сейчас, когда он доведен до отчаяния...

Джексон был человеком, приученным повиноваться любым приказаниям, тем более если за это обещаны деньги, к которым он был отнюдь не равнодушен. К тому же он обладал великолепно развитой мускулатурой.

Быстрый как молния, он пересек комнату, одной рукой схватившись за стакан, который Тим поднес к губам Молли, а другой вцепившись в Тима. Резкий рывок — и стакан оказался у него в руках. Взбешенный Тим попытался вырваться, но Джексон крепко держал его.

— Какого черта?! Пустите меня! Вы что, с ума сошли? Что вы делаете?

— Держите его, Джексон, — предупредила мисс Марпл.

— Что случилось? Что здесь происходит?

Поддерживаемый Эстер Волтерс, в комнату через окно вошел мистер Рафиэль.

— Вы спрашиваете, что происходит?! — заорал Тим. — Ваш слуга спятил — вот что! Скажите ему, чтобы он отпустил меня!

— Нет, — сказала мисс Марпл.

Мистер Рафиэль обернулся к ней.

— Говорите, Немезида, — произнес он. — Пришло время для вашего выступления!

— Я была непроходимо глупа, — начала мисс Марпл, — но теперь я наконец поумнела. Когда содержимое стакана, которое он пытался дать своей жене, будет взято на анализ, то я готова прозакладывать свою бессмертную душу — в нем обнаружат смертельную дозу наркотика. Точно так же, как вы помните, развертывались события и в рассказе майора Палгрейва. Жена в состоянии депрессии пытается покончить с собой, муж вовремя спасает ее. Затем во второй раз она добивается своего. Когда майор Палгрейв рассказал мне эту историю, он вытащил снимок и собирался мне его показать, но, подняв голову, увидел...

— За вашим правым плечом, — подсказал мистер Рафиэль.

— Нет, — покачала головой мисс Марпл. — *За моим правым плечом он ничего не видел.*

— Но вы же сами говорили...

— Я была не права, абсолютно не права. *Мне действительно показалось,* что майор Палгрейв смотрит на что-то, находящееся за моим правым плечом, *но он не мог ничего там увидеть,* так как он смотрел туда левым глазом, а левый глаз у него был стеклянным.

— Да, у него *был* стеклянный глаз, — подтвердил мистер Рафиэль. — Я просто не заострял на этом внимания, считая сей факт само собой разумеющимся. Значит, по-вашему, он не мог ничего видеть?

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл. — *Он мог видеть,* но только *одним правым глазом.* Следовательно, он смотрел на кого-то или на что-то не справа, а *слева* от меня.

— А кто же там был?

— Там неподалеку сидели Тим Кендал со своей женой. Сидели за столиком под большим кустом гибискуса, занимаясь своими подсчетами. Его стеклянный глаз был устремлен поверх моего правого плеча, другим же глазом *он смотрел* на человека, сидевшего под кустом гибискуса, лицо которого было то же, что и на фотокарточке, только немного старше. И находился он также под гибискусом. Тим Кендал слышал историю, рассказанную майором, и видел, что майор узнал

его. Разумеется, ему пришлось его убить. Позже он убил Викторию, потому что она видела, как он подсунул флакончик с таблетками в комнату майора. Сначала она не заподозрила ничего дурного, так как у Тима Кендала могло быть множество предлогов для того, чтобы зайти в бунгало к одному из постояльцев. Например, он мог вернуть что-нибудь, забытое на столике в ресторане. Но, подумав, Виктория стала задавать Тиму вопросы, и он был вынужден избавиться и от нее. Однако запланированное им убийство было еще впереди. Ведь он специализировался на убийствах своих жен.

— Что за проклятая чушь!.. — начал Тим.

Внезапно раздался пронзительный гневный крик. Эстер Волтерс вдруг отскочила от мистера Рафиэля так, что он чуть не упал, и набросилась на Джексона.

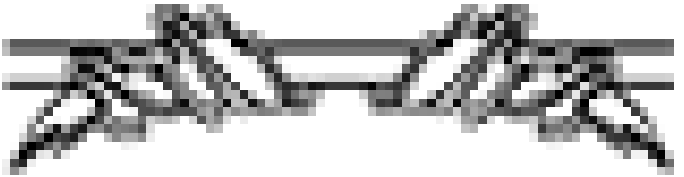
— Пустите! Пустите его! Это неправда! В этом нет ни слова правды! Тим, Тим, дорогой, ведь это ложь! Ты не мог никого убить, я знаю, что не мог! Это сделала та ужасная девушка, на которой ты женился! Она лгала тебе. Они ошибаются... Я верю в тебя — верю и люблю! Я...

И тут Тим Кендал потерял самообладание.

— Заткнись, проклятая сука! — закричал он.

— Ты что, хочешь, чтобы меня повесили? Заткни свою грязную, паршивую глотку!

— Бедняжка, — промолвил мистер Рафиэль. — Так вот, значит, в чем было дело!



Глава 25

МИСС МАРПЛ ИСПОЛЬЗУЕТ СВОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

— Так вот, значит, в чем было дело, — сказал мистер Рафиэль, сидя рядом с мисс Марпл. — Она была любовницей Тима Кендала?

— Вряд ли любовницей, — возразила мисс Марпл. — По-моему, здесь имела место романтическая привязанность с перспективой брака в будущем.

— То есть после смерти его жены?

— Едва ли бедная Эстер Волтерс знала, что Молли должна умереть, — сказала мисс Марпл. — Очевидно, она верила в историю, рассказанную ей Тимом, о том, что Молли любит другого мужчину и что этот человек последовал за ней сюда. Видимо, Эстер рассчитывала на то, что Тим получит развод. Так что все было вполне респектабельно. Но она, конечно, очень любила его.

— Ну, это легко понять. Он привлекательный парень. Но знаете ли вы, что заставило *его* волочиться за ней?

– *Вы*, во всяком случае, это знаете, не так ли?

— Вообще-то у меня есть идея на этот счет, но я не могу взять в толк, как вы до этого докопались. И уж совсем мне непонятно, как об этом пронюхал Тим Кендал.

— Думаю, что с помощью небольшой доли воображения я смогу это объяснить, но было бы проще, если бы вы все мне рассказали.

— И не собираюсь, — заявил Рафиэль. — Если вы такая умная, так сами и рассказывайте.

— Ну, мне кажется возможным, — начала мисс Марпл, — что, как я уже намекала вам, у Джексона была привычка время от времени рыться в ваших деловых документах.

— Это вполне вероятно, — согласился мистер

Рафиэль, — но я позаботился о том, чтобы это не принесло ему никакой пользы.

— Думаю, — продолжала мисс Марпл, — что он читал ваше завещание.

— Да, у меня была копия завещания.

— Вы как-то говорили мне — причем подчеркнуто громко и уверенно, — *что не завещали ничего* ни Эстер Волтерс, ни Джексону и что вы их об этом предупредили. Но, по-моему, это было правдой только в отношении Джексона. *Ему* вы действительно ничего не оставили, но миссис Волтерс вы *завещали* крупную сумму, хотя ни единым словом об этом не обмолвились. Я права?

— Совершенно правы, но я не понимаю, как вы узнали.

— Вы слишком уж настаивали на этом факте, — объяснила мисс Марпл. — А у меня достаточно опыта, чтобы определить, когда люди лгут.

— Сдаюсь! — воскликнул мистер Рафиэль. — Все верно. Я завещал Эстер пятьдесят тысяч фунтов. Это явится для нее приятным сюрпризом, когда я умру. Очевидно, узнав об этом, Тим Кендал решил избавиться от своей жены и жениться на Эстер Волтерс с пятьюдесятью тысячами в придачу, возможно, с тем, чтобы в свое время разделаться и с ней. Но как же он узнал, что она должна полу-

чить пятьдесят тысяч фунтов?

— Ему, безусловно, сказал об этом Джексон, — ответила мисс Марпл. — Они ведь очень дружили. Тим Кендал держался с Джексоном по-приятельски и, по-моему, без задней мысли. Но среди прочих сплетен Джексон, очевидно, выболтал Тиму, что Эстер Волтерс должна унаследовать огромное состояние, хотя она сама об этом не знает. Возможно, он добавил, что надеется жениться на ней, хотя до сих пор не добился успеха в своих ухаживаниях. Да, видимо, так все и произошло.

— Ваши предположения всегда чертовски правдоподобны, — заметил мистер Рафиэль.

— Но я была глупа, — продолжала мисс Марпл, — предельно глупа. Как видите, все прекрасно сходится. Тим Кендал — очень умный и в такой же степени жестокий человек. Особенно ярко его талант проявился в распространении слухов. Добрая половина всего, что я здесь услышала, принадлежала его фантазии. Прежде всего, это история о том, как Молли хотела выйти замуж за «неподходящего» молодого человека, но я сильно подозреваю, что этим человеком был сам Тим Кендал, хотя тогда он и носил другое имя. Очевидно, семья Молли что-то узнала о его сомнительном прошлом. Тогда он разыграл воз-

мущение, отказавшись представиться родителям Молли, и затем привел в действие план, который, видимо, очень позабавил их обоих. Молли притворялась тоскующей по своему жениху, а в это время появляется мистер Тим Кендал, который ссылается на знакомство со старыми друзьями семьи Молли, и они принимают его с распростертыми объятиями, надеясь, что он заставит девушку забыть о прежнем поклоннике. Да, очевидно, они с Молли немало над этим посмеялись. Как бы то ни было, он женился на ней и на ее деньги купил эту гостиницу, после чего они приехали сюда. Думаю, что значительную часть денег Молли Тим просто промотал. Потом он встретил Эстер Волтерс, и перед ним предстала заманчивая перспектива дальнейшего обогащения.

— А почему же он не угробил меня? — осведомился мистер Рафиэль.

Мисс Марпл кашлянула.

— Очевидно, он хотел прежде всего быть окончательно уверенным в миссис Волтерс. Кроме того... — Смутившись, она умолкла.

— Кроме того, он понимал, что ему не так уж долго ждать, — закончил за нее мистер Рафиэль, — и считал, что будет лучше, если я умру естественной смертью. К тому же кончина

миллионера, несомненно, вызвала бы более тщательное расследование, чем смерть жен мистера Кендала, верно?

— Да, вы правы, — согласилась мисс Марпл. — Но вернемся к Тиму Кендалу. Как ловко ему удалось внушить Молли, что она больна, подсунув ей книгу об умственных расстройствах, а тем временем с помощью наркотиков вызывая у нее галлюцинации и ночные кошмары! Кстати, ваш Джексон проявил здесь недюжинный ум. Думаю, что по симптомам заболевания Молли он угадал действие наркотиков и вошел в тот день в бунгало Кендалов, чтобы пошарить у них в ванной. Крем для лица был обследован им только потому, что он припомнил истории о ведьмах, натирающихся мазью с белладонной. Белладонна в креме для лица могла бы вызвать подобный результат — провалы в памяти, воздушные полеты во сне. Неудивительно, что Молли испугалась — у нее ведь были все признаки психического заболевания. Джексон был на правильном пути. Может быть, эту идею ему подсказали рассказы майора Палгрейва о том, как индийские женщины одурманивали датурой своих мужей.

— Опять майор Палгрейв! — воскликнул мистер Рафиэль.

— Конечно, его болтливость послужила причиной трех убийств, — заметила мисс Марпл, — но он все-таки узнал убийцу.

— А что заставило вас внезапно вспомнить про его стеклянный глаз? — с любопытством спросил мистер Рафиэль.

— Одна фраза, сказанная сеньорой де Каспаро. Она как-то стала говорить о том, какой майор был безобразный и что у него был дурной глаз. Я возразила, сказав, что у бедняги был просто стеклянный глаз и что он в этом не виноват, а она добавила, что у него глаза смотрели в разные стороны (что соответствовало действительности) и что это приносит несчастье. *Я знала,* что в тот день услыхала нечто важное. Прошлой ночью, после смерти Лаки, я поняла, что это было. И тогда мне стало ясно, что нельзя терять времени...

— А каким образом Тим Кендал убил не ту женщину?

— Совершенно случайно. Думаю, что его план состоял в следующем. Убедив всех, включая саму Молли, в ее психическом расстройстве и дав ей солидную порцию наркотика, он сказал ей, что они сами должны выяснить, кто убийца, но для этого ей придется ему помочь. Когда все заснут, они должны по очереди выйти из бунгало и

встретиться у ручья.

Тим сказал ей, что догадывается, кто убийца, и что им необходимо его выследить. Молли послушно пошла, но ее сознание было затуманено действием наркотика. Тим прибыл на условленное место первым и, увидев там женщину, решил, что это Молли — ведь у нее были золотистые волосы и зеленая шаль. Он подкрался к ней сзади, зажал рот, сунул голову в воду и держал, пока она не захлебнулась.

— Да, симпатичный молодой человек! Но разве не было бы проще дать ей смертельную дозу наркотика?

— Конечно. Но это *могло* вызвать подозрения. Ведь все наркотики и снотворные были помещены вне досягаемости Молли. А если бы у нее *оказался* новый запас, то, вероятнее всего, ее мог снабдить им муж! Но если бы Молли в припадке отчаяния вышла из дому и утопилась в то время, как ее муж крепко спал, то вся история выглядела бы как романтическая трагедия и никто бы не заподозрил, что ее убили! Кроме того, — добавила мисс Марпл, — убийцам всегда трудно идти по наиболее простому пути — они не могут удержаться от изощренных способов.

— Вы как будто убеждены, что вам все известно

об убийцах! Значит, по-вашему, Тим не знал, что он убил не ту женщину?

Мисс Марпл покачала головой:

— Он, даже не взглянув на ее лицо, поспешил домой, подождал час, а затем организовал ее поиски, играя роль встревоженного супруга.

— Но какого дьявола понадобилось Лаки идти среди ночи к ручью?

Мисс Марпл сконфуженно кашлянула.

— Очевидно, она должна была... ну... с кем-то встретиться.

— С Эдвардом Хиллингдоном?

– *О нет,* — возразила мисс Марпл. — С этим уже покончено. Мне кажется — это, конечно, только предположение, — что она могла поджидать там Джексона.

– *Джексона?*

— Я один-два раза заметила, как она смотрела на него, — сказала мисс Марпл, отводя глаза в сторону.

Мистер Рафиэль свистнул.

— Ну и кобель же, оказывается, мой Джексон! Я и не подозревал в нем таких способностей. Должно быть, Тим испытал немалое потрясение, когда узнал, что убил не ту женщину.

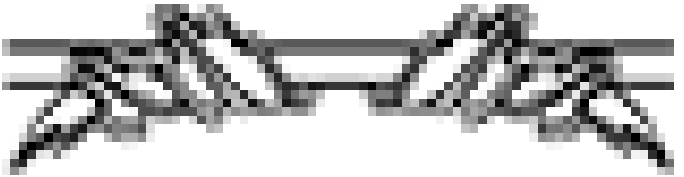
— Еще бы. Очевидно, он был близок к отчаянию,

узнав, что Молли цела и невредима. Ведь попади она в руки опытного психиатра, вся история с ее умственным расстройством рассеялась бы как дым. К тому же она могла рассказать о том, что Тим просил ее прийти ночью к ручью. У него оставалась единственная надежда — разделаться с Молли как можно скорее. Тогда можно было бы создать версию, что Молли в приступе умопомрачения утопила Лаки, а потом, ужаснувшись содеянному, покончила с собой.

— И тогда, — вставил мистер Рафиэль, — вы решили выступить в роли Немезиды, а?

Внезапно он откинулся назад и расхохотался.

— Если бы вы только знали, какое это было зрелище, когда вы заявились ко мне ночью с розовым шарфом на шее и сообщили, что вы Немезида! Я этого никогда не забуду!



ЭПИЛОГ

Пришло время уезжать. Мисс Марпл ожидала на аэродроме свой самолет. Провожать ее пришло много людей. Правда, Хиллингдоны уже уехали, Грегори Дайсон улетел на другой остров и, по слухам, увлекся одной аргентинской вдовой, а сеньора де Каспаро вернулась в Южную Америку.

Молли поехала проводить мисс Марпл. Она была худой и бледной, но стойко перенесла страшный удар и с помощью одного из поверенных мистера Рафиэля, которому он телеграфировал в Англию, продолжала содержать отель.

— Вы должны быть заняты, чтобы ни о чем не вспоминать, — посоветовал ей мистер Рафиэль. — Продолжайте ваше дело, девочка, и держитесь бодрей — пусть здесь все останется на том же уровне.

— А вам не кажется, что убийства...

— Людям только нравятся убийства, когда они уже раскрыты, — заверил ее мистер Рафиэль. — Поэтому продолжайте работать и, ради бога, не разочаровывайтесь во всех мужчинах из-за того, что вы один раз встретили на своем пути негодяя.

— Вы совсем как мисс Марпл, — слабо улыбнулась Молли. — Она все время утверждает, что в один прекрасный день я встречу именно того мужчину, который мне нужен.

На аэродроме, кроме Молли, присутствовали каноник и мисс Прескотт, мистер Рафиэль и Эстер Волтерс, которая выглядела печальной и постаревшей и с которой теперь мистер Рафиэль часто бывал неожиданно ласков. Джексон тоже вертелся поблизости, делая вид, что следит за багажом мисс Марпл. Все эти дни с его лица не сходила улыбка, позволявшая предполагать, что он получил некоторую сумму денег.

В небе послышалось гудение — самолет при-

был. Но обычных формальностей здесь не было — пассажиры просто выходили из маленького, утопающего в цветах павильона на гудронированную площадку.

— До свидания, дорогая мисс Марпл. — Молли поцеловала ее.

— До свидания. Постарайтесь навестить нас, — тепло пожала ей руку мисс Прескотт.

— Познакомиться с вами было огромным удовольствием, — сказал каноник. — Я присоединяюсь к приглашению моей сестры.

— Всего наилучшего, мадам, — попрощался Джексон, — и запомните: в любое время, когда вам понадобится массаж, пошлите мне телеграмму, и мы обо всем договоримся.

Только Эстер Волтерс отошла в сторону, когда пришло время прощаться, но мисс Марпл не стала навязываться.

Последним к ней подошел мистер Рафиэль.

– *Ave Caesar, nos morituri te salutamus*[8], — сказал он, взяв ее за руку.

— Боюсь, что я не сильна в латыни, — вздохнула мисс Марпл.

— Но это вы поняли?

---

[8] notes: 8

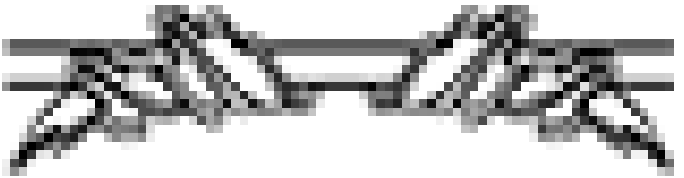
Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя *(лат.)*.

— Да. — Больше она ничего не добавила, так как хорошо знала, что сказал ей мистер Рафиэль. — Очень рада была с вами познакомиться, — промолвила мисс Марпл и зашагала по площадке к самолету.

ОТЕЛЬ «БЕРТРАМ»

AT BERTRAM'S HOTE

ОТЕЛЬ «БЕРТРАМ»



Посвящается Гарри Смиту
с благодарностью за его
научный подход
к моим книгам

ГЛАВА 1

Есть в центре Вест-Энда множество забытых богом уголков, и, пожалуй, только одни таксисты без труда ориентируются в этом лабиринте и успешно выбираются к Парк-лейн, Беркли-сквер и к Одли-стрит.

Если неподалеку от Гайд-парка вы свернете в малоприметный переулок и повернете налево, а затем раза два направо, то окажетесь на тихой улице и на правой ее стороне увидите отель «Бертрам». Отель стоит здесь уже давно. Война разрушила дома справа от него, а потом и дома, что слева, но сам «Бертрам» уцелел. Разумеется, он не избежал кое-каких повреждений, но с помощью известных затрат отелю удалось вернуть первоначальный вид. Так что и в 1955 году он производил точно такое же впечатление, как в 1939-м, — дорогого и изысканного без показной роскоши.

Таков был отель «Бертрам», излюбленное пристанище *высшего духовенства,* вдовствующих аристократок из провинции, а также юных девиц, возвращающихся в родные места после окончания дорогого пансиона и по дороге домой

завернувших на денек-другой в Лондон. «Но где в Лондоне остановиться молодой одинокой девушке? — Конечно, в отеле «Бертрам» — это вполне, *вполне допустимо!* Мы уж *который год* там останавливаемся!»

Разумеется, таких гостиниц существовало немало. Некоторые стояли еще с незапамятных времен, но почти каждой из них коснулся ветер перемен: их пришлось модернизировать, дабы угодить разношерстной клиентуре. Поневоле изменился и «Бертрам», однако перемены эти были произведены столь тонко, что с первого взгляда заметить их было трудно.

Снаружи на лестнице, ведущей к большой вращающейся двери, возвышалась фигура, на первый взгляд рангом не ниже фельдмаршала. Золотые галуны и планки медалей украшали широкую мужественную грудь. Манеры у него были отменные. Едва только вы, превозмогая ревматизм, выбрались из такси, как он бережно принимал вас, заботливо вел по ступенькам, благополучно препровождал сквозь бесшумно вращающиеся двери.

Впервые переступив порог отеля «Бертрам», вы ощущали, почти с испугом, что шагнули в уже исчезнувший мир. Само время словно пошло

вспять. Вы оказались в Англии начала века.

Центральное отопление, конечно, здесь наличествовало, но в глаза не бросалось. Как и встарь, в огромном холле топилось два великолепных камина, а стоявшие рядом медные ведерки были полны угля и сияли так же ослепительно, как и во времена короля Эдуарда, когда горничные не покладая рук начищали эту каминную утварь. Была соблюдена общая атмосфера — богатый темно-красный бархат, уютный плюш. Однако кресла принадлежали иной эпохе. Сиденья их крепились значительно выше общепринятого уровня, чтобы старые дамы могли без роняющих их достоинство усилий выбраться из кресла и встать на ноги без посторонней помощи... А кроме того, кресла здесь были неодинаковых размеров — и пouже, и пошире, со спинками прямыми и слегка отклоненными назад, — иными словами, и тучные, и худощавые могли найти себе в отеле «Бертрам» удобное местечко.

Подошло время чаепития, и холл был полон. Впрочем, чай подавался не только в холле. Была еще ситцевая гостиная, курительная комната (из неких тайных соображений, предназначенная только для мужчин), с широкими креслами прекрасной кожи, и две читальни, куда постоялец

отеля мог привести своего приятеля и уютно поболтать в уголке, а если надо, то и написать письмо. Но кроме этих приятностей эдвардианской поры имелись и вынужденные уступки современности, особо не рекламируемые, однако известные тем, кто в них нуждался. Так, тут было два бара и двое барменов: один — американец, облегчавший жизнь соотечественникам с помощью виски «Бурбон» и разнообразных коктейлей; другой — англичанин, знающий толк в хересе и в аперитиве «Пиммз №1», умевший тонко побеседовать о рысаках в Аскоте и Ньюберри с пожилым джентльменом, прибывшим в Лондон исключительно ради скачек. И, наконец, незаметный коридорчик вел в телевизионную комнату всех, кто интересуется телепередачами.

Однако огромный холл бесспорно был наилучшим местом для послеполуденной чашки чаю. Пожилые дамы с удовольствием взирали на входящих и выходящих, узнавая былых знакомых и не без злорадства делясь друг с другом наблюдениями, сколь те постарели. Были тут и американцы, зачарованные зрелищем титулованных особ, вкушающих традиционный послеобеденный чай. Ибо чаепитие в отеле «Бертрам» воистину зрелище!

И зрелище великолепное! За соблюдением ритуала следил Генри, пятидесятилетний, грузный и величественный мужчина, сохранивший давно ушедшие в предание манеры идеального дворецкого. Под его строгим присмотром разносили чай худощавые юноши-официанты. Имелись тут чеканные серебряные подносы и георгианские серебряные чайники. Фарфор, если и не был подлинным «рокингемом» или «давенпортом», то выглядел именно как «настоящий». Подавались здесь лучшие сорта чая — индийский, цейлонский, «Дарджилинг», «Лапсанг» и тому подобные. Что же касается печенья — вы могли потребовать все, что вам заблагорассудится, и главное — получить желаемое!

В день, о котором идет речь, а именно семнадцатого ноября, леди Селина Хейзи, шестидесяти пяти лет, из Лестершира, с аппетитом, свойственным пожилым дамам, вкушала восхитительные, щедро пропитанные маслом, горячие плюшки.

Это занятие, однако, не поглощало ее полностью и не мешало при всяком повороте двери бросать зоркий взгляд на каждого входящего.

Поэтому она успела улыбнуться и кивнуть, приветствуя вошедшего полковника Ласкомба — человека с военной выправкой и висящим

на груди полевым биноклем. Будучи дамой, не привыкшей к возражениям, она подозвала полковника властным жестом, и тот через минуту-другую подошел.

— Добрый день, Селина. Какими судьбами в городе?

— Зубной врач, — ответила леди Селина, не совсем, впрочем, отчетливо по причине плюшки во рту. — Вот я и подумала: раз уж я все равно в Лондоне, не грех посоветоваться с тем человеком, на Харли-стрит, по поводу моего артрита. Вы понимаете, о ком я?

Хотя на Харли-стрит проживало несколько сотен известных врачей, лечивших от самых разных болезней, Ласкомб догадался, о ком речь.

— Помог он вам?

— По-моему, да, — проворчала леди Селина. — Удивительное существо. Схватил меня за шею, когда я этого никак не ожидала, и крутанул словно цыпленка! — Она осторожно повернула голову.

— И было больно?

— Когда так крутят — еще бы! Но я даже, в общем, не успела ничего почувствовать. — Она вновь осторожно повертела головой. — Совсем неплохо! Впервые за последние годы я могу по-

глядеть через правое плечо!

Она немедля осуществила эту возможность и воскликнула:

— Бог мой, да ведь это старая Джейн Марпл! А я-то думала, она давным-давно умерла! На вид ей лет сто!

Полковник Ласкомб бросил взгляд в сторону воскресшей Джейн Марпл, но без особого интереса; в «Бертраме» всегда было полно этих «старых ведьмочек», как он их окрестил.

А леди Селина продолжала:

— Это — единственное место в Лондоне, где еще можно получить настоящие плюшки. В прошлом году, когда я была в Америке, в меню на завтрак значилось нечто, *именуемое* «горячими плюшками». Ничего общего! Кекс с изюмом! Ну чего ради называть его «плюшкой»?

Проглотив последний кусок, она устремила в пространство рассеянный взгляд. Тут же возник Генри. Возник без всякой спешки и торопливости. Казалось, он просто случайно оказался поблизости.

— Что я еще могу предложить? У нас прекрасный тминный кекс, миледи...

— Что, что? Да я не пробовала тминного кекса *тысячу лет!* Он и *в самом деле* с тмином?

— Конечно, миледи. У повара сохранился рецепт еще с незапамятных времен. Уж поверьте на слово, вам понравится.

Генри глянул на одного из своих подчиненных, и тот устремился за тминным кексом.

— Полагаю, вы были в Ньюберри, Дерек?

— О да. Страшный холод! Я даже не стал дожидаться последних забав. День неудачный выдался. Эта кобыла Гарри — ничего хорошего.

— Неужели вы на нее рассчитывали? А Сванхильда?

— Пришла четвертой.

Ласкомб поднялся:

— Пойду взгляну на свою комнату.

Он пересек холл и направился к стойке администратора, по пути невольно обратив внимание на сидящих за столиками людей. Совсем как в старое время!.. После войны традиционное послеобеденное чаепитие вышло из моды. Но только не в этом отеле! *Кто же все эти люди?* Два каноника и настоятель Чизлхэмптонского собора. Да-да, и еще пара ног в гетрах вон там в углу — это не меньше чем епископ! Простые священники попадаются тут редко. «Надо быть, по крайней мере, каноником, чтобы осилить цены в «Бертраме»! — подумал он. — Рядовому священнослужителю

это не по карману!» И он подумал: а каким образом ухитряется останавливаться в «Бертраме» Селина Хейзи? Говорят, в год она имеет какие-то гроши! А между прочим, тут восседали и старая леди Берри, и миссис Посселтвейт из Сомерсета, и Сибил Керр — эта уж наверняка бедна как церковная мышь!

Все еще обдумывая эту проблему, он подошел к стойке, где его тепло приветствовала мисс Горриндж. Мисс Горриндж тоже была давней знакомой. Она знала всех завсегдатаев отеля в лицо. Выглядела она старомодно, но респектабельно. Желтоватые, туго завитые (явно щипцами!) локоны, черное шелковое платье и высокая грудь, украшенная крупным золотым медальоном и брошью с камеей.

— Номер четырнадцать, — объявила мисс Горриндж, — мне кажется, полковник Ласкомб, в прошлый свой приезд вы жили у нас в четырнадцатом, и этот номер вам понравился. Там тихо.

— Не понимаю, как вы ухитряетесь все помнить, мисс Горриндж!

— Стараемся, чтобы старым друзьям было у нас удобно.

— Попадая к вам, невольно вспоминаешь прошлое. Кажется, что ровно ничего не изме-

нилось...

Тут из внутренних покоев появился мистер Хамфрис, пожелавший приветствовать полковника.

Мистера Хамфриса частенько принимали за самого мистера Бертрама. Кто такой мистер Бертрам на самом деле и *существовал ли он когда-нибудь вообще*, было тайной, покрытой мраком. Отель «Бертрам» вел свое летосчисление примерно с 1840 года, но никто не пытался углубиться в его историю Отель просто стоял здесь как стоит — и все. Когда мистера Хамфриса величали мистером Бертрамом, Хамфрис не протестовал. Если клиентам угодно, чтобы он был Бертрамом, он будет им. Полковник Ласкомб правда знал его фамилию, но не знал, кто он — владелец отеля или управляющий.

Мистер Хамфрис был мужчина лет пятидесяти с прекрасными манерами и внешностью министра. Он мог вести беседы на любые темы. Говорить о скачках, о крикете, об иностранной политике, рассказать анекдот о членах королевской семьи, сообщить подробности о последней выставке автомобилей, знал, в каких театрах идут самые интересные пьесы и что следует посмотреть в Англии американцам, прибывшим

сюда на короткий срок. Любому постояльцу, учитывая содержимое его кошелька и личные вкусы, он мог посоветовать, где лучше всего пообедать. При всем том мистер Хамфрис своего достоинства отнюдь не терял и к первому встречному не бросался. Всеми вышеперечисленными сведениями обладала и мисс Горриндж и предоставляла их по первому требованию. А мистер Хамфрис лишь появлялся на горизонте, как солнце, и согревал избранных лучами своего обаяния.

Этой чести удостоился сейчас полковник Ласкомб. Для начала они с мистером Хамфрисом обменялись несколькими фразами по поводу скачек, но полковника все еще занимали собственные мысли, а рядом как раз оказался человек, который мог ответить на его вопросы.

— Скажите, Хамфрис, неужели всем этим милым старушкам по средствам жить в вашем отеле?

— Ах вот что вас интересует! — Вопрос явно позабавил мистера Хамфриса — Ну что ж, ответ прост: отнюдь не по средствам. Если только...

Он умолк.

— Если только не делать скидки? Я прав?

— Более или менее. Но они если и догадываются о скидках, то думают, что это им *привилегия* как

постоянным клиентам.

— А разве не так?

— Видите ли, полковник, *у меня отель*. Терять впустую деньги я не могу.

— Но каким же образом?..

— Это вопрос атмосферы... Иностранцы, приезжающие к нам... Скажем, американцы; деньги-то главным образом у них... Так вот, у иностранцев свое представление об Англии. Я не говорю, сами понимаете, о крупных шишках, о бизнесменах, чуть ли не раз в неделю пересекающих Атлантику, — эти обычно останавливаются в «Савойе» или «Дорчестере». Им подавай современный интерьер, американскую кухню и все такое прочее, чтобы они чувствовали себя как дома. Но есть другие американцы, те наезжают изредка, и в их воображении наша страна... Они читали Диккенса, Генри Джеймса, им совсем не хочется обнаружить, что Англия становится похожа на их отечество! И вот, вернувшись домой, они восклицают: «В Лондоне есть потрясающее место: отель «Бертрам»! Такое чувство, будто вы оказались в прошлом веке! Настоящая старая Англия! Вы там увидите людей, каких нигде и никогда не увидишь! Умопомрачительные древние герцогини! А какие блюда старой английской кухни, всякие

там пудинги, седло барашка, не говоря уж о традиционном английском чаепитии и потрясном английском завтраке! И вполне комфортабельно! *Тепло!* Огромные камины!» — Мистер Хамфрис позволил себе легкую усмешку.

— Вот оно как! — задумчиво протянул полковник Ласкомб. — Выходит, все эти разорившиеся аристократы и обедневшие потомки старых помещичьих родов — просто *мизансцена?*

Мистер Хамфрис кивнул:

— Странно, что никто об этом не догадывается. Ну, я-то застал этот отель уже, как говорится, в сложившемся виде. Он нуждался лишь в некотором, впрочем довольно дорогом, ремонте. А тем, кто сюда приезжает, кажется, что они первооткрыватели и никто другой о «Бертраме» ничего не знает!

— Полагаю, — заметил полковник Ласкомб, — что реставрация и вправду обошлась в круглую сумму?

— О да! Самое главное — сочетать *старинный облик* отеля с современными удобствами. Пусть наши милые старушки — надеюсь, вы разрешите мне их так называть, — пусть они воображают, что никаких особых перемен не произошло, ну а путешествующим клиентам нравится стиль

ретро, не причиняющий никаких неудобств: налицо привычный комфорт.

— Но это, вероятно, трудновато? — предположил Ласкомб.

— Не особенно. Возьмем, к примеру, центральное отопление. Американцы требуют — скажу больше, нуждаются! — чтобы температура была на десять градусов по Фаренгейту выше той, к которой привыкли англичане. И наши номера отапливаются по-разному. В одни мы помещаем англичан, в другие — американцев. Выглядят они совершенно одинаково, но на самом деле там множество мелочей, отличающих их друг от друга, — например, в одних ванных комнатах душ, в других только ванна, и, если вы пожелаете американский завтрак, пожалуйста, — вот вам корнфлекс[9] и ледяной апельсиновый сок, а если вам по душе английский...

— Яичница с ветчиной?

— Именно, и кроме того, многое другое... Копченая рыбка, почки, бекон, холодная куропатка, йоркширская ветчина и оксфордский джем...

— Вспомнить бы все это завтра утром. Давненько я ничего подобного не пробовал.

---

[9] notes: 9
К о р н ф л е к с — кукурузные хлопья.

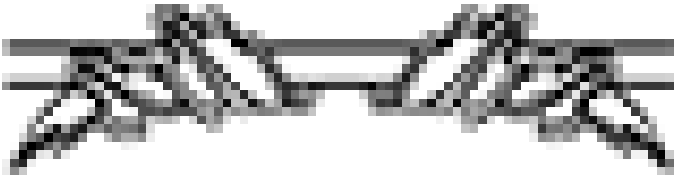
Хамфрис улыбнулся.

— Большинство джентльменов заказывают только яичницу с ветчиной. Они... В общем, они уже забыли о существовании прежних блюд...

— Верно, верно... Помнится, когда я был ребенком... Буфет у стены, заставленный горячими закусками... Роскошная была жизнь!

— Стараемся угодить клиентам, что бы они ни попросили!

Полковник Ласкомб взял у мисс Горриндж ключ. Мальчик-лифтер вскочил со стула и повел полковника к лифту. Проходя, Ласкомб увидел, что леди Селина Хейзи сидит со своей приятельницей Джейн... Джейн... Как же ее фамилия?



ГЛАВА 2

— А вы, надеюсь, все еще живете в этом милом местечке, Сент-Мэри-Мид? — говорила леди Селина. — До чего же прелестная деревушка, сохранила все свое прежнее очарование!

— Ну, не совсем. — И мисс Марпл сообщила, какие изменения произошли в их городке: выросли новые дома, переделали здание Ратуши, на Хай-стрит витрины магазинов перестроены на современный лад... — Приходится с этим мириться, ничего не поделаешь.

— Прогресс, — вздохнула леди Селина. — Впро-

чем, мне порой кажется, что никакой это не прогресс! Все эти водопроводные штуки — на вид, правда, красивые — на что они людям? *Тянуть? Толкать?* Всякий раз, гостя́ у друзей, вы видите в туалете надпись: «Резко нажать и отпустить», «Повернуть налево», «Повернуть направо». А ведь в прежние времена вы *просто* дергали за ручку и вода лилась себе, *лилась*... А, вот он, наш милый епископ Медменхэмский... — перебила сама себя леди Селина, когда пожилой благообразный священник проходил мимо. — По-моему, он совсем ослеп! Но все равно в нем чувствуется что-то *воинственное!*

И леди Селина стала делиться с мисс Марпл наблюдениями по поводу присутствующих в холле своих друзей и знакомых, причем большинство из них оказывались вовсе не теми, за кого она их принимала. Они с мисс Марпл потолковали немного о «добром старом времени», хотя мисс Марпл, разумеется, росла и воспитывалась совсем в иных условиях, чем леди Селина, а потому их воспоминания касались главным образом лишь нескольких лет, когда леди Селина, оставшаяся вдовой с весьма ограниченными средствами, сняла в Сент-Мэри-Мид маленький домик и жила там до тех пор, пока не кончился срок пребы-

вания ее второго сына на расположенном по соседству аэродроме.

— Вы всегда останавливаетесь в этом отеле, Джейн? Странно, я вас тут никогда прежде не видела.

— Вы правы! Мне это не по средствам, да я и редко выезжаю из дому в последнее время. Нет, это моя милая племянница решила, что мне будет приятно побывать в Лондоне. Джоан — удивительно добрая девочка, впрочем, вряд ли ее назовешь девочкой. — Мисс Марпл припомнила, что Джоан почти пятьдесят лет. — Она, знаете ли, художница. Довольно известная. Джоан Вест. Не так давно у нее была выставка.

Леди Селина не питала особого пристрастия к художникам и прочим людям искусства. Писатели, актеры, музыканты казались ей этакими трюкачами, на манер дрессированных пуделей, и относилась она к ним снисходительно, только удивляясь, зачем они этим занимаются...

— Эта современная живопись... — пробормотала леди Селина, блуждая взглядом по холлу. — А вон Сесиль Лонгхерст, смотрите, она снова выкрасила волосы!

— Боюсь, Джоан и правда пишет в современном стиле.

Увы, мисс Марпл ошиблась! Джоан Вест могла считаться ультрасовременной лет двадцать назад, но сейчас юные преуспевающие художники находили ее весьма старомодной.

Бросив взгляд на крашеные волосы Сесиль Лонгхерст, мисс Марпл вновь погрузилась в приятные воспоминания о доброте Джоан. Вот ведь что сказала Джоан своему мужу:

«Как бы мне хотелось сделать что-нибудь приятное для бедной старой тетушки Джейн! Она совсем не выезжает из своей деревушки. Как ты думаешь, доставит ей удовольствие поездка в Борнмут недельки на две?»

«Прекрасная мысль!» — подхватил Реймонд Вест. Его последняя книга имела успех, и настроен он был весьма великодушно.

«Кажется, ей понравилось в Вест-Индии, хотя ужасно обидно, что там ей пришлось разбираться с делом об убийстве. В ее годы это совсем ни к чему!»

«Но с ней подобные истории почему-то вечно случаются!»

Реймонд любил старую тетушку, старался развлечь ее, посылал ей книги, которые, по его мнению, могли ее заинтересовать. К его изумлению, она частенько отказывалась от разного

рода развлечений, а про книги всегда говорила, что они «такие интересные». Реймонд, правда, подозревал, что она в них даже не заглядывает, тем более что у нее слабое зрение.

Тут он ошибался. Зрение у мисс Марпл для ее лет было прекрасное, и сейчас она с интересом и удовольствием отмечала все, что происходило вокруг.

На предложение Джоан провести неделю-другую в одном из лучших отелей Борнмута мисс Марпл, поколебавшись, пробормотала:

«Как мило с твоей стороны, моя дорогая, но, право же, я не...»

«Это будет *полезно* для тебя, тетя Джейн! Надо же хоть изредка выезжать из дому! Приходят новые мысли...»

«Да-да, ты совершенно права, и я бы с радостью куда-нибудь поехала... Только — не Борнмут...»

Джоан несколько удивилась. Она-то полагала, что для тети Джейн будет счастьем именно посещение Борнмута.

«Тогда Истборн? Или Торки?»

«Знаешь, чего бы мне в самом деле хотелось...» — Мисс Марпл застенчиво замолчала.

«Ну-у?»

«Может быть, я глупости говорю...»

«Да нет, почему же?» (Интересно, *куда старушка собралась?)*

«Мне бы хотелось пожить в отеле «Бертрам» в Лондоне».

«Бертрам?» (Кажется, знакомое название.)

Мисс Марпл поспешила объяснить:

«Знаешь, я там жила, когда мне было четырнадцать лет. С тетей и дядей, дядя тогда был каноником в Или. Мне никогда этого не забыть! Если бы я могла сейчас... недельку-другую... хотя, боюсь, это слишком накладно».

«Да ничего подобного! Разумеется, ты там поживешь! Мы это устроим, если, конечно, отель «Бертрам» еще существует. После войны немало отелей исчезло».

«Да нет, я случайно узнала, что «Бертрам» цел и невредим. Я получила письмо от моей американской приятельницы Эми МакАллистер из Бостона. Они с мужем сейчас в «Бертраме».

«Прекрасно, значит, я все устрою... — И Джоан мягко добавила: — Боюсь только, что «Бертрам» уже не тот, что во времена, когда ты там останавливалась. Так что ты уж не очень расстраивайся».

Но «Бертрам» не изменился. Он остался совершенно таким же. «Непонятно почему, — думала

мисс Марпл, — и хотелось бы понять...»

Право, даже не верится в такую удачу! Мисс Марпл с ее здравым смыслом отлично понимала: ей просто хочется освежить свои воспоминания, оказавшись в той, прежней обстановке, теперешняя жизнь заполнена памятью о прошлых радостях. Если удается найти кого-то, с кем можно повспоминать вместе, — это уже счастье. Но такое случалось все реже: она пережила большинство своих сверстников. И сейчас в холле «Бертрама» ей странным образом удалось вызвать к жизни другую Джейн Марпл, бело-розовую юную девушку... Такую, в общем, глупенькую... А кто тот, не подходящий ей во всех отношениях молодой человек, которого звали... О господи, как его звали?.. До чего же мудро поступила ее мать, прервав их дружбу в самом зародыше. Годы спустя она вновь с ним встретилась, и он показался ей просто ужасным. А ведь тогда она чуть ли не целую неделю проплакала, уткнувшись лицом в подушку!

А теперь... теперь все не то. Бедные девочки! У многих из них есть матери, но какой от них толк, если нынешние матери не способны удержать своих дочерей от глупых романов, от незаконных детей, от ранних и неудачных браков. Как это грустно!..»

Голос приятельницы нарушил ход мыслей мисс Марпл:

— Боже ты мой... ведь это... Ну да, это же Бесс Седжвик! Вот уж не думала, что она может здесь появиться!

Мисс Марпл слушала разглагольствования леди Селины вполуха. Дамы вращались в совершенно разных кругах, и мисс Марпл вряд ли могла поддержать беседу, да, откровенно говоря, и не вникала в скандальные подробности, которые сообщала леди Селина о друзьях и знакомых, узнавая их среди присутствующих, — вернее, думая, что узнает.

Но Бесс Седжвик — другое дело. Имя Бесс Седжвик было известно чуть ли не всей Англии, — благодаря тому, что пресса на протяжении трех десятилетий смаковала ее экстравагантные приключения. Так, сообщалось, что она участвовала во Французском Сопротивлении и лично застрелила шестерых немцев, что в полном одиночестве пересекла на самолете Атлантический океан; проскакала верхом через всю Европу; управляла гоночными автомобилями, спасла двух детей из горящего дома, а также слишком часто меняла мужей (одни делали ей честь, другие — нет) и была, как утверждали, второй по

элегантности дамой в Европе. Рассказывали, что ей даже удалось тайком проникнуть на атомную подводную лодку перед самыми испытаниями. Поэтому-то мисс Марпл, выпрямившись в кресле, с жадным интересом устремила взгляд на Бесс Седжвик.

Многого могла ожидать мисс Марпл от отеля «Бертрам», но уж, конечно, не появления здесь Бесс Седжвик. Шикарный ночной клуб либо забегаловка для водителей грузовиков — вот диапазон интересов Бесс. Но в этом старинном респектабельном отеле она смотрится странно.

Но вот она здесь, собственной персоной, никаких сомнений быть не может. Не на фотографии в журнале мод или в популярной газете, где она появлялась чуть ли не каждый месяц, а, так сказать, во плоти. Торопливо, нервно затянулась сигаретой, глядя на стоящий перед ней большой поднос с нескрываемым удивлением, будто видела такую штуковину впервые. Заказала она — мисс Марпл даже прищурилась, напрягая глаза, — да-да, *пончики.* Весьма любопытно!

Бесс Седжвик погасила сигарету о блюдце, поднесла к губам пончик и откусила здоровенный кусок. Темно-красное клубничное варенье брызнуло ей на подбородок. Бесс откинула голову и

захохотала: такого громкого и веселого смеха в холле отеля «Бертрам» давненько не слыхивали.

Немедленно возник Генри, протягивая маленькую салфетку. Бесс взяла ее и, вытерев подбородок размашистым, мальчишеским жестом, воскликнула:

— Вот что я называю *настоящим пончиком!* Шикарно!

Бросив салфетку на поднос, она встала. Как всегда и везде, взоры обратились к ней. Она уже привыкла к всеобщему вниманию. Быть может, ей это льстило, а быть может, она просто не замечала устремленных на нее любопытных глаз. Поглядеть на нее стоило: привлекала не столько ее красота, сколько какая-то природная бесшабашность. Платиновые волосы, блестящие и прямые, падали на плечи. Прекрасной формы голова, четко вылепленное лицо. Нос с небольшой горбинкой, серые, глубоко посаженные глаза. Подвижный рот прирожденной актрисы. Мужчин обескураживала простота ее наряда. Казалось, она вырядилась в грубую мешковину — ни украшений, ни даже застежек и швов. Но женский глаз сразу оценил эту простоту. Даже провинциальные старушки, живущие сейчас в «Бертраме», и те знали, что такое платье стоит

состояния.

Проходя через холл к лифту, она задержалась возле леди Селины и мисс Марпл и поздоровалась с Селиной:

— Привет, леди Селина. По-моему, мы не встречались с тех пор, как виделись у Крафтов. Борзые здоровы?

— Что вы тут делаете, Бесс?

— Просто остановилась. Я примчалась с Лендс-Энда. Четыре часа сорок пять минут. Неплохо!

— Когда-нибудь вы убьетесь. Или кого-нибудь собьете. *Но почему все-таки вы остановились именно здесь?*

Бесс Седжвик окинула взглядом апартаменты. Она явно поняла подтекст вопроса и иронически усмехнулась.

— Друзья посоветовали попробовать. И они правы. Мне только что подали изумительные пончики!

– *А какие у них здесь плюшки!*

— Плюшки, — задумчиво протянула Бесс Седжвик. — Да... Плюшки.

Она кивнула и пошла к лифту.

— Потрясающая девочка, — сказала леди Селина. (У них с мисс Марпл каждая женщина моложе шестидесяти считалась девочкой.) — Я

помню ее еще совсем маленькой. Никто не мог с ней совладать. В шестнадцать лет сбежала с грумом-ирландцем. Родителям удалось вовремя ее вернуть, а может, и не вовремя. Так или иначе, от грума откупились и благополучно выдали ее замуж за старого Конистона. Этот известный распутник, на тридцать лет ее старше, был от нее совершенно без ума. Впрочем, *его счастье* длилось недолго. Она ушла к Джонни Седжвику. Если б он не сломал себе шею на скачках, они прожили бы долго. После него она вышла замуж за Риджвея Беккера, американца, владельца яхты. Они развелись три года назад, и я слышала, что при ней сейчас какой-то автогонщик — не то поляк, не то еще кто-то. Не знаю, замужем она за ним или нет. Но после развода с американцем она снова стала Седжвик. *Встречается с самыми удивительными людьми.* Поговаривают, будто пристрастилась к наркотикам... Но это вряд ли.

— Хотела бы я знать: счастлива ли она? — сказала мисс Марпл.

Леди Селина, которая никогда не задавала себе подобного рода вопросов, несколько удивилась:

— У нее же полно денег... Алименты и прочее. Конечно, деньги — это еще не все...

— Разумеется.

— И, кроме того, у нее всегда есть поклонник или даже несколько... Женщинам, достигшим такого возраста, ничего другого и не надо. А впрочем...

Она помолчала.

– *Вот именно,* — сказала мисс Марпл.

Иные, вероятно, не удержались бы от улыбки, услышав подобное заключение из уст пожилой леди, вряд ли большому специалисту по части нимфомании, да мисс Марпл таких слов и не употребляла, обходясь выражением «чрезмерный интерес к мужчинам». Но леди Селина поняла реплику собеседницы как выражение согласия.

— В ее жизни вообще было много мужчин, — заметила леди Селина.

— Да, не кажется ли вам, что мужчины были для нее скорее забавой, а не истинной потребностью?

«Неужели найдется женщина, — думала мисс Марпл, — которая явится в отель «Бертрам» для тайного свидания с мужчиной? Нет, наш отель — место для этого неподходящее. Но, быть может, тот, кто сейчас приглянулся Бесс Седжвик, выбрал «Бертрам» именно по этой причине?»

Она вздохнула, взглянула на красивые старинные часы, тикающие в углу, осторожно, как

все застарелые ревматики, поднялась с кресла и медленно направилась к лифту. Леди Селина огляделась, и взор ее остановился на пожилом джентльмене с военной выправкой, читавшем *«Спектейтор»*.

— Приятно вас вновь здесь встретить! Э-э... вы ведь генерал Арлингтон?

Однако пожилой джентльмен с чарующей любезностью сообщил, что он не генерал Арлингтон. Леди Селина извинилась, ничуть не огорчившись. Близорукость удачно сочеталась у нее с жизнерадостностью, а так как леди Селина обожала узнавать в отеле старых друзей и знакомых, то подобные ошибки случались сплошь и рядом. Впрочем, этим грешили многие постояльцы — освещение в холле было мягким, приглушенным, лампы затенены абажурами. Обознаться было легко, но никто не обижался, если его принимали за другого, это даже казалось лестным.

Ожидая лифта, мисс Марпл усмехалась про себя. До чего это похоже на Селину! Вечно ей кажется, будто она всех знает. Где уж мисс Марпл состязаться с Селиной! Ее единственным достижением в этой области был красивый епископ из Вестчестера, которого она нежно называла «милый Робби», и тот отвечал ей с такой же теп-

лотой, так как до сих пор помнил то время, когда маленьким мальчиком жил в доме приходского священника в Хэмпшире и кричал мисс Марпл: «Тетя Джейн, ты теперь крокодил! Ты крокодил, съешь меня!»

Лифт спустился, одетый в форму мужчина средних лет открыл дверь. Не без удивления мисс Марпл увидела в кабине Бесс Седжвик, только что поднимавшуюся наверх. Но тут Бесс, шагнувшая было наружу, остановилась так внезапно, что сделавшая встречный шаг мисс Марпл споткнулась от неожиданности. Взгляд Бесс Седжвик был устремлен на что-то поверх плеча мисс Марпл, и старая дама обернулась.

Швейцар толкнул вращающиеся входные двери и пропустил двух женщин. Одной из них была заполошного вида особа средних лет, в лиловой шляпке с цветами, а другой — высокая девушка лет семнадцати — восемнадцати, одетая просто и элегантно, с длинными прямыми светлыми волосами.

Но Бесс Седжвик уже овладела собой, резко повернулась и вновь вошла в лифт. Затем извинилась перед следовавшей за ней мисс Марпл:

— Простите меня! Чуть с ног вас не сбила! — Голос у нее был теплый, приветливый. — Я

вспомнила, что кое-что забыла внизу...

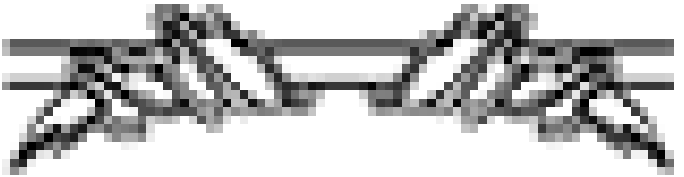
— Второй этаж? — спросил лифтер.

Мисс Марпл кивнула, улыбнулась Бесс, давая понять, что простила ее неловкость, вышла из лифта и побрела в свой номер, мысленно перебирая в уме все те мелочи, с которыми ей пришлось только что столкнуться: такова уж была привычка мисс Марпл.

Ну, например, то, что сейчас сказала Бесс Седжвик, — неправда. Войдя в свою комнату, она должна была сразу обнаружить, что «кое-что забыла» (если только вообще это правда!), и отправиться вниз за этой вещью. А может, она спустилась, чтобы кого-то встретить? А если так, то что именно потрясло и взволновало ее до такой степени, что она отступила в лифт, лишь бы не быть узнанной теми, кто вошел в холл?

А вошли две женщины. Дама средних лет и юная девушка. Мать и дочь? Нет, решила про себя мисс Марпл, *вовсе не мать и дочь*.

Даже в отеле «Бертрам», не без удовольствия подумала мисс Марпл, случаются интересные вещи.



ГЛАВА 3

— Могу ли я попросить... полковника Ласкомба?

Дама в лиловой шляпке подошла к стойке администратора. Мисс Горриндж приветливо улыбнулась, мальчик-лифтер был немедленно послан за полковником, но надобность в этом отпала — полковник Ласкомб собственной персоной уже входил в холл и быстро приблизился к администратору.

— Здравствуйте, миссис Карпентер! — Он вежливо пожал руку даме в лиловой шляпке, затем

повернулся к девушке: — Эльвира, дорогая моя! — Он нежно взял обе ее руки в свои. — Так-так, очень хорошо. Превосходно, просто превосходно. Давайте-ка сядем. — Он повел их к креслам, усадил. — Да-да, — повторял он, — очень хорошо.

Полковник был явно смущен. Не мог же он бесконечно твердить, что все очень хорошо? Дамы не спешили ему помочь. Эльвира мило улыбнулась. Миссис Карпентер с легким, ничего не значащим смешком, расправляла свои перчатки.

— Как прошло путешествие?

— Спасибо, хорошо, — сказала Эльвира.

— Туман не помешал?

— Нет-нет!

— Мы прилетели даже на пять минут раньше, чем по расписанию, — подтвердила миссис Карпентер.

— Да-да. Очень хорошо, очень... — Тут полковник взял себя в руки. — Надеюсь, этот отель вам подойдет?

— Уверена, что здесь прекрасно, — с чувством произнесла миссис Карпентер, оглядывая помещение. — Вполне комфортабельно.

— Боюсь, чуть-чуть старомодно, — продолжал полковник извиняющимся тоном. — Многовато стариков. Танцев не бывает, ну и... ничего

такого...

— Похоже, — согласилась Эльвира.

Она обвела холл спокойным, невыразительным взглядом. В самом деле, невозможно представить себе танцы в «Бертраме».

— Боюсь, что здесь многовато стариков, — повторил полковник. — Вот я и подумал, не пойти ли нам в театр сегодня вечером? Мюзикл... — Это слово полковник произнес не слишком уверенно, будто сомневаясь, правильно ли его употребил. — Называется *«Девушки, распустите волосы!»*.

— Чудесно! — воскликнула миссис Карпентер. — Нам это наверняка понравится, правда, Эльвира?

— Несомненно, — отозвалась Эльвира все так же бесстрастно.

— Ну а потом поужинаем. В «Савойе».

Новые восклицания со стороны миссис Карпентер. Полковник Ласкомб, встретившись глазами с Эльвирой, немного повеселел. Ему показалось, что Эльвира довольна, однако в присутствии миссис Карпентер твердо решила никаких чувств не выказывать. «И я понимаю девочку», — подумал полковник.

Он обратился к миссис Карпентер:

— Не хотите ли взглянуть на ваши комнаты?

Если что-нибудь окажется не по вкусу, можно их сменить. Меня тут хорошо знают! (Мисс Горриндж гостеприимно улыбнулась.) Номера двадцать восемь и двадцать девять на втором этаже, ванная комната между ними.

— Пойду наверх и распакую чемоданы, — сказала миссис Карпентер. — А ты, Эльвира, и вы, полковник, посидите тут и поболтайте.

«Демонстрирует свой такт, — подумал полковник Ласкомб. — Пожалуй, чересчур подчеркнуто, но так приятно от нее избавиться, хоть и ненадолго». Впрочем, о чем болтать с Эльвирой, он не имел даже представления. Прекрасно воспитанная девочка, но полковник не знал, как следует вести себя с прекрасно воспитанной девочкой. Его жена умерла родами, ребенок, мальчик, вырос у родственников жены, а старая сестра полковника переселилась к нему и вела хозяйство. Сын женился, живет сейчас в Кении. Внуки (одиннадцать лет, пять и два с половиной года), бывая у дедушки, говорили исключительно о футболе, об электропоездах, а младшего дед качал на колене. Тут все просто! Но юные девушки!

Он осведомился у Эльвиры, не хочет ли та чего-нибудь выпить.

Он собирался предложить тоник, оранжад или

имбирный эль, но Эльвира опередила его:

— Благодарю вас. Джин с вермутом, пожалуйста.

Полковник взглянул на нее с недоумением. Он полагал, что молодые девицы... Сколько ей? Шестнадцать? Семнадцать? В таком возрасте не пьют джин с вермутом. Но он успокоил себя тем, что Эльвира, конечно, знает, как следует вести себя современным девицам. Он заказал джин, вермут и херес для себя.

Затем, кашлянув, спросил:

— Как было в Италии?

— Очень хорошо, спасибо.

— А хозяйка пансиона... графиня... эх, забыл ее фамилию... не слишком она сурова?

— Она довольно строга. Но не ко мне.

Он взглянул на Эльвиру, в ее ответе ему послышалась некая двусмысленность. И заговорил, все еще запинаясь, однако уже более свободно и естественно, чем в начале беседы:

— Хотя я ваш крестный отец и опекун, но, боюсь, мы с вами мало знаем друг друга. Трудно мне, поймите, трудно такому старику, как я, знать, чего хочет молодая девушка, я имею в виду — что следует делать молодой девушке. Ну школа, еще одна школа, которую в наше время

называли школой благородных девиц. Но сейчас все другое. Карьера? Работа? И все такое прочее? Нам надо будет все это обсудить. Чем вообще вы собираетесь заняться?

— Я бы хотела поступить на курсы секретарей, — сказала Эльвира без малейшего энтузиазма.

— А! Вы хотите стать секретаршей?

— В общем-то нет.

— Тогда зачем же?

— Надо же с чего-то начинать.

У полковника Ласкомба возникло странное ощущение, будто его поставили на место.

— Мои кузины Мелфорд... Вы хотели бы у них пожить? Если нет, то...

— Да, разумеется. Нэнси мне очень нравится. А кузина Милдред тоже довольно симпатичная...

— Значит, все в порядке?

— Да, пока что.

Ласкомб замялся, не зная, что еще добавить. Пока он думал что сказать, заговорила сама Эльвира. И спросила без обиняков:

— Деньги у меня есть?

Он ответил не сразу, пристально вглядываясь в ее лицо, словно изучая:

— Да. И много. То есть будет много, когда вам

исполнится двадцать один год.

— У кого они сейчас?

Он улыбнулся:

— Лежат в банке. Каждый год из начисляемых процентов выплачивается определенная сумма в счет вашего образования и содержания.

— А вы — опекун?

— Один из опекунов. Всего нас трое.

— Что случится с деньгами, если я умру?

— Ну-ну, Эльвира, перестаньте! С чего это вам умирать? Вздор!

— Надеюсь, но ведь человеку ничего не известно! Вот, на той неделе разбился авиалайнер, все пассажиры погибли.

— С вами этого не случится, — твердо сказал полковник.

— Откуда вам знать! — возразила Эльвира. — Мне просто любопытно, что будет с деньгами, если я умру.

— Понятия не имею! — уже раздраженно ответил полковник. — Почему вас это волнует?

— Мне просто хочется знать, нет ли кого-нибудь, кто был бы заинтересован в моей смерти.

— Ну знаете, Эльвира! Что за нелепица! Не понимаю, почему у вас в голове такие мысли!

— Да так... Хочется знать все как есть.

— Может, вы думаете, будто *мафия*... или что-нибудь подобное? Нет, это глупо.

— А если я выйду замуж, кому достанутся деньги?

— Надо полагать, вашему мужу... Но послушайте...

— Вы уверены?

— Нет, не уверен. Это зависит от того, как именно составлен документ, какие в нем имеются пункты. Но вы ведь не замужем, чего же беспокоиться?

Эльвира не ответила. Казалось, она погрузилась в раздумье. Потом, словно очнувшись, спросила:

— Вы встречаетесь с моей матерью?

— Иногда. Не часто...

— Где она сейчас?

— Ну... за границей...

— Где именно?

— Франция, Португалия. Право, не знаю!

— Она когда-нибудь хотела меня видеть?

Ее ясный взгляд встретился с глазами полковника. Он не знал, как быть. Настало ли время сказать правду? Или ответить уклончиво? Солгать? Ответить девочке на столь простой вопрос было чрезвычайно сложно. Он мрачно сказал:

— Не знаю.

Ее глаза серьезно глядели на него. Ласкомб чувствовал себя неловко. Он еще больше запутался. Девочка хочет знать — это естественно. Всякая на ее месте... Он сказал:

— Вы не должны так думать... Правда, это трудно объяснить. Ваша мать не такая, как другие, она...

Эльвира энергично закивала:

— Знаю. Я часто читаю о ней в газетах. Она совсем особенная, — правда? Это удивительная женщина!

— Да, — согласился полковник. — Точное слово. Она удивительная женщина. Но... — Он замолчал, затем добавил: — Когда удивительная женщина твоя мать — это не такое уж счастье. Можете мне поверить, ибо это правда.

— Вы не слишком-то любите говорить правду, да? Однако сейчас вы, по-моему, ее сказали.

Они замолчали, устремив взгляд на отделанную медью вращающуюся входную дверь.

Вдруг дверь толкнули снаружи с доселе не виданной в отеле «Бертрам» силой. Вошедший молодой человек шагнул прямо к администратору. По контрасту с бурной энергией, исходящей от пришельца, отель «Бертрам» словно окаменел, притих, затаился, стал похож на музей, а

его обитатели — на запыленные экспонаты минувших времен. Пришедший наклонился к мисс Горриндж и спросил:

— Леди Седжвик у вас остановилась?

Гостеприимная улыбка не тронула уст мисс Горриндж. Глаза ее посуровели:

— Да. — И она с явной неохотой потянулась к телефону. — Вы бы хотели...

— Нет, — отрезал молодой человек. — Я просто оставлю ей записку.

Он вытащил записку из кармана черной куртки и протянул через стойку красного дерева.

— Я просто хотел убедиться, что это тот самый отель, — произнес он с ноткой сомнения в голосе, оглядываясь по сторонам, а затем направился к выходу. Взгляд его равнодушно скользнул по сидевшим в холле и с тем же бесстрастием остановился на Эльвире и Ласкомбе. Полковник вскипел. «Какого черта! — ругнулся он про себя. — Ведь Эльвира хорошенькая. В молодости я замечал хорошеньких девушек, особенно если они были в окружении подобных ископаемых!» Но молодого человека, по-видимому, хорошенькие девушки не интересовали. Он вновь вернулся к администратору и спросил, слегка повысив голос, словно желая привлечь внимание мисс

Горриндж:

— Ваш телефон 1129, верно?

— Нет, — сказала мисс Горриндж, — 3925.

— Риджент?

— Нет. Мэйфэр.

Он кивнул. Затем снова повернулся к входной двери и вышел, столь же яростно оттолкнув дверь назад.

Казалось, все присутствующие наконец перевели дух. Трудно было возобновить прерванные разговоры.

— Да уж, — только и сказал полковник Ласкомб, не будучи в состоянии найти подходящее слово. — В самом деле! Эта современная молодежь...

Эльвира улыбнулась.

— Вы узнали его, да? Знаете, кто это? — Голос ее даже дрогнул от благоговейного трепета. — Это же Ладислав Малиновский!

— Ах, этот... — Имя кое-что говорило полковнику.

— Да-да. Два года подряд он был чемпионом мира. А в прошлом году попал в жуткую аварию. Разбился вдребезги. Но, говорят, теперь снова за рулем. — Она прислушалась. — Слышите, это его гоночный автомобиль!

Рев мотора проникал с улицы в холл отеля

«Бертрам». Полковник Ласкомб решил, что Малиновский — один из героев Эльвиры. «Что ж, — подумал он, — все же лучше, чем эти эстрадники, эти длинноволосые «битлы» или как они там себя величают...» Ласкомб был старомоден в своих воззрениях на молодых людей.

Дверь распахнулась вновь. Эльвира и полковник выжидательно взглянули в том направлении, но на сей раз ничто не возмутило покой отеля: вошедший оказался седовласым священником. Он остановился, огляделся вокруг с видом человека, который не очень-то понимает, где он и каким образом сюда попал. Таково было обычное состояние каноника Пеннифазера. Так бывало с ним в поездах, когда он никак не мог вспомнить, откуда едет, куда и зачем! Так бывало с ним, когда он шел по улице или заседал в очередном комитете. Так случалось с ним и в церкви, когда он не мог вспомнить, произнес он уже проповедь или только собирается к ней приступить.

— По-моему, я знаю этого старика, — задумчиво произнес полковник Ласкомб, присматриваясь к вошедшему. — Но кто же он, собственно? Аберкромби? Архидьякон Аберкромби? Нет, пожалуй, нет, хотя похож на Аберкромби!

Эльвира равнодушно взглянула на каноника

Пеннифазера. Разве сравнишь его с автогонщиком? Да и вообще, Эльвира не слишком интересовалась священниками, правда, в Италии она восхищалась кардиналами, те, по крайней мере, хоть выглядели живописно.

Лицо каноника Пеннифазера прояснилось, и он удовлетворенно кивнул. Слава богу, он вспомнил, где находится. Ну конечно же, это отель «Бертрам», где он собирается провести ночь по пути... по пути куда? В Чедминстер? *Нет, он только что приехал из Чедминстера.* Он едет, ну ясно же, едет на конгресс в Люцерн. Тут каноник окончательно просиял, направился к администратору, и мисс Горриндж тепло встретила гостя:

— Очень рада вас видеть, каноник Пеннифазер. Вы прекрасно выглядите!

— Спасибо, спасибо, на прошлой неделе я был сильно простужен, теперь уже выздоровел. У вас найдется для меня номер? *Я ведь писал вам?*

— Да, мы получили ваше письмо, — заверила его мисс Горриндж. — Мы оставили вам девятнадцатый номер, вы там останавливались в прошлый приезд.

— Спасибо, спасибо. Мне нужен номер — дайте-ка подумать — на четыре дня. Я еду в Люцерн, но проведу там всего одну ночь, так что хочу оста-

вить номер за собой. Все вещи я оставлю здесь, а в Швейцарию возьму только маленький саквояж. Это вас не затруднит?

— Все будет в порядке, — вновь подтвердила мисс Горриндж. — В своем письме вы нас уже предупредили.

Освобожденный от всех своих забот, каноник вздохнул с облегчением и был препровожден вместе со своим багажом в девятнадцатый номер.

А в номере двадцать восьмом миссис Карпентер, сняв с головы шляпу, похожую на корону из фиалок, аккуратно раскладывала свою ночную сорочку на подушке кровати. Вошла Эльвира.

— А, вот и ты, моя дорогая! Помочь распаковать багаж?

— Нет, благодарю вас, — вежливо отозвалась Эльвира. — Я не собираюсь его распаковывать.

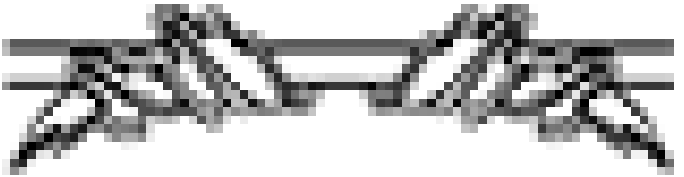
— Какую из этих комнат ты предпочтешь? Ванная — между ними. Я велела им отнести твой багаж в дальнюю комнату. По-моему, эта шумновата.

— Очень любезно с вашей стороны, — произнесла Эльвира своим обычным, лишенным выражения тоном. — Я бы, пожалуй, приняла ванну.

— Ну что ж, прекрасная мысль!

Эльвира отправилась в ванную, затворила за собой дверь и заперла на задвижку. Очутившись в своем номере, достала из чемодана несколько вещей и бросила их на кровать. Потом разделась, накинула халат, пошла в ванную и открыла краны. Вернувшись обратно, села на постель и придвинула телефон. Секунду-другую она прислушивалась и, убедившись, что все тихо, сняла трубку:

— Говорят из комнаты двадцать девять. Будьте добры, соедините меня — Риджент, 1129.



ГЛАВА 4

В Скотленд-Ярде шло закрытое совещание. Носило оно неофициальный характер. Вокруг стола в непринужденных позах сидели шесть или семь человек, каждый из которых был в своей области фигурой весьма значительной. Внимание всех этих стражей порядка занимала проблема чрезвычайной важности, масштаб которой в последнее время приобрел угрожающий характер. Речь шла о цепи остающихся безнаказанными преступлений, что, естественно, вызывало сильнейшее беспокойство. Ограбления банков,

нападения на инкассаторов, кражи ценных почтовых отправлений, хищения в поездах. Чья-то беспощадная и невидимая рука наносила эти удары едва ли не каждый месяц.

Председательствовал сэр Рональд Грейвз, заместитель начальника Скотленд-Ярда; по привычке он больше слушал, чем говорил сам. Официальных докладов на сей раз не было. А были просто консультации на высшем уровне: обмен мнениями и информацией, обсуждение накопившихся вопросов. Сэр Рональд Грейвз медленно обвел глазами всех присутствующих и кивнул человеку, сидевшему на другом конце стола.

— Ну-ка, Дед, — сказал он, — поделитесь с нами вашими простенькими, но мудрыми соображениями!

Дедом звали старшего инспектора Фреда Дэви. В ближайшее время он собирался выйти на пенсию, да и выглядел много старше своих лет, потому и прозван был Дедом. Физиономия его внушала симпатию, и вообще он производил впечатление человека мягкого и добросердечного, что и вводило в заблуждение многих преступников, так как на деле Дэви был вовсе не столь прост и добродушен.

— Да уж, Дед, расскажите! — добавил другой

старший инспектор.

— Много, — вздохнул Дэви, — очень, очень много. И кажется, становится все больше!

— Вы имеете в виду количество преступников?

— Именно.

Один из присутствующих, Комсток, с узким, лисьим лицом и живыми глазами, вмешался в разговор:

— Значит, по-вашему, их преимущество именно в этом?

— И да и нет, — ответил Дед. — *Это может обернуться для них катастрофой.* Но до сих пор, черт бы их побрал, они здорово заметали следы.

Инспектор Эндрюс, худощавый блондин с мечтательным лицом, задумчиво произнес:

— Я уже пришел к выводу, что от количественного фактора зависит куда больше, чем принято думать. Возьмем, к примеру, какое-нибудь коммерческое предприятие с одним владельцем. Если руководство осуществляется умело и масштаб выбран верно, все будет в порядке. Расширьте его, увеличьте число служащих, и может случиться так, что вы *просчитались* и все рухнет. То же самое касается системы магазинов одной фирмы. Так сказать, промышленной империи. Если система достигает *оптимального размера,*

она процветает. *Иначе* — терпит крах. У всякой системы есть оптимальные характеристики. Правильный масштаб и умелое руководство — вот в чем основа основ.

— А как велика, по-вашему, эта группа? — рявкнул сэр Рональд.

— Больше, чем мы думали поначалу, — отозвался Комсток.

— И она все время увеличивается, — добавил инспектор МакНил, крепко сбитый мужчина. — Дед прав. Все время увеличивается.

— Это, возможно, и к лучшему, — сказал Дэви. — Если число участников растет *слишком* быстро, они могут утратить над ними контроль.

— По-моему, сэр Рональд, весь вопрос в том, — сказал МакНил, — кого брать и когда.

— Взять-то мы можем не меньше дюжины, — отозвался Комсток, — тут замешана группа Харриса, и они у нас все на заметке. Еще одна шайка работает на Лутонском шоссе. Есть еще гараж в Эпсоме, есть ресторанчик около Мейденхеда, ну и еще ферма на Грейт-Норт.

— А брать-то их есть смысл?

— Не думаю. Это все мелкая сошка. Вернее, звенья. Всего лишь звенья цепи. Гараж, где молниеносно перекрашивают автомобили, ре-

сторанчик, вполне приличный на вид, для связи, затем магазин подержанной одежды, где преступники переодеваются, и на них же работает театральный костюмер в Ист-Энде. Всем этим типам хорошо платят, но, в сущности, *они ничего не знают!*

Задумчивый Эндрюс вновь взял слово:

— Во главе стоят весьма незаурядные личности. А к ним мы пока еще не подобрались. Нам известны некоторые их связи, и это все. Как уже сказано, тут работает группа Харриса, а на другом конце, финансовом, — Меркс. Что касается их зарубежных контактов, там действует Вебер, но он всего лишь простой агент. *Никаких серьезных обвинений этим людям мы предъявить не можем.* Нам известно, что они каким-то образом поддерживают контакты друг с другом, а также с различными ответвлениями их предприятия, но как? Тут мы бродим в потемках! Мы за ними наблюдаем, и они это знают, *но где их мозговой центр?* Как добраться до организаторов?

— Это гигантская паутина, — добавил Комсток. — Совершенно согласен, что существует штаб. Штаб разрабатывает каждую операцию во всех деталях, а затем передает инструкции исполнителям. Вот на тех кто все это разрабатывает

нам пора бы выйти!

— Быть может, они вовсе и не в Англии, — спокойно произнес Дед.

— Наверняка! Сидят где-нибудь в иглу у эскимосов, или в бедуинском шатре, а то и в швейцарском шале...

— Не верю я в их великие умы, — замотал головой МакНил, — это из области романов. Конечно, у них есть главарь, но, опять-таки, я не верю в его гениальность. Полагаю, что существует что-то вроде совета директоров с председателем во главе. Уровень у них и вправду высокий и с каждым днем растет. Но вместе с тем...

— Ну-ка? — подбодрил его сэр Рональд.

— И все же в каждой сплоченной команде наступает момент, когда приходится от кого-то избавиться. Время от времени, когда они чувствуют, что мы к ним подобрались чересчур близко, они сбрасывают за борт своего пиратского брига какого-нибудь неудачника. Того, без кого, по их мнению, им ничего не стоит обойтись.

— Но это же рискованно!

— Полагаю, делается это таким образом, что сброшенный за борт даже не догадывается, *что его выбросили,* а уверен, что сиганул сам. И будет молчать, понимая, что молчать ему выгодно.

Так оно, конечно, и есть. Средств у них вполне достаточно, так что они могут в подобных ситуациях позволить себе не скупиться... А неудачник знает, что, попади он в тюрьму, о семье его, если таковая есть, позаботятся. Возможно, и побег ему организуют.

— Ну, это уж слишком! — воскликнул Комсток.

— Не кажется ли вам, — сказал сэр Рональд, — что нет смысла продолжать эти разглагольствования? Мы без конца повторяемся!

— А чего же вы от нас хотите, сэр? — рассмеялся МакНил.

— Ну, видите ли, — сэр Рональд на минуту задумался, — в главном-то мы все сходимся, — в стратегическом отношении, — как нам следует действовать и чего мы хотим достичь. По-моему, *тактически разумнее* заняться мелочами, сами по себе они вроде бы ничего не значат, но подчас наводят на нужные размышления... Не знаю, как бы попонятнее объяснить, что я имею в виду, но вспомните-ка дело Калвера. Чернильное пятно! Помните? Чернильное пятно вокруг мышиной норы. Ну зачем человеку понадобилось выливать чернила в мышиную нору? Казалось, сущий пустяк. Дать ответ на этот вопрос было нелегко. Но когда ответ был найден, он привел нас куда

следовало. Вот, грубо говоря, что я имею в виду... Именно мелочи. Иногда странные и до того непонятные, что над ними часами можно ломать голову. Я вижу, Дед кивает...

— Совершенно с вами согласен, — подтвердил старший инспектор Дэви. — Давайте, ребята, припомним что-нибудь в том же роде. Пусть это будет какой-нибудь тип в странной шляпе...

Ответа не последовало. Присутствующие недоуменно переглядывались.

— Давайте, давайте! — продолжал Дед. — Ладно, начну сам. Вроде бы просто забавный случай, но, может, в этом что-то и есть. Нападение на банк «Лондон энд Метрополитен». Филиал на Кармолли-стрит. Помните? Мы составили список мелькавших там автомобилей, их марок, окраски и номерных знаков. Обратились к свидетелям, к прохожим, и те откликнулись, да еще как! В результате мы отобрали из этой массы семь автомашин, которые были замечены рядом с банком, и *каждая из них* могла иметь отношение к ограблению.

— Так, — сказал сэр Рональд, — продолжайте.

— Из них две или три машины отследить не удалось. Похоже, на них сменили номера. Обычное дело. Случается сплошь и рядом. В конце концов

мы их все-таки нашли. Но я хочу напомнить об одной детали. Автомобиль марки «Моррис-Оксфорд», цвет черный, номер CMG-256, о чем сообщил дежурный полицейский. И добавил, что за рулем сидел судья Высокого суда Ладгроув.

Он огляделся. Его слушали, но без видимого интереса.

— Разумеется, — продолжал он, — все оказалось не так. Судья Ладгроув — тип достаточно заметный хотя бы потому, что он безобразен как смертный грех. Так вот, именно в это время Ладгроув находился в суде. *Его машина тоже «Моррис-Оксфорд»,* но номер ее не CMG-256... — Он вновь оглядел собравшихся. — «Ладно, ладно, ну и что?» — скажете вы. Но известно ли вам, *какой номер машины у судьи?* CMG-265. Похоже, а? Именно такую ошибку совершают те, кто старается запомнить номер автомобиля.

— Простите, — сказал сэр Рональд, — я что-то не понимаю...

— Вот именно, — отозвался Дэви, — *тут пока и понимать нечего.* Просто вот что: похожие номерные знаки, буквы те же, а цифры — 256 и 265. Интересное совпадение, не правда ли? Автомобиль «Моррис-Оксфорд», тоже черный, разница в порядке цифр, а за рулем человек, чрезвычайно

похожий на владельца автомобиля...

— Вы хотите сказать?..

— Всего-навсего одна цифра — ошибиться нетрудно!..

— Простите, Дэви, и все же я не понимаю.

— Так вот, автомобиль «Моррис-Оксфорд» с номером CMG-265 проехал по улице через две с половиной минуты после ограбления банка. За рулем свидетель узнал судью Ладгроува.

— Вы имеете в виду, что это и был судья? Да бросьте, Дэви!

— Нет, я вовсе не хочу сказать, что это был судья Ладгроув и что он участвовал в ограблении банка. Судья жил в отеле «Бертрам» на Понд-стрит и во время ограбления находился в суде. Все это проверено и доказано. Я имею в виду другое: номерной знак автомобиля, а также показание свидетеля, знавшего в лицо старого Ладгроува и утверждавшего, что именно он был за рулем, — это совпадение не случайно. *Оно должно что-то означать.* Очень жаль, если это не так.

Комсток беспокойно заерзал в кресле.

— Нечто похожее произошло в Брайтоне: дело о драгоценностях. Какой-то старый адмирал... Забыл его фамилию. Одна женщина утверждала, что видела его на месте происшествия.

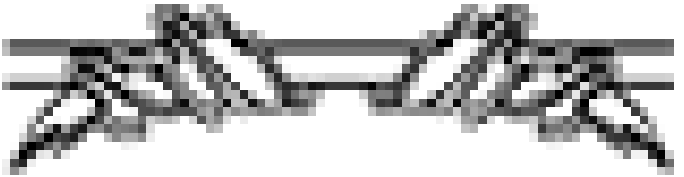
— А его там не было?

— В том-то и дело, что не было. В ту ночь он находился в Лондоне. Присутствовал на каком-то собрании. По-моему, речь шла о торжественном ужине моряков.

— Он ночевал в своем клубе?

— Нет, он остановился в отеле. Кажется, тот самый, который вы только что упомянули, Дед. Отель «Бертрам», если не ошибаюсь. Тихий, приличный отель. Там вечно топчутся стариканы, чаще всего военные в отставке.

— Отель «Бертрам»... — задумчиво повторил старший инспектор Дэви.



ГЛАВА 5

I

Мисс Марпл проснулась рано, ибо она всегда просыпалась рано. Постель пришлась ей по вкусу, спать было удобно.

Она подошла к окну и подняла занавеску, впустив в комнату белесый свет лондонского утра. Включать электричество она не собиралась. Отменный ей дали номер и совершенно в стиле отеля «Бертрам». Обои с ро́занами, большой, хо-

рошо отполированный комод красного дерева, и под стать ему — туалетный столик. Два стула и кресло, сиденье которого оказалось не слишком низким. Одна из дверей вела в ванную комнату вполне современного типа, но оклеена она была обоями под кафель в розочку, что лишало это помещение его обычного мертвенно-стерильного вида.

Мисс Марпл решила еще немножко полежать в постели. Она взбила подушки, прислонила их к спинке кровати и взглянула на часы: половина седьмого. Она взяла Библию, с которой не расставалась даже в поездах, и полулежа прочитала полторы страницы — свою обычную норму. Затем мисс Марпл взялась за вязанье. Поначалу работа не спорилась, так как скованные ревматизмом пальцы плохо слушались по утрам, но затем дело пошло на лад и ощущение скованности пропало.

«Вот и новый день пришел, — сказала себе мисс Марпл, радостно встречавшая каждое утро. — Новый день. А кто знает, что этот день принесет?»

Она отложила вязанье, устроилась поудобнее и стала лениво перебирать обрывки мыслей, проносящихся в голове. Селина Хейзи... Какой прелестный домик был у нее в Сент-Мэри-Мид, а теперь новый владелец испортил дом, покрыв

его безобразной зеленой крышей. Горячие плюшки... Пожалуй, слишком много в них масла, но зато как вкусно... Подумать только, здесь подают тминный кекс!.. Но могла ли она надеяться, что отель «Бертрам» остался точно таким, каким был когда-то... Ведь как хотите, а время на месте не стоит. Остановить его можно, лишь истратив уйму денег... Ни единого кусочка синтетики или пластмассы! Надо полагать, им удается покрывать свои расходы. Ностальгия по прошлому привлекает сюда многих и многих. Забавно, до чего нынче всем по душе старомодные розы и настоящий, без примесей и подделок, чай... Есть в отеле нечто театральное... Что, впрочем, естественно... Ведь минуло пятьдесят... нет, почти шестьдесят, с тех пор как она, мисс Марпл, не была здесь. А потому отель кажется ей театральным — она уже привыкла жить в ином времени... Нет-нет, тут явно возникают весьма забавные вещи... Атмосфера, *люди...*

Руки мисс Марпл сами отодвинули вязанье.

— Двойная вязка, — прошептала она вслух. — Да, двойная... И ведь не найти...

Не отсюда ли то странное чувство беспокойства вчера вечером? Ощущение, что тут что-то не так...

Все эти пожилые люди — они похожи на тех, каких она здесь видела полвека назад. Но тогда они выглядели естественно, а сейчас — нет. Современные пожилые люди не похожи на прежних, у них, у современных, вид какой-то загнанный, озабоченный домашними неладами, с которыми уже нет сил справиться, и они заседают в различных комитетах, чтобы показать себя и умелыми, и энергичными. А старые дамы подсинивают седины либо носят парики, и пальцы их рук совсем не похожи на нежные, тонкие пальчики, какие остались в памяти мисс Марпл. Руки современных женщин в возрасте успели загрубеть от вечной возни с новомодными моющими средствами.

Итак... да-да, в этих людях что-то ненатуральное. Но ведь они же всамделишные! Селина Хейзи, к примеру, настоящая. И тот довольно красивый старик военный, сидевший в углу, — тоже настоящий. Мисс Марпл была с ним когда-то знакома, но не помнила его имени...

Мисс Марпл взглянула на часы. Половина восьмого. Время ее завтрака. Она прочитала инструкции — прекрасный крупный шрифт. Можно обойтись без очков. Завтрак либо заказывают по телефону, либо нажимают кнопку звонка с надписью: «Горничная». Что и сделала мисс Марпл.

Результат был поразительный. Почти сразу же в дверь тихонько постучали, и явилась горничная, очень миленькая. Настоящая горничная, казавшаяся ненастоящей, одетая в полосатое ситцевое платьице... а на голове у нее свежевыстиранный чепец, *именно чепец!* Розовое, улыбающееся, *деревенское* личико. (Откуда только они берут таких?)

Мисс Марпл заказала завтрак. Чай, яйцо-пашот, свежие рогалики. Видно, горничная на редкость вышколена, даже не заикнулась об апельсиновом соке и овсяных хлопьях.

Через пять минут появился завтрак. Солидных размеров поднос с большим пузатым заварным чайником, молоко, жирное, как сливки, и серебряный кувшин с кипятком. Два идеально сваренных яйца на поджаренном кусочке хлеба и изрядных размеров кругляшок масла с оттиском в виде чертополоха. Мармелад, мед, клубничное варенье. Чудные рогалики, *пахнущие* настоящим хлебом, — нет лучшего запаха во всем мире! И кроме того, яблоко, груша и банан.

Завтрак прекрасный. Она и сама могла бы его приготовить, но тут с ним можно не возиться. Ей принесли его в комнату, не как королеве, а просто как пожилой даме, живущей в хорошем, пусть

не слишком дорогом отеле. Ну совсем как в 1909 году! Мисс Марпл поделилась своими восторгами с горничной, и та улыбнулась в ответ:

— Да, мэм, шеф-повар очень старается, чтобы завтрак пришелся по вкусу нашим клиентам.

Глаза мисс Марпл с доброжелательным интересом остановились на горничной. Отель «Бертрам» и впрямь способен творить чудеса! *Настоящая горничная*!

— Давно вы тут работаете?

— Около трех лет, мэм.

— А до этого?

— В одном отеле в Истборне. Ужасно современный, но мне больше нравятся старые, такие, как этот.

Мисс Марпл отхлебнула чай. И тут вдруг заметила, что напевает слова давно забытой песенки:

«О, где была ты всю жизнь мою...»

Горничная взглянула на мисс Марпл с легким изумлением.

— Я просто вспомнила одну старую песенку, — пробормотала та, как бы желая оправдаться. — От нее все были без ума в свое время.

И вновь она тихонько пропела:

— Может, вы слыхали? — спросила мисс Марпл.

— Я ведь... — Вид у горничной был явно смущенный.

— Ах да, вы слишком молоды! Когда попадаешь в ваш отель, невольно переносишься в прошлое!

— Да, мэм, многие дамы, которые здесь останавливаются, испытывают, по-моему, то же самое.

— Может, они потому здесь и останавливаются, — сказала мисс Марпл.

Горничная вышла. Очевидно, она уже свыклась со старыми дамами, погруженными в свои воспоминания.

Мисс Марпл закончила завтрак и встала, радостно улыбнувшись при мысли о том, что торопиться некуда. План на сегодня составлен заранее: утро будет посвящено покупкам. Но не слишком переутомляться. Сегодня, возможно, Оксфорд-стрит. А завтра Найтсбридж, с удовольствием думала она.

Было около десяти утра, когда она вышла из своего номера в полном обмундировании — шляпка, перчатки, зонтик (на всякий случай, хотя погода стояла прекрасная) и сумочка, самая парадная

сумочка мисс Марпл...

Соседняя дверь распахнулась, и кто-то выглянул в коридор. Бесс Седжвик. И тут же отступила назад, захлопнув дверь.

«В чем дело?» — подумала мисс Марпл, спускаясь по лестнице. Она предпочитала ходить вниз пешком, а не пользоваться лифтом. Это бодрит. Шаги ее становились все медленнее и медленнее... Она остановилась.

II

Когда полковник Ласкомб вышел из своего номера и зашагал по коридору, дверь на верхней площадке резко распахнулась и голос леди Седжвик произнес:

— Ну, наконец-то! Я уже давно вас поджидаю. Куда бы нам пойти потолковать? Я имею в виду, чтобы не натыкаться каждую минуту на какую-нибудь старушенцию!

— Право, Бесс, не знаю... Кажется, тут есть нечто вроде читальни...

— Поднимись-ка лучше ко мне. Да побыстрей, не стоит давать горничной пищу для пересудов...

Полковник Ласкомб не слишком охотно переступил порог, и дверь тут же захлопнулась.

— Вот уж никак не думал, что вы остановитесь

здесь Бесс, даже представления не имел!

— Не сомневаюсь.

— Я имею в виду... Я бы никогда не привез сюда Эльвиру. А ведь знаете, *Эльвира здесь!*

— Да, я ее видела вместе с вами вчера вечером.

— Но мне в голову не могло прийти, что вы тут! Уж чересчур неподходящее для вас место!

— Почему это? — холодно отозвалась Бесс Седжвик. — Самый комфортабельный отель в Лондоне. И почему бы мне здесь не остановиться?

— Но поймите же, я представления не имел... Я...

Она взглянула на него и засмеялась. На ней был прекрасно сшитый темный костюм и ярко-изумрудная блузка. Какая же она веселая, жизнерадостная! Рядом с ней полковник Ласкомб казался потрепанным стариком.

— Дерек, милый, не огорчайтесь! Я ведь не обвиняю вас в том, что вы пытались подстроить сентиментальную встречу матери с дочерью. Такие встречи иногда случаются: люди натыкаются друг на друга в самых неожиданных местах. Но вы *должны* увезти отсюда Эльвиру, Дерек. И сделать это немедленно, сегодня же.

— Хорошо, хорошо, она уедет! Я привез ее сюда всего на три дня. Просто хотел повести в театр...

Завтра она отправится к Мелфордам.

— Бедная девочка, как же ей будет там скучно!

Ласкомб озабоченно взглянул на Бесс:

— Думаете, ей будет скучно?

Бесс сжалилась над полковником:

— Ну, возможно, после скучнейшего пребывания в пансионе в Италии ей, чего доброго, покажется там чертовски весело.

Ласкомб собрался с духом:

— Послушайте, Бесс, я был ужасно удивлен, увидев вас здесь, только не думайте, что я... Короче, я хочу сказать: а вдруг так распорядилась судьба? Представился случай, вы же, вероятно, догадываетесь, как девочка должна себя чувствовать...

— Что вы имеете в виду, Дерек?

– *Ведь вы ее мать!*

— Да, конечно, я ее мать. А она моя дочь. Никакой радости от этого ни ей, ни мне не было, да вряд ли и будет...

— Ну этого вы не знаете! Я считаю... Считаю, она чувствует...

— С чего это вы взяли? — нахмурилась Бесс Седжвик.

— С ее собственных слов. Вчера она мне сама сказала об этом. Спросила, где вы, что делаете...

Бесс Седжвик подошла к окну. Некоторое время

она молча барабанила по стеклу.

— Вы очень добры, Дерек, — проговорила она наконец. — И мысли у вас добрые. Но все это ни к чему, мой бедный ангел! Внушите это себе! Все ваши речи ни к чему и даже могут быть опасны.

— Да бросьте, Бесс! Опасны?

— Да, да, да. Именно опасны. *Я опасна.* Я всегда была опасна.

— Когда я вспоминаю некоторые ваши поступки... — начал полковник.

— Это уж дело мое, — сказала Бесс Седжвик, — игра с опасностью давно вошла у меня в привычку. Нет, не то. Скорее это пагубная склонность. Вроде наркотика. Только в виду опасности жизнь в моих глазах приобретает краски, иначе я теряю к ней всякий интерес. Вот оно как. Быть может, в этом моя погибель, а может, и нет, это уж как получится. Я никогда не грешила наркотиками, вообще не нуждалась в них. Опасность — вот мой наркотик. Но люди, ведущие такую жизнь, могут причинить вред другим. Не будьте упрямым старым ослом, Дерек. Держите девочку подальше от меня. Она не должна знать, что я в этом отеле. Позвоните Мелфордам и отвезите ее к ним *сегодня же.* Придумайте что-нибудь, чтобы объяснить такую спешку...

Полковник Ласкомб в нерешительности теребил усы.

— Это ошибка с вашей стороны, Бесс! — Он вздохнул. — Она спрашивала, где вы. Я сказал: за границей.

— А я там и буду через полдня. Так что все складывается как нельзя удачнее.

Она подошла к полковнику, поцеловала его в подбородок, затем, ловко повернув его за плечи, открыла дверь и слегка подтолкнула. Выходя, полковник Ласкомб заметил, что с той стороны, куда вела лестница, появилась старая дама. Дама шарила в своей сумочке, бормоча под нос: «Боже мой. Боже мой! Нет, конечно же, я забыла это в номере. Ах, боже мой!»

Она прошла мимо полковника, словно и не обратив на него внимания, но, как только он начал спускаться по лестнице, мисс Марпл остановилась у двери своего номера и бросила на уходящего Ласкомба зоркий взгляд. Затем посмотрела на дверь Бесс Седжвик. «Вот, значит, кого она поджидала, — прошептала про себя мисс Марпл, — интересно зачем?»

III

После сытного завтрака каноник Пеннифазер, проходя через холл, не забыл оставить свой ключ у администратора, затем благополучно миновал вращающиеся двери и тут же был усажен в такси швейцаром-ирландцем, в чью обязанность это и входило.

— Куда поедем, сэр?

— О господи! — пролепетал каноник Пеннифазер, и в голосе его прозвучал неподдельный испуг. — И верно: *куда это я собирался ехать?*

За то время, пока каноник Пеннифазер и швейцар пытались решить этот щекотливый вопрос, на Понд-стрит успела возникнуть пробка. Но в конце концов каноника осенило, и таксисту было велено ехать в Британский музей.

Швейцар, оставшись один, ухмыльнулся и, так как никто из дверей пока не выходил, стал прогуливаться вдоль фасада отеля, потихоньку насвистывая мотив старой песенки.

Из внезапно распахнувшегося окна нижнего этажа его окликнул чей-то голос:

— Так вот где, оказывается, ты приземлился, Микки! С чего это тебе вздумалось устроиться здесь?

Он, вздрогнув, обернулся — и обмер.

Леди Седжвик высунулась в открытое окно.

— Ты что ж, не узнаешь меня?

Лицо швейцара внезапно просияло:

— Да неужто это маленькая Бесси? Подумать только! После стольких лет! Маленькая Бесси!

— Никто, кроме тебя, не звал меня Бесси. Отвратительное имя! Что ты делал все эти годы?

— Так, то да се, — уклончиво отозвался Микки. — Газеты обо мне не писали. Это о тебе они пишут. Приходилось время от времени читать о твоих приключениях.

Бесс Седжвик засмеялась:

— Во всяком случае, я сохранилась лучше, чем ты. Пьешь много. Ты всегда много пил.

— Сохранилась ты хорошо, потому что у тебя деньги.

— Тебе и деньги не помогли бы. Стал бы пить еще больше и давно отправился бы к чертовой бабушке. Да, да, поверь мне! *Как тебя угораздило попасть сюда* — вот что я хочу знать! Как тебя вообще взяли на это место?

— Мне нужна была работа. А у меня есть это... — Он показал на медали, украшавшие его грудь.

— Понимаю, — задумчиво протянула она, — и все настоящие?

— Ясно, настоящие! Почему бы им не быть настоящими?

— Ладно, я тебе верю. Ты всегда был храбрым. Всегда умел драться. По-моему, армия — самое подходящее для тебя место.

— Подходящее во время войны, ну а куда прикажешь деваться в мирное время?

— Стало быть, ты поступил сюда. Понятия не имела...

— О чем ты не имела понятия, Бесси?

— Не важно. Странно снова увидеть тебя через столько лет!

– *Я-то не забыл,* — сказал мужчина. — Я никогда не забывал тебя, маленькая Бесси. Какой же прелестной девочкой ты была! Какой стройненькой девочкой!

— Глупой девчонкой, дурой — вот кем я была! — отрезала леди Седжвик.

— Это верно. Ума у тебя было маловато. Будь ты поумнее — разве бы связалась со мной? А как ты умела обращаться с лошадьми! Помнишь эту кобылку... как ее звали? Ах да! Молли О'Флинн. Ну и злобная была чертовка!

— Только ты и мог на ней усидеть! — улыбнулась леди Седжвик.

— Она и меня бы сбросила, если б смогла. Но

как поняла, что со мной не выйдет, — сдалась. Не лошадь, а красота, загляденье! Если уж мы заговорили о верховой езде, ни у одной женщины в тех местах не было такой посадки, как у тебя. И бесстрашная к тому же! Это, впрочем, при тебе осталось. Самолеты, гоночные автомобили...

Микки приблизился к окну.

— А я ведь не забыл Баллиговлан, — сказал он со значением. — Иногда даже думал тебе написать...

— Что ты имеешь в виду, Мик Горман? — Голос Бесс Седжвик прозвучал жестко.

— Просто говорю, что ничего не забыл. Просто тебе напоминаю.

Бесс Седжвик заговорила все так же жестко:

— Если я правильно поняла то, что ты имеешь в виду, то выслушай мой совет. Посмей только мне в чем-нибудь помешать, и я застрелю тебя, как крысу. Мне ведь приходилось убивать.

— Небось за границей?

— За границей или здесь — для меня разницы нет.

— Ах, господи боже мой, верю, что ты на все способна! — восхищенно воскликнул Микки. — В Баллиговлане...

— В Баллиговлане, — перебила она, — тебе за-

платили, чтобы ты молчал, и хорошо заплатили. И ты взял деньги. От меня ты ничего больше не получишь, не надейся.

— Недурная могла бы получиться интрижка для воскресных газет...

— Ты меня слышал?

— Да ну, — засмеялся он, — я же шучу. В жизни не причиню вреда моей маленькой Бесси. Буду молчать.

— И молчи!

Она захлопнула окно. Затем взглянула на письменный стол, где на бюваре[10] лежало ее неоконченное письмо. Она схватила его, скомкала и бросила в корзину для бумаг. Потом порывисто встала с кресла и вышла из комнаты. Выходя, она даже не оглянулась.

Маленькие читальни в отеле «Бертрам» казались пустыми, даже когда пустыми они не были. По два письменных стола стояли у окон, справа стол, на котором лежали журналы, слева кресла с высокими спинками, повернутые к камину. Тут в послеполуденные часы любили посидеть старые джентльмены-отставники и, укрывшись от посторонних глаз, уютно подремать вплоть

---

[10] notes: 10

Б ю в а р — папка или портфель для хранения письменных принадлежностей.

до чая. Тот, кто приходил сюда писать письма, обычно дремлющих не замечал. В утренние часы кресла спросом не пользовались.

Но случилось так, что именно этим утром оба кресла были заняты. В одном сидела старая дама, в другом — юная девушка. Вдруг девушка вскочила на ноги. Секунду она стояла на месте, неуверенно глядя на дверь, через которую только что вышла леди Седжвик, затем двинулась к выходу. Лицо Эльвиры Блейк было смертельно бледно.

Прошло еще минут пять, и с другого кресла поднялась старая дама. Мисс Марпл решила, что отдых, который она себе обычно позволяла после утреннего туалета и прогулки вниз по лестнице, затянулся. Сегодня можно, скажем, дойти до Пикадилли и оттуда поехать на девятом автобусе до Хай-стрит в Кенсингтоне, а можно пройтись до Бонд-стрит и там сесть на двадцать пятый автобус и доехать до Маршалла, или на том же двадцать пятом, только в другую сторону, так вроде бы можно добраться до Офицерского универмага. Проходя сквозь пресловутые двери, она мысленно перебирала все варианты. Но у ирландца-швейцара был и свой.

— Вам нужно такси, мэм, — твердо заявил он.

— Не думаю, — сказала мисс Марпл. — По-моему, тут ходит двадцать пятый автобус... а от Парк-лейн — второй.

— Зачем вам автобус? — стоял на своем швейцар. — Входить в автобусы и выходить оттуда — в наше время просто опасно! Резко трогаются с места, неожиданно останавливаются — до пассажиров им и дела нет! Сейчас свистну такси, и вы поедете, куда вам надо, как королева.

Мисс Марпл подумала и сдалась:

— Ну что ж, будь по-вашему. В самом деле, *лучше взять такси.*

Швейцару и свистеть не пришлось. Он просто щелкнул пальцами, и как по волшебству возникло такси. Мисс Марпл была услужливо посажена в автомобиль, и тут она внезапно решила, что поедет в магазин «Робинсон и Кливер», где большой выбор настоящих полотняных изделий. Она и впрямь чувствовала себя королевой, как посулил ей швейцар, заранее предвкушая полотняные простыни, наволочки и настоящие кухонные полотенца — без всяких там бананов, винных ягод, прыгающих сквозь обручи собак и прочих художеств, которые только раздражают, когда вытираешь посуду...

IV

Леди Седжвик подошла к администратору:

— Мистер Хамфрис у себя в кабинете?

— Да, леди Седжвик. — Мисс Горриндж подняла на нее удивленный взгляд.

Леди Седжвик миновала стойку, стукнула в дверь и вошла, не дожидаясь приглашения.

Мистер Хамфрис тоже изумился.

— Чем могу...

— Кто нанял этого человека — Майкла Гормана?

Мистер Хамфрис забормотал в ответ:

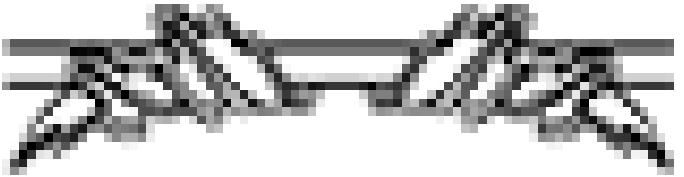
— Парфитт ушел... попал в автомобильную аварию месяц назад. Пришлось срочно его заменить... Этот нам показался подходящим. Рекомендации хорошие... служил в армии... Словом, в прошлом все в порядке... Ну, не слишком умен, но это... это даже полезно иногда... Вы что-нибудь знаете дурное о нем?

— Знаю достаточно, чтобы не желать его здесь видеть.

— Если вы настаиваете, — медленно протянул Хамфрис, — мы сегодня же предупредим его...

— Нет, — так же медленно процедила леди Седжвик, — нет, уже слишком поздно... Не важ-

но.



ГЛАВА 6

I

— Эльвира!

— Привет, Бриджит!

Достопочтенная Эльвира Блейк вошла в дом №180 по Онслоу-сквер, дверь ей заранее распахнула Бриджит, следившая из окна за приближением подруги.

— Идем наверх, — предложила Эльвира.

— Ну конечно! А то нас мамочка застукает.

Девушки помчались вверх по лестнице, избежав таким образом встречи с матерью Бриджит, не успевшей вовремя выйти из своей спальни.

— Честное слово, тебе повезло, что у тебя нет мамы, — переведя дух вымолвила Бриджит, введя подругу в свою комнату и плотно закрыв дверь. — Правда, моя мама вообще-то лапочка и все такое прочее, но, господи, *эти вечные вопросы,* которые она задает мне с утра до вечера! Куда я пошла, с кем познакомилась. И не родственники ли, мои новые знакомые, наших однофамильцев, каких-то типов из Йоркшира? *Все такая ерунда,* понимаешь...

— А им больше и думать не о чем, — несколько туманно ответила Эльвира. — Слушай, Бриджит, у меня есть дело, ужасно важное. Ты должна мне помочь.

— Конечно, если смогу. Это мужчина?

— Нет. (Бриджит разочарованно вздохнула.) Мне необходимо съездить на сутки в Ирландию, но, возможно, я задержусь и дольше. Тебе нужно меня прикрыть.

— В Ирландию? А зачем?

— Сейчас сказать не могу. Нет времени. Я должна завтракать с моим опекуном полковником Ласкомбом у Прюнье в половине второго.

— А куда ты дела эту Карпентер?

— Удрала от нее в магазине.

Бриджит хихикнула.

— А после завтрака они повезут меня к Мелфордам. Придется жить у них, пока мне не исполнится двадцать один год.

— Какой ужас!

— Как-нибудь выкручусь. Кузину Милдред ничего не стоит обвести вокруг пальца. Мне предстоит пополнять образование в учреждении, которое называется «Современный мир». Там водят по лекциям, по музеям, по картинным галереям, в палату лордов и тому подобное. Вся прелесть в том, что никто не может проверить, там ты или нет. Мы с тобой зря времени терять не будем.

— Очень надеюсь, — снова хихикнула Бриджит. — В Италии нам это недурно удавалось, правда? Старая Макаронница воображала, что мы ужасно примерные! Ей и в голову не приходило, что ее дурачат!

Обе девушки засмеялись, вспоминая свои проделки.

— Но нужно было все обдумывать заранее, — сказала Эльвира.

— И мастерски врать, — добавила Бриджит. —

Гвидо писал тебе?

— Да-да, я получила от него длинное письмо, подписанное «Джиневра», как будто от подруги. Но хватит болтать, Бриджит! Нам надо столько успеть, а времени всего полтора часа. *Слушай внимательно.* Завтра я иду на прием к зубному. Отменить его — пустяки. Я позвоню ему — или ты отсюда. Затем в середине дня ты звонишь Мелфордам, и голосом твоей мамы скажешь, что зубной врач велел мне прийти еще и на следующий день и я до завтра остаюсь у вас.

— Ну это должно пройти. Они скажут, как это мило с нашей стороны. *А вдруг ты не вернешься на следующий день?*

— Тогда тебе придется звонить еще раз...

Бриджит призадумалась.

— У нас еще полно времени, что-нибудь придумаем! — нетерпеливо воскликнула Эльвира. — Главное, что меня беспокоит сейчас, *это деньги!* У тебя, конечно, нет денег?

— Всего два фунта.

— Мало! Мне ведь нужен билет на самолет. Я уже смотрела расписание. Лету всего два часа. Все зависит от того, сколько времени потребуется мне там.

— Можешь мне сказать, что ты затеяла?

— Нет, не могу. Но это ужасно, ужасно важно!

При этих словах голос Эльвиры дрогнул, так что Бриджит взглянула на нее удивленно:

— Значит, это серьезно, Эльвира?

— Да. Очень.

— И никто не должен об этом знать?

— Именно. Это совершенно, совершенно секретно! Мне надо выяснить насчет одной вещи: правда это или нет. Как глупо получилось с деньгами! И весь идиотизм в том, что я богата! Это мой опекун сказал. А дают мне жалкую сумму на тряпки. И так будет еще долго продолжаться!

— А твой опекун, полковник — как его там? — он не может тебе дать взаймы?

— Это уж совсем никуда не годится! Он задаст уйму вопросов, чтобы выяснить, зачем мне деньги.

— Да-да, ты права. Почему это все вечно пристают к человеку с вопросами? Вообрази: стоит кому-то позвонить мне, так мамочке обязательно надо знать, *кто звонил!* А ведь это ее совершенно *не касается!*

Эльвира кивнула, но думала она явно о другом.

— Тебе когда-нибудь приходилось иметь дело с ломбардами, Бриджит?

— Никогда. Понятия не имею, как это делается.

— Думаю, это совсем не трудно, — сказала Эльвира.

— Но у меня нет драгоценностей, которые можно было бы заложить, — вздохнула Бриджит.

— А у твоей мамы?

— По-моему, лучше к ней не обращаться!

— Это верно, но... стащить ничего нельзя?

— Что ты, разве можно? — возмутилась Бриджит.

— Да? Наверно, ты права. Хотя я уверена, что твоя мама ничего бы не заметила. Мы бы успели вернуть, пока она хватится. Ну что ж, пойдем к мистеру Болларду.

— Кто это мистер Боллард?

— Ну, вроде нашего семейного ювелира. Я всегда ношу к нему в починку часы. Он меня знает с шести лет. Давай, Бриджит, идем к нему немедленно. Времени в обрез.

— Выйдем черным ходом, — предложила Бриджит, — иначе мамочка начнет спрашивать, куда и зачем мы пошли.

Очутившись на Бонд-стрит, возле дома, где помещался известный ювелирный магазин «Боллард и Уитли», девушки еще раз согласовали план действий.

— Ты на самом деле все поняла, Бриджит?

— Думаю, что да, — вяло отозвалась Бриджит.

— Прежде всего, — сказала Эльвира, — давай синхронизируем наши часы!

Бриджит слегка оживилась. Слово «синхронизируем» произвело на нее благоприятное впечатление. Они сверили часы, и Бриджит перевела свои на одну минуту вперед.

— Время «икс» двадцать пять минут второго, — сказала Эльвира. — Времени у меня, как я уже говорила, хватит. Думаю, даже больше, чем надо, но это лучше, чем меньше!

— А если вдруг?.. — начала было Бриджит.

— Что вдруг?

— А если вдруг меня *на самом деле задавят?*

— Да никто тебя не задавит! — уверила Эльвира. — Ты прекрасно бегаешь, а лондонские шоферы привыкли то и дело тормозить. Все будет в порядке.

Взглянув на Бриджит, Эльвира поняла, что ее слова вряд ли убедили подружку.

— Ты ведь не подведешь меня, Бриджит?

— Ладно, — пообещала Бриджит, — не подведу.

Бриджит перешла на другую сторону Бонд-стрит, а Эльвира толкнула входную дверь магазина «Боллард и Уитли», ювелиров и часовщиков, издавна пользовавшихся прекрасной

репутацией. В магазине было красиво и тихо. Благообразного вида господин в сюртуке осведомился у Эльвиры, чем он может ей услужить.

— Я бы хотела видеть мистера Болларда.

— Мистера Болларда? А как о вас доложить?

— Скажите, что его хочет видеть мисс Эльвира Блейк.

Благообразный господин исчез, а Эльвира подошла к прилавку, где под стеклом на бархате футляров во всем своем великолепии блистали и сверкали броши, кольца, браслеты. Через несколько секунд появился сам мистер Боллард. Это был пожилой, лет шестидесяти, человек, старший партнер фирмы.

— А, мисс Блейк, оказывается, вы в Лондоне! Очень приятно вас видеть. Чем могу вам быть полезен?

Эльвира протянула ему крошечные часики:

— Они стали плохо идти. Можно их исправить?

— Разумеется. *Дело несложное.* — Мистер Боллард взял у нее часы. — По какому адресу мне их отослать?

Эльвира назвала адрес.

— Да, вот еще что... Мой опекун, полковник Ласкомб, вы его знаете...

— Да-да, конечно.

— Он спросил, какой подарок мне бы хотелось получить к Рождеству. И предложил зайти и выбрать то, что мне по душе. Он осведомился, хочу ли я, чтобы он меня сопровождал, но я сказала, что лучше сначала пойду одна, потому что, вы понимаете, как-то неловко получается... Я имею в виду цены, ну и тому подобное...

— Что ж, вас можно понять, — усмехнулся мистер Боллард. — Что бы вы хотели, мисс Блейк? Брошь, браслет, кольцо?

— Пожалуй, брошь, — сказала Эльвира, — только хочется поглядеть на разные...

Эти слова она сопроводила просящим взглядом. Мистер Боллард ответил на просьбу покупательницы доброй, сияющей улыбкой.

— Ну конечно, конечно! Если приходится торопиться, то и выбирать нет никакого интереса.

Следующие несколько минут прошли чрезвычайно приятно. Он доставал драгоценности то из одного ящика, то из другого, и вскоре множество браслетов и брошек было разложено перед Эльвирой на куске бархата. Казалось, это не составило для мистера Болларда никакого труда. Время от времени Эльвира поворачивалась к зеркалу, прикладывая к себе кулон или брошь. Наконец

выбор ее пал на хорошенький браслетик, часы с бриллиантами и две брошки.

— Сейчас мы все это запишем, — сказал мистер Боллард, — и, когда полковник Ласкомб будет в Лондоне в следующий раз, он, очевидно, сам зайдет к нам и возьмет что-нибудь из облюбованных вами вещиц.

— По-моему, это будет чудесно! — воскликнула Эльвира. — Он непременно решит, что выбрал подарок сам, правда?

Ясные голубые глаза взглянули в лицо ювелира. А секундой раньше эти же ясные глаза отметили, что стрелка часов показывала ровно двадцать пять минут второго.

Внезапно снаружи послышался визг тормозов и громкий женский крик. Естественно, взгляды всех присутствовавших в магазине обратились в сторону окон, выходивших на Бонд-стрит.

Рука Эльвиры скользнула с прилавка в карман ее элегантного костюма столь быстрым и ловким движением, что, если бы даже кто-нибудь случайно посмотрел в ее сторону, он все равно ничего бы не заметил.

— Ай-ай-ай, — вздохнул мистер Боллард, отводя глаза от окна, — еще немного, и она попала бы под машину. Глупая девчонка! Разве можно так

сломя голову перебегать улицу!

Эльвира уже шла к двери. Она взглянула на часы и воскликнула:

— Боже мой, как я задержалась! Я опаздываю на поезд! Я вам ужасно благодарна, мистер Боллард! Надеюсь, вы не забудете про отложенные мною вещички?

Через минуту она была уже на улице. Быстро повернув налево и еще раз налево, она очутилась под аркой магазина обуви, и почти сразу к ней подбежала задыхающаяся Бриджит.

— Ох, — воскликнула она, — просто какой-то ужас! Я думала, что меня задавят. И еще я чулок порвала!

— Не важно, — сказала Эльвира и, взяв Бриджит за руку, потащила ее вдоль тротуара. — Идем же, идем!

— Скажи... это... все получилось?

Эльвира сунула руку в карман и продемонстрировала браслет, осыпанный бриллиантами и сапфирами.

— Ох, Эльвира, как у тебя духу хватило?

— А сейчас, Бриджит, иди в тот ломбард, который мы с тобой наметили и узнай, сколько они могут дать за эту штучку. Проси сто...

— А ты не думаешь?.. А вдруг?.. Я хочу сказать,

а вдруг это уже попало в список украденных вещей?

— Не болтай чепухи. Как это могло так быстро попасть в список? В магазине еще ничего и не заметили!

— Но, Эльвира, *когда они заметят,* они сразу подумают, даже наверняка решат, что его взяла ты!

— Да, если сразу же заметят пропажу, *они могут подумать на меня.*

— Они обратятся в полицию и...

Она не кончила фразу, потому что Эльвира энергично покачала головой, ее белокурые волосы почти закрыли лицо, а губы сложились в загадочную полуулыбку:

— В полицию они не обратятся, Бриджит. Ни за что не обратятся, *если подумают на меня.*

— Почему? Ты думаешь, что...

— Я тебе уже говорила, что у меня будет куча денег, когда мне исполнится двадцать один год. Тогда я смогу покупать у них драгоценности. *Скандала они подымать не будут.* Ну а теперь беги за деньгами. А потом закажи на мое имя билет на самолет. А я хватаю такси и еду в ресторан. Я и так уж на десять минут опоздала. Значит, я вернусь завтра в половине одиннадцатого.

— Ох, Эльвира, как я буду о тебе беспокоиться! — простонала Бриджит.

Но Эльвира уже подозвала такси.

II

Мисс Марпл прекрасно провела время в «Робинсоне и Кливерс». Помимо покупки дорогих, великолепных полотняных простыней — ей нравилась фактура полотна, такого прохладного на ощупь — она не удержалась от приобретения очень качественных посудных полотенец с красной каемкой. Ведь нынче добротное посудное полотенце так просто не пойдешь и не купишь. Вместо них вам предложат нечто, скорее похожее на цветную скатерку с редисками и омарами или с видом Эйфелевой башни или Трафальгарской площади, и все это в рамке из лимонов и апельсинов. Давая свой адрес в Сент-Мэри-Мид, она там же в магазине узнала номер автобуса, идущего в сторону Офицерского универмага.

Когда-то давным-давно тетка мисс Марпл обожала это заведение. Разумеется, оно уже не то, что прежде. И мисс Марпл припомнила, как тетушка Хелен, в своем капоре и черной шелковой мантилье, разыскав в отделе гастрономии знакомого продавца, удобно усаживалась на стул. В те вре-

мена никто никуда не спешил, и тетушка Хелен спокойно прикидывала все, что она собирается купить сегодня и заказать на будущее, с учетом предстоящего Рождества и даже с отдаленными видами на Пасху. А когда юная Джейн начинала ерзать от нетерпения, ее отсылали в отдел стекла «погулять».

Покончив с покупками, тетушка Хелен вступала в разговор с продавцом, спрашивая его о здоровье матери, младшего сына и хромой свояченицы, а затем весело обращалась к племяннице: «А что моя девочка думает по поводу ланча?» После чего они поднимались на лифте на четвертый этаж, где ланч неизменно заканчивался клубничным мороженым.

Само собой разумеется, в Офицерском универмаге лифтов стало куда больше, чем прежде. И вообще магазин сильно изменился. Стало светлее, и народу прибавилось. Но мисс Марпл, хотя и вспоминала прошлое с нежностью, ничего не имела против настоящего. Ресторан в этом универмаге по-прежнему существовал, и она пошла туда заказать ланч.

Внимательно ознакомившись с меню и соображая, что именно выбрать, мисс Марпл оглядела зал ресторана, и вдруг брови ее слегка поползли

вверх. Поразительное совпадение! Здесь оказалась та самая женщина, которую мисс Марпл до вчерашнего вечера никогда не встречала, зато видела множество ее фотоснимков — на бегах, на Бермудах, возле собственного самолета или автомобиля. Лишь вчера вечером мисс Марпл смогла лицезреть эту даму во плоти и, как это часто бывает, вновь наткнулась на нее в самом неподходящем месте, ибо завтрак в Офицерском универмаге и Бесс Седжвик как-то ужасно друг с другом не сочетались! Мисс Марпл не пришла бы в изумление, увидев Бесс в какой-нибудь забегаловке Сохо или, напротив, выходящей из Ковент-Гардена с бриллиантовой диадемой на голове. Но только не здесь, в магазине, который мисс Марпл мысленно связывала с военными, их женами, дочками, тетками и бабушками. И все же это была Бесс Седжвик, на редкость элегантная в темном костюме и ярко-изумрудной блузке, и сидела она за столиком с мужчиной — молодым человеком в кожаной куртке и с сухощавым ястребиным профилем. Эти двое о чем-то серьезно беседовали, перегнувшись через столик, и заодно жевали, по-видимому не замечая, что именно они жуют.

Любовное свидание? Что ж, весьма возможно.

Правда, кавалер моложе своей спутницы лет на пятнадцать-двадцать, — но Бесс Седжвик до сих пор чрезвычайно привлекательна.

Мисс Марпл окинула молодого человека внимательным взглядом и нашла, что он хорош собой. Но тут же решила, что ей он не по душе. «Похож на Гарри Рассела, — подумала мисс Марпл, как всегда выискивая прототипы в прошлом. — В том парне было мало толку. И он не принес добра ни одной женщине из тех, которые в него влюблялись».

«Она не станет слушать моих советов, — продолжала думать мисс Марпл, — а уж я-то могла бы кое-что ей сказать». Впрочем, любовные дела посторонних не касались мисс Марпл, а в том, что касалось романов, Бесс Седжвик, судя по всему, прекрасно могла сама о себе позаботиться.

Мисс Марпл вздохнула, доела свой ланч и решила заглянуть в писчебумажный отдел магазина.

Одной из характерных черт мисс Марпл было любопытство, или, как она сама предпочитала выражаться, интерес к чужим делам.

Забыв, будто случайно, на столике свои перчатки, мисс Марпл отправилась к кассе и с умыслом прошла совсем близко от столика леди Седжвик. Уплатив по счету, она «вдруг» обнаружила

отсутствие перчаток, вернулась за ними, но на обратном пути, к сожалению, уронила сумочку. Сумочка раскрылась, и на пол высыпались разные мелочи. Официантка ринулась на помощь, а мисс Марпл пришлось, изображая смущение, ронять еще ключи и монеты.

Все эти трюки дали немного, однако совсем бесполезными они не были, примечательно, что оба объекта ее любопытства удостоили старую даму, которая все время что-то роняла, лишь мимолетным взглядом.

Поджидая лифт, мисс Марпл восстанавливала в памяти обрывки услышанного разговора.

— Какой прогноз погоды?

— Порядок. Тумана не будет.

— Все готово для Люцерна?

— Да. Самолет вылетает в 9:40.

Вот и все, что удалась услышать ей в первый раз. Когда мисс Марпл возвращалась за перчатками, она узнала чуть больше.

Бесс Седжвик сердито говорила:

— Какого черта ты явился вчера в «Бертрам»? Не смей там показываться.

— Не беспокойся, все нормально! Я просто спросил, остановилась ли ты там, а всем известно, что мы друзья...

— Да не в том дело! Для меня «Бертрам» подходит, а для тебя — нет! Ты там сразу бросаешься в глаза.

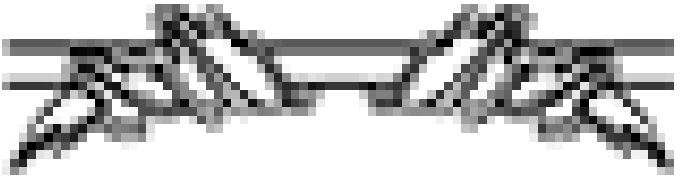
— Ну и пусть!

— Идиот! Зачем ты туда пришел, я спрашиваю, зачем? Какая у тебя была причина там появиться? А причина была, я тебя знаю...

— Успокойся, Бесс.

— Какой же ты лгун!

Это все, что смогла услышать мисс Марпл. По ее мнению, это было не так уж мало.



ГЛАВА 7

Вечером 19 ноября каноник Пеннифазер пообедал в своем клубе «Атенеум», где повидался с двумя-тремя друзьями, обсудил во время интересного и отчаянно язвительного разговора ряд спорных пунктов, касающихся датировки свитков Мертвого моря, и, взглянув на часы, сообразил, что пора в аэропорт. В холле канонику попался один из его друзей, доктор Виттакер, издали весело крикнувший:

— Как дела, Пеннифазер? Давненько вас не видел. Что там на конгрессе? Возникли какие-ни-

будь интересные проблемы?

— Убежден, что возникнут.

— Вы только что оттуда?

— Да нет, я как раз туда. Тороплюсь в аэропорт.

— Вот как! — Виттакер был явно удивлен. — А я почему-то думал, что конгресс проходит сегодня.

— Нет-нет. Завтра. Девятнадцатого.

Каноник Пеннифазер уже выходил, когда Виттакер вновь его окликнул:

— Но, дружище, *ведь девятнадцатое-то сегодня*, разве не так?

Но каноник Пеннифазер этих слов не расслышал. Он поймал на Пэл-Мэл такси и отправился в аэропорт. Этим вечером там было довольно людно. Но, наконец, очередь дошла и до каноника, он предъявил билет, паспорт и прочие документы. Девушка за стойкой, собиравшаяся было поставить на положенное место печать, внезапно замерла:

— Извините, сэр, но у вас не тот билет.

— Как это не тот? Нет-нет, все в порядке. Рейс номер сто... Ох, я не вижу без очков!.. Сто с чем-то, на Люцерн...

— Дата, сэр. На билете стоит дата: среда, восемнадцатое.

— Не может быть! То есть я хотел сказать, что

сегодня среда, восемнадцатое!

— Извините, сэр. Сегодня девятнадцатое.

— Девятнадцатое!

В полной растерянности каноник извлек из кармана ежедневник и принялся его нервно листать. Увы, он убедился: *сегодня действительно девятнадцатое.* Значит, он собирался лететь на самолете, который улетел вчера.

— Ведь это означает. Господи боже, это означает, *что конгресс в Люцерне сегодня!*

В отчаянии он застыл перед барьером, но напиравшие сзади пассажиры бесцеремонно оттеснили каноника, сраженного своими горестями. Он стоял в стороне, сжимая в руке бесполезный билет. В уме он перебирал различные варианты: может быть, обменять билет? Впрочем, какой смысл? Сейчас дело к девяти, конгресс уже состоялся — он начался в десять утра. Вот что, оказывается, имел в виду доктор Виттакер! Он решил, что каноник Пеннифазер уже *вернулся* с конгресса.

— О боже мой, боже мой, — бормотал каноник, — как же это я мог все так перепутать!

Неся свой саквояж, он медленно брел по Кромвель-роуд и старался доискаться, почему и как все спуталось в его голове. Наконец ему удалось

привести мысли в относительный порядок, и он грустно покачал головой.

«А сейчас, — пробормотал он про себя, — сейчас надо пойти перекусить».

Странно, что он не ощущает голода.

Двигаясь по Кромвель-роуд, он заметил ресторанчик, где подавали индийское карри. Пусть он не голоден, решил каноник, но все-таки надо поесть, набраться сил, а потом пуститься на поиски гостиницы. Да нет, нет, этого-то как раз и не надо — он же остановился в отеле! Ну конечно! Ведь он оставил за собой номер в отеле «Бертрам» на четыре дня! Бывает же такое чудесное везенье! У него есть номер, номер ждет его! Только и оставалось, что потребовать свой ключ и... И тут каноник смутно почувствовал, что грядут какие-то новые неприятности. Карман оттягивала подозрительная тяжесть.

Он сунул руку в карман и вытащил оттуда ключ, размеры и вес которого, по мнению администрации отеля, должны были удержать рассеянного постояльца от искушения унести с собой такую махину. Но каноника они не удержали.

«Номер девятнадцать, — радостно промолвил каноник. — Именно так. Какое счастье, что не надо искать гостиницу! Тем паче, говорят, все оте-

ли переполнены. Ах да, это мне Эдмундс сказал сегодня в клубе. Комнату он нашел с огромным трудом».

Радуясь своей предусмотрительности — не зря же он заранее заказал и оставил за собой номер, — каноник отодвинул тарелку с карри, не забыв за него заплатить, и вновь вышел на Кромвель-роуд.

Как-то неловка было сразу идти в отель, ведь ему, канонику, полагалось сейчас обедать в Люцерне и беседовать на разные интересные и волнующие темы. Взгляд его упал на афишу кинотеатра: *«У стен иерихонских».* Чрезвычайно интересно проследить, насколько точно автор фильма следует Библии.

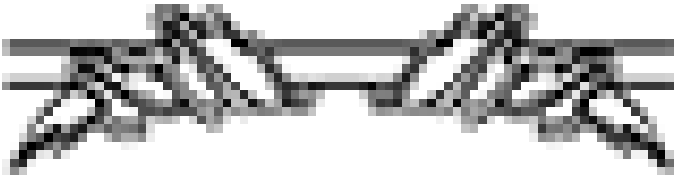
Каноник купил билет и вошел во тьму зрительного зала. Фильм ему понравился, хотя он никакого отношения к библейскому сюжету не имел. Название «У стен иерихонских» оказалось чисто символическим — речь шла о брачных неурядицах одной дамы. Когда эти «стены» несколько раз обрушились, красавица героиня встретила сурового грубоватого героя, которого втайне давно любила, и любящие решили воздвигнуть такие «стены», которые смело выдержат испытание временем. Хотя фильм и не

был рассчитан на пожилых священнослужителей, канонику Пеннифазеру он понравился. Ему нечасто доводилось смотреть подобное кино, и он решил, что сегодняшняя картина несколько расширила его знание жизни. Зажегся свет, был исполнен национальный гимн, и каноник Пеннифазер вступил в блеск лондонских огней, чувствуя себя чуточку вознагражденным за те печальные события, какие ему довелось нынче пережить.

Вечер был ясный, и каноник решил отправиться в «Бертрам» пешком, правда, сначала он ухитрился сесть в автобус, идущий в противоположном направлении. Наступила полночь, когда он добрался до своего респектабельного отеля, имевшего в эти ночные часы такой вид, будто все его постояльцы уже давно спят мирным сном. Лифт был где-то на верхнем этаже, и каноник стал пешком подниматься по лестнице. Потом подошел к своей комнате, вставил ключ в замок, распахнул дверь и вошел.

Господи милосердный, да не бред ли это? Но кто... но каким образом?.. Занесенную над ним руку он увидел слишком поздно.

Последнее, что он ощутил, — как из его глаз посыпались искры...



ГЛАВА 8

I

Ирландский экспресс мчался сквозь ночь. А говоря точнее, сквозь тьму утренних предрассветных часов.

Через определенные промежутки времени дизель издавал дьявольский, тревожный, предупреждающий вопль. Поезд мчался со скоростью восемьдесят миль[11] в час. Шел он без опозда-

---

[11] notes: 11
М и л я — мера длины, равная 1,609 км.

ния.

Внезапно его ход резко замедлился. Отчаянно завизжали колеса. Все медленнее, медленнее... Охранник высунул голову в окно, увидел впереди красный сигнал, и тут поезд остановился. Кое-кто из пассажиров проснулся. Но большинство продолжало спать.

Старая дама, встревоженная внезапной остановкой, отворила дверь купе и выглянула в коридор. Неподалеку от себя дама увидела еще одну распахнутую дверь. Пожилой священник с копной густых седых волос поднимался по ступенькам в вагон. Дама решила, что он, верно, выходил наружу узнать причину остановки. Утренний воздух был ощутимо свеж. В конце коридора раздался голос: «Это просто красный свет!» Пожилая дама вернулась к себе и попыталась снова заснуть.

Тем временем со стороны сигнальной будки, размахивая фонарем, уже бежал человек. Из локомотива выпрыгнул помощник машиниста. К нему присоединился охранник. Человек с фонарем подбежал к ним и, задыхаясь, выкрикнул:

— Впереди крушение! Товарный поезд сошел с рельсов...

А позади состава шестеро поднялись на насыпь

и вошли в дверь, заранее открытую для них в последнем вагоне. Шесть пассажиров из разных вагонов двинулись им навстречу. Быстро и слаженно все они кинулись к почтовому вагону. По обе стороны вагона встали двое в вязаных подшлемниках и с дубинками в руках.

Человек в форме железнодорожника шел по коридорам поезда, давая объяснения проснувшимся пассажирам:

— Затор впереди... Минут на десять задержимся, не больше...

Произносилось это дружелюбным и успокоительным тоном.

Около локомотива лежали связанные машинист и его помощник, с кляпами во рту. Человек с фонарем крикнул:

— Порядок!

У насыпи, тоже связанный и тоже с кляпом во рту, лежал охранник.

Опытные взломщики быстро справились со своим делом в почтовом вагоне. Еще двое связанных людей лежали на полу. Запечатанные почтовые мешки были выброшены на перрон, где их уже ожидали.

Тем временем пассажиры в своих купе сетовали на то, что нынешние железные дороги не те,

что прежде.

Когда пассажиры вновь стали укладываться спать, темноту прорезал вой двигателя.

— Господи, — пробормотала женщина, — неужели реактивный самолет?

— Нет, пожалуй, гоночный автомобиль.

Шум замолк в отдалении...

II

На Бедхэмптонском шоссе, в девяти милях от места происшествия, шла на север колонна грузовиков сквозь ночь, освещая себе путь фарами. Большая белая гоночная машина молнией промчалась мимо.

Через десять минут машина свернула с шоссе.

Гараж, стоящий у поворота дороги, был, судя по прибитому к нему объявлению, закрыт. Но сейчас его двери немедленно распахнулись, белая машина въехала внутрь, и двери тут же захлопнулись. Трое взялись за дело с молниеносной быстротой. Старые номерные знаки были заменены новыми. Шофер сменил куртку и кепку. Вместо белого овчинного полушубка на нем оказалась куртка из черной кожи. Он покинул гараж. Минут через пять после его отъезда на дорогу выполз, пыхтя, старенький «Моррис-Оксфорд», за рулем

которого сидел священник, и начал петлять по извилистым проселкам.

Шофер фургона, катившего по одной из этих дорог, притормозил, увидев у плетня неподвижный «Моррис-Оксфорд» и стоящего рядом пожилого человека.

Шофер высунулся из кабины:

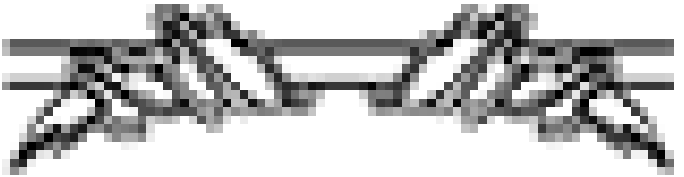
— Что-нибудь случилось? Помощь не нужна?

— Спасибо. Фары не горят.

Оба водителя подошли друг к другу и прислушались: все спокойно.

Несколько прекрасно упакованных, явно американского происхождения ящиков, были перенесены из «Моррис-Оксфорда» в фургон.

Проехав милю-другую, фургон свернул на каменистый проселок, который, однако, привел к заднему двору большой и роскошной усадьбы. Там, где когда-то были конюшни, стоял наготове белый «мерседес». Шофер фургона ключом отпер багажник «мерседеса», перенес туда ящики, захлопнул багажник, снова уселся за руль и уехал.



ГЛАВА 9

I

Эльвира Блейк взглянула на небо, отметила про себя, что утро чудесное, и вошла в телефонную будку. Она позвонила Бриджит на Онслоу-сквер.

— Алло? Это Бриджит?

— Ох, Эльвира, это ты! — Голос Бриджит звучал взволнованно.

— Да, я. Все в порядке?

— Ох, нет. *Просто ужасно!* Твоя кузина миссис

Мелфорд вчера позвонила мамочке.

— Как? Насчет меня?

— Да. Я-то воображала, что все так ловко устроила, когда позвонила ей в середине дня. Но она вдруг забеспокоилась о твоих зубах. Испугалась, что у тебя там абсцесс или вообще что-нибудь серьезное. Поэтому она сама позвонила дантисту, ну и, конечно, узнала, что там и духу твоего не было. Тогда она позвонила мамочке. На нашу беду, мамочка сама оказалась у телефона. И, конечно, заявила, что *ей* ничего не известно и что тебя *у нас нет.* Я просто не знала, *что делать!*

– И что же ты сделала?

— Притворилась, что ничего не знаю. Сказала, что, кажется, ты собиралась навестить каких-то друзей в Уимблдоне.

— Почему именно в Уимблдоне?

— Это первое, что мне пришло в голову.

Эльвира вздохнула:

— Ну ладно, придется, видимо, что-то придумать. Ну например, что в Уимблдоне живет моя старая гувернантка. И чего это они суетятся, *только все портят!* Надеюсь, что кузине Милдред хватило ума не обращаться в полицию.

— Ты сейчас к ним едешь?

— Не раньше вечера. У меня еще полно дел.

— Ты была в Ирландии? Все благополучно?

— Я узнала то, что хотела узнать.

— Какой у тебя мрачный голос!

— Да я и сама мрачная.

— Эльвира, чем тебе помочь? Что я могу для тебя сделать?

— Никто мне не поможет... То, что нужно, я должна сделать сама. Ведь я надеялась, что все это — не правда, а оказалось — правда. И я не знаю, как мне быть.

— Тебе грозит опасность, Эльвира?

— Не устраивай мелодрам, Бриджит! Мне надо быть осторожной, вот и все. Очень-очень осторожной.

— Значит, все-таки есть опасность?

— Очень возможно, что у меня просто разыгралось воображение, — отозвалась, помедлив, Эльвира.

— Эльвира, а что ты собираешься делать с тем браслетом?

— С ним все в порядке. Мне удалось достать денег у одного человека, и, стало быть, я могу пойти в... как это называется? — выкупить его. А затем верну его Болларду.

— А как они к этому отнесутся?.. Нет, мамочка, это из прачечной. Они говорят, что мы им не

давали этой простыни. Да, мамочка, да, я скажу заведующей. Ладно, ладно.

Услышав этот монолог на другом конце провода, Эльвира усмехнулась и повесила трубку. Затем достала кошелек, порылась в нем, отобрала несколько монет, положила их перед собой и снова сняла трубку. Набрав нужный номер, она опустила монету, нажала кнопку и заговорила тоненьким, немного задыхающимся голоском:

— Привет, кузина Милдред... Да, это я... Простите меня, пожалуйста. Да-да, знаю... Да, я собиралась... но, понимаете, милая старенькая Мадди, ну вы же ее помните, моя старенькая Мадемуазель... Я написала вам, да забыла письмо отправить. Оно и сейчас у меня в кармане! Понимаете, она захворала, и никого рядом, и я только заехала проведать, как у нее дела. Да, я собиралась к Бриджит, но тут узнала, что старушка больна, и все изменилось... Не понимаю, какое сообщение вы получили? Нет, это кто-то что-то перепутал... Да-да, я вам все объясню, когда приеду... Да-да, сегодня же к вечеру. Вот только дождусь сиделку, которая должна прийти к Мадди, впрочем, это не настоящая сиделка, а такая, знаете, которая согласна помочь... Нет, она ни за что не хочет в больницу! *Я очень виновата* перед вами, кузина

Милдред, очень, очень, простите меня!

Эльвира положила трубку и глубоко вздохнула, пробормотав:

— О, если бы врать поменьше!

Она вышла из телефонной будки и первое, что бросилось ей в глаза, были огромные газетные заголовки:

«КРУПНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ ПОЕЗДА.
НАПАДЕНИЕ
НА ИРЛАНДСКИЙ ЭКСПРЕСС»

II

Мистер Боллард занимался с клиентом, когда дверь магазина отворилась. Он поднял глаза и увидел Эльвиру Блейк.

— Нет, — сказала она подошедшему к ней помощнику, — я лучше подожду, пока освободится мистер Боллард.

Вскоре клиент ушел, и его место заняла Эльвира.

— Доброе утро, мистер Боллард.

— Боюсь, ваши часики еще не готовы, мисс Эльвира.

— О, дело не в часах, — ответила Эльвира. — Я пришла извиниться перед вами. Случилась

ужасная вещь. — Она открыла сумку и вынула маленькую коробочку, оттуда извлекла браслет с бриллиантами и сапфирами. — Помните, я принесла вам в починку часы и стала еще выбирать разные вещички для подарка к Рождеству, а в это время на улице произошел несчастный случай? Кого-то задавили или чуть не задавили. Видимо, я как раз держала браслет в руке и, не думая, сунула его в карман, что и обнаружила лишь сегодня утром. И сразу же кинулась к вам, чтобы вернуть. Я очень виновата перед вами, мистер Боллард, не знаю, что это произошло со мной, как могло такое случиться!

— Ничего, ничего, не волнуйтесь, мисс Эльвира, — только и произнес мистер Боллард.

— А вы, верно, подумали, что его украли?

Прозрачные голубые глаза девушки встретили взгляд мистера Болларда.

— Мы *обнаружили* его пропажу, — сказал мистер Боллард. — Очень вам благодарен, мисс Эльвира, что вы так быстро его вернули.

— Я была просто в ужасе, когда нашла его в кармане нынче утром, — продолжала Эльвира. — Спасибо вам, спасибо, мистер Боллард, что вы так мило к этому отнеслись!

— Разное в жизни случается, — добродушно

улыбнулся мистер Боллард. — Но забудем об этом. Однако не повторяйте, пожалуйста, больше таких случайностей!

Тут мистер Боллард рассмеялся, очевидно, шутка показалась ему весьма удачной и остроумной.

— Ой, нет! — воскликнула Эльвира. — Я буду теперь вдвойне осторожна!

Она улыбнулась ему и вышла из магазина.

«Хотел бы я знать, — мысленно произнес про себя мистер Боллард, — хотел бы я знать...»

Один из его компаньонов, стоящий неподалеку, подошел к нему:

— Значит, *его взяла она?*

— Да. Она.

— Но принесла обратно.

— Принесла, — согласился мистер Боллард. — По правде говоря, я этого не ожидал.

— Не ожидали, что она принесет его обратно?

— Нет, если она его взяла, то — не ждал.

— Думаете, она правду сказала? Что она, мол, сунула в карман по рассеянности?

— Полагаю, возможно и это, — задумчиво молвил Боллард.

— Может, она клептоманка[12].

---

[12] notes: 12

К л е п т о м а н и я — болезненное состояние, проявляющееся в непреодолимой тяге к воровству.

— Может, и клептоманка, — согласился Боллард. — Но куда более вероятно, что она взяла его с определенной целью... Но почему же тогда так быстро вернула? Любопытно...

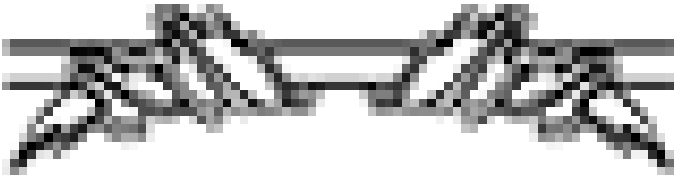
— Хорошо, что мы не сообщили полиции. Я ведь *предлагал* обратиться к властям.

— Знаю, знаю. У вас нет такого опыта, как у меня. Определенно не следует обращаться в полицию в таких случаях... — Боллард, помолчав, тихо добавил, будто говоря с самим собой: — А случай интересный. Чрезвычайно интересный. Сколько ей лет, хотел бы я знать? Видимо, семнадцать или восемнадцать. Чего доброго, влипнет в какую-нибудь неприятную историю.

— По-моему, вы говорили, что она не нуждается в деньгах?

— Можно быть богатой наследницей и нуждаться в деньгах, — сказал Боллард. — Если вам только семнадцать, этих денег еще ждать и ждать! Забавная вещь, между прочим: богатым наследницам дают на руки гораздо меньше наличных, чем тем, кто победнее. На мой взгляд, это неразумно. Но правду, боюсь, мы никогда не узнаем.

И он, положив браслет на его место в витрине, опустил крышку.



ГЛАВА 10

Контора «Эгертон, Форбс & Вилборо» находилась в Блумсбери, в одном из тех горделивых и импозантных кварталов, которых еще не коснулся ветер перемен. Даже медная доска на двери истерлась до того, что едва можно было разобрать буквы. Фирма существовала свыше ста лет, и множество дворян-землевладельцев Англии числились ее клиентами. В конторе уже не было никого из Форбсов и никого из Вилборо. Вместо них работали Аткинсоны, отец и сын, Ллойд из Уэльса, и шотландец МакАллистер. Однако все

еще оставался Эгертон, потомок самого первого Эгертона. Этот Эгертон, пятидесяти двух лет, был юрисконсультом нескольких семейств, которым в свое время оказывали услуги его дед, отец и дядя.

Сейчас он сидел за своим большим письменным столом красного дерева в красиво обставленном кабинете на первом этаже и доброжелательно, но твердо разговаривал с клиентом, явно чем-то угнетенным. Ричард Эгертон считался красивым мужчиной, и справедливо: высокий, темноволосый, со слегка посеребрившимися висками и проницательным взглядом серых глаз. Его советы всегда были умны, но и высказывал он их без обиняков.

— Будем откровенны, Фредди, зацепиться вам не за что, — говорил он, — особенно если вспомнить письма, которые вы написали.

— А вы не думаете?.. — удрученно пробормотал Фредди.

— Нет, не думаю, — отрезал Эгертон. — Единственная возможность — не доводить дело до суда. Иначе, чего доброго, уголовное дело заведут против вас самого.

— Послушайте, Ричард, это уж чересчур!

Тут раздался тихий скромный звоночек. Эгер-

тон взял трубку и нахмурился.

— Кажется, я просил меня не беспокоить!

На другом конце провода что-то пробормотали. Эгертон сказал:

— А... да-да. Понимаю. Попросите ее подождать.

Он положил трубку и вновь повернулся к своему приунывшему клиенту:

— Послушайте, Фредди. Я знаю закон, а вы — нет. Вы попали в неприятнейшую историю. Я сделаю все возможное, чтобы вас вытащить, но это вам обойдется недешево. Сомневаюсь, чтобы они пошли на мировую меньше чем за двенадцать тысяч.

— Двенадцать тысяч! — застонал бедняга Фредди. — О боже мой! Да у меня нет таких денег, Ричард!

— Что ж, придется достать. Изыщите возможности. И считайте, что вам повезло, если мне удастся все устроить за двенадцать тысяч. А если дело дойдет до суда, это будет стоить вам гораздо дороже.

— Адвокаты, — пробормотал Фредди. — Все вы настоящие акулы! — Он встал. — Ладно уж, постарайтесь для меня, старина Ричард.

Он пошел к двери, печально покачивая голо-

вой. Ричард Эгертон тут же выбросил из головы Фредди и его дело и переключился на следующего клиента: «Мисс Эльвира Блейк. Интересно, какая она?» Он поднял трубку:

— Лорд Фредерик ушел. Пусть войдет мисс Блейк.

Поджидая ее, Эгертон подвинул блокнот и стал что-то подсчитывать. Сколько же лет прошло с тех пор?.. Ей должно быть лет семнадцать. Пожалуй, даже больше. Как быстро бежит время! «Дочь Конистона, — думал он, — и дочь Бесс. Интересно, в кого из них она пошла?»

Открылась дверь, клерк доложил о мисс Эльвире Блейк, и девушка вошла в комнату. Эгертон встал и шагнул ей навстречу. Внешне, думал он, не похожа ни на отца, ни на мать. Высокая худенькая блондинка, как Бесс, но без материнского жизнелюбия и блеска. И что-то такое старообразное в ней, хотя, может быть, все дело в том, что снова начали носить рюши, оборки и высокие корсажи.

— Так-так, — сказал он, пожимая ей руку, — какая приятная неожиданность! Когда я вас видел в последний раз, вам было одиннадцать лет. Садитесь-ка сюда. — Он подвинул девушке стул.

— Вероятно, мне следовало бы сначала вам

написать, — неуверенно проговорила Эльвира, — написать, чтобы вы назначили мне время. Словом, предупредить, что ли, о себе, но вдруг мне захотелось вас видеть, тем более что я все равно уже в Лондоне.

— А что вы делаете в Лондоне?

— Лечу зубы.

— Мерзкая штука — зубы, — сказал Эгертон. — Мучают нас от колыбели до могилы. Но в данном случае я благословляю зубную боль, ведь она дала мне возможность вас увидеть. Итак, насколько мне известно, вы были в Италии, заканчивали там свое образование в одном из тех заведений, куда нынче посылают молодых девушек.

— У графини Мартинелли, — сказала Эльвира. — Но я туда больше не вернусь. Буду жить у Мелфордов в Кенте, пока не решу, что мне делать дальше.

— Надеюсь, вы найдете что-нибудь интересное. Вы не собираетесь поступить в университет, например?

— Нет, — возразила Эльвира. — Не думаю, что я достаточно умна для университета. — Она сделала паузу. — Полагаю, что бы я ни решила, *вы не будете возражать?*

Проницательные глаза Эгертона пристально

посмотрели на нее.

— Я один из ваших опекунов и доверенное лицо согласно завещанию вашего отца, — сказал он, — таким образом, вы имеете полное право обращаться ко мне в любое время.

— Спасибо, — вежливо произнесла Эльвира.

— Вас что-нибудь тревожит? — спросил Эгертон.

— Нет. Ничего серьезного. Но, понимаете, *я ничего толком не знаю.* Никто никогда мне ничего не сообщает. А задавать вопросы самой не так уж приятно.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Вы имеете в виду вопросы, касающиеся вас лично?

— Да. Спасибо, что вы меня поняли. Дядя Дерек...

— Вы говорите о Дереке Ласкомбе?

— Да. Я всегда называла его дядей. Он очень добрый, но он не из тех, кто захочет вам что-нибудь сообщить. Он старается все устроить как можно лучше и огорчается, если ему кажется, что мне что-то не по душе. Он прислушивается к мнению других, в основном — женщин, а они обожают давать советы. Например, насчет графини Мартинелли... Дядя выбирал для меня все

школы, где я училась.

— А вам там не нравилось?

— Нет, я не то имела в виду. Я о другом хочу сказать. Я ровно ничего не знаю *о себе.* Сколько, скажем, у меня денег и как я смогу ими распорядиться, если захочу.

— Короче говоря, — Эгертон улыбнулся своей обворожительной улыбкой, — вы хотите обсудить ваши дела. Так? Что ж, думаю, вы совершенно правы. Посмотрим. Сколько вам лет? Шестнадцать? Семнадцать?

— Почти двадцать.

— Бог мой, вот не думал!

— Вы поймите меня, — проговорила Эльвира, — я все время чувствую, что меня от чего-то ограждают, от чего-то защищают. Возможно, это даже мило, но раздражает.

— Да это в характере Дерека Ласкомба, — сказал Эгертон, — но что делать, такова уж старомодная манера.

— Он ужасно милый, — признала Эльвира, — но с ним трудно говорить серьезно.

— Да, понимаю, так оно и есть. Но что вы хотите *узнать* о себе, Эльвира? О семейных обстоятельствах?

— Я знаю только, что мой отец умер, когда мне

было пять лет, и что моя мать с кем-то от него сбежала, когда мне не исполнилось и двух. Я ее совершенно не помню. Да и отца припоминаю с трудом. Он был старый и сидел, положа одну ногу на стул. И часто ругался. В общем я его боялась. После его смерти я жила не то с его теткой, не то с кузиной, пока и она не умерла, а потом у дяди Дерека и его сестры. Когда она тоже скончалась, я уехала в Италию. Сейчас дядя Дерек устроил меня жить к Мелфордам, своим родственникам, они очень приятные, добрые люди, и у них две дочери примерно моего возраста.

— Значит, вы довольны?

— Сама еще не знаю. Я до сих пор не успела до них добраться! Они ужасно скучные. Но на самом деле я хочу узнать, сколько у меня денег.

— Значит, именно эти сведения вам нужны?

— Да, — подтвердила Эльвира. — Я знаю, *у меня есть деньги.* А их много?

Эгертон стал серьезен.

— Да, — сказал он, — много. Ваш отец был очень богат. Вы его единственный ребенок. Когда он умер, его титул и имение перешли к двоюродному брату. Но он не любил брата, поэтому все свое личное состояние, весьма крупное, он оставил дочери, другими словами — вам, Эльвира. Вы очень

богаты или будете богаты, когда вам исполнится двадцать один год.

— Вы хотите сказать, что *сейчас* я небогата?

— Вы и сейчас богаты, но не вправе распоряжаться своим состоянием, пока вам не исполнится двадцать один год или пока вы не выйдете замуж. А деньги находятся в руках ваших опекунов: Ласкомба, меня и еще одного. — Он улыбнулся. — Мы ничего не присвоили, ваш капитал цел. Фактически мы его увеличили с помощью различных банковских операций.

— Сколько же у меня?

— Когда вам исполнится двадцать один год или когда вы выйдете замуж, у вас будет сумма в шесть или семь сотен тысяч фунтов.

– *Как много!* — удивилась Эльвира.

— Да, очень много. Вероятно, именно потому, что денег много, никто не хотел вам об этом говорить.

Эгертон украдкой наблюдал за выражением ее лица. Занятная девушка, думал он. С виду скромная, бесцветная барышня, но на самом деле не такова. Совсем не такова. Он спросил с легкой усмешкой:

— Вас это радует?

Она внезапно улыбнулась ему в ответ:

— Должно бы радовать, разве не так?

Но тут же ее мысли приняли иное направление. Она спросила:

— Кому все это достанется, если я умру?

— Ближайшему вашему родственнику.

— Я хочу спросить... имею ли я право сделать завещание? То есть пока мне не исполнится двадцать один год. Мне об этом говорили.

— Совершенно правильно.

— Не очень-то это приятно. Если б я была замужем и умерла, то мой муж стал бы наследником?

— Да.

— А раз я не замужем, то моей ближайшей родственницей является моя мать и она все получит. А ведь я ее даже не знаю! Какая она?

— Весьма примечательная женщина, — коротко отозвался Эгертон. — Тут уж спора быть не может.

— Она когда-нибудь *выражала желание* меня видеть?

— Полагаю, что да, возможно. Но она вела беспорядочную жизнь и так сумела ее запутать, что, видимо, сочла целесообразным держаться от вас в стороне.

— Вы и в самом деле *знаете,* что она так считает?

— Нет. На самом деле я ничего об этом не знаю.

Эльвира встала.

— Спасибо, — сказала она. — Вы очень добры, что сказали мне все. Как-то унизительно быть в полном неведении. Ясно, дядя Дерек считает меня совершенным *ребенком.*

— Ну что ж, он ведь сам очень немолод. Наши с ним молодые годы давно миновали. Будьте же к нам снисходительны, ведь мы на все смотрим с точки зрения своего возраста.

– *Вы-то* хоть не считаете меня ребенком? Мне почему-то кажется, что вы гораздо лучше, чем дядя Дерек, разбираетесь в психологии молодых девушек. Он столько лет прожил при своей сестре!

Протянув адвокату на прощание руку, Эльвира чрезвычайно изысканно заявила:

— Очень вам благодарна. Надеюсь, я своим приходом не нарушила ваших планов!

И вышла. Эгертон стоял, глядя вслед уходившей Эльвире. Потом поджал губы, присвистнул, покачал головой, сел, взял ручку и задумчиво постучал ею по столу. Придвинул к себе бумаги, затем отодвинул их и поднял телефонную трубку:

— Мисс Корделл, соедините меня, пожалуйста,

с полковником Ласкомбом.

Он положил трубку, снова придвинул к себе бумаги, начал было читать, но мысли его были далеко. Зазвонил телефон.

— Дерек? Здравствуйте. А меня только что посетила ваша подопечная.

— Эльвира? Боже мой, зачем она к вам приходила? У нее неприятности?

— Нет. Напротив. Она как будто вполне довольна. Хотела выяснить свое финансовое положение.

— Вы не сообщили ей об этом, надеюсь? — тревожно спросил полковник Ласкомб.

— Почему же нет? К чему такая таинственность?

— Мне кажется, молодой девушке не следует знать, что она унаследовала такую огромную сумму денег.

— Если мы ей не скажем, скажет кто-нибудь другой. Надо ее подготовить. Деньги — это ответственность.

— Но она еще совсем ребенок!

— Этого я бы не сказал... Кто ее приятель?

— Простите?

— Я спросил: кто ее приятель? Потому что у нее определенно есть приятель.

— Нет, быть того не может. Ничего подобного! Откуда вы это взяли?

— Во всяком случае, не с ее слов. Но у меня, знаете ли, есть кое-какой опыт. Думаю, что вы сами в этом вскоре убедитесь.

— Могу вас заверить, что вы ошибаетесь! Она не так воспитана, в школах ей внушали строгие правила, а заканчивала она свое образование в Италии, в пансионе, пользующемся прекрасной репутацией. Если б что-нибудь было, я бы знал! Согласен, она знакома с одним или двумя милыми молодыми людьми, но о том, на что вы намекаете, и речи быть не может!

— И все же выслушайте мой диагноз: у нее есть приятель, и вряд ли подобающий!

— Но почему, Ричард, почему? *Что вам известно о молодых девушках?*

— Довольно много, — сухо ответил Эгертон. — В прошлом году у меня были три клиентки, две из них попали под опеку суда, а третьей удалось заставить своих родителей согласиться на брак, который почти наверное кончится трагично. В наше время за девушками не уследишь. Вы и представить себе не можете, как изобретательны они, эти юные существа! Проследите-ка за ней, Дерек! Наведите справки, узнайте, чем она

занимается.

— Чепуха! Она просто милая юная девушка.

— Много вы знаете об этих милых юных девушках! Ее мать убежала из дому — вы помните этот скандал? — когда была еще моложе Эльвиры. Что же касается старого Конистона, то он по праву считался одним из первостатейных распутников Англии.

— Как вы меня огорчили, Ричард! Как ужасно огорчили!

— Лучше, чтобы вы были предупреждены. Мне особенно не понравился один ее вопрос. Почему ей так хочется знать, кто унаследует деньги в случае ее смерти?

— Странно, она и мне задавала тот же вопрос!

— В самом деле? Интересно, почему ей пришла в голову мысль о безвременной смерти? Она меня, между прочим, о своей матери спрашивала.

Полковник Ласкомб вздохнул:

— Мне бы очень хотелось, чтоб Бесс повидалась с девочкой!

— Вы говорили ей об этом?

— Говорил... Да-да, говорил. Мы случайно с ней встретились, живем, оказывается, в одном отеле. Я уговаривал ее повидаться с дочерью.

— А что она? — с любопытством спросил Эгер-

тон.

— Отказалась наотрез. Заявила, что с такими небезопасными особами, как она, молодым девушкам лучше не знаться.

— С определенной точки зрения, думаю, она и впрямь особа небезопасная, — сказал Эгертон — Говорят, она спуталась с этим гонщиком?

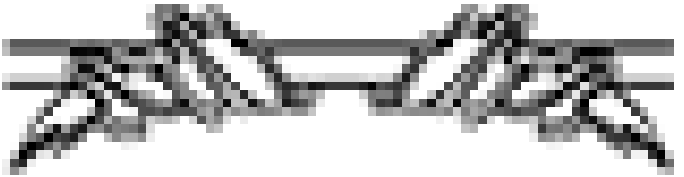
— Ходят такие слухи.

— Они и до меня дошли. Не знаю, насколько они имеют под собой почву. Но, впрочем, вполне возможно. Друзья Бесс со всячинкой! Но какая женщина, Дерек! Какая женщина!

— Она всегда была самым злейшим своим врагом, — буркнул полковник Ласкомб.

— Великолепный старомодный ответ, — улыбнулся Эгертон. — Ну что ж, Дерек, простите за беспокойство, но советую получше присмотреться и выяснить, нет ли каких-либо нежелательных лиц около вашей подопечной. Только не говорите потом, что вас не предупредили!

Он положил трубку и снова придвинул к себе бумаги. На сей раз ему удалось сосредоточиться.



ГЛАВА 11

Миссис МакКрей, экономка каноника Пеннифазера, заказала к его возвращению камбалу. Достоинства хорошей камбалы очевидны. Во-первых, ее не надо класть на сковороду до той минуты, пока каноник благополучно не прибудет домой. Во-вторых, в случае необходимости, рыбу можно держать до утра. Каноник Пеннифазер обожал камбалу, ну а если придет телеграмма или раздастся телефонный звонок и выяснится, что каноник вечером не вернется, поскольку окажется где-нибудь в другом месте, то миссис

МакКрей и сама очень любит хорошую рыбу. После камбалы будут блинчики. Таким образом, все было подготовлено к возвращению каноника. Рыба лежала на кухонном столе, тесто для блинчиков разведено. Медь блестела, серебро сияло, нигде ни пылинки. Не хватало лишь одного: самого Пеннифазера.

Каноник должен был вернуться лондонским поездом в шесть тридцать.

В семь часов каноник не явился. Поезд, очевидно, опоздал. В семь тридцать каноника по-прежнему не было. Миссис МакКрей вздохнула с досадой. Она подозревала, что каноник опять что-то перепутал. Пробило восемь, каноника не было. Миссис МакКрей вздохнула с раздражением. Вот-вот, без сомнения, последует телефонный звонок, а впрочем, весьма вероятно, что и не последует. Он мог написать. И даже, должно быть, написал, да только забыл опустить письмо.

— Боже мой, боже мой! — простонала миссис МакКрей.

В девять она испекла себе три блинчика. Рыбу пришлось убрать в холодильник. «Интересно, где он сейчас находится?» — спросила себя миссис МакКрей. По опыту она знала, что он мог находиться где угодно. Оставалось надеяться, что,

вовремя обнаружив свою ошибку, он спохватится и успеет позвонить или дать телеграмму до того, как она ляжет спать. «Буду ждать до одиннадцати, но не дольше!» — решила миссис МакКрей. Обычно она ложилась в десять тридцать.

Нельзя сказать, чтобы она особенно беспокоилась. Такое случалось и прежде. Предпринимать что-либо бесполезно, остается лишь ждать известий. А случиться могло всякое. Каноник Пеннифазер мог сесть не на тот поезд и обнаружить свой промах, лишь очутившись на другом конце Англии. Мог все еще находиться в Лондоне, ибо перепутал даты и, значит, домой вернется только завтра. Мог на этом заграничном конгрессе встретить друзей, а те убедили его остаться в Люцерне на выходные. Разумеется, он известил бы об этом миссис МакКрей, если бы не забыл. Так что, как уже было сказано, она не беспокоилась. Послезавтра его старый друг архидьякон Симмонс должен приехать к ним погостить. *О таких вещах каноник как раз не забывал*, а значит, завтра либо придет телеграмма, либо вернется он сам. В крайнем случае, он будет дома послезавтра либо к этому времени уже дойдет письмо.

Наступило завтра — и никаких вестей! Миссис МакКрей начала испытывать беспокойство. С

девяти утра до часу дня она сидела, с сомнением глядя на телефонный аппарат. Насчет телефона у нее было свое мнение. Она пользовалась телефоном, признавала полезность телефона, но не любила его. Изредка она звонила друзьям или родственникам, жившим по соседству. Но звонить на большое расстояние, скажем, в Лондон, ей казалось чем-то невообразимым. Бесстыдным расточительством! И тем не менее сейчас она прикидывала в уме даже такую возможность!

В конце концов, когда и на следующий день не поступило никаких известий, она решила действовать. Где остановился в Лондоне каноник, она знала. Отель «Бертрам». Уютный, старомодный отель. Пожалуй, будет правильным позвонить туда и навести справки. Быть может, они знают, где каноник: отель «Бертрам» — это не то, что простая гостиница. Она сразу попросит соединить ее с мисс Горриндж. Мисс Горриндж — такая любезная женщина, такая внимательная...

Миссис МакКрей тяжело вздохнула, собралась с духом и попросила соединить ее с Лондоном. Она ждала, кусая губы и крепко прижимая трубку к уху.

— Отель «Бертрам» к вашим услугам, — ответил голос.

— Я бы хотела поговорить с мисс Горриндж.

— Минутку. Кто ее просит?

— Экономка каноника Пеннифазера. Миссис МакКрей.

— Минутку, сейчас!

И тут же в трубке раздался спокойный и деловитый голос мисс Горриндж:

— Вы экономка каноника Пеннифазера? Очень рада, что вы позвонили. Мы, видите ли, несколько обеспокоены, не знаем, как поступить.

— Что-нибудь случилось с каноником? Несчастье?

— Нет-нет, ничего страшного. Но мы его ждали из Люцерна в пятницу или в субботу.

— Да, так и должно быть.

— Но он не приехал. Ничего удивительного в этом нет. Он оставил за собой номер, оставил до вчерашнего дня. Но и вчера он не явился, не известил нас, а его вещи лежат в номере. Почти весь багаж. Вот мы и не можем решить, как тут быть. Конечно, — торопливо добавила мисс Горриндж, — мы знаем, что каноник порой, ну... несколько забывчив...

— Что правда, то правда!

— Но мы в затруднении! Отель переполнен. В комнату каноника должен въехать другой кли-

ент... Как вы думаете, где он?

— Этот человек может быть где угодно! — с горечью воскликнула миссис МакКрей и, взяв себя в руки, добавила:

— Спасибо вам, мисс Горриндж.

— Если я могу быть вам полезной... — пробормотала мисс Горриндж.

— Надеюсь, я скоро что-нибудь да узнаю, — ответила миссис МакКрей и, еще раз поблагодарив собеседницу, положила трубку.

Она сидела у телефона в расстроенных чувствах. За каноника она не беспокоилась. Если бы с ним что-то случилось, ее бы известили. В этом она не сомневалась. Не может каноник стать жертвой несчастного случая. Он был, по мнению миссис МакКрей, рассеянным чудаком, а о таких заботится само Провидение. Нет, нет, не могла она представить себе каноника Пеннифазера стонущим в больничной палате. Скорее всего невинный, как младенец, он *где-то* оживленно дискутирует с кем-нибудь из своих друзей. Не исключено, что за границей. Плохо то, что вечером приедет архидьякон Симмонс, который, разумеется, ждет, что хозяин дома его встретит. Отменить визит архидьякона миссис МакКрей не могла, ибо не знала, где его искать.

Все складывалось крайне неприятно, но у каждой неприятности, как известно, есть и своя светлая сторона. Вот этой светлой стороной и был как раз архидьякон Симмонс. Он-то уж придумает, что делать. На него можно положиться.

Архидьякон Симмонс был полной противоположностью ее хозяина. Он твердо знал, куда идет, что делает, знал даже, как следует правильно поступить в том или ином случае, и именно так поступал. Миссис МакКрей, конечно, встретит его извинениями, все ему объяснит, и он сумеет успокоить ее.

Но сам архидьякон отнюдь не был встревожен.

— Не волнуйтесь, миссис МакКрей! — добродушно сказал он, отведав приготовленную ему трапезу. — Мы с вами разыщем нашего друга. Слыхали вы когда-нибудь о Честертоне? Ну, о писателе Честертоне? Поехал читать лекции и телеграфирует жене: «Я на станции Кру. А куда я ехал?»

Он захохотал. Миссис МакКрей вежливо улыбнулась. Анекдот смешным ей не показался — слишком напоминал каноника Пеннифазера.

— Прекрасные телячьи котлеты! — восторженно воскликнул архидьякон. — Вы непревзойденная повариха, миссис МакКрей. Надеюсь, мой

старый друг ценит ваши таланты.

За котлетами последовал пудинг с подливкой из черной смородины — любимый десерт архидьякона, что было известно миссис МакКрей. После ужина архидьякон всерьез занялся поисками исчезнувшего друга. Он взялся за телефон весьма энергично и явно не считаясь с расходами, что заставило миссис МакКрей озабоченно поджать губы, хотя она и не осуждала действий архидьякона, понимая, что хозяина следует разыскать.

Попробовав поначалу обратиться к сестре каноника, которая весьма мало знала о жизни брата и, как обычно, понятия не имела, где он и где может быть, архидьякон закинул сеть дальше. Он вновь позвонил в отель «Бертрам» и выяснил все подробности. Каноник уехал оттуда ранним вечером девятнадцатого. Взял с собой лишь ручной саквояж, все другие вещи в его номере, который каноник оставил за собой. Перед отъездом он упомянул о том, что летит на какой-то конгресс в Люцерн. Из отеля отправился не прямо в аэропорт. Швейцар, хорошо знающий каноника в лицо, посадил его в такси и, узнав, куда тот собирается ехать, дал шоферу адрес клуба «Атенеум». С тех пор никто из служащих отеля «Бертрам»

каноника не видел. Ах да, вот еще маленькая подробность: каноник забыл оставить ключ от номера и взял его с собой. Впрочем, с ним это случается не впервые.

Архидьякон Симмонс не сразу решил, куда сделать следующий звонок. В лондонское бюро авиаперевозок? Но это потребует времени. Можно поступить проще. И он позвонил доктору Вейсгартену, специалисту по древнееврейскому языку, он-то наверняка присутствовал на конгрессе.

Доктор Вейсгартен оказался дома. Узнав, кто с ним говорит, он разразился гневной, уничижительной речью в адрес выступления в Люцерне одного из коллег:

— Этот Хогаров нес полную околесицу! Не знаю, как он вообще туда с этим попал. Он никакой не ученый! Знаете, что он, к примеру, заявил?

Архидьякон вздохнул и решил проявить твердость. Иначе ему еще долго придется слушать соображения Вейсгартена по поводу ученых выступлений на Люцернском конгрессе. Не без некоторого труда доктора Вейсгартена удалось перевести на более приземленную тему.

— Пеннифазер? — спросил он. — Пеннифазер? Он должен был там быть. Не могу понять, почему

его не было. Ведь утверждал, что собирается приехать. Всего неделю назад он мне сам это говорил, когда мы виделись в клубе «Атенеум».

— Вы хотите сказать, что его вообще не было на конгрессе?

— Именно это я и сказал. *Он должен был там быть!*

— А вы не знаете, почему он не приехал? Прислал он какое-нибудь объяснение?..

— Откуда мне знать? Во всяком случае, он говорил, что собирается туда. А, вот что! Его действительно ожидали. Многие коллеги заметили его отсутствие. Думали, что он, по-видимому, простудился. Уж очень погода коварная!

Тут он вновь хотел перейти к обсуждению выступлений на конгрессе, но архидьякон положил трубку.

Наконец-то он получил конкретные сведения, и сведения эти впервые пробудили в нем беспокойство. Каноника Пеннифазера не было на конгрессе в Люцерне. А он туда собирался. Разумеется, он мог сесть не в тот самолет, но служащие аэропорта обычно чрезвычайно внимательны к пассажирам и подобных ошибок не допускают. Мог ли каноник Пеннифазер забыть, на какой именно день назначен конгресс? Вполне. Но в

таком случае куда же он отправился?

Архидьякон стал звонить в справочную авиаперевозок. Потребовалось немало времени и терпения, один отдел переадресовывал архидьякона в другой, но наконец нужные сведения были получены. Каноник Пеннифазер должен был лететь самолетом, отправляющимся в Люцерн восемнадцатого числа в двадцать один сорок, но в аэропорт не явился.

— Дело понемножку движется, — сказал архидьякон, обращаясь к миссис МакКрей, сидевшей рядом. — Теперь дайте подумать, куда бы нам еще позвонить.

— Все эти звонки будут стоить уйму денег, — вздохнула миссис МакКрей.

— Боюсь, что вы правы, — подтвердил архидьякон Симмонс. — Но должны же мы напасть на его след! Он, знаете ли, не так уж молод!

— О боже мой, неужели, сэр, вы думаете, что с ним что-то случилось?

— Хочу надеяться, что нет... Нет, не думаю, иначе бы вас известили. Скажите, а он... э-э... он носил при себе документы, удостоверяющие его личность?

— Да-да, визитные карточки. И еще разные письма и бумаги...

— В таком случае он наверняка не в больнице, — сказал архидьякон. — Давайте подумаем. Из отеля он поехал в клуб «Атенеум». Туда и позвоним.

Здесь тоже удалось получить кое-какие сведения. Каноника в клубе знали, и в семь тридцать вечера девятнадцатого числа он тут обедал. Архидьякон наконец обратил внимание на факт, прежде от него ускользнувший. Ведь билет на самолет был взят на восемнадцатое, а каноник Пеннифазер покинул отель «Бертрам», сообщив, что едет в Люцерн, девятнадцатого. Кое-что стало проясняться. «Старый осел! — подумал архидьякон Симмонс, едва удержавшись, чтобы не произнести это вслух. — Перепутал даты!»

Итак, каноник отправился в свой клуб, пообедал там, а оттуда последовал в Кенсингтонский аэропорт, где ему сообщили, что билет его просрочен, и каноник понял, что конгресс, на который он собрался, уже завершился.

— Вот что произошло, — сказал архидьякон, — это точно! Подумаем теперь, куда он отправился из аэропорта.

— Обратно в отель, — подсказала миссис МакКрей.

— Разумно, — согласился Симмонс. — Чудесно.

Итак, он покинул аэропорт с маленьким саквояжем и отправился обратно в отель или, во всяком случае, собирался отправиться. По дороге он мог где-нибудь перекусить, а впрочем, нет, он ведь пообедал в клубе. Итак, он отправился в отель. *Но там он не появился!* — Архидьякон подумал секунду-другую и добавил: — А может быть, появился? Но ведь его никто там не видел! Что же случилось с ним по дороге?

— Вдруг он кого-нибудь встретил? — не очень уверенно предположила миссис МакКрей.

— Да. Возможно, возможно... Какого-нибудь старого друга, с которым давно не виделся. Они могли пойти с этим другом в его отель или же к нему домой. Но чего ради он стал бы торчать там целых три дня? Мог ли он за эти три дня не вспомнить, что его багаж остался в отеле? Он обязан был туда позвонить, либо заехать за багажом, либо уже в состоянии полной рассеянности отправиться домой без багажа. Как и чем это можно объяснить?

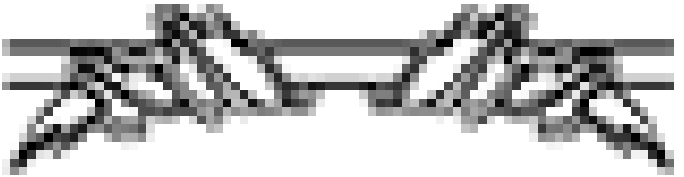
— А вдруг несчастный случай...

— Да, миссис МакКрей, не исключено! Попробуем обзвонить больницы. Но вы сами сказали, что он носит с собой бумаги, удостоверяющие его личность. Хм... Тогда, мне кажется, остается

только одно...

Миссис МакКрей глядела на архидьякона, предчувствуя недоброе.

— Надеюсь, вы понимаете, — мягко проговорил архидьякон, — что нам придется обратиться в полицию?



ГЛАВА 12

Мисс Марпл чрезвычайно приятно проводила время в Лондоне. На сей раз ей удалось много такого, чего она никак не могла предпринять во время своих прежних кратких посещений столицы. Придется с сожалением признать, что культурным мероприятиям в ее планах места не отводилось. Она не заглядывала ни на выставки, ни в музеи. Мысль пойти в салон дамских нарядов ей и в голову не приходила. Она посещала в основном крупные магазины — отделы фарфора и стекла, а также постельного белья и

других домашних принадлежностей. Истратив определенную, по ее мнению, разумную сумму на свои приобретения, мисс Марпл предпринимала время от времени вылазки для собственного развлечения. А это означало прогулки по тем местам и тем магазинам, которые запомнились ей с юности, часто просто для того, чтобы убедиться, существуют ли они поныне. Сладко вздремнув после ланча, мисс Марпл выбиралась из отеля, стараясь по возможности не попадаться на глаза швейцару, полагавшему, что дамы ее лет и комплекции должны непременно пользоваться такси, и шла к автобусной остановке или к станции метро. Она даже купила себе планы автобусных линий и метрополитена и заранее обдумывала свои экскурсии. В послеполуденный час можно было встретить мисс Марпл, бродящую близ Ивлин-Гарденз или на площади Онслоу-сквер и восторженно-ностальгически бормочущую себе под нос: «Да-да, здесь стоял дом миссис Ван-Дилан. Ну конечно, он уже *совсем* не тот. Его, наверное, перестроили. Боже мой, да там четыре звонка! Значит, четыре квартиры. А какая была прелестная старомодная площадь!»

Не без некоторого смущения мисс Марпл посетила Музей восковых фигур мадам Тюссо — это

тоже была одна из радостей детских лет!

Глазеть на любые предметы, выставленные в магазинных витринах, мисс Марпл в общем-то не любила, ее интересовало лишь то, что было ей по душе, и когда она рассматривала образчики вязанья или новые сорта шерсти, то получала истинное удовольствие. Она специально съездила в Ричмонд, чтобы взглянуть на дом, где жил когда-то ее двоюродный дед Томас, адмирал в отставке. Красивая терраса осталась в неприкосновенности, однако и этот дом был, по-видимому, превращен в многоквартирный. Куда более печальная участь постигла особняк дальней родственницы мисс Марпл — леди Мерридью. На месте этого дома на Лаундес-сквер возник небоскреб вполне современного вида. Мисс Марпл грустно покачала головой и пробормотала: «Прогресс, конечно, *вещь нужная,* но если бы кузина Этель это увидела, она бы перевернулась в гробу!»

Однажды в послеполуденный час, когда погода стояла на редкость мягкая и приятная, мисс Марпл села в автобус, идущий через мост Баттерси. Она намеревалась сделать две вещи: бросить сентиментальный взгляд на дома в Принсес-террас, где когда-то жила ее старая гувернантка,

и погулять в парке Баттерси. Впрочем, первую часть программы выполнить не удалось. Дом, где жила старушка-гувернантка, вообще исчез с лица земли, на его месте возникло нечто невообразимо-бетонное. Мисс Марпл отправилась в парк. Она всегда слыла хорошим ходоком, но тут пришлось признать, что силы ее отнюдь не те, что раньше. Теперь и полмили казались непосильной нагрузкой и утомили ее. Все же она решила пересечь парк и дойти до моста Челси, где можно будет найти подходящий автобус, но ноги двигались все медленнее и медленнее, и она от души обрадовалась, увидев на берегу озера кафе.

Несмотря на осеннюю прохладу, чай подавали на открытом воздухе. Народу сегодня было мало: молодые матери с колясками и несколько пар юных влюбленных. Мисс Марпл взяла поднос с чаем и двумя пирожными, осторожно донесла его до столика и уселась. Чай — вот что ей требовалось. Горячий, крепкий, оживляющий чай. Воспрянув духом, мисс Марпл огляделась и, когда взор ее упал на один из столиков, она вдруг выпрямилась. Удивительное совпадение, просто удивительное! Сначала Офицерский универсальный магазин, а теперь — здесь. До чего же неподходящие места выбирают эти двое. Но

нет. Она ошибалась. Мисс Марпл вынула из сумки более сильные очки. Да, конечно, некоторое сходство налицо, прямые светлые волосы, — но это вовсе не Бесс Седжвик! Эта — куда моложе. Ну конечно же — дочь! Та самая юная девица, которая явилась в отель «Бертрам» с другом леди Селины полковником Ласкомбом. Но мужчина был тот самый, что сидел с леди Седжвик в ресторане Офицерского универмага. Сомнений быть не могло: тот же красивый ястребиный профиль, та же худоба, та же хищность, чтобы не сказать — жестокость, и безусловно то же обаяние мужской силы.

«Скверно! — подумала мисс Марпл. — Очень, очень скверно. Даже отвратительно! Безнравственно. *Смотреть неприятно.* Сначала мать, теперь дочь? Что сие означает?»

Ничего хорошего сие означать не могло. Уж в этом-то мисс Марпл была уверена. Не в ее характере было выносить виновному оправдание за недостатком улик, обычно она подозревала худшее и в девяти случаях из десяти оказывалась права. И сейчас мисс Марпл не сомневалась, что оба свидания были свиданиями тайными. Она видела, как эти двое наклонились друг к другу над столом, их головы почти соприкоснулись, гу-

бы что-то шептали. Лицо девушки... Мисс Марпл сняла очки, тщательно протерла стекла и вновь их надела. Да, девушка влюблена. Отчаянно влюблена, как на это способны только очень молодые. Но где же ее опекуны? Почему они позволяют ей бегать по Лондону и назначать тайные свидания в парке Баттерси?.. Хорошо воспитанная, умеющая себя держать девушка. Слишком хорошо воспитанная! Ее близкие наверняка думают, что она совсем в другом месте, а никак не здесь. Ей приходится лгать.

Выходя из кафе, мисс Марпл с умыслом прошла мимо столика, где сидела заинтересовавшая ее парочка, замедлив шаг настолько, чтобы это не очень бросалось в глаза. К сожалению, они говорили так тихо, что ей не удалось ничего расслышать. Говорил мужчина, а девушка слушала с полурадостным, полуиспуганным лицом. «Не собираются ли они сбежать? — подумала мисс Марпл. — Ведь девочка-то несовершеннолетняя!»

Мисс Марпл вышла через маленькую калитку, которая вела на боковую дорожку парка. Тут стояли в ряд автомобили, и мисс Марпл остановилась на них посмотреть. Она хоть и не слишком разбиралась в машинах, но на такую нельзя бы-

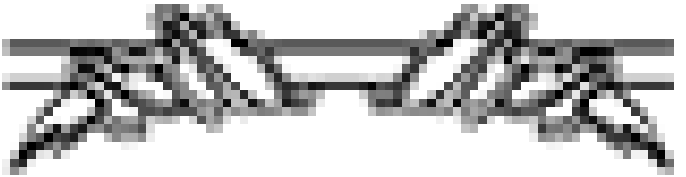
ло не обратить внимания, поэтому мисс Марпл ее заметила и запомнила. Некоторые сведения относительно машин этой марки мисс Марпл получила от своего внучатого племянника, страстного любителя автомобильного спорта. Это была гоночная машина. Марка — иностранная, но, какая именно, мисс Марпл вспомнить не удалось. И еще одно обстоятельство: она уже видела эту машину или точно такую же всего лишь вчера на боковой улочке близ отеля «Бертрам». Заметила она эту машину не только из-за ее размера и необычного вида, но и потому, что ее номерной знак пробудил в памяти мисс Марпл какие-то смутные ассоциации. FAN 2266. Ей вспомнилась ее кузина Фанни Годфри. Бедняжка Фанни, она заикалась...

Мисс Марпл подошла поближе и взглянула на номерной знак, так и есть: FAN 2266. Стало быть, та самая! Погруженная в свои мысли, мисс Марпл шла по мосту Челси, с каждым шагом но́ги у нее болели все больше, и, перейдя мост, она почувствовала себя до того усталой, что решительно остановила первое попавшееся такси. Ее грызла мысль, что ей необходимо предпринять что-то по поводу чего-то. Но по поводу чего именно и что именно? Все так туманно. Рассеянный взгляд

мисс Марпл упал на газетный стенд:

«СЕНСАЦИОННЫЕ ПОДРОБНОСТИ!
Нападение на поезд! Рассказ машиниста».

«Надо же! — вздохнула мисс Марпл. — Не проходит и дня без ограбления банка, без нападения на поезд или на инкассатора. Преступность окончательно вышла из берегов».



ГЛАВА 13

Старший инспектор Фред Дэви бродил по коридорам Следственного отдела и жужжал себе что-то под нос, будто шмель. Эта его привычка была уже давно всем известна и особого внимания сотрудников не привлекала. Они просто говорили друг другу: «Дед-то опять бродит!»

Старший инспектор тем временем добрел до кабинета, где со скучающим выражением лица сидел за столом инспектор Кэмпбелл. Инспектор Кэмпбелл был честолюбивый малый и в глубине души считал свои занятия до крайности одно-

образными. Тем не менее то, что ему поручали, он выполнял безупречно и все, что делал, делал хорошо. Начальство считало его способным и время от времени похваливало.

— Доброе утро, сэр, — сказал инспектор Кэмпбелл, который называл старшего инспектора Дедом только за его спиной. — Чем могу быть вам полезен?

— «Ля-ля-ля, бум-бум, — промурлыкал старший инспектор, слегка фальшивя. — Почему все меня зовут Мэри, раз имя мое мисс Гиббс?»

После столь неожиданного воскрешения арии из давно всеми забытой оперетты старший инспектор подвинул стул и сел.

— Очень занят?

— Да так, средне...

— Ты, я слышал, занимаешься делом об исчезновении постояльца из какого-то отеля? Что это за отель? «Бертрам», что ли?

— Да, сэр. Отель «Бертрам».

— Открыт в неурочные часы? Приглашает девочек?

— Что вы, сэр! — ответил инспектор Кэмпбелл, несколько шокированный самой возможностью подобного предположения. — Превосходный, тихий, старомодный отель!

— Вот как, — сказал Дед, — вот как! Ну что ж, забавно, забавно.

Инспектор Кэмпбелл не понял, что тут такого забавного. Но задавать лишние вопросы ему не улыбалось, так как начальство совсем озверело после ограбления ирландского экспресса, этой весьма успешной, с точки зрения преступников, операции. Он поглядел на крупные, тяжелые черты старика Дэви, чем-то напоминавшего быка, и уже не в первый раз подумал: каким же образом старшему инспектору удалось достигнуть такого чина и почему его так ценят в отделе? «Ну, в прежние времена еще понятно, — думал Кэмпбелл, — но сейчас немало способных молодых ребят, и не мешало бы их повысить в должности, когда этот старый пень освободит место». Но «старый пень» уже замурлыкал новую песенку.

– *«Скажи мне, милый незнакомец, кто в доме есть, похожий на тебя?»* — пел Дед и внезапно продолжил фальцетом: — *«Есть, добрый сэр, таких прелестных дев вам повстречать еще не приходилось!»* Постой, постой, я, кажется, спутал, где он, а где она... *«Флорадора».* Хороший был спектакль!

— По-моему, я слышал о нем, сэр, — сказал инспектор Кэмпбелл.

— Твоя мама тебе это пела, когда ты был в колыбели, — отрезал старший инспектор Дэви. — Ну так что же происходит в отеле «Бертрам»? Кто оттуда исчез, как и почему?

— Каноник Пеннифазер. Пожилой священник.

— Скучное дело, а?

Инспектор Кэмпбелл улыбнулся:

— Да, сэр, довольно-таки скучное.

— Как он выглядит, этот каноник? Описание его у тебя есть?

— Конечно. — Кэмпбелл полистал бумаги и прочитал: — Рост пять футов восемь дюймов[13]. Огромная копна седых волос. Сутулится...

— И он исчез из отеля «Бертрам»? Когда именно?

— Около недели назад. Девятнадцатого ноября.

— А сообщили об этом только сейчас! Не слишком-то торопились, а?

— Думаю, надеялись, что он вот-вот вернется.

— Имеешь какое-нибудь представление, что за всем этим кроется? — спросил Дед. — Мог ли эдакий порядочный богобоязненный старикан внезапно сбежать с женой церковного старосты? Может, он тайком пил или похитил церковные

---

[13] notes: 13

Соответствует примерно ста семидесяти трем сантиметрам: фут — мера длины, равная 30,5 см, дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

деньги? А что, если он из тех рассеянных чудаков, с которыми вечно что-то случается?

— Как я слышал, сэр, последнее предположение наиболее соответствует действительности.

— Как? Он уже исчезал из этого респектабельного отеля?

— Нет, не совсем так. Просто он не всегда возвращался домой, когда ему надлежало вернуться. Случалось, что он являлся к своим друзьям в тот день, когда его не звали, или же не приходил тогда, *когда его ждали.* Словом, подобные истории с ним не редкость!

— Так, — сказал Дед, — значит, так. Ну что ж, звучит обнадеживающе и вполне вписывается в образ. Когда же именно он исчез?

— В четверг. Девятнадцатого ноября. Он должен был присутствовать на конгрессе в... — Он склонился над столом, перелистал бумаги. — Да, в Люцерне. Общество изучения библейских текстов. Во всяком случае, так звучит в переводе. Кажется, это немецкое общество.

— Конгресс, стало быть, проводился в Люцерне. И наш старик... *Кстати, он старик?*

— Шестьдесят три года, сэр.

— И наш старик там не появился?

Инспектор Кэмпбелл подвинул бумаги к Деду,

чтобы тот мог с ними ознакомиться.

— Да, непохоже, чтобы он сбежал с мальчиком из хора, — заметил старший инспектор Дэви.

— Надеюсь, он благополучно вернется домой, — сказал Кэмпбелл, — но, так или иначе, нам пришлось этим заняться. Вы в этом деле... э-э... особо заинтересованы, сэр?

— Нет, — задумчиво протянул Дэви. — Нет, меня это дело не интересует. Да и чем бы оно могло меня заинтересовать?

Наступила пауза, в воздухе повисла не произнесенная вслух фраза: «Тогда почему же?..» — но инспектор Кэмпбелл был слишком хорошо воспитан, чтобы задавать такие вопросы старшим по званию.

— Что меня на *самом деле* интересует, — сказал Дед, — так это дата. Ну и, конечно, отель «Бертрам».

— В этом отеле все всегда в полном порядке, сэр!

— Ну что ж, прекрасно, — сказал Дед. И задумчиво добавил: — Хотелось бы мне взглянуть на этот отель.

— Сколько угодно, сэр! В любое удобное для вас время. Я сам собираюсь туда пойти.

— Пожалуй, я схожу с тобой, — произнес Дед. —

Вмешиваться ни во что не буду. Но мне хочется просто посмотреть на это местечко, и твой исчезнувший архидьякон — или кто он там? — хороший предлог. Можно не называть меня там «сэром». Главным будешь ты. А я — твоим помощником.

Инспектор Кэмпбелл оживился:

— Вы думаете, сэр, там есть что-то, за что можно зацепиться?

— Так думать оснований пока нет, — сказал Дед. — Но знаешь, как это бывает. Появляются какие-то... ну, предчувствия, что ли. Уж больно хорош отель «Бертрам», чтобы быть настоящим!

И тут он вновь превратился в жужжащего шмеля, обогатив свой репертуар песенкой: «Пойдем-ка вдоль по Стрэнду!»

Оба детектива отправились в отель, причем Кэмпбелл выглядел весьма элегантно в дорогом костюме (фигура у него была превосходная), а старший инспектор Дэви, одетый во что-то твидовое, казалось, приехал из деревни. И оба прекрасно вписались в интерьер отеля. Одна только мисс Горриндж своим наметанным глазом сразу отметила эту пару и поняла, кто такие на самом деле эти новые посетители. С тех пор как из отеля сообщили в полицию об исчезнове-

нии каноника Пеннифазера, она каждый день ожидала чего-нибудь в этом роде.

Шепотом отдав распоряжения своей помощнице, серьезной молодой девушке, которую мисс Горриндж всегда держала при себе, она подошла поближе к стойке и взглянула на посетителей. Инспектор Кэмпбелл положил перед ней свое удостоверение, и мисс Горриндж молча кивнула. За спиной Кэмпбелла топтался крупный, облаченный в твидовую пару пожилой мужчина, и мисс Горриндж отметила про себя, что он разглядывает холл отеля и лица в нем присутствующих с наивным удовольствием провинциала, впервые получившего возможность наблюдать представителей высшего общества в их родной стихии.

— Может, пройдем в контору? — предложила мисс Горриндж. — Там нам будет спокойнее.

— Да. Так оно будет лучше.

— Хорошо здесь у вас! — проговорил массивный мужчина, в котором, на взгляд мисс Горриндж, было что-то бычье. — Тепло, красиво. — Он кивнул на камин: — Уют прежних дней!

Мисс Горриндж улыбнулась, польщенная.

— Да, действительно. Мы гордимся тем, что нашим гостям у нас уютно. — Она повернулась к помощнице: — Справишься, Элис? Вот журнал.

Скоро приедет леди Джослин. Как только она увидит свой номер, то немедленно захочет его сменить, но ты ей объясни, что отель переполнен. Во всяком случае, предложи ей номер триста сорок на третьем этаже. Это не слишком приятная комната, и, я думаю, увидев ее, леди Джослин удовлетворится той, какую мы ей выделили.

— Да, мисс Горриндж. Я все поняла, мисс Горриндж.

— И напомни, кстати, полковнику Мортимеру, что его полевой бинокль здесь. Он оставил его у меня сегодня утром. Проследи, чтобы полковник не ушел без бинокля.

— Хорошо, мисс Горриндж.

Покончив с текущими делами, мисс Горриндж вышла из-за стойки и, взглянув на пришедших, направилась к двери красного дерева, на которой не было никакой надписи, открыла ее, и все трое очутились в помещении конторы, довольно унылом и тесном.

— Итак, пропавшее лицо — это каноник Пеннифазер, как я понимаю, — начал инспектор Кэмпбелл — Расскажите, пожалуйста, в подробностях, как все это случилось.

— Не думаю, чтобы каноник Пеннифазер пропал в том смысле слова, в каком оно обычно

употребляется, — ответила мисс Горриндж — Очень возможно, что он кого-то встретил, скажем старого друга, и отправился вместе с ним на какое-нибудь ученое собрание на континент. Он, знаете ли, чрезвычайно рассеян.

— Вы давно его знаете?

— Да, он останавливается у нас уже — дайте вспомнить! — уже лет пять или шесть.

— А вы сами давно здесь работаете, мэм? — внезапно вмешался старший инспектор Дэви.

— Четырнадцать лет, — сказала мисс Горриндж.

— Прекрасное место! — одобрил Дэви. — И каноник Пеннифазер всегда у вас останавливается, когда бывает в Лондоне?

— Да. Он всегда приезжает прямо к нам. Сообщает заранее и заказывает номер. Когда дело касается бумаг, он куда менее рассеян. Сейчас забронировал номер с семнадцатого по двадцать первое. Но предупредил, что в течение этого времени будет отсутствовать одну или две ночи, и попросил оставить номер за ним... Он нередко так делал.

— А когда вы начали о нем беспокоиться?

— Да я особенно и не беспокоилась. Но, конечно, все это странно! Дело в том, что его номер с

двадцать третьего обещан другому клиенту, и когда я поняла — а поняла я это не сразу, — что он не вернулся из Лугано...

— У меня записано: Люцерн, — вставил Кэмпбелл.

— Да, да, да, кажется, *именно* Люцерн. Какой-то археологический конгресс. В общем когда я увидела, что он не вернулся, а все его вещи остались в номере, мне это показалось странным. В это время года, знаете ли, отель всегда переполнен, а в его номер должна была въехать миссис Сондерс. Она всегда предпочитает эту комнату. Ну а затем сюда позвонила его экономка. Она очень беспокоилась.

— Имя экономки — миссис МакКрей, так мне сообщил архидьякон Симмонс. Вы с ней знакомы?

— Нет, я с ней не встречалась, но говорила раза два по телефону. Она, как видно, очень предана канонику Пеннифазеру и уже несколько лет у него работает. Она, конечно, встревожилась. Насколько мне известно, они с архидьяконом Симмонсом обзвонили близких друзей и родственников каноника, но ничего не узнали. А так как каноник пригласил архидьякона в гости, то в самом деле более чем странно, что каноник не явился!

— А что, этот каноник всегда такой рассеянный? — спросил Дед.

Мисс Горриндж пропустила вопрос мимо ушей. Этот грузный тип, судя по всему, сержант, сопровождающий инспектора, позволяет себе слишком много.

— А теперь я узнала, — продолжала мисс Горриндж слегка раздраженным голосом, — узнала от архидьякона Симмонса, что каноник вообще не был на конференции в Люцерне!

— Он сообщил, что не сможет приехать?

— По-моему, нет, во всяком случае, отсюда не сообщал. Не телеграфировал, не звонил... По поводу Люцерна я ничего не знаю, меня заботит то, что все это косвенно касается и *нас.* Сведения уже просочились в вечерние газеты. Я имею в виду тот факт, что каноник исчез. К счастью, они не упомянули, что он останавливался в *нашем отеле.* Надеюсь, не упомянут и впредь. Нам совсем не улыбается видеть здесь представителей прессы, это может огорчить клиентов. Если вы сможете нас от них избавить, инспектор Кэмпбелл, мы будем вам очень, очень благодарны! *Ведь исчез он не отсюда!*

— Его багаж у вас?

— Да. В камере хранения. Предположим, к

примеру, что в Люцерн он не поехал. Вы не допускаете, что он мог попасть под машину?

— Надеюсь, ничего страшного с ним не случилось.

— Это в самом деле весьма странно, — продолжила мисс Горриндж, и на сей раз в ее голосе раздражение уступило место любопытству. — Право, трудно понять, *куда он отправился и почему*.

— Конечно, — Дед глянул на нее понимающе, — вы ведь смотрели на все происшедшее с точки зрения интересов отеля. Что вполне естественно.

— По моим данным, — сказал инспектор Кэмпбелл, заглядывая в свои бумаги, — каноник Пеннифазер ушел из отеля около половины седьмого вечера в четверг девятнадцатого. У него был с собой маленький саквояж. Он взял такси, а швейцар дал шоферу адрес клуба «Атенеум».

Мисс Горриндж кивнула:

— Да-да, он обедал в клубе «Атенеум». Архидьякон Симмонс мне сказал, что именно *там* каноника видели в последний раз.

То, что каноника в последний раз видели в клубе «Атенеум», а не в отеле «Бертрам», как бы снимало с отеля ответственность, и голос мисс Горриндж зазвучал увереннее и тверже.

— Ну что ж, всегда полезно выстроить все факты, — добродушно пророкотал Дед, — а мы их как раз и выстроили. Итак, он ушел со своим маленьким чемоданчиком или, точнее, с саквояжем, да, именно с саквояжем. Ушел и не вернулся, так?

— Как видите, тут я ничем не могу вам помочь, — сказала мисс Горриндж, всем своим видом показывая, что вот-вот поднимется с места и вернется к своим обязанностям.

— И в самом деле, *кажется,* вы нам помочь не можете, — буркнул Дед. — Но вдруг нам поможет кто-нибудь еще?

— Кто-нибудь еще?

— Ну, кто-нибудь из персонала отеля.

— Не думаю, чтобы кто-нибудь *что-то знал!* Иначе нам бы непременно сообщили.

— Могли сообщить. А могли и не сообщить. Я имею в виду вот что: вам бы сообщили, если были бы *обнаружены* какие-нибудь достойные внимания факты. А я думаю о другом: он мог что-то *сказать*...

— Сказать? Что именно сказать? — растерялась мисс Горриндж.

— То, что способно навести на след. Ну, к примеру: «Сегодня вечером я увижу старого друга, с которым мы не виделись с тех пор, как встреча-

лись в Аризоне». Что-то в этом духе. Или: «На той неделе я поеду к своей племяннице по случаю конфирмации[14] ее дочки». Когда имеешь дело с людьми рассеянными, такого рода мелочи имеют не последнее значение! Они, так сказать, показывают ход их мыслей. Вполне возможно, что, пообедав в клубе, каноник сел в такси и спросил себя: «А куда я, собственно, еду?», а так как он думал, скажем, о племяннице, то и решил, что едет к ней.

— Понимаю, что вы имеете в виду, — сказала мисс Горриндж не без сомнения. — Но, по-моему, это совершенно невозможно!

— Ох, никто не знает, где его поджидает удача! — весело отозвался Дед. — В вашем отеле сейчас много постояльцев. Наверняка каноник был с некоторыми из них знаком, раз он часто у вас останавливался.

— Да-да, — сказала мисс Горриндж. — Дайте-ка вспомнить. Я видела, как он разговаривал с... ну да, с леди Селиной Хейзи. Затем — с епископом из Нориджа. Они старые друзья. Вместе учились в Оксфорде. Затем с миссис Джеймсон и ее дочерью. Они с каноником живут по соседству. В общем,

---

[14] notes: 14

К о н ф и р м а ц и я — у протестантов обряд подтверждения крещения, совершаемый над подростками перед первым причастием.

знакомых у него довольно много.

— Вот видите, — сказал Дед — Он вполне мог что-нибудь *им* сказать. Пусть хоть самую малость, но эта малость может навести нас на след. В отеле есть сейчас кто-нибудь из знакомых каноника?

Мисс Горриндж нахмурилась, раздумывая:

— Думаю, генерал Рэдли. И еще одна старая дама из провинции, она бывала в нашем отеле в юности, так, во всяком случае, она мне сказала. Не могу вспомнить ее фамилии... Ах да, мисс Марпл. По-моему, она знала каноника.

— Что ж, начнем с этих двоих. Ну, и еще горничная.

— Но ведь сержант Вадэлл уже задавал ей вопросы, — удивилась мисс Горриндж.

— Знаю, знаю. Но, быть может, не с той точки зрения... А как насчет официанта? Или метр-дотеля?

— Вы имеете в виду Генри? — спросила мисс Горриндж.

— Кто такой Генри? — спросил Дед.

Мисс Горриндж была явно шокирована. Ей казалось просто невозможным, что кто-то не знает Генри.

— Генри работает здесь — я даже не знаю сколько лет! — ответила она. — Вы должны были его

видеть, когда вошли, он подавал чай.

— Личность несомненно яркая, — согласился Дед. — Помнится, я действительно обратил на него внимание.

— Прямо не знаю, что бы мы без Генри делали, — с чувством заявила мисс Горриндж. — Он удивительный человек. И задает тон всему нашему отелю.

— А что, если он принесет мне чаю? — воодушевился старший инспектор Дэви. — Я заметил, там подавали горячие плюшки. Я бы с удовольствием съел хорошую плюшку!

— Пожалуйста, если угодно, — сказала мисс Горриндж довольно прохладно. — Две порции чаю и чтобы их подали в холле? — добавила она, обращаясь к инспектору Кэмпбеллу.

— Что же... — начал было инспектор, но тут дверь внезапно распахнулась и во всем своем олимпийском величии явился сам мистер Хамфрис.

Он удивленно и вопросительно взглянул на мисс Горриндж. Та объяснила:

— Эти джентльмены из Скотленд-Ярда, мистер Хамфрис.

— Инспектор Кэмпбелл, — представился Кэмпбелл.

— Да-да. Понятно, — протянул мистер Хамфрис. — Видимо, это связано с каноником Пеннифазером? Поразительная история! Надеюсь, с этим милым пожилым человеком ничего дурного не случилось?

— И я надеюсь, — сказала мисс Горриндж. — Он такой славный!

— Один из представителей старой школы, — одобрительно произнес мистер Хамфрис.

— У вас, по-моему, немало этих самых представителей, — заметил старший инспектор Дэви.

— Вы правы, совершенно правы, — согласился мистер Хамфрис. — Да, наш отель во многом является, так сказать, пережитком прошлого.

— И у нас постоянная клиентура, — гордо добавила мисс Горриндж. — Постояльцы возвращаются к нам вновь и вновь. И много американцев. Из Бостона. Из Вашингтона. Милые, спокойные люди.

— Им нравится наша чисто английская атмосфера, — сказал мистер Хамфрис, показывая в улыбке белоснежные зубы.

Дед задумчиво глядел на него.

— Вы уверены, что от каноника Пеннифазера не поступало никаких известий? А вдруг кто-нибудь забыл записать и передать? — спросил

инспектор Кэмпбелл.

— Все телефонные сообщения записываются *чрезвычайно* тщательно, — отрезала мисс Горриндж ледяным тоном — Не могу себе представить, чтобы мне или любому дежурному могли что-то не передать! — И она с вызовом глянула на инспектора.

Тот притворился смущенным.

— Нам, знаете ли, все эти вопросы уже задавали, — проговорил мистер Хамфрис слегка неприязненным тоном. — Всей информацией, в нашем распоряжении имеющейся, мы уже поделились с сержантом... Не могу сейчас вспомнить его фамилии...

Тут Дед зашевелился и добродушно проговорил:

— Видите ли, дело обстоит несколько серьезнее, чем казалось вначале. Тут не просто рассеянность. Вот почему, по-моему, нам следует потолковать с людьми, о которых вы упомянули: с генералом Рэдли и мисс Марпл.

— Вы хотите, чтобы я вам устроил с ними собеседование? — Мистер Хамфрис казался удрученным. — Генерал Рэдли совсем глухой.

— Не стоит это делать слишком официально, — сказал старший инспектор Дэви, — не будем

никого тревожить. Положитесь на нас. Вы нам только укажите этих людей. А вдруг каноник Пеннифазер *поделился* с кем-нибудь из них своими планами, назвал имя друга, с которым встретится в Люцерне или который едет с ним в Люцерн. Во всяком случае, надо попытаться.

Мистер Хамфрис вздохнул с облегчением.

— Чем я еще могу быть полезен? — спросил он. — Вы, конечно, понимаете, что мы готовы вам всячески помогать, но вы должны также понять, до чего нам нежелательна шумиха в печати.

— Конечно, — сказал инспектор Кэмпбелл.

— Итак, я перемолвлюсь словечком с горничной, — сказал Дед.

— Если вам угодно. Сомневаюсь, однако, что она может вам что-нибудь сообщить.

— Вероятно, нет. Но вдруг обнаружится какая-нибудь деталь, какое-нибудь замечание, брошенное каноником по поводу либо письма, либо предстоящего свидания. Никогда не знаешь заранее...

Мистер Хамфрис взглянул на часы.

— Она дежурит с шести. Второй этаж. А тем временем вы, быть может, выпьете чаю?

— Что ж, очень кстати! — отозвался Дед.

Они вышли из комнаты все вместе.

— Генерал Рэдли должен быть в курительной, — сказала мисс Горриндж. — Первая дверь по коридору налево. Он там сидит у камина с газетой *«Таймс»*. Однако думаю, — добавила она, понизив голос, — что он, скорее всего, спит. Может, вы хотите, чтобы я...

— Нет-нет, я сам справлюсь, — возразил Дед. — Ну а где та старая дама?

— А вон она, сидит у камина, — шепнула мисс Горриндж.

— С пушистыми седыми волосами и с вязаньем в руках? Честное слово, ее бы прямо на сцену! Эдакая классическая двоюродная бабушка!

— Двоюродные бабушки нынче выглядят иначе, — сказала мисс Горриндж, — равно как бабушки и прабабушки. Вчера у нас тут была маркиза Барлоу. Кстати, прабабушка. Право же, я ее не узнала, когда она вошла. Прямо из Парижа. Лицо — бело-розовая маска, волосы — платиновые. Думается, и с фигурой ей что-то там наколдовали, но, так или иначе, в целом она смотрелась превосходно!

— Мне больше по вкусу старомодные бабушки, — парировал Дед. — Спасибо, мэм. — Он повернулся к Кэмпбеллу: — Я тут сам займусь, вы не против, сэр? У вас ведь назначено важное

свидание?

— Верно, верно, — ответил Кэмпбелл, поняв намек. — Не думаю, что из этого выйдет толк, но попробовать следует.

Мистер Хамфрис удалился в свои внутренние покои, бросив через плечо:

— Мисс Горриндж, попрошу вас на минутку.

Мисс Горриндж последовала за ним и притворила за собой дверь.

Хамфрис шагал взад и вперед по комнате. Он резко спросил:

— Зачем им понадобилось видеть Роуз? Ведь ее уже допрашивали!

— Вероятно, у них такой порядок, — неуверенно предположила мисс Горриндж.

— Вы бы сначала сами с ней поговорили.

Мисс Горриндж несколько удивилась.

— Но ведь инспектор Кэмпбелл...

— А-а, Кэмпбелл меня ничуть не беспокоит. А вот другой... Вы знаете, кто он?

— Он, по-моему, своей фамилии не назвал. Надо думать, сержант какой-нибудь. Настоящая деревенщина.

— Черта с два деревенщина! — крикнул мистер Хамфрис, утратив свои величественные манеры. — Это — старший инспектор Дэви. Старая

лиса! Большой мастерюга из Скотленд-Ярда. Хотел бы я знать, *что он тут делает*, почему всюду сует свой нос и притворяется деревенщиной! Не нравится мне это!

— Вы думаете?..

— Сам не знаю, что и думать. Но говорю вам: мне это не нравится. С кем еще он собирался говорить, кроме Роуз?

— Кажется, хотел побеседовать с Генри.

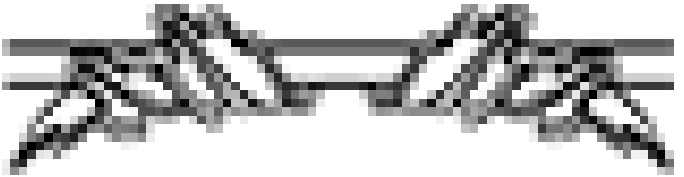
Мистер Хамфрис захохотал. Мисс Горриндж тоже.

— Ну насчет Генри можно не беспокоиться!

— Нет, конечно. А как насчет постояльцев, которые знали каноника?

Мистер Хамфрис снова засмеялся.

— Пускай повеселится со старым Рэдли! Ему придется орать так, что стены задрожат, а толку все равно никакого. Вполне одобряю его желание побеседовать с Рэдли и с этой смешной старой курицей мисс Марпл. И все же не нравится мне, что он всюду сует свой нос...



ГЛАВА 14

— Знаешь, — задумчиво проговорил старший инспектор Дэви, — что-то мне не нравится этот Хамфрис.

— Вы считаете, что у них не все в порядке? — спросил Кэмпбелл.

— Видишь ли, — голос Деда звучал примирительно, — видишь ли, пока это, так сказать, ощущение... Скользкий тип. Интересно, владелец отеля или же просто управляющий?

— Я могу его спросить, — отозвался Кэмпбелл и уже сделал шаг назад.

— Нет, не спрашивай, — остановил его Дед. — Выясни это тихо.

Кэмпбелл с интересом взглянул на него:

— Что у вас на уме, сэр?

— Пока еще ничего определенного, — сказал Дед. — Хотелось бы собрать побольше информации об этом местечке. Хотелось бы знать, кто за ним стоит, каково его финансовое положение. В этом вот роде.

Кэмпбелл покачал головой:

— Если в Лондоне и есть место вне всяких подозрений, то именно...

— Знаю, знаю, — перебил Дед. — И до чего ж полезно иметь такую репутацию!

Снова покачав головой, Кэмпбелл ушел. Дед отправился по коридору в курительную комнату. Генерал Рэдли только что проснулся. *«Таймс»* упала с его колен и слегка смялась. Дед ее поднял, расправил и протянул генералу.

— Спасибо, сэр. Вы весьма любезны, — сказал генерал хрипло.

— Генерал Рэдли?

— Да.

— Извините, — сказал Дед, повысив голос. — Я бы хотел поговорить с вами о канонике Пеннифазере.

Генерал расслышал не сразу, но потом проговорил:

— А-а. Я его тут видел недавно.

— Он хотел дать мне свой адрес. Сказал, что оставит его у вас.

Генерал опять ничего не расслышал, пришлось повторять.

— Никакого адреса он мне не оставлял. Верно, перепутал с кем-нибудь. Бестолковый старый дурень. Всегда таким был. Ученый, знаете ли! Все они рассеянные!

Дед сделал еще несколько попыток, но вскоре понял, что беседа с генералом Рэдли бессмысленна и вряд ли даст результаты. Он пошел в холл и сел за столик рядом с мисс Марпл.

— Чаю, сэр?

Дед поднял голову. Наружность Генри произвела на Деда то же впечатление, какое производила на всех. Несмотря на крупную и величественную фигуру, Генри казался некой пародией на эльфа Ариэля, который может по своему желанию то возникать, то исчезать.

— У вас, кажется, есть горячие плюшки? — спросил Дед.

Генри приветливо улыбнулся:

— Да, сэр. И превосходные! Клиентам нравятся!

Чай индийский или китайский?

— Индийский. А лучше цейлонский, если у вас есть.

— Разумеется, сэр.

Генри сделал едва заметное движение пальцем, и официант, бледный юноша, исчез, чтобы вновь появиться с плюшками и чаем. А Генри грациозно двинулся дальше.

«Да, ты Персона! — подумал Дед. — Хотелось бы знать, где они тебя откопали и сколько они тебе платят? Держу пари, что кучу денег, впрочем, *ты их стоишь!»*

Он не спускал глаз с Генри, который чуть ли не с родственным участием склонился над старой дамой. Деду было бы интересно узнать, что думал Генри о нем самом, если только тот вообще о нем что-нибудь думал. Дед полагал, что он неплохо вписался в интерьер «Бертрама». Его можно было принять то ли за процветающего фермера-джентльмена, то ли за пэра, похожего на букмекера. Дед знал парочку таких пэров. Нет, в целом он, конечно, вписывается, вот только Генри вряд ли удалось бы обмануть. *«Да, ты Персона!»* — снова подумал Дед.

Появился чай с плюшками. Дед откусил большой кусок. По подбородку потекло масло, и Дед

поспешно вытер его большим носовым платком. Он выпил две чашки чаю, положив побольше сахара. Затем наклонился к даме, сидевшей с ним рядом.

— Простите меня, вы не мисс Джейн Марпл?

Мисс Марпл перевела свой взгляд с вязанья на старшего инспектора Дэви.

— Да, я мисс Марпл.

— Надеюсь, это ничего, что я с вами заговорил? По правде говоря, я из полиции.

— В самом деле? Надеюсь, ничего серьезного здесь не случилось?

— Нет-нет, не беспокойтесь, мисс Марпл. Ничего такого, о чем вы думаете. Ни ограбления — словом, ничего страшного. Кое-какие затруднения, возникшие в связи с пропавшим священнослужителем. Он, кажется, ваш знакомый? Каноник Пеннифазер.

— А, каноник Пеннифазер! Он был тут на днях. Да, я его немного знаю с давних пор. Он очень, *очень рассеянный.* — Она добавила с любопытством: — Что он такое натворил?

— Если можно так выразиться, он потерялся.

— О боже мой! — воскликнула мисс Марпл. — А где же он должен находиться?

— У себя дома, — сказал Дед. — Но там его нет.

– *Он сказал мне,* что едет на конгресс в Люцерн. Что-то по поводу свитков Мертвого моря, если не ошибаюсь. Он крупный специалист по древнееврейскому и арамейскому.

— Все это так, — сказал Дед. — Да только он туда не доехал.

— Очевидно, перепутал даты, — сказала мисс Марпл.

— Похоже на то, похоже на то...

— Боюсь, — продолжала мисс Марпл, — это с ним не впервые. Как-то он пригласил меня на чай к себе в Чедминстер. А сам домой не явился. Тут мне его экономка и рассказала, до чего он рассеянный.

— А он вам ничего такого не сказал, что могло бы навести нас на след? — спросил Дед доверительным и мягким тоном. — Ну хотя бы, что он встретил старого друга, или намекнул насчет каких-нибудь планов, не касающихся конгресса.

— Нет-нет. Он лишь упомянул о конгрессе в Люцерне. Кажется, он сказал — девятнадцатого! Я не ошиблась?

— Да, конгресс был назначен как раз на этот день.

— Я как-то не обратила внимания на дату. — И тут, как и большинство старых дам, мисс Марпл

слегка запуталась в вычислениях. — *По-моему,* он сказал — девятнадцатого, и, *возможно* это число и назвал. И в самом деле *мог иметь в виду* девятнадцатое, хотя это было *двадцатое.* Я имею в виду, что он подумал, будто двадцатое *было девятнадцатого* или что девятнадцатое — это двадцатое...

— Ага. — Дед был слегка ошеломлен этими выкладками.

— Я плохо выразилась, — сказала мисс Марпл, — но я имею в виду, что если люди типа каноника Пеннифазера говорят вам, что идут куда-то в четверг, то очень может статься, что они думают вовсе не о четверге, а о среде или о пятнице. Бывает, они вовремя спохватываются, а бывает, что и нет. Вот я и решила, что произошло что-то в этом роде.

Дед изумленно на нее взглянул:

— Вы так говорите, мисс Марпл, будто уже знаете, что каноник Пеннифазер не был в Люцерне?

— Я знаю, что он не был в Люцерне в *четверг,* — пояснила мисс Марпл. — Большую часть дня он провел здесь. Вот почему я подумала, что, когда он говорил мне про четверг, то имел в виду пятницу. А вечером в четверг он действительно ушел, захватив маленький саквояж. Тогда я решила,

что он отправился в аэропорт. Вот почему я так удивилась, увидев, что он вернулся.

— Простите, но что вы имеете в виду, говоря «вернулся»?

— То, что он сюда вернулся.

— Попробуем все хорошенько выяснить. — Дед заговорил мягким, дружелюбным тоном, стараясь, чтобы собеседница не догадалась, сколь важны ему эти сведения. — Вы видели, как этот старый идиот... Вы видели, что каноник ушел из отеля и, как вы думали, поехал в аэропорт. Это верно?

— Да. Около половины седьмого, может быть, без четверти семь...

— Но вы же сказали, что он *вернулся.*

— Видимо, опоздал на самолет. Другого объяснения я не вижу.

– *Когда* он вернулся?

— Право, не знаю. Я не видела, как он возвращался.

— А мне послышалось, будто вы сказали, *что видели его.*

— Ну да, я видела его *позже.* Но не знаю, когда и как он снова появился в отеле.

— Стало быть, позже. Когда же?

Мисс Марпл задумалась.

— Значит, так. Было это около трех утра. Я плохо спала. Что-то меня разбудило. Какой-то звук. В Лондоне столько странных шумов! Я взглянула на часы — было десять минут четвертого. Почему-то, сама не знаю почему, мне стало тревожно. Быть может, послышались шаги за дверью. В деревне, когда слышишь чьи-то шаги, всегда страшно! Я открыла дверь и выглянула. И увидела, что каноник Пеннифазер вышел из своего номера — его дверь соседняя с моей — и стал спускаться вниз по лестнице. Он был в пальто.

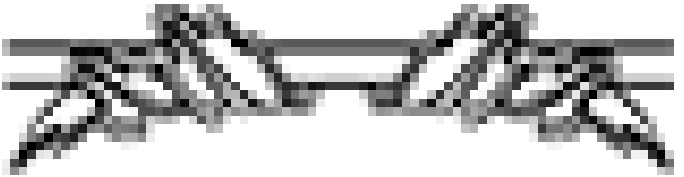
— Итак, он вышел из своего номера в верхней одежде и спустился с лестницы в три часа утра?

— Да, — подтвердила мисс Марпл и добавила: — Мне это показалось странным.

Дед несколько секунд молча глядел на нее.

— Мисс Марпл, — проговорил он, — почему же вы об этом никому не сказали?

— Меня никто не спрашивал, — просто ответила мисс Марпл.



ГЛАВА 15

Дед глубоко вздохнул.

— Да, — проговорил он, — да, полагаю, вас действительно никто не спросил. Только и всего!

Он вновь погрузился в молчание.

— Вы думаете, с ним что-то случилось? — спросила мисс Марпл.

— Уже неделя, как его нет, — ответил Дед. — Удара с ним не случилось, на улице его не подбирали. В госпиталь в результате несчастного случая не попадал. Так где же он? О его исчезновении сообщила печать, но никаких сведений ни от

кого не поступило. Это выглядит так, *будто он сам хотел исчезнуть.* В середине ночи уйти из отеля! Вы уверены, что видели его? Вам это не пригрезилось?

— Совершенно уверена!

Дед встал.

— Пойду поговорю с горничной.

Дед застал Роуз Шелдон на посту и мысленно одобрил ее приятную внешность.

— Извините, что беспокою вас. Наш сержант уже задавал вам вопросы. По поводу каноника Пеннифазера... Рассеянный джентльмен!

Роуз Шелдон позволила себе скромно улыбнуться.

— Итак, дайте-ка вспомнить. — Дед сделал вид, что заглядывает в свой блокнот. — В последний раз вы видели каноника Пеннифазера в...

— В четверг утром, сэр. Он мне сообщил, что ночевать не будет и следующую ночь, возможно, тоже. Он собирался уезжать, по-моему, в Женеву. В общем куда-то в Швейцарию. Дал мне выстирать две рубашки, и я обещала, что они будут готовы к следующему дню.

— И с тех пор вы его не видели?

— Нет, сэр. Видите ли, я днем не дежурю. Я вновь прихожу только в шесть вечера. К этому времени

он либо уже уехал, либо спустился вниз. В номере его не было. Он оставил здесь два чемодана.

— Верно, — сказал Дед. — Их содержимое было проверено, но это ничего нам не дало. А на следующее утро вы к нему заходили?

— Заходила? Нет, сэр, ведь он же уехал.

— А обычно как это здесь происходит? Вы приносите ему в номер чай? Или завтрак?

— Чай рано утром, сэр. Завтракает он всегда внизу.

— Так что весь следующий день вы к нему в номер не заглядывали?

— Ну что вы, сэр! — В голосе Роуз послышалась обида. — Я, как всегда, была у него в номере. Во-первых, принесла рубашки. И конечно, вытерла пыль. Мы ежедневно убираем номера.

— Постель его была смята? На ней спали?

— Постель, сэр? Нет конечно!

— А что было в ванной комнате?

— Там было влажное полотенце, которым он пользовался, очевидно, накануне вечером. Возможно, перед отъездом мыл руки.

— А не было ли в номере признаков того, что каноник туда возвращался, предположим, уже поздно, после полуночи?

Роуз растерянно уставилась на него. Дед открыл

было рот и снова его закрыл. Либо она ничего не знала о возвращении каноника, либо была великолепной актрисой.

— А его одежда? Костюмы? Уложены в чемоданы?

— Нет, сэр. Они висели в шкафу. Он же оставил за собой номер.

— Кто же их упаковал?

— Мисс Горриндж распорядилась, сэр. Номер понадобился для другого постояльца — для одной дамы.

Вполне ясный, последовательный отчет о событиях. Но если старая дама и впрямь видела каноника Пеннифазера выходящим из своего номера в три часа утра в пятницу, то ведь должен же он был побывать в этом номере! Никто не видел, как он входил в отель. Быть может, у него имелась причина войти незамеченным? Никаких следов своего пребывания в комнате он не оставил. Он даже не прилег на постель. Не приснилось ли это мисс Марпл? В ее годы всякое случается. Внезапно в голову ему пришла мысль:

— А как насчет саквояжа?

— Простите, сэр?

— Маленький саквояж, темно-синий, вы должны были его видеть.

— А, это!.. Да, сэр. Но ведь он взял его с собой за границу.

— Но за границей он *не был.* Он так и не поехал в Швейцарию. Значит, саквояж должен был остаться в номере. Или же он вернулся в отель и оставил саквояж тут.

— Да-да, думаю... хотя не уверена, да, вероятно...

Неожиданно в голове у Деда мелькнула мысль: *«А насчет этого тебя, значит, не проинструктировали».*

До сих пор Роуз Шелдон была совершенно спокойной и отвечала на все вопросы вполне связно. Но этот последний смутил девушку. Она не знала, как и что на него ответить. *А должна бы знать!*

Если каноник отправился в аэропорт с саквояжем, но на самолет не попал и вернулся в «Бертрам», то саквояж должен быть при нем. *Но мисс Марпл ни словом не обмолвилась о саквояже.* Значит, он должен был оставить его в номере. А саквояжа нет, хотя весь остальной багаж на месте. Почему же? *Не потому ли, что предполагалось, что каноник вместе с саквояжем в Швейцарии?*

Сердечно поблагодарив Роуз, Дед снова спустился в холл.

Каноник Пеннифазер! О, этот загадочный Пеннифазер! Всем твердил, что едет в Швейцарию, а сам так все напутал, что в Швейцарию не попал, и никто не видел, как он вернулся в отель, чтобы уйти из него глубокой ночью. Уйти куда? Зачем?

Можно ли объяснить все это только одной рассеянностью?

С лестничной площадки Дед неприязненным взглядом окинул холл, копошащихся там людей и спросил себя: *в самом ли деле каждый из присутствующих здесь тот, кем хочет казаться?* Старые люди, пожилые люди (молодых совсем нет!), старомодно выглядящие люди, на вид почти все зажиточные, у всех чрезвычайно респектабельная внешность. Военные, юристы, священнослужители; неподалеку от дверей — супружеская пара из Америки, около камина — французская семья. Никто ничем особо не выделяется, каждый словно бы на своем месте, и эта старомодная английская традиция послеполуденного чаепития пришлась всем по душе. Разве может быть что-то неладно в отеле, где поддерживаются старомодные обычаи?

Француз обратился к своей жене со словами:

– *Le Five-o'-clock! C'est bien Anglais ça, n'est-ce*

pas?[15] — и огляделся с явным удовлетворением.

«Le Five-o'-clock, — подумал Дед, проходя мимо них к выходу. — Этому малому невдомек, что *«le Five-o'-clock»* уже давным-давно скончался!»

У подъезда в такси грузили вместительные американские кофры и чемоданы. Мистер и миссис Элмер Кэбот уезжают в Париж, в отель «Вандом».

Стоя на тротуаре, миссис Элмер Кэбот говорила мужу:

— До чего же верно описали нам отель «Бертрам» Пендлбери! Это и в самом деле добрая старая Англия! Настоящий эдвардианский стиль! Так и видишь, как входит в холл король Эдуард Седьмой и садится пить чай. Непременно надо будет приехать сюда в будущем году!

— При условии, что у нас будет лишний миллион долларов, — сухо отозвался супруг.

— Ну, Элмер, право, *не так уж было дорого.*

Багаж погрузили с помощью здоровенного швейцара, пробормотавшего: «Благодарю вас, сэр!» — когда мистер Кэбот сунул ему что-то в руку. Такси отъехало. Швейцар переключил свое внимание на Деда.

— Такси, сэр?

---

[15] notes: 15

Файв-о-клок! Это очень по-английски, не так ли? *(фр.).*

«Рост выше шести футов. Видный малый. Правда, слегка уже молью траченный. Служил в армии. Полно медалей — настоящие, по-видимому. Жуликоват? И явно пьет как лошадь!»

Вслух Дед сказал:

— Служили в армии? Как ваше имя?

— Майкл Горман. Служил в Ирландской гвардии. Сержант.

— Довольны своей работой?

— Здесь спокойно, сэр. И мне тут нравится. Останавливаются все приличные люди, и немало джентльменов, интересующихся бегами и скачками. Время от времени они дают мне хорошие советы.

— Значит, вы ирландец и игрок, так?

— Ох, сэр, что за жизнь без игры?

— Спокойная и скучная, — подтвердил старший инспектор. — Вроде моей... А можете вы угадать, чем я занимаюсь?

Ирландец усмехнулся:

— Извините, сэр, если я вас обижу, но, по-моему, вы из полиции.

— Правильно. Помните каноника Пеннифазера? Ну того, который отсюда исчез?

– *Ах, этого...* Вряд ли я бы его запомнил, если б меня не расспрашивали о нем. Знаю только, что

посадил его в такси и он уехал в клуб «Атенеум». С тех пор его не встречал.

— А позже в тот же вечер вы его не видели?

— Нет, сэр.

— Когда кончается ваше дежурство?

— В одиннадцать тридцать.

Старший инспектор Дэви кивнул; он отказался от услуг таксомотора и не спеша двинулся по Понд-стрит. Навстречу ему у самой обочины промчался автомобиль и резко затормозил у отеля «Бертрам». Старший инспектор Дэви повернулся и заметил номерной знак: FAN 2266. Что-то напомнили ему эти цифры, но что именно, вспомнить он не мог.

Он повернул обратно и едва успел поравняться с отелем, как водитель автомобиля вышел из «Бертрама», где пробыл всего несколько секунд. Он и его машина удивительно подходили друг к другу. Белая гоночная модель, в самом ее вытянутом корпусе уже было что-то стремительное. Та же стремительность борзой ощущалась и в ее владельце — молодом красивом человеке, со стройной, поджарой фигурой без единого грамма лишнего жира.

Швейцар открыл дверцу автомобиля, молодой человек вскочил на сиденье, бросил монетку

швейцару и рванул с места.

— Знаете, *кто это?* — спросил швейцар у Деда.

— Во всяком случае — лихач.

— Это Ладислав Малиновский. Два года назад получил «Гран-при», был чемпионом мира. В прошлом году сильно разбился. Но сейчас как будто с ним все в порядке.

— Только не говорите мне, *что он остановился в «Бертраме»!* Место для него уж больно неподходящее!

Майкл Горман ухмыльнулся.

— Он здесь не живет. Но кое-кто из его друзей... — Он подмигнул.

Носильщик в полосатом переднике вывез из отеля на тележке еще чьи-то роскошные чемоданы, видимо, тоже американские.

Дед рассеянно смотрел, как их грузят в автомобиль, стараясь припомнить, что он знает о Ладиславе Малиновском. Говорили, что этот отчаянный малый в свя́зи с какой-то известной дамой. Но как же ее имя? Уставившись на элегантный кофр, Дед уже было пошел прочь, но передумал и вернулся в отель.

Он снова направился к стойке администратора и попросил мисс Горриндж дать ему регистрационную книгу. Мисс Горриндж, занятая отъезжа-

ющими американцами, небрежно подтолкнула ее, и та проскользила через всю стойку. Дед стал ее листать.

«*Леди Селина Хейзи,* Литтл-коттедж, Меррифилд, Хантс.

Мистер и миссис Хеннесси Кинг, Элдерберрис, Эссекс.

Сэр Джон Вудсток, Бомонт-кресент, 5, Челтенхэм.

Леди Седжвик, Херстинг-хауз, Нортумберленд.

Мистер и миссис Элмер Кэбот, Коннектикут.

Генерал Рэдли, Грин, 14, Чичестер.

Мистер и миссис Вулмер Пикингтон, Марбл-Хэд, Коннектикут.

Графиня де Бовиль, Ле Сапен, Сен-Жермен-ан-Ле.

Мисс Джейн Марпл, Сент-Мэри-Мид, Мач Бенэм.

Полковник Ласкомб, Литтл-Грин, Суффолк.

Миссис Карпентер, достопочтенная Эльвира Блейк.

Каноник Пеннифазер, Клоуз, Чедмин-

стер.

Миссис Холдинг, мисс Холдинг, мисс Одри Холдинг, поместье, Кармантон.

Мистер и миссис Райзвилл, Велли-Фордж, Пенсильвания.

Герцог Барнстейбл, Дун, Сев. Девон...»

Да, в отеле «Бертрам» останавливаются лица вполне определенного круга!

Он уже закрывал книгу, когда внимание его привлекла фамилия на одной из предыдущих страниц. Сэр Вильям Ладгроув.

Свидетель опознал судью Ладгроува, ехавшего в своем автомобиле мимо банка после только что совершенного ограбления. Судья Ладгроув, каноник Пеннифазер — оба постоянные гости отеля «Бертрам»...

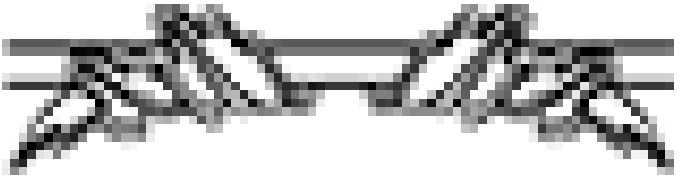
— Надеюсь, вам понравился чай, сэр? — Это появился Генри. В его голосе звучала озабоченность радушного хозяина.

— Много лет не пивал я такого прекрасного чая! — сказал старший инспектор Дэви. Тут он вспомнил, что еще не заплатил за чай. Он достал было деньги, но Генри протестующе поднял руку:

— Нет-нет, сэр! Угощение за счет отеля. Распо-

рядился мистер Хамфрис.

Уже на улице Дед вдруг остановился. Вынул записную книжку, вписал туда фамилию и адрес — нельзя терять ни минуты. Вошел в будку телефона-автомата. Пора действовать на свой страх и риск! Он решил довериться своему предчувствию, внутреннему своему голосу, к каким бы последствиям это ни привело.



ГЛАВА 16

Гардероб — вот что обеспокоило каноника Пеннифазера. Гардероб этот начал тревожить каноника еще прежде, чем тот окончательно проснулся. Потом он забыл о нем и снова заснул. Но вот теперь, открыв глаза, он опять увидел, что гардероб не на месте. Каноник лежал на левом боку, перед ним было окно, а, значит, гардероб должен стоять между кроватью и окном у левой стены! Но он стоял у правой! Это-то и встревожило каноника. Так встревожило, что он даже устал. Мало того, что голова буквально разламывается

от боли, а тут еще гардероб сдвинулся с места! И он опять закрыл глаза.

Когда он наконец проснулся, в комнате было светлее. Еще не день, нет. Лишь слабый отблеск зари. «Господи, — сказал каноник Пеннифазер, внезапно разрешив тайну загадочного гардероба, — до чего же я глуп! Ведь я не дома!»

Он осторожно шевельнулся. Ну конечно же, это вовсе не его постель. Он не у себя дома! Он был — а где он был? Ах да, конечно! Ведь он уехал в Лондон, верно? Остановился в отеле «Бертрам». *Но разве это отель «Бертрам»?* В «Бертраме» окно было напротив кровати. Значит, это и не «Бертрам».

— Где же все-таки я? — прошептал каноник.

Тут он вспомнил, что собирался в Люцерн. «Все понятно, — сказал он себе, — я в Люцерне». И стал вспоминать доклад, который собирался сделать. Но долго думать о докладе не смог. Головная боль усилилась, и каноник снова заснул.

Когда он проснулся — в который уже раз, — голова его прояснилась. И в комнате стало гораздо светлее. Нет, он не дома, не в отеле «Бертрам» и, теперь он был почти уверен в этом, не в Люцерне. Прежде всего, комната не похожа на номер в отеле. Он внимательно ее оглядел. Совершенно

незнакомая комната, и притом скудно меблированная. Нечто вроде буфета (его-то каноник и принял за гардероб), цветастые занавески на окне, откуда сочился свет, стул, стол, комод, и это, пожалуй, все.

«Чрезвычайно странно, — подумал каноник. — Но где же я?»

Он решил встать, чтобы выяснить этот вопрос, но едва сел на кровати, голова закружилась, и пришлось снова лечь.

«Видимо, я был болен, — решил каноник, — да-да, конечно же я был болен!» Он с минуту подумал, затем шепнул про себя: «По-моему, я до сих пор болен. Грипп?» Говорят, гриппом можно заболеть внезапно. Возможно, он подцепил вирусы, когда обедал в клубе «Атенеум»? А ведь верно! Он вспомнил, что действительно обедал в клубе «Атенеум».

Послышались шаги. Может быть, он в санатории? Нет, не похоже на санаторий. Стало еще светлее, и теперь он разглядел, что комната маленькая и мебель старая и бедная. Движение в доме продолжалось. Снизу послышался голос: «До свидания, миленький! Вечером — сосиски и пюре!»

Услышав эти слова, каноник Пеннифазер заду-

мался. Сосиски и пюре. Слова эти смутно вызвали приятные ощущения.

«Надо полагать, — подумал он, — *я голоден!*»

Отворилась дверь. Женщина средних лет вошла в комнату, отдернула занавески на окнах, а затем повернулась к кровати.

— Проснулись? — сказала она. — И как вы себя чувствуете?

— Право, не знаю, — слабым голосом отозвался каноник.

— Оно и понятно. Вам было худо. Как объяснил нам доктор, вас чем-то сильно ударили. Эти проклятые мотоциклисты! Собьют человека и даже не остановятся!

— Со мной произошел несчастный случай? — спросил каноник. — Меня сбила машина?

— То-то и дело, что сбила! — ответила женщина. — Мы нашли вас у обочины дороги, когда возвращались домой. Сначала подумали, что вы выпивши! — Она даже усмехнулась при этом воспоминании. — Но мой муж сказал: давайка все-таки поглядим. Мало ли что! Спиртным от вас не пахло. И крови не было. А лежали вы неподвижно, словно бревно. И муж сказал: не можем мы его так оставить. Ну и притащил вас сюда, к нам.

— Вот как! — сказал каноник Пеннифазер. — Добрые самаритяне!

— А как муж увидел, что вы священник и, значит, лицо уважаемое, то сказал: не надо извещать полицию, а вдруг вам как священнослужителю это может не понравиться? А вдруг вы были выпивши, хотя и не было запаху спиртного? И мы порешили позвать доктора Стоукса, чтобы он на вас поглядел. Мы все «доктором» его зовем, хотя его практики лишили. Хороший он человек, ну немножко озлобился. Да и как не озлобиться, если его лишили практики! А пострадал-то он только из-за своего доброго сердца — помогал девушкам, у которых неприятности приключились. В общем-то он хороший врач, и мы его позвали. Он нам сказал, что ничего опасного, что у вас легкое сотрясение. Надо только, чтобы вы неподвижно лежали на спине в темной комнате. «Имейте в виду, — это доктор говорит, — я своего заключения не давал. Это — личное мнение. Я не имею права ни лечить, ни назначать лечение. По закону надо бы вам сообщить в полицию, но, если вы не хотите, не надо. — И добавил: — Позаботьтесь об этом славном старикашке!» Уж извините, если я не так выразилась. Наш доктор и нагрубить может, от него всякое услышишь. Не угодно ли

супа или поджаренного хлеба с молоком?

— Приветствую и то и другое, — отозвался каноник Пеннифазер.

Он опустился на подушки. Несчастный случай? *Вот значит что!* Несчастный случай, а он ничего не помнит!

Через несколько минут добрая самаритянка принесла на подносе дымящуюся миску.

— Покушайте, и вам сразу полегчает. Я вам подложу еще одну подушку под спину. Ладно, миленький?

Каноник Пеннифазер был несколько удивлен, что его назвали «миленьким». Но решил, что это тоже от доброго сердца.

— Где мы? — спросил он. — Где я? Что это за местность?

— Милтон-Сент-Джонс, — пояснила женщина. — Разве вы не знали?

— Понятия не имел. Никогда не слышал такого названия!

— Да это так, просто деревушка.

— Вы очень добры, — сказал каноник. — Разрешите узнать ваше имя?

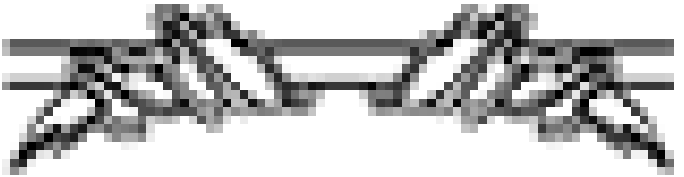
— Миссис Вилинг. Эмма Вилинг.

— Очень добры, — повторил каноник Пеннифазер. — Но этот несчастный случай... Я просто

не вспомню...

— Выбросьте это из головы, голубчик, и вам станет легче, потом все вспомните.

«Милтон-Сент-Джонс! — изумленно шептал каноник Пеннифазер. — *Но это название мне ровно ничего не говорит!* Все так ужасно странно!»



ГЛАВА 17

Сэр Рональд Грейвз рисовал в блокноте кошку. Потом поглядел на мощную фигуру старшего инспектора Дэви, сидевшего напротив, и нарисовал бульдога.

— Ладислав Малиновский? — переспросил он. — Может быть. Какие-нибудь доказательства?

— Нет. Но он подходит.

— Лихой малый. Не знает, что такое нервы. Чемпион мира. Сильно разбился год назад. Скверная репутация в отношении женщин. Сомнительные

источники дохода. Швыряет деньгами направо и налево. То и дело ездит на континент. Так вы полагаете, что он стоит за всеми этими грабежами и разбойными нападениями?

— Не думаю, что он там главный. Но думаю, он в шайке.

— Почему?

— Хотя бы потому, что ездит на автомобиле «Мерседес-Отто». Гоночная модель. Автомобиль, подходящий под это описание, видели около Бедхэмптона в то утро, когда был ограблен экспресс. Другие номерные знаки, но нам не привыкать. Все та же история: другие, да не очень. FAN 2299 вместо 2266. Не так уж много моделей «Мерседес-Отто» этого типа. Один у леди Седжвик, другой у молодого лорда Мерривейла.

— Значит, вы не считаете, что верховодит всем этим Малиновский?

— Нет, полагаю, наверху есть кто-то поумнее его. Но суть не в этом. Я проглядывал папки с делами. Возьмем, к примеру, ограбления в Мидленде и в западном Лондоне. Три фургона случайно — так-таки случайно — блокируют определенную улицу. И «Мерседес-Отто», который находился близ места преступления, успевает скрыться.

— Но позже-то его остановили.

— Да. И — отпустили. Очевидно, потому, что люди, которые видели этот автомобиль, неверно сообщили его номер. Нам сказали так: FAM 3366. А номер Малиновского FAN 2266. Все та же история!

— И вы настаиваете, что это связано с отелем «Бертрам»? Для вас раскопали немало сведений о «Бертраме»...

Дед похлопал себя по карману:

— Вот они! Все в полном порядке. Расходы, доходы, капитал, директор и так далее, и тому подобное. Это все чушь. Все эти финансовые дела — клубок змей, одна пожирает другую. Компании, холдинги — свихнуться можно.

— Погодите, Дед. Но у них в Сити так только и делается. Ведь налогообложение...

— Нет, мне нужна конфиденциальная информация. Если дадите мне ордер, сэр, я бы навестил одну важную шишку.

— Что же это за шишка? — удивился начальник.

Дед назвал фамилию.

— Право, не знаю, — растерялся сэр Рональд. — Не знаю, имеем ли мы право к *нему* обращаться.

— А как бы это облегчило дело!

Мужчины молча смотрели друг на друга. Вз-

гляд Деда был спокойный и терпеливый, взгляд человека, убежденного в своей правоте. И сэр Рональд сдался.

— Ну и упрямы же вы, Фред, старый дьявол! — вздохнул он. — Ну да будь по-вашему. Идите и прощупайте этого воротилу, что стоит во главе финансов всей Европы!

— Уж *он-то* знает! — сказал старший инспектор Дэви. — Уж он-то *знает!* А если и не знает, то стоит ему нажать кнопку на столе, либо позвонить, и вот они, сведения!

— Вряд ли ему это придется по душе!

— Скорее всего — нет. Зато времени отнимет немного. Однако мне нужны определенные полномочия.

— Вы серьезно подозреваете «Бертрам»? Но какие у вас на то основания? Там полный порядок, респектабельная клиентура — все согласно лицензии!

— Что верно, то верно! Ни пьянства, ни наркотиков, ни азартных игр, ни прибежища для преступников. Все чисто и бело, как первый снег.

Ни битников[16], ни воров, ни юных нарушителей закона. Только викторианские старые дамы, семьи из провинции, путешественники из Бостона и других респектабельных мест Соединенных Штатов. И тем не менее добропорядочный священник в три часа утра тайком покидает свой номер...

— Кто это видел?

— Одна старая дама.

— Каким же образом? Почему она не спала в это время?

— Таковы уж старые дамы, сэр.

— Вы имеете в виду этого, как его... каноника Пеннифазера?

— Именно, сэр. О его исчезновении нам сообщили, и этим занимается Кэмпбелл.

— Забавное совпадение! Его имя только что было упомянуто в связи с нападением на экспресс в Бедхэмптоне.

— В самом деле? Как именно?

— Еще одна старая дама или, вернее, дама средних лет. Когда поезд остановился, кое-кто

---

[16] notes: 16

Б и т н и к — представитель анархического движения молодежи в США и Великобритании в 50–60-е годы XX века, протестовавшего против существующего общества нарушением всех его норм и установлений (*от англ.* «разбитое поколение»).

из пассажиров проснулся и выглянул в коридор. Эта дама, которая живет в Чедминстере и знает в лицо каноника Пеннифазера, утверждает, что видела, как тот поднимался в вагон. Она решила, что он выходил узнать, в чем дело, и снова вернулся. Мы собираемся это проверить, раз он исчез...

— Дайте-ка подумать... Поезд остановили в пять тридцать утра. Каноник Пеннифазер ушел из отеля в три часа. Да, вполне возможно. Если, конечно, его туда отвезли, скажем, на гоночном автомобиле.

— Итак, мы вернулись к Ладиславу Малиновскому! — Сэр Рональд поглядел на свои рисунки в блокноте. — Ну вы и бульдог, Фред!

Полчаса спустя старший инспектор Дэви входил в небольшой, более чем скромного вида кабинет. Крупный мужчина встал из-за стола и протянул вошедшему руку:

— Старший инспектор Дэви? Садитесь. Желаете сигару?

Старший инспектор покачал головой.

— Первым делом разрешите извиниться, — сказал он своим низким приятным голосом, — что отнимаю ваше драгоценное время.

Мистер Робинсон улыбнулся. Безукоризненно

сшитый костюм не скрывал его полноты. Желтоватый цвет лица, глаза темные и печальные, рот крупный. Он часто улыбался, показывая свои слишком большие зубы. «Чтобы лучше съесть тебя!» — почему-то подумал Дед. По-английски мистер Робинсон говорил превосходно, но на англичанина походил мало. Деду хотелось бы знать (как и многим другим!), какой национальности мистер Робинсон.

— Чем могу быть вам полезен?

— Мне бы выяснить, — начал старший инспектор Дэви, — кто владелец отеля «Бертрам».

Лицо мистера Робинсона оставалось бесстрастным. Он задумчиво переспросил:

— Вы хотите знать, кто владелец отеля «Бертрам»? Это, кажется, на Понд-стрит, недалеко от Пикадилли... Я и сам там останавливался. Спокойное местечко. Прекрасно содержится.

— Верно, верно, — подтвердил Дед, — именно прекрасно содержится.

— И вы хотите выяснить имя владельца? Разве это трудно узнать? — В его улыбке сквозила легкая ирония.

— Обычными путями, вы хотите сказать? Да, конечно.

Дед вынул из кармана небольшой лист бумаги

и прочитал вслух три-четыре имени и адреса.

— Ага, — отозвался мистер Робинсон. — Кто-то не пожалел труда и времени. Интересно. И все-таки вы обращаетесь ко мне?

— Если кто-нибудь и знает все, так это вы, сэр!

— Как раз я не знаю. Но, конечно, всегда можно получить нужные сведения. Если есть. — Он пожал широкими, плотными плечами, — если есть связи...

— Именно, сэр, — невозмутимо поддакнул Дед.

Мистер Робинсон подвинул к себе телефон.

— Соня, дайте мне Карлоса! — Он подождал некоторое время. — Карлос?

Тут он перешел на иностранный язык и заговорил очень быстро. Дед не мог понять, что это за язык. Дед мог объясниться по-французски. Немножко знал итальянский и кое-как, в пределах туристских потребностей, немецкий. Он мог отличить на слух испанскую, русскую и арабскую речь, хотя этих языков не понимал. Но сейчас говорили на каком-то ином языке. Турецкий? Армянский? Поди разберись. Робинсон положил трубку.

— Не думаю, чтобы нам пришлось долго ждать. А мне, знаете ли, и самому интересно. Я и сам задавал себе этот вопрос... С финансовой точки

зрения. Каким образом этому отелю удается окупаться? Всем полюбилось его гостеприимство, комфорт, на редкость умелый персонал... Да, меня это интересует. И знаете почему?

— Пока еще не знаю, — отозвался Дед. — Но хотел бы знать.

— Существует несколько возможностей, — задумчиво проговорил мистер Робинсон. — Это, пожалуй, напоминает музыку. В октаве только определенное число нот, но из них можно извлечь несколько миллионов комбинаций. Один музыкант как-то сказал мне, что одна и та же мелодия никогда дважды не повторяется в точности. Чрезвычайно интересно!

Раздался тихий звонок, и Робинсон вновь поднял трубку.

— Да? Знаю, вы человек исполнительный. Я вами доволен. Понимаю. Вот как? Амстердам, да... Ага... Благодарю вас. Скажите по буквам. Спасибо.

Он быстро записал что-то в блокноте.

— Надеюсь, это вам пригодится, — сказал он, протянув Деду через стол вырванный из блокнота листок.

Дед вслух прочел записанное на листке имя:

— Вильхельм Хоффман.

— Национальность — швейцарец, — пояснил мистер Робинсон. — Но родился не в Швейцарии. Имеет большое влияние в банковских кругах. И, хотя всегда строго держится в рамках закона, на его счету немало сомнительных сделок. Действует он только на континенте, а не у нас.

— Вот как!

— Но у него есть брат, Роберт Хоффман. Этот живет в Лондоне. Занимается скупкой и продажей бриллиантов, все вполне респектабельно. Жена — голландка. У него филиал в Амстердаме. Вы в Скотленд-Ярде должны о нем знать. Да, так вот, как я уже сказал, в основном он занимается бриллиантами, человек чрезвычайно богатый и владеет разной недвижимостью, записанной по большей части не на его имя. Вот они с братом и являются подлинными владельцами отеля «Бертрам».

— Благодарю вас, сэр, — сказал старший инспектор Дэви, поднимаясь с места. — Нечего и говорить, как я вам обязан. Это просто поразительно!

— То, что мне удалось узнать? — спросил мистер Робинсон, улыбаясь своей широкой улыбкой. — Но это же одна из моих специальностей. Информация. Я люблю быть в курсе всех дел.

Поэтому вы и пришли ко мне, не так ли?

— Видите ли, — проговорил старший инспектор Дэви, — мы о вас знаем. Министерство внутренних дел. Особый отдел и все такое прочее. — Он добавил тоном чуть ли не наивным: — Я так нервничал, прежде чем решился обратиться к вам.

Мистер Робинсон снова улыбнулся.

— Я нахожу, что вы интересный человек, старший инспектор Дэви! Желаю вам удачи, какое бы дело вы ни начинали!

— Спасибо, сэр! Думаю, удача как раз мне и понадобится. Кстати, эти два брата, как, по-вашему, люди горячие, склонные к насилию?

— Ни в коем случае, — сказал мистер Робинсон. — Это не их стиль. Ни к какому насилию братья Хоффманы ни за что не прибегнут. У них иные методы, и довольно успешные, так как год от года они становятся все богаче. Таковы, во всяком случае, сведения, получаемые из банковских кругов Швейцарии.

— Хорошая страна Швейцария, — улыбнулся старший инспектор Дэви.

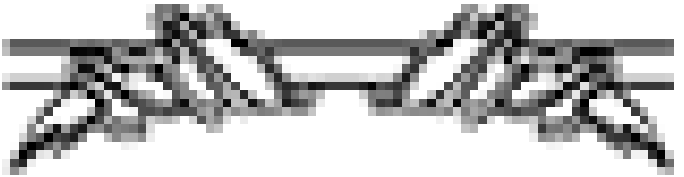
— Именно. Представить себе не могу, что бы мы без нее делали! Такая порядочность. Такое великолепное деловое чутье! Да, мы, дельцы, должны быть очень благодарны Швейцарии. А лично

я, — добавил он, — самого высокого мнения об Амстердаме!

Пристально посмотрев в глаза Дэви, он снова улыбнулся, и старший инспектор, откланявшись, вышел.

Вернувшись на работу, он нашел у себя на столе записку:

«Каноник Пеннифазер объявился – жив, хотя и не совсем здоров. Судя по всему, его сбил автомобиль в Милтон-Сент-Джонс, в результате – сотрясение мозга».



ГЛАВА 18

Каноник Пеннифазер смотрел на старшего инспектора Дэви и инспектора Кэмпбелла, а старший инспектор Дэви и инспектор Кэмпбелл смотрели на каноника. Каноник Пеннифазер вновь был у себя дома. Он сидел в своем кабинете в глубоком кресле, за головой подушка, ноги на скамеечке, на коленях плед — словом, сразу видно, что человеку нездоровится.

— Боюсь, — вежливо промолвил он, — что я ровно ничего не смогу припомнить.

— Вы помните, как вас сбил автомобиль?

— Боюсь, что нет.

— Тогда откуда же вы знаете, что вас сбил именно автомобиль? — спросил инспектор Кэмпбелл.

— Эта женщина, миссис... миссис... как же ее фамилия? Да, Вилинг... Она мне сказала.

— А она откуда узнала?

Каноник Пеннифазер озадаченно пожал плечами.

— Боже мой, ведь вы совершенно правы! В самом деле, откуда она могла знать? Видимо, думала, что именно это со мной случилось.

— Ну а как вы очутились в Милтон-Сент-Джонс?

— Понятия не имею! Даже название это мне не знакомо!

Инспектор Кэмпбелл нахмурился, чувствовалось, что он сейчас взорвется, но тут старший инспектор Дэви произнес добродушно-успокаивающим тоном:

— Тогда расскажите-ка нам еще раз все, что упомните, сэр!

Каноник Пеннифазер взглянул на него с облегчением. Недоверчивость инспектора Кэмпбелла угнетала его.

— Я ехал в Люцерн на конгресс. Взял такси до Кенсингтонского аэропорта.

— Так. А потом?

— Вот и все. Ничего больше не помню. Первое, что помню, это — гардероб.

— Какой гардероб? — спросил инспектор Кэмпбелл.

— Он стоял не там, где надо.

Инспектор Кэмпбелл явно собирался разобраться в истории с гардеробом, стоявшим не там, где надо, но тут опять вмешался старший инспектор Дэви:

— А вы помните, как приехали в аэропорт, сэр?

— Кажется, да, — ответил каноник неуверенно.

— И значит, вы полетели в Люцерн?

— Да? Но я этого совершенно не помню.

— А помните, что вернулись в отель «Бертрам» в тот же вечер?

— Нет.

— Но отель-то помните?

— Конечно. Я там остановился. И номер за собой оставил.

— А что ехали в поезде?

— В поезде? Нет, поезда совершенно не помню!

— На поезд было нападение. Уж *это-то* вы должны были сохранить в памяти!

— Должен? — сказал каноник. — Но почему-то, почему-то не сохранил. — И он улыбнулся крот-

кой, извиняющейся улыбкой.

— Выходит, что вы помните лишь поездку в аэропорт, затем очнулись в доме Вилингов в Милтон-Сент-Джонс?

— Но в этом нет ничего странного, — заверил каноник, — так часто бывает при сотрясении!

— Что же произошло, когда вы пришли в себя?

— У меня была такая головная боль, что я ни о чем не мог думать. Затем, конечно, мне захотелось понять, где я нахожусь, а миссис Вилинг мне это объяснила и принесла чудесный суп. Она называла меня «миленький» и «голубчик», — добавил каноник с легким неудовольствием, — но была очень добра. Очень.

— Она обязана была сообщить о несчастном случае в полицию, тогда вас отвезли бы в больницу и обеспечили надлежащий уход! — заявил Кэмпбелл.

— Но она прекрасно за мной ходила! А кроме того, насколько я знаю, при сотрясении особого ухода не требуется, только покой.

— Если вы хоть что-нибудь еще вспомните, сэр...

Каноник перебил его:

— Целых четыре дня выпали из моей жизни. Поразительно! Просто поразительно! Доктор сказал,

что, быть может, я вспомню. А может, не удастся, и я так никогда и не узнаю, что со мной было в эти дни... Простите меня, я, кажется, устал...

— Довольно, довольно, — заявила миссис МакКрей, стоявшая в дверях наготове. — Доктор не велел его утомлять.

Полицейские встали и направились к двери. Миссис МакКрей пошла их проводить. Каноник что-то пробормотал, старший инспектор Дэви, выходивший последним, обернулся:

— Что вы сказали?

Но глаза каноника были прикрыты.

— Как вы думаете, что он сказал? — осведомился Кэмпбелл, когда они вышли из дома.

Дед ответил задумчиво:

— По-моему, он сказал «иерихонские стены»... Это что-то библейское.

— Узнаем ли мы когда-нибудь, каким образом этот старичок очутился в Милтон-Сент-Джонс?

— Сам-то он вряд ли нам поможет! — сказал Дэви.

— А эта женщина, которая утверждает, будто видела его в вагоне после нападения на поезд... Неужели он каким-то образом замешан в этих ограблениях? Ну можно ли предположить, чтобы каноник Чедминстерского собора участвовал в

нападении на поезд!

— Нет, — задумчиво протянул Дед. — Нет. Это так же трудно предположить, как и то, что судья Ладгроув участвовал в ограблении банка.

Инспектор Кэмпбелл с любопытством взглянул на своего шефа.

Их поездка в Чедминстер завершилась кратким и ничего не давшим посещением доктора Стоукса.

Доктор Стоукс был настроен агрессивно, грубовато и явно не желал оказать никакого содействия.

— Я знаю Вилингов довольно давно. Они, между прочим, мои соседи. Подобрали на дороге какого-то старика. Не знали, то ли он мертвецки пьян, то ли болен. Попросили меня взглянуть. Я им сказал, что он не пьян, что это сотрясение.

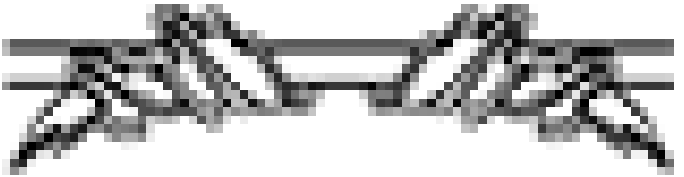
— И вы стали его лечить?..

— Ничего подобного! Я не лечил его, ничего ему не прописывал, вообще им не занимался. Я не врач, был когда-то, но теперь не врач, я им только сказал, что следует сообщить полиции. Сообщили они или нет — не знаю. Не мое дело. Они оба глуповаты, но люди добрые.

— А вы сами не подумали позвонить в полицию?

— Нет, не подумал. Я не врач. Меня это не касается. Просто из человеколюбия я им посоветовал не лить ему в глотку виски, а положить на спину и дать ему покой, пока не явится полиция.

Тут он глянул на них с такой неприязнью, что им ничего не оставалось, как уйти.



ГЛАВА 19

Мистер Хоффман оказался крупным, солидного вида мужчиной. Казалось, будто он вырезан из одного куска дерева. Лицо его настолько было лишено выражения, что каждый невольно задавал себе вопрос: способен ли этот человек думать и чувствовать? Это казалось невозможным.

Манеры его были безупречны. Он встал, поклонился и протянул клинообразную руку.

— Старший инспектор Дэви? Уже несколько лет я не имел удовольствия... Вы, возможно, и не помните...

— Как же, как же, мистер Хоффман! Дело о бриллиантах Ааронберга. Вы были свидетелем Короны, прекрасным свидетелем, позвольте заметить! Защита не могла вас сбить!

— Меня сбить нелегко, — серьезно сказал мистер Хоффман.

Он не был похож на человека, которого легко сбить.

— Чем могу быть полезен? Надеюсь, никаких неприятностей? Я всегда старался быть в ладу с законом, я восхищаюсь вашей превосходной полицией!

— Нет-нет, никаких неприятностей. Просто некоторые сведения нуждаются в подтверждении.

— Буду рад помочь, чем смогу. Как я уже сказал, я высочайшего мнения о полиции Лондона. Такая честность, такая справедливость, такая объективность.

— Право, вы меня смущаете, — сказал Дед.

— К вашим услугам. Итак, что вы хотите знать?

— Я хотел вас просить дать мне кое-какие сведения об отеле «Бертрам».

Ничего не изменилось в лице мистера Хоффмана. Быть может, оно стало еще более непроница-

емым, чем прежде, — только и всего.

— Отель «Бертрам»? — переспросил он тоном вопросительным и слегка удивленным. Как будто в жизни не слыхивал об отеле «Бертрам» или не мог толком припомнить это название.

— Вы ведь имеете отношение к этому отелю, мистер Хоффман?

— Так много всего, — мистер Хоффман пожал плечами, — разве упомнишь? Столько разных дел, я занят по горло...

— Вы много к чему руку приложили, это нам известно.

— Да. — Мистер Хоффман улыбнулся деревянной улыбкой. — И немало этой рукой прибрал, вы об этом, да? И вам, значит, кажется, что я как-то связан с отелем «Бертрам»?

— Я бы не сказал, что связаны. Вы ведь владеете этим отелем, не так ли? — добродушно сказал Дед.

На этот раз мистер Хоффман действительно одеревенел.

– *Интересно, кто вам это сказал?* — мягко осведомился он.

— Но ведь это правда, не так ли? — заулыбался старший инспектор Дэви. — Чудесное, между прочим, заведение, этот отель. Я бы на вашем

месте им гордился.

— Да-да, — сказал Хоффман. — На какую-то секунду я просто запамятовал. Понимаете, у меня в Лондоне много разного имущества. Недвижимость — хорошее помещение капитала. Если что-то появляется на рынке в приличном, по моему мнению, состоянии и есть возможность это недорого приобрести, я это делаю.

— А «Бертрам» продавался по дешевке?

— Как отель он был в упадке, — покачал головой мистер Хоффман.

— Но теперь он процветает. Я там был на днях, и меня поразила атмосфера. Прекрасная клиентура, старомодное, но комфортабельное помещение, не бросающаяся в глаза роскошь...

— Лично я очень мало знаю об этом отеле, — пояснил мистер Хоффман. — Просто одно из моих капиталовложений, но полагаю, дела там идут хорошо.

— У вас там превосходный управляющий. Как его фамилия? Хамфрис? Да-да, Хамфрис.

— Превосходный человек. Я на него во всем полагаюсь. Раз в год проверяю финансовый отчет — лишний раз убедиться, что все в порядке.

— Там полно титулованных постояльцев, — сказал Дед. — А также богатых американских

путешественников. Прекрасная комбинация!

— Говорите, вы там были на днях? Надеюсь, неофициально?

— Ничего серьезного. Старался разгадать маленькую тайну.

— Тайну? В отеле «Бертрам»?

— Похоже на то. «Дело об исчезнувшем священнике» — так это можно озаглавить.

— Шутите! — сказал мистер Хоффман. — Это ваш полицейский жаргон в стиле Шерлока Холмса!

— Так вот, священник вышел из отеля однажды вечером, и больше никто его не видел.

— Странно, — сказал мистер Хоффман. — Но такое случается. Помню, много лет назад была наделавшая шуму история с полковником... Дайте вспомнить фамилию... Да, полковник Фергюссон; вышел из своего клуба однажды ночью, и с тех пор его тоже никто не видел!

— Иногда, — вздохнул Дед, — подобные исчезновения бывают добровольными!

— Вам эти вещи известны лучше, чем мне, дорогой старший инспектор. Надеюсь, в «Бертраме» вам оказали всяческое содействие?

— Они были чрезвычайно любезны... Эта мисс Горриндж, она давно работает в отеле?

— Возможно. Я мало в это вникаю! Поймите, никакой *личной заинтересованности* у меня нет. По правде говоря, — тут он обезоруживающе улыбнулся, — меня поразило, что вам вообще известно, кто владелец отеля!

Это не было прямым вопросом, но в глазах Хоффмана промелькнула легкая тревога. Дед отметил ее, не показывая виду.

— Ответвления компаний в Сити похожи на гигантскую паутину, — объяснил Дед. — Голова лопнет во все это вникать. Насколько я знаю, зарегистрированный владелец отеля — холдинговый трест «Мейфер». А трест в свою очередь принадлежит другой компании, и так далее, и тому подобное. Но сути дела это не меняет — *отель принадлежит вам.* Так что все просто. Я прав?

— Помимо меня отелем владеют и другие члены правления, — сознался мистер Хоффман довольно неохотно.

— Другие члены правления? А кто они? Вы и, по-моему, ваш брат Вильхельм?

— Мой брат Вильхельм — компаньон в этом деле. Вам следует, однако, знать, что «Бертрам» — лишь звено в цепи различных отелей, зданий, сдаваемых под офисы и клубы, а также другого недвижимого имущества в Лондоне.

— А кто другие ваши компаньоны?

— Лорд Помфрет, Абель Айзекстейн. — Хоффман внезапно повысил голос. — Вам в самом деле необходимо все это знать? Только потому, что вы занимаетесь «Делом об исчезнувшем священнике»?

Дед покачал головой:

— Да нет, просто любопытство. Поиски исчезнувшего священника привели в отель «Бертрам», ну и этот отель заинтересовал меня. Знаете, как это бывает...

— Понимаю, что так может быть, да. А теперь, — Хоффман улыбнулся, — ваше любопытство удовлетворено?

— Когда нуждаешься в информации, лучше всего обратиться к первоисточнику, — добродушно подытожил Дед, вставая со стула. — Но вот еще один вопрос, хотя, вероятно, на него вы ответить не сможете.

— Слушаю вас, старший инспектор, — устало отозвался Хоффман.

— Где удалось отелю «Бертрам» набрать такой обслуживающий персонал? Поразительно! К примеру этот человек — как его зовут? — Генри! Ну тот, что похож не то на архиепископа, не то на эрцгерцога, не скажу точно на кого именно...

Он подает чай и плюшки... Потрясающие, кстати сказать, плюшки!

— А вы любите, чтобы в плюшках было побольше масла? — Глаза мистера Хоффмана на секунду неодобрительно скользнули по плотной фигуре Деда.

— По мне это заметно, — улыбнулся Дед. — Ну, не буду вас больше задерживать. Вы, вероятно, чрезвычайно заняты распределением акций или чем-нибудь в таком роде.

— А-а. Вам нравится притворяться, будто вы ничего в этом не смыслите! Нет, я не занят. Я не позволяю делам поглощать все мое время. Вкусы мои неприхотливы. Живу я просто, имею достаточно досуга, посвящаю его выращиванию роз и своей семье, к которой очень привязан.

— Прекрасно! — сказал Дед. — Мне бы так!

Мистер Хоффман улыбнулся и встал, чтобы пожать руку Деду.

— Надеюсь, вы разыщете вашего исчезнувшего священника.

— А, с этим все в порядке. Простите меня, я не очень ясно выразился. Мы нашли его. Попал под машину, сотрясение мозга, все так просто!

Дед пошел к выходу, но у двери обернулся:

— А кстати, леди Седжвик — тоже один из ди-

ректоров вашей компании?

— Леди Седжвик? — Хоффман помедлил секунду-другую. — Нет. А почему, собственно, ей быть директором?

— Да так, слухи... Значит, просто акционер?

— Это... Ну да.

— До свидания, мистер Хоффман. Большое вам спасибо.

В Скотленд-Ярде Дед отправился прямо к сэру Рональду.

— Итак, два брата Хоффмана являются истинными владельцами отеля «Бертрам».

— Что-что? Эти негодяи? — изумился шеф. — И им удавалось это держать в тайне!

— Именно. И Роберту Хоффману весьма не понравилось, что мы об этом узнали. Он был поражен.

— Что он говорил?

— Все было очень официально и очень вежливо. Он пытался, не слишком нажимая, выяснить, каким образом нам удалось это узнать.

— А вы, полагаю, не удовлетворили его любопытства. Под каким предлогом вы явились к нему?

— Без всякого, — сказал Дед.

— Ему это не показалось странным?

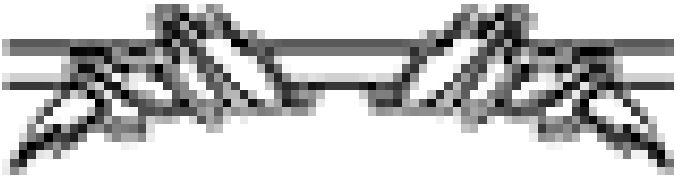
— Думаю, что показалось. Но я решил, сэр, сыграть именно на этом.

— Раз за отелем «Бертрам» стоят Хоффманы, это многое объясняет. Сами они никогда не участвуют в явных аферах... Никогда! *Они не организовывают преступлений* — они их финансируют. Вильхельм занимается банковскими операциями в Швейцарии. Сразу после войны он был замешан в мошеннических сделках с иностранной валютой, однако доказать нам это не удалось. В руках обоих братцев огромные суммы денег, и они используют их для финансирования целого ряда предприятий: одни — легальные, другие — нет. Оба чрезвычайно осторожны и знают все ходы и выходы. Роберт занимается скупкой и продажей бриллиантов. Дело это вполне законное, но, если все сопоставить, получается картина, наводящая на размышления: бриллианты, банковские операции, а также недвижимое имущество — клубы, культурные учреждения, здания, сдаваемые под офисы, рестораны, отели — и все это, очевидно, числится за подставными лицами.

— Вы считаете, что эти ограбления организовывает Хоффман?

— Нет, думаю, братья занимаются лишь фи-

нансовой стороной. Нет-нет, организатора надо искать в другом месте. Где-то работает незаурядный ум!



ГЛАВА 20

I

В этот вечер на Лондон внезапно спустился туман. Старший инспектор Дэви поднял воротник пальто и свернул на Понд-стрит. Он шел медленно, как человек, поглощенный своими мыслями, и казалось, идет он без определенной цели, но каждый, кто хорошо его знал, сразу бы понял, что он настороже. Он подобрался, как кошка, выжидающая добычу.

Понд-стрит этим вечером была тиха. Туман, поначалу плотный, затем почти рассеялся, и вот сгустился вновь. Движение на Парк-лейн было не более шумным, чем на деревенской проселочной дороге. Большинство автобусов стояло. Время от времени лишь частные автомобили решительно прокладывали себе путь сквозь туман. Старший инспектор Дэви свернул в тупик, дошел до его конца и вернулся. Он побрел, казалось, бесцельно, сначала направо, потом налево, но цель у него была. Своей кошачьей крадущейся походкой он кружил вокруг вполне определенного здания: вокруг отеля «Бертрам». Дэви внимательно оглядел все, что находилось к востоку от отеля, к западу от него, к северу и югу. Он осмотрел автомобили, стоявшие в тупике. Одна машина особенно заинтересовала инспектора, и он остановился. Поджал губы и прошептал: «А, ты снова здесь, красавица!» Затем взглянул на номер и кивнул: «Сегодня, значит, ты FAN 2266!» Наклонился, ощупал номерной знак и снова кивнул одобрительно, прошептав: «Недурно работают!»

Затем продолжил свой путь и вновь вышел на Понд-стрит, неподалеку от входа в отель «Бертрам». И опять остановился, восхищаясь стройным силуэтом еще одного гоночного автомобиля.

— А ты тоже красавец, — сказал старший инспектор Дэви, — твой номер не изменился с тех пор, как я тебя видел в последний раз. Я даже думаю, что твой номер всегда один и тот же. А это должно означать... — он задумался — Или нет? — И, взглянув туда, где должно было быть небо, пробормотал:

— А туман все гуще!

У дверей отеля швейцар то и дело взмахивал руками, стараясь согреться. Старший инспектор Дэви поздоровался с ним.

— Добрый вечер, сэр. Гнусная погода, — отозвался швейцар.

— Именно. Вряд ли кому захочется выйти наружу, если в этом нет особой необходимости.

Тут дверь толкнули изнутри, и пожилая дама вышла и в сомнениях застыла на верхней ступеньке.

— Вам такси, мэм?

— Боже, я-то хотела прогуляться!

— Я бы на вашем месте воздержался, мэм. Очень уж паршиво, туман. Да и в такси тоже нынче не слишком приятно.

— Неужто вы сможете найти для меня такси? — засомневалась дама.

— Я постараюсь. Идите-ка внутрь и погрейтесь,

а я зайду за вами если что. — И убедительным тоном добавил: — *Если вам вообще стоит ехать, мэм.* Я бы лично никуда сегодня не ездил.

— Боже! Вероятно, вы правы. Но меня ждут друзья в Челси. Не знаю даже... А вернуться, наверное, будет еще сложнее, а?

— Будь я на вашем месте, — заботливый Майкл Горман проявил твердость, — я бы пошел и позвонил вашим друзьям. Ничего хорошего — такой леди, как вы, оказаться на улице ночью и в тумане.

— Да, да, в самом деле вы, пожалуй, правы.

И она вернулась в отель.

— За ними глаз да глаз, — Микки Горман снова повернулся к Деду. — У такой-то сумочку наверняка вырвут. Надо же, отправиться в такой темноте в Челси, или Западный Кенсингтон, или куда там ей надо.

— У вас, видимо, немалый опыт общения с пожилыми дамами? — спросил Дед.

— Верно, верно. Тут ведь для них второй дом, дай им бог здоровья. А вы-то, сэр? Желаете такси?

— Думаете, что смогли бы сейчас поймать такси? Я ни одного не вижу... Впрочем, я их не виню.

— О, для вас я нашел бы. Тут у них за углом

стоянка. И они к нам сюда заходят погреться и перекусить.

— Нет, такси мне ни к чему, — вздохнул Дед и указал большим пальцем на дверь отеля. — Мне надо в отель. Есть дело.

— Вот как. Это по поводу исчезнувшего священника?

— Нет. Его нашли.

— Нашли? Где же?

— У него было сотрясение мозга. Несчастный случай.

— Это на него похоже. Вероятно, переходил улицу не глядя.

— Вроде так и было, — сказал Дед.

Он кивнул, толкнул дверь и вошел. В холле этим вечером народу было немного. Дед увидел мисс Марпл, сидевшую у камина, а мисс Марпл увидела его. Однако она никак этого не показала. Он направился к стойке администратора. Мисс Горриндж, как обычно, разбирала бумаги. Появление Деда, как ему показалось, вызвало у нее легкое замешательство. Какое-то мимолетное движение — однако не оставшееся незамеченным.

— Вы помните меня, мисс Горриндж? Я тут был на днях.

— Да, конечно, я вас помню, инспектор. Вы что-то еще хотели узнать? Желаете видеть мистера Хамфриса?

— Нет, благодарю вас. В этом нет необходимости. Я бы хотел еще раз взглянуть в журнал регистрации.

— Да, разумеется.

Мисс Горриндж подтолкнула к нему журнал. Дед стал медленно перелистывать страницы. Мисс Горриндж могло показаться, что он ищет какую-то определенную фамилию. Но это было не так. С юных лет Дед обладал даром, который он развивал и довел до совершенства. Он запоминал адреса и фамилии с фотографической точностью и удерживал их в памяти двадцать четыре, а то и все сорок восемь часов. Он покачал головой, захлопнул книгу и протянул ее мисс Горриндж.

— Каноник Пеннифазер не заходил? — спросил он небрежно.

— Каноник Пеннифазер?

— Разве вы не знаете, что он нашелся?

— Понятия не имею. *Мне никто ничего не сказал.* Где?

— В одной деревушке. Как будто попал под машину. Нам об этом не сообщили. Его подобрал и выходил какой-то добрый самаритянин.

— Как я рада! В самом деле очень рада. Я беспокоилась о нем.

— Так же, как и его друзья, — сказал Дед. — Я, кстати, сейчас смотрел, не остановился ли кто-нибудь из них у вас. Архидьякон... Не помню фамилии, но вспомнил бы, если б увидел.

— Томлинсон? — подсказала мисс Горриндж. — Он должен приехать на той неделе. Из Солсбери.

— Нет, не Томлинсон. Но — не важно. — И Дед отошел от стойки.

В холле сегодня вечером было тихо. Аскетического вида пожилой мужчина читал машинописные страницы, время от времени делая заметки на полях мелким корявым, совершенно неразборчивым почерком и каждый раз ядовито усмехался.

Было тут несколько супружеских пар, состоящих в браке столь давно, что у них не возникало особой потребности говорить друг с другом. Слышались взволнованные голоса, обсуждавшие погоду... «Я только что звонила и умоляла Сьюзен не ехать на машине. Дорога М-1 опасна во время тумана...»

Старший инспектор Дэви все это замечал, неторопливо и как бы без особой цели вышагивая по холлу. Мисс Марпл сидела у камина и наблюдала

за его приближением.

— Итак, вы все еще здесь, мисс Марпл. Я рад.

— Завтра уезжаю.

Перспектива близкого отъезда сказалась на ее позе. Она сидела выпрямившись, — как сидят в зале ожидания вокзала или аэропорта. Дед был уверен, что она уже уложила свои вещи, оставив лишь туалетные принадлежности и ночную рубашку.

— Мой двухнедельный отдых закончился, — сказала она.

— Вам было здесь хорошо, надеюсь?

Мисс Марпл ответила не сразу.

— С одной стороны — да. С другой...

— А с другой стороны — нет?

— Мне трудно объяснить...

— Не слишком ли близко вы сидите к огню? Жарковато здесь. Не хотите ли перейти — ну, скажем, вон в тот угол?

Мисс Марпл посмотрела в ту сторону, затем взглянула на старшего инспектора Дэви.

— Думаю, вы правы, — сказала она.

Он подал ей руку, взял ее сумочку и книгу и усадил в том углу, на который указал.

— Вы поняли, почему я предложил вам пересесть?

— С вашей стороны было очень любезно увести меня подальше от огня. А кроме того, отсюда наш разговор никто не услышит.

— Вы что-то хотите мне сказать, мисс Марпл?

— Почему вы так думаете?

— У вас такой вид.

— Очень жаль, если это на мне написано. Я этого не хотела.

— Так в чем же дело?

— Право, не знаю, следует ли говорить. Поймите меня правильно, инспектор, я не люблю вмешиваться в чужие дела. Я против этого. Нередко имеешь самые добрые намерения, а приносишь вред... Видеть, как люди поступают неразумно и даже подвергают себя опасности... Но имеешь ли право вмешиваться? По-моему, нет.

— Вы говорите о канонике Пеннифазере?

— Каноник Пеннифазер? — изумленно переспросила мисс Марпл. — О господи, ничего похожего... Это касается юной девушки.

— Девушки? И вы думаете, я могу чем-то помочь?

— Не знаю. Право, не знаю. Но я беспокоюсь, я очень беспокоюсь.

Дед не торопил ее. Она хочет помочь ему, а он был готов сделать все, чтобы помочь ей. Вообще

говоря, его не так уж интересует то, что она собирается сказать ему. А впрочем, кто знает?..

— В газетах иной раз читаешь отчеты о судебных делах, — говорила мисс Марпл, — о молодых людях, о юных девушках, о детях, «нуждающихся в заботе и защите». Это, конечно, казенное выражение, но ведь за ним — реальная жизнь.

— По-вашему, девушка, о которой вы упомянули, нуждается в заботе и защите? Она что же, совершенно одинока?

— Ах нет. Совсем не одинока. Со стороны выглядит так, будто она хорошо защищена и о ней прекрасно заботятся.

— Интересно, — сказал Дед.

— Она останавливалась в этом отеле с некой миссис Карпентер. Я посмотрела в книге, кто она. Ее зовут Эльвира Блейк.

Дед бросил на мисс Марпл заинтересованный взгляд.

— Хорошенькая девушка. Очень молодая и вполне, я бы сказала, защищенная. Ее опекун — полковник Ласкомб, очень достойный человек. Обаятельный. Пожилой, разумеется, и, боюсь, такая невинность...

— Невинность? Чья? Опекуна или девушки?

— Я имею в виду опекуна. Насчет девушки — не

знаю. Но, по-моему, она в опасности. Я случайно встретила ее в парке Баттерси. Она была в кафе с молодым человеком.

— Ах вот в чем дело! — сказал Дед. — Неподходящий молодой человек? Битник или?..

— Очень красивый, — сказала мисс Марпл, — не слишком молодой. Не меньше тридцати, и это тот мужской тип, который чрезвычайно привлекает женщин. Но лицо его — плохое лицо. Жестокое, ястребиное, хищное.

— Ну, быть может, он не так плох, как кажется, — предположил Дед.

— Думаю, что он еще хуже, чем кажется. Убеждена в этом. Он водит большой гоночный автомобиль.

Дед глянул на нее.

— Гоночный автомобиль? А на номер вы не обратили внимание?

— Обратила. FAN 2266. Я запомнила потому, что у меня была кузина, которая заикалась.

Дед был озадачен.

— Вы знаете, кто он? — спросила мисс Марпл.

— Представьте себе, знаю, — сказал Дед. — Наполовину француз, наполовину поляк. Известный гонщик. Был чемпионом мира. Зовут его Ладислав Малиновский. Кое в чем насчет него

вы совершенно правы. У него очень скверная репутация в отношении женщин. Он, конечно, в приятели к молодым девушкам не годится. Но тут трудно что-либо предпринять. Ведь видится она с ним тайно?

— Несомненно, — сказала мисс Марпл

— Вы не пробовали говорить с ее опекуном?

— Я его не знаю. Встречалась с ним всего раз у наших общих друзей. Не хотелось бы выступать перед ним в роли сплетницы. Я подумала: а быть может, *вы* могли бы что-то сделать?

— Попробовать можно, — сказал Дед. — Между прочим, вам будет приятно узнать, что ваш друг каноник Пеннифазер нашелся.

— Что вы говорите! — оживилась мисс Марпл. — Где?

— В местечке, которое называется Милтон-Сент-Джонс.

— Странно! Что ему там делать? Сам-то он это как объясняет?

– *По-видимому,* — с ударением произнес Дед, — произошел несчастный случай. Его сбил автомобиль. Сотрясение мозга.

— Ах вот как! Он что-нибудь помнит?!

— Он *утверждает,* — старший инспектор выделил голосом и это слово, — что не помнит

ничего.

— Поразительно!

— Он помнит лишь, как ехал в такси в Кенсингтонский аэропорт.

— Что ж, такое случается при сотрясении мозга... Но хоть что-то он сказал?

— Пробормотал что-то насчет стен иерихонских.

— Вот как! Позвольте! Помнится, была такая пьеса...

— А всю эту неделю в кинотеатре «Гомон» шел фильм *«Иерихонские стены»* с Ольгой Рэдборн и Бартом Левинном, — сказал Дед.

Мисс Марпл как-то странно поглядела на него.

— И значит, он мог пойти в этот кинотеатр на Кромвель-роуд, — продолжал старший инспектор, — а оттуда направился в отель, — сеанс кончается где-то около одиннадцати, но если так, значит, он явился сюда до полуночи и кто-то должен был его видеть.

— Сел не в тот автобус, — предположила мисс Марпл.

— Допустим, он явился сюда *после* полуночи. Тогда он мог подняться в свой номер никем не замеченным. Но если так, что же произошло потом и почему ему вздумалось вновь выйти в

три часа утра?

Мисс Марпл старалась найти подходящие слова.

— Пожалуй, единственное, что мне приходит в голову... Ой!

Она вздрогнула: с улицы раздался звук, похожий на выстрел.

— Выхлопная труба, — успокоил ее Дед.

— Простите, старший инспектор... Я сегодня весь день почему-то ужасно нервничаю... Бывает такое чувство, что...

— ...Что-то должно случиться? Не думаю, что вам стоит беспокоиться.

— Никогда не любила туман!

— Я хотел вам сказать, что вы мне очень помогли. Те мелочи, на которые вы обратили внимание, когда все вместе, на самом деле не такие уж и мелочи...

— Значит, в отеле *что-то неладно?*

— Здесь все неладно.

Мисс Марпл вздохнула:

— Поначалу мне здесь пришлось по душе, будто ничего не переменилось и я перенеслась в прошлое, в ту часть прошлого, где было так прекрасно. — Она умолкла. — Но это, конечно, совсем не так. Я уже знаю, да и всегда знала, что

пути назад нет, никто не должен и пытаться идти назад, суть жизни — в движении вперед. Жизнь — это словно улица с односторонним движением, правда?

— Что-то в этом духе, — согласился Дед.

— Помнится, — мисс Марпл пришлось несколько отклониться от непосредственного предмета разговора, — я была в Париже с матерью и бабушкой, и мы пошли на чай в «Отель Элизиум». И бабушка оглянулась вокруг и говорит: «Клара, по-моему, я тут единственная в *кáпоре*[17]». Так оно и было. Когда она вернулась домой, то собрала все капоры и мантильи[18], отделанные стеклярусом[19], и отправила...

— На благотворительную распродажу? — участливо подсказал Дед.

— О, что вы! Там они уже были никому не нужны. Она отправила их в театр, и там все им страшно обрадовались. Но позвольте... — Мисс

---

[17] notes: 17

К á п о р — детский и женский головной убор с завязывающимися под подбородком лентами.

[18] notes: 18

М а н т и л ь я — короткая накидка без рукавов в женском костюме XIX века.

[19] notes: 19

С т е к л я р у с — род крупного бисера — разноцветные короткие трубочки из стекла.

Марпл решила вернуться к основной теме. — О чем я говорила?

— Об этом месте.

— Да. И вот этот отель... Казалось, все как должно, но это не так. Тут перемешаны люди настоящие и ненастоящие. И не всегда возможно их различить.

— Кого вы имеете в виду под ненастоящими?

— Есть тут военные в отставке, но есть и такие, которые кажутся военными, но в армии никогда не служили. И духовные лица, которые никогда не совершали требы. И адмиралы, никогда не служившие на флоте. Моя приятельница Селина Хейзи... Поначалу меня забавляло ее стремление отыскивать среди постояльцев отеля знакомых и часто попадать впросак. Слишком часто. И это навело меня на размышления. Вот даже Роуз, горничная, такая славная, но и она, по-моему, ненастоящая.

— Бывшая актриса, если вас это интересует. Хорошая актриса. Но здесь ей платят куда больше того, что она смогла бы заработать на сцене.

— Нужна как деталь мизансцены. А быть может, за этим стоит и что-то посерьезнее.

— Но что?

— Я так рада, что уезжаю! Пока еще ничего не

случилось.

— А что, по-вашему, может случится?

— Какое-то зло, — ответила мисс Марпл.

— Ну, зло — это слишком сильно сказано.

— Думаете, я драматизирую? Но у меня есть опыт! Мне случалось — и часто — иметь дело с убийством!

— Убийством? — Старший инспектор Дэви покачал головой. — Нет, это вряд ли. Просто будет аккуратненькая облава на очень неглупых преступников...

— Это разные вещи. Убийство — стремление убить — это совсем иное. Это — как бы получше выразиться — вызов Богу.

Он посмотрел на нее и покачал головой:

— Никакого убийства не будет.

Звук выстрела, куда более громкий, чем предыдущий, донесся с улицы. За ним последовал женский крик и новый выстрел.

Старший инспектор Дэви вскочил на ноги с быстротой, удивительной для его телосложения. В считанные секунды он миновал вращающуюся дверь и очутился на улице.

II

В криках, пронзавших туман, слышался ужас. Дэви видел смутные очертания женской фигуры, прислонившейся к ограде. В несколько прыжков он оказался рядом. На женщине было длинное меховое манто, ее светлые волосы спадали на плечи. На секунду ему показалось, что он знает, кто это, но нет, перед ним была юная хрупкая девушка. На тротуаре у ее ног лежало распростертое тело человека в форме. Главный инспектор Дэви узнал его. Это был Майкл Горман.

Когда Дэви приблизился к девушке, та прижалась к нему, вся дрожа и бессвязно лепеча:

— Кто-то хотел убить меня... Кто-то... *Если б не он.* — Она указала на неподвижное тело у своих ног. — Он оттолкнул меня и заслонил, и тогда второй выстрел... и он упал... Он спас мне жизнь... Он ранен, кажется, он тяжело ранен...

Старший инспектор Дэви встал на одно колено. Засветил фонарь. Рослый ирландец погиб, как солдат. На левой стороне его рубашки темнело пятно, расплывающееся по мере того, как кровь просачивалась сквозь материю. Дэви приподнял ему веко, пощупал пульс. Затем встал на ноги.

— Все кончено! — сказал он.

– *Он умер?* — пронзительно вскрикнула девушка. — Нет, нет! *Он не мог умереть!*

— Кто стрелял в вас?

— Не знаю. Я оставила свою машину за углом и пошла вдоль ограды в «Бертрам». Внезапно раздался выстрел, пуля просвистела буквально у моего уха, и тогда он, швейцар из «Бертрама», помчался ко мне, оттолкнул меня, заслонил собою, и тут — второй выстрел... Я думаю — думаю, что тот, кто стрелял, прятался вон там...

Старший инспектор взглянул в указанном направлении. С той стороны отеля «Бертрам» был старомодный цветник, находившийся ниже уровня мостовой, с калиткой, куда вели несколько ступенек. Поскольку на этот участок выходили лишь помещения складов, людей там почти никогда не бывало. Спрятаться там было нетрудно.

— Вы его не видели?

— Как следует — нет. Он промчался мимо как тень. Туман!

Дэви кивнул.

Девушка стала истерически всхлипывать:

— Но кто, кто хотел убить меня? Почему меня хотели убить? Это уже во второй раз...

Одной рукой поддерживая девушку, другой Дэви стал шарить в кармане. Пронзительный

полицейский свисток прорезал туман.

III

В холле отеля «Бертрам» мисс Горриндж резко выпрямилась за своей стойкой. Один или два постояльца устремили взгляд на дверь. Лишь старые и глухие никак не реагировали.

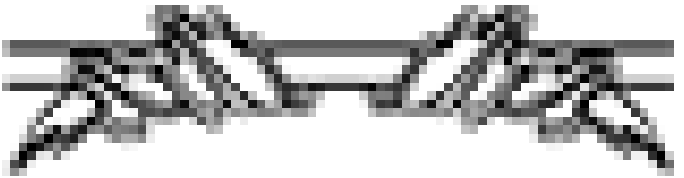
Генри, принесший кому-то из клиентов рюмку бренди, замер, не успев поставить ее на столик.

Мисс Марпл выпрямилась в кресле, вцепившись в подлокотники.

— Авария, — веско изрек отставной адмирал. — Наверняка две машины столкнулись в тумане.

Входящую дверь толкнули снаружи, и появился полицейский, показавшийся всем огромным. Он поддерживал девушку в светлом меховом манто. Она едва брела. Полицейский озирался с некоторым смущением, ожидая помощи. Из-за стойки поднялась мисс Горриндж, готовая прийти на выручку. Но в это время спустился лифт. Из него вышла высокого роста женщина, и тогда девушка, стряхнув с себя поддерживающую ее руку полицейского, неистово рванулась через весь холл к ней.

— Мама! — закричала она. — *Мама, мама!* — и, всхлипывая, упала в объятия Бесс Седжвик.



ГЛАВА 21

Старший инспектор Дэви, откинувшись на спинку кресла, глядел на двух женщин, сидевших напротив него. Время было за полночь. Представители полиции ушли. Уже побывали врачи, дактилоскописты, карета «скорой помощи» увезла тело убитого, и теперь все сосредоточилось в этом небольшом помещении, специально предназначенном администрацией отеля для дел юридических. Дэви сидел с одной стороны стола. Бесс и Эльвира — с другой. У стены устроился полицейский с блокнотом. Сержант Воделл рас-

положился у двери.

Дед задумчиво разглядывал обеих сидящих перед ним женщин. Мать и дочь. Внешнее сходство — да, весьма заметно. Понятно, почему в тумане он принял Эльвиру Блейк за Бесс Седжвик. Но теперь бросалась в глаза и их непохожесть, будто перед вами два изображения одного и того же человека: позитив и негатив. И позитив, несомненно, Бесс Седжвик! Жизнелюбие, энергия, магнетическая притягательность. Он восхищался леди Седжвик. Он всегда ею восхищался. Ее отвагой и ее неукротимостью; как-то, читая о ее очередном подвиге в воскресной газете, он воскликнул: «Ну, из этой переделки ей уж наверняка не выбраться», — но она неизменно выбиралась из всех переделок. Ему казалось, что ей не удастся закончить свое очередное путешествие благополучно, однако она его заканчивала. В особенности пленяла ее неуязвимость. На ее счету были одна авиакатастрофа и несколько автомобильных, ее дважды сбрасывала лошадь, и, тем не менее, вот она тут — цела и невредима! Он мысленно снимал перед ней шляпу. Придет, разумеется, день, когда наступит расплата. Такое везение не может продолжаться вечно. Он перевел взгляд на дочь. Удивительно! Просто удивительно!

У Эльвиры Блейк, думал он, все загнано внутрь. Бесс Седжвик шла по жизни, все подчиняя своей воле. А у Эльвиры, он понимал, иной путь. Она сама подчиняется воле других. Она покоряется. Она улыбается, словно соглашаясь, и вместе с тем не дается в руки. «Хитра, — думал Дэви, — полагаю, что лишь хитростью она и может действовать. Она никогда не шла напролом, не вступала в открытое противостояние. Поэтому-то ее опекуны и понятия не имеют о том, чего от нее ждать!»

Интересно знать, зачем она пробиралась к отелю «Бертрам» поздним, туманным вечером? «Сейчас он спросит ее об этом. Вряд ли ответ будет правдивым. Шла ли она сюда повидаться с матерью? Возможно, но он в это не верил. Он подумал о гоночном автомобиле с номерным знаком FAN 2266. Ладислав Малиновский должен находиться где-то рядом, раз его автомобиль тут.

— Ну-с, — обратился Дед к Эльвире добродушным, отеческим тоном, — и как вы себя чувствуете?

— Вполне сносно.

— Прекрасно. Мне бы хотелось, чтобы вы ответили на несколько вопросов, потому что времени терять никак нельзя. В вас дважды стреляли, и был убит человек. Чтобы найти убийцу, необхо-

димо знать о нем как можно больше.

— Я вам скажу все, что знаю, но это случилось так внезапно. И потом, из-за тумана ничего не было видно! Понятия не имею, кто стрелял, как он выглядел! Вот в чем ужас!

— Вы сказали, что на вашу жизнь покушались вторично?

— Я это сказала? Не помню! — В глазах ее мелькнуло беспокойство. — Я не могла этого сказать... Видимо, была просто вне себя.

— Не думаю, — сказал Дед. — Мне кажется, вы знали, что говорили.

— Да нет! Просто разыгралось воображение! — И вновь в глазах промелькнула тревога.

— И вам показалось, что кто-то покушается на вас? Каким образом?

Бесс Седжвик спокойно обратилась к дочери:

— Лучше скажи ему, Эльвира.

— Вам нечего бояться. В полиции прекрасно знают, что девушки частенько не все говорят своим родным и опекунам. Мы к этому относимся с пониманием... но, поймите, сейчас как раз необходимо знать все, чтобы напасть на след.

— Это случилось в Италии? — спросила Бесс.

— Да. В пансионе графини Мартинелли. Нас там было восемнадцать или двадцать...

— И вам показалось, что кто-то покушается на вас? Каким образом?

— Видите ли, однажды я получила коробку шоколадных конфет. В коробке была карточка, на ней несколько слов по-итальянски, ну что-то вроде «прекрасной синьорине». Ну, мои подруги и я, мы посмеялись и стали гадать, кто прислал конфеты.

— Конфеты пришли по почте?

— Нет. Нет, что вы! Коробка просто оказалась однажды в моей комнате. Кто-то ее туда положил.

— Понятно. Подкупили кого-то из слуг. Вы, полагаю, ничего не сказали об этом графине... Как ее там?

Слабая улыбка показалась на лице Эльвиры.

— Нет-нет. Конечно, нет. В общем в коробке оказались чудные конфеты, разных сортов, в том числе и с лиловым кремом. Знаете, есть такие шоколадные конфеты с фиалкой из глазури. Мои любимые. Ну я, конечно, сразу съела одну или две. И ночью мне стало плохо. Я не связала это тогда с конфетами. Решила, что съела что-то не то за ужином.

— Еще кто-нибудь захворал?

— Нет, только я. К концу следующего дня полег-

чало, а через пару дней я снова съела конфету и опять захворала. Я поделилась с Бриджит — это моя лучшая подруга. Мы с ней обнаружили, что у конфет с фиалками снизу маленькая дырочка, которая потом была заделана, и мы решили, что конфеты были кем-то отравлены.

— Никто другой не болел? Никто, значит, не ел этих конфет?

— Думаю, что нет. Видите ли, все знали, что конфеты с фиалками — мои любимые, и их оставили для меня.

— Этот тип, однако, сильно рисковал! Он мог бы всех отравить!

— Абсурд какой-то, — резко сказала леди Седжвик. — В жизни своей не слышала подобной чепухи!

— Прошу вас! — обратился к ней Дэви, сопроводив свою просьбу легким движением руки, и вновь повернулся к Эльвире: — Ваш рассказ очень интересен, мисс Блейк. И что же вы сделали с конфетами?

— Выбросила.

— И вы не пытались узнать, кто их послал?

Эльвира была явно смущена.

— Ну, понимаете, я подумала, что это мог быть Гвидо.

— Вот как? — весело откликнулся старший инспектор. — И кто же такой Гвидо?

— О, Гвидо... — Эльвира замолчала, взглянув на мать.

— Не глупи, — сказала Бесс Седжвик. — Расскажи старшему инспектору об этом Гвидо, кто бы он ни был. У каждой девушки твоего возраста непременно есть какой-нибудь Гвидо. Ты там с ним познакомилась?

— Да. Когда нас водили в оперу. Он там со мной заговорил. Он был очень славный. И привлекательный. Потом я с ним изредка виделась, когда мы ходили на уроки. Он передавал мне записки.

— И я полагаю, — вмешалась Бесс, — что тебе частенько приходилось обманывать и договариваться с подружками. Ты ухитрялась убегать из пансиона и с ним встречаться.

Эльвира, казалось, была довольна тем, что ее избавили от неприятных объяснений.

— Да. Мы с Бриджит иногда выходили вместе. Иногда Гвидо ухитрялся...

— Ну а как фамилия Гвидо?

— Не знаю. Он не говорил.

— То есть вы не хотите нам этого сказать? — улыбнулся старший инспектор. — Ничего. Понадобится — узнаем и без вашей помощи.

Однако почему вы думаете, что юноша, которому вы нравились, хотел вас убить?

— Ну потому, что он мне иногда угрожал. Мы вечно ссорились. Он приводил с собой приятелей, и я иногда делала вид, что кто-то из них мне нравится больше, чем он, и он очень, очень злился. Говорил, чтобы я была осторожна, что он не потерпит, чтобы я его бросила. Что, если я не буду ему верна, он меня убьет. — Эльвира внезапно улыбнулась. — Все было очень забавно! Я не думала, *что это всерьез!*

— Не похоже, чтобы этот юноша, каким вы его описали, послал вам отравленные конфеты!

— Да я и сама так не думала, — сказала Эльвира, — но все-таки это должно быть он, потому что никто другой мне в голову не приходит! Это беспокоило меня. А когда я вернулась в Англию, то получила послание... в конверте... там было напечатано: *«Будьте настороже. Вас хотят убить».*

Брови старшего инспектора поползли вверх:

— В самом деле? Очень любопытно. И вас это испугало?

— Да... Я все думала, кому это понадобилось убить меня? Вот почему я старалась узнать, действительно ли я так богата... А недавно в метро, на платформе, где столпилось много народу, мне

показалось, что кто-то пытался столкнуть меня на рельсы.

— Дитя мое, — воскликнула Бесс Седжвик, — перестань сочинять!

— Ну, может быть, мне и в самом деле могло все это показаться, но после того, что случилось сегодня, выходит, это могло иметь место? — Внезапно она повернулась к Бесс Седжвик: — *Мама! Быть может, ты знаешь, кто хочет убить меня?* Есть у меня враг?

— Нет у тебя никаких врагов, — нетерпеливо оборвала ее Бесс Седжвик. — Не будь дурочкой. Никто не собирается тебя убивать.

— Тогда кто же стрелял в меня сегодня?

— В тумане тебя могли принять за кого-то другого. Это вполне возможно, не так ли? — спросила она, обращаясь к старшему инспектору.

— Полагаю, возможно, — отозвался старший инспектор.

Бесс Седжвик посмотрела на него очень пристально. Ему даже почудилось, что она шевельнула губами, беззвучно сказав: «Позже!»

— Однако, — весело предложил он, — вернемся к фактам! Откуда вы появились здесь сегодня вечером? Куда шли в такой туман?

— Утром я была в галерее Тейт на лекции по

искусству. Потом зашла на ланч к моей подруге Бриджит. Она живет на Онслоу-сквер. После чего мы пошли в кино, а когда оттуда вышли, уже сгустился туман, и я побоялась ехать домой.

— Вы сами водите машину?

— Да. Сдала на права в августе. Пока я еще не очень хорошо вожу и терпеть не могу ехать в тумане. Мама Бриджит предложила мне остаться на ночь у них, я позвонила кузине Милдред, у которой живу в Кенте...

Дед кивнул.

— ...и сказала, что буду ночевать у Бриджит... Она ответила, что это очень мудрое решение.

— А что потом? — спросил Дед.

— Ну а потом туман внезапно рассеялся. И я решила, что все-таки поеду в Кент. Простилась с Бриджит и поехала. Но по дороге туман опять сгустился, я заблудилась и не понимала, где нахожусь. Потом увидела угол Гайд-парка и подумала: *«Нет, не могу ехать в Кент!»* Сначала хотела вернуться к Бриджит, но боялась снова заблудиться. И тут я сообразила, что совсем рядом этот славный отель, куда привез меня дядя Дерек, когда я вернулась из Италии, и я решила, что там уж, вероятно, найдется для меня номер. Доехать оказалось нетрудно, я нашла место, куда

поставить машину, а потом пошла к отелю.

— Вы кого-нибудь встретили или кто-нибудь шел рядом?

— Забавно, что вы это спросили, потому что мне действительно показалось, что кто-то за мной шел. Конечно, мало ли людей ходит по Лондону! Но в тумане это пугает. Я остановилась, прислушалась, шаги как будто затихли, и я решила, что мне это померещилось. Я уже была возле отеля.

— А потом?

— А потом внезапно раздался этот выстрел. Как я уже говорила, пуля просвистела около моего уха. Швейцар, который стоит у дверей отеля, подбежал, оттолкнул меня и потом... И потом еще один выстрел. Он... Он упал, и я закричала.

Эльвира вновь задрожала.

— Спокойно, девочка! — сказала Бесс низким, твердым голосом. — Спокойно!

Так Бесс обращалась к своим лошадям, и этот тон оказал должное воздействие и на ее дочь. Эльвира заморгала, глядя на мать, встряхнулась и успокоилась.

— Умница, — сказала Бесс.

— А потом пришли *вы,* — продолжала Эльвира, обращаясь к Деду. — Вы засвистели, потом велели полисмену увести меня в отель. Когда я вошла,

то увидела... увидела маму. — Она оглянулась на Бесс Седжвик.

— Скажите, вы знаете человека по имени Ладислав Малиновский? — спросил Дед. Он задал этот вопрос небрежным тоном, как бы между прочим. На Эльвиру Дед не смотрел, но, поскольку слух его был напряжен, от него не ускользнул быстрый, легкий вздох, вырвавшийся у девушки. Он не смотрел на дочь. Он смотрел на мать.

— Нет, — сказала Эльвира почти без заминки. — Нет. Я его не знаю.

— Вот как! А мне казалось, что вы могли бы его знать. Думаю, он мог быть здесь сегодня вечером.

— Да? Почему это?

— А его автомобиль за углом. Поэтому я и подумал, что он здесь.

— Я его не знаю, — повторила Эльвира.

— Значит, я ошибся, — сказал Дед. — Но вы-то его знаете? — Он повернулся к Бесс.

— Еще бы, — ответила Бесс Седжвик. — Знаю много лет. — И с улыбкой добавила: — Знаете, он сумасшедший. Водит так, что когда-нибудь сломает себе шею. Он уже однажды разбился, полтора года назад.

— Помнится, я об этом читал, — отозвался

Дед. — Он ведь больше не выступает, а?

— Пока что нет. И думаю, не будет.

— Можно, я пойду спать? — жалобно попросила Эльвира. — Я... Я ужасно устала.

— Конечно, это вполне понятно, — согласился Дед. — Вы сказали нам все, что вспомнили?

— Да, конечно.

— Я пойду с тобой, — сказала Бесс.

Мать и дочь вышли вместе.

– *Она прекрасно его знает!* — сказал Дед.

— Вы так думаете, сэр? — спросил сержант Воделл.

— Уверен. Она пила с ним чай в парке Баттерси. Их там видела одна старая дама. Была этим встревожена. Сочла, что он не компания для юной девушки. И это истинная правда.

— В особенности если он с ее матерью... — Воделл не кончил фразы. — Об этом все говорят.

— Да, я тоже слышал...

— Тогда кто ему нужен — мать или дочь?

Дед, пропустив эту реплику мимо ушей, распорядился:

— Необходимо его задержать. Он мне нужен. Его машина тут за углом.

— Вы полагаете, он остановился в этом отеле?

— Не думаю. Он не вписывается в «Бертрам».

Если он сюда явился, то затем, чтобы встретиться с девушкой. А она-то определенно шла на свидание с ним.

Открылась дверь, и появилась Бесс Седжвик.

— Я вернулась, чтобы поговорить с вами. Но нельзя ли без свидетелей?

— Не вижу препятствий. — Старший инспектор Дэви сделал знак, и молодой полицейский, взяв свой блокнот, вышел. За ним последовал сержант Воделл.

Леди Седжвик уселась за стол напротив Деда.

— Эта идиотская история об отравленных конфетах... Совершенная чепуха. Не верю ни единому слову!

— Считаете, что ваша дочь все это выдумала?

— Да. Но зачем?

— Ну, если вы не знаете зачем, то откуда знать мне? Она ваша дочь. Предполагается, что вы ее знаете лучше, чем я.

— Я совершенно ее не знаю, — с горечью отозвалась Бесс Седжвик. — Я ее не видела и не имела с ней никаких контактов с тех пор, как сбежала от своего мужа, а тогда ей было два года.

— Да-да. Мне это известно. И я нахожу это странным. Ведь вы знаете, леди Седжвик, что суд обычно отдает ребенка матери, коль скоро мать

об этом просит, даже будучи стороной виновной. Видимо, вы сами этого не хотели?

— Я решила, что лучше — не надо.

— Почему же?

— Посчитала, что так будет для нее безопаснее.

— С точки зрения морали?

— Нет. Не морали! Адюльтером сегодня никого не удивишь. Дети должны это знать... к этому легко привыкнуть... Нет... понимаете, находиться рядом с такой, как я, рискованно. Жизнь, какую я веду, опасна. Ничего не могу с собой поделать — я рождена, чтобы играть с огнем, к тому же я не законопослушна, враг всяческих условностей. И я думала, что для Эльвиры будет лучше, если она получит традиционное английское воспитание, будет окружена вниманием, заботой...

— Но лишена материнской любви?

— Я думала, что, если она будет любить меня, это принесет ей горе. Вы можете не верить мне, но именно так я чувствовала.

— Верю. Вы до сих пор считаете, что были правы?

— Нет. Не считаю. Теперь я думаю, что была совершенно не права.

– Ваша дочь знакома с Малиновским?

— Убеждена, что нет. Вы же слышали, что она

сказала!

— Слышать-то слышал... Но, понимаете, она была взволнована, испугана. Наша профессия такова, что мы сразу улавливаем, когда собеседник нервничает, боится... Откуда этот страх? Конфеты или что другое, *но на жизнь ее покушались.* Эта история насчет метро вполне правдоподобна...

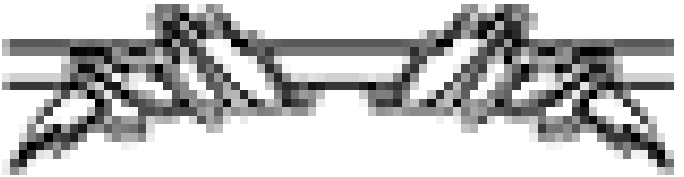
— Дичь какая-то. Детективный роман!

— Быть может. И все же подобные вещи случаются, леди Седжвик. Чаще, чем вы думаете. Есть у вас хоть какая-то догадка о том, кто хотел убить вашу дочь?

— Ни малейшей!

Голос ее звучал со страстной убежденностью.

Старший инспектор Дэви вздохнул и покачал головой.



ГЛАВА 22

Старший инспектор Дэви терпеливо ждал, когда у миссис Мелфорд иссякнет поток слов. Беседа с этой дамой не дала ровно ничего. Эта кузина Милдред мыслила бессвязно, была мелочно подозрительна, и вообще в голове у нее каша. Такое, во всяком случае, сложилось впечатление у Деда. Сведения о прекрасных манерах Эльвиры, ее добром сердце, неприятностях с зубами перемежались недоумением по поводу ее исчезновений и странных оправданий. Из всего рассказанного в конце концов можно было сделать только один

вывод, что Бриджит — вряд ли подходящая подруга для Эльвиры. Миссис Мелфорд ничего не знала, ничего не слыхала и, очевидно, не была способна прийти к каким-то выводам.

Телефонный звонок к опекуну Эльвиры полковнику Ласкомбу дал и того меньше, но, к счастью, полковник оказался немногословным. Положив трубку, Дед пробормотал, обращаясь к сержанту:

— Еще один китайский болванчик: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу!» Беда в том, что все, кто опекают эту девицу, люди старомодного воспитания, которые не допускают мысли о существовании зла. Не то что моя старая дама!

— Из отеля «Бертрам»?

— Именно! Она за свою долгую жизнь научилась распознавать зло и с ним бороться. Ну-с, поглядим, что нам удастся вызнать у этой ее подружки, у Бриджит!

Главная трудность их беседы заключалась, во-первых, во-вторых и в-третьих, в присутствии мамы Бриджит. Старшему инспектору Дэви пришлось пустить в ход все свое умение, такт и даже лесть, чтобы разговаривать с Бриджит без активного участия мамы. Надо признаться, ему в этом помогала, и довольно умело, сама Бриджит.

В конце концов она сказала:

— А знаешь, мама, тебе ведь уже пора идти на заседание комитета. Ты говорила, что это очень важно!

— Ах, боже мой, боже мой! — запричитала мама.

— Они же там без тебя совершенно запутаются, мамочка!

— Да-да, конечно, но, с другой стороны, быть может, я должна...

— Ради бога, не беспокойтесь, мэм! — сказал Дэви, придавая своему лицу добрейшее, отеческое выражение. — Идите, куда вам нужно. Все важные вопросы мы уже обсудили. Остались кое-какие мелочи насчет этого пансиона в Италии, и я думаю, мисс Бриджит сможет мне помочь.

— Ну если ты справишься, Бриджит...

— Справлюсь, мамочка, справлюсь! О господи! — тяжело вздохнула Бриджит, когда она вернулась к инспектору, затворив за матерью входную дверь. — Нет, в самом деле! *Нелегко* нам с нашими родительницами!

— Что верно, то верно — согласился старший инспектор. — Многие молодые леди, с которыми мне доводилось встречаться, жаловались на некоторые разногласия в семье... Ну-с, а теперь, я

надеюсь, вы сможете рассказать мне побольше.

— Я не могла быть откровенной в мамином присутствии! Но я понимаю, как все это важно. Мне известно, что Эльвира была чем-то ужасно обеспокоена и чего-то боялась.

— Прежде всего, я хотел бы выяснить насчет той коробки конфет. Я понял, что конфеты были отравлены.

Бриджит изумленно округлила глаза:

— Отравлены? Нет-нет. Не думаю... Впрочем...

— Так что-то было?

— Ну да. Была коробка конфет, и Эльвира съела их довольно много и в ту же ночь захворала. Сильно захворала.

— И она подозревала, что в конфетах яд?

— Нет. Впрочем, да, она говорила, что кто-то хочет нас отравить, и мы стали рассматривать конфеты, чтобы посмотреть, не трогал ли их кто-нибудь.

— И что же?

— Ничего. Во всяком случае, мы не смогли ничего обнаружить.

— Но ваша подружка, мисс Эльвира, продолжала так думать?

— Возможно, — но ничего такого *не говорила.*

— Но вы считаете, что Эльвира чего-то опаса-

лась?

— В то время я ничего не замечала. Это было уже здесь, позже.

— А что вы знаете о Гвидо?

Бриджит хихикнула:

— Ох, он жутко влюбился в Эльвиру!

— И вы с вашей подругой с ним встречались?

— Вам я могу сказать. Вы ведь полиция. Такого рода вещи вас не интересуют, и вы поймете. Графиня Мартинелли была жутко строгая или воображала, что строгая. Ну и, конечно, нам приходилось всячески крутиться. И мы все покрывали друг друга. Ну, вы понимаете!

— И приходилось обманывать, надо полагать?

— Приходилось, — признала Бриджит. — А что делать, когда тебя все время подозревают?

— Итак, вы встречались с Гвидо. Он угрожал Эльвире?

— Да нет, не по-серьезному!

— Быть может, она еще с кем-то встречалась?

— Ну, этого я не знаю.

— Пожалуйста, мисс Бриджит, будьте откровенной. Это может оказаться очень важным!

— Да-да, понимаю. *Там был один.* Не знаю, кто он, но знаю, что он был небезразличен Эльвире. Она очень серьезно к нему относилась. *Это было*

для нее крайне важно!

— Они встречались?

— Думаю, что да. Она *говорила,* что встречается с Гвидо, но это не... всегда был Гвидо. Это был тот, другой.

— Вы имеете представление о том, кто он?

— Нет. — В голосе Бриджит послышалась неуверенность.

— Может быть, автогонщик Ладислав Малиновский?

Бриджит удивленно уставилась на Дэви:

– *Так вы знаете?*

— Значит, это так?

— Да, как будто. У нее была его фотография, вырезанная из газеты. Она прятала ее в комоде под чулками.

— А может, он просто кумир?

– *Может, и так,* только я не думаю.

— А здесь, в Англии, она с ним встречалась?

— Не знаю. Я не очень-то в курсе того, что она делала, когда вернулась из Италии.

— Она приехала в Лондон к зубному врачу, — быстро подсказал Дэви. — Или так сказала. Вместо этого явилась к вам. Позвонила Мелфордам и что-то наплела о старой гувернантке.

Бриджит отозвалась тихим хихиканьем.

— Значит, это было не правдой? — улыбнулся старший инспектор. — Куда же она поехала на самом деле?

После некоторого колебания Бриджит вымолвила:

— В Ирландию.

— В Ирландию? Зачем?

— Не сказала. Сказала лишь, что ей надо кое-что выяснить.

— Вы знаете, в какой именно город в Ирландии она ездила?

— В точности — нет. Но что-то вроде Балли... что-то... Баллиговлан, кажется.

— Так. Вы уверены, что она ездила в Ирландию?

— Я сама ее провожала в Кенсингтонский аэропорт.

— А когда она вернулась?

— На следующий день.

— Тоже самолетом?

— Да.

— Вы уверены, что она вернулась самолетом?

— Ну, я так думаю.

— Она брала обратный билет?

— Нет, не брала. Я помню.

— Значит, не обязательно самолет? Не могла

ли она, к примеру, вернуться ирландским экспрессом?

— Этого она мне не говорила.

— А говорила ли она вам, что прилетела?

— Нет. Но зачем ехать паромом и поездом, если можно самолетом?

— Ну, если она узнала то, что хотела, и ей негде было остановиться, возможно, она решила, что ей лучше вернуться поездом.

– *Что ж, возможно.*

Дэви чуть улыбнулся.

— Думаю, что нынешние леди не мыслят себе дороги без самолета.

— Думаю, это так, — согласилась Бриджит.

— Хорошо. Во всяком случае, она вернулась. А затем что произошло? Она пришла к вам или же позвонила? И в какое время дня?

— Позвонила. Это было утром. Что-то вроде одиннадцати или двенадцати утра... Позвонила и спросила, все ли в порядке.

— И все ли было в порядке?

— Ох, нет, не было, потому что, понимаете, позвонила миссис Мелфорд, и к телефону подошла мамочка, все жутко запуталось, и я не знала, что мне говорить. Поэтому Эльвира сказала, что она к нам не приедет, а позвонит своей кузине

Милдред и что-нибудь ей соврет.

— Это все, что вы знаете?

— Все, — ответила Бриджит, решив и кое-что утаить. Она думала о мистере Болларде и о браслете. Уж об этом-то она не собирается ставить в известность старшего инспектора!

Дед прекрасно понял, что от него что-то скрыли. Он лишь надеялся, что это не имеет существенного значения для дела. И снова спросил:

— Вы действительно считаете, что ваша подруга боялась кого-то или чего-то?

— Да, считаю.

— Она сама говорила вам об этом? Вы ее спрашивали?

— Да, я прямо спросила ее. Сначала она отрицала, а потом созналась, что боится. Так оно и было! Она чувствовала себя в опасности! Но я не знаю, что именно ей угрожало.

— Вы поняли, что ей что-то угрожает, в то утро, когда она вернулась из Ирландии?

— Да. В тот день я это поняла.

— Именно в тот день, когда она *могла* приехать в Лондон ирландским экспрессом?

— Нет, не думаю, что она ехала поездом. Почему вы ее об этом не спросите?

— Вероятно, спрошу. Но я не хочу пока при-

влекать к этому ее внимание. Для нее это может быть опасно.

Глаза Бриджит расширились.

— Что вы имеете в виду?

— Вы, вероятно, забыли, мисс Бриджит, что именно в ту ночь или, вернее, в то утро было совершено нападение на ирландский экспресс.

— И вы думаете, Эльвира была *там* и ничего мне об этом не сказала?

— Согласен, что это несколько неправдоподобно. Однако мне сейчас пришло в голову, что она там могла что-то или кого-то увидеть или стать свидетелем инцидента, связанного с этим нападением. Ну, например, она увидела кого-то, кого знала, и это для нее опасно.

— Ах вот как! — сказала Бриджит. И добавила, подумав: — Вы имеете в виду, что какой-то ее знакомый участвовал в ограблении?

Старший инспектор Дэви поднялся со стула.

— Ну, полагаю, это все. Вы уверены, что вам нечего мне больше сказать? Куда, например, ваша подруга ходила в тот день? Или накануне?

Видение — мистер Боллард и Бонд-стрит — вновь промелькнуло перед глазами Бриджит.

— Нет, — ответила она.

— А мне кажется, вы что-то от меня скрываете!

Бриджит радостно ухватилась за соломинку.

— Да-да, я забыла. Она ходила к каким-то адвокатам, своим опекунам. Она хотела что-то выяснить.

— Вот как. И вы знаете их фамилии?

— Эгертон... Форбс, Эгертон и еще кто-то. Там много фамилий.

— И что же она хотела выяснить?

— Она хотела узнать, сколько у нее денег.

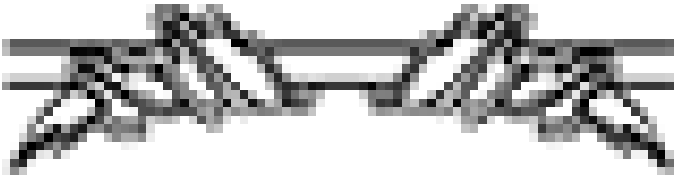
— Чрезвычайно интересно, — сказал Дэви. — А почему ей самой это было неизвестно?

— Потому, что от нее вечно все скрывали. Почему-то они считают, что ей лучше не знать, сколько у нее денег.

— А ей необходимо было это выяснить, так?

— Да, — ответила Бриджит. — Думаю, она считала, что это очень важно.

— Что ж, благодарю вас. Вы очень помогли мне.



ГЛАВА 23

Ричард Эгертон снова посмотрел на удостоверение, лежавшее перед ним, затем поднял взгляд на старшего инспектора Дэви.

— Отель «Бертрам», — сказал Эгертон. — Туман. Да, вчера ночью был плотный туман. В такой туман многое можно сотворить. Вырвать сумку, например?

— Все было не совсем так, — откликнулся Дед. — У мисс Блейк никто ничего не пытался отобрать.

— Откуда в нее стреляли?

— Из-за тумана у нас нет твердой уверенности. Она и сама как следует не знает. Но нам кажется, что стреляли из цветника у черного хода отеля.

— Вы говорите, что стреляли дважды?

— Да. Один раз промахнулись. Швейцар кинулся к ней и заслонил ее своим телом как раз во время второго выстрела.

— Храбрый малый!

— Да. Храбрый. Он бывший военный. У него превосходный послужной список. Ирландец. Звали его Майкл Горман.

— Майкл Горман, — нахмурился Эгертон. — Да нет. — И добавил: — Мне вдруг показалось, что это имя мне знакомо.

— Распространенная фамилия. Так или иначе, он спас ей жизнь.

— А почему, собственно, вы пришли ко мне, инспектор?

— В надежде получить кое-какие сведения. Мы всегда стараемся получить как можно больше информации относительно лица, на жизнь которого покушались.

— Понятно, понятно. Но я лишь однажды видел Эльвиру с тех пор, как она стала взрослой.

— Она была у вас неделю назад?

— Именно так. Что, собственно, вы хотите

знать? Если речь идет о ее характере, подругах, приятелях, любовных ссорах и прочих подобных вещах, обратитесь лучше к кому-нибудь из женщин, к миссис Карпентер, например, которая привезла ее из Италии, или к миссис Мелфорд, у которой она живет в Кенте.

— Миссис Мелфорд я видел. Толку никакого. И не характер девушки меня интересует, в конце концов, я и сам ее видел, сам слышал то, что она могла или, скорее, пожелала мне сообщить...

Быстрое движение бровей мистера Эгертона дало понять старшему инспектору, что тот верно понял слово «пожелала».

— Мне сообщили, что она была обеспокоена, встревожена, чего-то боялась и была убеждена, что жизнь ее в опасности. Создалось ли у вас такое же впечатление?

— Нет, — медленно протянул Эгертон. — Нет, я этого не почувствовал, хотя кое-что мне показалось странным.

— А именно?

— Она хотела узнать, кто унаследует ее состояние в случае ее внезапной смерти.

— Вот как! Значит, она думала о том, что может внезапно погибнуть! Интересно!

— Она также хотела узнать, сколько у нее денег

или сколько их будет, когда ей исполнится двадцать один год.

— Куча денег, надо думать?

— Это очень крупное состояние, инспектор.

— А почему ей хотелось это выяснить?

— Насчет денег?

— И насчет того, кто их унаследует.

— Не знаю, — ответил Эгертон. — Даже не представляю. Она также коснулась вопроса о браке...

— Не создалось ли у вас впечатления, что тут замешан мужчина?

— Доказательств у меня, конечно, нет, но кажется, что — да. Я убежден, что у нее есть какой-то приятель на стороне. Обычно так и бывает! Ее опекун, полковник Ласкомб, ничего об этом не знал. Но доброму старому Дереку Ласкомбу вообще невдомек, что у девицы может быть дружок, и к тому же неподобающий.

— Он и есть неподобающий, — сказал Дэви.

— Вот как. Значит, вам известно, кто он?

— Я в этом почти уверен. Ладислав Малиновский.

— Автогонщик? В самом деле! Красивый черт! Нравится женщинам. Интересно, где он мог с ней познакомиться? Разве что в Риме пару месяцев назад?

— Очень возможно. А быть может, их, познакомила ее мать?

— Бесс? Нет, это исключено.

Дэви кашлянул.

— Говорят, что леди Седжвик и Малиновский — близкие друзья?

— Да-да. Я слышал. Может, это правда, а может, и нет. Они друзья, их жизненные пути часто пересекаются. У Бесс, конечно, немало романов, но она отнюдь не легкомысленная. Людям нравится всякое болтать, но относительно Бесс, не думаю, что это правда. Кроме того, насколько я знаю, Бесс и ее дочь фактически не знакомы друг с другом.

— Да, леди Седжвик мне это говорила. А какие еще родственники есть у мисс Блейк?

— Собственно говоря, никаких. Два брата ее матери погибли на войне, а Эльвира — единственный ребенок старого Конистона. Хотя Эльвира зовет миссис Мелфорд кузиной, на деле она кузина полковника Ласкомба. Ласкомб делал для девочки все что мог — на свой, старомодный лад, конечно — но это очень непросто... для мужчины.

— Итак, вы сказали, что мисс Блейк затронула вопрос о браке. Вы не думаете, что она *уже замужем?*

— Она же несовершеннолетняя, тут нужно согласие опекунов...

— Юридически. Но молодые люди иногда обходятся и без этого.

— Знаю. И это очень печально.

– *А если она замужем,* — сказал Дед, — в этом случае, если она внезапно погибает, наследник — ее муж?

— Нет, этого не может быть! Об Эльвире прекрасно заботились, за ней смотрели...

Эгертон внезапно осекся, увидев циничную усмешку на лице старшего инспектора. Как бы за ней ни смотрели, она сумела-таки завязать знакомство с абсолютно неподходящим ей Малиновским.

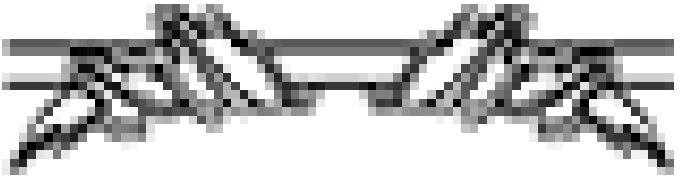
Он задумчиво произнес:

— Правда, ее мать в свое время сбежала...

— Мать сбежала, это так, это в ее духе, но мисс Блейк — иной характер. Она добивается своего с тем же упорством, но другими средствами.

— Уж не думаете ли вы?..

— Пока я ничего не думаю, — ответил старший инспектор Дэви.



ГЛАВА 24

Ладислав Малиновский взглянул сначала на одного полицейского, потом — на другого, откинул голову и захохотал.

— Чрезвычайно забавно! Вид у вас торжественный, будто у двух филинов! С чего это вам вдруг вздумалось меня вызывать? Никаких обвинений вы предъявить мне не можете. Никаких!

— Мы думаем, что вы нам поможете в наших расследованиях, мистер Малиновский, — ответил старший инспектор Дэви с официальной любезностью. — Вы владелец автомобиля «Мер-

седес-Отто» с номером FAN 2266?

— А есть причины, по которым мне нельзя иметь такой номер?

— Никаких причин, сэр. Но вот небольшое недоразумение с номерными знаками. Когда ваш автомобиль был на шоссе М-7, он имел иной номерной знак.

— Чепуха! Это был какой-то другой автомобиль.

— Автомобилей этой марки очень немного. Остальные мы уже проверили.

— Вы принимаете за чистую монету все, что ни наговорит дорожная полиция! Курам на смех! Где именно это было?

— Место, где вас остановили, чтобы проверить документы, было неподалеку от Бедхэмптона. В ночь разбойного нападения на ирландский экспресс.

— Право, вы меня забавляете, — сказал Малиновский.

— У вас есть револьвер?

— Конечно. И револьвер, и маленький самозарядный пистолет. И разрешения на них тоже имеются.

— Верно. И они оба у вас до сих пор?

— Разумеется!

— Так. Я вас уже предупреждал, мистер Малиновский.

— А-а, пресловутое полицейское предупреждение! Все сказанное вами может быть использовано против вас в суде.

— Не совсем точно, — мягко возразил Дед. — Да, использовано, только не против. Вы не изменили своего мнения на сей счет?

— Нет, не изменил.

— И вы не хотите пригласить своего адвоката?

— Терпеть не могу адвокатов!

— Что ж, есть люди, которые не любят адвокатов. Так где же ваше оружие?

— Полагаю, вы и сами прекрасно знаете! Пистолет — в бюварном ящичке моего автомобиля, того самого «Мерседеса-Отто», номер FAN 2266. А револьвер — дома, в ящике стола.

— Насчет второго вы правы. А вот что касается пистолета — его в вашем автомобиле нет.

— А я говорю — он там! Слева!

Дед покачал головой.

— Возможно, он там когда-то и был. Но сейчас его там нет. Это он, мистер Малиновский?

Он протянул через стол маленький пистолет. Ладислав Малиновский с изумлением взял его в руки.

— Да-да. Это он. *Вы* его взяли из автомобиля?

— Нет, мы его не брали. Мы нашли его в другом месте.

— Где?

— Мы нашли его на участке Понд-стрит, а эта улица, как вам известно, находится возле Парклейн. Его мог выронить идущий или бегущий по этой улице человек.

Ладислав Малиновский пожал плечами.

— Никакого отношения ко мне это не имеет! Я его не ронял. Он лежал в моем автомобиле. Во всяком случае, он был там пару дней назад. Никто же не проверяет каждую минуту, там ли положенная им вещь!

— Известно ли вам, что из этого пистолета стреляли в Майкла Гормана в ночь на двадцать шестое ноября?

— Майкл Горман? Не знаю я никакого Майкла Гормана.

— Швейцар в отеле «Бертрам».

— Ах, это тот, кого убили! Я читал об этом. И вы уверяете, что стреляли из *моего* пистолета? Чепуха!

— Это не чепуха. Это установлено баллистической экспертизой. Вы достаточно разбираетесь в огнестрельном оружии, чтобы знать — на эту

экспертизу можно положиться.

— Шьете мне убийство, да? Знаем вас, полицейских!

— Видимо, вы хорошо знакомы с нашей полицией, мистер Малиновский?

— Вы что же, считаете, это я застрелил Гормана?

— Пока мы лишь ждем ваших показаний. Обвинение еще не предъявлено.

— Однако вы думаете, что я застрелил этого ряженого в военной форме? С какой стати? Денег я у него не одалживал. Зла против него не имел!

— Убить хотели молодую леди. Горман заслонил ее собой и получил пулю в грудь. Речь идет о мисс Эльвире Блейк. Мне кажется, вы ее знаете.

— Вы хотите сказать, что кто-то намеревался убить Эльвиру из моего пистолета?

— Вы могли с ней поссориться.

— Вы думаете, что я поругался с Эльвирой и стрелял в нее? Какая дичь! С чего бы я стал стрелять в девушку, на которой собираюсь жениться?

— Вы заявляете это официально? Что собираетесь жениться на мисс Блейк?

Секунду-другую Малиновский колебался. Затем, пожав плечами, сказал:

— Она еще слишком молода. Окончательно это не решено.

— Может, она обещала выйти за вас, а потом раздумала? Она *кого-то* боялась, мистер Малиновский. Не вас ли?

— Зачем мне было желать ее смерти? Либо я влюблен в нее и хочу жениться, либо нет и делать этого не обязан. Все так просто! К чему же мне ее убивать?

— Слишком мал круг лиц, которых можно назвать ближайшими родственниками и которые могли бы желать ее смерти. — Дэви сделал маленькую паузу и затем добавил почти небрежно: — Ну, есть, конечно, ее мать.

— Что? — Малиновский вскочил. — *Бесс?* Бесс убивает собственную дочь? Да вы с ума сошли! Зачем Бесс убивать Эльвиру?

— Она ее ближайшая родственница и, значит, наследница огромного состояния.

— Бесс? Бесс убивает ее из-за денег? Да у нее полно денег от ее американского мужа. Достаточно, во всяком случае.

— Достаточно — не то же самое, что огромное состояние! — заметил Дед. — Из-за таких денег люди, случается, убивают, матери детей, дети родителей.

— Я говорю вам, вы сошли с ума!

— Так вы говорили, что, быть может, женитесь на мисс Блейк? А вдруг вы уже на ней женаты? Тогда бы *вам* достались все ее деньги!

— Какой еще вздор придет вам в голову! Нет, я не женат на Эльвире. Она красивая девушка. Она мне нравится, и она в меня влюблена. Да, это я признаю. Мы с ней познакомились в Италии. Хорошо провели время. И ничего больше — вы меня поняли?

— В самом деле? Но вы только что сказали, что собираетесь на ней жениться.

— Вроде того.

— Вроде чего?

— Сказал потому, что это звучит благопристойно. Ведь вы все такие ханжи в этой стране.

— Это объяснение не кажется мне удовлетворительным.

— Да вы ровно ничего не понимаете! Ее мать и я — мы любовники, я не хотел этого говорить, а потому сказал, что собираюсь жениться на дочери. Звучит вполне по-английски и вполне пристойно.

— Однако не совсем правдоподобно. Вы очень нуждаетесь в деньгах, мистер Малиновский?

— Дорогой мой инспектор, я всегда нуждаюсь в

деньгах. Это очень печально.

— И все же, насколько я знаю, несколько месяцев назад вы буквально сорили деньгами.

— А, у меня была полоса удач. Я ведь игрок. Это я признаю.

— Ну. И что же это за полоса удач?

— Этого не скажу, на это можете не рассчитывать!

— А я и не рассчитываю.

— Еще есть ко мне вопросы?

— Пока нет. Вы признали, что пистолет ваш. Это очень важно.

— Не понимаю... Не возьму в толк... — Он не кончил фразы и протянул руку: — Верните мне его, пожалуйста.

— Боюсь, его нам придется пока попридержать, я сейчас дам вам расписку.

Старший инспектор написал расписку и протянул ее Малиновскому. Тот вышел, хлопнув дверью.

— Темпераментный малый! — заметил Дед.

— Вы как-то деликатно с ним насчет фальшивого номера?

— Не хочу, чтобы он уж слишком дергался. Мы ему и так дали достаточно причин для беспокойства. И он обеспокоен.

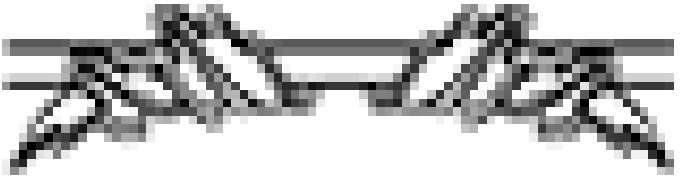
— Шеф желает видеть вас, сэр, как только вы освободитесь.

Дэви кивнул и отправился к сэру Рональду.

— А, Дед! Ну как подвигается дело?

— Неплохо, в сеть уже кое-что попалось. Правда, пока мелкая рыбешка. Но подбираемся к более крупной. Все идет по плану...

— Молодец, Фред!



ГЛАВА 25

I

Мисс Марпл, выйдя из вагона на Паддингтонском вокзале, увидела плотную фигуру старшего инспектора Дэви, стоявшего на платформе.

— Очень мило с вашей стороны, мисс Марпл! — сказал он и, взяв ее под локоть, провел через вокзал к ожидавшей их машине.

— Куда вы меня везете, инспектор?

— В отель «Бертрам».

— Как, опять? Зачем?

— Если официально, то полиция считает, что вы можете ей помочь.

— Звучит знакомо, но как-то мрачновато. Обычно так говорят перед тем, как арестовать.

— Я не собираюсь арестовывать вас, мисс Марпл, — улыбнулся Дед. — У вас есть алиби.

Мисс Марпл молча переваривала эту информацию, потом ответила:

— Понимаю.

Всю дорогу оба хранили молчание. Когда они вошли в «Бертрам», мисс Горриндж подняла голову от стола, но Дед повел мисс Марпл мимо нее прямо к лифту.

Лифт остановился на втором этаже, и Дед отворил дверь номера восемнадцать.

— Ведь это та самая комната, в которой я останавливалась, когда жила в отеле!

— Именно, — сказал Дед.

Мисс Марпл уселась в кресло.

— Очень удобная комната, — вздохнула она.

— Да, в удобствах они знают толк, — согласился Дед.

— А у вас усталый вид, инспектор!

— Пришлось побегать... Между прочим, я только что из Ирландии.

— В самом деле? Из Баллиговлана?

— Но откуда, черт побери, *вам известно о Баллиговлане?* Ох, ради бога, извините! (Мисс Марпл улыбнулась, извиняя.) По-видимому, Майкл Горман сообщил вам, откуда он родом?

— Нет, не совсем.

— Тогда, каким же образом, — извините, что спрашиваю, — *каким образом вы это узнали?*

— О господи, — сказала мисс Марпл, — как-то неловко признаться... Я... случайно услышала.

— Вот как!

— Нет, я не подслушивала. Это было в общественном месте. Признаться откровенно, я люблю вникать в то, о чем говорят другие. Это интересно. Особенно когда ты стар и мало куда выходишь. Я имею в виду: если рядом с вами говорят, то невольно слушаешь.

— Ну что ж, вполне естественно, — согласился Дед.

— До какой-то степени — да. Если говорящие не понижают голоса, значит, скрывать им нечего. Но, конечно, бывает и по-другому. Иной раз возникает такая ситуация, когда собеседники и не подозревают, что кто-то находится рядом. И тут постороннему надо решить, что делать. Либо обозначить свое присутствие, либо затаиться в

надежде, что ваше присутствие не будет обнаружено. Положение — и в том и в другом случае — неловкое!

Инспектор Дэви взглянул на часы:

— Вот что. Я бы хотел узнать об этом подробнее... Но с минуты на минуту должен прийти каноник Пеннифазер. Я должен его встретить. Не возражаете?

Мисс Марпл не возражала, и инспектор вышел из номера.

II

Каноник Пеннифазер вошел через вращающуюся дверь в холл отеля «Бертрам». Он слегка нахмурился, стараясь сообразить, что именно переменилось в отеле. Быть может, тут был ремонт и стены окрашены иначе? Нет, дело не в этом. *А в том,* что на месте высокого голубоглазого и темноволосого швейцара стоял человек среднего роста, узкоплечий, веснушчатый, с прядью песочных волос, ниспадающей из-под фуражки. Но этого каноник не понял, он просто почувствовал: что-то тут изменилось.

— Каноник Пеннифазер, как я рада вас видеть! — приветствовала его мисс Горриндж. — Вы приехали за своими вещами? Если бы вы дали

нам знать, мы бы отправили их по любому адресу!

— Спасибо. Большое спасибо, мисс Горриндж. Но мне все равно необходимо сегодня быть в Лондоне, и я решил, что уж заодно заберу вещи.

— Мы так о вас беспокоились! Вы же исчезли! Никто не мог вас разыскать. Попали под машину, я слышала?

— Да-да. Многие в наше время увлекаются быстрой ездой. Очень опасно! Впрочем, я ничего не помню. Доктор сказал, сотрясение мозга... Ну а как вы поживаете, мисс Горриндж?

— О, прекрасно!

В эту секунду каноник Пеннифазер увидел, что и мисс Горриндж изменилась. Он уставился на нее, стараясь понять, в чем дело. Волосы? Нет, они были прежними. Даже еще более завитыми. Черное платье, медальон, брошка с камеей. Все как обычно. Но что-то изменилось. Похудела, быть может? Или же... Да-да, конечно, *она чем-то встревожена.* Не так уж часто каноник Пеннифазер замечал беспокойство или иные эмоции на лицах людей — наблюдательностью он не отличался, но встревоженность мисс Горриндж он заметил, видимо, потому, что в течение многих лет лицо ее, обращенное к постояльцам отеля,

хранило одно и то же неизменно-любезное выражение.

— Надеюсь, вы не были больны? — заботливо осведомился он. — Мне кажется, вы похудели.

— У нас тут было много всяких волнений.

— В самом деле? Очень, очень жаль. Надеюсь, не из-за моего исчезновения?

— Нет-нет. Мы беспокоились, конечно, но, когда узнали, что вас нашли... Нет, тут дело в другом. Вы, вероятно, читали в газетах. Убили нашего швейцара Гормана.

— Ах да! Вспомнил. Я читал, что у вас тут случилось убийство.

Слово «убийство» заставило мисс Горриндж вздрогнуть.

— Ужасно, — сказала она, — ужасно! Такого в отеле «Бертрам» не случалось *никогда!* Это не тот отель, где могут быть убийства.

— Разумеется, разумеется, — поспешил согласиться каноник. — Мне и в голову не могло прийти, что такое может произойти *здесь!*

— Ну, конечно, это случилось *не в помещении отеля,* — сказала мисс Горриндж, немного воспрянув от мысли, что можно взглянуть на дело и с такой точки зрения, — это случилось на улице!

— Значит, к вам это отношения не имеет! — по-

пытался утешить ее каноник.

Но, очевидно, и эти слова были не слишком уместны.

— Да нет, имеет! У нас тут полиция, всех опрашивают, — убили-то нашего швейцара!

— А-а, так у вас там стоит новый человек! То-то я заметил какую-то перемену. Теперь я припоминаю, — добавил каноник, стараясь соединить в единую картину смутно отложившиеся в памяти обрывки газетных статей, которые он читал неделю тому назад. — Но я-то не так понял, думал что убили *девушку!*

— Вы о дочери леди Седжвик? Ведь вы ее тут, вероятно, в свое время видели в обществе полковника Ласкомба. Похоже, на нее кто-то напал воспользовавшись туманом. Думаю, хотели вырвать сумку. Во всяком случае, в нее стреляли, а Горман, как истый солдат, кинулся к ней, заслонил ее и сам был убит, бедняга!

— Очень жаль, очень. — Каноник покачал головой.

— Это так все осложнило, — посетовала мисс Горриндж. — Я хочу сказать, теперь в отеле полно полиции, ходят туда-сюда. Это и понятно, но нам-то каково, *кому это может нравиться,* хотя и старший инспектор Дэви, и сержант Воделл

очень достойные люди. Ходят в штатском, одеты прилично, не то что, знаете, эти в сапогах и макинтошах, которых видишь в кино... Ну а вы что, были в больнице?

— Нет, меня подобрали и выходили одни очень добрые люди, огородник и его жена. Так утешительно знать, что еще есть на свете человеческая доброта, вы не находите?

Мисс Горриндж тоже находила, что это очень утешительно.

— Особенно когда читаешь о росте преступности, — добавила она, — обо всех этих ужасных юношах и девушках, грабящих банки, нападающих на поезда... — Она не кончила фразы. — Вон инспектор Дэви спускается по лестнице. Мне кажется, он хочет с вами поговорить.

— Не понимаю, зачем я ему понадобился? — озадаченно произнес каноник. — Он уже говорил со мной, он был у меня в Чедминстере. И очень огорчился, что я ничего не смог ему сообщить!

— В самом деле?

— Не мог припомнить! — Каноник покачал головой. — Машина сбила меня около какого-то Бедхэмптона, а я понятия не имею, *каким образом там очутился!* Старший инспектор почему-то думает, что я ехал на автомобиле к себе

домой из какого-то места около железнодорожной станции.

— Что ж, очень возможно, — сказала мисс Горриндж.

— Нет, это совершенно невозможно! С чего бы я вдруг оказался в местах, совершенно мне неизвестных?

Подошел старший инспектор Дэви.

— Вот и вы, каноник! Совсем поправились?

— Чувствую себя неплохо, но головные боли все еще не прекратились. Врачи говорят, чтобы я не переутомлялся. И ведь до сих пор ничего не могу вспомнить. Доктор говорит, что, быть может, никогда и не вспомню!

— Никогда не теряйте надежды! — Старший инспектор отвел каноника в сторону. — Мне необходимо проделать маленький эксперимент. Вы не откажетесь помочь?

III

Когда старший инспектор Дэви открыл дверь восемнадцатого номера, мисс Марпл все еще сидела в кресле у окна.

— Очень людно сегодня на улице, — заметила она. — Народу больше, чем обычно.

— А, это потому, что через Беркли-сквер идут

на рынок Шеперд.

— Я не о прохожих! Тут много рабочих: чинят мостовую, вон стоит фургон, который посылают для ремонта телефонных аппаратов, и другой, в котором мясо возят, а кроме того, еще два легковых автомобиля...

— Позвольте узнать, к каким же выводам вы пришли?

— Разве я сказала, что пришла к каким-то выводам!

Дед глянул на нее, затем сказал:

— Я хочу, чтобы вы мне помогли.

— Я ради этого тут и нахожусь. Что я должна сделать?

— Все то же, что и в ночь на девятнадцатое. Вы спали, затем проснулись, по-видимому разбуженная каким-то необычным шумом. Зажгли лампу, взглянули на часы, встали с постели, открыли дверь и выглянули в коридор. Можете вы все это повторить?

— Конечно, — сказала мисс Марпл. Она встала и направилась к кровати.

— Минуточку!

Инспектор Дэви постучал в стену соседнего номера.

— Стучите громче, — сказала мисс Марпл. — В

этом доме добротные стены.

Старший инспектор постучал снова, сказав:

— Я просил каноника Пеннифазера сосчитать до десяти. Ну — отправляйтесь!

Мисс Марпл притронулась к выключателю, взглянула на воображаемые часы, пошла к двери и, открыв ее, выглянула в коридор. Справа от нее из соседнего номера вышел каноник Пеннифазер и направился к лестнице, по которой начал спускаться. Мисс Марпл, тихонько охнув, повернулась к Деду.

— Итак? — спросил тот.

— Человек, которого я видела в ту ночь, не мог быть каноником Пеннифазером. Если только этот действительно Пеннифазер... Да-да, я утверждала, что тогда из номера выходил каноник. Те же волосы, одежда... Но походка! Мне кажется, что тот был моложе. Простите, мне очень жаль, что я ввела вас в заблуждение!

— Но сейчас-то вы совершенно уверены, мисс Марпл?

— Да, совершенно. Еще раз простите!

— Вы оказались почти правы. Каноник Пеннифазер действительно вернулся в ту ночь в отель. Никто не видел, как он вошел, но это и неудивительно — он вернулся после полуночи.

Он поднялся по лестнице, открыл дверь своего номера и... Что он там увидел, что произошло дальше, мы не знаем, потому что он не может или... не хочет об этом сказать! Как бы нам помочь ему вспомнить!

— Есть такое немецкое слово... — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Ах, боже, забыла, но...

В дверь постучали. Вошел каноник Пеннифазер:

— Ну как ваш эксперимент? Удался?

— Вполне, — ответил Дед. — Вы знакомы с мисс Марпл?

— Да-да, — пробормотал каноник, не совсем, впрочем, уверенно.

— Я только что рассказывал мисс Марпл о том, как нам удалось установить, что вы делали в ту ночь. Вы вернулись в отель после полуночи. Поднялись наверх, открыли дверь своего номера и...

Дед замолчал.

— Вспомнила! — воскликнула мисс Марпл. — Вспомнила это немецкое слово. *Doppelgänger!*[20]

Тут вскрикнул каноник Пеннифазер:

— Ну конечно же, *конечно!* Как я мог забыть? Вы совершенно правы! После фильма *«У стен*

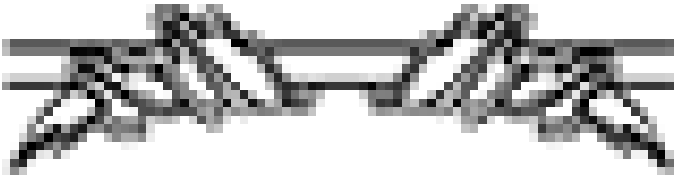
---

[20] notes: 20
Двойник *(нем.).*

иерихонских» я вернулся сюда, открыл дверь своего номера и увидел... Это поразительно, но увидел *самого себя,* сидевшего на стуле лицом к двери. *Doppelgänger,* как вы правильно заметили, милая дама! Удивительно! А затем, дайте вспомнить...

Он поднял глаза к потолку, стараясь припомнить.

— А затем, — сказал Дед, — кто-то, насмерть перепугавшись, что вы здесь, в то время как должны были бы находиться в Люцерне, кто-то ударил вас по голове.



ГЛАВА 26

Каноник Пеннифазер был усажен в такси и отвезен в Британский музей. Старший инспектор проводил мисс Марпл в холл и попросил подождать минут десять, если она не возражает. Мисс Марпл не возражала. Ей самой хотелось спокойно посидеть, поглядеть и подумать.

Отель «Бертрам». Сколько воспоминаний! Прошлое смешивалось с настоящим. Сама собой пришла на ум французская поговорка: *Plus ça*

change, plus c'est la même chose[21]. И она тут же мысленно ее переделала: *Plus c'est la même chose, plus ça change*[22]. Как все грустно: жаль и себя, и отель «Бертрам»... Чего, интересно знать, хочет от нее инспектор? Она чувствовала, что он вдохновлен близостью цели. Его планы вот-вот осуществятся.

А жизнь отеля текла своим чередом. Впрочем, нет, решила мисс Марпл, *не совсем.* Она, однако, не могла определить, в чем выражается это «не совсем». Быть может, в витающем повсюду беспокойстве?

Появился старший инспектор Дэви.

— А сейчас мы с вами посетим леди Седжвик.

— Она в отеле?

— Да. Вместе с дочерью.

Мисс Марпл поднялась, огляделась и пробормотала:

— Бедный «Бертрам»!

— Что хотите этим сказать?

— Мне кажется, вы меня поняли.

— Ну, если встать на вашу позицию, — наверное, понял.

---

[21] notes: 21
Чем оно больше меняется, тем больше остается собой (фр.).

[22] notes: 22
Чем оно больше остается собой, тем больше меняется *(фр.).*

— Всегда грустно видеть, как гибнет произведение искусства.

— Вы находите, что этот отель — произведение искусства?

— Несомненно. И вы тоже.

— Пожалуй, — согласился Дед.

— Это как если в живую изгородь попадет бузина. Уже ничего не поделаешь, надо брать заступ и выкорчевывать.

— В этом я мало смыслю. Но если сравнить с гнилью в дереве — то тут я с вами согласен.

Они поднялись на лифте и прошли в конец коридора, к двери углового номера из нескольких комнат. Старший инспектор Дэви, предварительно постучав и получив разрешение, вошел в комнату, за ним последовала мисс Марпл.

Бесс Седжвик сидела у окна на стуле с высокой спинкой. На коленях у нее была книга, которую она не читала.

— Итак, это снова вы, инспектор! — Ее глаза остановились на мисс Марпл и выразили легкое удивление.

— Это мисс Марпл, — пояснил Дед. — Мисс Марпл — леди Седжвик.

— Я видела вас на днях, — сказала Бесс Седжвик, — вы были с Селиной Хейзи. Садитесь,

пожалуйста. — Она повернулась к Деду: — Какие у вас новости о человеке, стрелявшем в Эльвиру?

— Ну, *новостями* это, пожалуй, не назовешь.

— Сомневаюсь, что вам вообще удастся что-то узнать. В такой туман хищники выходят на промысел и нападают на одиноких женщин.

— Именно. А как себя чувствует ваша дочь?

— Эльвира вполне оправилась.

— Она с вами?

— Да. Я позвонила ее опекуну полковнику Ласкомбу. Он страшно обрадовался, что я решила взять на себя заботу об Эльвире. — Она внезапно рассмеялась. — Милый старик! Он давно мечтал, чтобы мать и дочь были вместе.

— Возможно, он прав, — сказал Дед.

— Ах, нет. Он не прав. В настоящий момент, да, согласна, это — самое лучшее. — Она отвернулась к окну и сказала изменившимся голосом: — Я слышала, что вы арестовали моего друга Ладислава Малиновского. В чем его обвиняют?

– *Он не арестован,* — поправил ее Дэви. — Он просто помогает нам в нашем расследовании.

— Я послала ему моего адвоката.

— Вы сделали очень правильно, — одобрил Дед, — всем, у кого возникают недоразумения с полицией, следует иметь адвоката. Чтобы не

навредить себе.

— Даже если он ни в чем не виновен?

— В этом случае адвокат, быть может, еще более необходим!

— А вы, я вижу, циник. Так что вы хотите от него узнать? Если я, конечно, вправе задать такой вопрос?

— Прежде всего, мы хотели выяснить, что он делал в тот вечер, когда убили Майкла Гормана.

Бесс Седжвик резко выпрямилась на стуле.

— Неужели вам взбрела в голову нелепая мысль, что *Ладислав* мог стрелять в Эльвиру? Они даже не знают друг друга!

— Мог. Его автомобиль стоял как раз за углом.

— Вздор!

— Скажите, леди Седжвик, как подействовали на вас события того вечера?

На лице ее выразилось легкое удивление.

— Естественно, я была расстроена — ведь мою дочь едва не убили. А чего, собственно, вы ожидали?

— Я не это имел в виду. Как подействовала на вас смерть Гормана?

— Мне было жаль его. Он храбрый человек.

— И это все?

— А что еще я должна, по-вашему, сказать?

— Ведь вы знали его, не так ли?

— Конечно. Он здесь работал.

— Не будем играть в прятки, леди Седжвик. Он был вашим мужем, ведь так?

Она немного помолчала, но не выказала ни волнения, ни удивления.

— А вы многое знаете, инспектор! — Она вздохнула и откинулась на спинку стула. — Я не видела его... сколько же? Двадцать, нет, больше двадцати лет. И однажды выглянув из окна отеля, узнала его.

— А он узнал вас?

— Как ни удивительно, мы узнали друг друга. А вместе были всего лишь неделю. А потом нас нагнала моя семья, они дали ему денег и увезли меня домой. — Она вздохнула. — Я была совсем молоденькой, когда бежала с ним. Этакой дурочкой, с головой, набитой романтическими бреднями. Он казался мне героем, даже не знаю почему. Наверное, главным образом потому, что был прекрасным наездником. Он не знал, что такое страх. И был красив и забавен со своим ирландским юмором. Но это *я* надумала бежать с *ним.* Сомневаюсь, чтобы ему это могло прийти в голову! Я была сумасбродной, упрямой и к тому же страстно влюбленной. — Она покачала голо-

вой. — Но это продолжалось недолго. Одних суток хватило, чтобы я разочаровалась в нем. Он пил, был груб и необуздан. Когда примчались мои, и увезли меня, честное слово, я была рада. И с тех пор я не хотела ни видеть его, ни слышать о нем.

— Ваша семья знала, что вы с ним поженились?

— Нет.

— Вы это скрыли?

— Я не думала, что этот брак был настоящим.

— Как же это выяснилось?

— Мы поженились в Баллиговлане, но, когда явилась моя семья, Микки сказал мне, что брак наш фиктивный. Он и его дружки якобы это состряпали. В то время я поверила. То ли он хотел потом тянуть деньги, то ли испугался, что нарушил закон, женившись на несовершеннолетней, — не знаю. Но так или иначе, я ему тогда поверила.

— А позже?

— Спустя много лет, когда я лучше стала понимать жизнь и разбираться в законах, мне внезапно пришло в голову, что на самом деле я до сих пор официально замужем за Микки Германом!

— Значит, в брак с лордом Конистоном вы всту-

пили при живом муже, нарушив закон?

— И еще раз нарушила, когда вышла за Джонни Седжвика, а потом, когда вышла за моего последнего мужа Риджвея Беккера!

Тут, взглянув на старшего инспектора, она искренне расхохоталась:

— Вот какая я многомужница! Даже смешно!

— Вы не думали о том, чтобы развестись?

Она пожала плечами:

— Это казалось мне какой-то небывальщиной. Зачем все ворошить?.. Правда, Джонни я рассказала. — При упоминании этого имени голос ее смягчился.

— И как он к этому отнесся?

— А никак. Ни Джонни, ни я никогда не были особенно законопослушными!

— А ведь двоемужество карается законом, леди Седжвик!

Она взглянула на него и вновь рассмеялась.

— Кому какое дело до того, что произошло в Ирландии много лет тому назад? Микки взял деньги и исчез. Неужели вы не понимаете? Это был просто маленький несуразный инцидент, который я хотела забыть. Я предпочитаю не помнить того, что осложняет мне жизнь.

— Но затем, — сказал Дед спокойным голо-

сом, — в один ноябрьский день Майкл Горман вновь возник на вашем пути и хотел вас шантажировать?

— Чепуха! Кто сказал, что он меня шантажировал?

Взгляд Деда медленно обратился в сторону старой дамы, прямо и спокойно сидевшей на стуле.

— Вы! — Бесс Седжвик уставилась на мисс Марпл. — Что *вы* об этом знаете?

Не упрек, а скорее любопытство слышалось в ее голосе.

— У кресел в этом отеле очень высокие спинки, — сказала мисс Марпл. — Я сидела в одном из них, в читальне. Вы пришли туда, чтобы написать письмо. По-видимому, вы не знали, что в комнате есть кто-то еще. И таким образом, я услышала ваш разговор с мистером Горманом.

— Вы слушали?

— Естественно. Почему бы нет? Это было в читальне, открытой для всех. Когда вы высунулись в окно и окликнули человека, стоявшего на улице, я понятия не имела, что разговор ваш будет интимным.

Бесс секунду глядела на мисс Марпл, затем кивнула.

— Что ж, справедливо. Да, все ясно. Но все же

вы не поняли того, что услышали. Микки не шантажировал меня. Он мог бы это сделать, но я его вовремя одернула! — На губах Бесс появилась та широкая, открытая улыбка, которая делала лицо ее столь привлекательным. — Я ему пригрозила!

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Пригрозили. Вы пригрозили, что убьете его. Но не я одна слышала этот разговор.

Брови Бесс Седжвик изумленно поползли вверх.

— Господи милосердный! Это что же, нас слушал весь отель?

— Другое кресло тоже было занято.

— Кем?

Мисс Марпл взглянула на старшего инспектора Дэви, и взгляд ее почти умолял: *«Если так нужно, сделайте это сами, а я не могу!»*

— В другом кресле сидела ваша дочь, — сказал Дэви.

— Ах, нет! — вскрикнула Бесс Седжвик. — *Нет!* Только не Эльвира! Да-да, я понимаю, да... Она могла всерьез подумать...

— Она восприняла услышанное настолько серьезно, что отправилась в Ирландию узнать истину. И узнать ее было нетрудно.

Бесс Седжвик вновь произнесла «Ах, нет!» ти-

хим голосом и затем:

— Бедная девочка... И ведь даже теперь она ни о чем не спросила меня. Держит все в себе. А спроси она меня, я бы объяснила ей, что все это не имеет никакого значения!

— А она могла бы с вами не согласиться, — сказал Дэви. — Забавная, знаете ли, штука жизнь. — Сейчас старший инспектор заговорил, вроде бы, как приятельским тоном, словно припоминая что-то вслух. Он стал похож на старого фермера, который рассказывает о своей земле и скотине. — Забавная... Я столько ошибок совершил... но вы знаете, что я понял... если схема проста, доверять ей нельзя. Простенькие схемы, как правило, бывают слишком хороши, чтобы им доверять. Возьмем это убийство. Девушка утверждает, что в нее стреляли и промахнулись. Швейцар кинулся к ней и был убит вторым выстрелом. Что ж, возможно, так и было. Предположим, что так восприняла случившееся и сама девушка. Однако на деле все могло оказаться иначе... Вот вы сейчас сказали, леди Седжвик, что у Малиновского не было причин покушаться на жизнь вашей дочери. Согласен. Такого рода люди, поссорившись с женщиной, скорее пырнут ее ножом. Вряд ли он стал прятаться в цветнике и хладнокровно

ждать, когда она появится. А если он хотел убить *кого-то другого?* Крики, выстрелы, и в суматохе убит *Майкл Горман!* Но, может быть, *именно это и планировалось?* Малиновский тщательно подготовил убийство. Выбрал туманную ночь, спрятался за стеной отеля и ждал, когда на улице появится ваша дочь. А что она появится, он знал. Выстрел. Он вовсе не собирался убивать девушку. Он стреляет мимо, но ей-то кажется, что целились в нее. Она кричит. Швейцар, услышав выстрел и крик, кидается к ней, и *тогда Малиновский убивает того, кого и хотел убить, — Майкла Гормана.*

— Не верю ни единому слову! Зачем Ладиславу понадобилось убивать Микки Гормана?

— Быть может, шантаж? — предположил Дед.

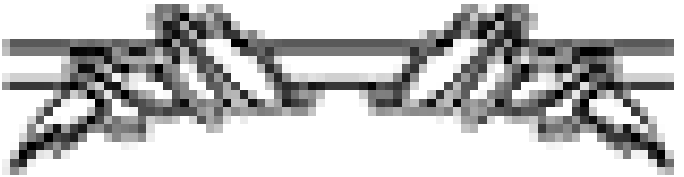
— Вы хотите сказать, что Микки шантажировал *Малиновского?* По поводу чего?

— Возможно, — сказал Дед, — по поводу того, что происходит в отеле «Бертрам». Майклу Горману многое удалось узнать.

— Что же происходит в этом отеле? *Что вы имеете в виду?*

— Криминальное предприятие, — сказал Дед, — прекрасно организованное, превосходно работающее. Но всему наступает конец. Мисс Марпл спросила меня на днях: что именно нелад-

но с этим отелем? Сейчас я отвечаю на этот вопрос. Отель «Бертрам» является штабом одного из лучших и крупнейших в истории преступных синдикатов.



ГЛАВА 27

Пауза продолжалась минуты две. Ее нарушила мисс Марпл.

– *Чрезвычайно интересно!* — произнесла она светским тоном.

Бесс Седжвик обратилась к ней:

— Вы нисколько не удивлены, мисс Марпл?

— Нет. Не удивлена. Здесь происходило множество странных вещей, трудно поддающихся объяснению. Все было слишком хорошо, чтобы быть настоящим. Вы понимаете, что я хочу сказать? В театральных кругах это называется

прекрасно поставленным спектаклем. И это *был* именно спектакль. Ну и, кроме того, тут было очень легко обознаться. Вам кажется, что это ваш знакомый, а на самом деле оказывается, что вы ошиблись.

— Такое случается, — поддержал ее старший инспектор, — но здесь это случалось уж слишком часто, так ведь, мисс Марпл?

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Такие, как Селина Хейзи, часто попадали впросак. Но это случалось не только с ней — со многими. Трудно было этого *не заметить*.

— Она многое замечает! — сказал Дэви, обращаясь к Бесс таким тоном, будто мисс Марпл была его любимая дрессированная собачка.

— Что вы имели в виду, — резко спросила Бесс, — говоря, что тут штаб преступного синдиката? Я бы сказала, что отель «Бертрам» — самое респектабельное место на всем свете.

— Вот именно. Таким он и должен быть. Сколько ж было затрачено денег, времени и ума, чтобы сделать этот отель именно таким, каким он стал! Настоящее и поддельное здесь чрезвычайно тонко перемешаны. У вас тут великолепный режиссер — Генри. И еще этот малый весьма пристойного вида — Хамфрис. В Англии за ним

ничего не числится, однако за границей он был замешан в весьма подозрительных аферах, связанных с отелями. Есть тут и очень неплохие актеры, исполняющие разные характерные роли. Признаться, я восхищен организацией! Однако она обошлась стране в миллионы фунтов! Работники Скотленд-Ярда и провинциальной полиции платили за нее бессонными ночами. Каждый раз, когда нам удавалось напасть на след, выяснялось, что он никуда не ведет, ни с чем не связан. Но мы продолжали работать... Что-то замечено тут, что-то — там... Гараж с запасом поддельных номерных знаков. Фирма, поставляющая любые фургоны — мясные, овощные и почтовые. Автогонщик, покрывающий на гоночном автомобиле неслыханные расстояния в неслыханные сроки, и тут же старый священник, который трясется по дорогам на потрепанном «Моррис-Оксфорде». Коттедж, где проживает огородник, оказывающий, когда нужно, первую помощь и имеющий связь именно с тем врачом, какой требуется. Нет надобности все это перечислять, разветвления организации бесчисленны! Но это лишь половина дела. Другая половина — постояльцы отеля «Бертрам», иностранцы. Большинство приезжало сюда из Америки или из доминионов. Респекта-

бельные богатые люди, вне всяких подозрений, они привозили с собой роскошные чемоданы и уезжали как будто с ними же, а они хоть и были похожи на привезенные, но на самом деле были другие! Состоятельные туристы из Франции, которых не слишком беспокоит таможня, ибо таможня снисходительна к туристам, когда те везут деньги в страну. Одни и те же туристы не ездят слишком часто — не следует кувшину часто по воду ходить... Не так все это просто доказать, связать, но мы своего добьемся. Мы уже начали. Вот, к примеру, супруги Кэбот...

— Что такое насчет Кэботов? — перебила Бесс.

— А, вы помните их? Премилые американцы! Они тут жили в прошлом году и недавно останавливались снова. В третий раз они бы уже не приехали. Так вот, мы их арестовали, когда они прибыли в Кале. Очень удобный у них кофр! В нем было триста тысяч фунтов, аккуратными пачками. Результат ограбления поезда в Бедхэмптоне. Разумеется, это лишь капля в море... Отель «Бертрам», повторяю, штаб организации. В ней работает половина служащих отеля. И ряд постояльцев. Некоторые из них являются теми, за кого себя выдают, другие — нет. Настоящие Кэботы, к примеру, находятся сейчас у себя в

Штатах, в Юкатане. Ну а еще эти переодевания... Возьмем судью Ладгроува. Запоминающееся лицо — нос картошкой, бородавка. Нетрудно под него загримироваться. Каноник Пеннифазер. Тихий священник из провинции с копной седых волос, всем известно, какой он рассеянный. Его жесты, его манера глядеть поверх очков — все это нетрудно сымитировать хорошему актеру.

— А смысл? — спросила Бесс.

— Это вы меня спрашиваете? Разве неясно? Судью Ладгроува видели рядом с только что ограбленным банком. Кто-то узнал его, сообщил нам. Мы начинаем разбираться. И оказывается, что произошла ошибка и он был в это время в суде. Нам не сразу удалось разгадать, что нас намеренно вводили в заблуждение. Около тех мест, где только что совершались ограбления, видели судью Высокого суда, архидьякона, адмирала, генерал-майора, наконец! А в результате — сплошная путаница. После нападения на экспресс, по крайней мере, четыре автомашины занимались доставкой добычи в Лондон. В ней приняли участие гоночный автомобиль Малиновского, грузовик для перевозки металлолома, старомодный «даймлер» с адмиралом за рулем и, наконец, старенький «Моррис-Оксфорд», ко-

торый вел священник с копной седых волос. Великолепно задуманная и проведенная операция! Но однажды это преступное сообщество постигла неудача. Этот старый путаник Пеннифазер, вместо того чтобы благополучно улететь в Люцерн, вернулся после полуночи в отель, открыл номер ключом, который забыл сдать, и остолбенел, увидев *самого себя*, сидящего на стуле лицом к двери. Двойник каноника как раз собирался отправиться в Бедхэмптон, а тут появляется сам оригинал! Бандиты растерялись, но один быстро нашелся. Подозреваю, что это был Хамфрис. Он стукнул старика по голове, и тот упал, потеряв сознание. Полагаю, что кто-то этим был чрезвычайно рассержен. Чрезвычайно! Однако, осмотрев упавшего, они поняли, что он жив, и продолжили свое дело. Двойник каноника вышел из номера, затем из отеля и отправился туда, где должен был играть назначенную ему роль. Что они сделали с настоящим каноником, не знаю. Могу лишь догадываться. Думаю, что позже, той же ночью его отвезли на автомобиле к домику огородника, который жил неподалеку от того места, где должно было совершиться нападение на поезд и где имелся поблизости врач. Следовательно, если бы прошел слух, что канони-

ка видели в тех местах, это бы сыграло им на руку. Им, конечно, пришлось поволноваться, пока каноник не пришел в себя и не стало понятно, что, по крайней мере, три дня выпали из его памяти.

— А иначе они убили бы его? — спросила мисс Марпл.

— Нет, — ответил Дед. — Не думаю. Кое-кто не допустил бы этого. Давно уже стало ясно, что тот, кто возглавляет эти операции, не является сторонником убийств.

— Потрясающе! — сказала Бесс Седжвик. — Фантастика! Но я не верю, что у вас есть хоть что-то доказывающее участие Ладислава Малиновского во всей этой белиберде!

— У меня немало свидетельств против Малиновского, — сказал Дед. — Он, знаете ли, неосторожен, вертелся вокруг отеля, чего не должен был делать. В первый раз он явился сюда, чтобы установить связь с вашей дочерью. Согласно разработанному ими коду.

— Чепуха! Она сама вам сказала, что незнакома с ним.

— Сказала, но это была ложь. Она в него влюблена. И хочет, чтобы он женился на ней.

— Не верю!

— Вам не положено было это знать. Малинов-

ский не тот человек, который готов распахнуть душу, а свою дочь вы вообще не знаете. Сами же говорили. Вы ведь очень рассердились на Малиновского, когда тот явился в «Бертрам», так ведь?

— Почему я должна была рассердиться?

– *А потому что вы возглавляете это предприятие!* Вы и Генри. Финансовой стороной дела занимаются братья Хоффман. Они держат связь с банками на континенте и все такое, но глава синдиката, мозг, который задумывает и проводит операции, это ваш мозг, леди Седжвик.

Бесс Седжвик взглянула на старшего инспектора и рассмеялась.

— В жизни не слышала ничего более курьезного!

— Что вы, это совсем не смешно! Вы женщина умная, смелая и отчаянная. Вы многое в жизни перепробовали и решили наконец заняться преступной деятельностью. Тут и волнение, и риск. Вас не деньги прельщали, вам нужна была сама игра, острые ощущения. Но вы не допускали ни убийств, ни избиений, лишь в случае острой необходимости соглашались на то, чтобы жертву оглушили — тихо и вполне профессионально. А знаете, вы интереснейшая женщина! И в самом деле мало найдется среди преступников столь

замечательных личностей!

Несколько минут длилось молчание. Затем Бесс Седжвик поднялась с места.

— Я думаю, вы сошли с ума! — Она протянула руку к телефону.

— Хотите позвонить своему адвокату? Самое время, пока не сболтнули что-нибудь лишнее.

Резким жестом она швырнула трубку на место.

— Вообще-то я терпеть не могу адвокатов... Ладно. Будь по-вашему! Да, я стояла во главе этого дела. Вы правильно поняли, что для меня это была игра. До чего ж это интересно! До чего весело грабить банки, поезда и так называемые охраняемые фургоны! Какое упоение — все это обдумывать, смаковать, решать, и я рада, что испытала его! Не следует кувшину часто по воду ходить. Так вы, кажется, сказали? Видимо, это справедливо. А вот насчет того, что Малиновский убил Майкла Гормана, — тут вы ошиблись. Он этого не делал. *Это сделала я!* — Она засмеялась коротким, нервным смешком. — Не важно, угрожал он мне или... Я сказала ему, что убью его — мисс Марпл это слышала, — *и убила.* Сделала то, что, по вашему предположению, сделал Малиновский. Спряталась в цветнике. Увидев Эльвиру, выстрелила в воздух, а когда она за-

кричала и к ней подбежал Микки, выстрелила вновь — уже в него. У меня, конечно, есть ключи от всех входных дверей отеля. Через черный ход я проскользнула в свой номер. Мне и в голову не пришло, что вы узнаете, кому принадлежит пистолет и заподозрите Малиновского. Я взяла пистолет из его машины, о чем он и понятия не имел! И, уверяю вас, без всякого желания навлечь на *него* подозрение! — Она повернулась к мисс Марпл: — Помните, вы, свидетельница, вы слышали мои слова. *Я убила Гормана!*

— А быть может, вы это говорите, потому что влюблены в Малиновского? — предположил Дед.

— Я в него не влюблена! — резко отозвалась она. — Он мне друг, и ничего больше. Ну да, мы с ним были любовниками, это так, между прочим, но влюблена в него я не была. За всю мою жизнь я любила лишь одного человека — Джона Седжвика! — И вновь, когда она произнесла это имя, голос ее смягчился. — Но Ладислав — мой друг. Не желаю, чтобы его хватали за то, чего он не делал. *Я убила Майкла Гормана.* Я уже сказала это, и мисс Марпл меня слышала. Ну а теперь, дорогой инспектор... — Бесс Седжвик повысила голос и захохотала. — А теперь — *поймайте меня, если сумеете!*

Молниеносным движением она разбила окно тяжелым телефонным аппаратом и, прежде чем Дед успел встать на ноги, была уже снаружи, стремительно продвигаясь по узкому карнизу. С прытью, удивительной для его телосложения, Дед подбежал к другому окну и распахнул его. Одновременно он извлек из кармана свисток и громко засвистел.

Мисс Марпл, которой не удалось подняться со стула с той же легкостью, присоединилась к Деду через секунду-другую. Оба они смотрели на фасад «Бертрама».

— Но она упадет! Она карабкается по водосточной трубе! — воскликнула мисс Марпл. — *Зачем наверх?*

— На крышу. В этом ее единственный выход, и она это понимает. Боже мой, посмотрите на нее! Лазает как кошка! Она похожа сейчас на муху, ползущую по стене! Ничего не боится!

— Она упадет, — пробормотала мисс Марпл, прикрывая глаза от солнца. — Она не удержится...

Женщина, за которой они наблюдали, исчезла из их поля зрения. Дед отошел от окна. Мисс Марпл спросила его:

— Разве вы не собираетесь пойти и...

— Что я могу, с моим-то весом? — покачал головой Дед. — Там внизу мои люди, готовые ко всяким случайностям, вроде вот этой. Однако не удивлюсь, если ей удастся их провести! Таких, как она, встретишь нечасто! — Он вздохнул. — Сумасбродная, неуправляемая натура. Таких невозможно приручить, заставить жить в обществе, подчиняясь порядку и закону. Они сами выбирают свой путь. Есть среди них и святые. Те идут ухаживать за прокаженными или принимают мученическую смерть за веру. Если же берет верх дурная природа, они становятся способны на поступки такой жестокости, что и говорить об этом не хочется. Но попадаются и просто отчаянные. Им бы родиться в ином веке, когда каждый отвечал за себя и сражался за свою жизнь. Случайности подстерегали их на каждом шагу, опасности — тоже. И сами они были опасны для других. Тот мир им был под стать. Этот — не подходит.

— А вы знали, что она задумала?

— Не очень-то. Никогда не знаешь, чего от нее ждать, это — один из ее талантов. Она все обдумала заранее. Знала, что ей предстоит. Сидела, глядела на нас, поддерживая разговор, и думала, смекала, соображала. Мне кажется... — Дед замол-

чал — с улицы донесся автомобильный выхлоп, свист шин и рычание могучего мотора гоночной машины. Он высунулся в окно. — Ей это удалось, она добралась до своей машины!

Взвыв еще раз, машина вылетела из-за угла на двух левых колесах, и вот уже элегантное белое чудище неслось по улице.

— Она убьет кого-нибудь! — воскликнул Дед. — Если только не себя... Великолепно водит машину, великолепно... Ох, она чуть не...

Они слышали отдаляющийся вой и гудение клаксона, а потом — крики, вопли, скрежет тормозов, гудки встречных машин и, наконец, скрежет шин, выхлоп и...

— Разбилась, — констатировал Дед.

Он терпеливо ожидал, и это спокойствие, эта несуетливость удивительно шли к его массивной фигуре. Мисс Марпл молча стояла рядом. И тут какое-то известие стало передаваться по улице из уст в уста, как эстафета. Человек, стоявший на тротуаре напротив отеля, взглянул на старшего инспектора и принялся быстро жестикулировать обеими руками.

— Добилась своего, — мрачно заметил Дед. — Мертва. Врезалась в ограду парка на скорости девяносто миль в час. Других жертв нет, только

мелкие повреждения. Да, она бесподобно водила машину! Мертва. — Он повернулся к мисс Марпл: — Вы слышали ее признание?

— Слышала. — Мисс Марпл помолчала и спокойно добавила: — Это, разумеется, неправда.

— Вы что ж, ей не поверили?

— А вы?

— Нет, — сказал Дед. — Она солгала. Она все обдумала и решила, что мы поверим, но это — ложь. Не она убила Майкла Гормана. А кто его убил, вы случайно не знаете?

— Разумеется, знаю. Ее дочь.

— А! И когда вы догадались?

— Я давно начала подозревать...

— Я тоже, — сказал Дед. — Уж больно она была перепугана в тот вечер. И лгала как-то неумело. Но сначала я никак не мог найти причину...

— Это и меня смущало, — откликнулась мисс Марпл. — Она узнала, что брак ее родителей был незаконным, но разве современная девушка станет убивать из-за этого? Тут, видимо, замешаны деньги?

— Да, деньги, — сказал старший инспектор. — Отец оставил ей колоссальное состояние. Когда она узнала, что ее мать была женой Майкла Гормана, она поняла, что второй брак Бесс неза-

конный. И решила, что раз так, то она незаконная дочь и не имеет права на наследство. А между тем она ошибалась! У нас было однажды дело, похожее на это. Все зависит от того, как составлено завещание. Конистон оставил свои деньги именно ей, назвав в завещании ее имя. Она бы получила наследство, но она этого не знала.

— А зачем ей так нужны деньги? — спросила мисс Марпл.

— Чтобы купить Ладислава Малиновского, — сурово отозвался старший инспектор. — Без этих денег он на ней не женится. Девчонка это прекрасно понимает, она же не дурочка. Но она хотела его получить на любых условиях. Она в него страстно влюблена.

— Знаю, — отозвалась мисс Марпл. — Я видела ее лицо в тот день в парке Баттерси...

— Понимая, что потеряет Малиновского, если лишится наследства, она замыслила убийство. Она, конечно, и не думала прятаться в цветнике. Там никого не было. Она просто встала у ограды, выстрелила в воздух, закричала, а когда Майкл Горман к ней кинулся, выстрелила в него и продолжала кричать. Действовала она чрезвычайно хладнокровно. У нее и в мыслях не было бросить тень подозрения на Малиновского. Она похитила

у него пистолет, ибо не имела другой возможности достать оружие, но ей в голову не приходило, что он в тот вечер был где-то рядом, и что его могут заподозрить в убийстве. Она думала, что все свалят на какого-нибудь грабителя, который решил воспользоваться туманом. Да, хладнокровия ей не занимать! Однако потом, позже, она была чрезвычайно перепугана. А мать боялась за нее...

— Ну а теперь что вы собираетесь делать? — Мисс Марпл взглянула на Дэви.

— Я знаю, что убила она, — сказал Дед, — но доказательств у меня нет. Быть может, ей и удастся вывернуться. Опытный защитник может устроить на суде эдакий душещипательный спектакль: она так юна, ее не правильно воспитывали, к тому же она хороша собой, и так далее...

— Да, — сказала мисс Марпл. — Исчадия ада часто бывают красивы. И, как известно, они нередко процветают в этой жизни.

— Но даже до суда дело может не дойти. Нет свидетелей! Вот вас, например, пригласят, и вам придется повторить то, что вы слышали от ее матери, а ее мать призналась в убийстве.

— Знаю, — отозвалась мисс Марпл. — Она это повторила не один раз. Ведь так? Ценой жизни она заплатила за свободу дочери. И признание,

свидетельницей которого я была, это ее последняя воля...

Дверь в соседнюю комнату открылась. Вошла Эльвира Блейк. На ней было простенькое платье бледно-голубого цвета. Светлые волосы обрамляли лицо. Она была похожа на одного из ангелов раннего итальянского Возрождения. Она взглянула сначала на старшего инспектора, потом на мисс Марпл. Затем сказала:

— Я слышала шум автомобиля, какой-то грохот и крики... Авария?

— Должен с прискорбием сообщить вам, мисс Блейк, — официальным тоном произнес старший инспектор Дэви, — что ваша мать скончалась.

Эльвира тихо охнула:

— Ой, нет!

Это был слабый, неуверенный протест.

— Перед тем как сбежать, — продолжал Дэви, — ибо ей именно пришлось бежать, она созналась в убийстве Майкла Гормана.

— То есть она сказала, что это она?..

— Да, так, она сказала. Не хотите ли вы что-нибудь добавить?

Эльвира посмотрела на него долгим взглядом, потом слабо качнула головой.

— Нет, мне нечего добавить.

Она повернулась и вышла из комнаты.

— Ну и как? — произнесла мисс Марпл. — Неужели вы допустите, чтобы ей это сошло с рук?

Наступила пауза, потом Дед с силой грохнул кулаком по столу.

— Нет, — прорычал он. — Нет, видит бог, не допущу!

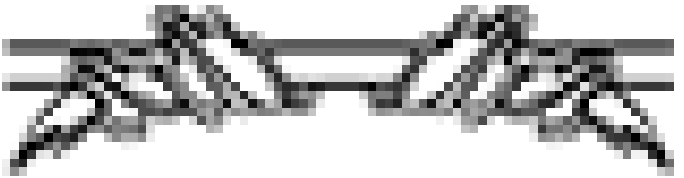
Мисс Марпл медленно наклонила голову.

— Господи, смилуйся над ее душой, — произнесла она.

НЕМЕЗИДА

NEMESIS

НЕМЕЗИДА



Посвящается Дафне Ханибоун

Глава 1

УВЕРТЮРА

Джейн Марпл обычно просматривала свою вторую газету после полудня. Каждое утро ей доставляли две газеты. Первую мисс Марпл проглядывала, потягивая утренний чай, если, конечно, ее доставляли вовремя. Мальчик, разносивший газеты, явно был не в ладах со временем. Частенько также появлялся новый мальчик, заменяющий первого. Каждый из них имел собственное представление касательно маршрута, по которому они развозили газеты. Возможно, они хотели разнообразия. Те, кто привык просматривать газету пораньше, чтобы узнать самые смачные новости, прежде чем отправиться на работу автобусом, поездом или воспользоваться другим современным средством передвижения, раздражались, если доставка запаздывала. Между тем пожилые дамы, обитающие в Сент-Мэри-Мид, предпочитали разворачивать газету за завтраком.

В этот день мисс Марпл уже успела прочесть первую страницу и несколько других статей

ежедневной газеты, которые она иронично окрестила «всякой всячиной», поскольку нынешний владелец *«Дейли ньюсгивер»,* к неудовольствию самой пожилой леди и ее приятельниц, печатал теперь заметки о мужских портных, дамских туалетах, конкурсах для детей, истории о разбитых девичьих сердцах и жалобные письма женщин. А важные новости он запихивал куда угодно, только не на первую страницу, — как правило, туда, где их невозможно было найти. Мисс Марпл, будучи старомодной, желала, чтобы газеты соответствовали своему предназначению и сообщали настоящие новости.

После полудня, покончив с ланчем и подремав минут двадцать в специально предназначенном для ее ревматической спины высоком кресле, мисс Марпл развернула *«Таймс»*, чтобы не спеша прочитать ее. Нет, и *«Таймс»* теперь уже не та, что прежде. Более всего раздражало то, что в ней ничего не найти. А ведь как было раньше: просматриваешь газету, начиная с первой страницы и зная, где искать нужные сведения и статьи по интересующим тебя вопросам. Вместо этого в традиционном расположении материалов *«Таймс»* появились какие-то нелепые перебивки текста. Ни с того ни с сего две страницы были

посвящены путешествию по Капри (к тому же с иллюстрациями!), а спортивная рубрика заняла более значительное место, чем раньше. Судебная хроника и некрологи остались почти без изменений. Рождения, браки и смерти, некогда более всего привлекавшие внимание мисс Марпл прежде всего потому, что занимали самое заметное место, перекочевали в другой раздел газеты, хотя последнее время пожилая леди все чаще стала находить их на последней странице.

Прежде всего мисс Марпл занялась главными новостями на первой странице, но не задержалась на них, ибо все это уже прочитала утром и к тому же в лучшем изложении. Она просмотрела рубрики с перечнем материалов: статьи, комментарии, наука, спорт. Потом по привычке перевернула страницу и быстро пробежала глазами рождения, браки и кончины, после чего решила заглянуть туда, где печатались письма читателей, — там мисс Марпл всегда обнаруживала что-нибудь занимательное. Отсюда она перешла к судебной хронике, рядом с которой помещались также сведения об аукционах. На этой же странице часто встречались научные статьи, но мисс Марпл не собиралась их читать, ибо они редко были доступны ей.

Просматривая, как обычно, сообщения о рождениях, браках и кончинах, мисс Марпл уже не в первый раз подумала: «Право же, очень грустно сознавать, но всех теперь в основном интересуют лишь *кончины!*»

Дети по-прежнему появляются на свет, но имена их родителей вряд ли ей знакомы. Вот если бы рядом с именами новорожденных значились имена их бабушек, то, возможно, она и узнала бы кого-то, к своей радости. И тогда, пожалуй, подумала бы: «Поразительно: у Мэри Прендергаст уже *третья* внучка!»

Мисс Марпл быстро и не слишком внимательно пробежала глазами колонку «Браки», поскольку дочери и сыновья ее старых друзей давным-давно уже поженились и повыходили замуж. Колонка «Кончины» занимала ее куда больше, ибо она желала удостовериться, что не пропустила какое-нибудь знакомое имя. Алловей, Ангопастро, Арден, Бартон, Бедшоу, Бурговайссер... (Господи, какая же странная *немецкая* фамилия. Кажется, он недавно приехал из Лидса!) Карпентер, Кампердаун, Клегг. Клегг? Уж не та ли Клегг, которую она знала? Нет, та как будто была Джанет Клегг. Откуда-то из Йоркшира. МакДональд, МакКензи... Николсон. Николсон? Нет, конечно, это не

тот Николсон, с которым она была знакома. Огг, Ормерод... Мисс Марпл подумала, что это, должно быть, одна из тетушек. Да, наверное. Линда Ормерод. Нет, она не знала ее. Квантрил? Боже, да это же, вероятно, Элизабет Квантрил! Восемьдесят пять лет. Ну разумеется! А она-то полагала, что Элизабет Квантрил давно уже умерла. Удивительно: прожила так долго, а ведь всегда была такой хрупкой. Никто не ожидал, что она столько протянет. Рейс, Рэдли, Рафиэль. Рафиэль? Что-то знакомое. Рафиэль. Белфорд-парк, Мейдстоун, Белфорд-парк, Мейдстоун. Нет, мисс Марпл никак не могла припомнить этот адрес. Просят не приносить цветов. Джейсон Рафиэль. Какое необычное имя! Видимо, она где-то слышала его. Росс-Перкинс. Пожалуй... нет, не то! Райланд? Эмили Райланд. Нет. Нет, мисс Марпл никогда не знала Эмили Райланд. *Горячо любимая мужем и детьми.* Что ж, очень мило или очень грустно — как для кого.

Пожилая леди равнодушно взглянула на кроссворд и отложила газету, недоумевая, почему ей так мучительно знакомо имя Рафиэль.

«Ничего, потом вспомню, — сказала себе мисс Марпл, хорошо зная по опыту, какова память у пожилых людей. — Это всплывет. Ничуть не

сомневаюсь».

Она посмотрела из окна в сад, потом отвела взгляд, пытаясь выбросить его из головы. Этот сад уже много лет доставлял ей большую радость, но стоил немалых трудов. Теперь врачи запретили мисс Марпл работать в саду. Она попыталась было воспротивиться этому, но в конце концов решила поступить так, как ей советуют. Мисс Марпл пристроила кресло так, чтобы не видеть сада, пока она твердо и четко не поймет, что именно ей там нужно. Вздохнув, она взяла рабочую корзинку и извлекла оттуда шерстяную детскую кофточку. «Перед и спинка готовы, так что теперь можно приниматься за рукава, — сказала себе мисс Марпл. — Нудная работа — вязать два совершенно одинаковых рукава. Да, самая нудная! Однако эта розовая шерсть очень приятного оттенка. Розовая шерсть. Так, с чем же это у меня ассоциируется? Да, да... с фамилией, которую я только что прочитала в газете. Розовая шерсть. Синее море. Карибское море. Песчаный пляж. Яркое солнце. Я сижу с вязаньем, и тут... конечно, мистер Рафиэль! Я тогда совершила вояж на Карибы. Остров Сент-Оноре́. Это устроил мне мой племянник Реймонд». Мисс Марпл вспомнила Джоан, жену Реймонда.

«Только не впутывайтесь ни в какие расследования убийств, тетя Джейн, — напутствовала ее Джоан. — Здоровья вам это не прибавит».

Что ж, ей совсем *не хотелось* впутываться в расследование, но все же это случилось. Вот так-то. А все из-за отставного майора со стеклянным глазом, который уговорил ее выслушать несколько очень длинных и утомительных историй. Бедный майор... *как же его звали?..* Мисс Марпл напрочь забыла это имя... Мистер Рафиэль и его секретарша, миссис... миссис Волтерс, да, Эстер Волтерс, и его массажист Джексон. Вот и вспомнила! Так-так! Бедный мистер Рафиэль. Итак, мистер Рафиэль умер. Впрочем, он полагал, что это случится гораздо раньше. Именно так мистер Рафиэль сказал ей. Однако он протянул значительно дольше, чем пророчили врачи. Да, этот человек был сильным, волевым и к тому же весьма богатым.

Мисс Марпл погрузилась в размышления. Спицы ее мелькали, но вязала она автоматически. Пожилая леди думала о покойном мистере Рафиэле, пытаясь вспомнить все, что знала о нем. Право же, такого человека не так-то легко забыть. Мисс Марпл очень четко воспроизвела его в памяти. Да, весьма характерная личность:

трудный, раздражительный человек, порою шокирующе грубый. Однако никто не обижался на его грубость. Это она тоже помнила. Никто не обижался, потому что он был так богат. Конечно, очень богат. Мистера Рафиэля сопровождали его секретарша и слуга, массажист высокой квалификации. Он не мог обходиться без их помощи. С этим массажистом, по мнению мисс Марпл весьма подозрительным типом, мистер Рафиэль иногда бывал очень груб. Но тот никогда не обращал на это внимания. И опять-таки, несомненно, потому, что мистер Рафиэль был так богат!

«Никто не будет платить ему и половину того, что даю ему я, — как-то сказал мистер Рафиэль. — И он знает это, хотя работать умеет».

«Интересно, — подумала мисс Марпл, — долго ли этот Джексон или Джонсон оставался с ним? Продержался ли больше года? Год и три или четыре месяца? Нет, едва ли. Мистер Рафиэль из тех, кто любит перемены. Он устает от людей, от их привычек, лиц, голосов».

Мисс Марпл понимала это, ибо и сама порой чувствовала то же самое. Взять хотя бы ее компаньонку. Эта красивая внимательная женщина раздражала ее своим воркующим голоском.

«Ах, — сказала себе мисс Марпл, — все измени-

лось к лучшему с того момента, как... О господи, *как же ее имя*... мисс... мисс Бишоп?.. Нет, не мисс Бишоп, конечно нет. И с чего я вспомнила это имя — Бишоп? О господи, почему же это было так трудно?»

Мысли мисс Марпл снова вернулись к мистеру Рафиэлю. Нет, массажиста звали не Джонсон, а Джексон, Артур Джексон.

«О господи, я постоянно путаю *имена и фамилии.* И конечно, я думала о мисс *Найт.* Не о мисс *Бишоп.* С чего я взяла, что ее зовут мисс Бишоп? Из-за шахмат, конечно, — ответила себе мисс Марпл. — Вернее, из-за шахматных фигур. Конь. Слон. Боюсь, в следующий раз я назову ее мисс Касл или мисс Рук[23]. Впрочем, она вовсе не из тех, кто способен обманывать. Но как же звали ту хорошенькую секретаршу мистера Рафиэля? Ах да, Эстер Волтерс. Правильно. Интересно, а как сложилась ее судьба? Завещал ли он ей деньги? Теперь, наверное, она унаследует много денег.

«Мистер Рафиэль, — припомнила мисс Марпл, — говорил мне что-то об этом, а может, сама Эстер... О господи, какие забавные штуки

---

[23] notes: 23

Английские обозначения шахматных фигур: бишоп *(bishop)* — слон; найт *(knight)* — конь; касл *(castle),* рук *(rook)* — ладья, тура, а также глагол «обманывать».

выкидывает память, когда слишком напрягаешь ее! Эстер Волтерс. Там, на Карибах, ей крепко досталось, но она, должно быть, оправилась. Она ведь, кажется, вдова». Мисс Марпл надеялась, что Эстер Волтерс снова вышла замуж за какого-нибудь милого, красивого и надежного человека. Нет, это казалось маловероятным. Эстер Волтерс, помнится, обладала просто гениальной способностью нравиться таким мужчинам, за которых лучше не выходить замуж.

Мысли пожилой леди снова вернулись к мистеру Рафиэлю. «Просят не приносить цветов». Нет, она и не думала посылать цветы на похороны мистера Рафиэля. Он мог бы, если бы пожелал, купить все оранжереи в Англии. К тому же их не связывали особо тесные отношения. Они не были друзьями и не питали друг к другу слишком теплых чувств. Они были... как бы это сказать?.. союзниками. Да, союзниками, но весьма недолго. В такое беспокойное время стоило иметь такого, как он, союзника. Она поняла это, когда бежала к нему во тьме тропической ночи. «Да, на мне был тот розовый шерстяной... как это называлось во времена моей молодости?.. ах да, шарф! Похожий на шаль, и я обмотала его вокруг головы. Мистер Рафиэль тогда посмотрел на меня и рассмеялся,

а позднее, когда я сказала одно слово, — мисс Марпл улыбнулась этому воспоминанию, — он снова рассмеялся, но под конец уже не смеялся. Нет, он сделал впоследствии то, о чем я его просила... Ах!» Пожилая леди вздохнула. Это было очень волнующее приключение, о котором она никогда не рассказывала ни своему племяннику, ни дорогой Джоан. Зачем? Ведь они просили ее не делать этого, не так ли? Мисс Марпл тряхнула головой и тихо пробормотала:

— Бедный мистер Рафиэль. Надеюсь, он не... страдал.

Должно быть, нет. Наверное, те дорогие врачи, которые пестовали мистера Рафиэля, не жалели для него наркотиков. А вот в те несколько недель на Карибах бедняга очень мучился. Боль почти не отпускала его. Мужественный человек.

Мужественный человек. Мисс Марпл огорчила смерть мистера Рафиэля. Хотя он был немощен, стар и болен, с его уходом, по мнению пожилой леди, мир что-то потерял. Конечно, она не знала его деловых качеств. Вероятно, мистер Рафиэль был безжалостным, жестким, напористым и властным. Предпочитал нападать, а не защищаться. Но... но он был и надежным другом. В недрах его души таилась доброта, которую он

старался никогда не показывать. «Я восхищалась им и уважала его. Да, очень жаль, что мистер Рафиэль умер. Надеюсь, он не слишком мучился и ушел из жизни легко. Теперь, несомненно, его кремируют, а на могиле поставят большое красивое мраморное надгробие. Интересно, был ли он женат? Мистер Рафиэль никогда не упоминал ни о жене, ни о детях. Холостяк? А может, жизнь его была так наполнена, что он не чувствовал себя одиноким?»

Мисс Марпл долго еще сидела в кресле, продолжая размышлять о мистере Рафиэле. Она не предполагала встретиться с ним после возвращения в Англию и в самом деле больше уже *не видела* его. И все же между ними, как ей казалось, сохранялась какая-то странная, незримая связь. Если бы только он напомнил о себе или предложил встретиться, возможно, связь, возникшая между ними, когда они спасли жизнь человека... Связь...

— Разумеется, — подумала вслух мисс Марпл, пораженная внезапно посетившей ее мыслью, — ведь не *безжалостность* соединила нас? Неужели я, Джейн Марпл, могла когда-либо быть безжалостной? Странно, почему это не приходило мне в голову прежде? Полагаю все же, что я

способна проявить безжалостность...

Дверь открылась, и в комнату просунулась темная кудрявая голова Черри, преемницы мисс Бишоп — мисс Найт.

— Вы что-то сказали? — спросила Черри.

— Я разговаривала сама с собой, — призналась мисс Марпл, — размышляя о том, свойственна ли мне безжалостность.

— Что? Вам? — удивилась Черри. — Конечно нет! Да вы сама доброта!

— И все же, полагаю, я *могла бы* проявить безжалостность, будь на то веская причина.

— А что вы называете «веской причиной»?

— Ну, если бы того требовала справедливость, — пояснила мисс Марпл.

— Кажется, что-то похожее вы проявили, поймав Гари Хопкинса, который издевался над кошкой. Никто и не думал, что вы способны на такое! Он до смерти перепугался и никогда не забудет этого урока.

— Надеюсь, Гари больше не мучает кошек.

— Ну, если он и решится на это, то лишь убедившись, что вас нет поблизости. — Черри улыбнулась. — По правде говоря, я уверена, что тогда вы перепугали и всех других мальчишек. Когда вы, кроткая как ягненок, вяжете какую-ни-

будь шерстяную вещицу, никто и не заподозрит, что вы способны превратиться в разъяренную львицу.

Мисс Марпл так и не удалось вообразить себя львицей, и она с сомнением посмотрела на Черри. «Неужели, — задумалась пожилая леди, — меня так раздражала эта мисс Бишоп-Найт? (О господи, ну почему я постоянно забываю имена?)» Впрочем, выказывая раздражение, она обычно отпускала ироничные замечания. Львицы же едва ли бывают ироничны. Они прыгают на врага. Рычат. Рвут когтями свою жертву.

— Не думаю, что когда-нибудь я вела себя *подобным образом,* — возразила мисс Марпл.

Вечером, медленно прогуливаясь по саду, почтенная леди снова вернулась к этому вопросу. Возможно, взгляд ее упал на клумбу, засаженную львиным зевом. «О господи, сколько же *повторять* старому Джорджу, что мне нравится ярко-желтый львиный зев, а *не* этот ужасный лиловый цвет, который так любят садовники!»

— Ярко-желтый! — громко сказала мисс Марпл.

Ее восклицание привлекло внимание женщины, проходившей мимо ограды.

— Прощу прощения? Вы что-то сказали?

— Боюсь, я говорила сама с собой. — Мисс Марпл обернулась.

Эту женщину она никогда не видела, хотя знала почти всех в Сент-Мэри-Мид, по крайней мере в лицо. На приземистой незнакомке была поношенная, но еще крепкая твидовая юбка, зеленый пуловер, вязаный шерстяной шарф и добротные туфли.

— Увы, этим страдают многие в моем возрасте, — добавила мисс Марпл.

— А у вас очень милый садик! — заметила женщина.

— Сейчас он не так хорош, но вот когда я сама займусь им...

— О, вполне понимаю ваши чувства. Полагаю, на вас работает один из этих — у меня для них множество прозвищ, в основном нелицеприятных, — старичков, утверждающих, будто прекрасно разбираются в садоводстве, хотя на самом деле ничего в этом не смыслят. Придут, попьют чайку и забудут о прополке сорняков. Некоторые из них очень славные люди, но способны кого угодно вывести из себя. Сама я тоже неплохо разбираюсь в садоводстве.

— Вы живете здесь? — заинтересовалась мисс Марпл.

— Да, вместе с миссис Хастингс. Кажется, она рассказывала о вас. Ведь вы мисс Марпл, не правда ли?

— Да.

— Я приехала помочь миссис Хастингс присматривать за садом. Кстати, меня зовут Бартлетт. Мисс Бартлетт. Но там не слишком много работы. В основном миссис Хастингс посеяла однолетние культуры, так что и руки не к чему приложить! — В подтверждение своих слов мисс Бартлетт широко развела руками. — Конечно, приходится заниматься и кое-чем другим. Магазины, знаете ли, и прочее, но, если хотите, я могла бы уделить вам часок-другой. Уверяю вас, я отлично справлюсь с этим делом.

— Это не так трудно, — заметила мисс Марпл. — Больше всего я люблю цветы. Овощи меня мало интересуют.

— А вот для миссис Хастингс главное — овощи. Скучно, но необходимо. Ну, мне пора. — Она оглядела мисс Марпл с ног до головы, словно пытаясь запомнить ее, потом весело кивнула и удалилась.

Миссис Хастингс? Мисс Марпл не помнила такого имени. Среди ее старых друзей не было никакой миссис Хастингс, равно как и в кружке

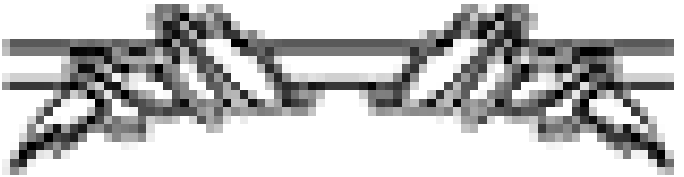
садоводов-любителей. Ах да, наверное, она живет в тех новых домах в конце Гибралтар-роуд. В прошлом году туда переехало несколько семей. Мисс Марпл вздохнула и снова с раздражением посмотрела на львиный зев. Несколько сорняков следовало бы выдернуть, а пару отростков отрезать секатором. С трудом преодолев искушение, пожилая леди прошлась по саду и вернулась домой. Мысли ее снова обратились к мистеру Рафиэлю. Они, он и она, были... как же называлась та книга, популярная в дни ее молодости? *«Корабли, скользящие в ночи».* Да, если поразмыслить, так оно и было. Корабли, скользящие в ночи... Ведь именно под покровом ночи она пришла к нему просить... нет, требовать помощи! Настоятельно просить, умолять, утверждать, что нельзя терять времени. И он согласился и все сделал! Тогда она и *в самом деле* походила на львицу? Нет. Не то. В тот момент она чувствовала не гнев, а настоятельную потребность что-то немедленно предпринять. И он все понял.

Бедный мистер Рафиэль. Корабль, скользящий в ночной тьме, был действительно интересен. Тот, кто привык к грубости мистера Рафиэля, мог бы назвать его вполне приятным человеком? Нет! Мисс Марпл покачала головой. Он никогда

не был приятным человеком. Что ж, пора выбросить мистера Рафиэля из головы.

Корабли, скользящие в ночи,
Что же шепчут друг другу они?
Далекий голос в тиши
И на мачтах сигнальные огни...

Наверное, она больше никогда не вспомнит о нем. Надо бы еще раз посмотреть *«Таймс»,* может, там есть некролог. Впрочем, едва ли. Ведь он не был широко известен. Или знаменит. Просто очень богат. Конечно, эта газета часто помещает некрологи богачей. Но мистер Рафиэль не походил на таких. Мистер Рафиэль не был ни крупным промышленником, ни финансовым гением, ни банкиром мирового масштаба. Все, что он сделал за свою жизнь, — это сколотил огромное состояние...



Глава 2

ПАРОЛЬ: «НЕМЕЗИДА»

I

Примерно через неделю после смерти мистера Рафиэля мисс Марпл обнаружила на подносе с завтраком письмо. Она не сразу вскрыла его. В других конвертах, полученных ею этим утром, скорее всего, были счета или квитанции. В любом случае, в отличие от этого, третьего, они особого интереса не вызывали.

Лондонский штамп, адрес, напечатанный на машинке, продолговатый конверт из хорошей бумаги. Мисс Марпл аккуратно вскрыла его специальным ножичком, всегда находившимся у нее под рукой. Отправители: Бродрибб и Шустер, поверенные, нотариальная контора в Блумсбери. В письме предельно учтиво, как и принято у юристов, мисс Марпл просили приехать в контору в любой день на следующей неделе, чтобы обсудить предложение, которое, возможно, ее заинтересует. Лучше всего в четверг, двадцать четвертого. Если эта дата не слишком удобна, пусть мисс Марпл сообщит, когда в ближайшем будущем она собирается в Лондон. В конце Бродрибб и Шустер сообщали, что они адвокаты недавно скончавшегося мистера Рафиэля, с которым, как им известно, она была хорошо знакома.

Несколько озадаченная письмом, мисс Марпл нахмурилась. Размышляя о нем, она поднялась медленнее, чем обычно. Спуститься вниз ей помогла Черри, которая обычно находилась поблизости и следила, чтобы мисс Марпл не расшиблась на старомодной лестнице с крутым поворотом посередине.

— Вы слишком опекаете меня, Черри, — сказала мисс Марпл.

— Не беспокойтесь, — как всегда, ответила та. — Хорошим людям не грех услужить.

— Спасибо за комплимент. — Мисс Марпл осторожно поставила ногу на последнюю ступеньку.

— Надеюсь, ничего не случилось? — спросила Черри. — У вас такой озабоченный вид. Вы понимаете, о чем я?

— Нет, ничего особенного. Просто получила странное письмо из адвокатской конторы.

— Но ведь на вас никто не подавал в суд? — Для Черри письмо из адвокатской конторы ассоциировалось только с неприятностями.

— О нет, не думаю. Ничего такого. Просто меня просят приехать в Лондон на следующей неделе.

— Возможно, кто-то оставил вам наследство, — с надеждой предположила Черри.

– *Весьма сомневаюсь.*

— Кто знает, кто знает...

Расположившись в кресле и достав из корзинки незаконченное вязанье, мисс Марпл подумала: уж не завещал ли ей что-то мистер Рафиэль? Даже предположение Черри меньше поразило почтенную леди, чем эта мысль. «Нет, — решила она, — мистер Рафиэль не из таких».

Да и поехать в назначенный день ей не удастся, она должна отправиться на собрание Женского

благотворительного клуба, где предстоит обсудить вопрос об изыскании средств на пристройку к зданию еще двух небольших комнат. Поэтому мисс Марпл написала письмо в контору и назвала удобную для нее дату на следующей неделе. В положенный срок она получила ответ, и договоренность была подтверждена. Письмо подписал Дж.Р.Бродрибб, по-видимому старший партнер. Мисс Марпл *допускала,* что мистер Рафиэль оставил ей по завещанию какой-нибудь сувенир или памятный подарок. Например, книгу из своей библиотеки о редких цветах, которая, как он полагал, доставит удовольствие пожилой леди, занимающейся садоводством. Или брошку с камеей, некогда принадлежавшую его бабушке... Эти фантазии позабавили мисс Марпл. «Но это всего лишь фантазии, — подумала она, — поскольку в любом случае душеприказчики, если эти адвокаты — душеприказчики мистера Рафиэля, просто прислали бы такие предметы по почте». Но нет, они выразили желание встретиться с ней.

— Что ж, — пробормотала почтенная леди, — я все узнаю в следующий вторник.

II

— Интересно, какая она? — Мистер Бродрибб обращался к мистеру Шустеру, по обыкновению глядя на стенные часы.

— Эта леди должна прийти через четверть часа, — заметил мистер Шустер. — Интересно, пунктуальна ли она?

— О, думаю, да. Ведь она уже в солидном возрасте, как я понимаю, а значит, куда пунктуальнее нынешней легкомысленной молодежи.

— Полная или худая? — размышлял вслух мистер Шустер.

Мистер Бродрибб пожал плечами.

— Неужели Рафиэль никогда не рассказывал вам о ней? — не унимался мистер Шустер.

— Во всем, что касалось этой леди, он был необычайно уклончив.

— Все это кажется мне весьма странным, — заметил мистер Шустер. — Знай мы хоть чуточку больше о том, что все это означает...

— Возможно, — задумчиво проговорил мистер Бродрибб, — это связано с Майклом.

— Что? После стольких лет? Не может быть! С чего вы взяли? Разве он упоминал...

— Нет, ни о чем он не упоминал. Даже не

намекнул на то, что задумал. Просто дал мне инструкции.

— Не кажется ли вам, что он стал несколько эксцентричным к концу жизни?

— Ничуть! Он до последнего дня сохранил свой блестящий ум. Во всяком случае, недуг не сказался на его интеллекте. За последние два месяца Рафиэль увеличил свое состояние еще на двести тысяч футов.

— Он отличался исключительным *нюхом,* — почтительно заметил мистер Шустер. — И так было всегда.

— Великий финансовый ум! — воскликнул мистер Бродрибб с таким же искренним почтением. — Таких, как он, не много, и это весьма прискорбно.

На столе загудел зуммер, и мистер Шустер поднял трубку.

— Мисс Джейн Марпл, — сообщил женский голос, — к мистеру Бродриббу. По договоренности.

Мистер Шустер взглянул на партнера, вопросительно подняв брови. Мистер Бродрибб кивнул.

— Пригласите эту леди, — сказал мистер Шустер и, положив трубку, добавил: — Что ж, посмотрим.

Навстречу мисс Марпл поднялся худощавый

джентльмен средних лет с вытянутым, меланхоличным лицом. Она предположила, что это мистер Бродрибб, хотя внешность этого джентльмена явно противоречила его фамилии[24]. Здесь же находился джентльмен помоложе и поплотнее — черноволосый, с маленькими пронзительными глазками и уже почти сформировавшимся двойным подбородком.

— Мой партнер мистер Шустер, — сказал мистер Бродрибб.

— Надеюсь, вы не слишком устали, поднимаясь по лестнице? — Задав этот вопрос, мистер Шустер подумал: «Ей лет семьдесят, а может, и около восьмидесяти».

— Я всегда немного задыхаюсь, поднимаясь по лестнице.

— В этом старом здании, — извиняющимся тоном пояснил мистер Бродрибб, — нет лифта. Наша контора основана очень давно, но нас, в отличие от многих других, не интересуют современные удобства, хотя, возможно, клиенты предпочли бы иметь их.

— Здесь очень мило, — любезно сказала мисс Марпл и села в предложенное мистером Брод-

---

[24] notes: 24
Б р о д р и б б *(broadribb)* — широкоребрый *(англ.).*

риббом кресло.

Мистер Шустер незаметно покинул их.

— Надеюсь, вам удобно в этом кресле? — спросил мистер Бродрибб. — Может, немного задвинуть шторы? Не слепит ли вас солнечный свет?

— Спасибо.

Мисс Марпл, в легком твидовом костюме, с ниткой жемчуга на шее и в бархатной шляпке, сидела в кресле, по привычке расправив плечи. «Типичная провинциальная леди, — подумал мистер Бродрибб. — Респектабельная. Наверняка старая дева. Возможно, со странностями, но не обязательно. Весьма проницательный взгляд. Интересно, где Рафиэль откопал ее? Вероятно, чья-то тетушка, из сельской местности».

Размышляя об этом, он завел разговор на обычные темы — о погоде, о неприятностях, связанных с заморозками в этом году, и сделал несколько замечаний, уместных в данной ситуации.

Мисс Марпл поддерживала беседу, спокойно ожидая, когда мистер Бродрибб перейдет к сути дела.

— Полагаю, наше приглашение удивило вас. — Порывшись в бумагах, поверенный улыбнулся старушке. — Вы, конечно, слышали о смерти мистера Рафиэля или читали об этом в газетах.

— Читала в газетах.

— Кажется, он был вашим другом.

— Я познакомилась с ним чуть больше года назад, — пояснила мисс Марпл. — В Вест-Индии.

— А, помнится, он ездил туда в надежде поправить здоровье. Думаю, это отчасти помогло ему, но он был уже слишком болен, инвалид, вы же знаете.

— Да.

— Вы были хорошо знакомы с ним?

— Нет, не сказала бы. Мы остановились в одном отеле. Иногда беседовали. Но никогда не встречались после возвращения в Англию. Я, видите ли, веду уединенную жизнь в сельской местности, тогда как он, судя по всему, был полностью поглощен своими делами.

— Он занимался банковскими операциями вплоть до... ну, можно сказать, вплоть до последнего дня. Настоящий финансовый ум.

— Ничуть в этом не сомневаюсь. Я очень скоро поняла, что он к тому же исключительный человек.

— Не знаю, догадываетесь ли вы, а может, в свое время об этом упоминал мистер Рафиэль, какого рода предложение мне поручено сделать вам?

— Не могу и вообразить, что намеревался

предложить мне мистер Рафиэль. Это кажется совершенно невероятным.

— Он был очень высокого мнения о вас.

— Весьма любезно с его стороны, но едва ли справедливо. Я — человек заурядный.

— Вы, безусловно, понимаете, что он владел огромным состоянием. В целом мистер Рафиэль распорядился им просто и разумно, завещав его за некоторое время до смерти доверительным фондам и благотворительным организациям.

— Это, полагаю, вполне обычная в наши дни процедура, хотя я не слишком разбираюсь в финансовых делах.

— Теперь перейдем к цели вашего визита сюда. Мне поручено сказать вам, что для вас оставлена определенная сумма. Через год вы получите ее, если примете предложение, с коим я вас познакомлю. — Мистер Бродрибб взял со стола продолговатый запечатанный конверт и подтолкнул его к мисс Марпл. — По-моему, вам лучше самой прочесть это. Не спешите.

Мисс Марпл и не думала спешить. Она вскрыла конверт поданным ей мистером Бродриббом ножом для резки бумаг, вынула отпечатанный на машинке лист бумаги и прочла его. Потом сложила, но, поразмыслив, вновь пробежала текст

глазами и посмотрела на мистера Бродрибба:

— Это довольно неопределенно. Нет ли более четких разъяснений?

— Нет. Я взялся передать вам этот конверт и сообщить, что мистер Рафиэль оставил для вас двадцать тысяч фунтов, свободных от налога на наследство.

Мисс Марпл уставилась на него, онемев от изумления. Мистер Бродрибб молчал и внимательно наблюдал за старушкой. Она, несомненно, удивлена, ибо менее всего ожидала услышать что-то подобное. Мисс Марпл посмотрела на него прямо и строго, словно родная тетка:

— Это очень большая сумма.

— Она не так велика, как когда-то. — У мистера Бродрибба едва не сорвалось с языка: «Курам на смех!»

— Признаюсь, я удивлена. Более того, поражена, совершенно поражена.

Взяв документ, она еще раз внимательно прочитала его.

— Полагаю, вам известно его содержание?

— Да. Мистер Рафиэль лично продиктовал мне это.

— Не дал ли он вам каких-либо разъяснений?

— Нет.

— Ведь было бы лучше, если бы он сделал это. — В тоне мисс Марпл прозвучала легкая досада.

Мистер Бродрибб чуть улыбнулся:

— Вы совершенно правы. Да, я сказал, что, пожалуй, вам будет трудно... э-э... понять точный смысл его просьбы.

— Справедливо замечено!

— Разумеется, нет никакой необходимости давать ответ немедленно.

— Да, мне следует хорошенько все обдумать.

— Это, как вы заметили, значительная сумма.

— Я старуха, — сказала мисс Марпл. — «Пожилая леди» звучало бы приятнее, но я старуха. Да, я очень стара. Вполне возможно, что я не проживу еще год и не получу эти деньги, но, даже если и проживу, весьма сомнительно, что мне удастся заработать их.

— Деньги не бывают лишними ни в каком возрасте, — заметил мистер Бродрибб.

— Вы правы. Я могла бы сделать пожертвования в различные благотворительные организации, представляющие для меня интерес. Кроме того, есть люди, которым хочешь помочь, но не имеешь для этого возможности. И потом, не стану скрывать, я не отказалась бы от кое-каких желаний, которые мне до сих пор не удавалось

осуществить. Думаю, мистер Рафиэль отлично сознавал, что столь неожиданный подарок может доставить пожилому человеку много радостей.

— Конечно, — согласился мистер Бродрибб. — Например, заграничный круиз. В наши дни предлагают превосходные *туры.* Театры, концерты, изысканный стол и винные погреба.

— Мои вкусы несколько скромнее. Куропатки... — задумчиво проговорила мисс Марпл. — Сейчас очень трудно достать куропаток, и они весьма дороги. А мне так хотелось съесть целую куропатку — одной! *Каштаны в сахаре* тоже дорогое удовольствие. Я редко позволяю себе это лакомство. Хотелось бы побывать и в опере. Но для этого нужно взять такси в «Ковент-Гарден» и обратно, заночевать в отеле и заплатить за номера. Впрочем, не стану отнимать у вас время пустой болтовней. Я возьму этот документ и подумаю над предложением. Но что же все-таки заставило мистера Рафиэля?.. Нет ли у вас каких-то соображений на этот счет?.. *Почему* он сделал мне это предложение и почему полагал, что я смогу оказать ему услугу? Ведь мистер Рафиэль должен был понимать, что прошло уже больше года, почти два, с тех пор, как мы виделись с ним в последний раз, я стала куда слабее физически

и утратила прежние способности. Он пошел на большой риск. Не сомневаюсь, найдется немало людей, гораздо лучше меня подготовленных к проведению подобного расследования.

— По правде говоря, такая мысль поневоле приходит в голову, — признался мистер Бродрибб, — но он выбрал *вас*, мисс Марпл. Не сочтите это праздным любопытством, но не приходилось ли вам... о, как бы это сказать?.. расследовать уголовные дела?

— Строго говоря, мне следовало бы ответить «нет». То есть я не была следователем, не служила ни в полиции, ни в магистратуре и не поддерживала связей ни с каким детективным агентством. Чтобы вы поняли, почему я считаю себя способной выполнить то, о чем просит меня мистер Рафиэль, скажу, что во время нашего пребывания в Вест-Индии мы оба приняли непосредственное участие в расследовании совершенного там преступления — невероятного и очень запутанного.

— И вы с мистером Рафиэлем разрешили загадку?

— Я бы не стала утверждать это столь категорично, — ответила мисс Марпл. — Благодаря силе характера мистера Рафиэля, а также тому, что мне удалось подметить два факта и уста-

новить между ними очевидную связь, в самый последний момент было предотвращено второе убийство. Одна я не справилась бы с этим — уж слишком слаба физически. Мистер Рафиэль тоже не сделал бы это один — ведь он был калека. Но мы действовали сообща.

— Мне бы хотелось задать вам, мисс Марпл, еще один вопрос. Слово «Немезида»... что-то значит для вас?

– *Немезида...* — Мисс Марпл неожиданно улыбнулась. — Да, это слово кое-что значило для меня и для мистера Рафиэля. Однажды я назвала себя Немезидой, чем весьма позабавила его.

Мистер Бродрибб ожидал чего угодно, но только не этого. Он посмотрел на мисс Марпл с таким же удивлением, как когда-то мистер Рафиэль в спальне отеля на Карибском побережье. Милая и умная старая леди — да. Но Немезида!..

— Не сомневаюсь, вы чувствуете то же, что и он тогда. — Мисс Марпл поднялась. — Если у вас появится что-то новое по этому делу, мистер Бродрибб, дайте мне знать. Меня не слишком удивит, если что-либо *подобное* произойдет. А пока я совершенно не понимаю, чего именно хотел от меня мистер Рафиэль.

— Вы незнакомы с его семьей, друзьями?..

— Нет. Я ведь вам уже говорила. Он отдыхал за границей, в незнакомой ему части света. Мы стали чем-то вроде союзников в расследовании одного очень загадочного дела. Вот и все. — Сделав пару шагов к двери, мисс Марпл внезапно обернулась: — У него была секретарша, миссис Эстер Волтерс. Не сочтете ли вы некорректным, если я спрошу: оставил ли ей мистер Рафиэль пятьдесят тысяч фунтов?

— Его завещание будет опубликовано в газетах, но на ваш вопрос я могу ответить утвердительно. Кстати, теперь миссис Волтерс зовут миссис Андерсон. Она вновь вышла замуж.

— Приятно слышать. Ведь она была вдовой с дочкой на руках и, кажется, хорошей секретаршей. Она отлично понимала мистера Рафиэля. Милая женщина. Я рада, что патрон облагодетельствовал ее.

Вечером мисс Марпл сидела в своем кресле с прямой спинкой, вытянув ноги к камину, — холодный антициклон, как всегда, внезапно нагрянул на Англию. Она снова достала из продолговатого конверта документ, полученный утром. До сих пор не веря своим глазам, пожилая леди тихо читала текст, словно пытаясь запечатлеть его в памяти:

«Мисс Джейн Марпл,
жительнице деревни Сент-Мэри-Мид.

Это письмо вручит вам после моей смерти мой адвокат Джеймс Бродрибб. Наняв этого человека, я поручил ему вести мои частные дела, не касающиеся бизнеса. По-моему, он юрист, достойный доверия, хотя, как и большая часть человечества, грешит любопытством. Но я не пожелал удовлетворить его. В известной мере все это останется между вами и мной. Наш пароль, моя дорогая леди, – «Немезида». Едва ли вы забудете, где и при каких обстоятельствах впервые сказали мне это слово. Долгая жизнь и занятия бизнесом убедили меня в том, что у нужного мне человека должно быть

особое качество – нюх.

А вы, моя дорогая, если позволите мне так называть вас, обладаете врожденным чувством справедливости, и этим обусловлено ваше особое чутье в расследовании преступлений. Желая, чтобы вы расследовали одно преступление, я распорядился, чтобы вам передали определенную сумму, если его удастся раскрыть. На это я даю вам год. Вы уже не молоды, но еще, если так можно выразиться, крепки телом и душой. Верю, что Господь сохранит вам жизнь по крайней мере еще на год.

Надеюсь, дело, которым вы займетесь, не внушит вам отвращения. Смею утверждать, что вы – истинный гений сыска. Это расследование повлечет за собой кое-какие расходы, и по мере необходимости эти средства, которые я называю «рабочим капиталом», будут вам предоставлены. Мое предложение – альтернатива тому образу жизни, который вы сейчас ведете.

Я представляю, как вы сидите в удобном кресле, избавляющем вас от ревмати-

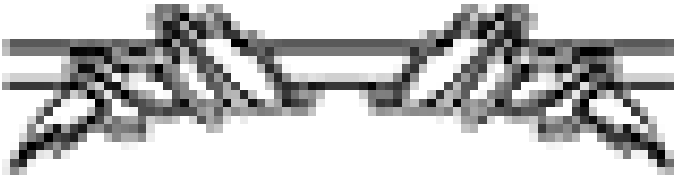
ческих болей. Полагаю, все, кто достиг вашего возраста, страдают от той или иной формы ревматизма. Если у вас поражены колени или спина, вам уже нелегко передвигаться, и большую часть времени вы проводите за вязанием. Я вижу вас так же ярко, как и в ту ночь, когда вы разбудили меня. Тогда на вас было что-то связанное из розовой шерсти.

Я представляю, как вы вяжете кофточки, шарфы и другие вещи, названия которых мне даже неизвестны. Если вы предпочтете заниматься вязанием, что ж, это ваш выбор. Если же решите послужить делу справедливости, надеюсь, оно заинтересует вас.

...Людские суждения как ручейки,

А правда среди них как многоводный поток.

Аминь!»



Глава 3

МИСС МАРПЛ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

I

Трижды прочитав письмо, мисс Марпл отложила его, чуть нахмурилась и погрузилась в размышления.

Ее удивило, что в письме содержалось так мало полезной информации. Может, она еще получит дополнительные сведения от мистера

Бродрибба? Едва ли. Это явно не соотносилось с планом мистера Рафиэля. «И все же, — подумала мисс Марпл, — с чего, черт побери, мистер Рафиэль взял, что я возьмусь за дело, практически ничего не зная о нем? Очень интересно!» По зрелом размышлении она решила, что именно в этом и состоял план мистера Рафиэля — заинтриговать ее. Мысли мисс Марпл вернулись к мистеру Рафиэлю и кратковременному общению с ним. Она вспомнила его немощность, вспыльчивость, проявления блистательного ума и своеобразный юмор. Да, он, несомненно, испытывал удовольствие, подшучивая над людьми, и подтверждение тому — это письмо. Мистер Рафиэль хотел сбить с толку мистера Бродрибба и возбудить его любопытство.

В письме не было и намека на то, каким именно делом ей предстоит заняться, так что оно ничего не подскажет.

«Очевидно, это и входило в планы мистера Рафиэля, — подумала мисс Марпл, — но как же тогда догадаться, что он задумал? Нельзя же начинать действовать совершенно вслепую... Это все равно что разгадывать кроссворд, не имея ключа. *Но ключ должен быть!* Мне *необходимо* узнать, что нужно сделать: отправиться ли куда-то или

остаться здесь, в Сент-Мэри-Мид, и попытаться, сидя в кресле и отложив вязанье, разрешить загадку. А может, мистер Рафиэль хотел, чтобы я села на самолет или на пароход, пересекла океан, добралась до Вест-Индии или Южной Америки? Интересно, придется ли самой выяснить, чего от меня ожидают, или мне все же дадут какие-то инструкции? А вдруг мистер Рафиэль решил, будто я настолько умна, что справлюсь со всем сама? *Нет, вряд ли!»*

— Если он так думал, — проговорила мисс Марпл, — значит, все-таки впал в детство перед смертью.

Впрочем, сама она в это не верила.

— Я непременно получу инструкции, — размышляла вслух мисс Марпл. — Но какие и когда?

И только тут до нее внезапно дошло, что она, сама того не заметив, уже приняла предложение мистера Рафиэля. И старушка снова заговорила:

— Я верю в вечную жизнь. Не знаю, конечно, где вы находитесь, мистер Рафиэль, но не сомневаюсь, что *где-то* вы обитаете... и я постараюсь исполнить ваши желания.

II

Через три дня мисс Марпл написала мистеру Бродриббу очень короткое письмо:

«Дорогой мистер Бродрибб!

Обдумав предложение, сделанное вами от имени покойного мистера Рафиэля, я хочу сообщить вам, что принимаю его. Я сделаю все возможное, чтобы выполнить волю мистера Рафиэля, хотя и не уверена в успехе. Мои сомнения вызваны тем, что я не получила в письме ни прямых указаний, ни каких-либо косвенных. Если вы располагаете дополнительными разъяснениями мистера Рафиэля, буду счастлива узнать о них. Однако полагаю, что у вас их нет, поскольку вы до сих пор не проинформировали меня.

Надеясь, что мистер Рафиэль был в здравом уме до самой кончины, я все же считаю себя вправе задать такой вопрос: не интересовался ли он в последние месяцы каким-нибудь уголовным делом, имеющим отношение к его частной жизни или к бизнесу? Не выражал ли

негодования или неудовольствия по поводу какой-то возмутившей его судебной ошибки? Если что-то подобное было, думаю, у меня есть основания просить вас сообщить мне об этом. Не стал ли кто-нибудь из его родственников или близких жертвой несправедливого приговора или чего-то подобного?

Уверена, вам понятны причины, побудившие меня задать вам такие вопросы. Вероятно, и мистер Рафиэль ожидал, что я сделаю это».

III

Когда мистер Бродрибб показал это письмо мистеру Шустеру, тот, откинувшись на спинку кресла, присвистнул:

— Так она решила заняться этим делом, не так ли? Неугомонная старушка! Полагаю, она знает что-то об этом деле, верно?

— По-видимому, нет.

— Жаль, что и мы не знаем! — вздохнул мистер Шустер. — Странным он был человеком.

— Трудным, — уточнил мистер Бродрибб.

— Не имею ни малейшего представления о сущности этого дела. А вы?

— Я тоже. Видимо, именно этого он и хотел.

— Ну, мистер Рафиэль только еще больше все усложнил. И вообразить не могу, чтобы какая-то провинциальная старушка — божий одуванчик догадалась, чего хотел покойный и какие фантазии будоражили его мозг. А что, если он просто решил подурачиться, пошутить над нами всеми? Возможно, полагая, что эта старушка считает себя гением в разгадывании деревенских загадок, он решил проучить ее?..

— Нет, — возразил мистер Бродрибб. — Едва ли. Рафиэль был не из таких.

— Но порой он был просто несносен.

— Да, однако... мне кажется, в этом деле все серьезно. *Что-то* беспокоило Рафиэля. Черт возьми, я совершенно уверен: что-то беспокоило его.

— И он не сказал вам, что именно беспокоило его, даже не намекнул?

— Нет.

— Тогда какого черта ожидать... — Шустер вдруг умолк.

— Вряд ли он надеялся на успех. Вот и я думаю: как же старушка разберется во всем?

— А по-моему, это просто глупая шутка.

— Двадцать тысяч фунтов — не шутка!

— Да, но понимал ли он, что это ей не по си-

лам?

— Нет, — ответил мистер Бродрибб. — Тогда это было бы не по-джентльменски, и мистер Рафиэль никогда бы не пошел на такое. Он, наверное, считал, что у нее есть шанс выяснить, в чем заключается задание, и выполнить его.

— А что делать нам?

— Ждать, — ответил мистер Бродрибб. — Ждать развития событий. В конце концов, не будет же все стоять на месте!

— У вас наверняка где-то спрятан запечатанный конверт с другими распоряжениями, верно?

— Мой дорогой друг, мистер Рафиэль полностью полагался на мою порядочность и знал, что я умею хранить тайны. Эти запечатанные конверты предстоит вскрыть только при определенных обстоятельствах, но ни одно из них пока не возникло.

— И никогда не возникнет.

На этом дискуссия закончилась.

IV

Мистеру Бродриббу и мистеру Шустеру повезло: все свои силы и время они отдавали любимому делу. Мисс Марпл повезло меньше. Теперь она лишь вязала, размышляя о прожитой жизни, и

выходила на прогулки, несмотря на периодические возражения Черри.

— Вы ведь слышали, что говорит доктор? Вы не должны так себя утруждать.

— Я хожу очень медленно, — заметила мисс Марпл, — и ничего больше не делаю: то есть не копаю и не вырываю сорняки. Я лишь... ну просто переставляю ноги и при этом думаю о разных вещах.

— Каких? — заинтересовалась Черри.

— Ах, кабы знать! — загадочно ответила мисс Марпл и попросила Черри принести еще один шарф, поскольку поднялся холодный ветер.

— Чем же она так озабочена, вот что мне бы хотелось выяснить, — сказала Черри мужу, поставив перед ним тарелку с рисом и куриными почками. — Китайское блюдо, — пояснила она.

Ее муж одобрительно кивнул:

— С каждым днем ты готовишь все лучше.

— Я беспокоюсь о ней, — сказала Черри. — Беспокоюсь, потому что она чем-то встревожена. Она постоянно думает о каком-то письме.

— Ей нужно одно — спокойно посидеть, взять новые книжки из библиотеки или пригласить к себе друзей.

— Она все время напряженно размышляет, —

продолжала Черри. — Вынашивает какой-то план. Да, что-то замышляет, ей-богу!

Внезапно оборвав разговор о мисс Марпл, Черри взяла поднос с кофе, поднялась в комнату старушки и поставила его на столик.

— Вы знаете женщину по имени миссис Хастингс, которая живет в новом доме неподалеку отсюда? — спросила мисс Марпл. — И с ней, кажется, живет некая мисс Бартлетт...

— Вы о том доме в конце деревни, что полностью перестроили и отремонтировали? Новые хозяева въехали в него совсем недавно. Я не знаю, как их зовут. А почему вы заинтересовались ими? В них нет ничего такого.

— Кстати, они не родственницы?

— Нет.

— Почему же тогда... — начала было мисс Марпл, но вдруг замолчала.

— Что «почему тогда»?

— Ничего. Пожалуйста, уберите все с письменного стола и дайте мне ручку и писчую бумагу. Я хочу написать письмо.

— Кому? — полюбопытствовала Черри.

— Сестре одного каноника, — ответила мисс Марпл. — Его зовут Прескотт.

— Не тот ли это священник, с которым вы

встречались за границей, в Вест-Индии? Вы показывали мне его фотографию в альбоме.

— Да.

— Вас ничего не беспокоит? А то с чего бы это вдруг вы вздумали написать священнику...

— О, я чувствую себя превосходно, — отозвалась мисс Марпл. — Просто мне очень хочется заняться одним делом, и я решила обратиться за помощью к мисс Прескотт.

«Дорогая мисс Прескотт! – *начала писать мисс Марпл.* – Уповаю на то, что вы еще не забыли меня. Я познакомилась с вами и вашим братом в Вест-Индии, если помните, в Сент-Оноре́. Надеюсь, наш дорогой каноник чувствует себя хорошо и не слишком страдал от астмы в прошлую холодную зиму.

Не окажете ли мне любезность и не сообщите ли адрес миссис Волтерс – Эстер Волтерс. Полагаю, вы помните ее по тем дням, что провели на Карибском побережье. Она была секретаршей мистера Рафиэля. Тогда миссис Волтерс дала мне свой адрес, но, к сожалению, я потеряла его. Мне очень хочется написать ей

письмо, поскольку у меня есть кое-какие интересные для нее сведения по садоводству. В ту пору она спрашивала меня об этом, но тогда я не смогла ответить ей. До меня дошли слухи, что миссис Волтерс снова вышла замуж, впрочем, тот, от кого я узнала это, едва ли хорошо информирован. Возможно, вы слышали о ней больше.

Надеюсь, моя просьба не слишком обременит вас. Передайте мой нижайший поклон вашему брату.

С наилучшими пожеланиями, искренне ваша

Джейн Марпл».

Отправив письмо, мисс Марпл приободрилась.

— По крайней мере, — сказала она себе, — я хоть что-то начала делать. Не стоит тешить себя надеждами, но вдруг что-нибудь да получится.

Энергичная мисс Прескотт ответила быстро.

«Сама я не получала никаких вестей от Эстер Волтерс, но, как и вы, слышала о ней. Один из моих знакомых прочитал в газете о том, что она снова вышла замуж. Теперь ее фамилия, кажется, мис-

сис Алдерсон или Андерсон. Адрес же – «Винслоу-Лодж», неподалеку от Альтона, графство Хэмпшир. Брат просил передать вам лучшие пожелания. Как грустно, что нас разделяет такое расстояние: мы живем на севере Англии, а вы – южнее Лондона. Надеюсь, что мы все же еще увидимся.

Искренне ваша

Джоан Прескотт».

— «Винслоу-Лодж», Альтон, — пробормотала мисс Марпл. — Не так уж далеко отсюда. Не так уж далеко! Пожалуй... Не знаю, может, и в самом деле поступить именно так... взять такси. Несколько экстравагантно, но, даже если эта поездка ничего не даст, мне все равно возместят расходы. Но стоит ли предупредить ее заранее или же приехать без предупреждения? Бедная Эстер. Вряд ли она вспоминает меня с любовью.

Мисс Марпл погрузилась в воспоминания. «Неужели, — подумала она, — я спасла жизнь этой женщины там, на Карибском побережье, лишь затем, чтобы в ближайшем будущем ей опять угрожала смертельная опасность?»

Во всяком случае, так рассуждала мисс Марпл,

но едва ли это приходило в голову самой Эстер Волтерс.

— Замечательная женщина, — продолжала уже вслух мисс Марпл, — такая милая! Из тех, кто скоропалительно выходит замуж, но брак всегда оказывается неудачным. По правде говоря, мужья таких женщин обычно и становятся убийцами. Я все еще считаю, — пожилая леди понизила голос, — что все же спасла ей жизнь. Да, я почти уверена в этом, но сомневаюсь, что она с этим согласна. Миссис Волтерс, вероятно, недолюбливает меня. Поэтому мне будет трудно использовать ее как источник информации. Что ж, попытка не пытка! Уж лучше это, чем сидеть и ждать, ждать, ждать...

«Неужели мистер Рафиэль и в самом деле решил подшутить надо мной, написав это письмо? Особой добротой к людям он, конечно, не отличался — порой ему было наплевать на чувства других!»

— Во всяком случае, — вслух произнесла мисс Марпл, глядя на стенные часы и размышляя, не пора ли ложиться спать, — когда задумываешься о чем-то перед сном, довольно часто во сне приходит ответ на вопрос. Как знать, может, это сработает?

V

— Хорошо спали? — спросила Черри рано утром, поставив на столик рядом с постелью мисс Марпл поднос с чаем.

— Мне приснился весьма странный сон.

— Кошмар?

— Нет, нет, ничего подобного. Я беседовала с кем-то, кого почти не знала. Просто беседовала. Потом, подняв глаза, увидела, что это не та особа, с которой я разговаривала, а кто-то другой. Очень странно.

— Все смешалось, — услужливо заключила Черри.

— Это кое о чем мне напомнило, вернее, о ком-то, кого я когда-то знала. Пусть мистер Инч приедет сюда в половине двенадцатого.

Инч был частью прошлого мисс Марпл. Сам мистер Инч, первоначальный владелец кэба, умер. Его успешно заменил сын — «юный Инч», которому в ту пору было сорок четыре. Превратив конюшню в гараж, он купил два старых автомобиля. После его кончины здесь были «Машины Пипа», «Такси Джеймса» и «Автомобиль Артура», но старые обитатели по-прежнему пользовались фамилией Инч.

— Уж не в Лондон ли вы собрались?

— Нет, не в Лондон. Пообедаю я, наверное, в Хаслмире.

— Что вы задумали? — Черри насторожилась.

— Хочу нагрянуть без предупреждения к одной моей знакомой, сделав вид, будто совершенно случайно оказалась в тех краях. Сделать это не так-то просто, но, надеюсь, мне удастся.

В половине двенадцатого такси остановилось у двери.

— Пожалуйста, позвони вот по этому номеру, Черри, — попросила мисс Марпл, — и спроси, дома ли миссис Андерсон. Если трубку возьмет она сама или ее позовут к телефону, скажи, что ты секретарша мистера Бродрибба, который хочет поговорить с ней. Если же миссис Андерсон дома не окажется, узнай, когда она вернется.

— А если она мне ответит?

— Спроси, в какой день на следующей неделе миссис Андерсон сможет приехать в Лондон и встретиться с мистером Бродриббом в его конторе. Хорошенько запомни ее ответ.

— И чего вы только не придумаете?! Зачем все это нужно? Почему вы хотите, чтобы именно *я* сделала это?

— Человеческая память устроена очень ин-

тересно, — заметила мисс Марпл. — Порой мы вспоминаем голос, хотя не слышали его много лет.

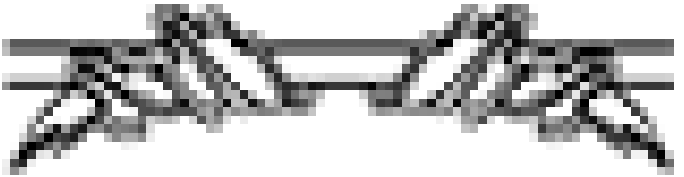
— Так ведь эта мисс... Как-там-ее... никогда не слышала мой голос!

— Конечно, вот поэтому именно *ты* и позвонишь ей.

Черри выполнила указания хозяйки. Миссис Андерсон дома не оказалось: она ушла за покупками, но вернется к обеду и пробудет дома весь день.

— Что ж, это намного упрощает дело, — с облегчением вздохнула мисс Марпл. — Такси уже здесь? О да! Доброе утро, Эдвард, — сказала она водителю, которого на самом деле звали Джорджем. — Пожалуйста, доставьте меня по этому адресу. Поездка займет не более полутора часов.

Экспедиция началась...



Глава 4

ЭСТЕР ВОЛТЕРС

Эстер Андерсон вышла из супермаркета и направилась к своей машине. «С каждым днем все труднее, — подумала она, — находить место для парковки». Столкнувшись в спешке с пожилой, чуть прихрамывающей леди, Эстер Андерсон начала было извиняться, но тут же услышала:

— О, кого я вижу! Неужели миссис Волтерс? Эстер Волтерс? Наверное, вы уже и не помните меня? Я Джейн Марпл. Мы познакомились в оте-

ле на острове Сент-Оноре́... года полтора назад.

— Мисс Марпл? Конечно же это вы! Какая неожиданная встреча!

— Очень рада видеть вас. Друзья пригласили меня на обед, это неподалеку отсюда, однако возвращаться я буду через Альтон. Застану ли я вас дома во второй половине дня? Мне бы очень хотелось поболтать с вами. Так приятно встретить старого друга.

— Конечно. В любое время после трех часов.

Это вполне устраивало пожилую леди.

— Подумать только, объявилась старая мисс Марпл, — пробормотала Эстер Андерсон и улыбнулась. — А я-то думала, что она давно умерла.

Мисс Марпл позвонила в дверь «Винслоу-Лодж» в половине четвертого. Эстер открыла дверь и провела старушку в дом.

Мисс Марпл уселась в кресло, предложенное хозяйкой, слегка дрожа. Пожилая леди изображала волнение, желая осуществить свой план.

— Как приятно встретиться с вами, — сказала она Эстер. — Знаете ли, я полагаю, что в нашем мире случается много странного. Вы надеетесь встретиться с кем-то еще раз, даже уверены в том, что это произойдет, но со временем, когда ваше желание осуществляется, оно оказывается для

вас полной неожиданностью.

— И кроме того, — заметила Эстер, — как говорится, мир тесен.

— Да, в этом что-то есть. Видите ли, *нам только представляется,* будто мир очень велик и что Вест-Индия страшно далеко от Англии. Ну, я имею в виду, что могла бы познакомиться с вами в любом месте земного шара. В Лондоне или на Гавайях. На железнодорожной станции или в автобусе. Масса вариантов.

— Да, масса вариантов, — согласилась Эстер. — Но я не предполагала встретить вас здесь, в Альтоне, поскольку вы живете не в этих краях.

— Верно, однако должна заметить, что отсюда не так уж далеко до Сент-Мэри-Мид, кажется, около двадцати пяти миль. Но, не имея машины (а я, разумеется, не могу позволить себе машину, тем более что и водить-то ее не умею), можно навещать на автобусе или на такси лишь тех, кто живет по соседству.

— Вы удивительно хорошо выглядите, — заметила Эстер.

— А я хотела сказать то же самое о *вас,* дорогая. Мне и в голову не приходило, что вы живете в этих краях.

— Я переехала сюда совсем недавно. После вто-

рого замужества.

— О, не знала. Как интересно. Полагаю, я пропустила эту новость, хотя всегда внимательно изучаю рубрику «Браки».

— Я замужем уже четыре или пять месяцев, — сказала Эстер. — Теперь моя фамилия Андерсон.

— Миссис Андерсон, — уточнила мисс Марпл. — Постараюсь запомнить. И кто же ваш муж?

«Ей показалось бы странным, — подумала она, — если бы я не спросила о муже, — ведь старые девы так любопытны!»

— Он инженер, — ответила Эстер. — Возглавляет отдел в управлении местной железной дороги. И он... — Тут она несколько замешкалась. — Чуть моложе меня.

— И это очень хорошо, — тут же откликнулась мисс Марпл. — Просто великолепно. В наши дни мужчины стареют куда раньше, чем женщины. Да, знаю, знаю, прежде об этом не говорили, но ведь так оно и есть. Я хочу сказать, что они слишком многое берут на себя, всегда озабочены, перегружены работой. В результате у них нелады с кровяным давлением, временами боли в сердце. Они также весьма склонны к гастритам. По-моему, мы, женщины, относимся ко всему куда спокойнее. Полагаю, сильный пол — это

именно мы.

— Возможно.

Теперь Эстер улыбалась мисс Марпл, и старушка почувствовала себя увереннее. Когда она в последний раз видела Эстер, та смотрела на нее с ненавистью, которую, вероятно, и испытывала в тот момент. Но сейчас, пожалуй, она ощущает что-то вроде благодарности. Пожалуй, даже осознала, что могла бы сейчас лежать под могильным постаментом на кладбище, а не жить счастливо с мистером Андерсоном.

— Вы прекрасно выглядите, — заметила мисс Марпл, — и кажетесь очень жизнерадостной.

— Как и вы, мисс Марпл.

— Ну уж нет, я сильно постарела. В этом возрасте появляется много недугов. Ничего страшного, конечно, но мучает ревматизм, где-то что-то болит. Ноги уже не те, что хотелось бы. И уже не удивляешься, когда ноют руки, плечи или спина. Но, дорогая моя, не стоит говорить об этом. А какой прелестный и уютный у вас дом!

— Мы поселились в нем совсем недавно, четыре месяца назад.

Оглядевшись, мисс Марпл решила, что сейчас настал подходящий момент. Она также подумала, что, переехав сюда, они достигли респектабель-

ности. Дорогая, удобная мебель, можно сказать, роскошная. Хорошие занавески и чехлы на креслах. Правда, нет особого художественного вкуса, но этого и не следовало ожидать. Мисс Марпл догадывалась, что источник этого благополучия — наследство, полученное Эстер по завещанию мистера Рафиэля. Хорошо, что он не изменил своих намерений.

— Полагаю, вы видели сообщение о смерти мистера Рафиэля, — сказала Эстер, словно прочитав мысли своей собеседницы.

— Видела. Примерно месяц назад, не так ли? Очень жаль. Это весьма огорчило меня, хотя... полагаю, все знали, что конец близок, да и сам он почти примирился с этим. По-моему, мистер Рафиэль был исключительно смелым человеком и мужественно боролся со своим недугом, не так ли?

— Да, он был храбрым человеком, — согласилась Эстер. — Когда я начала работать на него, он сказал, что будет платить мне приличное жалованье, но посоветовал кое-что откладывать на будущее, поскольку на большее рассчитывать не приходится. Уж *чего-чего,* а таких надежд я, разумеется, с ним не связывала. Вообще, мистер Рафиэль был человеком слова, не так ли? Но,

видимо, на этот раз он изменил свое решение.

— Да, и я очень рада за вас. Признаюсь, мне приходило в голову... а вдруг... хотя я никогда не слышала от него ничего такого.

— Он оставил мне очень большое состояние, огромную сумму, и это было для меня полной неожиданностью. Сначала мне даже не верилось.

— Полагаю, именно этого и хотел мистер Рафиэль, которому нравилось удивлять людей. А не оставил ли он чего-нибудь своему... забыла, как его зовут... массажисту?

— Вы имеете в виду Джексона? Нет, ему он ничего не оставил, хотя, вероятно, все же сделал несколько дорогих подарков перед смертью.

— А давно вы видели Джексона?

— Кажется, я встречалась с ним после того, как мы покинули острова. Вернувшись в Англию, он ушел от мистера Рафиэля, и, если не ошибаюсь, ему предложил работу какой-то лорд то ли в Джерси, то ли в Гернси.

— Жаль, что не пришлось больше встретиться с мистером Рафиэлем, — вздохнула мисс Марпл. — Это кажется странным после того, что мы — я, он, вы и другие — пережили вместе. Уже дома, месяцев через шесть, я вдруг подумала, какие

тесные узы связали нас тогда. И все-таки я мало знала мистера Рафиэля! Да и вспомнила о нем, лишь прочитав сообщение о его смерти. Мне бы хотелось узнать о нем побольше. Где он появился на свет, кто его родители. Были ли у него дети, племянники, кузены, ну хоть какая-то родня. Я, видите ли, очень любопытна.

Эстер Андерсон слегка улыбнулась. Она смотрела на мисс Марпл, словно говоря: «Не сомневаюсь, что вы всегда хотите знать все о любом своем знакомом». Однако она ограничилась словами:

– *Все знали о нем лишь то...*

— Что он очень богат. Вы ведь это хотели сказать, верно? Зная, что человек очень богат, вы уже не расспрашиваете о нем, то есть не *пытаетесь* узнать о нем больше. И, говоря: «Он очень богат» или «Он невероятно богат», невольно понижаешь голос — дух захватывает оттого, что ты знаком с настоящим Крезом!

Эстер снова слегка улыбнулась.

— Кажется, он не был женат? — продолжала мисс Марпл. — Он никогда не упоминал о своей жене.

— Он овдовел много лет назад. Они прожили вместе недолго. Видимо, жена была намного моложе его... и, кажется, умерла от рака. Очень

печально.

— А дети у него были?

— Да, две дочери и сын. Одна дочь замужем и живет в Америке. Другая, кажется, умерла молодой. С первой я как-то встречалась. Она совсем не похожа на отца. Тихая, забитая молодая женщина. Мистер Рафиэль никогда не говорил о своем сыне. По-моему, у него были с ним какие-то проблемы. Скандал или что-то в этом роде. Кажется, он умер несколько лет назад. Во всяком случае, отец никогда не упоминал о нем.

— Боже мой! Какая грустная история!

— Думаю, это случилось довольно давно. Он отправился за границу и уже не вернулся. Скончался на чужбине.

— Мистер Рафиэль очень горевал?

— Кто знает? — пожала плечами Эстер. — Мистер Рафиэль был не из тех, кто способен переживать утраты. Если бы он решил, что у него недостойный сын, обуза, а не благословение, он порвал бы с ним. Выполнял бы, конечно, свой отцовский долг, посылал бы ему деньги, но никогда не вспоминал бы о нем.

— Поразительно! Неужели мистер Рафиэль совсем не говорил о нем?

— Если помните, он был из тех, кто никогда не

говорит о своих чувствах и личной жизни.

— Вы правы. Но я полагала, что, поскольку вы многие годы работали у него, может, он делился с вами своими проблемами.

— О нет, он был не из тех. К тому же сомневаюсь, что у него вообще были проблемы. Для мистера Рафиэля существовал только бизнес, который заменил ему сына и дочь. Работа доставляла мистеру Рафиэлю наслаждение — он вкладывал деньги в различные предприятия, приумножал доходы, составлял хитроумные планы.

«Не называй человека счастливым, пока он жив...» — подумала мисс Марпл и повторила про себя эти слова, как заклинание.

— Так, значит, ничто не беспокоило его перед смертью?

— Нет. С чего вы взяли? — удивилась Эстер.

— Просто я сомневаюсь в этом. Когда человек стареет, прикован к постели и не способен делать то, что прежде, у него появляются причины для волнений, тревожные мысли невольно *одолевают* его.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, но едва ли это относится к мистеру Рафиэлю. Кроме того, — добавила Эстер, — некоторое время назад я ушла от него — месяца через два или три после того,

как познакомилась с Эдмундом.

— Ах да, с вашим мужем. Мистера Рафиэля, должно быть, очень огорчил ваш уход.

— Едва ли. Подобные вещи не задевали его. Он тут же нанял другую секретаршу. Если бы она почему-то не устроила его, мистер Рафиэль отказался бы от ее услуг, мило поцеловал на прощанье руку и заплатил жалованье за пару месяцев вперед, после чего взял бы следующую. Так продолжалось бы до тех пор, пока он не нанял бы ту, которая ему нужна. Мистер Рафиэль не отличался особой чувствительностью.

— Да, хотя часто выходил из себя.

— Он получал от этого удовольствие, — заметила Эстер. — По-моему, это давало ему острые ощущения.

— Острые ощущения, — задумчиво повторила мисс Марпл. — А вы не замечали у мистера Рафиэля — я часто задавалась этим вопросом — какого-то особого интереса к криминалистике, то есть к ее изучению? Возможно, он...

— Вы имеете в виду то, что случилось на Карибах? — В голосе Эстер появились жесткие нотки.

Мисс Марпл усомнилась, стоит ли продолжать расспросы, однако так или иначе нужно было попытаться выудить у собеседницы хоть какие-то

полезные сведения.

— Нет, вовсе не из-за этого. Может, он впоследствии интересовался психологией преступлений. Или такими делами, в которых не восторжествовала справедливость... или... ну, впрочем... — С каждой минутой мисс Марпл говорила все неувереннее.

— С чего бы ему интересоваться этим? И прошу вас, давайте не возвращаться к тому ужасному случаю в Сент-Оноре́.

— Конечно, вы *совершенно правы.* Пожалуйста, извините меня. Просто я вспомнила кое-что из того, о чем *упоминал* мистер Рафиэль. Иногда он говорил странные вещи, и мне показалось, что у него, возможно, была какая-то теория... по поводу причин преступления.

— Его интересовало лишь то, что связано с финансами. Какая-то хитроумная и искусно выполненная афера могла бы привлечь внимание мистера Рафиэля, но не более того. — Эстер холодно посмотрела на собеседницу.

— Простите, — пробормотала мисс Марпл. — Мне... мне не следовало вспоминать об этих неприятных событиях. К счастью, они остались в прошлом. Ну а мне пора, — добавила она. — Иначе опоздаю на поезд. О боже, куда я задевала свою

сумочку? Ах, да вот же она!

Пожилая леди взяла сумочку и зонтик с такой забавной суетливостью, что напряженность исчезла.

Она уже направилась к двери, когда Эстер предложила ей выпить чаю.

— Спасибо, дорогая, но мне пора. Очень рада, что повидала вас. От всей души поздравляю вас и желаю счастья. Полагаю, вы не собираетесь искать работу?

— О нет! Хотя некоторые, устав от безделья, находят в работе интерес. Но я хочу насладиться праздной жизнью и деньгами, оставленными мне мистером Рафиэлем. Это было очень великодушно, и, полагаю, он желал, чтобы я... получала радость, даже тратя их на то, что сам он назвал бы «женскими глупостями», — на дорогие платья, косметику и прочее. Да, он назвал бы все это глупостями. Знаете, я была привязана к нему, — внезапно добавила Эстер. — Очень привязана. Думаю, дело в том, что он словно бросал мне вызов. С ним было трудно ужиться, и я радовалась, что мне это удается.

— Вы хорошо ладили с ним?

— Ну, не то чтобы идеально, но, пожалуй, его наши отношения устраивали.

Мисс Марпл засеменила по дороге. Один раз она обернулась и помахала рукой Эстер Андерсон, все еще стоявшей на пороге. Та помахала ей в ответ.

— Я думала, это как-то связано с ней или она что-то знает об этом, — пробормотала мисс Марпл. — Видимо, я ошиблась. Да, едва ли она хоть как-то замешана в это дело, *каково бы оно ни было.* О господи, кажется, мистер Рафиэль *переоценил* мои умственные способности. Должно быть, он предполагал, что я сложу воедино все фрагменты картины… вот только, какой картины? И что, интересно, мне делать теперь? — Пожилая леди покачала головой.

Да, следует хорошенько пораскинуть мозгами. Она могла отказаться от этого дела, но, раз уж приняла предложение, надо понять, что же это за дело. Впрочем, *можно и не пытаться,* а просто сидеть сложа руки и ждать каких-то указаний. Время от времени мисс Марпл закрывала глаза, чтобы отчетливее представить себе лицо мистера Рафиэля. Вот он сидит в саду гостиницы в Вест-Индии. Хмурое, недовольное выражение его лица изредка сменяется насмешливым. О чем же все-таки он думал, разрабатывая свой план? Что побудило мистера Рафиэля вовлечь ее в это дело, заставить принять предложение,

в сущности, почти принудить? Мистер Рафиэль желал, чтобы дело было сделано, и выбрал ее как исполнительницу. Но почему? Может, внезапно вспомнил о ней? Но с чего вдруг именно она пришла ему на ум?

Мысли ее вернулись к тому, что произошло в Сент-Оноре́. Возможно, какая-то проблема, тревожившая мистера Рафиэля перед смертью, заставила его вспомнить о путешествии в Вест-Индию? А что, если это каким-то образом связано с кем-то, кто тогда находился там и был участником событий или просто их свидетелем? Может, это и побудило его подумать о мисс Марпл? Есть ли во всем этом какое-то связующее звено? Если нет, почему же мистер Рафиэль вдруг вспомнил о ней? Неужели он полагал, что она хоть в каком-то смысле может быть полезна ему? Она уже пожилая, несколько сумасбродная, вполне обычная женщина, не очень сильная физически. И увы, не отличающаяся такой, как прежде, живостью ума. Что особенного нашел в ней мистер Рафиэль? Это оставалось загадкой для мисс Марпл. Может, он решил слегка *позабавиться?* В сущности, даже не пороге смерти мистер Рафиэль способен был выкинуть какую-нибудь шутку, свидетельствующую о его своеобразном чувстве юмора.

Кто бы рискнул отвергнуть предположение, что он решил напоследок устроить забавный розыгрыш?

— Но все же у меня *должно быть* какое-то особое свойство, — твердо сказала мисс Марпл. — Ведь не мог мистер Рафиэль, отправляясь в иной мир, насладиться собственной шуткой. *Что же это за свойство?* Какие из моих качеств способны принести *кому-то* пользу?

Мисс Марпл смиренно перебрала в уме свои достоинства. «Я любопытна, умею задавать вопросы. Благодаря моему возрасту это никого не удивляет. Возможно, в этом-то и дело. Да, не так уж трудно нанять частного детектива и поручить ему заняться расследованием, гораздо разумнее, чтобы за это взялась старая леди, привыкшая во все совать нос, всем интересоваться, словоохотливая, горящая желанием узнать что-нибудь новенькое. Всем это кажется вполне естественным».

— Старая сплетница, — пробормотала мисс Марпл. — Да, я вполне сойду за старую сплетницу. Повсюду их полным-полно, и все они одинаковы. Конечно, во мне нет ничего особенного, привлекающего внимание. Обычная, несколько сумасбродная старая леди. Какой великолепный

камуфляж! Боже мой, неужели именно это и соблазнило мистера Рафиэля и мои мысли идут в правильном направлении? Что ж, я неплохо *разбираюсь* в людях, то есть угадываю их суть, поскольку они частенько напоминают мне тех, кого я хорошо знаю. Я вижу их пороки и добродетели и понимаю, чего *они* стоят. Вот и все.

Она снова подумала о Сент-Оноре́ и об отеле «Золотая пальма». Пока что мисс Марпл предприняла лишь одну попытку найти связующее звено между прошлым и настоящим, нанеся визит Эстер Волтерс, но это ни к чему не привело. Никакого связующего звена она не нашла, не обнаружила даже намека на то, чего хотел мистер Рафиэль, попросив ее заняться делом, сущность которого до сих пор оставалась совершенно непонятной.

— Господи, до чего же вы утомительный человек, мистер Рафиэль! — с укором воскликнула мисс Марпл.

Однако позднее, улегшись в постель и приложив грелку к самому болезненному месту своей ревматической спины, она сказала:

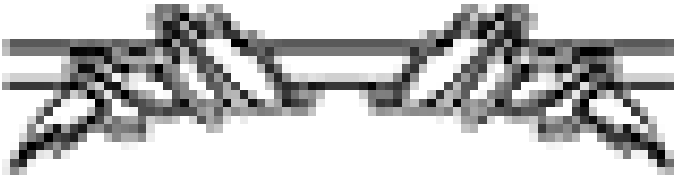
— Я старалась как могла! — И это прозвучало как оправдание.

Старушка словно обращалась к кому-то, незри-

мо присутствовавшему в спальне. Правда, мистер Рафиэль мог находиться где угодно, но, даже если между ними установилась бы телепатическая связь, мисс Марпл решила говорить напрямик:

— Я старалась как могла. Делала все, что зависит от меня, но возлагаю все надежды на *вас.*

Устроившись поудобнее, мисс Марпл протянула руку и выключила свет.



Глава 5

ИНСТРУКЦИИ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА

I

Дня через три-четыре прибыло письмо со второй почтой. Взяв в руки конверт, мисс Марпл, по обыкновению, рассмотрела его, перевернула, взглянула на марку и адрес, написанный от руки. Придя к заключению, что это не счет, она вскрыла конверт. Послание было напечатано на машинке.

«Дорогая мисс Марпл!

Когда вы получите это письмо, я буду уже покоиться в могиле. Надеюсь, меня не кремируют. Мне всегда казалось невероятным, что кто-то может восстать из бронзовой урны, в которой хранится его прах, и преследовать своего врага, если он хочет того! Между тем восстать из гроба, дабы осуществить подобную цель, представляется мне вполне возможным. Хочу ли я этого в самом деле? Кто знает! Не исключено, что я пожелаю телепатически связаться с вами.

К этому моменту мои поверенные уже должны были встретиться с вами и сделать вам определенное предложение. Надеюсь, вы его приняли. Если нет, не укоряйте себя. Ведь это ваш выбор.

Это письмо доставят к вам одиннадцатого числа, если мои поверенные сделали то, о чем я просил их, а почтальоны не пренебрегли своими обязанностями. Через два дня вы получите предложение от одного лондонского бюро путешествий. Надеюсь, оно придется вам по душе. Больше мне нечего сказать. Я хочу, чтобы вы

чувствовали себя свободной. Решайте все сами. По-моему, вам это удастся. Вы ведь очень проницательны. Желаю удачи, да поможет вам ваш ангел-хранитель. Без его помощи вам не обойтись.

Ваш преданный друг

Дж.Б.Рафиэль».

— Через два дня! — воскликнула мисс Марпл.

Эти два дня она сгорала от нетерпения. Почта не подвела, как и бюро путешествий «Знаменитые замки и парки Великобритании».

«Дорогая мисс Джейн Марпл!

Выполняя инструкции, данные нам покойным мистером Рафиэлем, мы посылаем вам программу экскурсии №37, которая отправляется из Лондона в следующий четверг, семнадцатого числа.

Если вы сможете приехать в наш офис в Лондоне, то миссис Сэндборн, которая будет сопровождать этот тур, ознакомит вас со всеми подробностями и ответит на все вопросы.

Продолжительность наших экскурсий – две-три недели. Данный тур, по мнению мистера Рафиэля, должен особенно заин-

тересовать вас, поскольку он проходит в той части Англии, которую, насколько ему известно, вы еще не посещали, а эти места славятся своей живописностью и великолепными садами. Мистер Рафиэль распорядился, чтобы вам предоставили полный комфорт и номер люкс.

Надеемся, вы дадите знать, в какой именно день вам удобно посетить наш офис на Беркли-стрит».

Записав номер телефона, мисс Марпл положила письмо в сумочку, потом позвонила двум приятельницам, одна из которых как-то ездила на экскурсию от «Знаменитых замков и парков Великобритании» и отзывалась об этом бюро в самых восторженных тонах. Вторая хотя и не ездила сама, но слышала от друзей, что отдых был организован великолепно — правда, довольно дорого, но не утомительно для людей пожилого возраста. Позвонив затем на Беркли-стрит, мисс Марпл сообщила, что приедет в офис в следующий четверг.

Назавтра она обсудила этот вопрос с Черри.

— Я собираюсь в туристическую поездку, Черри.

— Что?! За границу?

— Нет. По Англии. Хочу посмотреть памятники старины и парки.

— Думаете, это полезно в вашем возрасте? Такие поездки очень утомительны. Порой приходится пройти пешком несколько миль.

— Я вполне здорова, — возразила мисс Марпл. — И, насколько мне известно, устроители тура все предусмотрели, поэтому в интервалах между поездками люди моего возраста успевают отдохнуть.

— Ну что ж, будьте осмотрительны, я не хочу, чтобы у вас случился сердечный приступ, даже если в этот момент вы будете смотреть на необыкновенно красивый фонтан. Вы ведь уже не молоды, сами знаете. Прошу прощения, что говорю вам об этом, и не сочтите мои слова дерзостью, но я всегда опасаюсь, как бы вы не повредили себе, переоценив свои возможности.

— Я вполне способна позаботиться о себе! — с достоинством заметила мисс Марпл.

— Ладно, но будьте осторожны!

Собрав дорожную сумку, мисс Марпл отправилась в Лондон и заказала номер в самой скромной гостинице. «Ах, — подумала она, — каким замечательным был отель «Бертрам». Впрочем, лучше

забыть об этом, «Сент-Джордж» тоже неплох».

В назначенное время старушка явилась на Беркли-стрит. В офис ее провела приятная женщина лет тридцати пяти, которая сообщила, что ее зовут миссис Сэндборн и она будет сопровождать туристов.

— Значит ли это... что данная поездка для меня... — Мисс Марпл была в явном замешательстве.

Миссис Сэндборн заметила это и поспешила добавить:

— О, в письме к вам мне следовало объяснить, что мистер Рафиэль оплатил все расходы.

– *А вы знаете, что он умер?*

— Конечно, но этот вопрос был улажен до его смерти. Он сказал, что серьезно болен, но хочет приобрести туристическую путевку для своей давней приятельницы, которая не может позволить себе этого, хотя очень хотела бы.

II

Через два дня мисс Марпл, поручив чемодан заботам водителя, уселась со своей маленькой сумочкой в комфортабельный автобус, отправлявшийся из Лондона на северо-запад. Яркий проспект подробно рассказывал о предстоящем

туре, о распорядке каждого дня, а также сообщал полезную информацию об отелях, меню и достопримечательностях, которые предлагали посетить туристам, причем в отдельные дни они имели право выбрать одну из двух разных экскурсий. Проспект в самой деликатной форме пояснял, какая из них больше подходит для молодых, энергичных людей. Другую же рекомендовал особам пожилого возраста, страдающим ревматическими болями и артритами, поскольку для них предпочтительнее спокойно посидеть где-нибудь, чем пускаться в утомительные походы по горным тропам.

Изучив список туристов, мисс Марпл начала разглядывать попутчиков. Это не составляло труда, так как и другие пассажиры занимались тем же. Видимо, мисс Марпл не привлекла ничьего внимания.

Миссис Райзли-Портер
Мисс Джоанна Кроуфорд
Полковник Вокер с супругой
Мистер и миссис Х.Т.Батлер
Мисс Элизабет Темпл
Профессор Вонстед
Мистер Ричард Джеймсон

Мисс Ламли
Мисс Бентам
Мистер Каспар
Мисс Кук
Мисс Барроу
Мистер Эмлин Прайс
Мисс Джейн Марпл

Заметив в автобусе четырех пожилых леди, мисс Марпл первым делом сосредоточила внимание на них, чтобы более к ним не возвращаться. Две дамы лет семидесяти путешествовали вместе. С некоторой натяжкой их можно было назвать ее сверстницами. Одна определенно была из тех, кто постоянно ноет, старается сесть вперед в автобусе или, напротив, назад, садится на солнечную сторону или же заявляет, что переносит только теневую, утверждает, что любит свежий воздух или, напротив, боится сквозняков. Дамы закутались в пледы, шеи повязали шарфами и взяли с собой целый ворох путеводителей. Они, несомненно, не могли похвастать здоровьем, страдали от болей в ногах, спине и суставах, но, несмотря на возраст и недуги, хотели наслаждаться жизнью. Старые сплетницы, но уж точно *не из тех, что любят торчать дома.* Мисс Марпл

сделала пометки в маленькой записной книжке.

Пятнадцать пассажиров, не считая самой мисс Марпл и миссис Сэндборн. Поскольку эту путевку приобрели для нее специально, значит, один из пятнадцати путешественников представляет интерес. Это либо источник информации, либо лицо, связанное с делом, а возможно, даже убийца! Человек, уже совершивший преступление или намеревающийся его совершить. «Все может быть, поскольку идея принадлежит мистеру Рафиэлю, — подумала мисс Марпл. — Во всяком случае, мне следует понаблюдать за этими людьми».

Она решила записать в своей книжечке справа фамилии тех, кто, вероятно, привлек бы внимание мистера Рафиэля, а слева — тех, кто интересен для нее самой как источник информации, хотя эти люди, вероятно, даже не подозревают об этом. Да и откуда им знать о том, что сведения, которыми они располагают, имеют ценность для нее, мистера Рафиэля, полиции или Справедливости с большой буквы? А уж вечером, выяснив, нет ли среди пассажиров тех, с кем она встречалась прежде в Сент-Мэри-Мид или других местах, можно будет сделать в книжечке пару пометок. Совпадения порой оказывают неоценимые услу-

ги. Так уже нередко случалось.

Две другие пожилые леди путешествовали в одиночестве. На вид им обеим было около шестидесяти. Одна, элегантно одетая и неплохо сохранившаяся, явно занимала высокое положение в обществе. Говорила она громко и властно. Позднее выяснилось, что эту даму сопровождала племянница, девушка лет восемнадцати-девятнадцати, называющая ее тетей Джеральдиной. Мисс Марпл отметила, что племянница, очевидно, привыкла к властности тетки. Девушка была не только умна, но и весьма привлекательна.

Через проход от мисс Марпл сидел крупный джентльмен с квадратными плечами и столь топорного вида, что казалось, его сложил из кубиков, причем не слишком старательно, неопытный ребенок. Природа, вероятно, задумала наделить этого человека круглой физиономией, однако лицо его воспротивилось этому и решило выглядеть квадратным за счет мощной челюсти. Портрет джентльмена дополняли густые седые волосы и широкие кустистые брови, которые то взлетали, то опускались — в зависимости от того, что он говорил. Его манера произносить слова больше напоминала лай овчарки. Сидящий рядом с ним высокий смуглый иностранец

беспокойно ерзал и постоянно жестикулировал. Его чудовищный английский то и дело перемежался французскими или немецкими словами. Джентльмен с квадратными плечами, похоже, отлично понимал его тарабарщину и тоже переходил на французский или немецкий. Бросив на них еще один короткий взгляд, мисс Марпл решила, что мужчина с кустистыми бровями, наверное, профессор Вонстед, а возбужденный иностранец — мистер Каспар.

«Интересно, — подумала старушка, — что они так оживленно обсуждают?» Однако тарабарщина Каспара сбивала ее с толку.

Впереди них сидела дама лет шестидесяти, а то и больше, такая высокая, что выделялась бы в любой толпе, очень привлекательная, с темными, но уже тронутыми сединой волосами, стянутыми в узел, с высоким, красивым лбом и приятным, мелодичным голосом. «Да, — констатировала мисс Марпл, — эта дама, несомненно, личность и напоминает мне леди Эмили Волдрон». Дама, о которой она внезапно вспомнила, была профессором Оксфорда. Мисс Марпл встретила эту леди вместе с ее племянницей однажды в обществе, но образ Эмили Волдрон навсегда запечатлелся в ее памяти.

Снова оглядев пассажиров, мисс Марпл заметила две семейные пары: супруги-американцы среднего возраста, дружелюбные, болтушка жена и покладистый муж. Страстные любители путешествий и турпоездок, это она поняла сразу. Переведя взгляд на другую супружескую пару, англичан среднего возраста, мисс Марпл решительно записала в книжке, что это военный в отставке. Сверившись со списком, старушка опознала в них полковника Вокера и его жену.

Позади миссис Вокер сидел высокий худощавый мужчина лет тридцати. Его речь так изобиловала техническими терминами, что мисс Марпл приняла молодого человека за архитектора. Чуть впереди расположились две дамы среднего возраста. Они путешествовали вместе и, глядя в проспект, обсуждали, какой же маршрут им предпочесть. Одна из них была смуглая и стройная. Вторая же — полная блондинка — показалась мисс Марпл смутно знакомой. «Интересно, где же я ее видела?» Однако ей не удалось этого припомнить. Вполне возможно, на какой-нибудь вечеринке или в поезде. Да, во внешности этой дамы не было ничего примечательного.

Мисс Марпл не составила мнения лишь об одном пассажире, юноше лет девятнадцати-два-

дцати, одетом в соответствии с возрастом в узкие черные джинсы, потертый костюм и пурпурно-красный свитер. Копна его черных волос явно не привыкла к расческе. Юноша с интересом поглядывал на племянницу властолюбивой особы, а та, в свою очередь, на него. Хотя в основном пассажиры были среднего и пожилого возраста, среди них все же оказалось и двое *молодых.*

Пообедав в прелестном отеле на берегу красивой речки, туристы отправились во второй половине дня осматривать достопримечательности Бленхейма. Мисс Марпл уже дважды бывала здесь, поэтому, решив не переутомлять ноги, предпочла погулять по прекрасному парку, откуда открывались изумительные виды.

К моменту возвращения в отель, где туристам предстояло провести ночь, они уже познакомились друг с другом. Неутомимая и расторопная миссис Сэндборн не только рассказывала своим подопечным об исторических достопримечательностях, но, как умелая хозяйка, ловко создавала маленькие группы и, направляя туда одиноких туристов, говорила, например, что-то вроде: «*Непременно* расспросите полковника о его собственном саде. Он вырастил поразительную коллекцию фуксий». Такими умелыми напут-

ствиями она объединяла людей.

Теперь мисс Марпл могла назвать по фамилии каждого участника тура. Мужчина с кустистыми бровями действительно оказался профессором Вонстедом, а иностранец — мистером Каспаром. Властными манерами отличалась миссис Райзли-Портер. Ее племянницу звали Джоанна Кроуфорд. Она и Эмлин Прайс, юноша с пышной шевелюрой, уже успели выяснить, что их взгляды на жизнь во многом совпадают, особенно в том, что касается экономики и искусства. Оба испытывали отвращение к политике.

Две старушки-сплетницы, конечно, сразу же почуяли в мисс Марпл «свою» и начали шутливо обсуждать артриты, ревматизмы, диеты, новых докторов и лекарства — как запатентованные, так и народные средства и снадобья, приготовляемые знахарками и помогающие в тех случаях, когда медицина уже бессильна. Они перечисляли свои туристические поездки по Европе, отели, турагентства и наконец сообщили, что живут в графстве Сомерсет, где, как утверждали мисс Ламли и мисс Бентам, почти невозможно нанять приличного садовника.

Мисс Кук и мисс Барроу, дамы среднего возраста, путешествовали вместе. Мисс Марпл так и не

вспомнила, где видела прежде мисс Кук. Вполне возможно, это лишь фантазии. Пожалуй, скорее всего так оно и было, но мисс Марпл никак не удавалось преодолеть ощущение, что эти дамы избегают ее. Завидев старушку, они тотчас же удалялись. Впрочем, *возможно,* и это только плод ее воображения.

По крайней мере один из этих пятнадцати человек очень важен для нее. Вечером, в ходе беседы, мисс Марпл мимоходом упомянула мистера Рафиэля, желая посмотреть на реакцию окружающих, но никто и бровью не повел.

Красивая дама оказалась мисс Элизабет Темпл, в прошлом директрисой известной женской школы. Из всех присутствующих мисс Марпл могла заподозрить в причастности к убийству только мистера Каспара. Однако решила, что это продиктовано ее ксенофобией. Она выяснила также, что худощавый молодой человек — Ричард Джеймсон, архитектор.

— Надеюсь, завтра мне удастся разузнать побольше, — пробормотала мисс Марпл.

III

Мисс Марпл отправилась спать совершенно измотанной. Конечно, осматривать памятники

старины очень поучительно и приятно, но и весьма утомительно, особенно если при этом приходится наблюдать еще за многими людьми, подозревая, что кто-то из них, возможно, связан с убийством. Все это казалось мисс Марпл столь невероятным, что едва ли кто-нибудь отнесся бы к этому серьезно. Все туристы — такие милые люди, явно привыкшие путешествовать и находящие в этом удовольствие. Тем не менее, бросив еще один быстрый взгляд на список пассажиров, старушка сделала несколько пометок в своей записной книжке.

Миссис Райзли-Портер? Нет, она *не имеет* отношения к преступлению. Слишком занята собой и принадлежит к высшим слоям общества.

Ее племянница Джоанна Кроуфорд? Тоже не связана ни с чем таким? Девушка довольно бойкая.

Однако миссис Райзли-Портер, возможно, обладает сведениями, представляющими интерес. Пожалуй, стоит ближе познакомиться с ней.

Мисс Элизабет Темпл? Незаурядная и интересная особа, но у нее нет ничего общего ни с одним из убийц, известных мисс Марпл.

— Да, эта дама, — пробормотала старушка, — воплощение порядочности. *Если бы* она и решилась

кого-нибудь убить, то лишь из благородных побуждений или, по крайней мере, из таких, которые считала бы благородными.

Нет, это маловероятно. Мисс Темпл, — продолжала рассуждать она, — всегда отдает себе отчет в своих действиях. Ее не одолевают дурацкие фантазии о благородстве, когда в мире столько зла.

— И все-таки она *незаурядная личность*, — вставила мисс Марпл, — и мистер Рафиэль *мог* пожелать, чтобы я встретилась с ней, хотя почему именно, мне до сих пор непонятно.

Эти соображения мисс Марпл занесла в свою книжечку справа.

Потом ход ее мыслей принял иное направление. Она пытается найти убийцу... а что, если речь идет о жертве? Кто из ее спутников может оказаться жертвой? Как будто никто. Миссис Райзли-Портер?.. Богатая... и довольно неприятная особа. Ее бойкая племянница, став наследницей, устроит «государственный переворот» в семейном кругу Райзли-Портеров вместе с анархистом Эмлином Прайсом. А почему бы и нет? Но каковы же мотивы предполагаемого убийства?

Профессор Вонстед? Интересный мужчина, располагающий к себе. Кто он, ученый или врач? Мисс Марпл полагала, что ученый. В науке она

совсем не разбиралась, но знала точно, что на убийцу этот человек не похож.

Мистера и миссис Батлер старушка вычеркнула из списка. Приятные американцы. Никаких связей ни с кем из живущих в Вест-Индии, а уж тем более ни с кем из ее знакомых. Нет, Батлеры тут ни при чем.

Ричард Джеймсон, худощавый архитектор? Что ж, возможно, хотя мисс Марпл не видела, почему бы ему стать убийцей. Ниша в стене?[25] Вдруг в одном из замков, которые им предстоит посетить, есть ниша в стене, а в ней замурован скелет? И мистер Джеймсон, как архитектор, знает об этом. Тогда, чтобы обнаружить тайник, ему понадобится ее помощь, или же, напротив, она позовет его на помощь, и в этой нише они обнаружат труп... «О господи! — подумала мисс Марпл. — Что за чушь лезет мне в голову!»

Мисс Кук и мисс Барроу? Ничем не примечательные, обычные дамы. И все же я определенно видела одну из них раньше. И это точно мисс Кук. Ну ладно, я еще вспомню, где именно.

Полковник Вокер с женой? Славные люди. Отставной офицер, большую часть жизни провел за

---

[25] notes: 25

Потайная комната в церкви или замке, где укрывались католические священники во время преследования католиков.

границей. Приятный собеседник, однако едва ли представляет для меня какой-либо интерес.

Мисс Бентам и мисс Ламли? Этих старых сплетниц трудно вообразить преступницами, но, пожалуй, они знают множество слухов, обладают какой-то полезной информацией и могут что-нибудь сболтнуть, даже рассказывая о своих болячках, ревматизме и патентованных лекарствах.

Мистер Каспар? Подозрительный тип. Очень возбудимый. Пока что его фамилию следует занести в левый список.

Эмлин Прайс? Скорее всего, студент. А студенты решительны и склонны к насилию. Может, мистер Рафиэль купил мне путевку, чтобы я понаблюдала за этим студентом? Все зависит от того, натворил ли уже что-нибудь Эмлин Прайс или только собирается. Похоже, убежденный анархист.

— О господи! — Мисс Марпл внезапно почувствовала усталость. — *Пора* ложиться спать.

Ее ноги ныли от боли, да и соображала старушка уже не так быстро. Уснула она мгновенно и видела несколько снов.

В одном из них кустистые брови профессора Вонстеда вдруг отпали, потому что на самом

деле были не настоящими, а накладными. Мисс Марпл проснулась и, как это обычно случается, тотчас подумала, что все привидевшееся ей — реальность. «Конечно, — решила она. — *Конечно!*» Его фальшивые брови все объясняли. *Он — преступник.*

Потом с огорчением поняла, что это ровно ничего не объясняет.

Увы, после этого мисс Марпл уже не удалось сомкнуть глаз. Со вздохом она накинула халатик, подошла к креслу, достала записную книжку и принялась за работу.

> «Дело, за которое я взялась, – *начала писать мисс Марпл,* – определенно связано с каким-то преступлением. На это четко указывает письмо мистера Рафиэля. По его мнению, я обладаю врожденным чувством справедливости, а это влечет за собой чутье на преступления. Итак, тут не обошлось без преступления. Полагаю, это не шпионаж, не афера и не грабеж – ведь я никогда не занималась подобными делами и у меня нет навыков раскрывать их. Мистер Рафиэль знал обо мне лишь то, что успел разглядеть за то

время, которое мы провели в Сент-Оноре́. И объединяло нас там убийство. Мое внимание никогда не привлекали убийства, о расследовании которых подробно писала пресса. Я никогда не читала книг по криминологии и, в сущности, не интересовалась подобными вещами. Однако получалось так, что я вдруг оказывалась (куда чаще других) поблизости от места преступления. Я много размышляла об убийствах, имевших отношение к моим друзьям или знакомым. Боюсь, то, что люди называют забавными совпадениями, всегда предопределено. Так, помнится, одна из моих тетушек пять раз попадала в кораблекрушение. У меня есть приятельница, которую я называю «мисс Авария». Несколько моих друзей отказываются садиться вместе с ней в такси. Она пережила пять автомобильных и две железнодорожные катастрофы. Да, кажется, что подобные вещи происходят с людьми без видимых причин. Не хочется это записывать, но, похоже, поблизости от меня постоянно совершаются убийства (слава богу, не я их жертва!)».

Мисс Марпл остановилась, переменила позу, подложила подушку под спину и продолжила:

«Я должна с жесткой логикой оценить дело, за которое взялась. Данные мне указания, или «инструкции», как называют их мои флотские друзья, пока что явно недостаточны. Более того, их просто нет. Поэтому мне следует задать себе один очевидный вопрос: в чем суть моего задания? Ответ: я не знаю. Необычная и интригующая ситуация. Для столь удачливого бизнесмена и финансиста, как мистер Рафиэль, странный способ давать поручение. Видимо, он надеялся, что я обо всем догадаюсь благодаря интуиции, наблюдательности и умению выполнять полученные указания, даже если они облечены в форму намеков.

Итак... Пункт 1. Указания я получу. Указания покойника. Пункт 2. То, во что меня вовлекли, связано с проблемой справедливости. Мне придется либо восстановить ее, если она попрана, либо предотвратить преступление, предав негодяя в руки закона. На это указывает

пароль «Немезида», сообщенный мне мистером Рафиэлем.

После того как мне смутно изложили суть дела, я получила первое настоящее указание. Перед смертью мистер Рафиэль приобрел для меня путевку на маршрут №37 турагентства «Знаменитые замки и парки Великобритании». Зачем? Вот о чем я должна спросить себя. Неужели дело в тех местах, по которым пролегает маршрут? Какую связь или какой ключ можно обнаружить в этом? Что имел в виду мистер Рафиэль – знаменитый замок? или парк? Нет, едва ли. Куда разумнее искать объяснение в человеческом факторе – участниках экскурсии. Ни с кем из них я лично не знакома, но один из этих людей связан с загадкой, которую мне предстоит разрешить. Кто-то из членов группы замешан в убийстве или участвовал в нем. Кто-то располагает информацией о жертве преступления, связан с ней или же сам потенциальный убийца, пока еще не разоблаченный».

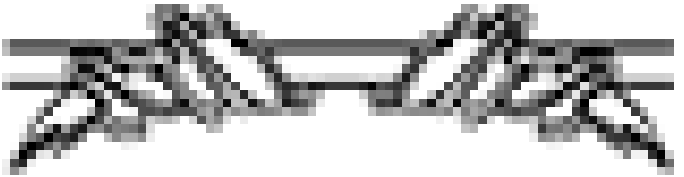
Мисс Марпл внезапно остановилась и кивнула,

удовлетворенная тем, что ее анализ зашел так далеко.

Все, теперь спать!

Напоследок мисс Марпл написала еще одну строку:

«На этом первый день завершился».



Глава 6

ЛЮБОВЬ

На следующее утро она посетила небольшую усадьбу времен королевы Анны. Поездка была не слишком долгой и утомительной. Особняк оказался на редкость красивым, а его история — столь же чарующей, как великолепный приусадебный парк.

Ричард Джеймсон, архитектор, без устали восхищался мастерством зодчих. Наслаждаясь звуками собственного голоса, он останавли-

вался в каждой комнате, показывая спутникам что-нибудь вроде камина необычной формы, и буквально сыпал историческими датами и справками. Сначала многие слушали его с интересом, но постепенно начали терять терпение и, опасаясь, что этой нудной лекции не будет конца, потихоньку отходили. Местный смотритель, недовольный тем, что обязанности гида взял на себя какой-то экскурсант, сделал несколько попыток привлечь к себе внимание, но безуспешно. И все же он не сдавался:

— В этой комнате, леди и джентльмены, в Белой гостиной, как ее называют, когда-то был обнаружен труп молодого человека, заколотого кинжалом. Он лежал на коврике перед камином. Это случилось в тысяча семьсот каком-то году. Говорят, он был любовником леди Моффет. Пробрался в дом через заднюю дверь, поднялся в гостиную по крутой винтовой лестнице, вошел через потайной ход — вон там, слева от камина. Сэр Ричард Моффет, муж миледи, находился в это время на континенте, однако, неожиданно вернувшись домой, он застал любовников врасплох.

Горделиво расправив плечи, смотритель сделал паузу. Наконец-то он завладел вниманием слушателей! Те тоже были довольны, что избави-

лись от нудных объяснений архитектора.

— Ах, как романтично, Генри! — воскликнула миссис Батлер звонким голоском. — И знаете, в этой комнате совершенно особая *атмосфера.* Я ощущаю это. Уверяю вас, ощущаю.

— Мами очень чувствительна к подобным вещам, — гордо объявил ее муж. — Однажды мы были в одном старинном доме в Луизиане...

Последовал долгий и скучный рассказ об исключительной чувствительности миссис Батлер. Мисс Марпл и еще двое экскурсантов, улучив момент, выскользнули из комнаты и спустились по красивой витой лестнице на первый этаж.

— Один мой приятель, — обратилась мисс Марпл к мисс Кук и мисс Барроу, — пережил несколько лет назад настоящий кошмар. Однажды утром он обнаружил труп на полу в собственной библиотеке.

— Кто-то из членов семьи? — спросила мисс Барроу. — Апоплексический удар?

— О нет, убийство. Это была незнакомая девушка в вечернем платье. Блондинка. Но оказалось, что у нее крашеные волосы. На самом деле она была брюнеткой, и... ой!.. — Мисс Марпл замолчала, пристально уставившись на желтые волосы мисс Кук, выбившиеся из-под шарфа.

Наконец-то она вспомнила, где прежде видела мисс Кук! Только тогда волосы у нее были темные — почти черные. Теперь же — ярко-желтые.

Миссис Райзли-Портер спустилась по лестнице и, проходя мимо них, решительно проговорила:

— Мне больше не под силу бегать вверх и вниз! Стоять и разглядывать эти комнаты тоже очень утомительно. Здешние сады и парки хотя и не так знамениты, но высоко ценятся в кругу садоводов. Предлагаю вам прогуляться, дабы не терять зря времени. Видите, собираются тучи. Думаю, вскоре польет дождь.

Властный тон миссис Райзли-Портер сделал свое дело. Все, кто слышал ее слова, беспрекословно направились через стеклянные двери в сад. Здешние парки и в самом деле соответствовали высокой оценке миссис Райзли-Портер. Взяв под руку полковника Вокера, она быстро повела его по какой-то аллее. Кто-то из экскурсантов последовал за ними, другие направились в противоположную сторону.

Мисс Марпл подошла к скамейке, тоже обладавшей незаурядными художественными достоинствами, со вздохом облегчения опустилась на нее и сразу услышала такой же вздох — мисс Элизабет Темпл села рядом с ней.

— Прогулки по замкам и усадьбам всегда утомляют, — заметила мисс Темпл. — Признаюсь, нет ничего утомительнее! Особенно если вас заставляют слушать нудную лекцию в каждой комнате.

— Все, что нам сейчас рассказали, весьма интересно, — робко возразила мисс Марпл.

— Вы и вправду так думаете? — Мисс Темпл, слегка повернув голову, пристально посмотрела в глаза собеседницы. Тут что-то промелькнуло между женщинами — они ощутили радость *взаимопонимания.*

— А вы нет? — спросила мисс Марпл.

— Нет.

Теперь установилось полное взаимопонимание. Они сидели молча, как старые приятельницы. Вдруг Элизабет Темпл заговорила о парках вообще и об этом в частности.

— Его спроектировал Холман, — начала она, — где-то в 1800-м или 1798 году. Он умер молодым, а жаль. Он был гением.

— Очень печально, когда умирают молодыми, — заметила мисс Марпл.

— Неужели? — Голос мисс Темпл прозвучал странно.

— Но ведь они столь многого не успели сде-

лать!

— Или многого избежали, — возразила мисс Темпл.

— Я прожила долгую жизнь, поэтому могу сказать, что ранняя смерть — это множество упущенных возможностей.

— А я провела долгие годы среди молодежи и считаю, что жизнь — это определенный период времени, замкнутый в себе. Как сказал Т.С.Элиот: *«Век розы и век кипариса одинаков».*

— Понимаю, о чем вы... Сколько бы ни длилась жизнь, она завершается смертью. Но неужели у вас... — она помедлила в нерешительности, — никогда не возникало чувство, что чья-то жизнь не завершена, потому что внезапно безвременно оборвалась?

— Конечно, *возникало.*

— Как прекрасны эти пионы, — вдруг сказала мисс Марпл. — Такие гордые... и вместе с тем такие очаровательно хрупкие!

Элизабет Темпл повернулась к собеседнице:

— Вы отправились на эту экскурсию, чтобы посмотреть замки или парки?

— Пожалуй, замки, хотя и парки доставляют мне наслаждение. Однако эти замки... для меня нечто новое. Они разнообразны, у каждого своя

история, к тому же прекрасная старинная мебель, картины... — Помолчав, мисс Марпл добавила: — Эту путевку купил для меня один мой добрый друг. Я очень благодарна ему. Никогда еще я не видела столько огромных и знаменитых замков и усадеб. А вы часто бываете на экскурсиях?

— Нет. В этот раз я поехала не ради осмотра достопримечательностей.

Мисс Марпл, с любопытством взглянув на собеседницу, хотела что-то спросить, но не решилась. Мисс Темпл заметила это и улыбнулась:

— Вас интересует, почему же я здесь и что мною движет? А ну-ка попытайтесь угадать.

— Мне не нравится это занятие.

— Попытайтесь же! Это весьма занятно, уверяю вас. Попробуйте догадаться.

Мисс Марпл не отрывала от мисс Темпл задумчивого взгляда.

— Не думайте, будто мне что-то известно о вас. Я знаю только одно: вы руководили известной школой. Поэтому мои догадки будут основаны лишь на том впечатлении, которое вы на меня производите. Я бы... назвала вас паломницей. Да, вы похожи на тех, кто совершает паломничество.

— Вы угадали. Я действительно совершаю па-

ломничество. — Мисс Темпл кивнула.

Помолчав, мисс Марпл сказала:

— Тот, кто купил для меня эту путевку и оплатил все расходы, умер. Это был мистер Рафиэль, очень богатый человек. Вы не знали его?

— Джейсона Рафиэля? Конечно, мне известно это имя, хотя мы не были знакомы и я никогда не встречалась с ним. Однажды он пожертвовал весьма солидную сумму на одну общеобразовательную программу, в осуществлении которой я была заинтересована. Я очень благодарна ему за это. Вы правы, он был очень богат. Несколько недель назад я видела в газетах сообщение о его смерти. Значит, он был вашим старым другом?

— Нет, чуть больше года назад я встретила его за границей, в Вест-Индии. Но близко не была с ним знакома. Ни с ним, ни с его семьей, ни с его друзьями. Мне известно лишь то, что он был крупным финансистом, человеком замкнутым и никогда о себе не рассказывал. А вы знаете кого-нибудь из членов его семьи или... — Мисс Марпл сделала паузу. — Видите ли, меня давно мучило любопытство, но я не решалась расспрашивать его, опасаясь показаться назойливой.

— Когда-то в «Фаллоуфилд» у меня была одна ученица — правда, не родственница мистера

Рафиэля... но она была обручена с его сыном.

— Она так и не вышла за него замуж? — спросила мисс Марпл.

— Нет.

— Почему?

— Полагаю, у нее хватило здравого смысла не делать этого. Сын мистера Рафиэля был не из тех, кого можно пожелать в мужья. Особенно любимой мною и очень милой девочке. Не знаю, почему она не вышла за него, и никогда не слышала об этом, однако... — Мисс Темпл вздохнула. — Однако она умерла...

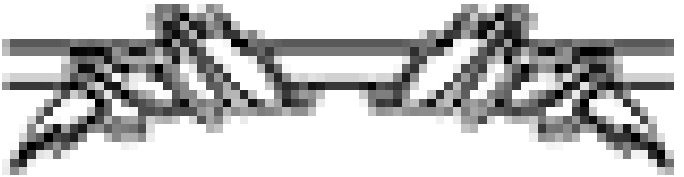
— Отчего?

Элизабет Темпл молчала и не отводила взгляда от пионов. Наконец произнесла одно лишь слово, как гром поразившее ее собеседницу:

— Любовь!

— Любовь?!

— Одно из самых страшных слов в этом мире, — пояснила мисс Темпл. В ее голосе прозвучали трагические нотки. — Любовь...



Глава 7

ПРИГЛАШЕНИЕ

I

Мисс Марпл решила пропустить дневную экскурсию, сославшись на усталость. Вместо того чтобы осматривать старинную церковь с витражами XIV столетия, лучше немного отдохнуть, а потом присоединиться ко всем за чаем. Миссис Сэндборн сочла это разумным.

Расположившись на удобной скамье перед чай-

ной, мисс Марпл начала обдумывать ход своих дальнейших действий с точки зрения целесообразности.

Когда экскурсионная группа вернулась, старушка оказалась рядом с мисс Кук и мисс Барроу за столиком, рассчитанным на четверых. Четвертым был мистер Каспар, которого мисс Марпл считала не самым лучшим собеседником из-за его ужасного английского.

Потянувшись за пирожным, мисс Марпл сказала мисс Кук:

— Вы знаете, я *совершенно* уверена, что мы раньше встречались, и все время думаю об этом... Теперь у меня плохая память на лица, но я убеждена, что где-то уже видела вас.

Мисс Кук посмотрела на нее приветливо, но с сомнением и тут же перевела взгляд на свою подругу, мисс Барроу. Так же поступила и мисс Марпл. Однако мисс Барроу не выказала никакого желания оказать помощь в разрешении загадки.

— Не знаю, бывали ли вы когда-нибудь в наших краях, — продолжала мисс Марпл. — Я живу в Сент-Мэри-Мид, это небольшая деревня. Правда, сейчас уже не такая маленькая, как прежде, ведь теперь строят повсюду. Это недалеко от Мач Бенэм и всего в двенадцати милях от Ломута на

побережье.

— А, вот оно что! — воскликнула мисс Кук. — Я очень хорошо знаю Ломут и, возможно...

— О, *конечно же!* — обрадовалась мисс Марпл. — Помнится, вы проходили мимо моего сада, заговорили со мной и сказали, что живете у своей приятельницы...

— Верно! Как глупо, что я забыла об этом. Вот теперь я все вспомнила. Мы ведь говорили о том, как трудно нынче найти хорошего садовника... такого, от которого был бы прок.

— Да. Кажется, вы не живете там постоянно, а? Просто гостили?

— Да. Гостила у... — Мисс Кук умолкла, и лицо ее приняло такое напряженное выражение, словно она запамятовала имя.

— У миссис Сазерленд, да? — подсказала мисс Марпл.

— Нет, нет, это была... э-э... миссис...

— Хастингс, — твердо произнесла мисс Барроу, взяв кусок шоколадного торта.

— Ах да, в одном из новых домов, — заметила мисс Марпл.

— Хастингс, — неожиданно подал голос мистер Каспар и просиял: — Я бывал в Хастингсе... И в Истборне. — Он снова ослепительно улыбнулся.

— Там очень мило — возле моря.

— Какое поразительное совпадение, — продолжала мисс Марпл, — встретиться снова так скоро... Мир тесен, не правда ли?

— О да, ведь все мы так любим сады и парки, — неуверенно проговорила мисс Кук.

— Цветы восхитительны, — снова вставил мистер Каспар. — Я очень люблю их... — И он одарил всех ослепительной улыбкой.

— Здесь много редких и красивых кустарников, — заметила мисс Кук.

Мисс Марпл заговорила о садоводстве. Мисс Кук поддержала беседу, а ее подруга лишь изредка подавала голос.

Мистер Каспар молчал и только улыбался.

Позже, отдыхая, по своему обыкновению, перед ужином, мисс Марпл задумалась. Что же она узнала? Мисс Кук *призналась*, что была в Сент-Мэри-Мид и проходила мимо дома мисс Марпл, охотно согласившись с тем, что это просто совпадение. «Совпадение? — спросила себя мисс Марпл, смакуя это слово, словно ребенок леденец. — Но совпадение ли это? А может, что-то побудило ее прийти туда? Или кто-то послал туда мисс Кук? Но если так, то зачем? Не смехотворны ли мои фантазии?»

– Следует непременно обращать внимание на каждое совпадение, — пробормотала мисс Марпл. — Потом можно выбросить его из головы, если подтвердится, что это только совпадение.

Мисс Кук и мисс Барроу действительно похожи на обычных приятельниц, отправившихся в туристическую поездку, что, по их словам, они делают ежегодно. В прошлом году эти дамы совершили круиз по Греции, а в позапрошлом — по Голландии, а еще раньше посетили Северную Ирландию. Они кажутся очень милыми, но вполне заурядными. «Впрочем, — вдруг подумала мисс Марпл, — мисс Кук все же замешкалась и, по-моему, не хотела признаться, что жила в Сент-Мэри-Мид. Потом посмотрела на мисс Барроу, словно ожидая указаний. Видимо, первое слово принадлежит мисс Барроу... Однако не исключено, что все это лишь игра моего воображения и не имеет ровно никакого значения».

Внезапно в сознании старушки вспыхнуло слово «опасность». О ней предупреждал мистер Рафиэль в своем первом письме... а во втором даже выразил убеждение, что ей понадобится ангел-хранитель. Неужели самой мисс Марпл в этом деле угрожает какая-то опасность? И почему? От кого она исходит?

Уж конечно, не от мисс Кук и мисс Барроу. Ведь это такие обычные с виду дамы... Вместе с тем мисс Кук *перекрасила* волосы и изменила прическу... Да, теперь ее совсем не узнать. И это по меньшей мере странно! Мисс Марпл начала размышлять о других экскурсантах.

Куда проще предположить, что опасность исходит от мистера Каспара. Может, он знает английский не так скверно, как изображает? Мисс Марпл все больше удивлялась его поведению.

Ей никак не удавалось избавиться от своих викторианских представлений об иностранцах. Никому не дано *понять* иностранцев. Довольно абсурдная мысль — особенно для тех, кто, как она, имеет множество друзей в разных странах. И все же... Мисс Кук, мисс Барроу, мистер Каспар, тот лохматый юноша — Эмлин Как-там-его — революционер... воинствующий анархист? Мистер и миссис Батлер — такие милые американцы — но, быть может, все слишком хорошо, чтобы быть правдой?

— Вообще-то, — пробормотала мисс Марпл, — *пора взять себя в руки.*

Ее мысли вернулись к маршруту поездки. Завтра, вспомнила она, предстоит довольно утомительный день. Они выедут очень рано; потом

отправятся на долгую пешую прогулку вдоль берега моря, осмотрят интересные морские растения... Все это большая нагрузка. Правда, проспект в деликатной форме предлагал всем, кто хочет отдохнуть, остаться и погулять по чудесному парку, который раскинулся за отелем «Золотой вепрь», или совершить короткую экскурсию — она займет лишь один час — по окрестностям. Мисс Марпл решила выбрать второй вариант.

Однако ее планам суждено было внезапно измениться, хотя сейчас она не подозревала об этом.

II

Вымыв руки перед ланчем, мисс Марпл вышла из своего номера в «Золотом вепре» и спустилась вниз. Внезапно к ней устремилась женщина в твидовом костюме:

— Прошу прощения, вас зовут мисс Марпл... мисс Джейн Марпл?

— Да, именно так, — удивленно ответила старушка.

— А я миссис Глинн. Лавиния Глинн. Две мои сестры и я живем неподалеку... Мы слышали, что вы остановились здесь, и, видите ли...

— Вы услышали, что я остановилась тут? — еще больше удивилась мисс Марпл.

— Да. Наш старый друг написал нам... довольно давно, недели три назад... и просил нас отметить дату, когда сюда приедет экскурсия «Знаменитых замков и парков Великобритании». Он сообщал, что среди туристов будет его добрая приятельница... или родственница, я не совсем уверена, что правильно поняла. — Заметив изумление старушки, миссис Глинн пояснила: — Речь идет о мистере Рафиэле.

— Неужто?! Мистер Рафиэль... А знаете ли вы...

— Что он умер? Да. Очень прискорбно. Кажется, это произошло вскоре после того, как он написал нам. Но мы все же сочли *необходимым* выполнить его желание. Кстати, мистер Рафиэль полагал, что вы не откажетесь погостить у нас пару дней. Этот тур довольно утомителен. Видите ли, эти поездки хороши для молодых, но не для пожилых людей. Приходится много ходить пешком, подниматься по горным тропкам. Вы доставите нам большое удовольствие, если погостите у нас. Наш дом в десяти минутах ходьбы от отеля, и мы покажем вам все достопримечательности, которые заслуживают внимания.

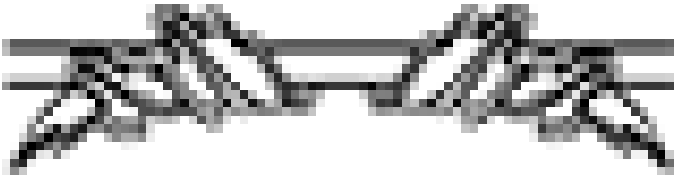
Мисс Марпл была в нерешительности. Ей понравилась миссис Глинн — полная, добродушная, дружелюбная и несколько застенчивая дама.

Кроме того, все это происходило по указанию мистера Рафиэля, видимо предопределившего ее следующий шаг. Да, наверное, так оно и есть.

«С чего я так нервничаю? — подумала старушка. — Должно быть, потому что уже освоилась с экскурсантами, хотя знаю их всего лишь три дня».

Она посмотрела на миссис Глинн:

— Спасибо. Весьма признательна вам за приглашение и с радостью принимаю его.



Глава 8

ТРИ СЕСТРЫ

Стоя у окна, мисс Марпл рассеянно смотрела в сад. Не часто случалось, чтобы она смотрела в сад равнодушно — без восхищения или неодобрения. Впрочем, сейчас мисс Марпл все же испытывала неодобрение. На этот запущенный сад уже многие годы не тратили ни денег, ни труда. Дом тоже был запущен. Мебель когда-то считалась весьма неплохой, но ей явно давно уже не уделяли внимания. «Из этого дома словно ушла

любовь, — подумала мисс Марпл, — и теперь он вполне оправдывает свое название — «Старая усадьба». Дом, построенный со вкусом и довольно красивый, был некогда обитаемым и ухоженным. Однако дочери и сыновья, вступив в браки, разлетелись, и теперь в «Старой усадьбе» жили лишь миссис Глинн и две сестры, получившие дом в наследство от дяди. Миссис Глинн, показывая старушке комнату, сказала, что переехала сюда после смерти мужа. С возрастом ей было все труднее управляться с домом.

Ее сестры, старшая и младшая, так и остались старыми девами и носили фамилию Брэдбери-Скотт.

В этом доме не было ни одной вещи, принадлежащей ребенку, — ни спущенного мячика, ни старой коляски, ни стульчика или столика. Просто дом с тремя сестрами.

— Что-то русское, — пробормотала мисс Марпл. — «Три сестры»? Кажется, Чехов. А может, Достоевский? Право же, не помню. Три сестры. Но явно не те, что так стремились в Москву. Эти никуда не собираются и не желают уезжать, в этом я нисколько не сомневаюсь.

Миссис Глинн представила ее своим сестрам. Одна пришла из кухни, вторая спустилась по

лестнице. Держались они любезно и учтиво. Настоящие леди — так сказали бы о них во времена молодости мисс Марпл. Однажды она назвала одну из таких дам «опустившейся леди». «Нет, дорогая Джейн, — поправил мисс Марпл ее отец. — Не *«опустившаяся»,* а обнищавшая».

Теперь обнищавшие леди встречаются редко. Таким женщинам помогает правительство, благотворительные общества или богатые родственники. Или же... люди вроде мистера Рафиэля. Да, в конце концов, именно он направил ее сюда, купил путевку на эту экскурсию, и, между прочим, не дешевую. За четыре-пять недель до смерти мистер Рафиэль уже знал, когда именно это случится с ним, однако полагал, что протянет несколько дольше, чем предсказывали доктора, не страдающие излишним оптимизмом. Правда, врачам известно по опыту, как страстно цепляются за жизнь умирающие, — благодаря этому они еще немного задерживаются в нашем бренном мире. А вот сиделки в больницах ждут не дождутся, когда больные умрут, и удивляются, если это не происходит в назначенный срок. Высказав свои мрачные взгляды врачу, они нередко слышат в отсвет: «Не удивлюсь, если он протянет еще несколько недель». «Очень мило, что доктор та-

кой оптимист, — думает сиделка, — но, вероятно, он ошибается». Однако врачи редко ошибаются. Даже те, кто страдает от невыносимых болей, безнадежные, искалеченные, несчастные все равно хотят жить и готовы принимать таблетки, чтобы протянуть еще одну ночь. Они никогда не возьмут смертельную дозу, ибо не желают ускорить переход в тот мир, о котором ничего не знают.

Мистер Рафиэль... Именно о нем думала мисс Марпл, рассеянно глядя в сад. Мистер Рафиэль? Старушка чувствовала, что приблизилась к пониманию задачи, возложенной на нее. Мистер Рафиэль все планировал заранее: финансовые сделки, операции и прочее. Очевидно, данная ситуация аналогична той, с которой часто сталкивалась Черри. Тогда она приходила к мисс Марпл и говорила: «У меня проблема». И мисс Марпл помогала служанке разрешить ее. «Значит, — подумала старушка, — мистеру Рафиэлю не удалось справиться с какой-то мучительной для него проблемой. А ведь обычно он справлялся со своими проблемами сам. Но мистер Рафиэль бы прикован к постели и умирал. Да, он еще устраивал свои финансовые дела, поддерживал связь с адвокатами, поверенными, друзьями и родственниками, однако появилось что-то, с чем

мистер Рафиэль не смог совладать. Проблема, которую ему не удавалось разрешить, хотя он очень хотел этого. Видимо, деньги не помогали ее уладить. Не прибег он и к услугам адвоката».

— Поэтому мистер Рафиэль и вспомнил обо мне, — пробормотала мисс Марпл.

И все же это странно. Даже очень странно. Однако напряженные размышления и второе письмо разъяснили многое. Он вспомнил о мисс Марпл, считая, что у нее есть качества, необходимые для выполнения какого-то задания. «Связанного, — решила старушка, — с каким-то преступлением. Мистер Рафиэль знал, что я умею распутывать загадочные преступления. Ему было также известно, что я люблю сады и парки. Впрочем, едва ли проблема, которую мне предстоит разрешить, связана с садоводством. Нет, он вспомнил обо мне, поскольку дело связано с преступлением. С преступлением в Вест-Индии и с преступлением, совершившимся здесь, в Англии.

Вот только где?

Мистер Рафиэль предпринял кое-какие шаги. Прежде всего, договорился со своими поверенными. Они уже выполнили свою роль — отправили в назначенный срок оба письма. Все это тщательно им продумано. Разве не проще было бы

ему объяснить, чего он хочет от меня, и назвать причину, побудившую его обратиться ко мне? Странно, что мистер Рафиэль не пригласил меня к себе перед смертью. Не попросил пообещать, что я выполню его волю. Что-то очень беспокоило его, я не смогла бы ему отказать. Однако это не в духе мистера Рафиэля. Уж он-то ни за что не стал бы упрашивать меня, умолять об одолжении, убеждать, что необходимо восстановить справедливость. Нет. Это не в его духе. Мистер Рафиэль решил вознаградить того, кто выполнит его волю, — так он поступал всю жизнь. Он решил заплатить мне за услуги, но при этом так заинтриговать меня, чтобы я согласилась взяться за работу. Мистер Рафиэль предложил деньги — чтобы заинтриговать меня, возбудить интерес. Он не собирался искушать меня и, уж конечно, не думал, что эта сумма возбудит во мне желание немедленно взяться за дело. О нет, мистер Рафиэль отлично знал, что я не особенно нуждаюсь в деньгах, хотя и не отказалась бы от них. Если бы у меня вдруг возникли проблемы с деньгами, мой горячо любимый племянник Реймонд всегда ссудил бы мне их. Это позволило бы отремонтировать дом, пойти на прием к врачу или провести дорогостоящий курс лечения.

Да, сумма, предложенная мистером Рафиэлем, должна заинтриговать меня и привести в такое же возбуждение, какое испытывают люди, играющие в лотерею. Но столь большую сумму нельзя выиграть без изрядной доли везения.

Однако помимо удачи нужно усердие. Я должна много и сосредоточенно размышлять. Вполне вероятно, что мое задание сопряжено с опасностью. И самое главное: мистер Рафиэль явно не собирался мне помогать, возможно боясь, чтобы у меня не создалось предвзятого мнения об этом деле. Да, трудно рассказать о чем-то беспристрастно. Мистер Рафиэль мог предполагать, что его точка зрения ошибочна. Это не слишком похоже на него, но кто знает? Вдруг он подозревал, что остроту его суждений притупила болезнь? Поэтому я, мисс Марпл, его доверенное лицо, должна сама обо всем догадаться, прийти к собственным выводам. Что ж, пора сделать кое-какие заключения. Иными словами, вернуться к старому вопросу: *в чем же, в сущности, состоит проблема?»*

Мисс Марпл получила указания. Из них и нужно исходить. Указания дал человек, которого уже нет в живых. Поскольку для выполнения этого задания пришлось покинуть Сент-Мэри-Мид, значит, это задание нельзя выполнить там, про-

сматривая газетные вырезки или расспрашивая людей, — ведь неизвестно, о чем же спрашивать. «Сначала меня направили к поверенным в Лондон, — рассуждала мисс Марпл, — потом пришло письмо, вернее, два письма, затем я получила указание поехать в приятное путешествие, организованное «Знаменитыми замками и парками Великобритании». И вот я здесь, в «Старой усадьбе», в Джоселин-Сент-Мэри, где живут мисс Клотильда и Антея Брэдбери-Скотт, а также миссис Глинн. Все это устроил мистер Рафиэль, и устроил заранее, за несколько недель до смерти. Вероятно, сразу же после того, как дал указания своим поверенным и заказал для меня путевку. Значит, он направил меня в этот дом с какой-то целью. Проведу я здесь не более двух дней. Впрочем, возможно, он решил задержать меня здесь, поэтому не исключено, что из-за каких-то обстоятельств мне придется остаться тут несколько дольше».

Мисс Марпл снова обратилась к «Старой усадьбе».

«Миссис Глинн и две ее сестры. Наверное, они причастны к этой истории, как-то связаны с ней. Необходимо выяснить, в чем тут дело, а времени-то мало! Вот в чем проблема».

Мисс Марпл полагала, что ей удастся выяснить это.

«Я ведь из тех разговорчивых пожилых леди, которые любят болтать, выспрашивать — в общем, сплетничать. Я расскажу о своем детстве, и это побудит одну из сестер поведать мне об их детстве. Она, конечно, сообщит о том, что они едят, какая у них прислуга, я услышу все о детях, двоюродных братьях и сестрах, о других родственниках, о том, где они бывали, ну и, разумеется, о браках, рождениях и... да, о кончинах. При этом мне не следует выказывать ни к чему особого интереса. Когда мне сообщат о чьей-либо смерти, я просто автоматически воскликну: *«Боже мой, как печально!»* Нужно узнать как можно больше о родственниках, обо всех несчастных случаях, выслушать исповеди сестер. А вдруг да всплывет что-то интересное. Например, инцидент, случившийся по соседству и не связанный непосредственно с сестрами. Что-то, безусловно, сорвется с языка и обязательно всплывет. Здесь, да, именно здесь *какой-то ключ,* способный навести на след. Через два дня я присоединюсь к экскурсии, если к тому времени мне *не придется* скорректировать свои планы. — Тут мысли мисс Марпл обратились к автобусу и ее спутникам. —

Возможно, то, что я ищу, находится именно там. Придется снова заняться экскурсантами, поискать нужного мне человека. С виду, конечно, невинного (хотя кто знает?), выслушать несколько длинных историй о прошлом...» Старушка нахмурилась, пытаясь что-то вспомнить. Вдруг в сознании мелькнуло: «Право же, я совершенно уверена...» Вот только в чем?

Потом мысли мисс Марпл вернулись к трем сестрам. Не стоит засиживаться в этой комнате. Нужно вынуть необходимые вещи: одежду, ночную сорочку, зубную щетку, мыло, а потом спуститься вниз к хозяйкам и завязать с ними непринужденную беседу. Следует решить главный вопрос: кто эти три сестры — союзницы или враги? Они могут принадлежать к любой категории, поэтому от нее потребуется особое внимание.

В дверь постучали, и в комнату вошла миссис Глинн:

— Надеюсь, вы хорошо устроились? Не помочь ли вам распаковать вещи? По утрам к нам приходит убираться одна милая женщина, она с удовольствием окажет вам любые услуги.

— О нет, спасибо. Я захватила с собой только самое необходимое.

— Я провожу вас вниз. Дом ветхий, две лестницы, боюсь, как бы вы не заплутали. Такое уже случалось.

— Вы очень добры. — Мисс Марпл улыбнулась.

— Давайте спустимся вниз и выпьем по стаканчику шерри перед обедом.

Старушка с радостью согласилась и последовала за хозяйкой.

Мисс Марпл казалось, что миссис Глинн намного моложе ее. На вид ей было лет пятьдесят или чуть больше. Мисс Марпл спускалась осторожно, опасаясь, чтобы не подвело левое колено. К счастью, с одной стороны были перила, и старушка отметила, что лестница очень красивая.

— У вас чудесный дом, — сказала она. — Полагаю, построен в XVIII веке, верно?

— В 1780 году, — уточнила миссис Глинн.

Похвала мисс Марпл, видимо, доставила ей удовольствие. Она провела старую леди в гостиную — большую, прекрасную комнату. Внимание гостьи привлекли два изысканных предмета: стол времен королевы Анны и инкрустированный перламутром секретер эпохи Вильяма и Мэри. Стояли здесь также довольно громоздкие диванчики и застекленные шкафы времен королевы Виктории. Однако портьеры выцвели, а ирланд-

ский ковер выглядел и того хуже. Плюшевая обивка массивного дивана давно истерлась. Сестры миссис Глинн, сидевшие в гостиной, встали, когда вошла мисс Марпл, и направились к ней. Одна предложила гостье стакан шерри, другая — кресло.

— Не знаю, как вы относитесь к высоким сиденьям. Это дело вкуса.

— Мне они нравятся, — ответила мисс Марпл. — Так гораздо удобнее сидеть. И спина не устает.

Видимо, сестры были знакомы с этой проблемой не понаслышке. Старшая оказалась высокой красивой дамой с уложенными в узел темными волосами. Вторая выглядела значительно моложе. Ее когда-то прекрасные волосы поседели и теперь неряшливо падали на плечи, отчего она походила на привидение. «Ну прямо-таки постаревшая Офелия», — вдруг подумала мисс Марпл.

А вот Клотильда уж точно не Офелия, скорее великолепная Клитемнестра, способная с наслаждением заколоть мужа в ванной. Впрочем, это всего лишь предположение, поскольку у нее никогда не было мужа. И мисс Марпл не могла представить себе, что она убивает кого-то, кроме мужа... а в этом доме нет Агаме́мнона.

Клотильда Брэдбери-Скотт, Антея Брэдбери-

Скотт, Лавиния Глинн. Клотильда — красавица. Лавиния — обычная, но привлекательная. У Антеи время от времени дергалось одно веко. У нее были огромные серые глаза, и она странным образом смотрела то вправо, то влево, то вдаль, словно ощущая, что кто-то постоянно следит за ней. Это насторожило мисс Марпл, и она решила понаблюдать за Антеей.

Расположившись в гостиной, они мило беседовали. Потом мисс Глинн вышла, вероятно на кухню. Похоже, домашними делами в основном занималась именно она. Разговор был самым банальным. Клотильда рассказала, что этот дом принадлежал сначала их двоюродному деду, затем дядюшке и, когда тот умер, достался по наследству ей и сестрам, которые переехали сюда.

— У него был только один сын, — пояснила Клотильда, — но его убили на войне. Мы — последние из нашего рода, не считая нескольких очень дальних родственников.

— Дом прекрасно спланирован, — заметила мисс Марпл. — По словам вашей сестры, его построили в 1780 году.

– Вероятно, да. Жаль, что он такой большой.

— Ремонт нынче очень дорог, — добавила мисс Марпл.

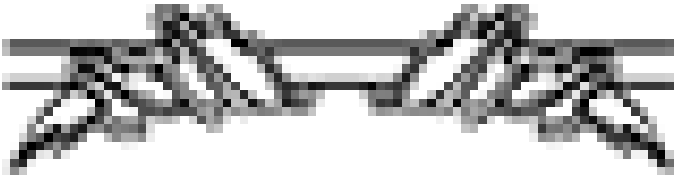
— О да! — вздохнула Клотильда. — И многие постройки пришлось оставить на произвол судьбы, так что они вскоре развалятся. Печально, но что поделаешь! В частности, хозяйственные постройки и оранжерею. У нас была такая чудесная большая теплица.

— В ней рос великолепный виноград, — вставила Антея. — А гелиотроп обвивал наружные стены. Да, и я сожалею об этих утратах. Конечно, какие уж садовники во время войны. У нас был свой садовник, приятный молодой человек, но его призвали в армию. Впрочем, не стоит сокрушаться из-за этого, нам все равно было не под силу поддерживать теплицу, и она погибла.

— Как и маленькая, возле дома.

Сестры вздохнули, словно сожалея о том, что все меняется, и отнюдь не к лучшему.

«В этом доме поселилось уныние, — подумала мисс Марпл. — Все проникнуто печалью — печалью такой глубокой, что от нее уже невозможно избавиться...» Старушка внезапно содрогнулась.



Глава 9

POLYGONUM BALDSCHUANICUM

Обед был самым обыкновенным. Жаркое из баранины, жареный картофель, сливовый пудинг со сливками и не особенно вкусный пирог. На стенах столовой висели семейные портреты, выполненные в викторианском стиле и не представляющие никакой ценности. А вот огромный массивный буфет красного дерева был очень красив. Окна обрамляли портьеры из темно-красного бархата. За большим столом красного дерева

легко могли разместиться десять человек.

Мисс Марпл начала непринужденно рассказывать об экскурсии, но поскольку она путешествовала всего три дня, то говорить было в общем-то не о чем.

— Полагаю, мистер Рафиэль был вашим старым другом? — спросила старшая мисс Брэдбери-Скотт.

— Не совсем так, — ответила мисс Марпл. — Я познакомилась с ним, совершая круиз по Вест-Индии. Думаю, он поехал туда, надеясь поправить свое здоровье.

— Да, последние годы мистер Рафиэль был прикован к инвалидной коляске, — сказала Антея.

— Как жаль, — заметила мисс Марпл. — Мне действительно очень жаль. Я восхищалась силой его духа. Как только ему удавалось управиться с бездной самых разнообразных дел! Ведь он ежедневно диктовал послания своему секретарю. Их отправляли телеграфом или электронной почтой. Судя по всему, мистер Рафиэль не собирался сдаваться и мириться с участью инвалида.

— Несомненно, — согласилась Антея.

— Мы редко виделись с ним в последние годы, — заметила миссис Глинн. — Он всецело был поглощен бизнесом, но никогда не забывал

поздравить нас с Рождеством.

— Вы живете в Лондоне, мисс Марпл? — поинтересовалась Антея.

— Нет, в провинции, в небольшом местечке на полпути между Ломутом и Маркет-Бейзинг. Примерно в двадцати пяти милях от Лондона. Когда-то это было прелестное патриархальное селение, но, конечно, как и все прочее, в наши дни оно очень изменилось. Полагаю, мистер Рафиэль постоянно жил в Лондоне? Я обратила внимание на адрес, указанный им в регистрационном журнале отеля в Сент-Оноре́: не то Итон-сквер, не то Белгрейв-сквер.

— У него был загородный дом в Кенте, — пояснила Клотильда, — он устраивал там приемы, приглашал своих деловых партнеров или иностранцев. Мы не бывали там. Обычно мистер Рафиэль принимал нас в Лондоне — в тех редких случаях, когда мы встречались.

— Как мило, что он попросил вас пригласить меня сюда, — проговорила мисс Марпл. — Я весьма признательна ему за заботу. Кто мог ожидать, что столь занятой человек, как мистер Рафиэль, вспомнит о какой-то старухе.

— Мы и прежде приглашали к себе его друзей, участвовавших в таких экскурсиях. В целом ор-

ганизаторы туров все предусматривают, однако невозможно угодить всем. Молодые, конечно, любят долгие пешие прогулки, им нравится взбираться на холмы и любоваться видом прекрасных долин, простирающихся внизу. Ну а старикам подобные удовольствия не под силу, поэтому они остаются в отелях, которые, увы, роскошными не назовешь. Не сомневаюсь, и сегодняшняя поездка, и завтрашняя, на острова, показались бы вам утомительными, тем более что добираться до Сент-Бонавенчерр пришлось бы на лодках.

— Осматривать замки и то утомительно, — заметила миссис Глинн.

— Верно, — согласилась мисс Марпл. — Приходится много ходить и стоять. Ноги очень устают. Полагаю, мне и в самом деле не стоит никуда ездить, хотя я мечтаю взглянуть на прекрасные дворцы, великолепные комнаты и старинную мебель. И уж тем более на замечательные картины.

— И парки с садами, — добавила Антея. — Ведь они нравятся вам, не так ли?

— О да! Парки особенно. Право же, прочитав в проспекте турагентства, что нам предстоит посетить замок, вокруг которого разбит чудесный парк, я сразу загораюсь желанием увидеть его. — Мисс Марпл улыбнулась собеседницам.

«Беседа течет исключительно легко, — подумала старушка, — но почему я ощущаю что-то странное, словно тут происходит нечто неестественное? Что это может быть? Говорим мы о самых обычных вещах, я делаю ничем не примечательные замечания, как, впрочем, и сестры.

Три сестры. Почему мысль о трех сестрах имеет столь зловещий оттенок? Три сестры. Три ведьмы Макбета. Ну, едва ли стоит сравнивать этих сестер с теми тремя ведьмами». Мисс Марпл всегда считала ошибочной режиссерскую трактовку шекспировских ведьм. То, что она видела, казалось ей совершенно абсурдным. Ведьмы с хлопающими за плечами крыльями, в уродливых шутовских колпаках, пляшущие и прыгающие по сцене, напоминали персонажей пантомимы. Однажды она сказала по поводу этой постановки племяннику: «Знаешь, мой дорогой Реймонд, на месте режиссера я бы представила ведьм *совсем иначе.* Я показала бы трех совершенно обычных старух. Шотландских старух. Они бы не танцевали и не плясали, а только обменивались бы тайными взглядами. Вот тогда зрители ощутили бы скрытую угрозу за внешней непримечательностью этих старух».

Мисс Марпл решительно разделалась с послед-

ним кусочком сливового пудинга и посмотрела на Антею, сидевшую напротив нее. Самая заурядная пожилая дама — невзрачная, растрепанная, рассеянная. Откуда же это зловещее ощущение?

«Игра воображения, — сказала себе мисс Марпл. — Не стоит обращать на это внимания».

После обеда мисс Марпл прогулялась по саду. Показать его вызвалась именно Антея. Прогулка получилась грустной. Когда-то это был чистенький, ухоженный сад, хотя и ничем не выдающийся. Разбили его явно в прошлом столетии: кустарники, подъездная дорожка, вымощенная гравием, некогда, безусловно, подстриженные газоны, аккуратные тропинки, огород в полтора акра, очевидно слишком большой для трех сестер: ничем не засаженная его часть заросла сорняком. С цветочными клумбами дело обстояло точно так же. Мисс Марпл едва удержалась от желания вырвать бурьян.

Длинные волосы мисс Антеи развевались на ветру. Время от времени из них выпадала шпилька и оставалась на тропинке или на траве.

— У *вас*, наверное, чудесный сад, — сказала Антея.

— О, очень маленький.

Дойдя до конца тропинки, они остановились пе-

ред подобием холмика, примыкавшего к стене.

— Наша теплица, — мрачно сообщила мисс Антея.

— Так вот откуда у вас такой вкусный виноград.

— У нас растут три сорта винограда. Черный гамбургский, мелкий белый, очень сладкий, и великолепный мускат.

— И кажется, гелиотроп, вы говорили? Какой приятный запах. Во время войны сюда попала бомба? И она... э-э... уничтожила теплицу?

— О нет, ничего подобного. Эта местность не пострадала от бомбежек. Увы, все это пришло в упадок от старости. Живем мы тут не так уж давно, а денег, восстановить все, нет. По правде говоря, и браться за это не стоит, ведь нам все равно не управиться. К сожалению, мы бросили сад на произвол судьбы, и теперь вы видите, как все заросло.

— Да, все заросло... этим, как его, вьющимся цветущим растением.

— Да, оно здесь повсюду, — сказала Антея. — Начинается на букву «П». И называется, кажется... поли... э-э... не помню.

— Полагаю, мне известно его название.

Polygonum Baldschuanicum[26]. Оно очень быстро растет, верно? Очень полезно, если нужно скрыть в саду что-то уродливое, вроде полуразвалившейся постройки.

Холмик перед ними и в самом деле густо зарос вьющимся зеленым растением с белыми цветками. Мисс Марпл отлично знала, чем угрожает другим растениям этот polygonum, невероятно быстро разрастающийся.

— Наверное, теплица была очень большая, — предположила старушка.

— О да... мы в ней выращивали персики и нектарины. — Вид у Антеи был самый несчастный.

— А теплица и сейчас выглядит довольно мило, — утешила ее мисс Марпл. — С этими мелкими белыми цветами, не правда ли?

— Дальше слева растет прелестная магнолия, — заметила Антея. — Кажется, когда-то туда тянулась пестрая цветная клумба, но сохранить это нам не под силу. Слишком трудно. Все здесь изменилось, все гибнет... повсюду.

Она быстро направилась по тропинке, перпендикулярной той, что шла вдоль боковой стены, потом ускорила шаг. Мисс Марпл едва поспевала

---

[26] notes: 26
Горец бальджуанский *(лат.).*

за ней. «Странно, — подумала мисс Марпл, — она явно уводит меня от холмика, поросшего polygonum, уводит подальше от какого-то безобразного или неприятного места. Неужели ее смущает то, что от былого величия не осталось и следа? А ведь все здесь поросло polygonum из-за необычайной запущенности. Если с ним не начнут бороться, не предотвратят его дальнейшее распространение, то скоро этот уголок сада превратится в непроходимые джунгли... Она убегает отсюда», — догадалась вдруг мисс Марпл, следуя за хозяйкой. Вскоре внимание старушки привлек разрушенный свинарник, окруженный кустами роз.

— Мой двоюродный дедушка когда-то держал здесь несколько свиней, — пояснила Антея, — но, конечно, в наши дни о таком и думать нечего. Они слишком громко хрюкают. Возле дома у нас растет несколько вьющихся роз, — по-моему, когда нет денег на ремонт, вьющиеся розы — наилучшее решение проблемы.

— О да, — согласилась мисс Марпл.

Она назвала несколько известных сортов роз, заметив при этом, что ни одно из этих названий ничего не говорило мисс Антее.

— Вы часто принимаете участие в этих экс-

курсиях?

— То есть по замкам и паркам? — удивилась мисс Марпл.

— Да. Многие ездят сюда каждый год.

— Что вы, на такое мне и надеяться нечего, ведь это довольно дорогой тур. Один из моих друзей подарил мне эту путевку ко дню рождения. Очень мило с его стороны.

— Вот как. А я все ломала голову, как вы *оказались* на этой экскурсии. То есть она довольно утомительна, верно? И все же, если вы обычно отдыхаете в Вест-Индии и других подобных местах...

— О, туда я попала благодаря племяннику. Милый мальчик. Он так внимателен к своей старой тетушке.

— Вот оно что.

— Не знаю, что бы мы делали без молодого поколения, — заметила мисс Марпл. — Они такие добрые, не правда ли?

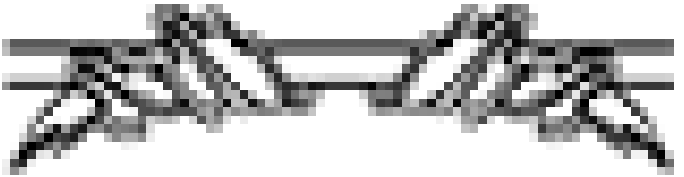
— Полагаю, да. Впрочем, не знаю. Я... у нас нет... молодых родственников.

— А у вашей сестры, миссис Глинн, есть дети? Сама она об этом не упоминала, а о подобных вещах не принято спрашивать.

— Нет. Ее брак был бездетным. Возможно, оно

и к лучшему.

«Что она имела в виду?» — подумала мисс Марпл, когда они направились к дому.



Глава 10

О МИЛЫЕ, ДАВНО УШЕДШИЕ ДЕНЬКИ!

I

На следующее утро, в половине девятого, раздался стук в дверь. Как только мисс Марпл откликнулась, в комнату вошла пожилая женщина. В руках у нее был поднос с чайником, чашкой, кувшином молока и маленькой тарелкой, на которой лежал хлеб с маслом.

— Утренний чай, мэм, — весело сказала она. —

Сегодня чудесный день. Вижу, вы уже подняли шторы. Значит, хорошо отдохнули?

— Очень хорошо. — Мисс Марпл отложила записную книжку.

— Да, сегодня просто великолепный день. Лучшей погоды для того, чтобы посетить Бонавенчер-Рокс, и не пожелаешь. Однако хорошо, что вы все же не поехали туда. Это было бы жестоким испытанием для ваших ног.

— Я очень рада, что гощу здесь, — сказала мисс Марпл, — и благодарна мисс Брэдбери-Скотт и миссис Глинн за их приглашение.

— Они тоже очень довольны, что кто-то скрасит их одиночество. О, этот дом стал так печален в последние годы.

Она еще выше подняла шторы, отодвинула стул и поставила кувшин горячей воды в фарфоровый умывальник.

— Ванная наверху, — сказала женщина, — но мы полагаем, что пожилым людям удобнее мыться здесь, чем подниматься по лестнице.

— Вы так добры... и, полагаю, хорошо знаете этот дом?

— Я прихожу сюда с девичьих лет — тогда я работала горничной. В доме было трое слуг: кухарка, горничная и судомойка, которая еще

прибиралась в гостиной. При старом полковнике. Он держал лошадей, так что был и конюх. Ах, что за счастливые деньки! Как жаль, что все так изменилось. Его жена умерла совсем юной. Сын был убит на войне, а единственная дочь уехала на другой конец света. Вышла замуж за жителя Новой Зеландии. Потом умерла, оставив ребенка, но и тот тоже умер. После смерти полковника дом унаследовали его племянница мисс Клотильда и две ее сестры. Она и мисс Антея переехали сюда... а мисс Лавиния после смерти мужа присоединилась к ним... — Женщина вздохнула и покачала головой. — Они не могли позволить себе привести дом в порядок... и сад тоже, бросили все на произвол судьбы.

— Да, весьма печально, — согласилась мисс Марпл.

— И все они — такие чудесные леди. Мисс Антея чуточку сумасбродная, но мисс Клотильда училась в университете, очень умна — говорит на трех языках... да и миссис Глинн — очень милая леди. Но разве кому-то дано знать будущее? Порой мне кажется, будто на этом доме лежит проклятие.

Мисс Марпл вопросительно посмотрела на собеседницу.

— То одно несчастье случается, то другое. В Испании рухнул на землю самолет — и все погибли. Что за ужас, эти самолеты... ни за что никогда не соглашусь лететь! В этой авиакатастрофе погибла семейная пара, друзья мисс Клотильды... Хорошо хоть, что их дочь тогда училась в школе и не полетела с ними. После этого несчастья мисс Клотильда взяла ее сюда, делала для нее все. Брала с собой в путешествия — в Италию и Францию, — в общем, нянчилась с ней, как с дочерью. Девочка была такая милая, такая веселая. Никто и вообразить не мог, какая ужасная судьба ее ждет.

— Что же произошло? Это случилось здесь?

— Нет, не здесь, слава богу! Хотя можно сказать, что *отчасти* здесь. Ведь именно здесь она встретилась с ним. Он жил по соседству... и наши дамы знали его отца, очень богатого человека. Однажды он нанес сюда визит... и с этого все и началось...

— Они полюбили друг друга?

— Да, она сразу влюбилась в него. Он был привлекательным юношей, умел говорить, обходительный такой. Никто и подумать не мог... никто и на мгновение не мог предположить... — Женщина умолкла.

— Любовная история привела к несчастью?

Девушка покончила с собой?

— Покончила с собой? — Глаза старой женщины удивленно уставились на мисс Марпл. — *С чего вы взяли?* Это было убийство, самое настоящее убийство. Ее задушили, а голову размозжили. Мисс Клотильда ходила в морг для опознания... с тех пор она уже не та. Труп девочки нашли в тридцати милях отсюда — в кустах возле заброшенного карьера, а ведь месяцев шесть полиция искала ее по всей стране. Наверное, это было не первое совершенное им убийство. Пропадали и другие девочки. О, безжалостный дьявол, испорченный и избалованный с самого рождения! Нынче говорят, будто есть такие, которые не ведают, что творят, — мол, на них находит затмение, и они уже не отвечают за свои поступки. Но я не верю ни единому слову таких россказней. Убийца и есть убийца! А теперь их даже не удается повесить. Я знаю, во многих старинных родах безумные отпрыски не редкость. Взять хоть Дервентов из Брассингтона — через поколение кто-то из них обязательно кончает свои дни в психлечебнице... или старую мисс Полетт, которая ходила по улицам с алмазной диадемой и кричала, что она Мария-Антуанетта, пока ее не заперли в сумасшедшем доме. Но ведь это тихое

помешательство. А вот в этого парня словно бес вселился!

— Как же с ним поступили?

— Кажется, к тому времени отменили казнь через повешение... или он был слишком юн для этого, уже не помню. Однако его признали виновным и отправили в Бостол или Бродсенд... в какое-то место, начинающееся на букву «Б».

— Как звали того парня?

— Майкл... а вот фамилию запамятовала — ведь это случилось десять лет назад, так что неудивительно. По-моему, итальянская, как у известного художника. Рэфел... Рэфел...

— Майкл Рафиэль?

— Точно! Говорили, будто его отец настолько богат, что сумел вытащить его из тюрьмы. Но думаю, это просто слухи...

«Итак, это было не самоубийство, — подумала мисс Марпл. — Убийство. «Любовь!» Элизабет Темпл именно так определила причину смерти девушки. Отчасти она права. Юная девушка, влюбленная в убийцу... погибла ужасной смертью во имя этой любви, ничего не подозревая».

Мисс Марпл содрогнулась, внезапно вспомнив объявление на газетном щите:

«УБИЙСТВО В ЭПСОМЕ.

НАЙДЕНО ТЕЛО ВТОРОЙ УБИТОЙ ДЕВУШКИ.

ПРОСИМ МОЛОДЕЖЬ ПОМОЧЬ В ПОИСКАХ УБИЙЦЫ».

Итак, история повторяется. То же самое. В голове сами собой всплыли строчки какого-то забытого стихотворения:

Юность страстная – как белая роза прекрасная,

Бурный ручей среди скал и молчания.

Милый принц из сказки древней.

В мире нет ничего более хрупкого и нежного,

Чем юности белая роза прекрасная.

Кто оградит Юность от Боли и Смерти? Юность, которая сама не может, просто не способна защитить себя. Потому, что не обладает достаточным житейским опытом? Или потому, что уверена: она знает все?

II

Мисс Марпл спустилась в это утро очень рано, наверное, раньше, чем этого ожидали. Не увидев нигде хозяек, она обошла сад. Не то чтобы ей особенно нравился этот сад. Однако у мисс Марпл возникло какое-то смутное чувство, будто там есть нечто такое, что она должна заметить, и это натолкнет ее на новую идею, если только ей хватит проницательности осознать, что именно следует заметить.

Сейчас мисс Марпл не хотелось видеть сестер. Она предпочла бы побыть в одиночестве и поразмыслить над тем, что узнала от пожилой женщины, утром подававшей ей чай.

Калитка сада была открыта. Старушка вышла на улицу и направилась вдоль маленьких магазинчиков туда, где в небо вонзался шпиль церкви, за которой находилось кладбище. Открыв скрипучую калитку, она вошла на кладбище и стала бродить среди могил. Некоторые были довольно старыми, другие относились к недавнему времени, а две-три — совсем свежие. Среди старых надгробий мисс Марпл не обнаружила ничего интересного. Как это случается в деревнях, некоторые фамилии повторялись. Например, она

увидела много могил с фамилией Принс. Глубоко оплакиваемый Джаспер Принс. Марджери Принс, Эдгар и Волтер Принсы, четырехлетняя Мелани Принс. Другая семья: Хирам Брод... Эллен Джейн Брод, Элиза Брод, девяносто один год.

Отойдя от последнего надгробия, мисс Марпл увидела старика, который медленно передвигался среди могил и время от времени склонялся над ними. Приветственно помахав рукой, он поздоровался с ней.

— Доброе утро, — сказала мисс Марпл. — Какой чудесный день!

— Но позже пойдет дождь, — уверенно заметил старик.

— Тут похоронено много Принсов и Бродов, — проговорила мисс Марпл.

— О да, здесь всегда жили Принсы. Когда-то им принадлежали огромные земельные угодья. Как и Бродам.

— Вижу, здесь похоронен ребенок. Как грустно, что умирают дети.

— А, это, наверное, крошка Мелани, мы звали ее Мелли. Нас всех потрясла ее смерть. Девочка попала под машину. Выбежала из дому, хотела купить в кондитерской на другой стороне улицы конфет — и угодила под машину. Их столько

развелось сейчас...

— Печально, что каждый день умирает так много людей. И этого не замечаешь, пока не увидишь таблички на кладбище. Болезни, старость, несчастные случаи с детьми... Порой случаются еще более ужасные вещи. Например, убивают юных девушек.

— О да, и немало! Бедные глупые девочки! Нынче их матерям не хватает времени приглядывать за ними — и все из-за работы, — с упреком добавил старик.

С последним мисс Марпл была согласна, однако не поддержала разговор о недостатках нынешнего образа жизни.

— Вы ведь остановились в «Старой усадьбе», не так ли? — спросил старик. — Я видел, как вы приехали на экскурсионном автобусе. Но, полагаю, переутомились. Возраст сказывается.

– *Я и в самом деле устала,* — призналась мисс Марпл. — Мой добрый друг, мистер Рафиэль, написал своим друзьям, которые живут здесь, и они пригласили меня погостить у них пару дней.

Имя Рафиэль, очевидно, ни о чем не говорило старику.

— Я очень благодарна миссис Глинн и ее сестрам, — продолжала мисс Марпл. — Полагаю, они

живут здесь давно?

— Не очень. Наверное, лет двадцать. Усадьба принадлежала старому полковнику Брэдбери-Скотту. Он умер почти в семьдесят.

— У него были дети?

— Сын погиб на войне. Поэтому он и оставил усадьбу племянницам — других родственников у него не было.

Старик садовник вернулся к своей работе.

Мисс Марпл зашла в церковь. От викторианской эпохи почти ничего не осталось: красочная мозаика, кое-какие бронзовые украшения да несколько табличек на стенах — вот и все.

Опустившись на неудобную скамью, она погрузилась в раздумья.

«Неужели я наконец взяла правильный след? Из отдельных кусочков складывается целостная картина... но далеко еще не завершенная.

Одну девушку убили (хотя, возможно, и не одну), подозрение падает на молодого человека. Полиция задерживает всех подозрительных — якобы желая помочь следствию. Обычная история. Но ведь все это случилось давным-давно, лет десять-двенадцать назад. Как теперь что-либо узнать? Дело давным-давно закрыто, виновник преступления найден...

Что могу сделать я? Чего хотел от меня мистер Рафиэль?

Элизабет Темпл... Я должна заставить Элизабет Темпл рассказать больше того, что она сболтнула. Она говорила о девушке, когда-то обрученной с Майклом Рафиэлем. Но было ли так на самом деле? Кажется, в «Старой усадьбе» ничего не знают об этом.

Что ж, такие истории часто случаются в наших местах. Начинаются они всегда одинаково: молодой человек встречает девушку. Далее события развиваются обычным путем...»

— А потом девушка вдруг понимает, что забеременела, — пробормотала мисс Марпл. — Сообщает об этом своему возлюбленному, желая женить его на себе. Но тот, возможно, совсем не стремится к этому... может, у него и в мыслях такого не было. Таким образом, он попал в сложную ситуацию. Его отец и слышать не желает о браке. Между тем родственники девушки утверждают, что он «обесчестил девушку и теперь должен покрыть грех»... Девушка ему надоела — возможно, он уже завел другую. И поэтому решает быстро и жестоко покончить с ней: задушить и изуродовать так, чтобы ее невозможно было опознать. Это «ужасное, зверское преступление» вполне

соответствует его характеру. *Однако сейчас о нем позабыли,* тем более что и дело закрыто...

Мисс Марпл обвела глазами церковь. Все здесь дышало таким умиротворением, что трудно было поверить в существование зла. Мистер Рафиэль считал, что у нее есть *особое чутье* на преступления. Старушка поднялась, вышла из церкви и, обернувшись, снова бросила взгляд на кладбище. Но там, среди надгробий, ничто не напоминало о зле.

«Ощущала ли я присутствие темных сил вчера в «Старой усадьбе»? — спросила себя мисс Марпл. — Что таилось за этим безнадежным отчаянием, унынием и горем? Взгляд Антеи Брэдбери-Скотт *постоянно* блуждает, исполненный страха, — словно она боится кого-то, невидимого другим...»

Они что-то знают, эти сестры, но что именно?

Мисс Марпл снова вспомнила об Элизабет Темпл и представила себе, как та вместе с экскурсантами взбирается на скалы и глядит на море.

«Завтра, — решила мисс Марпл, — я присоединюсь к экскурсии и заставлю Элизабет Темпл рассказать мне побольше».

III

Мисс Марпл медленно направилась к «Старой усадьбе». Она устала. Это утро не оправдало ее надежд, не подсказало ни одной идеи относительно дальнейших шагов и не приблизило ее к пониманию замысла мистера Рафиэля. Она лишь узнала от служанки о давней трагедии. Впрочем, такие события надолго, остаются в памяти домочадцев, равно как и приятные — свадьбы, веселые празднества, удачные сделки и даже аварии, в которых чудесным образом никто не пострадал.

Подходя к дому, мисс Марпл заметила возле калитки двух женщин. Одна из них, миссис Глинн, направилась к ней.

— О, вот и вы! — сказала она. — А мы не могли понять, куда вы исчезли. Я подумала, что, наверное, решили прогуляться, и надеялась, что не слишком устанете. Я с удовольствием сопровождала бы вас и показала бы местные достопримечательности, если бы знала, что вы собираетесь на прогулку. Правда, достопримечательностей здесь не так много.

— Я просто побродила по округе, — сказала мисс Марпл. — Зашла на кладбище и в церковь. Меня всегда привлекали церкви и кладбища.

Порой встречаешь весьма занятные эпитафии. Полагаю, здешнюю церковь реставрировали в викторианскую эпоху?

— Да, и, на мой взгляд, сделали безобразные скамьи. Из хорошего дерева, прочные, но без намека на художественный вкус.

— Надеюсь, при этом не уничтожили ничего интересного?

— Нет, это не слишком старая церковь, так что в ней не было ничего примечательного.

— Вы правы, — согласилась мисс Марпл, — я не заметила там никаких признаков старины.

— Вы и в самом деле интересуетесь церковной архитектурой?

— Специально я не изучала этого, но церковь — средоточие жизни в моей родной Сент-Мэри-Мид. То есть так было прежде, в дни моей молодости. Сейчас, конечно, все изменилось. А вы выросли в здешних местах?

— Мы жили неподалеку, милях в тридцати отсюда, в Литтл-Хердсли. Мой отец был отставным артиллерийским майором. Мы время от времени приезжали сюда погостить к моему дяде... вернее, к двоюродному дедушке, который жил здесь до него. Но я редко бывала здесь в последние годы. Мои сестры перебрались сюда после смерти дя-

дюшки, но в ту пору я жила за границей с мужем. Он умер пять лет назад.

— Понимаю.

— Сестры просили меня присоединиться к ним, и, полагаю, это был лучший выход. Мы с мужем несколько лет прожили в Индии. Там он и умер. В нынешние времена трудно понять, где, если можно так выразиться, стоит «пустить корни».

— Вполне согласна с вами. И вы почувствовали, что ваши корни здесь, поскольку ваша семья давно обосновалась в этих местах.

— Это почувствовал бы каждый на моем месте. Ведь я всегда поддерживала связь с сестрами, гостила у них. Но действительность не соответствует нашим ожиданиям. Я купила небольшой домик возле Лондона, «Хэмптон-Корт», где теперь провожу значительную часть времени, занимаясь благотворительной деятельностью в Лондоне.

— Стало быть, живете, так сказать, полной жизнью. Весьма разумно с вашей стороны.

— Недавно я поняла, что должна уделять сестрам больше внимания, ибо тревожусь за них.

— Это связано с их здоровьем? — предположила мисс Марпл. — Да, сейчас не многие имеют возможность нанять человека для присмотра

за близкими, которые становятся все дряхлее и немощнее. С возрастом дают знать о себе ревматизм и артриты. Поэтому страшно, что близкий человек упадет в ванной или на лестнице.

— Клотильда всегда была очень сильной. Крепкая и выносливая, сказала бы я. Меня беспокоит Антея: она стала рассеянной, очень рассеянной. Иногда уходит из дому, и где бродит, никто не знает.

— Да, тревога очень угнетает, а ведь у всех есть для нее множество причин.

— Сомневаюсь, что Антея чем-то встревожена.

— Возможно, налогами, финансовыми проблемами? — предположила мисс Марпл.

— О нет, не этим. Она очень озабочена садом, ибо помнит, каким он был раньше, и мечтает раздобыть деньги и вернуть ему прежний вид. Клотильда однажды прямо сказала ей, что теперь никто не может себе это позволить. Однако Антея постоянно говорит о теплицах, персиках, винограде и прочем.

— И гелиотроп, увивающий стены, — вспомнила мисс Марпл.

— Удивительно, что вы заметили это! Да, гелиотропа нам не забыть. У него такой восхитительный запах. И у этой разновидности

прелестное название «Черри пай»[27]. Разве такое забудешь? И виноград. Мелкий, ранний, но очень сладкий. Ох, не стоит предаваться воспоминаниям о прошлом.

— И цветочная клумба, — добавила мисс Марпл.

— Да, конечно, Антее хотелось бы восстановить цветочную клумбу. Но сейчас это *невозможно.* Хорошо, что хоть раз в две недели приходит кто-то из местных и подстригает лужайки. Но каждый год приходится искать кого-то нового. А Антея мечтает, чтобы лужайку засеяли пампасовой травой, вдоль каменной стены посадили белые гвоздики и смоковницу, которая росла за теплицей. Она помнит все и слышала разговоры об этом.

— Наверное, вам нелегко с ней.

— Да. Видите ли, убеждать сестру в чем-либо бесполезно. Клотильда упорно отказывается принять точку зрения Антеи и слышать ничего не желает об этом.

— Очень трудно найти правильный подход к человеку, — заметила мисс Марпл. — Подчас не знаешь, что лучше: проявить твердость, оказать

---

[27] notes: 27
«Ч е р р и...п а й» — вишневый пирог *(англ.).*

давление или же посочувствовать, выслушать все, а потом постараться вселить надежду, пусть даже безосновательную. Да, это нелегко.

— Мне значительно легче — ведь я временами уезжаю, а возвращаясь, делаю вид, будто все скоро устроится и нам удастся что-то сделать. Представьте себе, недавно я приехала домой и узнала, что Антея тайно от нас пыталась договориться с одной известной садоводческой фирмой, которая должна была восстановить наш сад и отремонтировать теплицу. *Какая глупость:* даже если бы там посадили виноград, он вырос бы только через два-три года! Клотильда ничего не знала об этом и пришла в ярость, увидев сметы за эти работы на столе Антеи. В выражениях она не стеснялась.

— Да, жизнь — штука сложная, — произнесла мисс Марпл свою обычную фразу. — Думаю, завтра я вас покину. Мне удалось выяснить в «Золотом вепре», что экскурсия отбывает в девять утра.

— Надеюсь, поездка не слишком утомит вас.

— Полагаю, нет. Кажется, мы отправимся в одно место... как же оно называется?.. Стирлинг-Сент-Мэри или что-то в этом роде. Поездка не слишком дальняя. Мы посетим интересную церковь и

замок. Днем побываем в красивом парке, не слишком большом, но разнообразном по флоре. Я так хорошо отдохнула у вас, что едва ли поездка покажется мне утомительной. Право же, если бы эти дни я лазала по горам и ущельям, то сейчас чувствовала бы себя совершенно разбитой.

— Тогда наберитесь сил перед завтрашней экскурсией, — посоветовала миссис Глинн, когда они подошли к дому. — Мисс Марпл побывала в церкви, — сообщила она Клотильде.

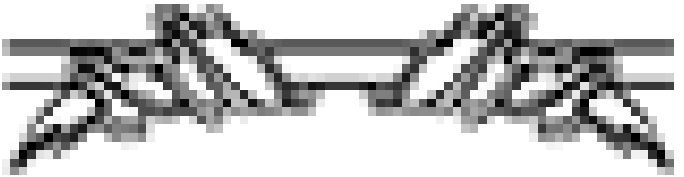
— Там не на что смотреть, — заметила Клотильда. — По-моему, витражи викторианской эпохи просто уродливы, хотя средств на них не жалели. Отчасти виноват в этом дядя — его восхищали эти кричащие красно-синие тона.

— Да, слишком крикливо и вульгарно, — согласилась миссис Глинн.

После обеда мисс Марпл задремала и спустилась лишь к ужину. Потом, до самого сна, она беседовала с сестрами о том о сем, предавалась воспоминаниям о детстве, молодости, путешествиях и знакомых.

Ложась спать, мисс Марпл испытывала усталость и неудовлетворенность. Ей так и не удалось ничего узнать. А может, больше и узнавать нечего? Бессмысленная вылазка на рыбную ловлю

туда, где не водится рыба... Или она выбрала неподходящую приманку?



Глава 11
НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

I

Чай мисс Марпл принесли в половине восьмого утра — чтобы она успела собрать вещи. Старушка уже закрывала свой маленький чемоданчик, когда раздался торопливый стук в дверь, и в комнату вошла взволнованная Клотильда.

— Мисс Марпл, внизу вас ждет молодой человек, назвавшийся Эмлином Прайсом. Он из вашей

экскурсионной группы, и его послали за вами.

— Помню. Совсем юный?

— Да. Одет по нынешней моде, длинноволосый и прочее, но у него дурные новости. Увы, произошел несчастный случай.

— Несчастный случай? — изумилась мисс Марпл. — Вы имеете в виду... автобус? Дорожная авария? Кто-то пострадал?

— Нет, это не авария, а совсем другое. Это случилось во время вчерашней экскурсии. Помните, поднялся сильный ветер, хотя едва ли это имеет отношение к происшедшему. Думаю, экскурсанты разбрелись. Помимо обычной дороги, тут есть еще одна, проложенная по склонам горы. Обе приводят к Мемориальной башне на вершине Бонавенчер-Рокс, куда, собственно, все и направляются. Полагаю, люди разбрелись, потому что за ними никто не присматривал, хотя такого быть не должно. Тем более что все это не альпинисты, которые чувствуют себя на скалах как рыба в воде. Склоны очень крутые. В общем, сорвался огромный валун и придавил кого-то.

— О господи! — воскликнула мисс Марпл. — О господи, какая беда! И кто же пострадал?

— Мисс Темпл или Тендердон.

— Элизабет Темпл, — вздохнула мисс Марпл. —

Какое несчастье! Мы так приятно беседовали с ней. Я сидела в автобусе сразу же за ней. Кажется, она была директрисой одной весьма известной школы.

— Да, — сказала Клотильда. — Я хорошо знала ее. Мисс Темпл работала в «Фаллоуфилд», но я и понятия не имела, что она принимает участие в этой экскурсии. По-моему, мисс Темпл ушла из школы год или два назад, и ее сменила молодая директриса с весьма прогрессивными идеями. Но ведь мисс Темпл еще не так стара, ей около шестидесяти, она очень подвижна, любит ходить по горам, пешие прогулки и прочее. *Да, это большое несчастье!* Надеюсь, она не слишком серьезно пострадала. Правда, я еще не знаю подробностей.

— Я уже готова. — Мисс Марпл захлопнула крышку чемодана. — Сейчас спущусь и поговорю с мистером Прайсом.

Клотильда взяла чемодан:

— Позвольте помочь вам. Я донесу его в целости и сохранности. Пойдемте со мной. Будьте поосторожней на лестнице.

Спустившись, мисс Марпл увидела Эмлина Прайса, растрепанного еще больше, чем обычно. На нем были модные ботинки, кожаная курточка и эффектные изумрудно-зеленые брюки.

— Какое несчастье! — Он схватил мисс Марпл за руку. — Я решил, что необходимо рассказать вам об этом. Думаю, мисс Брэдбери-Скотт уже сообщила вам о беде с мисс Темпл. Вы помните ее? Директриса. Не знаю, что произошло, но несколько камней, вернее, валунов скатилось на дорогу. Склон там крутой, и мисс Темпл попала под обвал. Вечером ее с сотрясением мозга доставили в больницу в довольно плохом состоянии. Так или иначе, сегодняшняя поездка отменяется, и мы останемся здесь еще на день.

— О господи, — пробормотала мисс Марпл. — Мне очень, очень жаль ее.

— По-моему, руководители экскурсии хотят услышать мнение врачей, поэтому нам предложили провести еще одну ночь здесь, в «Золотом вепре». В связи с этим маршрут тура немного изменится. Завтра мы не посетим, как планировалось, Гранмеринг. Впрочем, говорят, там не слишком интересно. Рано утром миссис Сэндборн отправилась в больницу узнать о состоянии мисс Темпл. Она собиралась вернуться в «Золотой вепрь» к одиннадцати, чтобы выпить кофе. Полагаю, вы не откажетесь пойти со мной и услышать последние новости.

— Конечно, я пойду с вами, — ответила мисс

Марпл. — Конечно, и немедленно.

Старушка попрощалась с Клотильдой и подошедшей миссис Глинн.

— Очень признательна вам, — сказала она. — Вы были так добры. Я провела два прекрасных дня и по-настоящему отдохнула. Жаль, что все так произошло.

— Если хотите провести у нас еще одну ночь, — начала миссис Глинн, — то я уверена!.. — Она посмотрела на Клотильду.

Мисс Марпл незаметно проследила за ее взглядом, и ей показалось, будто лицо Клотильды выразило неодобрение и она чуть покачала головой. Миссис Глинн поспешно добавила:

— Хотя, полагаю, вам удобнее остаться с другими экскурсантами, чтобы...

— О да, так будет лучше, — согласилась мисс Марпл. — Я выясню планы на завтрашний день, возможно, даже буду чем-то полезна, как знать. Поэтому благодарю вас за приглашение, но уверена, что без труда сниму номер в «Золотом вепре». — Она взглянула на Эмлина.

— Все будет в порядке, — заверил он. — Есть несколько свободных номеров. Миссис Сэндборн, кажется, заказала номера для всех еще на один день, ну а что будет завтра... поживем — увидим.

Эмлин взял вещи мисс Марпл и широкими шагами направился к калитке.

— Тут близко. Завернем за угол, потом первая улица налево.

— Да, вчера я уже проделала этот путь. Бедная мисс Темпл! Надеюсь, что она не сильно пострадала.

— Боюсь, состояние тяжелое. Но вы же знаете, как осторожны врачи. Всегда говорят одно и то же: «Будем уповать на лучшее». Тут нет больницы — мисс Темпл пришлось везти в Карристаун, в восьми милях отсюда. Так что миссис Сэндборн вернется не раньше, чем вы устроитесь в номере.

Они нашли своих спутников за столом, куда уже подали кофе, сдобные булочки и печенье. Мистер и миссис Батлер обсуждали случившееся.

— Какая трагедия! — воскликнула миссис Батлер. — Я просто потрясена. Полагаю, ты тоже, не так ли? И именно в тот момент, когда мы были так счастливы и беззаботны. Бедная мисс Темпл! А я-то считала, что она уверенно чувствовала себя в горах. Но разве можно быть в чем-либо уверенным, Генри?

— Конечно нет. Вот о чем я думаю, дорогая. Ты ведь знаешь, как мы ограничены временем... не

отказаться ли нам от экскурсии? Давай так и поступим. Ведь путешествие не возобновится, пока мы не узнаем точно, что случилось с мисс Темпл. Если выяснится... то есть если все закончится печально и мисс Темпл умрет, тогда... э-э... видимо, начнется следствие или что-то в этом роде.

— О Генри, не говори такие ужасные вещи!

— Уверена, — возразила мисс Кук, — что вы чересчур пессимистичны, мистер Батлер. Полагаю, все не настолько серьезно.

— О нет, дела действительно плохи, — заметил мистер Каспар. — Я понял это вчера, услышав, как миссис Сэндборн разговаривает по телефону с врачом. Да, все весьма серьезно. Врачи говорят, что у мисс Темпл тяжелая контузия. Для ее обследования вызвали специалиста. Он скажет, удастся ли прооперировать ее или нет. Дела у мисс Темпл и впрямь неважные.

— О господи! — пробормотала мисс Ламли. — Если есть какие-то опасения, пожалуй, нам лучше разъехаться по домам, Милдред. Нужно взглянуть на расписание поездов. — Она обратилась к миссис Батлер: — Видите ли, я оставила на соседей своих кошек, и, если задержусь даже на день-другой, это крайне стеснит *их.*

— Не стоит так волноваться, — раздался власт-

ный голос миссис Райзли-Портер. — Джоанна, брось эту булочку в мусорное ведро, пожалуйста. Ее невозможно разжевать. И джем тоже невкусный.

Джоанна поспешила выполнить просьбу тетки.

— Не возражаете ли вы, если я погуляю с Эмлином? — спросила она. — Мы хотели осмотреть этот городок. Зачем нам сидеть здесь и слушать все эти мрачные разговоры? *С нами ничего не случится.*

— По-моему, весьма разумно, — заметила мисс Кук.

— Конечно, прогуляйтесь, — сказала мисс Барроу, прежде чем миссис Райзли-Портер успела подать голос.

Мисс Кук и мисс Барроу обменялись взглядами, вздохнули и покачали головой.

— Трава была очень скользкая, — проговорила мисс Барроу. — Я пару раз поскользнулась.

— И камни, — добавила мисс Кук. — Посыпался дождь мелких камней, когда я вышла из-за поворота. Один угодил мне в плечо.

II

Чай, кофе, бисквиты и пирожные убрали, и все умолкли, чувствуя себя не в своей тарелке. Когда происходит несчастье, не так-то просто определить, как к нему относиться. Каждый высказал свою точку зрения, выразил удивление и сожаление. Сейчас экскурсанты ждали новостей из больницы, размышляя, как же скоротать время до обеда, назначенного на час дня. Все уже понимали, что сидеть сложа руки и повторять одни и те же банальности крайне тягостно.

Мисс Кук и мисс Барроу поднялись и сообщили, что должны сделать какие-то покупки, зайти на почту и приобрести конверты.

— Мне нужно отослать пару открыток, а также узнать, сколько стоит отправить письмо в Китай, — сказала мисс Барроу.

— А мне нужна шерсть для вязания, — подхватила мисс Кук. — И еще я заприметила одно интересное здание на рыночной площади.

— Думаю, нам всем не помешало бы прогуляться на свежем воздухе, — заметила мисс Барроу.

Полковник Вокер с женой предложили супругам Батлер осмотреть городок. Миссис Батлер выразила надежду, что им удастся найти анти-

кварный магазин.

— Правда, я говорю не о настоящем антикварном магазине, а, скорее, о лавке старьевщика. Иногда в таких местах можно найти занятные вещи.

Они все вышли на улицу. Эмлин Прайс, дожидавшийся возле двери, последовал за Джоанной, даже не потрудившись попрощаться. Миссис Райзли-Портер попыталась остановить племянницу, но это ей не удалось, и она решила посидеть в холле. Мисс Ламли выразила желание остаться с ней, а мистер Каспар вызвался сопроводить их.

В кофейной комнате остались лишь профессор Вонстед и мисс Марпл.

— Не лучше ли посидеть на воздухе? — обратился профессор к старушке. — Тут есть одна очаровательная терраса. Не хотели бы вы пойти туда?

Мисс Марпл, поблагодарив его, поднялась. Кажется, до сих пор она не перекинулась с профессором Вонстедом и парой слов. При нем всегда было несколько научных книг, и одну из них он непременно читал, даже в автобусе.

— Но возможно, вы предпочитаете сделать покупки? — спросил он. — А вот я уже решил, что подожду возвращения миссис Сэндборн в каком-

нибудь тихом месте. Очень важно, мне кажется, узнать, что нам предстоит.

— Вполне согласна с вами, — откликнулась мисс Марпл. — Вчера я вдоволь побродила по городу и не вижу особой необходимости утруждать свои ноги и сегодня. Пожалуй, я тоже подожду здесь — вдруг смогу оказаться полезной. Конечно, сомнительно, но кто знает?

Они вышли из отеля, обогнули его и очутились в маленьком квадратном садике. Вдоль стены отеля тянулась терраса, заставленная плетеными креслами. Опустившись в одно из них, мисс Марпл задумчиво посмотрела на профессора, расположившегося напротив нее. Лицо его было изборождено морщинами и шрамами. Кустистые брови нависали над глазами. Портрет этого человека дополняли густые седые волосы, а также сухой и несколько насмешливый голос. При ходьбе мистер Вонстед немного сутулился. «Настоящий профессор», — подумала мисс Марпл.

— Если не ошибаюсь, — профессор взглянул на свою визави, — *вы мисс Джейн Марпл?*

— Верно.

Старушка слегка удивилась, хотя особых причин для этого не было. Ведь все они еще не успели

как следует познакомиться. Тем более что последние две ночи она провела не с экскурсантами. Да, в этом нет ничего необычного.

— Я догадался, — пояснил профессор, — ибо мне описали вас.

— Описали меня?!

— Да. — Мистер Вонстед помолчал, потом добавил: — Мистер Рафиэль.

— Вот как? — задумчиво проговорила мисс Марпл. — Мистер Рафиэль...

— Вы удивлены?

— Отчасти.

— По-моему, у вас нет причин для этого.

— Я никак не ожидала... — Мисс Марпл умолкла, но профессор ни слова не произнес. Он лишь внимательно смотрел на нее.

«Через минуту-другую, — подумала мисс Марпл, — он скажет мне: «Так что вас беспокоит, дорогая леди? Трудно глотать? Мучает бессонница? Несварение желудка?» Теперь она почти не сомневалась, что ее собеседник — врач.

— Когда же он описал вам меня? Наверное...

— Вы полагаете, несколько недель назад? Да, перед смертью он сказал мне, что вы отправитесь на эту экскурсию.

— И он знал, что вы тоже поедете!

— Вот вы и ответили на свой вопрос, — улыбнулся профессор Вонстед. — Мистер Рафиэль сообщил, что купил для вас путевку.

— Это было очень мило с его стороны, — заметила мисс Марпл. — Да, очень мило. Я несказанно удивилась, узнав, что он заказал мне путевку на этот тур. Такой щедрый подарок! Сама я не смогла бы купить ее.

— Вы правы. — Профессор Вонстед кивнул с видом учителя, довольного ответом ученика.

— Жаль, что наша экскурсия столь печально прервалась, — проговорила мисс Марпл. — Очень жаль. А ведь всем, не сомневаюсь, она доставляла удовольствие.

— Конечно, — согласился профессор, — очень жаль и весьма неожиданно. Или вы предполагали нечто подобное?

— Что вы хотите сказать, профессор Вонстед?

Он слегка улыбнулся, встретив решительный взгляд старушки:

— Мистер Рафиэль рассказывал мне о вас, мисс Марпл. Он предложил мне отправиться на эту экскурсию. Поскольку участники таких туров неизбежно знакомятся... ну дня через два, разбившись на группы по вкусам и интересам, то рано или поздно познакомились бы и мы. Мистер

Рафиэль попросил меня, так сказать, приглядывать за вами.

— Приглядывать за мной? — недовольно повторила мисс Марпл. — Зачем бы это?

— Думаю, чтобы в случае чего защитить вас. Мистер Рафиэль хотел быть уверен, что с вами ничего не случится.

— Со мной? А что должно случиться со мной, позвольте спросить?

— Возможно, то, что произошло с мисс Элизабет Темпл.

Из-за угла отеля появилась Джоанна Кроуфорд с хозяйственной сумкой. Она прошла мимо беседующих, слегка кивнула, с любопытством взглянула на них и пошла дальше. Профессор Вонстед молчал, пока она не скрылась из виду.

— Хорошая девочка, — сказал он, — по крайней мере, мне так кажется. Пока она выносит деспотизм своей тетки, но убежден, скоро ее терпение иссякнет.

— О чем вы? — Мисс Марпл, разумеется, интересовали вовсе не пределы терпения Джоанны.

— В связи с тем, что случилось, именно этот вопрос нам и следует обсудить.

— Несчастный случай?

— Да, если это был несчастный случай.

– Вы полагаете, это не так?

— Это всего лишь догадка.

— Мне ничего об этом не известно, — с некоторым замешательством проговорила мисс Марпл.

— Еще бы. Там вас не было. Вы... могу ли я поинтересоваться? Вы выполняли свой долг в другом месте?

Мисс Марпл бросила на профессора Вонстеда испытующий взгляд:

— Не совсем понимаю, о чем вы.

— Вы очень осторожны. И совершенно правы.

— Такова моя привычка.

— Проявлять осторожность?

— Не стану называть это так, но я взяла за правило подвергать сомнению все, что мне говорят.

— И опять-таки вы совершенно правы. Вам ведь ничего не известно обо мне. Вы видели мое имя в списке пассажиров и знаете, что я участвую в туре по замкам, памятникам истории и паркам. Возможно, парки и интересуют вас более всего.

— Возможно.

— Однако и другие в этой группе интересуются парками.

— А может быть, делают вид?

— О, вы и это заметили? — удивился профессор Вонстед. — Итак, моя роль, по крайней мере на

первых порах, заключалась в том, чтобы следить за вами, наблюдать за вашими действиями и быть поблизости на случай... назовем это без лишних сантиментов... грязной работы любого рода. Но теперь положение вещей несколько изменилось. Вы должны решить, враг я или союзник.

— Наверное, так. Вы говорите все напрямик, но при этом ничего не рассказываете о себе. Как мне судить о вас? Полагаю, вы были другом покойного мистера Рафиэля?

— Нет, я не был его другом и всего пару раз встречался с ним. Причем в официальной обстановке. Я знал о нем. А он, как я понял, знал обо мне. Послушайте, если бы я сказал вам, что считаюсь в своей области авторитетным лицом, вы, пожалуй, сочли бы меня наглым хвастуном?

— Нет, я бы подумала, что, раз вы утверждаете это, значит, вероятно, так оно и есть. Вы, наверное, врач.

— Да. Вы весьма проницательны, мисс Марпл, весьма. Я получил медицинское образование и специализируюсь как патолог и психолог, но, к сожалению, у меня нет документов, подтверждающих это. Вероятно, вам придется поверить мне на слово, хотя я могу показать вам письма, адресованные мне, и кое-какие официальные

документы, утверждающие это. Я выполняю в основном специфическую работу, связанную с судебной медициной. Попросту говоря, интересуюсь строением мозга преступника. Я занимаюсь этим уже много лет и написал по этому вопросу не одну книгу. Некоторые из них вызвали бурные споры, благодаря другим я приобрел множество адептов. Сейчас я работаю без прежнего жара. В основном пишу книги, заостряя внимание на определенных моментах, наиболее существенных для меня. Время от времени я сталкиваюсь с тем, что вызывает у меня жгучее любопытство, и погружаюсь в изучение таких предметов. Боюсь, всё это кажется вам очень скучным.

— Напротив. Исходя из сказанного вами, я полагаю, что вы сможете объяснить мне то, о чем умолчал мистер Рафиэль. Он просил меня взяться за одно дело, не сообщив, в чем оно состоит. Предоставил мне право принять или отвергнуть его предложение, а далее действовать наугад. По-моему, это было несколько легкомысленно.

— Но ведь вы приняли его предложение?

— Да, оно, буду совершенно откровенна, очень выгодно в финансовом отношении.

— И это имеет для вас решающее значение?

Мисс Марпл ответила не сразу.

— Возможно, вы не поверите, но вообще-то это не так.

— Ничуть не удивлен. Но мистер Рафиэль разжег ваше любопытство. Именно это вы и хотите сказать мне?

— Да. Я знала мистера Рафиэля поверхностно и всего несколько недель, которые провела в Вест-Индии. Вижу, вы слышали об этом.

— Я знаю, что именно там мистер Рафиэль познакомился с вами и именно там вы... ну, скажем... сотрудничали.

Мисс Марпл недоверчиво посмотрела на него:

— Вот как? Он сказал вам это, да? — Она покачала головой.

— Да, он сказал, что у вас замечательное чутье на преступления.

Мисс Марпл подняла брови:

— И полагаю, это кажется вам невероятным, поражает вас.

— Меня редко что-либо удивляет. Однако мистер Рафиэль был умен, проницателен и отлично разбирался в людях. Он считал, что это свойственно и вам.

— Не стала бы утверждать этого, — улыбнулась мисс Марпл. — Скажу лишь одно: кое-кто из людей напоминает мне моих знакомых, поэтому я

с известной долей вероятности могу предсказать их действия. Однако вы заблуждаетесь, полагая, что мне известно, чем именно я должна здесь заниматься.

— Скорее случайно, чем преднамеренно, но мы, кажется, выбрали подходящее место, чтобы обсудить кое-какие вопросы. За нами, похоже, никто не наблюдает, поблизости нет окна, двери или балкона, откуда нас могли бы подслушивать. Нам ничто не мешает разговаривать не таясь.

— Очень рада этому, — заметила мисс Марпл. — Но меня все еще угнетает, что я блуждаю в потемках и никак не пойму, чего от меня хотят. И зачем все это понадобилось мистеру Рафиэлю?

— Кажется, я догадываюсь зачем. Он хотел, чтобы вы оценивали происходящие события и факты независимо ни от чьего мнения.

— Поэтому вы тоже не намерены мне ничего рассказывать? — рассердилась мисс Марпл. — Полно! Всему есть пределы!

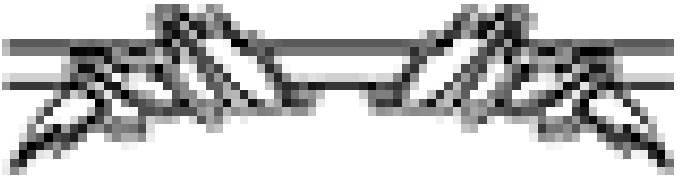
— Да, — улыбнулся Вонстед, — согласен. Нам надо покончить с неопределенностью. Я изложу вам кое-какие факты, и, надеюсь, они многое прояснят для вас. И вы сообщите мне то, что знаете.

— Вот в этом я сильно сомневаюсь, — усмехнулась мисс Марпл. — Может, у меня и есть

парочка любопытных соображений, но это ведь не факты.

— Поэтому... — начал профессор Вонстед, но внезапно замолчал.

— Ради бога, расскажите же мне что-нибудь, — попросила мисс Марпл.



Глава 12

СОВЕЩАНИЕ

— Я не собираюсь излагать вам всю предысторию событий — это слишком долго, да и не нужно. Просто объясню, почему я замешан в этом деле. Время от времени моими советами конфиденциально пользуется министерство внутренних дел. Я поддерживаю связь и с другими учреждениями, например с заведениями, где содержатся люди, признанные виновными в совершении определенного рода преступлений и осужден-

ные пожизненно или на какой-то срок. Если они моложе установленного законом возраста, их переводят в другие места и назначают другие меры наказания. Не сомневаюсь, вам это понятно.

— Да, вполне.

— Обычно меня вызывают для консультации сразу же после совершения... э-э... преступления, чтобы узнать мое мнение о том, как поступить с задержанным, и услышать, благоприятен или неблагоприятен прогноз. К нашему делу это не имеет никакого отношения, поэтому не стоит подробно останавливаться на этом. Итак, периодически ко мне обращается за советом руководитель подобного заведения. Однажды я получил извещение от соответствующего департамента министерства внутренних дел. Мне выписали пропуск, и я отправился к начальнику тюрьмы, исправительного заведения, психлечебницы — в общем, как хотите, так и называйте. Оказалось, что начальник — мой старый приятель. В тюрьме мне предстояло побеседовать с одним молодым человеком, и начальник изложил мне суть проблемы. Этот заключенный внушал моему приятелю некоторые сомнения. Это было несколько лет назад. Сейчас в тюрьме новый начальник, и он тоже неспокоен. Не по-

думайте, что этот человек — врач или психолог, но у него богатый жизненный опыт и он много наблюдал за заключенными. Короче говоря, этот юноша едва ли не с детских лет стал совершенно невыносимым. Называйте это как угодно: юный бездельник, хулиган, лоботряс, негодяй. Определения разные, но одни из них что-то отражают, другие нет, а третьи лишь озадачивают. Однако, несомненно, у него были черты, свойственные преступной личности. Объединившись с такими же головорезами, он избивал людей, совершал кражи, принимал участия в аферах, подделывал векселя. В общем, такие сыновья приводят отцов в отчаяние.

— Понятно.

— И что же вам понятно, мисс Марпл?

— Полагаю, вы говорите о сыне мистера Рафиэля.

— Совершенно верно. А что вы знаете о нем?

— Ничего. Только слышала вчера, что у мистера Рафиэля был сын-преступник, который, мягко выражаясь, доставлял вместо радости только огорчения. Мне мало известно о нем. Это единственный сын мистера Рафиэля?

— Да. Но у мистера Рафиэля было еще две дочери. Одна из них умерла четырнадцатилетней

девочкой, вторая, старшая, удачно вышла замуж, однако внуков ему не родила.

— Это очень огорчало его?

— Возможно, — ответил профессор Вонстед. — Кто знает? Жена мистера Рафиэля умерла молодой, и, полагаю, *ее смерть* очень опечалила его, хотя он никогда не показывал этого. Сильно ли он любил своих детей, я не знаю, но, уж конечно, обеспечивал их всем необходимым и создал им прекрасные условия. Однако какие чувства он питал к ним, никому неведомо. Мистер Рафиэль не располагал к расспросам подобного рода. По-моему, вся его жизнь и все интересы были сосредоточены на одном: он делал деньги. Только это и занимало его, как и всех великих финансистов, причем не сами деньги, а процесс их преумножения и поиски хитроумных, неожиданных путей для этого. Мистер Рафиэль получал наслаждение от таких занятий, любил их. Все остальное почти не интересовало его.

Думаю, он делал все возможное для сына: вызволял его из неприятностей в школе, нанимал ему лучших адвокатов, когда дело доходило до суда. И вдруг последовал удар, по сравнению с которым прежние прегрешения юноши — только цветочки! Его обвинили в изнасиловании. Суд

признал Майкла виновным, и ему дали срок, сделав скидку на его молодость. Позже против него было выдвинуто обвинение в совершении второго, еще более страшного злодеяния.

— Он убил девушку, верно? Это я уже слышала.

— Он заманил девушку далеко от ее дома. Спустя какое-то время обнаружили ее труп. Девушку задушили, а после этого ей размозжили лицо и голову чем-то тяжелым, возможно камнем, чтобы помешать опознанию.

— Некрасивая история. — Тон мисс Марпл свидетельствовал о том, что эту пожилую леди трудно чем-либо удивить.

Профессор Вонстед бросил на нее короткий взгляд:

— Вы так это называете?

— Боюсь, что именно так. Терпеть не могу подобные дела! И не ждите от меня сочувствия, скидок на трудное детство или дурное окружение. Я не стану жалеть вашего молодого убийцу, потому что не выношу негодяев, совершающих гнусные поступки!

— Рад слышать это. Вы не поверите, чего только я за годы своей работы не наслушался от преступников. Рыдая и скрежеща зубами, они убеждали меня в том, что виной всему их прошлое. Если

бы только люди знали, сколь многим удается сохранить душу чистой, несмотря на все невзгоды, жестокость, дурное окружение, тяжелые условия жизни, я думаю, они вряд ли испытали бы к преступникам хоть тень сострадания. Да, неудачники достойны жалости, но лишь в том случае, если они отягощены дурной наследственностью и не способны контролировать себя. Мне очень жаль эпилептиков. Если вы знаете о генетике...

— Да, более или менее, — перебила его мисс Марпл. — Теперь все знают об этом, хотя, разумеется, я не вдавалась в научные подробности.

— Начальник тюрьмы — человек опытный — объяснил мне, почему так интересуется моим мнением. Чем больше он наблюдал за этим заключенным, тем больше сомневался в том, что он — убийца. Юноша совсем не походил на тех убийц, которых он видел раньше, не соответствовал сложившемуся у него представлению о подобного рода преступниках. Отлично понимая, что заключенный порочен до мозга костей и никакие меры воздействия не способны исправить его, поставить на путь истинный, он вместе с тем все сильнее проникался уверенностью в том, что произошла судебная ошибка. Начальник тюрьмы не мог поверить, что этот парень убил

девушку, сначала задушив ее, а потом изуродовав ей лицо и забросав камнями в овраге. Он просто не мог заставить себя поверить в это. Начальник просмотрел все материалы дела: они не оставляли сомнений в его виновности. Парень знал эту девушку, его несколько раз видели с ней. Судя по всему, они были в близких отношениях. Имелись косвенные улики. Его малолитражку видели неподалеку от места преступления. Парня опознали. Вроде бы все ясно. Но моего приятеля мучили сомнения. Он из тех, у кого очень сильно развито чувство справедливости. Поэтому хотел услышать независимое мнение, однако не полицейского, а медика-профессионала. Он попросил меня осмотреть этого молодого человека, поговорить с ним, оценить его с психологической точки зрения и сделать заключение.

— Очень интересно, — вставила мисс Марпл. — Да, признаюсь, это действительно очень интересно. В конце концов, ваш приятель, то есть начальник тюрьмы, имел большой опыт и любил справедливость. К словам такого человека следовало прислушаться. Поэтому вы выполнили его просьбу.

— Да, так и было. Заинтригованный, я несколько раз посещал пациента — мне было привычнее

называть его так, — причем всякий раз старался найти новый подход. Я беседовал с ним, обсуждал изменения в законодательстве, предлагал устроить ему встречу с каким-нибудь известным адвокатом, который, возможно, найдет зацепки для пересмотра дела. Я вел себя с ним то как друг, то, как враг, чтобы понаблюдать за его реакцией, и провел множество различных психологических тестов, часто используемых в последнее время. Вдаваться в подробности не буду, они чисто научного характера.

— И к какому выводу вы пришли?

— Я решил, что, вероятно, мой приятель прав. Едва ли Майкл Рафиэль — убийца.

— А как же другие правонарушения, о которых вы упоминали?

— Это, конечно, свидетельствовало против него. И повлияло не столько на присяжных, которые не слышали о правонарушениях вплоть до вынесения приговора, сколько именно на судью. Да, все свидетельствовало против него, но я решил провести собственное расследование. Одна девушка обвиняла его в попытке изнасилования, но вовсе не в том, что он хотел задушить ее. Исходя из множества других схожих дел, я заподозрил, что попытки изнасилования не было. Учтите,

современные девушки смотрят на интимные отношения куда проще, чем в дни нашей молодости. И зачастую матери принуждают дочерей заявить в полицию, что их изнасиловали. У той девушки и до Майкла было несколько парней, и она поддерживала с ними не просто дружеские отношения. Не думаю, что выдвинутое ею обвинение имело какой-то вес в глазах судьи. Но вот убийство... Да, убийство — это уже очень серьезное дело... но я продолжал тестировать своего пациента, и результаты убеждали меня в том, что он не совершал этого преступления.

— И что же вы сделали?

— Я связался с мистером Рафиэлем. Сказал, что хотел бы задать ему несколько вопросов по делу, касающемуся его сына. Я встретился с ним, рассказал, что думаю обо всем этом, об особом мнении начальника тюрьмы. У нас не было ни доказательств, ни оснований для апелляции, но мы оба полагали, что допущена судебная ошибка. Я считал необходимым провести дополнительное расследование. Конечно, оно обошлось бы дорого, но, возможно, выявило бы новые факты, и тогда мы представили бы их на рассмотрение в министерство внутренних дел. Впрочем, я не скрывал, что все это только предположения и

расследование может закончиться неудачей. Поиски необходимых доказательств — удовольствие дорогое, но я понимал, что это не имеет особого значения для такого богатого человека. К тому времени я уже догадался, что мистер Рафиэль очень болен. Он и сам полагал, что проживет лишь года два. Сначала врачи обещали ему лишь год, однако потом увеличили этот срок — уж очень жизнеспособен был его организм. Я спросил мистера Рафиэля, что он чувствует к своему сыну.

— И что же он вам ответил?

— А, и вы хотите знать это! По-моему, он был предельно откровенен со мной, хотя ответ его был...

— Довольно безжалостным?

— Да, мисс Марпл. Вы подобрали нужное слово. Да, мистер Рафиэль был безжалостным человеком, но при этом справедливым и честным. Он сказал: «Я прекрасно знал о похождениях своего сына, и уже давно. Я не пытался изменить его, ибо считал это невозможным. Он выбрал свой путь. Майкл был извращенным, дурным мальчиком. Он всегда приносил мне и себе одни неприятности. Мой сын бесчестен. Никто и ничто не способно направить его на путь истинный.

Убежденный в этом, я, можно сказать, умыл руки, отрекся от него, но не официально, поскольку продолжал оказывать ему материальную помощь. Оплачивал услуги адвокатов, когда у сына возникали неприятности с законом. Я делал все, что было в моих силах. Я исполнил бы свой отцовский долг, если бы Майкл был серьезно болен, страдал эпилепсией, поэтому помогал ему, считая своего сына нравственно ущербным. Чем теперь помочь ему?» — спросил в конце мистер Рафиэль. Я ответил, что все зависит от того, к чему он стремится. «Это вполне очевидно, — ответил он. — Да, я болен, но при этом четко знаю, чего хочу. Мне нужно, чтобы восторжествовала справедливость и мой сын вышел из тюрьмы. Оказавшись на свободе, он сделает свой выбор. Если Майкл вернется к прежней жизни, это его дело. Я обеспечу его всем необходимым. Он не должен страдать в тюрьме, отрезанный от жизни, из-за судебной ошибки, впрочем вполне понятной. Если не он, а кто-то другой убил эту девушку, пусть об этом станет известно, дело Майкла пересмотрят и восстановят справедливость. Однако мои возможности ограниченны. Я очень болен и проживу от силы несколько недель».

«Возможно, адвокаты... — начал было я. — Мне

известна одна контора...» Но мистер Рафиэль резко оборвал меня: «Ваши адвокаты в данном случае бесполезны. Вы можете нанять их, но они ничего не сделают. Я должен организовать все за то короткое время, которым еще располагаю».

Он предложил мне огромный гонорар, попросив меня заняться поисками правды и сделать все возможное, не стесняясь в средствах.

«Я уже ни на что не годен. Смерть может прийти за мной в любой момент. Выполнить мое задание вам поможет одна особа, которую я постараюсь найти. — Он написал на листке ваше имя и фамилию. — Мисс Джейн Марпл. — Потом добавил: — Я не хочу давать вам ее адрес, а предпочел бы, чтобы вы познакомились с ней в указанном мною месте». Затем он рассказал мне об этой экскурсии — чудесной, безобидной экскурсии по знаменитым замкам и паркам — и заранее заказал мне путевку. «Мисс Джейн Марпл, — сказал он, — тоже поедет в этот тур. Там вы познакомитесь с ней, как бы случайно, во всяком случае, на взгляд стороннего наблюдателя».

Мне предстояло самому выбрать время и место для знакомства с вами — когда я сочту это необходимым. Вы уже задали вопрос, имел ли я или мой приятель, начальник тюрьмы, основание

подозревать, что это убийство совершено кем-то другим, а если да, то кем конкретно. Начальник тюрьмы, разумеется, не делал никаких предположений, а обсуждал дело с офицером полиции, проводившим расследование, исключительно опытным и добросовестным детективом.

— И вы никого не подозревали? Ни одного из дружков этой девушки? Из прежних, брошенных ею поклонников?

— Никаких сведений по этой части полиция не обнаружила. Я попросил мистера Рафиэля рассказать мне немного подробнее о вас, однако он не пошел мне навстречу, а сообщил только, что вы пожилая леди, отлично разбирающаяся в людях. Потом добавил еще одно. — Профессор Вонстед внезапно умолк.

— Что же? — спросила мисс Марпл. — Видите ли, я чрезвычайно любопытна и не смогу думать ни о чем, пока не выясню этого. Я слегка глуховата. Зрение ослабло. Не понимаю, какие преимущества нашел во мне мистер Рафиэль? Вот разве что у меня слегка глуповатый и наивный вид. В былые дни таких, как я, называли «старыми болтушками». *Да я и есть старая болтушка.* Это он и сказал?

— Нет. Мистер Рафиэль сказал, что, по его мне-

нию, у вас исключительный нюх на зло.

— Вот как? — удивилась мисс Марпл.

Профессор Вонстед наблюдал за ней.

— По-вашему, он прав?

— Возможно, это так. Да, вполне возможно. Несколько раз в жизни я действительно узнавала, что зло рядом со мной, ощущала особую, напряженную атмосферу, окружающую того, кто замышляет преступление. — Она посмотрела на собеседника и улыбнулась: — Видите ли, это все равно что родиться с обостренным обонянием. Вы чувствуете утечку газа, когда другие не подозревают об этом. Можете без особых усилий отличить одни духи от других. У меня была тетка, — задумчиво продолжала мисс Марпл, — утверждавшая, будто знает, когда ей лгут. Она говорила, что ноздри лгунов трепещут и от них исходит какой-то особый запах. Не знаю, правда ли это, но несколько раз она оказывалась совершенно права. Однажды она сказала моему дяде: «Джек, не нанимай этого молодого человека, с которым ты разговаривал сегодня утром. В его словах — ни капли правды». Оказалось, что так оно и было.

— Ощущение зла... — проговорил профессор Вонстед. — Что ж, если вы и в самом деле обладае-

те столь уникальной способностью, признайтесь мне в этом. Я буду благодарен вам. Не думаю, что у меня есть такое чутье. Да, я мог увидеть, болен ли человек психически, но... не зло внутри него. — Он постучал себе по лбу.

— Лучше расскажу вам, как меня впутали в эту историю, — предложила мисс Марпл. — Когда мистер Рафиэль умер, я по просьбе его поверенных приехала в Лондон и встретилась с ними. Они передали мне предложение мистера Рафиэля. Потом я получила письмо от него, в котором ровно ничего не объяснялось. Еще некоторое время я ждала развития событий. Потом получила письмо из турагентства, в котором сообщалось, что мистер Рафиэль незадолго до смерти купил для меня путевку в один из туров этого агентства, зная, что я очень люблю путешествовать, и желая сделать мне подарок. Я удивилась, но решила, что это и есть первый шаг, который мне предстоит сделать. То есть, когда состоится поездка, я получу какой-то намек, ключ или указание относительно дальнейших действий. Видимо, так и случилось. Вчера, нет, день спустя после моего приезда сюда три леди, живущие в старом особняке неподалеку, радушно пригласили меня погостить у них. Обо мне они узнали от мисте-

ра Рафиэля. По их словам, он написал им перед смертью письмо, сообщил, в какой именно день я прибуду сюда с экскурсией, и просил их оказать мне, его старой знакомой, гостеприимство на два-три дня, поскольку именно в эти дни экскурсантам предстоит подниматься в горы (вчера, к примеру, они поднимались к древней башне на вершине, что отчасти и стало причиной беды).

— И вы восприняли это как указание?

— Конечно. А что еще я могла подумать? Мистер Рафиэль не стал бы заниматься благотворительностью без определенной цели, просто из сочувствия к старой даме, которой уже не под силу подниматься в горы. Нет, он *явно хотел,* чтобы я отправилась к сестрам.

— И вы сделали это? Что же там случилось?

— Ничего. Там живут три сестры.

— Три странные сестры?

— Им полагалось бы быть странными, но они мне такими не показались. Во всяком случае, пока. Полагаю, что, быть может, раньше... то есть такое вполне возможно. Однако на вид они вполне обычные. Не местные. Эта усадьба принадлежала их дяде, и они поселились здесь несколько лет назад. Сестры стеснены в средствах, дружелюбны, но не особенно интересны.

Они не слишком похожи. Видимо, не близко знакомы с мистером Рафиэлем. Я заводила беседу на разные темы, но так ничего и не выведала.

— Совсем ничего не выяснили?

— Узнала лишь ту историю, которую вы мне только что изложили. Но не от сестер, а от старой служанки, бывшей горничной их дяди. Ей мистер Рафиэль известен только по имени. Однако она охотно рассказала мне все, что знала об убийстве. Это началось с визита в «Старую усадьбу» сына мистера Рафиэля, оказавшегося непутевым парнем. Девушка влюбилась в него, а потом он задушил ее. Называя это очень печальной, трагической и ужасной историей, женщина то и дело охала и ахала. Но ведь это действительно неприглядная история. Полагаю, она, как и полиция, убеждена, что парень совершил не только это убийство...

— Вам не показалось, что история каким-то образом связана с тремя сестрами?

— Нет, они просто были опекунами девушки... и очень любили ее. Вот и все.

— Не знают ли они чего-то... о втором молодом человеке?

— Возможно... а ведь именно это нам и нужно, не так ли? Второй молодой человек, жестокий,

склонный к насилию, хладнокровно изуродовавший лицо задушенной им девушки. Из тех людей, кого ревность доводит до бешенства. Таких немало.

— В «Старой усадьбе» больше ничего не привлекало вашего внимания?

— Нет. Одна из сестер, кажется младшая, постоянно рассказывала о саде. Хотела показать, что разбирается в садоводстве, однако не могла назвать и половины растений в своем саду. Я пару раз поймала ее, упомянув несколько редких разновидностей и спросив, слышала ли она о них. Нет, эта дама лишь восхищается чудесными цветами, но в садоводстве ничего не смыслит. Это напоминает мне...

— О чем?

— Не подумайте, что я свихнулась на садах и растениях, но я *знаю толк* в садоводстве. Мне кое-что известно о птицах и садах.

— Я понял так, что вас волнуют не птицы, а сады?

— Да. Вы обратили внимание на двух пожилых дам, наших спутниц? Мисс Барроу и мисс Кук.

— Они путешествуют вместе.

— Верно, но кое-что в мисс Кук насторожило меня. Я имею в виду ее имя.

— Гм! Она путешествует под чужим именем?

— Кажется, да. Как-то она нанесла мне визит... ну, не визит, а просто однажды мисс Кук проходила мимо моего сада в Сент-Мэри-Мид. С восхищением отозвалась о нем и обсудила со мной кое-какие садоводческие вопросы. Потом сообщила, что живет в деревне и помогает по саду одной особе, недавно поселившейся в новом доме. Подозреваю, что она мне лгала. Как и одна из этих сестер, мисс Кук совершенно не разбирается в садоводстве, а только делает вид.

— Как, по-вашему, зачем она отправилась в эту поездку?

— Сейчас не имею ни малейшего представления. Она назвалась мисс Бартлетт... а имя женщины, у которой она якобы живет, начинается с «Х», это я точно запомнила, хотя само имя забыла. Теперь у мисс Кук новая прическа, другой цвет волос, да и стиль одежды она изменила. Сначала я ее не узнала, только подумала: «Почему ее лицо кажется мне смутно знакомым?» А потом внезапно все вспомнила. Меня сбили с толку ее крашеные волосы. Я сказала мисс Кук, где ее видела, и она призналась, что была там... но притворилась, *что не узнала меня.* Снова ложь.

— И что вы обо всем этом думаете?

— Ясно одно: мисс Кук (будем пока называть ее так) приехала в Сент-Мэри-Мид взглянуть на меня... чтобы узнать впоследствии, когда мы встретимся снова...

— К чему ей это?

— Не знаю. Есть две возможности. Боюсь, ни одна из них мне не нравится.

— Как и мне, — вставил профессор Вонстед и, помолчав, добавил: — Мне очень не по себе от того, что случилось с Элизабет Темпл. Вы успели поговорить с ней?

— Да. Хотела бы вернуться к этому разговору, когда ей станет лучше, и расспросить об убитой девушке. Она когда-то училась в ее школе и собиралась замуж за сына мистера Рафиэля, но свадьба не состоялась. Девушка умерла. Я спросила, как и почему это случилось... Элизабет Темпл произнесла в ответ лишь одно слово: «Любовь». Мне пришло в голову, что речь идет о самоубийстве, но это было убийство. Возможно, убийство из ревности. Нам необходимо найти того, кто совершил преступление. Возможно, мисс Темпл назовет его имя.

— У вас нет других зловещих предположений?

— Право же, по-моему, все, что нам надо, — это одно или несколько случайно оброненных

слов. Не вижу причин подозревать кого-либо из экскурсантов в чем-то зловещем, равно как и обитательниц «Старой усадьбы». Но одна из сестер может помнить что-то, сказанное девушкой или Майклом в то время. Клотильда ездила с воспитательницей за границу. Поэтому, возможно, знает о чем-то из того, что происходило во время этих поездок. Помнит какие-то слова, поступки девушки или молодого человека, с которым она познакомилась там. Нечто не имеющее отношения к «Старой усадьбе». Да, очень трудно подобрать ключ к пониманию происходящего, если располагаешь единственной возможностью: расспрашивать людей и выуживать информацию из случайных реплик. Средняя сестра, миссис Глинн, вышла замуж довольно рано и провела большую часть жизни, как я поняла, в Индии и в Африке. Возможно, она слышала что-то от мужа или от его родственников, или же информация поступила к ней какими-то путями, не связанными со «Старой усадьбой», которую, впрочем, она время от времени посещала. Видимо, миссис Глинн знала убитую девушку, но, думаю, не так близко, как ее сестры. Однако это не означает, что миссис Глинн не располагает важными *сведениями* о девушке. Несколько сумасбродная мисс

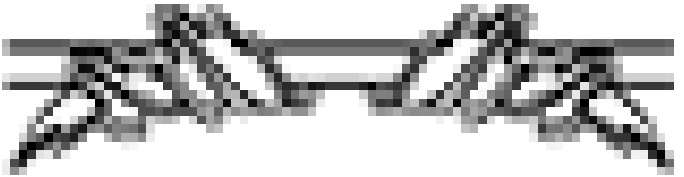
Антея, кажется, тоже не слишком хорошо знала погибшую, но у нее *может быть* информация о любовниках — или дружках... А что, если мисс Антея видела девушку с незнакомым молодым человеком? Кстати, сейчас она проходит мимо отеля.

Мисс Марпл, поглощенная беседой с профессором, все же по привычке внимательно наблюдала за происходящим, автоматически отмечая каждого, кто появлялся в ее поле зрения, независимо от того, спешил куда-то этот человек или бесцельно слонялся поблизости.

— Антея Брэдбери-Скотт — вон та дама с большим пакетом. Полагаю, идет на почту. Только что обогнула угол, верно?

— У нее вид полоумной старухи, — заметил профессор Вонстед. — Растрепанные седые волосы... Похожа на пятидесятилетнюю Офелию.

— Я тоже подумала об Офелии, едва увидела мисс Антею. Господи, если бы я только знала, что теперь делать! Как поступить: остаться здесь, в «Золотом вепре», еще на пару дней или поехать дальше с экскурсией? Да, это все равно что искать иголку в стоге сена. Правда, если порыться хорошенько, обязательно что-нибудь найдешь... даже если при этом поранишь палец.



Глава 13

ЧЕРНО-КРАСНАЯ КЛЕТОЧКА

I

Миссис Сэндборн вернулась к обеду с неутешительными известиями. Мисс Темпл все еще не пришла в себя. Транспортировать ее нельзя еще по крайней мере несколько дней.

Сообщив об этом, миссис Сэндборн перешла к практическим вопросам. Она приготовила расписание поездов для тех, кто хотел вернуться

в Лондон, а тем, кто все же решил продолжить путешествие, представила планы экскурсий на следующие два дня — маленькими группками на арендованных машинах.

Профессор Вонстед отвел мисс Марпл в сторону, едва они вышли из столовой.

— Вы, наверное, хотите отдохнуть? Если нет, я зайду за вами через час. Тут есть интересная церковь, на которую вам следует взглянуть.

— Это было бы очень мило, — ответила мисс Марпл.

II

Мисс Марпл удобно расположилась на сиденье машины, которую к назначенному времени вызвал профессор Вонстед.

— Надеюсь, осмотрев эту церковь, вы получите удовольствие. Да и сама деревушка очень мила. Почему бы нам не насладиться местными достопримечательностями?

— Вы очень добры. — Мисс Марпл окинула профессора чуть настороженным взглядом. — Вы очень добры, — повторила она. — Но не проявляем ли мы... бессердечия... вы понимаете, о чем я.

— Дорогая, но ведь мисс Темпл — не ваша старая подруга. Конечно, весьма печально, что все

так случилось, но мы не в силах помочь ей.

— Вы правы.

«Машина арендованная, — подумала мисс Марпл. — Как мило, что профессор пригласил пожилую даму осмотреть здешние достопримечательности. Ведь он мог найти спутницу помоложе, поинтереснее и уж наверняка покрасивее». Мисс Марпл бросила на профессора задумчивый взгляд, когда машина проезжала по деревне. Однако он смотрел в окно.

Миновав деревню, они выехали на проселочную дорогу, вьющуюся между холмами. Профессор повернул голову к мисс Марпл:

— Должен заметить, что мы направляемся не в церковь.

— Так я и думала.

— Да, вы должны были догадаться.

— Куда же мы направляемся?

— В больницу, в Карристаун.

— В ту, куда доставили мисс Темпл?

— Да, миссис Сэндборн видела пострадавшую и привезла мне письмо от начальника больницы. Я только что поговорил с ними по телефону.

— Она поправляется?

— К сожалению, нет.

— Понимаю. По крайней мере... нет, пожа-

луй, не вполне понимаю, — пробормотала мисс Марпл.

— Весьма проблематично, поправится ли она, но тут уж ничего не поделаешь. Сознание может не вернуться к ней, однако возможны короткие проблески.

— Так вы везете *меня* туда? Но зачем? Как вы справедливо заметили, я не подруга мисс Темпл и познакомилась с ней только на этой экскурсии.

— Знаю, но я везу вас туда потому, что, ненадолго придя в себя, она спросила о вас.

— Вот оно что. Интересно, а почему мисс Темпл спросила *обо мне*, почему решила, что я могу быть полезна ей? Она женщина выдающаяся, была директрисой «Фаллоуфилд», и ее мнение высоко ценили специалисты в области образования.

— Кажется, это лучшая женская школа?

— Да. Мисс Темпл — личность исключительная и была великолепным педагогом. Она преподавала математику, но ее интересы не ограничивались этим предметом. Мисс Темпл занимали вопросы образования, психологии и многое другое. Ее смерть будет невосполнимой потерей для всех. Она оставила свой пост в «Фаллоуфилд», однако многое делала в сфере образования. Этот несчастный случай... — Мисс Марпл вдруг умолк-

ла. — Неужели, по-вашему, нам следует заняться расследованием этого несчастного случая?

— Полагаю, этим стоит заняться. Огромный валун внезапно сорвался и покатился по склону холма. Да, такое порой случается, но все же очень редко. Признаюсь, кое-кто заговорил со мной об этом.

— Об этом несчастном случае? — удивилась мисс Марпл. — Кто же?

— Джоанна Кроуфорд и Эмлин Прайс.

— И что же они сказали вам?

— Джоанне показалось, что кто-то был на склоне холма, только повыше. Она и Эмлин шли по едва заметной извилистой тропке, тянущейся выше главной тропы и огибающей холм. Выйдя из-за скалы, она явственно увидела, что кто-то толкает вперед большой валун. Джоанна не рассмотрела, мужчина это был или женщина, но силуэт четко обозначился на фоне неба. Валун покатился — сначала медленно, потом все быстрее — по склону холма. Именно в этот момент по главной тропе шла мисс Темпл, и валун придавил ее. Если это было сделано преднамеренно, то покушение, очевидно, увенчалось успехом — камень вполне мог пролететь мимо.

— Кого она видела — женщину или мужчи-

ну? — вслух подумала мисс Марпл.

— Увы, Джоанна Кроуфорд не может ответить на этот вопрос. Тот человек был в джинсах или в брюках и в ярком пуловере в черно-красную клеточку. Злоумышленник повернулся и почти тут же скрылся из виду. Девушка полагает, что это был мужчина, но все же не вполне уверена в этом.

— А кто считает это покушением на жизнь мисс Темпл — вы или Джоанна?

— Чем больше она размышляет о случившемся, тем сильнее ее уверенность в том, что это было покушение. И молодой человек согласен с ней.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— На этот счет у меня нет никаких соображений. У молодых людей — тоже. Это мог быть кто-то из туристов. Или совершенно неизвестный нам человек: узнал, что экскурсанты остановились здесь, решил воспользоваться этим и попытаться убить одного из них. Это либо юный любитель насилия, либо тайный враг мисс Темпл.

— Когда говорят «тайный враг», это попахивает мелодрамой, — заметила мисс Марпл.

— Да, но кому нужно убивать ушедшую на покой, уважаемую всеми экс-директрису? Необходимо найти ответ на этот вопрос. Маловероятно,

но все же не исключено, что мисс Темпл сама поможет нам. Как знать, а вдруг она узнала того, кто столкнул камень? Нет, скорее этой леди известно, кто и по какой причине мог желать ей зла.

— Все это кажется неправдоподобным.

— Согласен. Крайне трудно представить мисс Темпл жертвой насилия, но все же следует признать, что у экс-директрисы широкий круг знакомых. Не будем преуменьшать, множество известных людей прошли через ее руки.

— Вы хотите сказать, много девушек?

— Да. Вот именно. Девушки и их семьи. Мисс Темпл были известны секреты ее воспитанниц. Например, любовные приключения, о которых не подозревали родители. Такое ведь, знаете ли, случается. И к тому же очень часто. Особенно в последние десять-двадцать лет. Говорят, теперь девушки взрослеют раньше. И это проявляется в манере одеваться, в прическах. Возьмите хоть мини-юбки — разве это не дань детству? А размалеванные сорочки и шорты — чистый инфантилизм! Они просто *не желают* становиться взрослыми, ибо опасаются принимать на себя ответственность. И все же, как все дети, эти молодые люди хотят, чтобы их *считали* взрослыми, разрешали им делать все, что позволено взрос-

лым. Порой это приводит к трагедии.

— Вы имеете в виду какой-то конкретный случай?

— Нет. Просто я размышляю... прикидываю разные возможности. Не могу представить себе, чтобы у Элизабет Темпл был какой-то *личный* враг. И заметьте, это враг расчетливый и безжалостный; он воспользовался представившейся возможностью, чтобы прикончить ее. Что ж, я и в самом деле думаю... — Профессор посмотрел на мисс Марпл: — А может, у вас есть какое-нибудь предположение?

— Предположение? Нет, однако, кажется, я понимаю ход ваших рассуждений. Вы подозреваете, будто мисс Темпл что-то знала. Ей было известно что-то, угрожающее осложнениями или даже опасностью для какой-то особы. И та особа боялась разоблачения.

— Да, именно так я и подумал.

— В таком случае, — продолжала мисс Марпл, — можно сделать вывод, что кто-то из экскурсантов узнал мисс Темпл. Сама же она, вероятно, не вспомнила этого человека, поскольку много лет не видела его. Полагаю, это дело рук одного из наших спутников. — Помолчав, она спросила: — Вы упомянули о пуловере, о том, что он был в

черно-красную клетку?

— Да. Пуловер... — Профессор с интересом взглянул на мисс Марпл: — А почему вы вдруг вспомнили об этом?

— «Очень уж это приметная вещь», — подумала я, услышав ваши слова. Такое сочетание красок издали бросается в глаза. Ведь не случайно Джоанна отметила расцветку пуловера, не упомянув про брюки.

— Прошу вас, продолжайте.

— Знаете принцип сигнальных флажков? — задумчиво спросила мисс Марпл. — То, что обязательно увидят, на что обратят внимание, запомнят, узнают.

— Я весь внимание.

— Говоря о человеке, которого видели издали, вы прежде всего опишете его одежду. Не лицо, не походку, не руки и не ноги, а малиновый берет, лиловый плащ, кожаную куртку, яркий пуловер в черно-красную клетку. Что-то сразу запоминающееся, бросающееся в глаза. Но стоит только этому человеку снять свою одежду, избавиться от нее, отправить по почте за сотню миль по какому-то адресу, сунуть в мусорный ящик, разорвать или уничтожить иным способом, как он тут же становится обычным, не привлекающим ничьего

внимания и никому не внушающим подозрений. Этот пуловер в черно-красную клетку был надет *с умыслом,* чтобы его запомнили. Но больше его не наденут.

— Весьма логично, — заметил профессор Вонстед. — Как я уже говорил вам, «Фаллоуфилд» расположена неподалеку отсюда. Кажется, шестнадцать миль. Поэтому в этих краях Элизабет Темпл хорошо знают, да и сама она со многими знакома.

— И это увеличивает число возможностей, — быстро проговорила мисс Марпл. — Вы правы, — добавила она, — скорее всего, нападавший мужчина, а не женщина. Валун сбросили вниз с предельной точностью, если только его сбросили. Точность в подобных делах свойственна мужчинам, женщины редко ею обладают. С другой стороны, как вы упомянули, вполне возможно, что в этой экскурсии принимает участие бывшая ученица мисс Темпл или кто-то из старых знакомых; некто узнал ее, но она его не узнала. Мисс Темпл могли увидеть на улице. Внешность пятидесятилетнего человека меняется за десять лет не так сильно, как у подростка. И вот, заметив свою бывшую начальницу, некая особа вспоминает, что мисс Темпл знает какие-то компрометирую-

щие факты, представляющие для нее серьезную опасность. — Мисс Марпл вздохнула. — Мне совсем незнакомы здешние места. А вам?

— Тоже нет, — ответил профессор Вонстед. — Я не бывал в этих краях и только от вас слышал несколько историй, случившихся здесь. Если бы не знакомство с вами и не ваши рассказы, я чувствовал бы себя совершенно беспомощным. Вы и сами не знаете, что делаете здесь. Однако вас послали сюда. Все это запланировал мистер Рафиэль — ваше участие в экскурсии и нашу встречу. Мы видели друг друга и в предыдущие дни, но он устроил так, чтобы вы провели пару дней в этом городке, в доме его бывших друзей, которые не отказали бы ему в этой просьбе. Для чего все это?

— Очевидно, он хотел, чтобы я узнала некоторые факты, — ответила мисс Марпл.

— Услышали об убийствах, случившихся много лет назад? — усомнился профессор Вонстед. — В подобных происшествиях нет ничего необычного. То же самое можно услышать во многих местах Англии и Уэльса. Это серийные преступления. Сначала находят труп одной изнасилованной и убитой девушки, потом — другой, неподалеку от места убийства первой жертвы. Затем то же са-

мое случается в стороне, на расстоянии примерно двадцати миль. Схема всегда одинакова. Сообщалось, например, что в Джоселин-Сент-Мэри пропали две девушки. Об одной из них мы с вами и говорили: ее тело нашли через шесть месяцев за много миль от этого городка, а прежде девушку видели с Майклом Рафиэлем...

— А вторая?

— Ее имя Нора Брод. Отнюдь не скромница, не имела постоянного кавалера. Кажется, вокруг нее крутилось несколько ухажеров. Труп Норы Брод так и не нашли. Возможно, еще найдут... когда-нибудь. Иногда такое бывает и через двадцать лет. — Профессор притормозил. — Вот мы и приехали. Это Карристаунская больница.

Мисс Марпл, поддерживаемая под локоть профессором Вонстедом, вошла в здание. Профессора ждали, и прибывших сразу же провели в небольшую комнату. Им навстречу поднялась дама:

— О, вот наконец, и вы, профессор Вонстед. А также...

— Мисс Джейн Марпл, — представил спутницу профессор. — Я разговаривал с сестрой Баркер по телефону.

— Ах да. Сестра Баркер сказала, что эта леди приедет с вами.

— Как чувствует себя мисс Темпл?

— По-прежнему. Боюсь, ей не стало лучше. — Дама поднялась. — Я отведу вас к сестре Баркер.

Сестра Баркер оказалась высокой худощавой женщиной с низким решительным голосом. Ее темно-серые глаза в упор смотрели на собеседника, но через мгновение она отводила их в сторону, словно успев составить определенное суждение.

— Не знаю, что вы намерены предпринять, — проговорил профессор Вонстед.

— Пожалуй, я лучше расскажу мисс Марпл о том, что мы уже успели сделать. Я должна предупредить вас, что наша пациентка мисс Темпл все еще в коматозном состоянии. Сознание проясняется у нее редко и внезапно, тогда она ориентируется в окружающем и даже произносит несколько слов. Помочь мисс Темпл мы не можем. Остается только запастись терпением. Полагаю, профессор Вонстед уже рассказал вам, что в один из моментов просветления пациентка отчетливо назвала ваше имя: «Мисс Джейн Марпл». Потом добавила: *«Я хочу поговорить с ней. С мисс Джейн Марпл»*. После этого она снова впала в беспамятство. Доктор счел целесообразным обратиться к спутникам мисс Темпл. Мы связались с профессором Вонстедом, и он привез

вас сюда. Увы, сейчас мы просим вас об одном: посидите в палате мисс Темпл и внимательно выслушайте каждое слово, которое она скажет, придя в себя. Боюсь, что прогноз не слишком утешительный. Буду с вами откровенна, тем более что вы не ее родственники. По мнению врачей, мисс Темпл быстро угасает и может умереть, не приходя в сознание. Помочь ей мы бессильны, однако очень важно, чтобы вы услышали и запомнили ее последние слова. Доктор полагает, что возле больной, если она все же придет в себя, не должно быть много людей. Надеюсь, мисс Марпл не откажется посидеть у постели мисс Темпл. В этой же палате за ширмой дежурит сиделка. В больнице находятся также офицеры полиции, которые при первой же возможности запишут ваши показания. Доктор убежден: разумнее всего, чтобы возле мисс Темпл находилась только та леди, которую она *ожидает* увидеть. Тогда больная не испугается и не забудет то, что хотела сообщить вам. Полагаю, эта просьба не слишком обременит вас?

— О нет, — ответила мисс Марпл. — Я вполне готова к этому. У меня с собой записная книжка и ручка, но, наверное, лучше, чтобы больная не видела их. Я быстро все запоминаю, поэтому мне не

обязательно делать записи. Можете положиться на мою память. К тому же я не глухая. Конечно, слух у меня уже не такой острый, как в молодости, но я без труда расслышу слова больной, даже если она произнесет их шепотом. Мне не раз в жизни приходилось выполнять обязанности сиделки.

Сестра Баркер посмотрела на мисс Марпл и чуть кивнула:

— Вы очень добры, и я не сомневаюсь, что мы можем полностью положиться на вас. Если профессор Вонстед согласится подождать внизу, в приемной, мы в случае необходимости вызовем его сюда. А теперь, мисс Марпл, прошу вас, пойдемте со мной.

Пожилая леди последовала за сестрой Баркер в палату. Там царил полумрак — шторы были полуопущены. Элизабет Темпл лежала неподвижно, как статуя, но не казалась спящей. Дышала она неровно и тяжело. Сестра Баркер нагнулась и осмотрела больную. Потом, указав мисс Марпл на стул возле постели, направилась к двери. Из-за ширмы вышел молодой мужчина с блокнотом в руках.

— Это по распоряжению доктора, мистер Рекитт, — сообщила сестра Баркер.

Тут из-за ширмы показалась сиделка.

— Позовите меня, если понадоблюсь, сестра Эдмондс, — обратилась к ней сестра Баркер. — И выполняйте все, о чем бы ни попросила вас мисс Марпл.

Мисс Марпл расстегнула пуговицы на жакете. В палате было тепло. Сиделка подошла к посетительнице, взяла у нее жакет и удалилась за ширму. Мисс Марпл опустилась на стул. Посмотрев на Элизабет Темпл, она подумала то же, что и при первой встрече в автобусе: «Какое у нее одухотворенное лицо! (Седые волосы больной были зачесаны назад.) Удивительно красивая женщина. Яркая личность. Очень жаль, если она умрет. Это будет большой потерей для всех».

Мисс Марпл чуть придвинула стул к постели и приготовилась терпеливо ждать. Она конечно же не знала, будет ли прок от ее пребывания здесь. Время тянулось медленно. Десять минут, двадцать, полчаса, тридцать пять минут. И вдруг совершенно неожиданно послышался голос — тихий, чуть хриплый, но внятный:

— Мисс Марпл. — Глаза Элизабет Темпл смотрели на посетительницу. Внимательно и осмысленно. Испытующий взгляд больной не выражал никаких эмоций — даже удивления. — Мисс Марпл. Ведь вы Джейн Марпл? — повторила она.

— Верно. Меня зовут Джейн Марпл.

— Генри часто говорил мне о вас и многое рассказал.

Голос умолк. Мисс Марпл, затрепетав, спросила:

— Генри?

— Генри Клитеринг, мой старый друг... очень старый друг.

— И мой тоже, — заметила мисс Марпл и тут же подумала, как много лет знакома с Генри Клитерингом. Он неоднократно обращался к ней за помощью, как, впрочем, и она к нему. Да, это был очень давний друг.

— Я вспомнила о вас, увидев ваше имя в списке пассажиров. Вы могли бы помочь. Будь Генри здесь, он сказал бы то же самое. Необходимо кое-что выяснить. Это очень важно. Очень. Хотя... это случилось довольно давно... давно...

Голос мисс Темпл дрогнул, глаза полузакрылись. Из-за ширмы появилась сиделка, взяла небольшой стакан и поднесла его к губам больной. Мисс Темпл сделала глоток, потом слегка покачала головой. Сестра поставила стакан и вернулась за ширму.

— Я сделаю все, что в моих силах, — пообещала мисс Марпл, однако не задала ни одного вопроса.

— Хорошо, — проговорила больная и вскоре повторила: — Хорошо.

Минуты три она лежала с закрытыми глазами. Возможно, погрузилась в сон или забытье. Потом глаза открылись.

— Кто из них? — спросила она. — Именно это и нужно узнать. Вы понимаете, о чем я?

— Думаю, да. Девушка, которая погибла... ее звали Нора Брод?

Больная нахмурилась:

— Нет, нет, нет. Другая девушка. Верити Хант.

Она надолго умолкла, потом сказала:

— Джейн Марпл. Вы старая женщина, старше, чем я предполагала, когда он говорил мне о вас. Далеко не молоды, но ведь вы все еще способны находить разгадки самых запутанных историй, не так ли? — Голос женщины зазвучал резче и тверже: — Вы ведь справитесь, правда? Скажите, что справитесь. У меня осталось мало времени. Я знаю это. Одна из них, но которая? Выясните. Генри поклялся бы, что вам это удастся. Возможно, это опасно... но вы ведь все равно все выясните, правда?

— С Божьей помощью — да! — ответила мисс Марпл. — Клянусь.

— Ах! — Глаза закрылись, потом снова откры-

лись. Подобие улыбки затрепетало на губах больной. — Большой камень с вершины горы. Камень смерти.

— Кто сбросил его?

— Не знаю. Не важно... только... Верити. Узнайте о Верити. Правду. Синоним латинского слова «verity»[28].

Больная расслабилась, глаза ее закрылись. Послышался слабый шепот:

— Прощайте. Сделайте все возможное...

К постели подошла сиделка, пощупала пульс, потом указала мисс Марпл на дверь. Та беспрекословно повиновалась и вышла вслед за сиделкой из палаты.

— Это слишком утомило ее, — сказала сиделка. — Теперь она не скоро придет в сознание. Если вообще придет. Надеюсь, вы узнали что-то полезное.

— Сомневаюсь, — ответила мисс Марпл, — впрочем...

— Ну как, выяснили что-нибудь? — Профессор Вонстед повел мисс Марпл к машине.

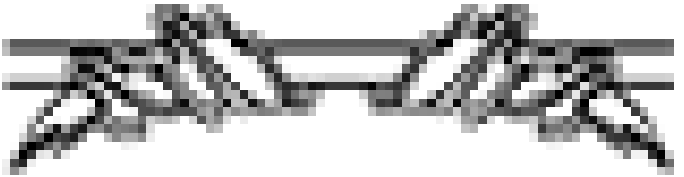
— Имя. Верити. Так звали ту девушку?

— Да. Верити Хант.

---

[28] notes: 28
Истина, правда *(англ.)* и женское имя.

Элизабет Темпл умерла через полтора часа, не приходя в сознание.



Глава 14

МИСТЕР БРОДРИББ РАЗМЫШЛЯЕТ

— Вы читали сегодняшнюю *«Таймс»?* — спросил мистер Бродрибб своего партнера мистера Шустера.

Тот ответил, что времени на *«Таймс»* у него не хватает, поэтому он довольствуется *«Телеграф».*

— Возможно, это сообщение было и там, — заметил мистер Бродрибб. — В рубрике смертей. Мисс Элизабет Темпл, доктор наук.

Мистер Шустер взглянул на него с легким удив-

лением.

— Директриса «Фаллоуфилд». Ну, о «Фаллоуфилд» вы ведь слышали, не так ли?

— Конечно, — ответил Шустер. — Женская школа. Существует уже полвека. Первоклассная, но обучение там фантастически дорогое. Итак, она была директрисой этой школы? По-моему, мисс Темпл ушла на покой по меньшей мере полгода назад. Кажется, я читал об этом в газетах. Там еще писали немного о новой директрисе. Замужняя дама. Не старая. Лет тридцати пяти — сорока. С современными идеями. Ввела уроки косметики, разрешила носить брюки. Что-то в этом роде.

— Гм-м! — пробормотал мистер Бродрибб; именно так адвокаты его возраста выражают недовольство тем, что не согласуется с их жизненным опытом. — Едва ли ей удастся снискать такую же известность и сделать себе такое же имя, как Элизабет Темпл. Мисс Темпл долгое время была директрисой.

— Вот как? — Мистер Шустер не проявил особого интереса. Он не понимал, почему Бродрибба взволновала смерть какой-то директрисы.

Конечно, школы не привлекали пристального внимания этих джентльменов. Их сыновья уже более или менее прочно стояли на ногах. Стар-

ший сын мистера Бродрибба служил в одном из министерств, младший — в нефтяной компании. Два юных отпрыска мистера Шустера учились в университетах и по мере сил портили кровь преподавателям.

— Так что же с ней случилось? — спросил мистер Шустер.

— Она отправилась в экскурсионную поездку на автобусе.

— Ох уж эти автобусы, — пробормотал мистер Шустер. — Я бы запретил своим родственникам пользоваться этим видом транспорта. Один автобус на прошлой неделе рухнул в пропасть в Швейцарии, а два месяца назад в катастрофе погибло двадцать человек. Не понимаю тех, кто водит их в наши дни.

— Это был автобус турагентства «Знаменитые замки и парки Великобритании», — пояснил мистер Бродрибб. — Вы поняли, о чем я?

— Разумеется. Ведь мы... э-э... послали в этот тур старушку, мисс... как ее зовут? Путевку для нее заказывал старик Рафиэль.

— Мисс Джейн Марпл.

— А ее, случаем, не прикончили? — спросил мистер Шустер.

— Насколько я знаю, нет. Простите, я немного

задумался.

— Это была дорожная авария?

— Нет. Это произошло в одном из самых живописных мест. Туристы поднимались по тропинке на холм, довольно крутой. На склоне его довольно много больших камней и валунов. Внезапно несколько валунов покатилось вниз. Мисс Темпл угодила под обвал, ее доставили в тяжелом состоянии в больницу, где она и умерла, не приходя в сознание...

— Как жаль! — Мистер Шустер ждал продолжения.

— Все это заставило меня задуматься, ибо я случайно вспомнил, что... э-э... именно в «Фаллоуфилд» училась та девушка.

— Какая еще девушка? Я не знаю, кого вы имеете в виду, Бродрибб.

— Девушка, которую прикончил молодой Майкл Рафиэль. В моей памяти вдруг всплыли кое-какие детали — полагаю, связанные со странным поручением, которое старик Рафиэль дал этой Джейн Марпл. Жаль, что он не рассказал нам подробностей.

— И каким же образом это связано? — заинтересовался мистер Шустер.

Мозг адвоката заработал. Он был готов про-

анализировать все, что услышит от мистера Бродрибба.

— Та девушка. Не могу вспомнить ее имя. Какое-то христианское имя — то ли Надежда, то ли Вера, что-то такое. Ага, Верити. Верити Хантер, кажется. Одна из убитых девушек. Ее труп нашли милях в тридцати от того места, где она исчезла. В овраге, через полгода. Очевидно, ее задушили, а потом изуродовали лицо, чтобы затруднить опознание, но, разумеется, *девушку все равно опознали.* Одежда, сумочка, драгоценности... родимое пятно или шрамы... О да, установить ее личность не составило труда.

— По-моему, потом был судебный процесс, не так ли?

— Да. Майкла подозревали в том, что он убил еще трех девушек за год. Но достаточных улик, чтобы признать его виновным, не нашлось... поэтому полиция уцепилась именно за это дело — уж тут хватало улик. К тому же у него уже сложилась весьма дурная репутация — прежде выдвигали обвинения в рукоприкладстве и попытке изнасилования. Впрочем, все мы знаем, что значит в наши дни обвинить в изнасиловании. Мать говорит дочке, чтобы она заявила в полицию, будто ее изнасиловал парень, хотя

на самом деле все обстояло иначе. Девица сама пригласила его к себе домой, когда мать была на работе, а отец в командировке. Сама повисла у него на шее, не давала проходу, в общем, затащила в постель. Потом, как я уже говорил, мать посоветовала девушке заявить об изнасиловании — в надежде, что парень женится на ней. Но речь не об этом, — продолжал мистер Бродрибб. — Я задумался о том, нет ли какой-то связи между прошлыми и нынешними событиями. Нет ли чего-то общего между делом Майкла и заданием, которое выполняет мисс Марпл для покойного мистера Рафиэля.

— Его ведь признали виновным, верно? Приговорили к пожизненному заключению?

— Это было так давно, что я уже не помню точно. Может, сделали скидку на «ограниченную ответственность»?

— А Верити Хантер или Хант училась в той школе — школе мисс Темпл? Ведь она была школьницей, когда ее убили?

— О нет. Ей было уже восемнадцать или девятнадцать лет. Жила она то ли с родственниками, то ли у друзей родителей, ну, что-то в этом роде. Чудесный дом, прекрасные люди, очаровательная девушка. Про таких, как она, родственники

всегда говорят: «Очень скромная, застенчивая девушка, не встречается с незнакомыми людьми, у нее даже нет своего парня». Они и не подозревают, что как раз парень у нее уже есть, просто она умело скрывает это от них. А, как говорят, молодой Рафиэль очень нравился девушкам.

— Никто не сомневался, что эти преступления совершил именно он? — спросил мистер Шустер.

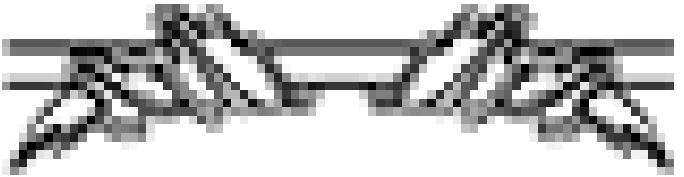
— Какое там! Он нагородил столько лжи! Лучше бы его адвокат посоветовал ему молчать. Майкл пытался обеспечить себе алиби с помощью своих друзей, но это алиби ничего не стоило. Понимаете, о чем я? Судьи сочли, что никто из его приятелей не заслуживает доверия.

— Что же вы думаете обо всем этом, Бродрибб?

— Ну, я еще не пришел ни к какому заключению, просто размышлял, с чем можно связать смерть мисс Темпл.

— В каком плане?

— Видите ли, по-моему, странно, что камень вдруг скатился и придавил человека. Странно, неестественно. Обычно камни спокойно лежат и никуда не скатываются, уж поверьте моему опыту.



Глава 15

ВЕРИТИ

I

— Верити, — сказала мисс Марпл.

Элизабет Маргарет Темпл умерла накануне вечером. Умерла тихо и спокойно. Мисс Марпл сидела в гостиной «Старой усадьбы». Отложив детскую розовую кофточку, она начала вязать лиловый шарф — по ее старомодным понятиям, так было приличнее, поскольку произошла ужас-

ная трагедия.

Предварительное дознание было назначено на следующий день. Викарий согласился отслужить короткую панихиду в церкви после того, как будут улажены все формальности. Представители похоронного бюро с неизменно скорбными лицами совместно с полицией занялись организационными вопросами. Утром, ровно в одиннадцать, началось дознание. Участники экскурсии согласились дать показания, но кое-кто из них отправился на поминальную службу.

Миссис Глинн, придя в «Золотой вепрь», начала настойчиво упрашивать мисс Марпл вернуться в «Старую усадьбу» и погостить там, пока не возобновится экскурсия.

— Это избавит вас хотя бы от репортеров.

Сердечно поблагодарив сестер за предложение, мисс Марпл приняла его.

Автобус с экскурсантами отправлялся после панихиды в Саут-Бедстоун, до которого было тридцать пять миль. Там находился первоклассный отель, где и предполагалось остановиться. В дальнейшем экскурсия должна была продолжаться по плану.

«Однако, — подумала мисс Марпл, — наверняка найдутся и такие, кто не пожелает завершить

тур и вернется домой. Это имеет определенные резоны. Еще неизвестно, что лучше: отправиться дальше и постоянно вспоминать о трагическом происшествии или махнуть рукой на деньги, затраченные на туристическую путевку. Многое зависит от исхода дознания».

Обменявшись с тремя сестрами несколькими фразами, соответствующими столь печальным обстоятельствам, мисс Марпл вернулась к вязанию. Автоматически шевеля пальцами и напряженно размышляя, что делать дальше, она произнесла одно слово — «Верити» — резко, будто бросила камешек в ручей. Надо посмотреть, что из этого выйдет, — если вообще что-то выйдет. Значит ли что-то это слово для ее хозяек? Может, да, а может, и нет. В любом случае по возвращении в отель она за ужином обронит это слово и понаблюдает, какое впечатление оно произведет на собравшихся. «Ведь это слово, — вспомнила мисс Марпл, — последнее, что произнесла перед смертью Элизабет Темпл. Поэтому, — пальцы пожилой леди быстро двигались, ей не приходилось следить глазами за вязаньем, и это позволяло ей одновременно читать книгу или вести беседу, — поэтому я сейчас назову это имя и посмотрю, что выйдет».

— Верити!

Вызовет ли это слово, как камешек, всплеск, рябь, круги на поверхности воды? Или вода останется гладкой? Нет, какая-то реакция должна последовать...

«О, я не ошиблась!»

Хотя по лицу мисс Марпл нельзя было ничего определить, но ее глаза внимательно следили за тремя женщинами, за всеми сразу, — этому она научилась за долгие годы, наблюдая за соседями в церкви, за матерями на собраниях и на других общественных мероприятиях в Сент-Мэри-Мид, когда желала услышать какую-нибудь новую сплетню или слух.

Миссис Глинн опустила книгу и удивленно взглянула на гостью. «Ее удивило не то, что она услышала имя, а то, что его произнесла я, мисс Марпл».

Клотильда быстро вскинула голову и слегка подалась вперед, потом бросила взгляд в окно, а не на мисс Марпл, и молча сжала кулаки. Пожилая леди искусно притворялась, будто всецело поглощена вязанием. Однако она конечно же видела: по щекам Клотильды покатились слезы, но та даже не попыталась достать носовой платок. Мисс Марпл поразила эманация печали,

исходившая от нее.

— Верити? — мгновенно переспросила Антея с волнением, чуть ли не радостно. — Верити, говорите вы? Вы знали ее? Я и понятия об этом не имела. Вы имеете в виду Верити Хант?

— Это христианское имя? — поинтересовалась Лавиния Глинн.

– *Я* не знала никого с таким именем, — ответила мисс Марпл. — Но *произнесла* я действительно его. Оно ведь довольно необычное, верно? Верити, — задумчиво повторила она. Пожилая леди уронила на колени недовязанный лиловый шарф и оглядела присутствующих с таким смущением, словно почувствовала, что допустила *промах:* — Мне... мне очень жаль. Кажется, я сказала что-то такое, чего не следовало говорить? Видите ли...

— Нет, нет, — прервала ее миссис Глинн. — Все дело в том, что это имя... это имя нам знакомо... оно вызывает у нас кое-какие ассоциации.

— Оно внезапно пришло мне в голову, — пояснила мисс Марпл извиняющимся тоном, — потому что вчера бедная мисс Темпл назвала его. Профессор Вонстед взял меня с собой в больницу, видимо полагая, что мне удастся... не знаю, уместно ли тут это слово... *спасти* ее. Мисс Темпл была в коме. Врачи считали... не то чтобы я дружила

с ней прежде, но, познакомившись на этой экскурсии, мы с ней подолгу говорили. И профессор надеялся, что от меня будет какой-то толк. Увы, его надежды не оправдались. Я просто сидела в палате и ждала, и вдруг мисс Темпл произнесла одно или два слова, но, кажется, в них не было никакого смысла. И вот, когда я уже собиралась уходить, она открыла глаза и посмотрела на меня... не знаю, возможно, мисс Темпл приняла меня за кого-то другого... но она произнесла это слово. «Верити!» Понятно, оно запало мне в память — ведь его произнесла умирающая. Думала ли она о ком-то или имела в виду нечто иное, не знаю. Ведь по-латыни это слово означает «истина», не так ли?

Мисс Марпл оглядела Клотильду, Лавинию и Антею.

— Такое христианское имя носила одна знакомая нам девушка, — сказала Лавиния Глинн. — Вот почему оно так сильно поразило нас.

— Тем более что она умерла ужасной смертью, — пояснила Антея.

— Не вдавайся в подробности! — оборвала ее Клотильда.

— Но ведь все и так это знают. — Антея посмотрела на мисс Марпл: — Я думала, вы слышали

об этом, поскольку были знакомы с мистером Рафиэлем. Ведь если он написал нам о вас, вы не могли не знать его. И вероятно, мистер Рафиэль упоминал вам об этой истории.

— Простите, но я не понимаю, о чем идет речь, — заметила мисс Марпл.

— Они нашли ее тело, — пояснила Антея.

«Коль скоро Антея заговорила, — подумала мисс Марпл, — ее уже не остановить. Однако словоохотливость сестры явно раздражает Клотильду». Та между тем молча достала носовой платок, вытерла слезы и снова выпрямилась. В глазах ее застыло трагическое выражение.

— Верити... — проговорила она. — Так звали девушку, которая была очень дорога нам. Она жила с нами здесь некоторое время. Я очень любила ее...

— И она тоже любила тебя, — сказала Лавиния.

— Я дружила с ее родителями, — продолжала Клотильда. — Они погибли в авиакатастрофе.

— Она училась в «Фаллоуфилд», — вставила Лавиния. — Полагаю, поэтому мисс Темпл и вспомнила ее.

— Конечно, — отозвалась мисс Марпл. — Там, где мисс Темпл была директрисой, не так ли? Я часто слышала о «Фаллоуфилд». Прекрасная

школа, верно?

— Да, — согласилась Клотильда. — Верити училась в ней. После смерти родителей она осталась с нами, поскольку еще не решила вопрос о своем будущем. Ей было восемнадцать или девятнадцать лет. Прелестная девушка, привлекательная, обаятельная. Она подумывала стать медсестрой, но мисс Темпл считала, что с такими способностями надо идти в университет. Поэтому она начала готовиться к поступлению, когда... когда случилась та чудовищная история. — Клотильда отвернулась: — Я... если вы не возражаете, лучше оставить эту тему.

— Разумеется, — пробормотала мисс Марпл. — Мне жаль... простите мою бестактность... Я... Я не слышала... я думала... Мне показалось... — Ее речь становилась все более и более бессвязной.

II

Этим вечером она услышала кое-что еще. Миссис Глинн вошла в спальню мисс Марпл, когда та уже переоделась и собиралась отправиться в отель, чтобы присоединиться к экскурсии.

— Я решила кое-что объяснить вам насчет... насчет этой девушки, Верити Хант, — сказала миссис Глинн. — Не могли же вы знать, что

Клотильда была очень привязана к ней и что ее кошмарная смерть стала для сестры ужасным потрясением. Мы стараемся никогда не упоминать ее имени, но... думаю, лучше рассказать вам всю эту историю. Видите ли, без нашего ведома Верити начала встречаться с неподходящим — не просто неподходящим, а, как оказалось, опасным! — молодым человеком, которого уже не раз обвиняли в различных преступлениях. Проезжая однажды через наши края, он нанес нам визит. Мы знали, что его отец — очень богатый человек. Думаю, лучше рассказать всю правду, если вы еще не знаете ее, а похоже, что так. Это был сын мистера Рафиэля, Майкл...

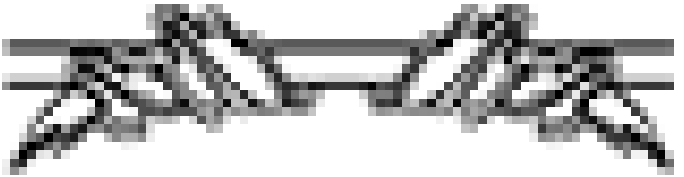
— О господи! — воскликнула мисс Марпл. — Нет, нет, это имя мне незнакомо, но я слышала, что у мистера Рафиэля был сын... изрядный шалопай.

— Проделки его носили отнюдь не безобидный характер, — заметила миссис Глинн. — От него всегда исходили только неприятности. Пару раз Майкла привлекали к суду за различные провинности. В частности, за совращение несовершеннолетней... и что-то еще в том же роде. Боюсь, наши судьи слишком либеральны к подобного рода делам. Не хотят портить жизнь молодым людям,

поэтому дают лишь условное наказание. Если бы этих парней сразу сажали в тюрьму, возможно, это заставило бы их изменить поведение. К тому же он был и аферистом. Подделывал подпись отца на чеках, занимался вымогательством — в общем, негодяй, каких мало. Мы дружили с его матерью. Ей, по-моему, очень повезло, что она рано умерла и не видела, каким мерзавцем стал ее сын. Мистер Рафиэль делал все, чтобы наставить сына на путь истинный. Пытался найти ему подходящую работу, оплачивал штрафы и прочее. Уверена, то, что случилось, потрясло его, хотя он держался спокойно — мол, чего не бывает в жизни! Наверное, обитатели нашего городка расскажут вам, если еще не сделали этого, что здесь произошло несколько убийств и изнасилований, да и не только здесь — и в других частях страны, в двадцати — пятидесяти милях от нас. Полиция подозревает, что подобное происходило и за сотню миль от нас. Но, видимо, основное — именно здесь. И вот однажды Верити ушла из дому к своей подружке и не вернулась. Мы сообщили об этом в полицию, после чего начались ее поиски. Искали повсюду. Появились объявления в газетах и по телевидению, но никаких следов не обнаружили. Полицейские решили, что Верити сбежала

со своим приятелем. Потом пошли слухи, что ее видели с Майклом Рафиэлем. К тому времени полиция уже подозревала Майкла в совершении нескольких преступлений, хотя достаточных улик не было. Кто-то видел Верити с молодым человеком, похожим на Майкла, в машине, такой же, как у него. Но это все, чем мы располагали. И лишь через шесть месяцев нашли ее труп, в овраге, пересекавшем глухой лес, в тридцати милях отсюда. Ее засыпали камнями и завалили землей. Клотильде пришлось поехать в морг для опознания... Она узнала Верити. Девушку задушили, а лицо изуродовали. Клотильда до сих пор не оправилась от потрясения. Верити удалось опознать по характерным приметам — родимому пятну и старому шраму, а также по одежде и содержимому сумочки. Мисс Темпл очень любила Верити. Наверное, поэтому и вспомнила о ней перед смертью.

— Мне очень жаль, — сказала мисс Марпл. — Мне и вправду очень жаль. Пожалуйста, передайте сестре, что я не знала об этом.



Глава 16

ДОЗНАНИЕ

I

Мисс Марпл медленно шла по главной улице городка к рыночной площади, где в старомодном особняке времен короля Георга, уже более ста лет известном как «Герб Керфью», должно было состояться дознание. Она бросила взгляд на часы. До начала оставалось двадцать минут. Оглядев вывески магазинов, мисс Марпл направилась к

тому, где продавали шерсть и различные вязаные вещи, в частности детские кофточки. Задержавшись у порога, она наблюдала, как молоденькая продавщица примеряла кофточки двум ребятишкам. Дальше за прилавком стояла пожилая женщина.

Мисс Марпл подошла к ней, показала образец розовой пряжи и пояснила, что такой шерсти не хватило на один рукав кофточки, которую ей очень бы хотелось закончить. Подходящие нитки вскоре нашлись, и между женщинами завязалась оживленная беседа. Ее затеяла старушка, затронув недавнее печальное событие. Миссис Меррипит поддержала эту тему, возмущенно заметив, что местные власти не делают ничего для безопасности горных дорог, поэтому и произошло несчастье.

— Дожди вымывают почву из-под валунов, и они катятся вниз. Помню, как-то за год было три таких обвала — и три несчастных случая. Одного мальчика чуть не убило, а потом, кажется через полгода, мужчина едва не лишился руки; ну а в третий раз несчастье случилось с миссис Вокер, подслеповатой и почти глухой. Она ничего не услышала — иначе отскочила бы в сторону, так сказали полицейские. Увидев, что камень

покатился, люди крикнули ей, однако они были слишком далеко и не успели спасти старушку. Она погибла.

— Как жаль! — воскликнула мисс Марпл. — Трагическое происшествие. Такое не забывается.

— Еще бы! Думаю, коронер упомянет сегодня об этом случае.

— Уверена. Что и говорить, ужасно, когда природа так безжалостна к нам, но порой несчастные случаи провоцирует человек. Например, сталкивает вниз камень или делает что-то подобное.

— Да, среди нынешней молодежи есть и такие, кто готов на все. Но чтобы так шалить! Раньше я об этом не слышала.

Мисс Марпл вернулась к разговору о шерстяных вещах: нынче вошли в моду очень яркие пуловеры.

— Это не для меня, — пояснила она. — Для моего внука. Хочу подарить ему вязаный пуловер, но цвета он любит кричащие.

— Да, молодым людям нравятся яркие тона, — согласилась миссис Меррипит. — Слава богу, хоть джинсы пока одноцветные. Все предпочитают черные или темно-синие. Но вот рубашки или свитера покупают самые яркие.

Мисс Марпл попросила показать ей пуловер

в черно-красную клеточку, однако, несмотря на богатый выбор шерстяных изделий, нужного не нашлось. Таких в магазине уже давно не осталось. Собравшись уходить, мисс Марпл вдруг заговорила об убийствах, совершенных некоторое время назад в этих краях.

— В конце концов полиция все же поймала этого парня, — сказала миссис Меррипит. — Симпатичный мальчик, никогда бы не подумала о нем такое! Получил прекрасное образование. Учился в университете. Говорят, его отец был очень богат. Должно быть, мальчик спятил. Нет, его не отправили на лечение, но сама я думаю, что он, наверное, был психически болен, — ведь тогда, говорят, пропало бесследно пять или шесть девушек. Полиция задерживала всех подозрительных парней в округе. Самые серьезные подозрения вызвал Джеффри Грант. Он еще в детстве казался всем несколько странным. Устраивал мелкие пакости девочкам по дороге в школу. Предлагал им конфеты, а потом упрашивал их прогуляться с ним по лугам и полюбоваться подснежниками. Да, полицейским он внушал сильные подозрения, но они оказались беспочвенными. Тогда стали проверять Берта Вильямса, но у него нашлось железное алиби

на момент исчезновения по крайней мере двух девочек. Наконец, полиция вышла на третьего... не могу вспомнить его имя. Люк? Нет. Не Майк, но что-то в этом роде. Красивый парень, как я говорила, но его уже привлекали к суду за мелкие правонарушения — воровство, подделку чеков и что-то еще. А также два случая так называемого «отцовства». Ну, вы понимаете, о чем я: родители забеременевшей девушки заставляют парня платить.

— А эта тоже была беременна?

— О да. Сперва мы думали, что обнаружили тело Норы Брод, племянницы миссис Брод, жившей возле мельницы. Уж она-то любила погулять с парнями! Нора пропала с концами — точно так же. Ушла как-то из дому, и никто не знал, куда она делась. И когда через шесть месяцев нашли труп девушки, то решили, что это Нора Брод.

— Но это было не так?

— Нет... это оказалась другая девушка.

— А труп Норы так и не нашли?

— Нет. Может, когда-нибудь это и случится, но власти полагают, что ее просто бросили в реку с камнем на шее. Но ведь ничего не знаешь заранее, верно? А вдруг какой-нибудь фермер, распахивая поле, наткнется на труп? Как-то в

детстве меня возили в соседнее графство в одну деревню, кажется Лутон-Лу. Там, вспахивая поле, обнаружили клад. Какая красота! Золотые корабли, челны викингов, золотые тарелки, огромные золотые блюда. Разве известно, на что наткнешься — на труп или на золотую тарелку? Это может быть золотое блюдо, пролежавшее сотни лет в земле, или труп трех-четырехлетней давности. Именно так произошло с телом Мэри Лукас, которую нашли года через четыре после ее исчезновения. Где-то неподалеку от Рейгейта. Да, все это очень печально, как печальна и вся наша жизнь. Никому не предугадать, что будет даже через неделю.

— Ведь в этих местах убили еще одну девушку? — спросила мисс Марпл.

— Ну да, тогда нашли ее труп и решили, что это Нора Брод. Вы имеете в виду эту девушку? Да? Вот только не припомню ее имени. Хоуп[29], кажется, или Черити[30]. Что-то в этом роде. Эти имена были популярны в прежние времена, но сейчас они встречаются редко. После смерти родителей она жила в «Старой усадьбе».

---

[29] notes: 29
Х о у п (hope) — надежда *(англ.).*

[30] notes: 30
Ч е р и т и (charyty) — милосердие *(англ.).*

— Ее родители погибли в авиакатастрофе?

— Да. Самолет летел то ли в Испанию, то ли в Италию.

— И она перебралась сюда? У нее были здесь родственники?

— Не знаю, но миссис Глинн, насколько мне известно, дружила с ее матерью. Миссис Глинн, правда, жила с мужем за границей, но мисс Клотильда — старшая из сестер, темноволосая — очень полюбила девушку. Брала ее с собой за границу: в Италию, Францию и другие страны, — обучила девушку машинописи, стенографии, даже живописи. Мисс Клотильда — очень образованная женщина. О, она просто души не чаяла в девушке. И места себе не находила, когда Черити исчезла. Совсем иное дело — мисс Антея...

— Младшая из сестер?

— Да. Я слышала, будто у нее не все дома. Сумасбродная, рассеянная. Иногда, знаете ли, ходит по улице, разговаривает сама с собой, как-то странно покачивает головой. Дети ее побаиваются. Похоже, она малость тронутая. Не знаю. У нас тут всякого наслушаешься. Да и двоюродный их дед тоже был большим чудаком. Устраивал стрельбу у себя в саду, причем без всякой причины. Гордился своей меткостью, считал себя

непревзойденным стрелком.

— А у мисс Клотильды с головой все в порядке?

— О да, очень умная женщина. Знает латынь и греческий. Хотела поступить в университет, но не получилось: пришлось ухаживать за матерью. Та стала инвалидом. Но мисс Клотильда души не чаяла в девушке... как же ее звали?.. Вера, кажется. Она любила ее, как дочь. А потом девушка стала встречаться с молодым человеком... по-моему, его звали... Майкл... И вот однажды она просто исчезла, ни слова не сказав. Я уж не знаю, было ли мисс Клотильде известно, что ее подопечная беременна.

— Но от вас-то это не утаилось, — заметила мисс Марпл.

— О, у меня на такие вещи глаз наметан. Я это сразу замечаю, и не только по животу, но и по выражению глаз, походке, по тому, как девушка садится, внезапно почувствовав головокружение или тошноту. Кстати, мисс Клотильде пришлось опознать труп. После этого она чуть не отправилась на тот свет. Ходила сама не своя несколько недель. Да, она очень любила эту девушку.

— А мисс Антея?

— Странно, знаете ли вы, но мне показалось, что она почти довольна. Не очень-то красиво,

правда? Да, вот с таким же видом дочь фермера Пламмера смотрела, как режут свиней. Кажется, это доставляло ей удовольствие. Что ж, в семье не без урода...

Мисс Марпл попрощалась, вышла из магазина и бросила взгляд на часы. У нее было в запасе еще десять минут, и она направилась к почте, на рыночную площадь.

На почте мисс Марпл купила несколько марок, потом принялась рассматривать открытки и книги в дешевых бумажных переплетах. Женщина средних лет с кислым лицом, сидевшая за конторкой, помогла мисс Марпл взять книгу, стоявшую на проволочной подставке.

— Зацепилась. Кто-то неаккуратно поставил ее на место.

Почта была пуста. Мисс Марпл с неодобрением посмотрела на обложку: над обнаженной девицей склонился убийца с окровавленным ножом.

— О господи! Опять ужасы! Какая гадость! — Мисс Марпл взяла другую книгу. — *«Что случилось с малышкой Джейн»,* — прочитала она. — Боже, в каком печальном мире мы живем!

— Вы правы. Вот прочитала во вчерашней газете: какая-то женщина оставила ребенка в коляске у дверей супермаркета и пошла за покуп-

ками, а другая схватила коляску и убежала. Без какой-либо видимой причины! Полиция, конечно, схватила потом преступницу. А оправдывают свои действия все одним и тем же — независимо от того, совершена ли кража в супермаркете, или похищен ребенок. «Кажется, затмение на меня нашло».

— Может, на них и в самом деле что-то находит, — предположила мисс Марпл.

Унылая дама погрузилась в еще большее уныние:

— Я не так простодушна, чтобы поверить этому.

Мисс Марпл огляделась: на почте по-прежнему было пусто. Она направилась к окну:

— Могу ли я попросить вас уделить мне немного времени? Я сделала глупость — это в последние годы случается со мной слишком часто. Я отправила посылку в одно благотворительное общество. Положила туда свитера и детские вязаные вещи, запаковала, написала адрес, отослала... и только сегодня утром поняла, что адрес перепутала. *Едва ли* вы регистрируете адреса отправляемых вами посылок... но вдруг кто-то случайно запомнил его. Я хотела отправить посылку в Ассоциацию помощи докерам и портовым рабочим Темзы.

Унылая женщина снисходительно улыбнулась, тронутая беспомощностью старушки:

— Вы сами принесли ее на почту?

— Нет. Я живу сейчас в «Старой усадьбе»... и одна из ее хозяек, миссис Глинн, кажется... предложила отнести посылку на почту. Весьма любезно, знаете ли...

— Дайте-ка вспомнить. Это ведь было во вторник, верно? И не миссис Глинн принесла посылку, а младшая из сестер, мисс Антея.

— Да, да. По-моему, в тот день...

— Я отлично все помню. Посылка была большая... и довольно тяжелая. Но отправили ее не в Ассоциацию докеров, а на имя преподобного Мэттью из Ист-Хэмского общества помощи женщинам и детям.

— Ах да! — От радости и облегчения мисс Марпл хлопнула в ладоши. — Какая же вы умница — все помните! Теперь-то я понимаю, почему так случилось. На Рождество я *действительно* послала детские вещи в это Ист-Хэмское общество — в ответ на просьбу присылать им вязаные вещи, вот, видимо, по ошибке и списала не тот адрес. Не могли бы вы назвать его мне? — Мисс Марпл записала адрес в свою записную книжку.

— Боюсь, посылка уже отправлена, хотя...

— Да, да, конечно, но я объясню им, что ошиблась, и попрошу переадресовать посылку в Ассоциацию докеров. *Очень* вам признательна.

Мисс Марпл потрусила к выходу. Унылая дама, доставая марки для следующего покупателя, пробормотала ей вслед:

— Бедные старушки такие рассеянные! Верно, она очень страдает от этого.

У выхода мисс Марпл столкнулась с Эмлином Прайсом и Джоанной Кроуфорд и вместе с ними отправилась на дознание.

Она заметила, что Джоанна бледна и встревожена.

— Мне придется давать свидетельские показания, — проговорила девушка. — Не знаю, о чем меня будут спрашивать? Я так боюсь! Я... мне это не нравится. Я ведь уже рассказала сержанту полиции все, что мы видели.

— Не волнуйся, Джоанна, — убеждал ее Эмлин Прайс. — Это обычное коронерское дознание. И коронер очень милый человек, доктор, кажется. Он просто задаст тебе несколько вопросов, и ты скажешь ему, что видела.

— Ты ведь тоже видел.

— Да, — согласился Эмлин. — Видел кого-то возле валунов. Ну пойдем же, Джоанна.

— Полиция обыскала наши номера в отеле, — сообщила девушка. — Даже попросили у нас разрешения, хотя имели на руках ордер, подписанный прокурором. Осмотрели комнаты и багаж.

— Полагаю, они искали тот пуловер в клеточку. Но вам не о чем беспокоиться. Ведь будь у вас черно-красный пуловер, вы бы не стали говорить о нем, не так ли? А это точно был черно-красный пуловер? — спросила мисс Марпл.

— Не знаю, — ответил Эмлин Прайс, — какого он был цвета, — я плохо различаю цвета. Помню только, что видел яркий пуловер, вот и все.

— Они ничего не нашли, — продолжала Джоанна. — Конечно, все мы взяли с собой немного вещей: это же автобусная экскурсия. И ни у кого нет ничего даже отдаленно похожего на тот пуловер. Да и я не припоминаю, чтобы кто-то из наших спутников носил такой. А ты, Эмлин?

— Тоже нет, но даже если бы и видел, *то едва ли помнил бы.* Я же не отличаю красный цвет от зеленого.

— О, ведь ты дальтоник. Я заметила это уже на второй день.

— Заметила? Каким образом?

— Я спросила, не видел ли ты мой красный

шарф. Ты сказал, что видел где-то зеленый, а принес мне красный, который я оставила в столовой.

— Только не говори никому, что я дальтоник. Начнут выражать сочувствие, а я этого не люблю.

— Дальтоников-мужчин гораздо больше, чем дальтоников-женщин. Это связано с генетикой пола. — Джоанна явно желала показать свою эрудицию. — Ведь женщины — лишь носители генов тех болезней, которыми страдают в основном мужчины.

— Ты говоришь так, словно я болен корью, — пошутил Эмлин Прайс. — Ну вот мы и пришли.

— Похоже, тебя ничуть не волнует то, что нам сейчас предстоит, — заметила Джоанна, поднимаясь по ступенькам.

— Мне даже интересно. Я ведь никогда не бывал на дознании. А все, что видишь в первый раз, всегда кажется интересным.

II

Доктор Стоукс оказался седовласым мужчиной средних лет, в очках. Сначала свидетельские показания давали полицейские, потом было зачитано заключение лечащего врача мисс Темпл,

где подробно перечислялись травмы, послужившие причиной смерти. Миссис Сэндборн рассказала об автобусной экскурсии, о погоде в тот день, о том, как произошло несчастье. Мисс Темпл, сообщила она, несмотря на возраст, была энергичной дамой и любила долгие прогулки. Туристы направились, как обычно, по тропе, огибающей выступ скалы и ведущей к старой часовне, построенной во времена королевы Елизаветы, но впоследствии отреставрированной. На соседней вершине расположен Бонавенчерский мемориал. Тропа довольно крутая, и обычно экскурсанты растягиваются по всему холму. Те, кто помоложе, часто убегают вперед и первыми достигают вершины холма. Старики же идут медленно. Сама миссис Сэндборн замыкала шествие, чтобы отправлять назад тех, кто устанет. Мисс Темпл вначале шла с мистером и миссис Батлер, беседуя с ними. Хотя ей было уже за шестьдесят, медлительность попутчиков раздражала ее. Опередив их, мисс Темпл вскоре скрылась за скалой. Эта леди не любила ждать и часто ходила одна. Потом раздался крик, миссис Сэндборн и другие устремились вперед и за поворотом тропы увидели мисс Темпл. Она лежала на земле. Валун отделился от вершины утеса, где их великое

множество, видимо, покатился по склону холма и угодил в мисс Темпл, которая шла по тропе. Трагический случай.

— Ничто не навело вас на мысль, что это не случайность?

— Нет. По-моему, это просто несчастный случай.

— Вы не видели никого над собой на вершине холма?

— Нет. Мы шли по главной тропе, вьющейся вокруг холма, хотя на вершину можно подняться и по другой. Но в тот день я никого там не заметила.

Потом вызвали Джоанну Кроуфорд. Назвав ее имя и возраст, доктор Стоукс спросил:

— Вы шли отдельно от группы?

— Да, мы поднимались по более короткой тропе, вьющейся выше по склону.

— Вас кто-то сопровождал?

— Да. Мистер Эмлин Прайс.

— С вами больше никого не было?

— Нет. Мы беседовали и искали редкие виды цветов. Эмлин интересуется ботаникой.

— Вы видели других участников экскурсии?

— Не все время. Они ведь шли по главной тропе... Чуть ниже нас.

— Вы видели мисс Темпл?

— Кажется, да. Мисс Темпл опередила других, и я заметила, как она скрылась из виду за поворотом. Потом мы уже не видели ее.

— Вы заметили кого-то, кто поднялся выше вас?

— Да. Там, на склоне холма, было много валунов, словно специально собранных в одно место.

— Верно, — сказал доктор Стоукс, — я знаю, какое место вы имеете в виду. Огромные гранитные валуны. Местные жители называют их «овцами», иногда — «серыми овцами».

— Возможно, издалека они и походят на овец, но мы-то были совсем рядом с ними.

— И вы увидели там кого-то?

— Да. Кто-то находился среди валунов и склонился над одним из них.

— Вы считаете, он сталкивал его?

— Да. Мне так показалось, и я еще удивилась, зачем он это делает. Похоже, он подталкивал валун к краю скалы. Эти камни такие огромные и тяжелые на вид, что я до этого считала невозможным сдвинуть их с места. Но тот валун, который он или она толкали, вдруг покачнулся. Видимо, он был в неустойчивом положении.

— Вы сказали сначала *«он»,* а теперь говорите

«он или она», мисс Кроуфорд. Так кто же, по вашему мнению, это был — мужчина или женщина?

— Мне показалось... я думаю... я думаю, что это был мужчина, хотя, признаться, в тот момент так не считала. На этом мужчине... или женщине... были брюки и закрытый пуловер, мужского типа.

— Какого цвета был этот пуловер?

— Довольно пестрый: в черно-красную клеточку. Из-под берета виднелись длинные волосы, похожие на женские, но такие бывают и у мужчин.

— Разумеется, — сухо согласился доктор Стоукс. — Идентифицировать по волосам мужчину или женщину в наши дни не очень-то легко. Что же случилось потом?

— Камень покатился вниз. Накренился, перевалился через край и начал набирать скорость. Я крикнула Эмлину: «О, он же катится прямо на тропу!» Потом мы услышали глухой стук. И мне показалось, что раздался чей-то крик внизу, но, пожалуй, это мои фантазии.

— А потом?

— Мы бросились вперед, за поворот скалы, посмотреть, что случилось.

— И что же вы увидели?

— Мы увидели этот камень внизу на тропе, а под ним — чье-то тело... и людей, бегущих из-за поворота к этому месту.

— Значит, кричала мисс Темпл?

— Вероятно, она. Но это мог быть и кто-то другой, выскочивший из-за поворота. О! Это было... это было так ужасно!

— Не сомневаюсь. А что тот человек, которого вы видели среди валунов? Мужчина или женщина в черно-красном пуловере? Он остался там, среди камней?

— Не знаю. Я больше не смотрела вверх. Я... я смотрела лишь вниз, потом побежала туда, думая, что нужна моя помощь. По-моему, я все же бросила взгляд наверх, но никого уже не увидела. Только камни. Но я вполне могла не заметить человека, скрывающегося среди валунов.

— Это был кто-то из участников вашей экскурсии?

— О нет. Уверена, что кто-то другой. Иначе я узнала бы его, потому что... человека всегда можно узнать по одежде. Однако ни у кого из наших спутников нет черно-красного пуловера.

— Спасибо, мисс Кроуфорд.

Вызванный для дачи показаний Эмлин Прайс отвечал на все вопросы точно так же, как Джо-

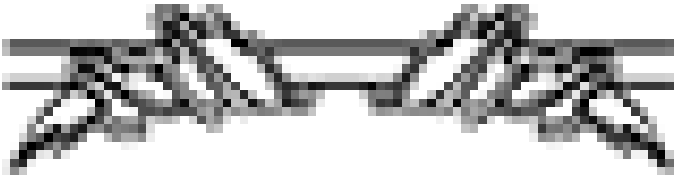
анна.

Показания других свидетелей почти ничего не прибавили к тому, что уже было сказано.

Коронер заявил:

— Следствие не располагает пока достаточными уликами, чтобы установить, был ли причиной смерти мисс Темпл несчастный случай или преднамеренное убийство.

Окончательное решение по этому делу полиции предстояло вынести через две недели.



Глава 17

МИСС МАРПЛ НАНОСИТ ВИЗИТ

I

В «Золотой вепрь» профессор Вонстед возвращался вместе с мисс Марпл. Поскольку старушка шла медленно, они несколько отстали от других.

— Что будет теперь? — спросила наконец мисс Марпл.

— Вы говорите о предварительном слушании или о нас?

— И о том и о другом, ибо это взаимосвязано.

— Насколько я понимаю, полиция продолжит расследование, пытаясь найти улики, подтверждающие слова молодых людей.

— Да.

— Поскольку расследование будет продолжено, предварительное слушание отложили. Но едва ли коронер сочтет смерть мисс Темпл результатом несчастного случая.

— Верно, — согласилась мисс Марпл. — А что вы думаете о свидетельских показаниях этих молодых людей?

Профессор Вонстед пристально посмотрел на спутницу:

— У вас есть какие-то идеи, мисс Марпл? Ведь мы заранее знали, что они скажут.

— Да.

— Почему же вы спросили, что я думаю об их показаниях? А какими они показались вам?

— Интересными, очень даже интересными. Пуловер в черно-красную клеточку. Довольно важная деталь, на мой взгляд, не так ли? Чрезвычайно любопытно.

— Разумеется. — Профессор снова посмотрел на мисс Марпл: — И на какую мысль все это вас наводит?

— Возможно, описание этого пуловера даст нам ценный ключ.

Они подошли к «Золотому вепрю» в половине первого, и миссис Сэндборн предложила перекусить перед обедом. Когда с шерри, томатным соком и другими напитками было покончено, миссис Сэндборн сделала объявление:

— Коронер и инспектор Дуглас сообщили мне, что медицинская экспертиза закончена и завтра в одиннадцать утра состоится панихида. Это мы обсудим с мистером Кортни, местным викарием. Надеюсь, на следующий день наша экскурсия возобновится. Программу, конечно, придется несколько изменить, поскольку мы потеряли уже три дня, но, на мой взгляд, самое интересное вы все же увидите. Я слышала, что кое-кто из нашей группы собирается вернуться в Лондон поездом. Их чувства мне вполне понятны, и я ни в коей мере не стану оказывать давления. Смерть мисс Темпл — очень печальное событие, но все же я верю, что *виной тому* несчастный случай. Такое и раньше бывало именно на этой тропе, хотя на сей раз это едва ли можно объяснить атмосферными или сейсмическими явлениями. Полагаю, следователям предстоит еще немало потрудиться. Конечно, нельзя исключить того,

что кто-то из туристов начал раскачивать валун, не сознавая, какую опасность представляет это для людей, идущих по нижней тропе. Если это так и виновный признается, дело вскоре будет закрыто. Впрочем, пока нельзя полагаться на то, что все случилось именно так. Не верится, однако, что у покойной мисс Темпл были враги, люди, желавшие ей зла. Я предлагаю больше не обсуждать этот несчастный случай. Дальнейшее расследование проведет местная полиция, это ее дело, не наше. Полагаю, вы все примете участие в завтрашней поминальной службе. Надеюсь, продолжение нашей экскурсии рассеет ваши грустные мысли, навеянные столь печальным событием. Мы еще увидим немало знаменитых замков и насладимся прекрасными пейзажами.

Вскоре после этого туристам подали обед, и никто больше не заговаривал о несчастном случае, по крайней мере открыто. После обеда, когда туристы попивали кофе, мисс Марпл и профессор Вонстед начали обсуждать планы на будущее.

— Вы продолжите тур? — спросил профессор Вонстед.

— Нет, по-моему, в связи с этими событиями мне следует провести здесь еще некоторое время.

— В «Золотом вепре» или в «Старой усадьбе»?

— Все зависит от того, пригласят ли меня снова погостить в «Старой усадьбе». Мне бы не хотелось навязываться самой. Ведь в первый раз меня приглашали на два дня, пока туристы оставались здесь. Пожалуй, даже лучше побыть в «Золотом вепре».

— Вы не собираетесь пока в Сент-Мэри-Мид?

— Нет. Полагаю, мне удастся кое-что сделать здесь. Одно дело уже позади. — Мисс Марпл заметила удивление профессора. — Если вы, как и другие, намерены уехать, я расскажу о том, что узнала, и, пожалуй, предложу вам провести небольшое параллельное расследование. Возможно, оно что-то даст. Меня удерживает здесь еще одна причина, но об этом я сообщу вам позже. Мне нужно кое-что разузнать. Боюсь, мое расследование не принесет ощутимых результатов, поэтому не стоит преждевременно говорить об этом. А что решили вы?

— Я собираюсь вернуться в Лондон, где меня ждет множество дел. А не помочь ли вам здесь?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Не думаю, что вам стоит задерживаться. К тому же уверена, что теперь вы сами займетесь расследованием.

— Я отправился в это путешествие, мисс Марпл,

чтобы встретиться с вами.

— Верно, вы познакомились со мной, узнали все или почти все, что мне известно, и собираетесь провести собственное расследование. Что ж, я вас понимаю. Но прежде чем вы уедете отсюда, мне кажется, следовало бы сделать еще пару вещей... вдруг они окажутся полезными.

— Ясно. У вас появились идеи. — Профессор улыбнулся.

— Я помню ваши слова.

— О том, что вы чувствуете запах зла?

— Очень трудно, — призналась мисс Марпл, — определить, есть ли в атмосфере что-то дурное, а если есть, уловить его смысл.

— Но вы ведь чувствуете что-то дурное в атмосфере?

— О да. Отчетливо.

— И особенно после смерти мисс Темпл, которая, разумеется, не была несчастным случаем, что бы ни говорила миссис Сэндборн.

— Нет, это не был несчастный случай. Помнится, я не рассказывала вам, что, по признанию мисс Темпл, это путешествие было для нее неким паломничеством.

— Интересно, — пробормотал профессор, — весьма интересно. А не упоминала ли она о том,

что это за паломничество, куда и к кому?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Если бы мисс Темпл прожила чуть дольше и не была так слаба, она рассказала бы мне это. Но, к сожалению, смерть слишком рано явилась за ней.

— Значит, у вас нет никаких предположений, связанных с этим?

— Нет, но я уверена: то, что она отправилась в это паломничество, и стало причиной ее смерти. Кто-то решил остановить ее, не позволить дойти туда, куда она направлялась. Можно только надеяться, что удача или Провидение прольют свет на это.

— Так вот почему вы остаетесь здесь?

— Не только поэтому, — ответила мисс Марпл. — Я хочу побольше разузнать о девушке по имени Нора Брод.

— Нора Брод? — удивился профессор.

— Вторая девушка исчезла точно так же, как Верити Хант. Вы ведь сами говорили мне о ней. Вокруг этой девушки крутился рой поклонников, и ей, как я поняла, *это нравилось*. Глупая, но привлекательная для мужчин. Полагаю, новые сведения о ней помогут мне в расследовании.

— Желаю удачи, детектив-инспектор Марпл, — сказал профессор Вонстед.

II

Следующим утром состоялась панихида. Все участники экскурсии пришли на нее. Мисс Марпл, обведя взглядом собравшихся, заметила миссис Глинн и Клотильду. Младшей сестры, Антеи, не было, хотя в церкви находилось немало местных. «Вероятно, — подумала мисс Марпл, — сестры не поддерживали личных отношений с мисс Темпл, сюда же их привлек облетевший округу слух о том, что происшествие — вовсе не несчастный случай, а чей-то злой умысел». Службу проводил священник лет семидесяти с лишним, седовласый и явно страдавший от ревматизма (он с трудом опускался на колени и поднимался). Отметив, что священник красив, мисс Марпл спросила себя, откуда он. «Наверное, старый друг Элизабет Темпл, который прибыл сюда издалека отслужить панихиду».

Когда экскурсанты вышли из церкви, мисс Марпл обменялась с ними несколькими словами. Теперь она прекрасно знала, что ей следует делать. Батлеры возвращались в Лондон.

— Я сказала Генри, что просто не в состоянии продолжать поездку, — призналась миссис Батлер. — Видите ли... мне все время кажется, что мы

завернем за угол — и вдруг кто-то выстрелит в нас или начнет бросать камни. Кто-то, невзлюбивший турагентство «Знаменитые замки и парки Великобритании».

— Ну хватит, мамочка, прошу тебя, — взмолился мистер Батлер, — у тебя слишком уж разыгралось воображение!

— Право же, разве можно быть в чем-то уверенным сейчас, когда повсюду угоняют самолеты или похищают детей?! Я чувствую себя совершенно беззащитной.

Мисс Ламли и мисс Бентам решили продолжить экскурсию.

— Мы заплатили большие деньги за эту туристическую поездку. С какой стати лишать себя чего-то интересного лишь потому, что произошел несчастный случай? Вчера мы позвонили нашим милым соседям, и те пообещали позаботиться о кошках, так что нам больше не о чем тревожиться.

Похоже, мисс Ламли и мисс Бентам находили более удобным считать, что с мисс Темпл произошел несчастный случай.

Миссис Райзли-Портер тоже собиралась продолжить путешествие. Полковник Вокер и его жена заявили: ничто на свете не заставит их

пропустить завтрашнюю экскурсию — тем паче что им обещали показать редчайшую коллекцию фуксий. Архитектор Джеймсон мечтал увидеть памятники старины, представлявшие для него, профессионала, особый интерес. Мистер Каспар, однако, по его словам, намеревался уехать поездом. Мисс Кук и мисс Барроу, видимо, еще не успели определиться.

— Нам нравятся пешие походы по здешним местам, — сказала мисс Кук. — Думаю, мы пробудем здесь, в «Золотом вепре», еще некоторое время. Вы ведь тоже, мисс Марпл?

— Да, я хотела бы тут остаться, — ответила мисс Марпл. — Я еще не готова продолжить путешествие. Хотелось бы отдохнуть пару дней после всего случившегося.

Когда все разошлись, мисс Марпл не спеша и незаметно отправилась по заранее намеченному маршруту. Она достала из сумочки записную книжку, где были записаны два адреса. По первому проживала миссис Блэкетт. Ее чистенький, аккуратный домик, окруженный садом, стоял в самом конце дороги, там, где она плавно спускалась к речной долине.

— Миссис Блэкетт?

— Да, да, мэм, это я.

— Не позволите ли мне зайти и поговорить с вами пару минут? Я только что была на поминальной службе и чувствую легкое головокружение. Можно я присяду?

— О господи, конечно! Простите, что я так невнимательна. Входите, мэм, входите. Присаживайтесь вот сюда. Сейчас я принесу вам стакан воды... или, может быть, чаю?

— Нет, благодарю вас, — ответила мисс Марпл, — лучше стакан воды.

Миссис Блэкетт вернулась со стаканом воды, явно предвкушая беседу о болезнях, головокружениях и прочих подобных вещах.

— Знаете, с моим племянником такое тоже случается. Вроде бы и рано еще, ему нет и пятидесяти пяти, но у него вдруг ни с того ни с сего начинает кружиться голова, и, если только он не сядет сразу же на стул, поверите ли, может потерять сознание и рухнуть на пол. Как это ужасно! А врачи не способны вылечить его от такой напасти. Вот ваш стакан.

— Спасибо. — Мисс Марпл сделала глоток. — Я чувствую себя гораздо лучше.

— Значит, ходили в церковь на отпевание бедной леди? Одни говорят, что ее убили, а другие — что это был несчастный случай. По-моему, зага-

дочные смерти — результат несчастных случаев. А коронеры, ведущие расследование, всегда хотят убедить людей, что это преступления.

— О да! — согласилась мисс Марпл. — Я с глубоким прискорбием узнала об ужасных историях, случившихся здесь в прошлом. Мне рассказали и об одной девушке по имени Нора. Нора Брод, кажется?

— Да, да. Нора была моей родственницей, дочкой моей кузины. Немало воды утекло с тех пор. Она ушла из дому и не вернулась. Ох уж эти девушки, разве можно удержать их дома? Я все время говорила Нэнси Брод, моей кузине: «Ты весь день проводишь на работе, не присматриваешь за дочкой. Известно ли тебе, что она бегает за парнями? Смотри, как бы бедой это потом не обернулось». И разумеется, оказалась права.

— Вы хотите сказать...

— Да, обычная история — девушка забеременела. Поверите ли, но мне кажется, моя кузина Нэнси до сих пор не подозревает об этом. Но я-то, в свои шестьдесят пять, уж конечно, соображу, почему у девушки живот округлился, и даже подозреваю от кого, но не уверена на все сто процентов. Впрочем, может, я и ошибаюсь, потому что он остался жить здесь и ужасно переживал,

когда Нора исчезла.

— Сбежала?

— Ну, ее подвез кто-то... из местных. Больше я ее не видела. Сейчас не помню, какой марки была та машина. Что-то вроде «Аудит»[31]. Во всяком случае, Нору пару раз видели в этой машине. Говорят, в этой же машине каталась и другая девушка, та, которую убили. Но не думаю, чтобы такое случилось с Норой. Иначе ее тело давно бы нашли. А вы как считаете?

— Похоже, вы правы, — ответила мисс Марпл. — Нора хорошо училась в школе, была послушной девушкой?

— О нет. Она была ленивой, да и умом особо не отличалась. Нет. С двенадцати лет у нее на уме были только ребята. Скорее всего, Нора и сбежала с кем-то из них. После этого о ней не было никаких известий, даже открытки не прислала ни разу! Сбежала с парнем, пообещавшим ей золотые горы. Ну, вы меня понимаете. Я знала еще одну девушку... но это случилось в дни моей молодости... та сбежала с одним африканцем. Он наплел ей, будто его отец богат, как шейх... Забавно, но, кажется, так оно и было. Шейх из Алжира.

---

[31] notes: 31
Имеется в виду немецкий бренд «Ауди».

Да, точно, из Алжира... И помнится, он утверждал, что у его отца шесть верблюдов, табун лошадей и прекрасный дворец с великолепными картинами. Вот она и сбежала с ним. Потом вернулась сюда — через три года. Ох и натерпелась она за это время! Столько бед перенесла. Они жили в отвратительных землянках, вот-вот, в землянках. И есть в общем-то было нечего, кроме кокосов. Я всегда думала, что это какой-то салат, но нет: это что-то вроде пудинга из манной крупы. В конце концов парень заявил, что она ему не пара и он разводится с ней. По их законам для этого ему достаточно было сказать три раза: «Я развожусь с тобой», после чего он выставил ее из дома. Хорошо хоть, что люди из одного благотворительного общества позаботились о ней и оплатили проезд в Англию. Так она и вернулась. Но это случилось лет тридцать или сорок назад. А вот после исчезновения Норы прошло лет семь-восемь. Знаете, я не очень удивлюсь, если она вернется и заявит, что на собственном горьком опыте убедилась, чего стоят все эти красивые обещания парней.

— А есть ли здесь кто-то, к кому бы она пожелала вернуться, ну, кроме ее... ее матери... то есть вашей кузины? Кто-нибудь, кто...

— Вообще-то многие хорошо относились к

ней. Например, сестры из «Старой усадьбы». В то время миссис Глинн еще не жила там, но мисс Клотильда... всегда была добра к девочкам из школы. Да, она постоянно что-то дарила Норе. Помнится, даже красивый шарф и великолепное платье. Да, чудесное летнее шелковое платье. Ах, мисс Клотильда была очень мила и добра. Пыталась заинтересовать Нору учебой, советовала ей изменить образ жизни. Да, понимаете, мне не хотелось бы говорить об этом, ведь это дочь моей кузины... но ведь просто ужас, как она бегала за парнями, к каждому была готова прицепиться. Стоило лишь поманить ее пальцем... Да, это все печально. Я не сомневалась: кончится тем, что она пойдет на панель. Я не верила, что ей повезет. Мне совсем не хочется говорить это, но это правда. Во всяком случае, это лучше того, что случилось с мисс Хант, которая жила в «Старой усадьбе». Ее зверски убили. Полиция считала, что она тоже с кем-то сбежала. Проводили расследование, опрашивали парней, которых когда-то видели с этой девушкой, надеялись, что это поможет. Джеффри Гранта, Билли Томпсона и Гарри Лендфордса. Все трое — обычные бездельники, хотя при желании без труда смогли бы найти себе работу.

Еще немного поболтав с миссис Блэкетт, мисс

Марпл встала, поблагодарила хозяйку и вышла.

Следующий визит она нанесла девушке, которая только что посадила салат.

— Нора Брод? О, *ее* уже несколько лет нет в деревне. Уехала, наверное, с кем-то из своих парней, больше ее ничто не занимало. Меня всегда интересовало, чем же она кончит. А почему вы хотели встретиться с ней?

— У меня есть письмо одного моего друга из-за границы, — солгала мисс Марпл. — Очень милая семья, и им нужна была няня для ребенка. Мисс Нора Брод предложила свои услуги. Как я поняла, она попала в нелегкое положение. Вышла замуж за прохвоста, который бросил ее и ушел к другой женщине. Мой друг ничего о Норе не знал, вот и попросил меня расспросить о ней, но я лишь выяснила, что она родилась в этой деревне. И тут я подумала: «Вдруг кто-нибудь здесь расскажет мне о ней». Вы ведь, кажется, посещали одну школу?

— Да, мы учились в одном классе. Только учтите, я совсем не одобряла любовные похождения Норы. Она буквально вешалась всем на шею. Ну а у меня был свой парень, я ему не изменяла и всегда говорила Норе, что ее заигрывания со всякими там Томами, Диками и Гарри до добра не доведут. Тем более что она врала им всем насчет

своего возраста. Правда, и выглядела она старше своих лет.

— Она была светловолосая?

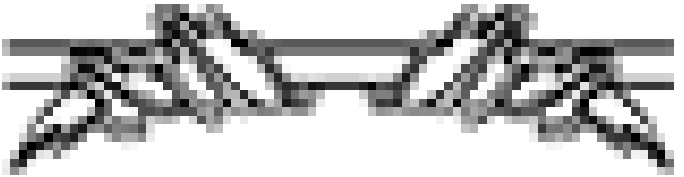
— Нет, у нее были темные волосы, чудесные. Всегда, знаете ли, падали на плечи.

— Полицию встревожило ее исчезновение?

— Да. Понимаете, она даже слова никому не сказала. Просто как-то ночью вышла из дому и не вернулась. Заметили, что она садилась в какую-то машину, но больше ни машины, ни самой Норы никто не видел. Как раз в ту пору прошла волна убийств — не только в наших краях, а по всей стране. Полиция задерживала многих молодых людей и юношей. А когда был найден труп девушки, то решили, что это Нора. Но это оказалась не она. Скорее всего, сейчас Нора зашибает большие деньги в каком-нибудь ночном баре стриптизом или еще чем-нибудь в этом роде. Такой вот она была.

— Не думаю, — сказала мисс Марпл, — что такая, как она, могла бы стать няней сына моего друга.

— Да уж, для этого ей пришлось бы здорово измениться, — согласилась девушка.



Глава 18

КАНОНИК БРАБАЗОН

Когда мисс Марпл, чуть запыхавшаяся и усталая, вернулась в «Золотой вепрь», навстречу ей вышел портье:

— О, мисс Марпл, с вами хочет поговорить каноник Брабазон.

— Каноник Брабазон? — удивленно переспросила мисс Марпл.

— Да. Он уже пытался встретиться с вами. Каноник услышал, что вы приехали сюда с экскурсией,

и решил поговорить с вами, прежде чем вы уедете. Я сказал ему, что несколько экскурсантов уезжают сегодня в Лондон вечерним поездом. Он очень всполошился, испугавшись, что упустил вас. Я провел его в комнату отдыха, где можно посмотреть телевизор. Там сейчас никого нет. А вот в других полно народу.

Несколько удивленная, мисс Марпл узнала в канонике Брабазоне того самого пожилого священника, что служил утром поминальную службу. Он встал и пошел ей навстречу:

— Мисс Марпл? Мисс Джейн Марпл?

— Да, это я. Вы хотели...

— Я каноник Брабазон. Приехал сюда утром, чтобы присутствовать на отпевании своей очень давней и доброй приятельницы Элизабет Темпл.

— Вот как? Присаживайтесь.

— Благодарю вас, я и в самом деле сяду. Теперь я не так вынослив, как прежде. — Он осторожно опустился в кресло. — А что же вы стоите?

Мисс Марпл расположилась рядом с ним.

— Итак, вы хотели увидеть меня?

— Я должен объяснить, чем это вызвано. Мы ведь совершенно незнакомы. Прежде чем приехать сюда на отпевание мисс Темпл, я нанес короткий визит в больницу в Карристауне.

Там я встретился со старшей сестрой, которая и сообщила мне, что перед смертью Элизабет пожелала увидеть мисс Джейн Марпл. И эта мисс Джейн Марпл приехала в больницу и не покидала умирающую почти до самого конца. — Он вопросительно посмотрел на старушку.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Это так. Ее желание удивило и меня.

— Вы старая подруга мисс Темпл?

— Нет. Я познакомилась с ней в этой поездке. Вот почему я и удивилась этому. В автобусе мы сидели рядом и обменивались впечатлениями, потом почти подружились. Но я была поражена, узнав, что мисс Темпл — такая больная — выразила желание увидеть меня.

— Да. Да, понимаю вас. Как я сказал, она была моей старой приятельницей, другом. В сущности, мисс Темпл отправилась в эту экскурсию, чтобы повидаться со мной. Я живу в Филлминстере, городке, где ваша группа должна остановиться послезавтра. Там мисс Темпл собиралась погостить у меня, поговорить о различных делах, надеясь, что я помогу разрешить волновавшие ее проблемы.

— Вот оно что. Мне хотелось бы задать вам один вопрос. Надеюсь, вы не сочтете его нескромным.

— Пожалуйста, мисс Марпл. Спрашивайте о чем угодно.

— Объясняя, почему она отправилась на эту экскурсию, мисс Темпл сказала, что ею руководит не только желание осмотреть замки и парки. Она употребила одно весьма необычное слово: «паломничество».

— Неужели? — изумился каноник Брабазон. — Неужели она сказала именно это слово? О, это очень интересно. И даже многозначительно.

— Поэтому я и хочу узнать, не называла ли она паломничеством визит к вам?

— Возможно, — ответил каноник. — Да, пожалуй, так.

— Мы говорили с ней также об одной девушке. Ее звали Верити.

— О да, Верити Хант.

— Я не знала ее фамилии. Мисс Темпл просто назвала ее Верити.

— Верити Хант умерла несколько лет назад. Вы слышали об этом?

— Да, мы с мисс Темпл говорили о ней, и я узнала нечто новое. Она сообщила мне, что девушка обручилась с сыном мистера Рафиэля и собиралась выйти за него замуж. С мистером Рафиэлем меня связывают, вернее, связывали дружеские

отношения. Он-то и подарил мне путевку на эту экскурсию. По-моему, он хотел (впрочем, это только мое предположение), чтобы я познакомилась в поездке с мисс Темпл. Вероятно, мистер Рафиэль полагал, что она сообщит мне определенную информацию.

— О Верити?

— Да.

— Именно с этой целью она и ехала ко мне. Элизабет хотела кое-что узнать.

— Она хотела узнать, — вставила мисс Марпл, — почему Верити разорвала помолвку с сыном мистера Рафиэля.

— Верити, — возразил каноник Брабазон, — *никогда не разрывала помолвки.* В этом я уверен. Настолько, насколько вообще можно быть в чем-то уверенным.

— Мисс Темпл не знала этого, не так ли?

— Нет. Думаю, она тщетно пыталась найти разгадку случившегося и была несчастлива из-за этого. Вот Элизабет и решила поехать ко мне и спросить, почему они так и не поженились.

— И почему же они не поженились? — оживилась мисс Марпл. — Пожалуйста, не считайте меня слишком любопытной. Мой интерес продиктован отнюдь не праздным любопытством. Я

тоже не случайно оказалась на этой экскурсии, хоть и не назвала бы себя пилигримом. Скорее я выполняю некую миссию. Скажите, почему Майкл Рафиэль и Верити Хант не поженились?

Каноник пристально посмотрел на собеседницу:

— Вижу, вы тоже замешаны во все это.

— Я занялась этим делом, чтобы выполнить последнюю волю отца Майкла. Мистер Рафиэль сам попросил меня об этом.

— У меня нет причин скрывать от вас то, что мне известно, — начал, растягивая слова, каноник. — Вы задали мне тот же вопрос, который хотела задать Элизабет Темпл. Однако именно этого я и сам не знаю. Молодые люди, мисс Марпл, собирались вступить в брак. Все вопросы, связанные со свадьбой, были решены. Мне предстояло обвенчать их. Они скрывали, почему именно желают соединиться узами брака. Я знал и Майкла и Верити, причем ее с детства. Я сам готовил Верити к конфирмации. Меня приглашали провести службу в Великий пост, на Пасху и по другим случаям в школе Элизабет Темпл. Это была замечательная женщина. Прекрасный педагог, она великолепно знала возможности каждой ученицы и, исходя из этого, подбирала материал

для работы с ней. Элизабет учила девочек всему, что пригодится им в жизни, поможет сделать карьеру, не заставляла зубрить то, что, как она чувствовала, не подходит для них. Элизабет была великим педагогом и отличным другом. Она считала Верити одной из лучших своих учениц. Умная, прекрасная и душой и телом девушка. В детстве она перенесла большое горе — лишилась родителей. Самолет, на котором они летели в отпуск в Италию, разбился. Верити, окончив школу, переселилась к мисс Клотильде Брэдбери-Скотт, которая, как вы, наверное, знаете, живет здесь. Ее связывали тесные дружеские отношения с матерью Верити. У мисс Клотильды две сестры. Одна из них, выйдя замуж, уехала за границу, поэтому тогда здесь жили только две сестры. Клотильда, старшая, привязалась к Верити. Делала все возможное, чтобы девочка была счастлива. Пару раз брала ее с собой за границу, учила живописи у мастеров в Италии, любила Верити и заботилась о ней, как самая преданная мать. Верити платила ей тем же и относилась, как к родной матери. Она во всем полагалась на мнение умной и образованной Клотильды. Клотильда не настаивала, чтобы Верити обязательно получила университетское образование, поскольку девуш-

ка отдавала предпочтение занятиям живописью и музыкой. Она жила вместе с обеими сестрами в «Старой усадьбе» и, по-моему, была счастлива. Я не виделся с Верити долгое время после того, как она переехала сюда, поскольку до Филлминстера отсюда почти шестьдесят миль, но посылал ей открытки к Рождеству и другим праздникам. И вдруг в один прекрасный день она приехала ко мне, необычайно красивая и повзрослевшая, вместе с привлекательным молодым человеком, которого, как оказалось, я немножко знал. Это был Майкл, сын мистера Рафиэля. Они приехали ко мне, потому что любили друг друга и хотели пожениться.

— И вы согласились обвенчать их?

— Да. Возможно, вы, мисс Марпл, считаете, что не следовало этого делать. Они приехали ко мне тайком, это было очевидно. Я отлично понимаю, что Клотильда Брэдбери-Скотт всеми силами пыталась расстроить их роман и имела на то основания. Признаюсь, Майкл Рафиэль не из тех, кого можно желать в мужья своей дочери. А Верити была еще слишком молода, чтобы принимать столь важные решения. Майкл с детских лет доставлял всем одни неприятности. Привлекался к суду. Дружил с крайне сомнительными

типами, попал в дурную компанию, участвовал в различных авантюрах, заводил интимные отношения с девушками, и его отцу пришлось даже выплачивать алименты двум из них. Да, он дурно обходился с девушками. И все же был так привлекателен, что девчонки вешались ему на шею и совершали разные глупости. Два раза Майкл отсидел небольшие сроки в тюрьме. Я был знаком с его отцом, хотя не слишком хорошо знал его. И все же, мне кажется, его отец делал все, что только мог... что только мог человек с его характером... желая помочь сыну. Он вытаскивал Майкла из неприятных историй, находил ему работу, оплачивал его долги, возмещал причиненный им ущерб. Да, он делал все это. И я не знаю...

— Но ведь он мог бы сделать и больше, не так ли?

— Нет, — возразил каноник. — Я уже в том возрасте, когда понимаешь, что человека следует принимать таким, каков он есть, с тем набором хромосом, которые и определяют характер. Едва ли мистер Рафиэль питал привязанность к сыну. Какое-то чувство, пожалуй рассудочное, — да, но нежности к нему он не проявлял. Не знаю, стал бы Майкл лучше, если бы отец проявлял к нему больше нежности и ласки, но вырос он непутевым

парнем, хоть и неглупым, то есть все же обладал определенными достоинствами. Майкл сделал бы неплохую карьеру, если бы пожелал этого. Но у него были (не стану скрывать) преступные наклонности. Имел он и ценные качества: чувство юмора, великодушие, доброту. Майкл горой стоял за друзей, никогда бы не оставил их в беде. Да, он дурно обращался со своими подружками, бросал одну за другой, причем «в положении». Но когда молодые люди приехали ко мне и попросили обвенчать их, я согласился, хотя прямо сказал Верити, что Майкл — не тот парень, за которого ей следует выходить замуж. Но я понял, что Майкл и не пытался обмануть ее. Он признался Верити, что имел неприятности с полицией, что попадал и в другие скверные истории. Однако Майкл пообещал, что после женитьбы изменится и начнет новую жизнь. Я предупредил Верити, что этого не случится. Впрочем, пожалуй, Майкл *действительно собирался измениться.* Верити, по-моему, знала почти все, что и я. Она сказала мне, что ей известно и его темное прошлое, но при этом добавила: «Я знаю, кто такой Майкл, и подозреваю, что он таким и останется, но люблю его. Возможно, мне удастся помочь ему измениться, хотя я в этом и не уверена. И все же я готова

рискнуть». И вот что еще, мисс Марпл. Я знаю... кому, как не мне, знать это лучше остальных, ведь я видел на своем веку много молодых пар... так вот: браки бывают счастливые, но порою и такие, что приносят горе и слезы. Я всегда предвижу, как сложится судьба молодоженов. От меня не укрывается, действительно ли молодые любят друг друга. Нет, это не связано только с физиологическим влечением и сексуальной привлекательностью. Сейчас много говорят о сексе, даже слишком много. Не стану повторять чушь, что секс — нечто дурное. Нет, конечно, но сексом нельзя подменить любовь, он *сопровождает* любовь и сам по себе мало что стоит. Любовь — именно то, о чем идет речь во время венчания: оставаться вместе и в радости и в горе, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии. Вот что мы обещаем, если любим и хотим жениться. Эти двое были любящей парой. «Любить и заботиться друг о друге, пока смерть не разлучит нас...» И на этом мой рассказ кончается, ибо мне неизвестно, *что затем произошло.* Я согласился выполнить их просьбу, мы обсудили все детали — назначили день, час, место. Меня можно упрекнуть лишь в том, что я согласился сохранить это в тайне.

— Они хотели, чтобы никто не знал об их бра-

ке? — спросила мисс Марпл.

– Да, особенно Верити, но уверен, что и Майкл тоже. Они боялись, что им помешают. Думаю, Верити побуждала к этому не только любовь, но и чувство избавления. Что, по-моему, естественно при обстоятельствах ее жизни. Она потеряла своих естественных защитников — родителей, после их смерти вступила в новую полосу жизни, а затем пришел тот возраст, когда ищут свой идеал. Им может стать хозяйка дома, где ты живешь, учительница математики, старшая ученица. Такое состояние не долго длится, но оно овладевает каждым подростком, затем начинается новый период жизни, когда юное существо ищет свою «вторую половину», спутника на всю жизнь. И если у него есть здравый смысл, он не спешит, а придирчиво выбирает «единственного». Клотильда Брэдбери-Скотт искренне желала добра Верити, и девушка, кажется, относилась к ней с почтением, пожалуй, боготворила ее. Думаю, Верити обожала Клотильду в истинно романтическом духе. И в такой атмосфере она превращалась из подростка в молодую женщину. У нее была интересная и полная жизнь, но, полагаю, постепенно она все сильнее прониклась желанием, возможно не сознавая этого, — жела-

нием бежать из золотой клетки, от этой любви. Но *куда* бежать, она поняла, лишь встретив Майкла. Она стремилась к той жизни, которую совместными усилиями строят мужчина и женщина. Но Верити знала: Клотильда не поймет ее чувств, ибо никогда не поверит, что Майкл любит ее. И боюсь, что тут Клотильда оказалась права... Да, так оно и есть. Он не годился в мужья Верити. Путь, избранный ею, вел не к счастью, а к боли, потрясению, смерти. Теперь вы понимаете, мисс Марпл, почему мне так горько? Меня преследует чувство вины. Мною руководили благие намерения, но я не осознавал того, что мне следовало осознавать. Я знал Верити, *но совсем не знал Майкла.* Я догадывался, почему Верити хочет сохранить в тайне свой брак. Клотильда Брэдбери-Скотт была очень сильной личностью, способной повлиять на Верити и заставить ее расторгнуть помолвку.

— Значит, вы полагаете, что именно так она и поступила? По-вашему, Клотильда сказала девушке о Майкле нечто ужасное и та решила не выходить за него замуж?

— Нет, сомневаюсь. Тогда Верити сообщила бы мне об этом. Уж как-нибудь дала бы знать.

— Что же произошло?

— Я еще не успел рассказать вам. Мы назначили день, час и место. Я ждал. Ждал невесту и жениха, но они так и не появились, ни о чем не известили меня, даже не извинились. Я так никогда и *не узнал* почему. Мне до сих пор это кажется невероятным. Нет, не то, что они не приехали (уж этому-то нашлось бы какое-нибудь объяснение), а то, что не дали о себе знать. Вот почему я и подумал: «А вдруг Элизабет Темпл что-то рассказала *вам* перед смертью?» Если она догадывалась, что умирает, то, вполне возможно, хотела что-нибудь передать мне.

— Ей нужна была информация *от вас*, — сказала мисс Марпл. — Поэтому она и ехала к вам.

— Да. Да, наверное, это так. Видите ли, мне кажется, Верити ничего не говорила о своем браке тем, кто мог бы попытаться остановить ее: Клотильде и Антее Брэдбери-Скотт. Но она почитала Элизабет Темпл, а та имела большое влияние на нее... поэтому я и подумал, что, возможно, девушка написала ей или дала о себе знать каким-то иным способом.

— Думаю, так оно и было.

— То есть Верити дала о себе знать?

— Да, она что-то сообщила Элизабет Темпл, ведь та знала, что Верити собирается замуж за

Майкла Рафиэля. Мисс Темпл сказала мне: «Я знала девушку по имени Верити, которая собиралась замуж за Майкла Рафиэля». А узнать это она могла только от самой Верити. Наверное, девушка написала ей об этом. Потом, когда я спросила: «Почему же она не вышла за него замуж?» — мисс Темпл ответила: «Она умерла».

— Итак, мы снова зашли в тупик. — Каноник Брабазон вздохнул. — Вот только эти два факта нам и были известны. Элизабет знала, что Верити собирается за Майкла. А я — что они намерены обвенчаться, даже назначили место и время. Но молодые так и не появились.

— Значит, вы не имеете понятия о том, что произошло?

— Я не могу поверить, что они решили расстаться.

— Но ведь *что-то* все же случилось? Может, что-то открыло Верити глаза, и она поняла, что Майкл ей не пара?

— Это ничего не объясняет, ибо в таком случае Верити известила бы меня, предупредила бы, что венчание не состоится. Она была воспитанной девушкой и обязательно сделала бы это. Нет. Боюсь, могло произойти только одно.

— Смерть? — Мисс Марпл вспомнила, что имен-

но это слово произнесла Элизабет Темпл и оно прозвучало как удар колокола.

— Да. — Каноник вздохнул. — Смерть.

— Любовь, — задумчиво проговорила мисс Марпл.

— Что вы хотите этим сказать?.. — Каноник Брабазон умолк в нерешительности.

— Именно это слово произнесла мисс Темпл в ответ на мой вопрос: «Что убило ее?» Да, она сказала: «Любовь». Затем добавила, что «любовь» — самое пугающее слово на свете. Самое пугающее.

— Понимаю, — сказал каноник. — Понимаю, или это мне только кажется.

— И каково ваше мнение?

— Раздвоение личности. — Он вздохнул. — Обычный человек этого не заметит, тут нужен наметанный глаз профессионала. Видите ли, Джекилл и Хайд — не выдумка Стивенсона. Майкл Рафиэль... должно быть... шизофреник. В нем как бы две личности. Я не врач, нет у меня и опыта психоаналитика, однако в нем точно жили две разные личности. Здравомыслящий, милый молодой человек стремился к счастью и располагал к себе. Однако искривления в психике, еще не до конца объясненные наукой, заставляли его

убивать, причем не врага, а тех, кого он любил. Вот почему он и задушил Верити. Возможно, Майкл даже не понимал, *что* делает и *почему*. Да, психические отклонения, болезни, искривления пугают... В моей епархии произошел прискорбный случай. Две старые женщины жили вместе. Они подружились еще в молодости, работая на одном предприятии. Внешне они казались вполне довольными жизнью. И вот однажды одна из них убила другую. Встретившись со своим давним знакомым викарием, она призналась: «Это я убила Луизу. Мне очень жаль, но, увидев дьявола в ее глазах, я вдруг услышала приказание свыше убить ее». Да, такое порой случается, и тогда мы в отчаянии вопрошаем себя: почему? как? зачем? Надеюсь, настанет такой день, когда удастся ответить на эти вопросы. Врачи выяснят, где, в какой хромосоме или в каком гене произошли патологические изменения.

— По-вашему, именно так и было?

– *Думаю, да.* Ведь тело не сразу нашли. Верити просто исчезла. Ушла из дому и не вернулась.

— Но, вероятно, это случилось именно *тогда* — в тот день...

— Во время судебного процесса...

— То есть после того, как было найдено тело Ве-

рити и полиция арестовала Майкла? — уточнила мисс Марпл.

— Да, его видели с девушкой, он возил ее на своей машине. Никто не сомневался, что именно Майкл виновен в смерти Верити. Он был первым, кого допросила полиция, и оставался под подозрением до самого конца. Брали под стражу и допрашивали многих знакомых Верити, однако у всех было алиби или же не хватало улик для серьезных обвинений. Поэтому полиция подозревала Майкла. Потом обнаружили труп девушки — задушенной, с изуродованным лицом. Это, несомненно, было делом рук сумасшедшего. Можно сказать, что в тот страшный момент разумом и телом убийцы завладел мистер Хайд.

Мисс Марпл содрогнулась.

Тихо и печально каноник продолжал:

— И все же даже теперь у меня возникает ощущение, что ее убил кто-то другой, человек психически больной, о чем, впрочем, никто не подозревал. Возможно, он случайно познакомился с Верити, предложил ей прокатиться в машине, после чего... — Каноник покачал головой.

— Полагаю, что *такое* не исключено, — заметила мисс Марпл.

— Майкл произвел неважное впечатление

в суде. Зачем-то начал глупо и бессмысленно лгать. Например, по поводу того, где в тот момент находилась его машина. Уговаривал приятелей обеспечить ему ложное алиби, словно чего-то боялся. Он не упомянул о том, что собирался жениться на Верити. Видимо, его адвокат считал, что такое признание повредит Майклу: суд решит, будто девушка пыталась заставить его жениться. Впрочем, эта история случилась очень давно, и я уже не помню деталей. Все решила главная улика — труп девушки. Майкла признали виновным... на это все указывало. Теперь вы видите, мисс Марпл, что я очень несчастен, ибо совершил чудовищную ошибку, из-за которой погибла такая чудесная девушка. А все потому, что я плохо разбираюсь в людях и не заметил, какая опасность ей грозит. Я наивно полагал, что если у нее возникнут сомнения в нем и она побоится связать с Майклом свою судьбу, то придет ко мне и расскажет о своих опасениях и страхах. Но ничего подобного не случилось. *Почему же он убил ее?* Может, узнал, что она беременна? Или к тому времени связался с другой девушкой? Но в это мне не верится. Нет, наверное, есть еще какая-то причина. Вдруг Верити испугалась, поняла, что Майкл опасен для нее, после чего порвала с ним.

Это вызвало его гнев, ярость и в конце концов привело к насилию и убийству. Никто этого не знает.

— И вы тоже? — спросила мисс Марпл. — Нет, вам все-таки *кое-что* известно. Вы же продолжаете верить.

— Что значит «верить»? Вы имеете в виду религиозное значение этого слова?

— О нет, ничего подобного. Где-то в глубине вашей души, и я чувствую это, таится вера, что эти молодые люди любили друг друга, однако *какое-то* событие помешало им пожениться и привело к смерти девушки. Вы же до сих пор считаете, что они *должны* были в тот день приехать к вам обвенчаться?

— Вы совершенно правы, дорогая. Да, вопреки разуму, я по-прежнему верю, что они хотели обвенчаться и быть вместе в счастье и горе, богатстве и бедности, болезни и здравии. Что ж, она умерла и этим навлекла на него горе.

— Продолжайте верить в это, — бросила мисс Марпл. — Кажется, *я разделяю вашу веру.*

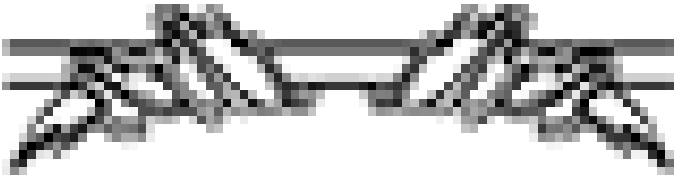
— И что же дальше?

— Понятия не имею. Я не вполне уверена, но, по-моему, Элизабет Темпл знала или начинала догадываться, что именно тогда произошло. Она

произнесла одно пугающее слово: *«Любовь»;* это навело меня на мысль, что девушка покончила с собой, узнав о Майкле неприглядные факты. Но это не самоубийство.

— Нет, — согласился каноник. — Судебная экспертиза дала подробное заключение. Сам человек не может так изуродовать свое лицо.

— Ужасно! — воскликнула мисс Марпл. — Ужасно. Но ведь нельзя представить себе, чтобы кто-то так надругался над любимой женщиной, даже убивая ее «во имя любви»! Если бы Майкл и убил ее, то, уж конечно, не столь зверским способом. Задушить... это еще возможно, но бить по лицу любимую... «Любовь» — такое пугающее слово, — пробормотала мисс Марпл.



Глава 19

СЛОВА ПРОЩАНИЯ СКАЗАНЫ

На следующее утро к парадному входу отеля «Золотой вепрь» был подан автобус. Мисс Марпл спустилась и попрощалась со всеми своими новыми знакомыми. Она заметила, что миссис Райзли-Портер крайне раздражена.

— Ох уж эти нынешние девушки! — воскликнула она. — Ни терпения, ни выдержки.

Мисс Марпл вопросительно посмотрела на нее.

— Я имею в виду Джоанну, мою племянницу.

— Что с ней? Она нездорова?

— Да, она жалуется на горло и температуру, но, по-моему, все это чушь.

— Мне очень жаль. Не помочь ли вам чем-нибудь? Скажем, присмотреть за ней? — предложила мисс Марпл.

— Лучше оставить ее в покое. Думаю, это просто предлог.

Мисс Марпл бросила на собеседницу удивленный взгляд.

— Девушки так глупы. Только и знают, что влюбляются.

— Эмлин Прайс? — полюбопытствовала мисс Марпл.

— О, так вы тоже заметили это? Да, их теперь водой не разольешь. Не понимаю, что она в нем нашла. Какой-то студент-хиппи — из тех, кто ходит на демонстрации или на концерты поп-музыки. Ненавижу эти идиотские сокращения. Почему нельзя просто сказать: «популярная музыка»?.. И что прикажете мне делать одной? Кто станет ухаживать за мной, укладывать вещи, носить чемодан? Нет, в самом-то деле! Я заплатила такие деньги за экскурсию!

— Мне казалось, она очень внимательна к

вам, — заметила мисс Марпл.

— Только не в последние три дня. Девушкам невдомек, что старикам нужно немного помогать. А этим Прайсом и Джоанной овладела навязчивая идея — они хотят полазить по горам. Семь-восемь миль ходьбы туда и обратно.

— Но если у нее болит горло и поднялась температура...

— Вот увидите, как только наш автобус тронется, горло пройдет, а температура нормализуется, — усмехнулась миссис Райзли-Портер. — Господи, уже пора садиться. Ну, прощайте, мисс Марпл, очень рада была познакомиться. Жаль, что вы не едете с нами.

— Мне тоже очень жаль, но, увы, я уже не так молода и энергична, как вы, миссис Райзли-Портер. К тому же события последних дней потрясли меня. Мне необходимо хотя бы сутки отдохнуть, чтобы немного прийти в себя.

— Что ж, надеюсь, когда-нибудь еще увидимся.

Пожав руку старушке, миссис Райзли-Портер забралась в автобус.

Мисс Марпл услышала голос сзади:

– *Bon voyage*[32] и скатертью дорога.

---

[32] notes: 32
Доброго пути *(фр.).*

Повернувшись, она увидела ухмыляющегося Эмлина Прайса.

— Вы пожелали это миссис Райзли-Портер?

— А кому же еще?

— Мне очень жаль, что Джоанна нездорова.

Эмлин Прайс снова ухмыльнулся:

— С ней будет все в порядке, как только отъедет автобус.

— Вот оно что! Вы хотите сказать?..

— Да. Вы верно угадали. Джоанна сыта по горло своей драгоценной тетушкой, которая только и знает что командовать.

— Так вы тоже не отправляетесь на экскурсию?

— Нет. Останусь здесь еще на пару дней, поброжу по горам и долинам. Не смотрите на меня так неодобрительно, мисс Марпл. Вы ведь на самом деле меня не осуждаете?

— Вообще-то подобные истории случались и в дни моей молодости. Отговорки, правда, использовали другие, и потом, нам реже удавалось добиваться своего. Но сейчас и время другое.

К мисс Марпл подошли полковник Вокер и его супруга. Они горячо пожали руку старушке.

— Очень рад был познакомиться. А побеседовать с вами о садоводстве — истинное удо-

вольствие, — сказал полковник. — Надеюсь, послезавтра мы увидим настоящий чудо-сад — если только ничто не помешает. Крайне неприятно, что произошел этот несчастный случай. Однако, по-моему, это именно несчастный случай. Мне непонятны сомнения коронера.

— Вот только странно, — заметила мисс Марпл, — почему никто не признался на дознании, что в тот день находился на вершине холма и раскачивал валуны. Ведь это и послужило причиной обвала.

— Видимо, испугался, что его обвинят в убийстве, вот и промолчал, — пояснил полковник Вокер. — Ну, прощайте. Обязательно вышлю вам черенки магнолии, хотя не уверен, что они приживутся в ваших краях.

Когда супруги сели в автобус, мисс Марпл обернулась и увидела профессора Вонстеда, который махал отъезжавшим. Миссис Сэндборн вышла из автобуса, попрощалась с мисс Марпл, потом вошла обратно. Старушка взяла профессора Вонстеда за руку:

— Вы мне нужны. Мы можем пойти куда-нибудь, где нам никто не помешает?

— Да. Пожалуй, туда, где мы сидели в прошлый раз.

— Тут за углом очень милая веранда.

Огибая угол отеля, они услышали веселый гудок, возвещавший о том, что автобус двинулся в путь.

— Признаюсь, мне не слишком хотелось, чтобы вы остались здесь, — проговорил профессор Вонстед. — Я был бы спокойнее, если бы вы сидели в автобусе. — Он внимательно посмотрел на старушку: — Почему вы остались? Усталость или какая-то другая причина?

— Другая. Я не особенно устала, хотя, услышав, что я должна отдохнуть, никто не удивился. Солидный возраст, знаете ли.

— Полагаю, я должен остаться здесь и приглядывать за вами.

— Нет, — отрезала мисс Марпл. — В этом нет нужды. Вам следует сделать нечто другое.

— Что именно? У вас возникли догадки или вам что-то известно?

— Похоже, я кое-что узнала, но необходимо найти подтверждение этому. Многое мне просто не по силам, поэтому ваша помощь мне весьма пригодится — ведь вы связаны с властями.

— Вы имеете в виду Скотленд-Ярд, полицейских и начальников тюрем?

— Да. Не только их, но и чиновников мини-

стерства внутренних дел. Кажется, вы там свой человек?

— Ну и ну! Ладно, что же вам от меня нужно?

— Во-первых, я дам вам один адрес.

Мисс Марпл достала свою записную книжку и, вырвав из нее страничку, протянула профессору.

— Что это? Ах да, известное благотворительное общество, не так ли?

— Одно из лучших, полагаю. Они приносят большую пользу. Получают по почте много вещей, детских и женских: пальто, пуловеры и тому подобное.

— Я тоже должен что-то послать туда?

— Нет. Есть кое-что важнее благотворительности. Это связано с тем делом, которым мы с вами занимаемся.

— Каким образом?

— Наведите справки об одной посылке, отправленной отсюда в это общество.

— А кто ее отправил... вы?

— Нет, хотя и утверждала, что это сделала я.

— То есть?

— Пришла на почту, — мисс Марпл улыбнулась, — и, притворившись рассеянной и забывчивой старушкой, объяснила, что имела глупость попросить кого-то отправить эту посылку. Потом,

вспомнив, что написала неправильный адрес, очень огорчилась. Служащая отнеслась ко мне сочувственно, вспомнила эту посылку и даже адрес, по которому ее отправили. Разумеется, это был не тот адрес, который я ей назвала, а тот, что я вам дала. Я объяснила ей, что написала по ошибке адрес другого благотворительного общества, куда иногда посылаю старые вещи. Женщина сказала, что уже поздно исправить эту оплошность: посылка отправлена. Я заверила ее, что напишу в благотворительное общество, куда ушла посылка, все объясню и попрошу переадресовать мои вещи.

— Несколько натянутое объяснение, — усмехнулся профессор.

— Но ведь надо было хоть *что-то* придумать! Конечно, ничего подобного я делать не собираюсь. Этим вопросом займетесь *вы.* Нужно узнать, что в той посылке! Не сомневаюсь, вам это по силам.

— Разве вещи наведут нас на след отправителя?

— Едва ли. Скорее всего, туда вложен листок бумаги со словами «От друзей» или какое-нибудь выдуманное имя и адрес, вроде «Миссис Пиппин, 14, Вестборн-Гроув», по которому, разумеется,

никакая миссис Пиппин не проживает.

— Понятно. А что еще там может быть?

— Шансы почти равны нулю... но вдруг там окажется записка от мисс Антеи Брэдбери-Скотт...

— Неужели она?..

— Она отнесла ее на почту.

— Об этом ее попросили вы?

— О нет, — ответила мисс Марпл. — Я не просила, а увидела эту посылку, когда она проходила мимо нас с вами. Помните, мы беседовали тогда в первый раз?

— Ага, вы пошли на почту и сказали, что это была ваша посылка.

— Верно, — кивнула мисс Марпл, — то есть солгала. Но как хорошо, что на почте у нас работают такие милые служащие! Мне же необходимо было узнать, куда отправили посылку.

— А также и то, кто ее послал, какая из сестер Брэдбери-Скотт?

— Я знала, что Антея, поскольку видела ее с этой посылкой.

— Ну и?.. — Он взглянул на листок. — Да, я выясню это. По-вашему, посылка представляет для нас интерес?

— Думаю, очень важно узнать, что в ней.

— Однако вы умеете хранить секреты! — заме-

тил профессор Вонстед.

— Не столько секреты, сколько *догадки,* возникающие у меня по ходу расследования. Пока нет достоверных данных, незачем делиться предположениями даже с самым близким человеком.

— Что-нибудь еще?

— Полагаю... полагаю, следует предупредить того, к кому вы обратитесь за помощью, что может быть найден второй труп.

— И этот второй труп связан с преступлением, которое мы расследуем? С тем, что случилось десять лет назад?

— Вот именно. По правде говоря, я уверена в этом.

— Итак, еще один труп. Чей же?

— Ну, пока это только мои предположения.

— И каковы же они?

— Ладно, — вздохнула мисс Марпл, — я убеждена, что знаю, где он находится, но потерпите еще немного.

— Чей это труп? Мужчины? Женщины? Ребенка? Девушки? — настаивал профессор.

— Тогда пропала еще одна девушка. Ее звали Нора Брод. Она тоже ушла, и больше о ней никто тоже не слышал. Скорее всего, труп окажется там, где я предполагаю.

Профессор Вонстед посмотрел на старушку:

— Чем больше узнаю, тем меньше хочу оставлять вас здесь одну. Со всеми своими догадками... вы можете натворить много глупостей... или...

— Или все это чепуха? — перебила его мисс Марпл.

— Нет, нет, я не это имел в виду. Боюсь, вы знаете слишком много, и это может представлять для вас опасность... Думаю, мне следует остаться здесь и не спускать с вас глаз.

— Нет, — возразила мисс Марпл. — Вы отправитесь в Лондон и займетесь делом.

— Вы говорите так уверенно, словно вам известно куда больше, чем вы сообщили мне, мисс Марпл.

— Вы правы. Но я должна убедиться во всем полностью.

— Боюсь, как бы это не стало последним, в чем вы убедитесь. Нам не нужен третий труп. Ваш.

— О, едва ли случится что-нибудь такое, — возразила мисс Марпл.

— Но если ваши догадки справедливы, вам может угрожать опасность. Вы кого-нибудь подозреваете?

— Кажется, у меня есть кое-что, связанное с одной особой. Чтобы проверить свои догадки, мне

надо выяснить... надо остаться здесь. Вы как-то спрашивали, чувствую ли я запах зла. Вот теперь я отчетливо его ощущаю — запах зла, преступления, опасности... если угодно — беды, страха... Я должна положить конец этому. Сделать все, что в моих силах. Но на что способна такая старуха, как я?

Профессор Вонстед начал тихо считать:

— Один... два... три... четыре...

— Что вы считаете?

— Тех, кто уехал в автобусе. Очевидно, они вас не интересуют, раз вы остались здесь.

— С какой стати мне интересоваться ими?

— Да вы сами говорили, что мистер Рафиэль отправил вас сюда, на эту экскурсию, с какой-то целью и затем послал вас в «Старую усадьбу». Пойдем дальше. В смерти Элизабет Темпл виновен кто-то из туристов. Вы же задерживаетесь здесь ради «Старой усадьбы».

— Вы не совсем правы, — улыбнулась мисс Марпл. — И то и другое связано. И эту связь я выявлю, побеседовав кое с кем!

— Думаете, вам удастся заставить эту особу рассказать вам то, что вас интересует?

— Надеюсь, да. Поторопитесь, иначе опоздаете на поезд.

— Будьте осторожны.

— Конечно.

Из отеля вышли мисс Кук и мисс Барроу.

— А я полагал, что вы уехали на автобусе, — сказал профессор, поздоровавшись с дамами.

— В последний момент мы передумали, — беззаботно ответила мисс Кук. — Видите ли, мы вдруг узнали, что тут есть чудесные места, где нам еще не удалось побывать, хотя они того стоят. Саксонская церковь с необычным порталом всего в четырех-пяти милях отсюда. Туда ходит местный автобус. Ведь я интересуюсь не только замками и парками, но и церковной архитектурой.

— Как и я, — добавила мисс Барроу. — Кстати, неподалеку расположен Финли-парк с редкими цветами. Вот мы и решили задержаться тут на пару дней и все осмотреть.

— Вы останетесь в «Золотом вепре»?

— Да. Теперь наш номер куда удобнее того, что мы снимали в предыдущие два дня.

— Вы опоздаете на поезд, — снова напомнила мисс Марпл.

— Мне бы хотелось, чтобы вы... — начал профессор Вонстед, однако мисс Марпл прервала его:

— Обо мне не беспокойтесь.

Когда профессор исчез за углом, она заметила:

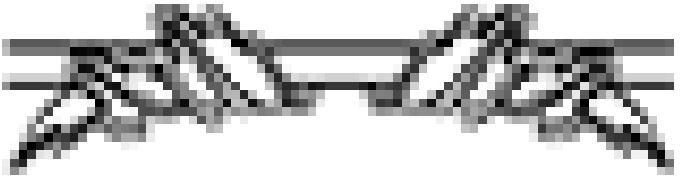
— Он так мил и так заботится обо мне... словно я его тетушка.

— Всех нас потрясло случившееся, — сказала мисс Кук. — Не хотите ли вместе с нами посетить Сент-Мартинс?

— Вы очень добры, — ответила мисс Марпл, — но сегодня я еще не в силах никуда ехать. Возможно, завтра, если там есть на что посмотреть.

— Ну тогда мы покинем вас.

Мисс Марпл, улыбнувшись дамам, вошла в отель.



Глава 20

ДОГАДКИ МИСС МАРПЛ

Пообедав, мисс Марпл пошла на террасу выпить кофе. Едва она принялась за вторую чашку, как по ступенькам, тяжело дыша, поднялась высокая худощавая дама и приблизилась к ней. Это была Антея Брэдбери-Скотт.

— О, мисс Марпл, оказывается, вы не отправились с туристами на автобусе. Мы и не предполагали, что вы останетесь здесь, и совершенно случайно об этом услышали. Клотильда и Ла-

виния просили меня зайти к вам и спросить, не согласитесь ли вы вернуться к нам в «Старую усадьбу» и погостить у нас еще немного. Надеюсь, у нас вам будет удобнее. Ведь эта гостиница — проходной двор, особенно в конце недели. Мы будем очень рады, право же, рады, если вы согласитесь.

— Весьма любезно с вашей стороны, однако не знаю... кажется, сначала речь шла о двухдневном визите. Я ведь и в самом деле собиралась отправиться дальше на автобусе. И если бы не этот трагический случай... Да, мне необходимо отдохнуть хотя бы один день.

— Но ведь у нас вы отдохнете гораздо лучше. Там вам будет удобнее.

— Ничуть не сомневаюсь. У вас мне было исключительно удобно. Я просто наслаждалась пребыванием в таком прекрасном доме. Там чудесно. Китайские вазы, фарфор, мебель. Конечно, в особняке куда приятнее, чем в отеле!

— Значит, решено. Мы немедленно отправляемся в «Старую усадьбу». Я помогу вам собраться.

— Благодарю вас, но, право же, я и сама справлюсь с этим.

— Но все-таки позвольте помочь вам.

— Буду весьма признательна вам.

Дамы пошли в спальню мисс Марпл, где Антея проворно собрала вещи старушки и кое-как запихнула их в чемодан. Мисс Марпл, привыкшая к порядку, обычно укладывала вещи не менее часа, поэтому сейчас с трудом сдержала возмущение, но тем не менее лицо ее выражало благодарность. «Да, — отметила она, — Антея совершенно не умеет складывать вещи».

Антея велела носильщику отнести чемодан в «Старую усадьбу», тогда как мисс Марпл, дав ему чаевые, продолжала суетиться, выражать удовольствие и восхищаться необычайной добротой и гостеприимством сестер.

«Три сестры! — подумала она. — Вот я и снова у вас в гостях».

Мисс Марпл села в кресло в гостиной и на минуту закрыла глаза. Ее учащенное дыхание, да и весь вид свидетельствовали об усталости. Да и не мудрено — в такие-то годы поспевать за носильщиком и Антеей! Однако на самом деле старушка смотрела из-под полузакрытых век, пытаясь понять, не изменился ли дом за время ее отсутствия, не появилось ли в нем что-то зловещее. Нет, ничего зловещего не ощущалось, скорее тут царила тоска — глубокая, почти пугающая.

Она снова открыла глаза и оглядела двух се-

стер. Миссис Глинн только что пришла из кухни с подносом, на котором стояли чашки с чаем. Держалась она, как и всегда, благожелательно, но сдержанно.

«Возможно, даже слишком, — решила мисс Марпл. — Неужели жизнь, полная невзгод и трудностей, заставила ее скрывать от всех свои чувства и замкнуться в себе? — Она перевела взгляд на мисс Клотильду. — Да, она точно Клитемнестра, хотя и не убила мужа, поскольку никогда не имела его. Едва ли убила она и девушку, к которой, как все утверждают, была необычайно привязана. Что правда, то правда. — Мисс Марпл помнила, как из глаз Клотильды полились слезы, когда заговорили о смерти Верити. — А что же Антея? Ведь именно она отнесла ту посылку на почту. Антея пришла за мной в отель. Антея... Нет, вряд ли. Она ведь такая рассеянная, взбалмошная. Но не слишком ли для своего возраста? А этот блуждающий взгляд, который все время обращается на вас. Взгляд, видящий то, чего не видят другие, ищущий что-то у вас за спиной. Чего же она боится? Может, у нее какая-то мания? Что ее до конца дней запрут в психиатрической лечебнице? Или, напротив, сестры боятся, как бы Антея чего-либо не выкинула и не сболтнула?

Да, несомненно, есть что-то *нехорошее* в атмосфере этого дома. Интересно, — мисс Марпл допила чай, — чем сейчас занимаются мисс Кук и мисс Барроу? Правда ли отправились взглянуть на ту церковь или хотели просто заговорить мне зубы? Странно. Странно и то, что они внезапно появились в Сент-Мэри-Мид с единственной целью — взглянуть на меня, чтобы потом сразу узнать во время экскурсии, но ничем не выдать этого. Да, вокруг творится много непонятного».

Вскоре миссис Глинн ушла и унесла поднос с пустыми чашками. Антея отправилась в сад, а мисс Марпл осталась наедине с Клотильдой.

— Кажется, — начала старушка, — вы знакомы с каноником Брабазоном?

— Да, — ответила Клотильда. — Он проводил вчера в церкви поминальную службу. Вы его знаете?

— Нет, но он пришел в «Золотой вепрь» побеседовать со мной. Как я поняла, каноник был в больнице и интересовался обстоятельствами смерти бедной мисс Темпл. Он хотел выяснить, не говорила ли перед смертью мисс Темпл чего-то такого, что предназначалось бы именно ему. По его словам, она собиралась навестить его. Я объяснила канонику, что хоть и находилась в

больнице возле мисс Темпл, но была бессильна помочь ей.

— Неужели она не сказала... не сказала ничего такого, что дало бы ключ к трагедии? — Клотильда не выразила особого интереса.

«Не наигранное ли это безразличие? — подумала мисс Марпл. — Нет, вряд ли. Сейчас мысли Клотильды заняты чем-то другим».

— Как по-вашему, *это действительно был несчастный случай?* — спросила мисс Марпл. — Или вы верите рассказу племянницы миссис Райзли-Портер о том, что она и Эмлин Прайс видели, как кто-то раскачивает валун?

— Раз они это утверждают, значит, так оно и было.

— Утверждать-то они утверждают. Правда, их ответы не полностью совпадают. Но наверное, это естественно.

Клотильда посмотрела на нее с любопытством:

— Вы заинтриговали меня.

— Да, эта история кажется совершенно невероятной, если только...

— Если только?..

— Я просто размышляю, — пояснила мисс Марпл.

Миссис Глинн, войдя в комнату, услышала эти

слова.

— О чем же вы размышляете? — спросила она.

— О том, был ли то несчастный случай или нет, — ответила Клотильда.

— Но ведь...

— Эта история кажется совершенно невероятной, — повторила мисс Марпл.

— Что-то темное остается в атмосфере этого дома с момента смерти Верити, — вдруг проговорила Клотильда. — Прошли годы, но это так и не исчезло. Какая-то тень. — Она посмотрела на мисс Марпл: — Вам так не кажется? Разве вы не чувствуете, что здесь чья-то тень?

— Ведь я не живу тут постоянно, в отличие от вас. И вы хорошо знали ту девушку, очаровательную и милую, по словам каноника.

— Да, она была очень милая и обаятельная, — подтвердила Клотильда.

— Жаль, что я мало знала ее, — вставила миссис Глинн. — Тогда мы жили за границей и только во время отпусков приезжали сюда. Впрочем, большую часть времени проводили в Лондоне и сюда наведывались не часто.

Из сада вернулась Антея с огромным букетом лилий:

— Траурные, похоронные цветы, как и подоба-

ет сегодня, не так ли? Я поставлю их в большой кувшин. Траурные цветы. — Внезапно она истерически расхохоталась.

— Антея, — одернула ее Клотильда, — не делай этого. Это... это нехорошо.

— Пойду поставлю их в воду. — Антея бодро вышла из комнаты.

— О господи! — вздохнула миссис Глинн. — Антея! Знаете, по-моему, ее болезнь...

— Прогрессирует, — закончила за сестру Клотильда.

Сделав вид, что ничего не слышит, мисс Марпл взяла в руки небольшую шкатулочку, отделанную эмалью, и стала восхищенно разглядывать ее.

— Она наверняка сейчас разобьет вазу. — С этими словами Лавиния вышла.

— Вас тревожит Антея? — спросила Клотильду мисс Марпл.

— Да, у нее несколько неуравновешенный характер. Она младшая из нас и с детства была слабой и хрупкой. Но в последнее время ее состояние ухудшилось. Боюсь, она не понимает, как нужно себя вести в определенных ситуациях. Порой с ней случается истерика. Начинает смеяться, когда речь идет о самых серьезных вещах. Мы не

хотим... э-э... отправлять ее... вы понимаете, о чем я. Полагаю, за ней нужен уход, но едва ли Антея согласится уехать из дома. Что ж, это ее дом, хотя иногда... иногда с ней очень нелегко.

— Да, жизнь — штука сложная, — философски заметила мисс Марпл.

— Лавиния вот поговаривает о том, чтобы уехать отсюда, — сообщила Клотильда. — Хочет опять отправиться за границу. В Таормину, кажется. Она жила там некоторое время с мужем и была счастлива. Лавиния с нами уже много лет, но, похоже, ей очень хочется сорваться с места и попутешествовать. Порой мне кажется... да, порой мне кажется, что Лавинии не по душе жить в одном доме с Антеей.

— Боже! Как же вам трудно!

— Она боится Антеи, — продолжала Клотильда. — Несомненно боится. Я конечно же постоянно убеждаю сестру, что бояться ей нечего. Просто временами Антея произносит странные фразы, у нее возникают нелепые идеи. Но не думаю, что для Лавинии представляют опасность эти ее... как бы сказать... ну, странности, что ли.

— Раньше ничего такого вы не замечали? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Нет, ничего. Иногда с ней случаются нервные

припадки, приступы мизантропии. Видите ли, она до смешного ревнива. Например, не переносит, когда проявляют к кому-то особую заботу. Да, порой мне кажется, что лучше бы продать этот дом.

— Но вам не хочется этого делать? Вообще-то я понимаю, как тяжело вам жить здесь, где все напоминает о прошлом.

— Вы правда это понимаете? Да, вижу, что понимаете. Что делать? Мысли постоянно возвращаются к нашей дорогой и любимой девочке. Она была мне как дочь. Да она и была дочерью моих лучших друзей. А какая умница, знали бы вы! Она недурно рисовала. Ее художественный вкус проявлялся во всем. Например, она придумывала узоры для тканей. Я очень гордилась ею. А потом... эта несчастная любовь к ужасному, психически больному юноше.

— Вы имеете в виду Майкла Рафиэля, сына мистера Рафиэля?

— Да. Он никогда не гостил у нас. Как-то проездом оказался в наших краях, и отец предложил ему заглянуть в дом. Мы пригласили его на обед. Да, он умел очаровывать, этот преступник, уже дважды побывавший в тюрьме. А как он обращался с девушками! Невероятно! Никогда бы

не подумала, что Верити... Он просто вскружил ей голову. Такое случается с девушками в ее возрасте. Она была без ума от него. И слова дурного о нем слышать не желала. Считала, будто он не виноват в том, что с ним случилось. Сами знаете, что говорят влюбленные девушки: «Все ополчились против него». Ах, не хочу повторять такую ерунду. Ну почему, почему нельзя научить девушек уму-разуму?

— Вы правы: обычно у них маловато здравого смысла, — согласилась мисс Марпл.

— Она ничего и слушать не желала. Я... я пыталась отвадить его от дома. Просила забыть дорогу сюда. Глупо, конечно. Это я осознала впоследствии. Тогда они стали встречаться вне дома. Я не знала, где имению. Они назначали свидания в разных местах. Обычно он заезжал за ней в условленное место, а поздно вечером привозил домой. Я пыталась втолковать им, что этому пора положить конец, но они и слушать не желали. Даже Верити. А уж Майкл — тем более.

— Она собиралась выйти за него замуж? — спросила мисс Марпл.

— Едва ли. Сомневаюсь, что мысль о браке вообще посещала его.

— Как мне жаль вас! — воскликнула вдруг мисс

Марпл. — Наверное, вы очень много пережили.

— Да. И страшнее всего было опознавать труп. Это произошло через некоторое время после ее исчезновения. Мы, конечно, решили, что она сбежала с ним, и надеялись когда-нибудь услышать о них. Я знала, что полиция серьезно взялась за дело. Они допрашивали Майкла в участке, но его показания не соответствовали тому, что говорили местные жители.

А потом нашли ее тело. Далеко отсюда. Примерно в тридцати милях. В старой траншее возле заброшенной дороги, по которой сейчас почти никто не ездит. И вот мне пришлось отправиться в морг для опознания. Кошмарное зрелище! Жестокое, зверское убийство! За что он так изувечил ее? Разве мало было просто задушить ее же собственным шарфом! Все, не могу... не могу больше говорить об этом. Это невыносимо... просто невыносимо... — Слезы покатились по лицу Клотильды.

— Простите меня, — проговорила мисс Марпл. — Мне очень, очень жаль.

— Я верю вам. — Клотильда посмотрела на старушку: — А знаете, что хуже всего?

— В каком смысле?

— Я не уверена... насчет Антеи.

— О чем вы?

— Она вела себя так странно в то время... Безумно ревновала. Неожиданно ополчилась против Верити. Смотрела на нее с ненавистью. Иногда мне казалось... наверное, это просто фантазии... о нет, ужасно даже допустить такую мысль о своей сестре... В общем, однажды она набросилась на кого-то. Порой с ней случаются припадки ярости. Вот я и подумала: *«А что, если...»* О господи, о чем это я?! Такое нельзя говорить! Пожалуйста, забудьте все, о чем я вам сказала. Ничего такого в этом нет, совсем ничего! Но... но... э-э... она не вполне нормальная, нужно честно признать это. В юности с ней случались странные истории... с животными. У нас был попугай. Говорящий попугай. Он повторял всякую чушь. Однажды в ярости она свернула ему шею. *После этого я уже никогда не могла доверять ей...* Боже милостивый, да я сама становлюсь истеричкой!

— Ну же, ну! — пыталась успокоить Клотильду мисс Марпл. — Не вспоминайте об этом.

— Не буду. Достаточно и того, что Верити умерла такой страшной смертью. Но так или иначе, до других девушек ему уже не удалось добраться. Его приговорили к пожизненному заключению. Он все еще в тюрьме и теперь не причинит зла

никому. Странно, почему его не признали душевнобольным... «ограниченно ответственным» — так сейчас принято говорить. Его следовало бы отправить в бродмурскую психлечебницу. Я уверена: он не мог отвечать за все, что совершил.

Клотильда встала, направилась к двери и там столкнулась с миссис Глинн.

— Не обращайте внимания на Клотильду, — сказала та. — Она так и не пришла в себя после опознания, потому что слишком любила ее.

— Кажется, она очень беспокоится о вашей младшей сестре.

— Об Антее? С Антеей все в порядке. Она... э-э... несколько сумасбродна. Немного... истерична. Легко заводится по любому поводу и вообще без повода. Иногда у нее бывают странные фантазии, ей может такое привидеться! Впрочем, не думаю, что у Клотильды есть основания для беспокойства. Господи, кто это там?

В стеклянных дверях, выходящих в сад, внезапно появились две женщины.

— О, простите нас за вторжение, — сказала мисс Барроу. — Мы просто прогуливались поблизости, надеясь увидеть мисс Марпл. Услышали, что она переехала к вам, и я подумала... Ах вот вы где, дорогая мисс Марпл. Оказывается, в церкви, ко-

торую мы собирались осмотреть, сейчас ремонт, поэтому сегодня мы уже никуда не поедем. Но наши планы на завтра не изменились. Надеюсь, вы не сердитесь, что мы так неожиданно ворвались сюда? Я звонила у парадной двери, но, очевидно, звонок не работает.

— Да, такое иногда случается, — призналась миссис Глинн. — Он у нас с норовом. То звонит, то нет. Прошу вас, присаживайтесь, давайте немного поговорим. Я ведь не знаю, почему вы не отправились со всеми.

— Мы решили осмотреть все местные достопримечательности, раз уж оказались здесь, а потом присоединиться к экскурсии... Видите ли, после всего случившегося ехать на автобусе... несколько мучительно. Вот мы и подумали: не отдохнуть ли пару дней.

— Позвольте угостить вас шерри, — предложила миссис Глинн.

Она вышла из комнаты и вскоре вернулась с Антеей, теперь уже совершенно спокойной. Они принесли графин и рюмки.

— Не знаю, как это объяснить, — начала миссис Глинн, — но мне не терпится узнать о ходе расследования. Я имею в виду бедную мисс Темпл. Что же обо всем этом думает полиция? Расследование

продолжается, дознание отложено, значит, пока удовлетворительных результатов нет. Возможно, их смущает характер ранений.

— Не думаю, — возразила мисс Барроу. — То есть удар по голове, сотрясение мозга... все это, конечно, от валуна. Весь вопрос в том, мисс Марпл, сам этот валун покатился или его кто-то подтолкнул.

— Ох, что за чудовищная мысль! — всплеснула руками мисс Кук. — Неужели кому-то взбрело в голову сбросить камень с обрыва?! Впрочем, хулиганов всегда хватает повсюду — всякие там иностранцы или студенты. Я-то, грешным образом, стала подозревать, уж не... э-э...

— Вы подозреваете кого-то из наших спутников? — спросила мисс Марпл.

— Нет, я... этого я не говорила, — смутилась мисс Кук.

— Конечно, — продолжала мисс Марпл, — об этом нам незачем думать. Но ведь должно быть какое-то объяснение. Похоже, полиция уверена, что это не был несчастный случай. Значит, налицо злой умысел. А поскольку мисс Темпл — не здешняя, вряд ли это совершил кто-то из местных. Так что все снова возвращается... к нам, экскурсантам, верно? — И она тихо, по-старуше-

чьи, засмеялась.

— Вот-вот!

— Впрочем, мне не следовало это говорить. Но видите ли, настоящие преступления очень интересны. Порою случались такие вещи!

— А у вас, мисс Марпл, уже сложилось какое-то мнение об этом деле? Хотелось бы услышать его, — сказала Клотильда.

— Ну, строить догадки не так уж трудно.

— Мистер Каспар... — проговорила мисс Кук. — Мне сразу не понравился взгляд этого человека. Он смотрел на меня, словно я тайный агент. Знаете, он держится так, будто приехал к нам в страну, чтобы выведать секреты атомной бомбы или что-то еще.

— Едва ли здесь можно найти атомные секреты, — заметила миссис Глинн.

— Конечно, — согласилась Антея. — Наверное, кто-то преследовал мисс Темпл, шел за ней по пятам, потому что она совершила преступление.

— Чепуха! — отрезала Клотильда. — В прошлом она была директрисой очень известной школы и замечательным педагогом. *Зачем кому-то следить за ней?*

— Не знаю. Вдруг это какой-то психопат.

— Убеждена, — прервала сестру миссис

Глинн, — что у мисс Марпл есть кое-какие догадки.

— Кое-какие — да, — призналась мисс Марпл. — По-моему... это могли быть только... О боже, это так трудно сказать... Да... однако лишь двое людей приходят мне на ум, когда я рассуждаю логически. Надеюсь, я ошибаюсь, потому что это очень милые люди, но логически больше некого заподозрить.

— Кого же вы имеете в виду? Очень интересно.

— Едва ли следует называть имена. Пока это всего лишь безумные догадки.

— Но кто, по-вашему, мог столкнуть валун? Как вы полагаете, кого видели Джоанна и Эмлин Прайс?

— Скорее всего, никого не видели.

— Что значит «никого не видели»? — удивилась Антея. — Я не совсем понимаю.

— Возможно, они придумали все это.

— Как?

— В этом ведь нет ничего невероятного, не правда ли?

— То есть это была шутка или чей-то злой умысел? *Что же именно?*

— Ну... Видите ли, сейчас столько слышишь о молодых людях, творящих черт знает что, —

ответила мисс Марпл. — Разбивают окна в посольствах, нападают на прохожих, швыряют камни в людей — обычно это проделки молодежи, не так ли? А в нашей группе только двое молодых людей.

— Значит, вы полагаете, что Эмлин Прайс и Джоанна столкнули валун?

— Других молодых ведь нет? — улыбнулась мисс Марпл.

— У вас богатая фантазия! — воскликнула Клотильда. — Мне бы такое и в голову не пришло. Впрочем, я понимаю, в ваших словах что-то есть. Но я ведь не знаю этих молодых людей, не путешествовала с ними.

— Они кажутся очень милыми, — заметила мисс Марпл. — Джоанна, на мой взгляд, весьма способная девушка.

— Способная на что? — поинтересовалась Антея.

— Антея, замолчи! — оборвала сестру Клотильда.

— Да. Весьма способная, — продолжала мисс Марпл. — Конечно, если задумано убийство, необходимо проявить ловкость и смекалку, чтобы остаться вне подозрений.

— Значит, они сообщники, — предположила

мисс Барроу.

— О да, — согласилась мисс Марпл. — Они сообщники, поэтому и рассказали эту наспех придуманную историю. Они... они более всех внушали подозрения — вот, пожалуй, и все, что можно сказать. Эти молодые люди исчезли из поля зрения других туристов, которые шли по нижней тропе. Джоанна и Эмлин вполне могли подняться на вершину холма и столкнуть валун. Возможно, у них не было намерения прикончить мисс Темпл. Не исключено, что таким образом они выражали анархический протест — хотели что-то уничтожить, разбить. Именно это и случилось. Они столкнули валун, а потом сочинили, будто видели там кого-то. Идиотское описание костюма тоже, знаете ли, внушает недоверие... впрочем, мне не следовало высказывать свои догадки.

— По-моему, ваши догадки довольно любопытны, — заметила миссис Глинн. — А как ты считаешь, Клотильда?

— Готова допустить, что так оно и было, но сама я бы никогда не додумалась до этого.

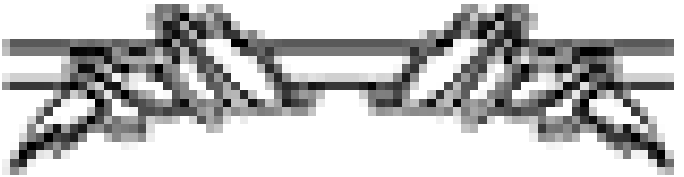
— Нам пора возвращаться в «Золотой вепрь». — Мисс Кук поднялась. — Вы пойдете с нами, мисс Марпл?

— Нет, я не успела вам сказать, что любезные хозяйки «Старой усадьбы» пригласили меня погостить у них еще пару дней.

— Вот как. Что ж, не сомневаюсь, это пойдет вам на пользу. Тут ведь гораздо удобнее. Да и не так шумно вечерами, как в «Золотом вепре».

— Приходите к нам выпить кофе, — предложила Клотильда. — Сейчас такие теплые вечера. Простите, что не приглашаем на обед, но, боюсь, мы просто не успеем приготовиться, а вот кофе...

— Вы необычайно любезны, — сказала мисс Кук, — и мы с удовольствием воспользуемся вашим гостеприимством.



Глава 21

ПРОБИЛО ТРИ ЧАСА

I

Мисс Кук и мисс Барроу прибыли без четверти девять. На первой было бежевое кружевное платье, на второй — оливково-зеленое. За обедом Антея расспрашивала мисс Марпл об этих двух дамах.

— Меня удивляет, что они пожелали остаться в нашем городке.

— А меня — ничуть, — возразила мисс Марпл. — По-моему, это вполне понятно, поскольку у них есть определенный план.

— О чем вы? — спросила миссис Глинн.

— Просто эти дамы из тех, кто заранее готовится к любым случайностям, и, что бы ни произошло, они будут действовать в соответствии с определенным планом.

— Вы хотите сказать, — поинтересовалась Антея, — что их план предусматривал и убийство?

— Я не желаю, чтобы несчастный случай с бедной мисс Темпл называли убийством, — резко заявила миссис Глинн.

— Но ведь это несомненно убийство, — настаивала Антея. — Я все думаю, кто же хотел убить ее. Пожалуй, какая-то из учениц, которая до сих пор ненавидит мисс Темпл.

— Неужели вы полагаете, что можно столько лет питать ненависть? — Мисс Марпл взглянула на Антею.

— Ничуть не сомневаюсь. Можно испытывать ненависть всю жизнь.

— А по-моему, ненависть со временем угасает, если, разумеется, не разжигать ее, но, полагаю, вам это не удалось бы. Ведь ненависть не так сильна, как любовь, — проговорила мисс Марпл.

— А вы считаете, что мисс Кук или мисс Барроу способны на убийство?

— Зачем им это? — удивилась миссис Глинн. — Бог с тобой, Антея! Они славные женщины.

— А *мне* они кажутся загадочными, — заметила Антея. — Что скажешь, Клотильда?

— Пожалуй, ты права. Я чувствую в них что-то ненатуральное. Понимаете, о чем я?

— Да, и что-то зловещее, — продолжала Антея.

— У тебя слишком богатое воображение, — улыбнулась миссис Глинн. — Так или иначе, но шли они по нижней тропе. Вы ведь видели их там? — обратилась она к мисс Марпл.

— Не могу утверждать этого, поскольку не имела такой возможности...

— То есть?

— Мисс Марпл была в это время здесь, в нашем саду, — пояснила Клотильда.

— Ах да! Я совсем забыла.

— Какой я провела тогда чудесный и спокойный день, — вздохнула мисс Марпл. — Он доставил мне истинное наслаждение. Завтра утром я хотела бы снова выйти в сад и взглянуть на... заросли белых цветов, распустившихся возле холма. Позавчера они едва проклюнулись, а сейчас там, наверное, все белым-бело! Эти цветы я запомню

на всю жизнь.

— Я ненавижу их, — бросила Антея. — Мечтаю расчистить то место и восстановить теплицу. Если нам удастся сэкономить денег, мы сможем себе это позволить, Клотильда?

— Оставь в покое теплицу, — отрезала Клотильда. — Не хочу больше говорить о ней. Какой прок в твоей теплице, если виноградник начнет плодоносить лишь через несколько лет?

— Давайте оставим этот дурацкий спор, — попросила миссис Глинн. — Пойдемте лучше в гостиную. Вскоре придут наши гостьи на кофе.

Когда гостьи прибыли, Клотильда принесла поднос с кофе и подала всем чашки.

— Простите меня, мисс Марпл, — сказала мисс Кук, — но, право же, на вашем месте я не стала бы пить вечером кофе. Вам не удастся заснуть.

— Вы думаете? Но я всегда пью кофе по вечерам.

— Однако это ведь натуральный, очень крепкий кофе. Я бы не советовала вам пить его.

Посмотрев на мисс Кук, пожилая леди заметила, что вид у той весьма серьезный, крашеные светлые волосы прикрывали один ее глаз, тогда как другой был чуть прищурен.

— Возможно, вы правы, — ответила мисс

Марпл. — Кажется, вы разбираетесь в таких делах.

— Да, я специально изучала этот вопрос, посещая курсы медсестер.

— Вот как. — Мисс Марпл отодвинула чашку. — Полагаю, здесь нет фотографии этой девушки? — спросила она. — Верити Хант, кажется? Каноник рассказывал мне о ней. Кажется, он очень любил ее.

— Вы правы. Каноник любит молодежь.

Клотильда встала, прошла через комнату, подняла крышку стола, достала фотографию и подала ее мисс Марпл.

— Вот она, Верити.

— Красивая. Да, очень красивое и необычное лицо. Бедное дитя.

— Сейчас ужасные времена, — заметила вдруг Антея, — подобные вещи случаются постоянно. Девушки убегают с разными проходимцами. Никому нет до них дела.

— Теперь им приходится самим заботиться о себе, — проговорила Клотильда, — а они, бедняжки, не знают, как это сделать, да поможет им Господь! — Она протянула руку за фотографией Верити, задев при этом широким рукавом кофейную чашку мисс Марпл и опрокинув ее.

— О боже! — воскликнула старушка. — Простите меня. Должно быть, я нечаянно толкнула вас.

— Нет, нет, мисс Марпл, виной всему мой злополучный рукав! Не предложить ли вам горячего молока вместо кофе?

— Это было бы прекрасно, — обрадовалась мисс Марпл. — Стакан горячего молока после того, как я лягу, — что может быть лучше? Это укрепляет сон и успокаивает нервы.

Еще немного поболтав о том о сем, гостьи начали собираться в отель, что сопровождалось ужасной суетой. Сначала одна, а потом и другая не раз возвращались за забытыми вещами: то за шарфом, то за носовым платком, то за дамской сумочкой.

— Много шума из ничего, — заметила Антея, когда они наконец ушли.

— Пожалуй, я согласна с Клотильдой, — промолвила миссис Глинн. — Эти дамы кажутся *ненатуральными.*

— По-моему, *вы правы,* — заметила мисс Марпл. — У них и в *самом деле* неестественный вид. Я много размышляла о них, о том, почему они отправились в эту поездку, получают ли от нее удовольствие и зачем пришли сюда.

— И вы нашли ответы на все эти вопросы? —

спросила Клотильда.

— Думаю, да. — Мисс Марпл вздохнула. — Я нашла ответы на многие вопросы.

— А вам, надеюсь, нравится эта поездка? — поинтересовалась Клотильда.

— Я рада, что не отправилась дальше с экскурсией. Едва ли после всего случившегося мне было бы это приятно.

— Вполне понимаю вас.

Клотильда принесла из кухни стакан горячего молока и проводила мисс Марпл наверх, в ее комнату.

— Не помочь ли вам чем-нибудь?

— Нет, спасибо, у меня есть все, что нужно. В моей сумочке лежит все необходимое, так что даже не придется распаковывать чемодан. Я очень благодарна вам и вашим сестрам за то, что вы еще на ночь приютили меня.

— Мы не могли поступить иначе, получив письмо от мистера Рафиэля. Он был весьма предусмотрительным человеком.

— Да, он... э-э... ничего не упускал из виду. Замечательный ум.

— Полагаю, он был выдающимся финансистом.

— Мистер Рафиэль отлично разбирался во многих вопросах, не только в финансовых, —

заметила мисс Марпл. — Что ж, пора спать. Спокойной ночи, мисс Брэдбери-Скотт.

— Может, завтрак принести вам сюда?

— Нет, нет, что вы! Не утруждайте себя! Я спущусь. С удовольствием выпила бы чашку чаю, но мне хочется погулять в саду и посмотреть на холм, покрытый белыми цветами. Они так прекрасны...

— Спокойной ночи!

II

Старинные часы в холле «Старой усадьбы» пробили два раза. Часы в этом доме никогда не били одновременно, а некоторые вообще стояли. Не так-то легко поддерживать весь этот антиквариат. В три ночи на верхней площадке раздались три удара, после чего слабый свет пробился сквозь щель в двери.

Мисс Марпл выпрямилась в постели и положила палец на кнопку выключателя электрической лампы у изголовья. Дверь бесшумно отворилась. Снаружи света не было, однако кто-то тихо проследовал из коридора в комнату. Мисс Марпл включила свет.

— О, это вы, мисс Брэдбери-Скотт. Что-то случилось?

— Нет, я решила узнать, не нужно ли вам что-нибудь.

Клотильда была в длинном лиловом халате. «Какая красивая женщина! — подумала мисс Марпл. — Волосы так чудесно обрамляют ее лоб. У нее поистине трагический вид». Старушка снова вспомнила о греческих драмах. И о Клитемнестре.

— Вы уверены, что вам ничего не нужно?

— Благодарю вас, — ответила мисс Марпл и смущенно добавила: — Я не выпила даже ваше молоко.

— В самом деле? Но почему?

— Не думаю, что это пошло бы мне на пользу.

Клотильда замерла в ногах кровати, глядя на нее.

— На пользу моему здоровью, — пояснила мисс Марпл.

— Что вы хотите этим сказать?

— Полагаю, вы понимаете, о чем я. Кажется, вы думали об этом весь вечер, а может, и дольше.

— Понятия не имею, о чем вы говорите!

— Неужели? — усмехнулась мисс Марпл.

— Молоко уже остыло. Я подогрею его.

— Не беспокойтесь, я все равно не стану его пить.

— Не понимаю, почему вы так странно себя ведете? Кто вы?

Мисс Марпл сорвала с головы пушистый розовый шарф, похожий на тот, что она носила в Вест-Индии.

— Одно из моих имен — Немезида.

— Немезида? А что оно значит?

— Полагаю, вы знаете, вы ведь очень образованная женщина. Порой Немезида приходит не сразу, но рано или поздно она все же появляется.

— Да о чем вы?

— О прекрасной и милой девушке, которую вы убили.

— Я?! Да что вы несете!

— Девушку звали Верити.

— Но зачем мне было ее убивать?

— Вы любили ее, — ответила мисс Марпл.

— Конечно любила. Я отдавала ей всю себя. И она любила меня.

— Кто-то совсем недавно сказал мне, что «любовь» — самое пугающее слово на свете, и это правда. Вы слишком любили Верити. Она была для вас всем. И вот ее захлестнуло новое чувство. Она влюбилась в молодого человека. Не слишком подходящего и, уж конечно, не сказочного принца. Он состоял на учете в полиции, но Верити

любила его, и он отвечал ей тем же. Она хотела избавиться от бремени вашей любви и жить нормальной человеческой жизнью со своим избранником, иметь от него детей. Стремилась к браку и счастью.

Клотильда подошла к креслу и опустилась на него, не сводя глаз с мисс Марпл.

— Значит, вы все поняли.

— Да.

— В ваших словах есть доля истины. Не стану отрицать этого. Впрочем, какая разница, буду я это отрицать или нет.

— Вы правы.

— А догадываетесь ли вы... представляете ли себе, как я страдала?

— Конечно. Воображение никогда не подводило меня.

— Можете ли вы вообразить боль, мучительную боль от сознания того, что у вас забирают самое дорогое на свете? Она уходила от меня... и к кому? К жалкому извращенному преступнику! Он был не достоин моей прекрасной девочки. Я не могла допустить этого. Должна была положить этому конец... должна.

— И вместо того чтобы дать девушке свободу, вы убили ее. Из-за своей любви к ней.

— Неужели вы думаете, что я способна на такое? Думаете, я могла бы задушить девочку, которую любила? Изуродовать ее лицо? Только порочный и извращенный негодяй способен на это.

— Верно, — согласилась мисс Марпл, — такого вы не сделали бы, ибо любили ее.

— Наконец-то до вас дошло, что вы несли чушь!

— Вы сделали это не с ней, а с другой. Верити ведь все еще здесь, не так ли? Она здесь, в саду. Сомневаюсь, что вы задушили ее. Скорее дали ей выпить кофе или молоко, подсыпав туда смертельную дозу снотворного. Так что она умерла во сне, без мучений. А потом вы отнесли ее в сад, раскидали обвалившиеся кирпичи теплицы, положили в образовавшуюся нишу тело девушки и замуровали там. Затем посадили polygonum, который покрыл все, как ковер, и с каждым годом разрастался все больше. Так что Верити остается с вами и никогда не покинет вас.

— Какая глупость! Старческий бред! Надеюсь, вы не полагаете, что я позволю вам выйти отсюда и рассказать кому-нибудь эту историю?

— Думаю, мне удастся выйти, — улыбнулась мисс Марпл, — хотя я не вполне уверена в этом. Вы ведь сильная женщина, намного сильнее

меня.

— Хорошо, что хоть это вы понимаете.

— И вас не будут мучить угрызения совести, — продолжала мисс Марпл, — поскольку вы отлично знаете, что убийца не ограничивается одним злодеянием. Я поняла это давно, ибо видела преступления и анализировала их. Вы убили двух девушек, не так ли? Одну из них вы любили. Но была и другая.

— Я убила безмозглую потаскушку, Нору Брод. Как вы пронюхали о ней?

— Я размышляла, — ответила мисс Марпл. — Познакомившись с вами поближе, я поняла, что вы не способны задушить и изуродовать дорогое вам существо. Однако примерно в то же время исчезла еще одна девушка, тело которой так и не нашли. И тут я подумала: «Что, если ее труп *был найден,* но никто об этом не знает?» На трупе была одежда Верити. Девушку опознали вы, знавшая ее лучше всех. Да, вы сказали, что это она.

— Но с какой целью?

— Вы хотели, чтобы возлюбленного Верити, ради которого она оставила вас, обвинили в убийстве. Поэтому вы надежно спрятали второй труп, чтобы его не так-то легко было обнаружить. Когда это все-таки случилось, полиция не поду-

мала о Норе Брод, ибо вы сделали для этого все. На убитой была одежда Верити, рядом лежала ее сумочка, пара писем, маленький крестик на цепочке... К тому же вы до неузнаваемости изуродовали ее лицо.

А неделю назад вы совершили третье убийство, покончив с Элизабет Темпл. Она вдруг оказалась в этих краях, и вы испугались, заподозрив, что ей что-то известно. Ведь Верити могла написать мисс Темпл или сделать какие-то признания. Тут вам и пришло в голову, что, обсудив все и сопоставив факты, она и каноник Брабазон доберутся до истины. Вам следовало предотвратить их встречу. Вы очень сильны физически, поэтому вполне могли столкнуть вниз большой валун, хотя это не слишком просто. Да, вы очень сильная женщина.

— Достаточно сильная, чтобы справиться с вами, — заметила мисс Клотильда.

— Не думаю, что вам это удастся.

— И я-то не справлюсь с вами, жалкой старушонкой?

— Да, я стара и слаба, но при этом служу правосудию и справедливости.

Клотильда рассмеялась:

— И кто же помешает прикончить вас?

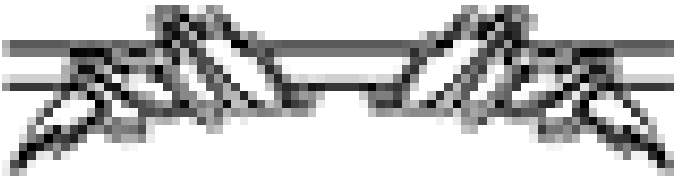
— Мой ангел-хранитель.

— Вы что, верите в эту чушь? — удивилась Клотильда, со смехом направляясь к постели.

— Возможно, у меня даже два ангела-хранителя, — проговорила мисс Марпл. — Мистер Рафиэль не любил мелочиться.

Сунув руку под подушку, она вытащила оттуда свисток и поднесла его к губам. Раздался такой пронзительный свист, что его услышал бы и полицейский на противоположном конце улицы. И тут дверь отворилась. Обернувшись, Клотильда увидела мисс Барроу. В тот же миг распахнулась дверца большого гардероба, и из него вышла мисс Кук. У обеих дам был суровый вид профессиональных сотрудниц полиции. Это поражало. Ведь совсем недавно они производили впечатление придурковатых «старых дев из хороших семейств».

— Два ангела-хранителя, — радостно бормотала мисс Марпл. — Мистер Рафиэль очень гордился бы мной.



Глава 22

МИСС МАРПЛ ВСЕ ОБЪЯСНЯЕТ

— Когда же вы догадались, что эти две женщины — детективы, получившие распоряжение охранять вас? — спросил профессор Вонстед и задумчиво посмотрел на пожилую леди, расположившуюся в кресле напротив него. В кабинете министерства внутренних дел в Лондоне, кроме них, сидели еще четверо: представитель прокуратуры, заместитель начальника Скотленд-Ярда сэр Джеймс Ллойд, начальник мэнстоунской

тюрьмы сэр Эндрю МакНил и сам министр внутренних дел.

— Откровенно говоря, только в последний вечер, — ответила мисс Марпл. — Мисс Кук приезжала в Сент-Мэри-Мид, и я довольно быстро смекнула, что она не та, за кого себя выдает, то есть не любительница садоводства, приехавшая помогать приятельнице по саду и огороду. Мне стало ясно, что она приезжала в нашу деревню с единственной целью — увидеть и запомнить меня. Когда я узнала ее в автобусе, мне пришлось решать головоломку: кто такие она и ее подруга — мои защитницы или враги.

Но окончательно я поняла все лишь в последний вечер, когда мисс Кук совершенно недвусмысленно предостерегла меня, посоветовав не пить кофе, принесенный Клотильдой Брэдбери-Скотт. Позже, когда мы прощались, и я пожелала дамам спокойной ночи, одна из них взяла мою руку и, дружески пожав, вложила в нее предмет, оказавшийся маленьким полицейским свистком. Я взяла его с собой в постель, поставила на столик стакан молока, предложенный мне милой хозяйкой, и пожелала ей спокойной ночи, стараясь держаться дружелюбно и простодушно.

— Вы ведь не пили это молоко? — спросил

профессор.

— Конечно, нет. За кого вы меня принимаете?

— Прошу прощения, однако меня удивило, что вы не заперли дверь.

— Вот уж чего не следовало делать! — возразила мисс Марпл. — Я же хотела, чтобы Клотильда Брэдбери-Скотт пришла ко мне. Я должна была понаблюдать за ней и рассуждала примерно так: «Скорее всего, она *придет* в самое темное время суток, уверенная, что, выпив молоко, я заснула вечным сном».

— Это вы попросили мисс Кук спрятаться в гардеробе?

— Нет. Для меня было полной неожиданностью, когда она внезапно выскочила. Полагаю... — Мисс Марпл задумалась. — Полагаю, мисс Кук проскользнула туда, когда я ходила в... э-э... ванную.

— Вы догадывались, что эти дамы находятся в доме?

— Я подозревала, что они где-то поблизости, раз уж дали мне этот свисток. Проникнуть в дом не составляет труда. Ставней на окнах нет, равно как и сигнализации. Кроме того, эти дамы разыграли настоящий спектакль, неоднократно возвращаясь то за сумочкой, то за шарфом, якобы случайно забытыми. Наверняка одна из них

успела за это время открыть задвижку на окне. Поэтому я не сомневалась: когда все улягутся, они легко проникнут в дом.

— Вы очень рисковали, мисс Марпл.

— Я надеялась, что все обойдется. Порой приходится рисковать, если это необходимо.

— Кстати, ваша блестящая догадка насчет посылки, отправленной в благотворительное общество, подтвердилась. В посылке оказался модный и яркий мужской свитер в черно-красную клеточку с высоким воротником. Такой сразу бросается в глаза. Что навело вас на эту мысль?

— Все очень просто. Услышав от Эмлина и Джоанны описание свитера, я поняла, *что яркий цвет выбран не случайно.* Убийца рассчитывал на то, что если его заметят, то прежде всего запомнят расцветку свитера, а от такой вещи легко избавиться. Самый лучший и быстрый способ для этого — воспользоваться услугами почты. Сейчас многие посылают вещи в различные благотворительные организации. Там были бы рады получить новый шерстяной свитер. Мне только и оставалось, что узнать адрес, по которому отправили посылку.

– Вы пошли на почту и спросили об этом? — удивился министр внутренних дел.

— Не в лоб, разумеется. Пришлось разыграть маленький спектакль, объяснить, что я написала неправильный адрес на посылке с одеждой для одного благотворительного общества. Потом я поинтересовалась, куда отправили посылку, доставленную на почту моей доброй хозяйкой. Очень любезная служащая почты вспомнила, по какому адресу ушла посылка (я же назвала ей неправильный адрес и постоянно ссылалась на свою рассеянность). Эта женщина ничего не заподозрила. Что удивительного, если какая-то бестолковая старуха беспокоится о своих старых вещах?

— Значит, вы еще и актриса, мисс Марпл, не только мстительница. — Профессор Вонстед усмехнулся. — Когда вы начали догадываться о том, что случилось десять лет назад?

— Вся эта история показалась мне очень запутанной, а задача — почти неразрешимой. Я мысленно проклинала мистера Рафиэля, который ничего мне не объяснил. Но теперь я понимаю: он имел для этого серьезные основания. Да, это был выдающийся ум. Неудивительно, что он стал крупным финансистом и нажил колоссальное состояние. Мистер Рафиэль тщательно продумывал свои планы. Новая информация поступала ко

мне, так сказать, маленькими порциями, причем в строго ограниченном количестве — не больше и не меньше. В общем, мои действия направляли. Моим ангелам-хранителям было поручено взглянуть на меня, а я сама получила путевку в эту туристическую поездку.

— Скажите, вы начали подозревать кого-нибудь из спутников?

— Были только предположения.

— Возникло ощущение зла?

— О, вы вспомнили это! Нет, я не ощущала ничего темного, зловещего. Хотя меня не предупредили о возможных встречах здесь, *она* сама дала *мне* знать об этом.

— Элизабет Темпл?

— Да. И это походило на луч света, пронзивший ночную тьму. До этого я пыталась что-то нащупать в темноте, логически понимая: где-то здесь должны быть жертва и убийца. Именно убийца, поскольку единственным связующим звеном между мной и мистером Рафиэлем было убийство в Вест-Индии. Мы оба были вовлечены в него, и все, что он знал обо мне, соотносилось с этим делом. Поэтому если тут и совершилось какое-то преступление, то наверняка только убийство. И совершил его отнюдь не случайный человек.

Оно было преднамеренным. Со злым умыслом. Я слышала о двух жертвах. Значит, существовал реальный убийца и тот, кого подозревали несправедливо, — жертва судебной ошибки. Однако ничего определенного я не знала, пока не поговорила с мисс Темпл. Вот тогда я и обнаружила первое звено, связывающее меня с мистером Рафиэлем. Мисс Темпл упомянула о девушке, своей воспитаннице, обрученной с сыном мистера Рафиэля. Это и было первым лучом света. Потом она сказала мне, что девушка так и не вышла за него замуж. Я спросила почему, и мисс Темпл ответила, что та умерла. Когда я поинтересовалась, что стало причиной ее смерти, мисс Темпл твердо и убедительно произнесла: *«Любовь!»* Я до сих пор слышу ее голос, он прозвучал как удар колокола. А после этого добавила, что нет более пугающего слова, чем «любовь». Тогда я не поняла, что она имеет в виду. Признаться, сначала меня посетила мысль, что девушка покончила с собой из-за несчастной любви. Ведь такое случается довольно часто, и для девушек это — настоящая трагедия. Кроме того, я узнала, что в эту поездку мисс Темпл отправилась не только ради удовольствия. По ее словам, она совершала паломничество и направлялась к определенному

человеку. Лишь впоследствии мне стало известно, кто он.

— Каноник Брабазон?

— Да. Тогда я не знала о его существовании. Но затем стала догадываться, что главные действующие лица драмы не участвуют в нашей экскурсии. Пожалуй, на очень короткое время у меня возникли сомнения относительно Джоанны Кроуфорд и Эмлина Прайса.

— Почему именно они заинтересовали вас?

— Из-за их молодости, — ответила мисс Марпл. — Видите ли, молодость весьма часто ассоциируется с самоубийством, насилием, с необузданной ревностью и трагической любовью. Парень убивает свою девушку... такое бывает. Да, мои мысли обратились к ним, но я поняла, что никакой связи с моим заданием тут нет. Нет ни тени зла, отчаяния, жалости. Я пустила в ход эту идею, когда мы пили шерри в «Старой усадьбе» в последний вечер, сказав, что молодых людей легко заподозрить в убийстве Элизабет Темпл. Увидевшись с ними, я непременно извинюсь. Ведь мне пришлось использовать эту версию, чтобы отвлечь внимание от своих истинных догадок.

— Затем последовала смерть Элизабет Темпл?

— Нет, — возразила мисс Марпл. — Затем меня пригласили в «Старую усадьбу», где приняли радушно и гостеприимно. И это все устроил мистер Рафиэль. Я поняла, что должна отправиться туда, но почему, еще не знала, хотя догадывалась, что только там смогу получить информацию по интересующему меня вопросу. Прошу прощения, уж слишком я разболталась. К чему излагать вам все мои догадки и ощущения?..

— Пожалуйста, продолжайте, — попросил профессор Вонстед. — Все, что вы рассказываете, необычайно интересно. В значительной степени это связано с тем, чем я занимаюсь и с чем сталкивался в своей профессиональной деятельности. Прошу вас, продолжайте.

— Да, да, продолжайте, — присоединился к профессору сэр Эндрю МакНил.

– *Именно ощущения меня и заинтересовали,* — пояснила мисс Марпл, — а не логические умозаключения. В основе ощущений — эмоциональная реакция или чувствительность к... ну, тут я могу подобрать лишь одно слово — «атмосфера».

— Да, атмосфера, — повторил профессор. — Атмосфера в домах, атмосфера в учреждениях, садах, лесах, коттеджах.

— Три сестры. Вот что я вспомнила и о чем подумала, поселившись в «Старой усадьбе». Меня очень сердечно приняла Лавиния Глинн. Что-то все же есть в этой фразе — «Три сестры»... Это наполняет вас ощущением чего-то зловещего. Сразу возникают ассоциации с тремя чеховскими сестрами и тремя макбетовскими ведьмами. Мне показалось, что в этом доме царит атмосфера печали и тоски, беды, несчастья и страха.

— Ваши последние слова особенно любопытны, — заметил профессор.

— И все, по-моему, благодаря миссис Глинн. Именно она пришла, когда мы прибыли сюда, и передала мне приглашение. Вполне нормальная, очень милая женщина, вдова. У нее не слишком счастливый вид, но это не имело ничего общего с печалью и тоской. Просто с таким, как у нее, характером нельзя жить в столь мрачном доме. Потом я познакомилась с ее сестрами, а на следующее утро услышала от пожилой служанки, которая принесла мне чай, трагическую историю о девушке, убитой ее приятелем, о других девушках, живших по соседству и тоже ставших жертвами насилия или сексуальных домогательств. Мне следовало заново оценить ситуацию. Я решила, что участники экскурсии не имеют никакого

отношения к выполняемой мною миссии. Но где-то же должен был находиться убийца. Я спрашивала себя, не живет ли он в этом городке или в этом доме. Клотильда, Лавиния, Антея — три странные сестры, три счастливые... несчастные... страдающие... испуганные... кто они такие? Мое внимание поначалу привлекла Клотильда. Высокая, красивая женщина. Личность. Элизабет Темпл тоже была личностью. Что ж, число подозреваемых резко сократилось. Я старалась разузнать побольше об этих трех сестрах. Три богини Судьбы. Которая из них убийца? К какому типу убийц отнести ее? А само убийство? И тут я ощутила, как медленно-медленно, словно испарения болот, поднимается и обволакивает меня атмосфера зла — никакого другого слова подобрать не могу. Не обязательно, чтобы кто-то из сестер воплощал это зло, просто они жили в атмосфере, где совершилось злодеяние. После него в доме остался призрак, тень, и от него до сих пор исходит угроза. Я заинтересовалась Клотильдой, старшей из сестер, красивой, сильной, очень эмоциональной. Она, признаюсь, напомнила мне Клитемнестру. Я видела этот спектакль, поставленный в драматическом кружке в одной известной мужской школе неподалеку от моего

дома. На меня произвели огромное впечатление актеры, игравшие Агаме́мнона и Клитемнестру. Великолепная постановка! Мне показалось, что Клотильда способна, как в этой трагедии, убить своего мужа в ванной.

Мисс Марпл произнесла это так торжественно, что профессор Вонстед едва сдержал улыбку; это не укрылось от пожилой леди.

— Довольно глупо говорить подобные вещи, верно? *Но именно такой я ее и представляла.* Очень несчастной, одинокой. У нее никогда не было мужа, поэтому и не пришлось убивать его. Потом я подумала о Лавинии Глинн, которая привела меня в этот дом. Она казалась мне милой, симпатичной, благоразумной и приятной особой. Но увы, многие люди, которых все считают очаровательными, оказывались убийцами, весьма удивляя окружающих. Таких я называю респектабельными убийцами. Они совершают преступления из чисто утилитарных побуждений, не проявляя никаких эмоций. Просто хотят достичь поставленной цели. Я сомневалась в том, что убийца — миссис Глинн, но исключить ее из списка подозреваемых не могла. Когда-то она была замужем, а сейчас — вдова. Что ж, возможно и такое. Затем я стала думать о третьей

сестре, Антее. Беспокойное, сумасбродное, как мне показалось, существо с плохой координацией. Всеми ее действиями, похоже, управлял страх. Она явно чего-то боялась. И Антея могла быть убийцей. И если когда-то она совершила преступление, давно, по ее мнению, всеми забытое, то все же могла испугаться, что правда обнаружится. Кто знает, не насторожила ли ее Элизабет Темпл? Антея смотрела на всех каким-то странным, блуждающим взглядом, который внезапно устремлялся в сторону, словно там появлялся кто-то невидимый другим. Да, она явно чего-то боялась. Поэтому из числа подозреваемых я не вычеркнула и ее. Неуравновешенная Антея, сочтя, что ее преследуют, могла совершить убийство. Но это только предположения. Атмосфера дома все более тяготила меня. Утром я вышла погулять в сад вместе с Антеей. В конце заросшей травой дорожки высился холмик — именно там находились развалины теплицы. В конце войны не было средств ни на садовников, ни на ремонт. Теплицей не пользовались, она постепенно пришла в негодность и рухнула. Остались лишь кучи битого кирпича и щебня. Это место заросло вьющимся растением, называемым polygonum — дикий огурец. Его используют в декоративных

целях — чтобы закрыть, скажем, уродливую стену или здание. Это один из самых быстрорастущих видов растений. Отчасти polygonum даже пугает тем, что подавляет все вокруг. А вот его белые цветы выглядят очень мило. Тогда он только зацветал. Я стояла там с Антеей, и она не скрывала, что потеря теплицы приводит ее в отчаяние. По ее словам, там рос чудесный виноградник. По-моему, именно эта теплица вызывала у нее самые приятные воспоминания. Антее страстно хотелось восстановить теплицу, перекопав этот холмик и разровняв землю. Ее, очевидно, терзала ужасная ностальгия по прошлому. Более того, я снова совершенно отчетливо почувствовала атмосферу страха. Что-то в этом холмике пугало ее. Тогда я не поняла, что именно. Вы знаете, что потом произошло. Погибла Элизабет Темпл, а из рассказа Эмлина Прайса и Джоанны Кроуфорд можно было сделать лишь один вывод: произошло предумышленное убийство.

Кажется, именно тогда я и поняла, что совершилось три убийства. Услышав историю сына мистера Рафиэля, мальчика с преступными наклонностями, успевшего отсидеть в тюрьме, я сначала решила, что виновник всего происшедшего — он. Но Майкл не походил на убийцу, хотя

все свидетельствовало против него. Никто не сомневался, что он убил Верити Хант. Но я убедилась в его невиновности, поговорив с каноником Брабазоном, который знал этих молодых людей. Они просили его обвенчать их, и он согласился сделать это. Каноник не считал этот брак разумным, но оправдывал себя тем, что они любили друг друга. Девушка любила Майкла по-настоящему, любовью истинной, как и ее имя. Канонику казалось, что юноша, несмотря на репутацию сердцееда, тоже по-настоящему любил девушку и намеревался хранить ей верность, борясь со своими дурными наклонностями. Каноник не оптимист. Думаю, он не верил, что это будет счастливый брак, но все же считал необходимым обвенчать молодых людей. Ибо любящий человек, по его словам, готов заплатить за счастье любую цену, даже испытать разочарование и горе. Одно казалось мне очевидным: любя девушку, нельзя изуродовать ее лицо. Исключала я и обычное изнасилование. Их любовь основывалась на нежности. И я поверила бы канонику, если бы не поняла, что наконец-то нашла ключ к разгадке. Его дала мне Элизабет Темпл, сказав, что причина смерти Верити — любовь, а «любовь» — одно из самых пугающих слов на свете.

И вот тогда мне стала почти ясна вся картина. Я подозревала это довольно давно, но не хватало каких-то мелких деталей, чтобы все встало на место. Слова Элизабет Темпл прояснили все. Я нашла недостающую деталь картины. Клотильда была охвачена всепоглощающей любовью к этой девушке. Та боготворила ее и полностью зависела от нее. Когда же Верити повзрослела, в ней возобладали нормальные человеческие инстинкты. Она хотела любви, независимости, брака, детей. И тут появился юноша, которого она полюбила. Верити знала, что он ненадежен и таких, как он, называют бездельниками и «плохими парнями», но ведь именно к таким и льнут девушки. Юным девушкам нравятся «плохие парни». Они влюбляются в них, совершенно уверенные, что им удастся изменить их. А милым, добрым, надежным поклонникам в дни моей молодости девушки отвечали, что будут любить их «как сестры», что, естественно, совсем не удовлетворяло тех. Верити влюбилась в Майкла Рафиэля, и Майкл Рафиэль готов был открыть новую страницу своей жизни, женившись на этой девушке. Он не сомневался, что никогда уже не пожелает взглянуть на другую. Не стану утверждать, что их ждала бы безоблач-

но-счастливая жизнь, но, как сказал каноник, они по-настоящему любили друг друга. Поэтому и мечтали обвенчаться. Полагаю, Верити написала Элизабет и сообщила ей, что собирается выйти замуж за Майкла Рафиэля. Однако от других они держали это в тайне. Верити отлично понимала, что сестры расценят это как бегство. И точно: она бежала от жизни, которой больше не желала, от обожаемого существа, к которому питала совсем иную, чем к Майклу, любовь. Ей никогда не позволили бы сделать это. Не отпустили бы подобру-поздорову. Поэтому, подобно многим молодым людям, они решили бежать. Оба уже достигли совершеннолетия, и им незачем было лететь в Гретна-Грин, чтобы сочетаться браком. Верити обратилась к канонику Брабазону, своему старому другу, и попросила обвенчать их. Были назначены день и время венчания. Возможно, девушка тайком купила подвенечное платье. Несомненно, они условились где-то встретиться. Но на место встречи пришел один Майкл. Он ждал ее. Ждал, а потом пытался узнать, почему она не пришла. Полагаю, вскоре Майкл получил письмо от девушки. Почерк, разумеется, был подделан. В нем сообщалось, что между ними все кончено и она на некоторое время уезжает, дабы

забыть его и залечить душевные раны. Думаю, он не догадывался, почему она не пришла и не подавала затем никаких вестей. Конечно же Майкл и вообразить не мог, что она стала жертвой умышленного, безумного, зверского убийства. Клотильда не хотела терять любимое существо. Не желала, чтобы Верити ушла к тому, кого она сама ненавидела и презирала. И Клотильда готова была удержать девушку любым способом. Но вот в одно я никак не могла поверить: в то, что она задушила Верити, а потом изуродовала ее. Сомневаюсь, что Клотильда способна на это. Думаю, из кирпичей разрушенной теплицы она сложила нишу, что-то вроде склепа, и похоронила там Верити, забросав потом все землей и торфом. Девушке же перед этим, вероятно, дала смертельную дозу снотворного...

— Неужели никто из сестер не подозревал об этом?

— Миссис Глинн жила тогда с мужем за границей. Но вот Антея... Возможно, Антея *что-то* знала. Едва ли она сразу заподозрила Клотильду в убийстве, однако ей было известно, что сестра занялась холмиком в конце сада и посадила там дикий огурец, якобы желая придать развалинам красивый вид. По-моему, Антея постепенно все

поняла. Потом Клотильда, которая замыслила и осуществила зло, не страдая от угрызений совести, перешла к выполнению следующей части своего плана. Похоже, она получала удовольствие, разрабатывая его. Эта женщина, несомненно, имела большое влияние на глупую и легкомысленную деревенскую девчонку, которая время от времени выпрашивала у нее разное старье. Видимо, она без особого труда уговорила девушку отправиться с ней на пикник или на прогулку по лесу милях в тридцати-сорока от городка. Место она выбрала заранее, там задушила девушку, изуродовала ей лицо, закидала труп землей, листьями и ветками. Никто никогда не заподозрил бы ее в таком ужасном преступлении. Неподалеку Клотильда бросила сумочку Верити и цепочку, которую та когда-то носила на шее, надела на Нору одежду своей воспитанницы. Надеясь, что труп девушки обнаружат не скоро, Клотильда распустила слух, будто где-то за границей видели, как Нора с Майклом разъезжает в его машине. Возможно, даже намекала на то, что Верити порвала с ним из-за этой самой Норы. Она могла выдумать все что угодно. Бедная, обреченная душа.

— Почему вы так назвали ее, мисс Марпл?

— Потому что едва ли возможны страдания больше тех, что пришлось испытать Клотильде за эти десять лет: обреченная на безысходное горе, она должна была жить рядом с Верити, которая лежит тут, в саду, возле «Старой усадьбы», наверное, кажется Клотильде, уже целую вечность. Сначала она не понимала, что это значит. Ее мучила тоска по живой девушке. Она не страдала от угрызений совести, но сомневаюсь, что это было для нее утешением. Клотильда просто страдала... и продолжает страдать год за годом. Теперь я понимаю, что имела в виду Элизабет Темпл, хотя, возможно, она сама не подозревала, какой глубокий смысл заключали в себе ее слова. Любовь — действительно ужасная вещь, порой она чревата злом и жестокостью. Клотильде пришлось жить с этим день за днем, год за годом. Думаю, теперь вы понимаете, почему боялась Антея. Зная, что совершила Клотильда, она страшилась, как бы та не догадалась, что ей известно об этом. Антея понимала, что ее сестра способна на все. Именно Антея отнесла на почту ту посылку с черно-красным свитером, когда ее попросила об этом Клотильда. Мне Клотильда прямо говорила, что Антея психически нездорова, страдает манией преследования, а охваченная ревностью, не

владеет собой. Полагаю, в недалеком будущем что-то случилось бы с Антеей... например, «самоубийство» на почве угрызений совести...

— И все же вам жаль эту женщину? — спросил сэр Эндрю. — Зло в человеке подобно злокачественной опухоли — оно тоже приносит страдания.

— Конечно, — согласилась мисс Марпл.

— Надеюсь, вы расскажете, что случилось той ночью, после того как ангелы-хранители увели вас из вашей комнаты? — попросил профессор Вонстед.

— Вы имеете в виду Клотильду? Она, помнится, взяла мой стакан молока и еще держала его в руках, когда мисс Кук выводила меня из комнаты. Полагаю, она... выпила его?

— Да. Вы предвидели это?

— Ни в коей мере, хотя следовало бы догадаться...

— Никто не успел остановить ее. Она слишком быстро все сделала. К тому же никто не знал, что в молоке был яд.

— Значит, она выпила его?

— Вас это удивляет?

— Нет, в ее положении это был вполне естественный и даже разумный поступок, так что

удивляться тут нечему. Пришло время и для нее мечтать о бегстве — от всего того, с чем приходилось жить и страдать. Точно так же и Верити хотела сбежать из неволи «Старой усадьбы». Странно, не правда ли, что кара за преступление точно соответствует его тяжести?

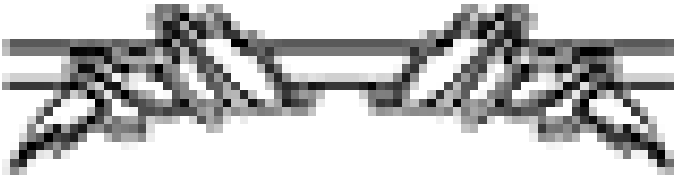
— Вы, кажется, жалеете ее сильнее, чем девушку, которую она убила?

— Нет, — возразила мисс Марпл. — Это совсем иное чувство. Мне очень жаль Верити — ведь, вырвавшись из дома, она была так близка к свободе, но ей не удалось изведать жизни, исполненной любви и преданности избраннику. Ее лишили этого навсегда. Я жалею девушку, *которой так и не досталось радостей.* С Клотильдой совсем иначе. Горе, отчаяние, страх, злоба в конце концов отравили ей существование. Клотильде пришлось жить со всем этим. Со своей бедой, утраченной любовью, с сестрами, которые подозревали и боялись ее, с убитой девушкой, которую она оставила рядом с собой.

— Вы имеете в виду Верити?

— Да. Она похоронила ее в саду, замуровав в заранее подготовленную нишу. Верити навсегда осталась там, в «Старой усадьбе», и думаю, Клотильда почти физически ощущала ее присут-

ствие, когда приходила в сад сорвать цветущую веточку хмеля. Что может быть хуже этих мук, скажите? Ничего...



Глава 23

ОКОНЧАНИЕ

I

— От этой старой леди меня мороз по коже подирает, — сказал сэр Эндрю МакНил, когда мисс Марпл попрощалась и ушла.

— Такая спокойная... и такая безжалостная, — заметил помощник комиссара.

Профессор Вонстед проводил мисс Марпл к ожидавшей ее внизу машине, после чего вернулся,

чтобы перекинуться парой слов со слушателями старушки.

— Что вы о ней думаете, Эдмунд? — спросил он.

— Самая страшная женщина, какую я встречал в своей жизни, — ответил министр внутренних дел.

— То есть, по-вашему, безжалостная?

— Нет, нет, не совсем так, но... от нее исходит жуткая, пугающая сила.

— Немезида, — задумчиво протянул профессор Вонстед.

— Две женщины из секретной службы, — начал представитель прокуратуры, — которых приставили охранять ее, совершенно потрясающе описали действия старушки в ту ночь. В дом они проникли без труда, спрятались в маленьком чуланчике и подождали, пока все не разошлись по своим комнатам. Затем одна из них пробралась в спальню мисс Марпл и затаилась в гардеробе, другая же осталась стеречь входную дверь. И та, которая выскочила по сигналу из гардероба, сообщила, что глазам ее предстала совершенно невероятная картина: наша леди, сидя на кровати, с накинутым на плечи розовым пушистым шарфом, безмятежно беседует с убийцей, как

старая учительница.

— Розовый пушистый шарф... — проговорил профессор Вонстед. — Да, да, припоминаю...

— Что вы припоминаете?

— Старый Рафиэль. Рассказывая о мисс Марпл, он вдруг рассмеялся и сказал, что до конца жизни не забудет одного эпизода. Однажды ночью в Вест-Индии к нему в спальню ворвалась презабавнейшая старушка в розовом пушистом шарфе и самым решительным образом потребовала, чтобы он помог ей предотвратить убийство. «Черт побери, что здесь происходит?! — удивился Рафиэль. — Да кем вы себя вообразили?» И услышал в ответ, что она — Немезида. Немезида! По словам мистера Рафиэля, он меньше всего ожидал увидеть на богине розовый шарф. И эта деталь мне понравилась, — признался профессор. — Очень понравилась.

II

— Майкл, — сказал профессор Вонстед, — хочу представить вам мисс Марпл, так славно потрудившуюся ради ваших интересов.

Молодой человек лет тридцати двух окинул старушку скептическим взглядом. Типичный божий одуванчик.

— О... э-э... Да, я наслышан о вас. Глубоко признателен. — Он посмотрел на Вонстеда: — Это правда, что меня собираются скоро выпустить на свободу?

— Очень скоро будет получен приказ о вашем освобождении.

— Да-а... — протянул Майкл с некоторым сомнением.

— К этой мысли вам пора уже привыкать, — тихо заметила мисс Марпл, задумчиво оглядывая его и пытаясь представить себе, каким он был десять лет назад.

«Молодой человек до сих пор привлекателен, хотя пережитое оставило на нем свой след. Исчезла живость и обаяние. Впрочем, со временем это, возможно, еще вернется к нему. Безвольный подбородок и красивые глаза, которые смотрят на собеседника так открыто, что тот поневоле готов поверить всему.

Очень похож... на кого же?.. — Мисс Марпл напрягла память. — Ну конечно же на Джонатана Биркина! Тот пел в хоре таким приятным баритоном, да и девочки буквально вешались ему на шею. Жаль, что он влип в ту некрасивую историю с подделкой чеков...»

— Да-а... — Майкл еще более смутился. — С

вашей стороны весьма любезно... и, разумеется, столько хлопот... — Он запнулся.

— Признаюсь, я испытывала удовольствие, расследуя это дело, — пришла ему на помощь мисс Марпл. — И рада была познакомиться с вами. До свидания. Надеюсь, теперь все ваши невзгоды позади и судьба будет к вам благосклонна. Хоть сейчас и нелегкие времена для нашей страны, но, полагаю, вам удастся найти работу по душе.

— О да. Спасибо. Я... я и в самом деле глубоко благодарен вам. — Голос его по-прежнему звучал неуверенно.

— Вообще-то вы должны благодарить не меня, а своего отца, — заметила мисс Марпл.

— Отца? Да он никогда не уделял мне особого внимания!

— Перед самой своей кончиной мистер Рафиэль сделал все, чтобы добиться для вас справедливости.

— Справедливости?

— Да, ваш отец считал, что справедливость — превыше всего. По-моему, и сам он был очень справедливым человеком. В письме, предлагая мне взяться за расследование, мистер Рафиэль написал:

«Людские суждения как ручейки,

А правда среди них как многоводный поток...»

— Шекспир?

— Нет, Библия... — Мисс Марпл развернула небольшой пакет. — Они отдали мне это, полагая, что, возможно, я захочу оставить себе на память... поскольку я помогла выяснить истинный ход событий. Однако, на мой взгляд, у вас больше прав... если, конечно, вы этого пожелаете... *А может, и не пожелаете.*

Мисс Марпл протянула Майклу фотографию Верити Хант — ту самую, что показала ей Клотильда Брэдбери-Скотт.

Молодой человек долго ее разглядывал. Черты его лица смягчились, складки на лбу разгладились, но потом обозначились резче. Мисс Марпл молча смотрела на Майкла. Воцарилась гнетущая тишина. Профессор Вонстед безмолвно взирал на старую леди и молодого человека.

Он понял, что наблюдает своего рода кризис, возможно, момент, предопределяющий для Майкла Рафиэля всю последующую жизнь.

Наконец молодой человек со вздохом вернул фотографию мисс Марпл:

— Нет, я не хочу этого. Прошлого не вернешь. И ее тоже. Теперь мне нужно строить жизнь заново,

не оглядываясь назад. Вы... — Он умолк и посмотрел старушке в глаза. — Вы понимаете меня?

— Да, понимаю и думаю — вы правы. Желаю удачи в новой жизни.

Попрощавшись, Майкл вышел.

— Не слишком эмоциональный молодой человек, — заметил Вонстед. — Мог бы поблагодарить вас куда сердечнее. Вы столько сделали для него.

— Все в порядке, — возразила мисс Марпл. — Я и не ожидала ничего другого. Иначе он пришел бы еще в большее замешательство. Ведь весьма не просто начать жизнь заново, взглянуть на нее иначе... да еще чувствуя себя обязанным совершенно постороннему человеку. Надеюсь, Майкл справится. К счастью, он не ожесточился. Теперь мне понятно, почему та девушка полюбила его...

— Надеюсь, Майкл изберет правильный путь...

— В этом я как раз не уверена. Не знаю, справится ли он сам... Дай ему бог встретить хорошую девушку.

— Знаете, что меня больше всего подкупает в вас? Ваш потрясающе практичный ум.

III

— Она вот-вот должна появиться, — сказал мистер Бродрибб мистеру Шустеру.

— Да. Совершенно невероятная история, верно?

— Сначала я не поверил этому. Когда старик Рафиэль перед смертью вызвал меня к себе и начал отдавать распоряжения, мне показалось... э-э... ну, что он впал в маразм. Хотя ничто вроде бы на это не указывало...

Зазвонил телефон. Мистер Шустер поднял трубку.

— Она уже здесь, да? Пригласите ее сюда. Пришла, — обратился он к компаньону. — Я сгораю от любопытства. Ничего более странного я в жизни не слыхивал. Отправить старушку разъезжать по провинции и поручить ей искать что-то, о чем она и понятия не имеет! Кстати, полиция считает, что та женщина совершила не одно, а три убийства! Три! Останки Верити Хант обнаружили под холмиком в саду, как и говорила мисс Марпл. Без следов удушения и побоев на лице.

— Удивительно, как она не прикончила старушку. Едва ли мисс Марпл оказала бы ей достойный отпор.

— Кажется, к старушке приставили двух детективов-охранников.

— Что, сразу *двух?*

— Да, но я не знал об этом.

Пожилая леди вошла в комнату.

— Примите мои искренние поздравления, мисс Марпл! — воскликнул мистер Бродрибб, поднимаясь ей навстречу.

— И мои тоже. Великолепная работа! — Мистер Шустер пожал руку мисс Марпл.

Пожилая леди спокойно опустилась в кресло возле письменного стола:

— Как я сообщила вам в письме, мне удалось справиться с заданием.

— О да! Слухами земля полнится. Мы уже слышали об этой истории — от профессора Вонстеда и от знакомых в прокуратуре. Мы искренне восхищаемся вашей безупречной работой, мисс Марпл!

— Я опасалась, что не смогу выполнить того, что мне поручено. Сначала это задание казалось мне почти невыполнимым, непонятным.

— Что верно, то верно. Мне оно и сейчас кажется невыполнимым. Даже не представляю, как вам это удалось.

— Настойчивость и упорство — вот и все, что требовалось.

— Давайте поговорим теперь о денежной стороне дела. Вы можете получить причитающуюся вам сумму в любое удобное для вас время. Я не

знал, захотите ли вы поместить ее в банк или вложить во что-нибудь. Это весьма значительная сумма.

— Двадцать тысяч фунтов стерлингов, — заметила мисс Марпл. — Верно, для меня это немалые деньги. Точнее, невообразимые.

— Если угодно, наши брокеры могут посоветовать вам, как выгоднее вложить капитал.

— О нет, я не собираюсь их вкладывать.

— Но ведь их можно было бы...

— В моем возрасте незачем копить деньги, — оборвала мистера Бродрибба старушка. — Уверена, мистер Рафиэль тоже считал, что главное — получить те удовольствия, которые без этих денег были бы просто недоступны.

— Понимаю вашу точку зрения, — сказал мистер Бродрибб. — Значит, вы хотите, чтобы эта сумма поступила на ваш счет?

— Да. «Миддлтон-Банк», Сент-Мэри-Мид, Хай-стрит, 132.

— На депозит?

— Избави бог от долгосрочных вкладов! Переведите все на текущий счет.

— Но не кажется ли вам...

— Не кажется. — В голосе мисс Марпл появились металлические нотки. — Только на

текущий. — Она поднялась и пожала руки адвокатам.

— И все-таки, мисс Марпл, не посоветоваться ли вам с управляющим вашего банка? Никто не знает, когда грянет гром.

— В ненастный день я всегда ношу с собой зонтик, — улыбнулась пожилая леди. — Благодарю вас, мистер Бродрибб. И вас, мистер Шустер. Вы так любезно поделились со мной необходимой информацией.

— Значит, вы твердо решили перевести деньги на текущий счет?

— Да. Я собираюсь потратить их. И извлечь из этого удовольствие.

Уже на пороге она обернулась и рассмеялась. На какое-то мгновение мистер Шустер, обладающий чуть большей фантазией, чем мистер Бродрибб, увидел перед собой молодую хорошенькую девушку, обменивающуюся рукопожатием с викарием на вечеринке в деревенском саду. Потом он понял, что это всего лишь воспоминание о юности, пришедшее к нему из глубин памяти. Внезапно мисс Марпл напомнила ему ту девушку — молодую, счастливую и жаждущую всех радостей жизни.

— Уверена, что мистер Рафиэль одобрил бы мой

выбор, — сказала старушка и вышла.

— Немезида, — задумчиво пробормотал мистер Бродрибб. — Так назвал ее Рафиэль. Немезида! Вот уж кто меньше всего похож на богиню возмездия. А как по-вашему?

Мистер Шустер покачал головой.

— Вероятно, это была одна из многочисленных шуток мистера Рафиэля, — решил мистер Бродрибб.

ПРИМЕЧАНИЯ

